3 1761 07043472 5

OKT
1.
.CH.O

ПОЛЬСКОЕ БЕЗКОРОЛЕВЬЕ.

ПОЛЬСКОЕ БЕЗКОРОЛЕВЬЕ

ПО

ПРЕКРАЩЕНІИ ДИНАСТІИ

ЯГЕЛЛОНОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

АЛЕКСАНДРА ТРАЧЕВСКАГО.

Ploranda magis quam memoranda illa videbantur tempora etc.
Sulikovius: Commentarius.
Fateor..... in nostra Republica esse quosdam errores, quos, nisi uramur, non corrigimus.
Fredro: Gest. pop. Pol.

Изданіе К. Солдатенкова.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ В., Д. ШИЛОВОЙ.

1869.

LIBRARY
MAR 13 1974
UNIVERSITY OF TORONTO

DK
428
.7
T7

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящее время, кажется намъ, было-бы излишне объяснять, почему, предпринимая историческое изслѣдованіе, мы остановились на судьбахъ одной изъ *славянскихъ* націй. Нашъ выборъ палъ на *польскую* не случайно. Ея исторія, далеко еще не разработанная спеціально, рѣдко подвергалась безпристрастной оцѣнкѣ уже потому, что ее изучали по большей части сами Поляки. Здѣсь изслѣдованіе, основанное на источникахъ и руководимое научною цѣлью, представляетъ трудъ благодарный и, смѣемъ думать, желательный для отечественнаго общества въ настоящую минуту. Скопленіе въ Москвѣ и Петербургѣ важныхъ сокровищъ польской старины также побуждало насъ посильно способствовать уясненію именно этого отдѣла всемірной исторіи.

Выборъ задачи для обстоятельной монографіи по исторіи Польши былъ для насъ легокъ. Читатель увидѣлъ-бы изъ предлагаемой книги, еслибы мы и пожелали скрыть это, что нами руководилъ не исключительно научный интересъ. Въ виду современнаго значенія польской исторіи и скудости подробныхъ свѣдѣній о ней въ нашей литературѣ,

намъ хотѣлось заняться трудомъ, который, не пренебрегая требованіями популярности, могъ-бы сколько-нибудь содѣйствовать уясненію характера польской націи и направленія ея судебъ. Нужно было остановиться на эпохѣ, составляющей высшую точку развитія народа, а, стало-быть, и начало его паденія. Въ исторіи Польши такое значеніе принадлежитъ XVI вѣку, изъ котораго мы разсмотрѣли всего одиннадцать мѣсяцевъ, соотвѣтственно нашей цѣли и нашимъ еще не испытаннымъ на этомъ поприщѣ силамъ. Не скроемъ, что насъ ласкала также надежда пополнить чувствительный пробѣлъ въ наукѣ: до послѣдняго времени великая реформаціонная эпоха въ Польшѣ была мало изслѣдована. Поляки не успѣли дойти до нея. На работахъ надъ средними вѣками ихъ засталъ духъ политическихъ волненій, подъ вліяніемъ котораго ихъ научная дѣятельность, принявъ памфлетный характеръ, обратилась къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ ихъ исторіи. Минуты предсмертныхъ движеній родной страны приковывали къ себѣ ихъ очарованное вниманіе.

Объ источникахъ и литературѣ предмета нашего сочиненія читатель найдетъ необходимыя свѣдѣнія въ первомъ приложеніи.

Москва.

Декабрь 1868 года.

ВВЕДЕНІЕ.

XVI вѣкъ въ исторіи Польши представляетъ такой же глубокій интересъ, такое же высокое значеніе, какъ и въ исторіи остальной Европы. Съ этимъ всякій согласится. Но его величаютъ «золотымъ вѣкомъ». Мы думаемъ, что этого приговора не можетъ принять наука въ ея современномъ состояніи, не условившись предварительно въ смыслѣ громкаго названія. Чтобы установить этотъ смыслъ, необходимо бросить хотя самый бѣглый взглядъ на основныя начала польской исторіи, чему мы рѣшаемся посвятить нѣсколько страницъ, которыя введутъ читателя въ содержаніе нашего труда и въ нашу точку зрѣнія.

Вглядываясь въ судьбы польской націи, наблюдатель прежде всего замѣчаетъ весьма быстрый ростъ въ началѣ ея развитія и относительный застой потомъ. Наступившій вслѣдъ за принятіемъ христіанства XI вѣкъ, эта героическая, полная блестящихъ задатковъ эпоха въ исторіи Польши, съ ея рыцарскимъ, популярнымъ Болеславомъ Храбрымъ, уже носитъ въ себѣ зародыши всего будущаго страны. Главные ея враги уже выступили изъ сумерекъ баснословнаго времени. Съ запада напираетъ цѣпкое нѣмецкое племя; на востокѣ между Польшей и Русью разбросаны мелкіе славянскіе народцы да Литва. Съ удалою отвагой, съ юношескою надеждой хватается Полякъ за свое европейское призваніе, за объединеніе славянщины.

Вся нація, по свидѣтельству *Мартина Галла*, становится военною и ея нестройныя части тѣсно смыкаются вокругъ своего вождя во имя единой народной цѣли. Затѣмъ этотъ вождь вдругъ сбрасываетъ съ себя ничтожество патріархальнаго князька, и является поклоненіе куміру королевскаго величества. Круто, съ трескомъ лопающихся родовыхъ связей, поворачиваетъ Польша на путь государственнаго развитія. Мало того. Тутъ же очерчивается и другая сторона медали. Возникаютъ центры хроническаго междуусобія, Краковъ и Гнѣзно, столицы двухъ Польшъ, Малой и Великой. На историческій сценѣ уже появились всѣ сословныя начала, эти нервы общественнаго организма. Между ними даже распредѣлены уже ихъ неизмѣнныя историческія роли. Вотъ скудный городъ, съ чужимъ, нѣмецко-жидовскимъ, населеніемъ, изнемогающій подъ тяжестью военныхъ повинностей. Рядомъ печальный символъ матеріальной и духовной нищеты, несчастный *кметъ*, крестьянинъ, уже задавленный дикимъ разгуломъ помѣщичьей власти. А помѣщикъ—воинъ, рыцарь сильный и гордый, сознающій, что онъ необходимъ, что онъ создаетъ исторію.

И уже такъ много развелось тогда этихъ воиновъ-дворянъ, что при дворѣ короля, у подножія трона они не могли помѣститься на одномъ уровнѣ: повыше засѣлъ *панъ*, магнатъ, пониже—его *младшій братъ*, *шляхтичъ*, простой *рыцарь*. Пользуясь усобицами вверху, братья уже начинаютъ задирать другъ друга. Ихъ вражду сдерживаетъ на минуту робкая реакція описанному порядку вещей, крестьянская смута, возникшая еще въ первую половину XI вѣка, да страхъ передъ королевскою властью, которую они стремятся обратить въ свое орудіе. Но для достиженія этой цѣли еще не настала пора. Воинъ-помѣщикъ еще долженъ былъ дѣлиться властью и значеніемъ съ епископомъ-помѣщикомъ. Разжигая свойственный Поляку фанатизмъ, прислушиваясь къ шуму возносящагося

величія своего вождя, римскаго первосвященника, пользуясь страхомъ короля передъ могучимъ рыцарствомъ, духовенство спѣшитъ укрѣпиться, привязывая алтарь къ колеблющемуся трону. И оно вполнѣ достигло своей цѣли. Уже во второй половинѣ XI вѣка оно распоряжается страной, потрясаетъ короной: между Болеславомъ II и епископомъ краковскимъ кипитъ бой, напоминающій борьбу Генриха IV съ Григоріемъ VII. И если онъ окончился смертью прелата отъ руки «Смѣлаго» короля, то затѣмъ въ Польшѣ настаетъ двухсотлѣтнее плѣненіе королевской власти, обратившейся въ рабу церкви съ ея архіепископомъ гнѣзненскимъ во главѣ, съ ея несмѣтными богатствами, съ ея арміей монаховъ, наконецъ, съ ея беззавѣтнымъ злоупотребленіемъ религіознымъ духомъ времени.

Эти два столѣтія, XII и XIII-ое, — эпоха бѣдствій, крайняго упадка Польши. Значеніе королевской власти нисходило до нуля не отъ однихъ ударовъ могущественнаго духовенства, которое иногда вручало папѣ даже право поставленія государей страны. Въ этой гибельной работѣ ему помогало дворянство, которое, видя успѣхи феодализма на Западѣ, спѣшило замкнуться въ тѣсномъ кругу своихъ привилегій, на началѣ наслѣдственности. Оно быстро завладѣло доходами съ государственныхъ земель на правахъ вотчинниковъ; а вслѣдъ затѣмъ обратило и самыя земли эти въ свои вотчины, надѣленныя разными льготами по образцу западной Европы. Въ то же время оно выдвигало аристократическіе съѣзды, мало по малу захватывавшіе королевскія права. Мало того. Повинуясь общему историческому закону, навстрѣчу процессу политическаго разложенія шла сама верховная власть: проклятіе потомковъ лежитъ на памяти Болеслава Кривоустаго, подѣлившаго Польшу между своими сыновьями. Настаетъ разгулъ анархіи, проникшій до глубины источниковъ національной силы. Рѣжутся въ междуусобной борьбѣ родственники — претенденты на краковскій

престолъ; рѣжутся большіе князья, рѣжутся и малые въ каждой землѣ, входящей въ составъ Польши; рѣжутся высоко поднявшіяся фамиліи магнатовъ; въ кровавой борьбѣ оспариваютъ первенство другъ у друга свѣтская и духовная аристократія. И, красною нитью проходя по всѣмъ этимъ усобицамъ, растетъ антагонизмъ двухъ Польшъ, проявившійся уже въ системахъ и типахъ монетъ. Грубость, развратъ, невѣжество, безхарактерность, отсутствіе людей среди общества, состоящаго изъ жертвъ и палачей, глубокое нравственное паденіе духовныхъ пастырей народа — вотъ какимъ клеймомъ отмѣчена въ исторіи эта эпоха. Противъ такого царства зла ничего не значили ни возвышеніе доходовъ казны, пріобрѣвшей безцѣнную соль Бохніи, ни робкія попытки реформъ какого-нибудь Казиміра Справедливаго. А по мѣрѣ того, какъ корона становится игрушкою привилегированныхъ сословій, призывающихъ для рѣшенія своихъ споровъ всякихъ иноземцевъ, начиная съ Нѣмца и кончая Ятвягомъ и Куманомъ, судьба довершаетъ испытанія Польши. Со всѣхъ сторонъ мужаютъ старые враги и возникаютъ страшные новые. Въ глубинѣ Азіи, въ этой неутомимой лабораторіи кочевыхъ ордъ, произошелъ взрывъ. Монголы разсыпались по восточной Европѣ, тряхнули и Польшей, осадили Краковъ. Но для этой страны гораздо важнѣе былъ ихъ косвенный ударъ. Они разгромили южную Русь какъ разъ въ то время, когда сами Поляки ослабляли западную. А эти силы сдерживали бѣдное, дикое литовское племя. И вотъ на историческомъ горизонтѣ показалась грозная Литва, надѣлавшая Полякамъ такъ много хлопотъ. Въ то же время на Балтикѣ возникаютъ великія морскія державы: сначала Данія съ своею героическою эпохой двухъ побѣдоносныхъ Вольдемаровъ, потомъ Ганза. Господство надъ берегами важнаго историческаго моря и задача объединенія примыкавшихъ къ нимъ сѣверныхъ Славянъ навѣки ускользаютъ изъ рукъ Поляка. Эта роль все болѣе и

болѣе отходитъ къ самому опасному, самому упорному его врагу на Западѣ.

Тамъ совершается поразительный историческій процессъ. Точно по данному знаку, германское племя дружно устремляется на востокъ. Повсюду на землѣ, усыпанной славянскими костями, тѣснятся эти піонеры западной цивилизаціи. Берега Эльбы и Гавеля принимаютъ новый видъ. Переселенцы съ Рейна, изъ Голландіи и Фландріи съ несокрушимымъ постоянствомъ садятся здѣсь, высылая лишнихъ все ближе и ближе къ Одеру. Можно уже замѣтить ихъ передовые посты въ лицѣ онѣмеченныхъ силезскихъ и поморскихъ князей, рвущихъ Польшу заодно съ главою Римско-нѣмецкой имперіи. Подъ напоромъ этой новой крови мало по малу вымираютъ роды славянскихъ князьковъ, завѣщая свое достояніе пришельцамъ. Возникаютъ независимые бранденбургскіе маркграфы; подымаются притязанія герцоговъ саксонскихъ, маркграфовъ мейссенскихъ. И далеко на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ Польши, въ языческую глушь, пробирается нѣмецкій рыцарь-монахъ, съ крестомъ и мечемъ въ рукахъ. Этого мало. Германство проникаетъ и въ средоточіе польскихъ силъ. Краковъ переполняется переселенцами съ запада, которые захватываютъ въ свои руки все просвѣщеніе и торговлю страны; получаетъ *тевтонское* право. Нѣмецкіе мясники сажаютъ здѣсь короля на престолъ; Лешекъ Черный носитъ волосы и платье по германской модѣ. Послѣ всего изложеннаго удивительно-ли, что эта несчастная эпоха привела Польшу къ самымъ прискорбнымъ послѣдствіямъ? Мудрено-ли, что тогда утрачены были Силезія, часть Великой Польши, Лузаціи и Пруссіи; что Галицкая Русь стала независимою, а Литва доходила до Люблина; что король польскій, низошедшій на степень великаго князя, босой, съ обнаженнымъ мечемъ на шеѣ, принялъ свою власть изъ рукъ Фридриха Барбароссы; что Чехи быстро стали подвигаться по пути, который, казалось, велъ

ихъ къ великой всеславянской цѣли, и, помѣнявшись съ Поляками ролями, на зарѣ XIV вѣка уже сажали на ихъ престолъ своихъ королей?

Но чаша бѣдствій Польши переполнилась. Встрепенулся народъ, жаждавшій спасенія. Вполнѣ развившаяся болѣзнь сама указывала вѣрное лѣкарство. Настала счастливая реакція злу, зиждительная эпоха, миротворный XIV вѣкъ. Никогда еще не пробуждалось у Поляковъ такъ сильно національное чувство, никогда не стремились они такъ дружно къ великой и ясной общей цѣли—къ объединенію и укрѣпленію своего государства, къ собиранію своей распавшейся и растерянной земли. Старые счеты были забыты. Обѣ Польши сомкнулись. Краковъ впервые признаетъ выставленнаго Гнѣзномъ истинно-польскаго короля, Пршемыслава. Шляхта помогаетъ національнымъ вождямъ оружіемъ; паны своими сокровищами и вліяніемъ. Всѣ бодро ударяютъ на главныхъ своихъ враговъ, Нѣмцевъ и Чеховъ, и идутъ добывать утраченное. Вотъ уже присоединены Червонная Русь и Померанія; подорвана сила крестоносцевъ - рыцарей. И повсюду, отъ Карпатъ до Балтики, отъ Силезіи до Мазовіи, ходитъ одна польская монета, символъ процвѣтанія въ странѣ торговли, съ однимъ національнымъ орломъ на ней *). Польша припоминала героическіе дни своей юности, и, презирая гнѣвъ римскаго первосвященника, снова украшалась королевскою короной Болеславовъ **). А между тѣмъ навстрѣчу Полякамъ шла судьба, какъ-бы умилостивленная ихъ почти двухвѣковыми страданіями. Валилось папство съ безумной высоты, откуда оно доселѣ управляло Европой, держа польскую націю въ тискахъ духовенства.

---

*) *J Lelewel*: Numismatique du moyen âge 1835, III, 74 sq.

**) Королевскій титулъ, пріобрѣтенный Болеславомъ Храбрымъ, былъ утраченъ Владиславомъ Германомъ, какъ доказано *Рёпеломъ* (Gesch. Polens. Hamb. 1840. I, 9-te Beilage), и возстановленъ, болѣе двухсотъ лѣтъ спустя, въ 1295 году Пршемыславомъ.

Вымирали у Чеховъ послѣдніе отпрыски тысячелѣтняго рода Пршемысла, и страна принимала мученическій вѣнецъ безнарядья.

Конечно, у поколѣній XIV вѣка были новыя требованія, о которыхъ не мечтали ихъ предки два столѣтія тому назадъ. Герои второй эпохи процвѣтанія Польши, Пршемыславъ Великополянинъ, Владиславъ Локотокъ, Казиміръ Великій не походили на героевъ первой, называвшихся Храбрыми да Смѣлыми. Это были неусыпно-ревностные устроители внутренняго хозяйства страны, къ которому они сводили всѣ нити и своей внѣшней политики. Типическій исполнитель этой роли, Казиміръ III, духомъ котораго запечатлѣнъ XIV вѣкъ, положилъ въ основу своего великаго дѣла начало *единства*, но не табуннаго, а человѣческаго, построеннаго на законѣ и справедливости *). Этому соотвѣтствуютъ гуманность, которою были проникнуты и мастеръ, и его творенія, терпимость, которую мы назовемъ *историческою*, ибо она побуждала его прислушиваться къ біенію таинственныхъ родниковъ жизни повсюду и открывать имъ благодатные пути. Вотъ почему тогда въ Польшѣ обычное право замѣнялось писаннымъ, магдебургскій аппелляціонный судъ—краковскимъ; вотъ почему провинціи не тяготились новымъ государственнымъ порядкомъ, и восточное православіе поднималось, а не поникало въ Галичинѣ; вотъ почему духовенство впервые понесло общественныя тяжести наравнѣ съ другими, зацвѣли города, богатые и свободные, и потянулись

---

*) Этимъ духомъ проникнутъ весь знаменитый вислицкій статутъ 1347 года. Въ одной изъ его статей какъ нельзя болѣе рѣзко и прямо выражена мысль о государственномъ единствѣ: „Cum sub uno principe et capite eadem gens jura diversa habere non debeat, ne sit tanquam *monstrum*, diversa habens capita, expedit Regi, ut uno et aequali jure, tam Cracovienses, quam etiam Majoris-Poloniae inhabitatores et caeterae Regni nostri terrae utantur et judicentur, et ex quo unus princeps est omnium et dominus etc.“ *Volumina legum*. Petersb. 1859. I, 19.

даже за Вислу и къ Карпатамъ нѣмецкіе колонисты съ ихъ искусствомъ богатѣть на невоздѣланной почвѣ; вотъ почему орошалъ слезами могилу «мужицкаго» короля несчастный кметъ, безъ всякихъ прошеній и разрѣшеній уходившій отъ злаго помѣщика на всѣ четыре стороны; вотъ почему, наконецъ, Польша преобразилась, по выраженію *Длугоша*, изъ деревянной въ каменную. Казиміръ не могъ сдѣлать только одного — не быть сыномъ своего времени. Призванный увеличить наслѣдіе предковъ, онъ съ добромъ сѣялъ и таившееся въ немъ зло. Онъ подготовлялъ грядущее торжество гибельной шляхты, которая, покинувъ провинціальную мелочность, выступала теперь тоже, какъ *единое* государство въ государствѣ, съ сознаніемъ своего сословнаго интереса. Она уже не довольствовалась своими обильными привилегіями и ворчала на Казиміра, зачѣмъ онъ не ее одну холитъ. Она еще при немъ попробовала вмѣстѣ съ панами устроить *конфедерацію* — союзъ для взаимной защиты, не щадя сабли, крови и жизни, который такъ хорошо привился въ видѣ яда къ больному организму. А вслѣдъ затѣмъ, со смертью Казиміра, пресѣкся родъ Пястовъ, къ великому счастію шляхты. Его безправный преемникъ, Людовикъ Венгерскій на котораго она смотрѣла, какъ на свое созданіе, принужденъ былъ заплатить ей за корону первымъ *Договоромъ*, освящавшимъ ея исключительное положеніе въ почти порабощенной ею странѣ. Еще шагъ — шляхта распорядилась судьбою Ядвиги, и насталъ ея золотой вѣкъ, царствованіе Ягеллоновъ.

Такое же рѣшительное значеніе имѣетъ XIV вѣкъ и во внѣшней политикѣ Польши. Она принимаетъ болѣе правильный международный характеръ и сосредоточивается вокругъ одной сознательной цѣли, лежащей въ ея основаніи. Полуразбойничьи наѣзды на враговъ смѣняются военными предпріятіями, которыя чередуются съ переговорами, съѣздами, союзами, даже политическими браками. Государство начинаетъ дорожить выгодными

мирными договорами гораздо болѣе, чѣмъ блестящими побѣдами, тяжкими для самого побѣдителя. Оно точно опредѣляетъ свои задачи, отказывается отъ наступательныхъ движеній на Западъ, гдѣ строго блюдетъ свои ясноочерченныя границы, чтобы тѣмъ успѣшнѣе проникать на Востокъ, незнакомый съ европейскою цивилизаціей. Польша начинаетъ понимать, что у нея общіе интересы съ сосѣдями, изнемогающими подъ напоромъ превосходныхъ историческихъ силъ Запада. Она стремится стать ключемъ въ слагающемся сводѣ государствъ средней Европы. И не служитъ-ли внѣшнимъ признакомъ этой роли ея краковская свадьба 1363 года, надѣлавшая такъ много шуму на всемъ континентѣ? Польша даже чувствуетъ необходимость освѣжиться новыми силами, поставить себя въ уровень съ своимъ труднымъ призваніемъ. Едва миновала четверть XIV столѣтія, какъ она скрѣпила первыя серьёзныя связи свои съ исконнымъ врагомъ, Литвой, бракомъ Казиміра Великаго съ Альдоной Гедиминовной. Еще два поколѣнія —и внукъ Гедимина открываетъ двухвѣковую эпоху Ягеллоновъ въ Польшѣ. Это соединеніе заклятыхъ соперниковъ не только великое, но и весьма поучительное событіе. Въ исторіи рѣдко такъ ясно проявлялся законъ сродства политическихъ интересовъ. Литва, съ ея близкимъ къ индійскимъ Арійцамъ населеніемъ, съ ея могучею аристократіей и крѣпкимъ государственнымъ строемъ, съ ея сочувствіемъ къ русской цивилизаціи и восточному православію, была противоположностью славянской, шляхетской, безпорядочной Польши, подчиненной вліянію Запада съ его католичествомъ. Сверхъ того оба государства сталкивались въ призваніи двигаться на востокъ и югъ. Но вотъ борьба съ неотвязнымъ германствомъ становится Польшѣ невыносима. Литва, съ пріобрѣтеніемъ Сѣверскаго и Смоленскаго княжествъ, черезчуръ придвинулась къ востоку. Здѣсь ее встрѣтили страшныя опасности. Татарская сила, только въ первый разъ помятая на Куликовомъ полѣ, еще умѣла жестоко

напоминать о себѣ. А тутъ замѣтно мужала Русь Московская. Неужели противъ этого новаго упорнаго врага сосредоточивать силы, которыя ограждали страну на сѣверѣ отъ безпокойныхъ нѣмецкихъ рыцарей? И вотъ между двумя сосѣдями устраивается бракъ не по сочувствію, а по разсчету, со всѣми его послѣдствіями, съ внутреннимъ раздоромъ и внѣшнею неразрывностью. Не успѣлъ Ягелло сѣсть на обоихъ престолахъ, какъ противъ него поднялась буря въ родной странѣ, которая вскорѣ даже сбросила съ себя зависимость отъ Польши, сбросила при помощи Нѣмцевъ! Но вслѣдъ затѣмъ самъ виновникъ раскола, утомленный безплодными походами подъ Москву, разбитый Татарами, устроилъ Городельскую унію. Правда, ее вѣрнѣе назвать бумажною. Международная вражда запылала пуще прежняго. Около половины XV вѣка Литва уже замышляла совсѣмъ отдѣлиться отъ Польши. Но сто лѣтъ спустя, ихъ связи, какъ увидимъ, становятся крѣпче, чѣмъ когда-либо.

Указанное положеніе Польши въ системѣ государствъ средней Европы выясняется еще болѣе въ теченіе XV вѣка. Его оттѣняютъ двѣ новыя историческія силы, выступившія тогда съ великимъ европейскимъ значеніемъ. Въ Москвѣ появляется могучій собиратель русской земли, Иванъ III. Онъ вступаетъ въ сношенія съ нѣмецкимъ императоромъ и привлекаетъ къ себѣ взоры римскаго первосвященника. Византія обращается въ Стамбулъ, столицу мусульманства, перешагнувшаго въ предѣлы христіанскаго міра. Стиснутые между Вѣной, Москвой и Константинополемъ, слабые зачатки исторической жизни отъ Волхова до Дуная ищутъ покровительства у Польши. Ея короли садятся на чешскій и венгерскій престолы, простираютъ свою власть надъ Румынами, погибаютъ въ бояхъ съ Турками, по призыву папы становятся вождями крестоваго похода. Въ виду такой тяжкой задачи, Польша спѣшитъ завершить собираніе своихъ земель, необходимыхъ для ея политическаго значенія. Но развитіе вредныхъ

началъ обгоняетъ ея зиждительную работу. Тѣ же силы, которыя вызвали ее на европейскую роль, были тисками, все болѣе и болѣе смыкавшимися вокругъ нея по мѣрѣ приближенія великаго XVI вѣка. Для успѣшной борьбы съ ними требовалось несокрушимое внутреннее единство, источникъ національной силы; требовались мужество, стойкость, самообладаніе со стороны народа. А Польша представляла тогда совершенно противоположное зрѣлище.

Видимая изъ дали вѣковъ личность Казиміра Великаго раздѣляетъ не упадокъ государства отъ его процвѣтанія, но два паденія. Посѣянныя имъ сѣмена новыхъ началъ не могли привиться тамъ, гдѣ уже укоренились начала противныя. Его гуманный, зиждительный духъ быстро смѣняется одностороннимъ, нетѣрпимымъ направленіемъ. Чѣмъ больше тѣснятся въ Польшѣ всевозможныя западныя секты, чѣмъ больше развивается въ ней могучее славянское ученіе Гуса, тѣмъ пышнѣе разцвѣтаетъ католическій фанатизмъ. Страна покрывается костелами и монастырями. Мощи, святые, чудеса возникаютъ повсемѣстно. Духовенство едва помѣщается въ храмахъ; приходится по нѣскольку ксензовъ на церковный придѣлъ. Архіепископъ гнѣзненскій, силящійся захватить не только литовскія, но и русскія епархіи, получаетъ титутъ примаса, порою даже кардинальство. Въ Литвѣ католичество объявляется государственною религіей; возникаетъ церковная унія; издаются драконовскіе законы противъ еретиковъ; и по всей странѣ разъѣзжаетъ инквизиторъ съ властью осуждать на смерть. Но любопытнѣе всего то, что при этомъ духовенство не только не подымается, но теряетъ свое политическое значеніе изъ года въ годъ. Почему? Прислушайтесь къ словамъ польскихъ епископовъ на базельскомъ соборѣ. Всей Европѣ жаловались они на шляхту. Хотя епископы и забыли прибавить о своей трогательной дружбѣ съ нею каждый разъ, когда дѣло касалось правъ короля, тѣмъ не

менѣе ихъ протестъ былъ справедливъ. XV столѣтіе — начало золотаго періода въ жизни шляхты. Печальная необходимость почти постоянной борьбы съ сосѣдями, упорная война съ нѣмецкими рыцарями, увѣнчавшаяся знаменитымъ Торуньскимъ договоромъ, приблизившимъ Польшу къ Балтикѣ, дорого стоили странѣ. Король долженъ былъ покупать содѣйствіе военнаго сословія разными льготами и подарками. Множество королевскихъ имѣній превратилось въ дворянскія вотчины, и шляхта уже замыслила обратить самое государство съ его верховными правами въ свою вотчину. И вотъ укореняется начало избирательной королевской власти съ его язвою, цѣлымъ рядомъ опасныхъ безкоролевій. Шляхта прибираетъ къ своимъ рукамъ одно за другимъ почти всѣ верховныя права, даже судъ *). Она становится неприкосновенною въ силу знаменитаго *Neminem captivabimus*, этого польскаго *Habeas-Corpus-Act*'а. Наконецъ является и послѣдній признакъ ея сословнаго развитія, ея участіе въ законодательствѣ и полное право самообложенія податями. До сихъ поръ на собраніяхъ высшей аристократіи, раздѣлявшей съ королемъ управленіе страной, ея интересы защищали земскія власти, то-есть паны же. Если иногда король и спрашивалъ мнѣніе того или другаго шляхтича, случившагося въ Краковѣ, то какъ его личное, а не сословное. И, какъ скоро оно не согласовалось съ его собственнымъ, онъ оставлялъ его безъ вниманія. Но въ самомъ началѣ XV вѣка Ягелло принужденъ былъ разрѣшить особенныя шляхетскія собранія передъ государственнымъ сеймомъ. Такъ возникъ многозначительный обычай *сеймикованья* (устройства областныхъ *сеймиковъ*), подготовившій шляхту къ открывшемуся уже при сынѣ Ягелла *сеймованью*, то-есть къ высылкѣ ея представителей, *земскихъ пословъ*, на общій, «генеральный» сеймъ **). Шляхтичъ не

*) См. ниже примѣчаніе къ стрр. 141—144.

**) Поступокъ Ягелла объясняется тѣмъ, что онъ сильно нуждался въ значительной суммѣ денегъ для покупки Добржинской земли, а шляхта

успѣлъ проникнуть только въ одну область народной жизни, въ управленіе страною. Оно принадлежало еще его старшему брату. Панъ также богатѣлъ и зазнавался въ это время, особенно по милости своихъ и иностранныхъ государей. Чѣмъ болѣе сближался онъ съ аристократическою Европой, съ княжескою Литвой и Галичиной, тѣмъ болѣе росла его боярская спѣсь. Онъ сталъ гоняться за «фонами» нѣмецкихъ графовъ, держался поближе ко двору, правилъ центромъ и областями страны: къ началу XVI вѣка онъ уже совсѣмъ отдѣлился отъ своего сравнительно бѣднаго, грязноватаго и невѣжественнаго младшаго брата. Но тутъ же панъ самъ подготовлялъ свою погибель. Злоупотребленія, лихоимство, казнокрадство, радѣніе родному человѣчку, потворство страстямъ короля—вотъ его подвиги, которые не только вскорѣ вызвали противъ него демократическо-шляхетскую революцію, но, увы! внушили его младшему брату такъ мѣтко характеризующую его язвительную ненависть вообще къ верховной власти и ея служителямъ.

Такимъ образомъ, чѣмъ ближе подходимъ мы къ реформаціонной эпохѣ, тѣмъ сильнѣе бьетъ намъ въ глаза роковая сила шляхты, этой главной язвы Польши. Сеймы становятся все многолюднѣе, шумнѣе и безтолковѣе по мѣрѣ того, какъ польская шляхта привыкаетъ къ нимъ, а литовская и русская пріобрѣтаетъ тѣ же права. На нихъ вырабатывается хитрая практика выманивать у короля новыя привилегіи, не давая ему взамѣнъ даже податей на томъ основаніи, что каждый земскій посолъ

была освобождена отъ налоговъ еще королемъ Людовикомъ. *Dlugosz*, *X*.—*Bielski*: Kronika polska. Krokow, 1597, f. 286.—Законъ сына Ягелла, Казиміра, требовалъ: «ullas constitutiones debere fieri sine conventione communi in singulis terris instituenda». *Vol. legum*, I, XV.—Янъ Альбертъ обязался въ 1496 году за себя и за своихъ преемниковъ созывать сеймики каждый разъ, какъ потребуется посполитое рушенье. *Тамъ же*, I, 124.

уполномоченъ рѣшать дѣла, касающіяся только *его земли*, а не *всего государства*. И король, вѣчно съ пустымъ кошелькомъ, окруженный полчищами враговъ, уже на колѣнахъ умоляетъ шляхтича о помощи! Впрочемъ онъ отчасти заслужилъ эту кару. Онъ не только не послѣдовалъ совѣту польскаго Макіавеля, Каллимаха *), но забылъ даже лучшіе завѣты Казиміра Великаго и поразительный примѣръ французскихъ государей. Онъ пренебрегъ основою народнаго благоденствія, среднимъ и низшимъ классами, безжалостно отдавъ ихъ на жертву высшему слою, который и налегъ на нихъ всею своею тяжестью. Шляхтичъ стоялъ съ мечемъ въ рукѣ у входа въ сеймъ, заграждая путь безоружному торгашу. Онъ отнялъ у него всѣ земли и должности, какъ исключительный помѣщикъ и чиновникъ. Онъ отбивалъ у него даже барыши. Когда Польша, одна изъ житницъ западной Европы, придвинулась къ Балтикѣ, онъ забрался въ свою вотчину и сталъ безпошлинно сплавлять свой хлѣбъ за границу. Глубокій слѣдъ въ исторіи страны оставило это явленіе. Шляхтичъ въ самомъ корнѣ подорвалъ развитіе города. Изъ воителя-рыцаря онъ обратился въ земледѣльца-помѣщика и замкнулся въ своей деревнѣ, засѣвъ на груди у крестьянина ненасытнымъ паразитомъ. Вполнѣ пользуясь здѣсь верховными правами, судомъ и полиціей, поставивъ закономъ свой произволъ, онъ накинулъ на свое царство непроницаемую паутину, не пускалъ молодаго кмета ни въ городъ учиться ремеслу, ни въ Пруссію и Силезію на заработки, хваталъ бѣглыхъ по окрестнымъ дорогамъ, и всякій, кто ни попадался въ его сѣти, обращался въ его невольника. Кмета прикрѣпили къ землѣ, чтобы

---

*) *Каллимахъ Буонакорси*, итальянскій выходецъ, былъ воспитателемъ и другомъ Яна Альберта, которому совѣтовалъ поднять королевскую власть и расправиться деспотически со шляхтой. Шляхта до того ненавидѣла его, что приписывала ему свое кровавое пораженіе въ Буковинскомъ лѣсу въ 1497 году.

онъ вѣчно обливалъ ее безвозмездно своимъ потомъ. Кметъ потянулъ барщину вмѣсто прежней денежной дани. И какъ оскорблено было его чувство правды! Прежде онъ платилъ дань воину за оборону его отъ иноземцевъ; а теперь господинъ угнеталъ его барщиной, самъ проводя жизнь въ праздности. Теперь шляхтичъ привыкъ къ покою сельскаго затишья, къ нѣгѣ женскаго обожанія, къ легкимъ побѣдамъ родительской власти. И на него уже вѣялъ просвѣщенный духъ эпохи, взрастившей сѣмена реформаціи, когда краковская академія съ ея схоластическою литературой стяжала себѣ громкую извѣстность даже въ Венгріи и Швеціи, когда жилъ Длугошъ и учился Коперникъ, когда по городамъ, монастырямъ, и даже деревнямъ возникали школы. Сабля шляхтича ржавѣла. Въ головѣ его создавался гибельный софизмъ, что всѣ эти войны короли ведутъ лишь изъ-за своихъ династическихъ интересовъ. А если порою онъ смилостивится и выйдетъ на поле брани, то лишь на позоръ себѣ: его побьетъ какой-нибудь нищій Валахъ, полу-мужикъ, полу-разбойникъ.

Съ такими-то историческими чертами вступила Польша въ бурную реформаціонную эпоху двухъ Сигизмундовъ. Очень рано, въ началѣ 20-хъ годовъ XVI столѣтія, въ этой причастницѣ западной цивилизаціи на первый планъ выступила сила, ворочавшая тогда всѣмъ составомъ германо-романскаго міра. Преданія старой національной церкви съ роднымъ языкомъ, еще звучавшимъ даже въ то время въ одномъ изъ краковскихъ храмовъ; стремленіе къ независимости отъ Рима; раннее появленіе средневѣковыхъ сектъ; могучее вліяніе гусизма *) и восточнаго православія,—все это хорошо подготовило въ Польшѣ почву къ

*) Оно хорошо изслѣдовано *Гиндели* (Geschichte der Böhmischen Brüder. 2 Ausg. Prag. 1861-1862. I, 333 sqq., 392 sqq.; II, 74-91), преимущественно по архиву, хранящемуся въ Герригутѣ. Ср. *Палацкаго:* Dějiny národu Českého, d. III, č. 1 и 2.

принятію протестантскихъ идей. Заразивъ нѣмецкій Данцигъ, «еретичество» съ большею или меньшею силой быстро проникло во всѣ части Рѣчи Посполитой, отъ Кракова до Митавы, отъ Познани до Витебска и Полоцка. Чистоту старой вѣры соблюла только одна Мазовія. Не даромъ же фанатикъ Сигизмундъ III перенесъ столицу изъ Кракова въ Варшаву. Краковъ могъ быть вождемъ націи только въ реформаціонную эпоху, ибо Малая Польша была узломъ, въ которомъ соединялись развѣтвленія протестантизма. Здѣсь работали его главныя силы, реформатство и кальвинизмъ, которымъ помогали высшіе государственные сановники и даже могущественная королева Бона. Отсюда исходили всѣ главныя нововведенія въ его жизни. Здѣсь совѣщались его вожди о его судьбѣ въ странѣ. Здѣсь подвизалось Общество Распространенія Евангельскаго Ученія, дѣятельность котораго — одна изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ исторіи польской цивилизаціи, связанныхъ съ великимъ дѣломъ народнаго просвѣщенія. А на вершинѣ гордаго зданія малопольскаго нововѣрія высоко держалъ знамя евангелія доблестнѣйшій изъ «еретиковъ», извѣстный Янъ Ласкій. Не забудемъ, что тогда же въ польской Руси, тяготѣвшей къ Кракову, свободно развѣвалось другое анти-католическое знамя, знамя восточнаго православія.

До половины XVI столѣтія католики еще не теряли надежды. Ихъ ободрялъ король, осторожный и вѣрный старинѣ Сигизмундъ Старый. «Еслибы, писали они въ Римъ, не такая милость этого короля, Польша уже была бы лютеранскою» *). При немъ обнародовали папскую буллу противъ еретиковъ; возобновили «святую» инквизицію, которая тотчасъ же сожгла какую-то 80-лѣтнюю старуху; запретили путешествія за границу и

*) Письмо папскаго нунція въ Польшѣ къ епископу Садолету въ 1526 году. *Theiner:* Vetera monumenta Poloniae, II, 438.

ввозъ соблазнительныхъ книгъ. Зато тѣмъ успѣшнѣе развивалось нововѣріе при Сигизмундѣ-Августѣ, про котораго ходила молва, будто онъ намѣренъ «перемѣнить вѣру». Онъ, дѣйствительно, весьма недвусмысленно высказывался о достоинствахъ новаго ученія, призналъ протестантскую церковь однимъ изъ государственныхъ учрежденій, входилъ въ сношенія съ Кальвиномъ, и совѣтъ его состоялъ изъ еретиковъ. Напрасно папа не разъ увѣщевалъ его «покинуть терпимость, этотъ позоръ и оскверненіе королей». Напрасно прислалъ освященный мечъ: онъ не былъ употребленъ въ дѣло. Напротивъ. Въ Римъ доносили: «Нашъ дворъ чтитъ Бога настолько, насколько это не обижаетъ дьявола; тутъ отверженіе Христа — похвальное дѣло». Сеймы горячо возставали противъ духовенства. Они старались отдать его въ военную службу; требовали отмѣны дани Риму, брака священниковъ, причастія подъ обоими видами, богослуженія на родномъ языкѣ; разрѣшили старостамъ не исполнять предписаній церковнаго суда; наконецъ изгнали тринитаріевъ и анабаптистовъ, эти грязные наросты на евангельской чистотѣ новаго ученія. Этого мало. Въ 1570 году польскіе нововѣрцы праздновали великое торжество: въ Сандомірѣ открыли синодъ, соединившій въ одну *польскую* вѣру три протестантскія исповѣданія: швейцарское (кальвино-реформатское), чешское (гуситское) и нѣмецкое (лютеранское). Въ то же время нравственное вліяніе новаго ученія возрастало все болѣе и болѣе. Даже упорные поклонники старины, теряя вѣру въ непогрѣшимость своего догматизма, смотрѣли на него, какъ на обычное явленіе. Поляки *привыкли* къ нему. Католикъ жилъ мирно съ протестантомъ, часто видя въ немъ лишь противника ненавистной и ему іерархіи. Оттого не рѣдкость было встрѣтить ихъ рука объ руку въ одномъ политическомъ лагерѣ. Дошло до того, что вожди католиковъ стали вялыми и, не видя нужды въ борьбѣ, стушевались. Вытѣсняемые энергическими протестантами, епископы устранялись

отъ сенатскихъ засѣданій. Петръ Мышковскій, епископъ плоцкій, наскучивъ треволненіями политики, копилъ деньгу. Самъ примасъ, Яковъ Уханскій, былъ чуть не открытымъ пріятелемъ еретиковъ. Остальные или подражали имъ, или, подъ предлогомъ бѣдности, сидѣли смирно по домамъ, погрязая въ лѣни, невѣжествѣ и предосудительной жизни. Но между ними было нѣсколько лицъ и совсѣмъ другаго закала. Они-то вмѣстѣ съ агентами Рима и составили оборонительный союзъ противъ польскаго нововѣрія, всячески стараясь перейти въ наступательное положеніе, особенно со времени возрожденія католицизма на Западѣ. Они-то и успѣли кое-что сдѣлать подъ конецъ царствованія Сигизмунда-Августа. Завелись іезуитскія коллегіи въ Браунсбергѣ, Пултускѣ, Познани, Калишѣ; были объявлены постановленія Тридентскаго собора. А святѣйшій отецъ все настойчивѣе осаждалъ короля своими родительскими увѣщаніями. Въ Римѣ іезуиты ежедневно молились за «несчастную» Польшу. А Пій V съ знаменитымъ кардиналомъ Гозіемъ схватились даже за отчаянныя средства, противъ которыхъ боролись доселѣ, какъ противъ орудій врага. Они спѣшили перевести катехизисъ на польскій языкъ, разрѣшили духовенству читать еретическія книги, силились устроить синодъ, какъ единственный путь къ соглашенію и пробужденію служителей старой церкви въ Польшѣ. Наконецъ Римъ рѣшился выслать къ берегамъ Вислы, какъ преддверіе *постоянной* нунціатуры, католическую знаменитость, кардинала Коммендоне, съ которымъ мы близко познакомимся впослѣдствіи *).

---

*) Письма папы къ королю, Гозію, Уханскому и польскимъ епископамъ, у *Тейнера*, II, 723 sqq. — Перепискою между Гозіемъ, Коммендоне и польскими епископами пользовался *Эйхгорнъ*: Cardinal Hosius, II, 208—256, 342. — Донесеніе аббата Руджіери Пію IV въ 1568 году у *Нѣмцевича:* Zbiór pamiętników o dawnej Polszcze, III.—*Gratiani:* De vita Commendoni, 359—362.—*D. Jablonski*: Historia Consensus Sendomiriensis. Berol. 1731.

Такимъ образомъ къ этому времени, которому посвященъ нашъ трудъ, въ Польшѣ явился новый и едвали не самый важный источникъ внутреннихъ смутъ. Поляки раздѣлились на два религіозные лагеря, искавшіе не примиренія, а смерти. Этого мало. Реформаціонныя начала, по самому свойству эпохи, имѣли здѣсь, какъ и на Западѣ, широкое культурное значеніе. Они исполняли великую задачу просвѣщенія. Вездѣ, куда они ни проникали, человѣкъ пробуждался отъ долгаго душевнаго сна. Разбивались оковы узкаго средневѣковаго идеализма въ области мысли; раздвигались ржавые тиски условности и обрядности въ бытѣ. Жизнь сбрасывала съ себя видъ скромной посредственности и скучнаго однообразія. Изъ-подъ нихъ показалась личность и шумно, страстно ринулась на открытое передъ нею поприще. Молодая педантка, она горячо вѣрила въ свои еще не испытанныя силы и отстаивала свои права всѣмъ, чѣмъ ни попало, не страшась ни позора, ни насмѣшки, ни физической силы. Возбужденная, голодная мысль съ жадностью накинулась на науку, на всякія книги, на всевозможныя идеи. Не было нелѣпости, которая не находила-бы себѣ поклонниковъ среди этого богопочитанія мысли. Не было человѣка, который не считалъ-бы себя ключемъ къ тайнамъ бытія и даже богословомъ, ибо передъ нимъ лежала раскрытая Библія. Въ этомъ смыслѣ справедливъ былъ вопль старовѣровъ о томъ душевномъ растлѣніи человѣка, при которомъ, «сколько было головъ, столько вѣръ и міровоззрѣній, и совѣсть каждаго освободилась» *). Но даже тотъ, кто называлъ науку «дьяволомъ, расторгающимъ связь между людьми**)», ревностно учился самъ и училъ своихъ сотрудниковъ.

---

*) „... quot capita, tot fides et religiones.... Jam sunt solutae omnium conscientiae“, доносилъ папѣ епископъ вратиславскій въ 1525 году. *Theiner*: Vet. mon. Pol., II, 432,473.

**) *Гозій* въ своей Confessio Catholicae fidei Christiana (3-е вѣнское изд. 1561 г.) говоритъ на стр. CCCLVII. „Haec scientia est enim,

Просвѣщеніе, становясь смѣлѣе и демократизуясь съ каждымъ шагомъ, быстро распространялось повсюду, и не по закону измѣнчивой моды, а въ силу серьезной потребности. Явились ученые по всѣмъ отраслямъ наукъ, отъ ботаники до философіи. Ихъ труды переводились на всѣ европейскіе языки. Возникъ цѣлый рядъ историковъ, мемуаристовъ и публицистовъ. Народная обличительная струя стала пробиваться въ литературѣ и поэзіи. А тогдашняя печать образованности, латынь, проникла въ глубь шляхты, до самыхъ маленькихъ деревушекъ, до кучеровъ и женщинъ. *) Слѣдомъ за работою мысли рушились суевѣрія, предразсудки, разваливались вѣковые обычаи, допотопныя формы общежитія. Смягчались и облагораживались нравы. Но вслѣдъ затѣмъ возникла другая культурная задача. Пришло время оглядѣться въ цѣломъ мірѣ новыхъ идей и потребностей оцѣнить и размѣстить добытое. Тутъ человѣкъ почувствовалъ, что онъ растратилъ свою энергію въ пылу борьбы. Имъ овладѣла усталость. Его порывы охладѣли. Богатство тяготило его. Въ области мысли оказалось много ложныхъ кумировъ. А между тѣмъ явилось стремленіе къ болѣе мягкимъ, роскошнымъ формамъ быта. Все это отразилось на характерахъ, возросшихъ подъ вліяніемъ реформаціонныхъ началъ. И вотъ мы видимъ

---

quae segregat, quae dividit, quae dispergit", а на слѣдующей: „Vultis scire quis est, qui dividit? Diabolus est".

*) Въ собраніи историческихъ мелочей *Камюзара* есть весьма характеристическое письмо (изъ Кракова отъ 12 дек. 1573 г.), перепечатанное въ Coll. univ. des mém. partic. rel. à l'hist. de France. Londres, 1789, LIV, 419 sqq. Въ немъ сказано: „C'est chose estrange que le Latin, l'Allemand et l'Italien est commun pardeçà: car de cent Gentilshommes il ne peut s'en trouver deux qui n'entendent le Latin, et la plupart de ces trois langues, lesquelles ils apprennent à l'école pamêmes moyens: aux plus petits villages et hôtelleries il se trouve gens qui parlent lesdites langues, et la raison y est, qu'il n'y a si petit village qui n'ait école".

въ Полякѣ того времени гордость, щекотливость личной чести, достоинство даже въ забавахъ *), и рядомъ вялость — плодъ сомнѣній, наклонность къ изнѣженности. Типами двухъ различныхъ эпохъ могутъ служить оба послѣдніе Ягеллона.

Сигизмундъ I *Старый* воспитался еще въ прежнемъ строѣ жизни. Простота, цѣльность блещутъ въ его взглядахъ и поступкахъ. Онъ былъ суровъ, строгъ къ другимъ и себѣ, упоренъ, жилъ какъ опытный скопидомъ, набилъ кошель, выкупилъ заложенныя королевскія имѣнія, уплатилъ долги братьевъ, сыгралъ шесть свадебъ. Онъ былъ добродушенъ и немного лѣнивъ по своей патріархальной ягеллоновской природѣ. Онъ никогда не отказывался отъ борьбы съ новыми началами, которыхъ не жаловалъ, какъ источникъ всеобщаго разстройства. Вѣчно мечтая о спокойной помѣщичьей долѣ, онъ хотѣлъ мира, тишины и въ государствѣ. Его ясно-сознанною задачею было устраненіе противорѣчій, которыхъ онъ не выносилъ. Отсюда его крутой поворотъ къ твердому порядку, къ упроченію единодержавія, къ тѣсному сплоченію разнообразныхъ частей Рѣчи Посполитой, даже къ объединенію и упрощенію запутаннаго польскаго законодательства. Осторожно, но неуклонно шелъ онъ по этому пути; и вся Европа довѣряла опытности этого неусыпнаго кормчаго. Старикъ не виноватъ въ томъ, что противъ него былъ духъ времени и націи. Не понимая его, онъ

---

*) Прелюбопытный своеобразный примѣръ новыхъ нравовъ представляетъ извѣстная *Бабья республика*, общество, которое, подъ видомъ веселой, острой и изящной шутки, смѣло казнило человѣческія слабости и пошлости. Она описана у *Сарницкаго* (Annales, въ Гюйссеновомъ изд. Длугоша, II, 1215-1218). Ея архивъ, захваченный Шведами во время войны съ Польшей, былъ возвращенъ Адаму Чарторыйскому въ 1802 году и помѣщенъ въ его библіотекѣ въ Пулавахъ. Но подъ конецъ своего существованія она, какъ и все въ Польшѣ, утратила свою душу, лишилась того значительнаго нравственнаго вліянія, которымъ пользовалась въ XVI вѣкѣ.

горько плакалъ, видя, что подданные не любятъ его и что всѣ его усилія безполезны. Онъ имѣлъ много дѣтей и умеръ 82-хъ лѣтъ. Его сынъ, Сигизмундъ II *Августъ*, жилъ только 52 года и ни разу не былъ отцемъ. А между тѣмъ онъ не только не избѣгалъ женщинъ, но всегда былъ окруженъ ими. До 17-ти лѣтъ онъ держался за юбку матери, воспитываясь, какъ дѣвочка. Затѣмъ подлѣ него образовался цѣлый штатъ любовницъ, въ которыхъ онъ видѣлъ и утѣшеніе въ тоскѣ, и развлеченіе въ скукѣ, и лекарство отъ всякихъ болѣзней. Но даже эта жизнь не убила въ немъ высокаго понятія о женщинѣ и способности свято сохранять привязанность къ истинно-любимой даже по смерти ея. Онъ сознавалъ дурное въ своихъ поступкахъ, но не считалъ нужнымъ освобождаться отъ него. Точно также онъ никогда не измѣнялъ своей мягкости, ласковости, терпимости. Врагъ деспотизма и строгости, онъ не выработалъ въ себѣ ничего прочнаго, опредѣленнаго. Съ кучею разнообразныхъ свѣдѣній, съ знаніемъ многихъ языковъ, этотъ миролюбивый и симпатичный покровитель національной литературы и всего новаго, ораторъ и музыкантъ, добрякъ, платившій милостями за обиды и поношенія, былъ ходячею нерѣшительностью и безхарактерностью. Безъ ясно-сознанной цѣли въ жизни, онъ постоянно терзался сомнѣніями и страхомъ. Всячески помогая нововѣрію, кушая мясо по середамъ, онъ въ то же время постоянно ходилъ къ обѣднѣ, исповѣдывался и пѣлъ на клиросѣ. Такъ и во всемъ. Онъ всегда затруднялся пристать къ какому-нибудь мнѣнію и считалъ житейскою мудростью никогда не давать обѣщаній и не отнимать надеждъ, за что получилъ прозвище *короля-завтра*. Даже скопидомъ отецъ не могъ упрекнуть Сигизмунда-Августа въ излишней щедрости; а между тѣмъ всегда случалась хлопотливая исторія, когда ему приходилось уплачивать по счетамъ и роспискамъ. Онъ былъ расточительный, изнѣженный сибаритъ. У него на конюшнѣ стояло тысячи двѣ

лошадей, а дворъ его кишѣлъ царедворцами и разными чужеземными искусниками. Въ покояхъ стѣны были увѣшаны всевозможнымъ оружіемъ и доспѣхами, оправленными въ золото и драгоцѣнные камни. Комоды были завалены роскошными одеждами пажей и самыми дорогими мѣхами; а столы ломились отъ множества шкатулокъ, наполненныхъ такими сокровищами, какихъ не было ни въ Венеціи, ни въ Римѣ, ни въ любой королевской казнѣ. *)

Начала реформаціонной эпохи, разъѣдавшія вѣковой строй европейскихъ обществъ, особенно сильно подѣйствовали на Польшу, въ которой еще раньше зародился внутренній разладъ. Онъ развивался теперь съ поразительною быстротой. Смута овладѣла всѣмъ составомъ государства, всколебавъ его до самаго основанія. Въ то время, какъ его границы растянулись до крайнихъ предѣловъ, какихъ оно когда-либо достигало, внутри него разгоралась провинціальная и племенная рознь, слѣпое поклоненіе мѣстнымъ интересамъ. Сеймовыя и судебныя рѣшенія обнародываются на трехъ языкахъ для Польши, Литвы и Пруссіи: послѣднія кромѣ того, на русскомъ для Литвы, Кіева и Волыни; въ королевской канцеляріи пишутъ полатыни, въ великокняжеской — порусски. На полѣ брани литовскій гетманъ ссорится съ польскимъ за мѣсто на правомъ крылѣ. Въ прусскихъ городахъ чеканится своя монета; въ русскихъ даже Армяне имѣютъ своихъ особыхъ чиновниковъ и епископовъ. Великая и Малая Польши на ножахъ за первенство, одна — своего примаса, другая — своего великаго короннаго маршалка. Король долженъ былъ назначать на всѣ областныя должности лишь туземцевъ и, по выраженію Яна Тарновскаго, «призывать всѣхъ

---

*) *Sarmicii* Annales (въ Гюйссен. изд. Длугоша, II. 1213 sq.). — *Orichovius*, (тамъ же, p. 1245 sq., 1485).—*Carncovii:* Epistolae (тамъ же, p. 1713) Выдержка изъ реляціи венеціанскаго посла въ Польшѣ въ 1560 году: *Niemcewicz*, V, 254 sqq.

на сеймъ просьбами, увѣщаніями, всякими способами» *). А если и соберется сеймъ, то выйдетъ такъ, какъ въ Петрковѣ въ 1533 году. Король потребовалъ тогда денегъ для войны съ Портой. Великополянъ не было: у нихъ былъ сорванъ сеймикъ. Послы Куявіи и Сандоміра объявили, что не могутъ ничего рѣшать безъ нихъ. Познанцы и Калишане намекали, что до нихъ не доберутся ни Татары, ни Турки. Пруссаки, замѣтивъ, что дѣло идетъ только о налогахъ, улизнули. А страшные враги, царь да султанъ, налегали все упорнѣе. Государство, почуявъ, что ему не сдобровать, схватилось за послѣднее средство, развивая старую мысль. Привыкнувъ къ оборонительной войнѣ, оно искало мира, стараясь на досугѣ сплотиться, вобрать въ себя необходимыя земли, откинувъ излишнія. Оно отказывается отъ владычества на Балтикѣ и отъ шведской короны, отъ Чехіи, Венгріи и Валахіи; признаетъ съ слабымъ оттѣнкомъ вассальности герцогства Пруссію и Курляндію. Зато оно считаетъ дни князя слуцкаго, присоединяетъ герцогства Мазовію и Заторъ, скрѣпляетъ свои связи съ королевскою Пруссіей и Ливоніей. Особеннаго вниманія требовала, конечно, Литва — и послѣдній Ягеллонъ во все свое царствованіе неутомимо подготовлялъ ея болѣе серьёзное соединеніе съ Польшей, чѣмъ Городельская унія. Онъ отказался отъ верховныхъ правъ на литовскія земли; превратилъ великокняжескій престолъ изъ наслѣдственнаго въ избирательный; распространилъ въ Литвѣ шляхту, щедро надѣляя даже православныхъ ея правами **); далъ ей готовую

---

*) Изъ его рѣчи въ защиту короля на сеймѣ 1549 года. *Orichovius*, Annalis II.

**) Жалованная грамота, данная въ 1563 году литовскому и русскому дворянству и рыцарству православной вѣры о сравненіи сего сословія въ правахъ съ дворянами польскаго королевства, исповѣдующими римско-католическую вѣру. *Акты, относ. къ исторіи Зап. Россіи.* 1848. III, 118—121.

польскую организацію съ сеймиками и посольскою избой сейма. Ему помогала сама судьба, устраняя главное препятствіе. Въ 1567 году умеръ вѣрный стражъ литовскихъ интересовъ, Николай Черный Радзивилъ, воевода виленскій. И вотъ въ 1569 году возникла пресловутая Люблинская унія. Но это роковое событіе лучше всего доказываетъ, какъ безплодны были всѣ мѣры къ спасенію за которыя хваталась Польша. Оно нанесло новую рану Литовцамъ и повело къ пущему раздору. Литва теряла все лучшее, чѣмъ отличалась отъ Польши, получая взамѣнъ ея язвы. А Польша, наградивъ сосѣдку свѣженькою Ливоніей, то-есть тяжкою борьбою со Шведомъ и Московскимъ царемъ, завладѣла предметомъ своихъ давнихъ желаній, Кіевомъ, Подоліей (Брацлавомъ), Волынью и Подляхіей — землями, которыя Литва считала своими не по одному политическому праву: рѣдкій землевладѣлецъ не имѣлъ осѣдлостей и здѣсь, и въ великомъ княжествѣ. Чего можно было ожидать отъ такой *entente cordiale* XVI вѣка, это вѣрно понимали только восточные политики. Ходкѣвичи и Радзивилы бѣжали изъ Люблина, чтобы не освятить національнаго позора своимъ честнымъ именемъ. Иванъ Грозный захохоталъ на извѣщеніе польскихъ пословъ объ этомъ знаменитомъ событіи. «Это не впервые произошла унія, замѣтилъ онъ. Она совершилась лѣтъ 120—130 тому назадъ» *).

Такое пагубное стремленіе частей государства обособиться могла сдержать лишь прочность ядра, лишь сила главнаго племени. Но польское общество замѣтно разлагалось. Въ его нѣдрахъ никогда еще такъ не бушевалъ разладъ, никогда такъ быстро не развивалась его коренная язва. Подъ стоны низшихъ слоевъ наверху шла ожесточенная борьба. Дворяне, отъ мала до велика, терзали духовенство; сенаторы спорили между собою изъ-за мѣстъ; шляхта воевала съ сенаторами. И въ этой

*) *Theiner*: Vet. monum. Pol., II, 755.

всеобщей свалкѣ самою могучею, побѣдоносною силой оказалась младшая братія, этотъ бичъ Польши, посланный Провидѣніемъ на ея погибель.

Въ теченіе XVI вѣка изъ польскаго шляхтича вполнѣ выработался тотъ своеобразный, такъ хорошо всѣмъ извѣстный типъ, которымъ запечатлѣно это любопытное историческое явленіе. Онъ обратился въ ходячую привилегію, недоступную остальнымъ смертнымъ и непостижимую для другихъ народовъ. Онъ одинъ занималъ государственныя должности, и свѣтскія, и духовныя. Онъ одинъ владѣлъ землями съ почти неограниченными верховными правами. Только его свидѣтельство считалось непогрѣшимымъ въ судахъ и канцеляріяхъ. Ему принадлежала чуть не монополія человѣческой жизни: соль не продавалась никому, пока онъ не запасется ею вдоволь. Онъ одинъ имѣлъ корону въ своемъ гербѣ; ходилъ въ какомъ угодно вооруженіи, съ какою угодно свитой; вламывался въ суды, сеймы, костелы; стрѣлялъ на улицахъ, трубилъ, бубнилъ, сколько душѣ было угодно, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ. А его домъ былъ такою же неприкосновенною святыней, какъ алтарь классическихъ боговъ. Здѣсь находило убѣжище всякое беззаконіе. Здѣсь не считался контрабандой товаръ, не оплаченный пошлиной Здѣсь нельзя было арестовать преступника. Шляхтичъ богатѣлъ и жирѣлъ на счетъ горожанина да земледѣльца. «Каждый изъ насъ, говорятъ польскіе историки, какъ-бы маленькій неограниченный монархъ надъ своею толпой и надъ своими имѣніями. У насъ земледѣлецъ страшно угнетенъ; господинъ ежедневно раздираетъ его на части (laniatus). Онъ влачитъ скудную и жалкую жизнь, безъ домашняго очага, безъ судьи, да что! — безъ короля и Бога, ибо его, какъ скотъ, гонятъ на работы и въ праздники, а онъ не смѣетъ даже молить короля о помощи противъ своего владыки» *).

*) *Fredro*: Fragmenta politica.—*Varsevicius*: De optimo statu.—*Hartknoch*: De rep. Polonica.

Куда же было кмету соваться съ своими стонами, когда шляхтичъ уже начиналъ заѣдать епископа и пана, стоявшихъ неотлучно у самаго трона; когда изъ страха передъ нимъ духовенство добровольно отказывалось отъ своей судебной власти, а наиболѣе смѣтливые изъ магнатовъ переходили въ лагерь «доблестнаго рыцарства» и воспитывали своихъ дѣтей въ шляхетско-демократическомъ духѣ? Куда было идти обиженному и угнетенному, когда само государство обратилось въ безпредѣльную вотчину меньшей братіи, которая играла въ немъ роль правителя, судьи, законодателя? Политическое значеніе шляхты въ описываемую эпоху несомнѣнно явствуетъ изъ того, что она уже представляетъ сознательный, самобытный организмъ, какъ-бы государство въ государствѣ. Никогда она не обнаруживала такого яснаго пониманія своихъ сословныхъ интересовъ, какъ теперь. Она видѣла, что не столкуйся у себя дома — и на сеймѣ разыграешь роль безсмысленной толпы, повинующейся панамъ. И вотъ она посвящаетъ XVI вѣкъ упорной разработкѣ вопроса о сеймикахъ. Законъ за закономъ опредѣляетъ ихъ значеніе, время и мѣсто; раздѣляетъ ихъ на *повѣтовые* въ земляхъ, воеводствахъ, повѣтахъ, и *генеральные* въ провинціяхъ; подтверждаетъ и освящаетъ обычай *сеймикованья*. Изъ года въ годъ число сеймиковъ возрастаетъ «въ тѣхъ краяхъ (объясняетъ намъ конституція 1563—1564 годовъ), которые слишкомъ густо заселены рыцарствомъ» *). Правда, по свойству всѣхъ польскихъ

*) Эта конституція, учредившая галицкій повѣтовый сеймикъ, въ тоже время выясняетъ вообще значеніе сеймиковъ: „Шляхта, говоритъ она, должна дома избирать своихъ земскихъ пословъ и совѣщаться объ общихъ нуждахъ“. Кромѣ того, здѣсь предлагались на разсмотрѣніе законопроекты короля, которые Поляки сравнивали съ римскими *рогаціями*. Конституція пётрковскаго сейма 1565 года прибавила: „чтобы на повѣтовыхъ сеймикахъ составлялись *артикулы* (изложеніе по статьямъ требованій мѣстной шляхты) и представлялись на генеральные, гдѣ ихъ исправятъ, дабы такимъ

порядковъ, сеймикованье не выработалось вполнѣ, точно также какъ и сеймованье. Но зато выяснилось, что это было чисто шляхетское учрежденіе *) Чѣмъ чаще созывались сеймики, чѣмъ сильнѣе они распространялись; тѣмъ болѣе дорожила ими меньшая братія, въ которой они развивали навыкъ и вкусъ къ политическимъ интересамъ, тѣмъ прочнѣе укоренялось въ ней сознаніе своего могущества. Это сознаніе не замедлило отразиться на судьбѣ націи. Не давая въ казну ни гроша, ни даже выморочныхъ имѣній, уклоняясь отъ вражескихъ армій и храбро воюя только съ пѣтухами **) да съ своимъ королемъ и его совѣтниками, шляхта, вооруженная съ ногъ до головы, шумно и весело, какъ на праздникъ, валитъ на сеймы, которые уже

образомъ на сеймахъ дѣла шли складно и быстро" (Vol. leg. II, 28. 45, 93). Въ это время шляхта уже подымала важный вопросъ о томъ снабжать-ли своихъ пословъ безусловными или ограниченными полномочіями.

*) По обычаю и закону, на сеймикахъ присутствовали и сенаторы. Но ихъ роль здѣсь была такъ неблагодарна, что они уклонялись отъ этой обязанности. Уже въ 1510 году король принужденъ былъ строго объявить, что за это епископъ будетъ подверженъ штрафу въ 40 маровъ, воевода—въ 20, каштелянъ—въ 10. *Vol. leg.* I. 166. Генеральные сеймики исчезли скоро, какъ излишніе. Сила шляхты сосредоточилась въ повѣтовыхъ. По своему характеру, сеймики были печальнымъ подобіемъ сеймовъ. Шляхтичъ не задумывался даже осквернять святыню (сеймики собирались обыкновенно въ костелахъ) шумомъ, бранью, подчасъ и кровопролитіемъ. Уже въ началѣ XVI вѣка сеймики были нерѣдко срываемы несогласіемъ *одного* шляхтича. Въ такомъ случаѣ или король назначалъ новый сеймикъ (примѣръ у *Бѣльскаго*, С. 549), или на сеймѣ остальные земскіе послы говорили за отсутствующихъ. Въ Литвѣ, гдѣ въ описываемое время еще не укоренился польскій духъ, дѣло шло иначе. На люблинскомъ сеймѣ 1569 года даже были представлены жалобы на то, что въ Литвѣ подъ именемъ сеймиковъ существуютъ лишь съѣзды воеводъ, старостъ да хорунжихъ. Эти господа напишутъ, что хотятъ, и разсылаютъ бумагу шляхтичамъ по домамъ для приложенія печатей. Если при этомъ иной „рыцарь" заупрямится, ему, не шутя, обѣщаютъ *кіевъ* (паловъ).

**) О *Пѣтушьей войнѣ* см. ниже примѣчаніе на стр. 30.

успѣла обратить въ поприще своего торжества. Страшная сила сосредоточивается въ посольской избѣ, которая въ 1536 году срываетъ сеймъ. И такъ свободно, краснорѣчиво ораторствуетъ здѣсь шляхтичъ, что несчастный король, при первомъ признакѣ покорности съ его стороны, подскакиваетъ съ трона и обнажаетъ голову. Столь же развязно, точно о жареной курицѣ, говоритъ онъ о необходимости завести безкоролевье *).

Противъ этой язвы, хронически развивавшейся въ Польшѣ, не было никакихъ силъ устоять задаткамъ національнаго здоровья. Заражая свѣжіе соки государственнаго организма, которыми они питались, эта язва подтачивала будущее страны. Какъ рыхлый снѣгъ быстро таетъ весною, такъ растворялась въ ней королевская власть, принимая неуловимый видъ блѣднаго призрака, и это въ тѣ минуты, когда народъ всего болѣе нуждался въ ней, когда вся Европа своимъ примѣромъ, казалось, призывала его къ укрѣпленію объединяющаго начала. Сигизмундъ Старый плакалъ, видя, какъ лопались его усилія поднять кмета и горожанина. Сигизмундъ-Августъ еле держался на расшатанномъ тронѣ своею мягкостью и искусствомъ лавировать между враждующими партіями. И горько было утѣшеніе, которое слалъ имъ Западъ и даже султанъ, обѣщавшіе помочь имъ «укротить сіе толикое коварство подданныхъ» **).

Вымерла двухсотлѣтняя династія Ягеллоновъ, оставивъ неизвѣстному преемнику печальное наслѣдіе. То было огромное государство съ безчисленными землями и дарами природы, съ внѣшнею пышностью и блескомъ, съ лоскомъ европейской цивилизаціи; но бѣдное, экономически патріархальное, съ забитою массою народа. То былъ сбродъ племенъ и историческихъ единицъ, связанныхъ между собою лишь чувствомъ страха передъ внѣшнимъ врагомъ, на котораго они ходили стадообразно,

---

*) *Orichovius* (въ Гюйсс. изд. Длуг., II, p. 1488).

**) *Vita Petri Kmithae* (тамъ же II, 1624).

огуломъ, *посполитымъ рушеньемъ*. То было, наконецъ. не благоустроенное политическое цѣлое, а уродливая историческая аномалія, дворянская республика, *шляхетская демократія*. Наставало безкоролевье, и Поляку самому приходилось устроить это обремененное долгами наслѣдство. Удивительно-ли, что онъ взглянулъ на него съ горькою улыбкой обманутаго сына, и имъ овладѣло чувство недовольства. разочарованія? Не упоминая уже про то, что́ изъ года въ годъ говорилось на сеймахъ и сеймикахъ, замѣчательно, что, вопль негодованія, отчаянія, предчувствія близкой погибели проходитъ по всѣмъ сочиненіямъ историковъ и публицистовъ того времени. Образовался цѣлый новый родъ литературы изъ памфлетовъ, носившихъ названія: «Образъ возмущенной республики», «Плачъ и увѣщаніе», «Объ исправленіи республики» и т. под. Возникло нѣсколько «Апокалипсисовъ», въ которыхъ изображался настежъ растворенный домъ, спящіе отъ лѣни или пьянства стражи и врагъ въ сосѣднемъ лѣсу. Если мы не ошибаемся, то именно въ эту эпоху въ характерѣ Поляка прибавилась новая черта, безъ которой потомъ его уже нельзя было себѣ представить. Онъ вообразилъ, что сдержать развивающійся въ странѣ гибельный процессъ можетъ только маститая старина. Изъ него выработался особеннаго рода консерваторъ. Онъ перенесъ свой идеалъ въ глубину прошедшаго, когда было менѣе противорѣчій между формою и содержаніемъ жизни. И, чѣмъ болѣе онъ отставалъ отъ требованій исторіи, тѣмъ беззавѣтнѣе поклонялся «примѣру предковъ», тѣмъ громче раздавался въ его литературѣ плачъ по золотой старинѣ. Всякій реформаторъ казался ему оскорбителемъ священной памяти основателей государства, и въ глазахъ восторженнаго шляхтича на его головѣ уже сіялъ вѣнецъ тирана.

Приглашаемъ читателя провѣрить предлагаемою книгой впечатлѣнія, вынесенныя нами изъ изученія реформаціонной эпохи въ польской исторіи.

ГЛАВА I.

Состояніе Рѣчи Посполитой при кончинѣ Сигизмунда-Августа. Польскій примасъ.

Смутно было на душѣ у Поляка въ концѣ царствованія послѣдняго изъ Ягеллоновъ. Канунъ тяжелыхъ испытаній націи, которымъ посвященъ нашъ трудъ, знаменовался поразительнымъ предчувствіемъ. Оно охватило весь народъ отъ знатнѣйшихъ пановъ до раболѣпныхъ «хлоповъ». Лучшіе люди, опытные стражи интересовъ страны, понимали опасность близкаго безкоролевья. Они подымали на послѣднихъ сеймахъ существенный вопросъ, поставленный исторіей — вопросъ объ утвержденіи польскаго трона, о введеніи прочной формы избранія короля и сеймовыхъ порядковъ [1]). Остальные безсознательно чуяли бѣду, то сокрушенно внимая тревожнымъ слухамъ, ходившимъ по странѣ, то суевѣрно прибѣгая къ пророчествамъ и предзнаменованіямъ. Какъ ядъ, заражающій всѣ соки организма, въ неразумную массу народа глубоко проникло роковое убѣжденіе, что вмѣстѣ съ Сигизмундомъ-Августомъ погибнетъ и польское королевство, и все, чѣмъ поддерживалась доселѣ національная жизнь.... [2]). Не даромъ было смутно на душѣ у Поляка. Онъ терялъ довѣріе къ безсвязной и немощной правительственной

системѣ, къ безполезнымъ сеймамъ, уже вкусившимъ сладость разнородныхъ прельщеній. Онъ видѣлъ, какъ въ судахъ поруганная справедливость бѣжала передъ деньгами и родственными связями сильныхъ фамилій, покидая безъ защиты слабыхъ [2]). Онъ замѣчалъ, что въ странѣ, гдѣ царствовалъ застой всего лучшаго, не дремали только одни очи - очи чужеземцевъ, особливо агентовъ корыстнаго и властолюбиваго Рима. А на вершинѣ государственаго зданія его глазамъ представлялась мрачная картина, смыслъ которой не могъ укрыться ни отъ кого. Напрасно царедворцы заявляли, что «дворъ короля есть отецъ и представитель всякой благопристойности и степенности, общепольская школа всѣхъ добродѣтелей и благородныхъ стремленій» [4]). Въ народѣ упорно держалось убѣжденіе во всестороннемъ растлѣніи придворной жизни, въ жалкомъ положеніи короля. И народъ былъ правъ.

Природа жестоко мститъ за нарушеніе ея законовъ. Сигизмунду-Августу было немного болѣе пятидесяти лѣтъ [5]), а онъ уже быстро слабѣлъ и съ каждымъ днемъ опускался какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Подагра подкосила ему ноги. Его тѣло дряхлѣло отъ изнуренія, поддерживаемаго горячими напитками. Душевная дѣятельность его проявлялась въ легчайшей изъ государственныхъ заботъ—въ сознаніи королевскаго долга даровать странѣ наслѣдника престола. Ходила молва, что, раздѣляя эту заботу мужа, королева Варвара, доставлявшая ему всѣ радости, кромѣ дѣтей, погибла жертвой снадобій, къ которымъ прибѣгала [6]) легкомысленная женщина суевѣрнаго вѣка. Глубоко поразила Сигизмунда-Августа утрата этой серьёзной привязанности, единственной въ его жизни. Но сознаніе государственнаго долга вскорѣ соединило царственнаго вдовца, вопреки уставамъ религіи, съ сестрой первой жены. Къ несчастію, воспоминаніе объ очаровательной вдовѣ воеводы литовскаго и натянутая скромность болѣзненной и скучной вдовы

герцога мантуанскаго менѣе чѣмъ въ три года произвели разрывъ. Во время великокняженія въ Литвѣ Сигизмундъ-Августъ не жалѣлъ ничего, чтобы навсегда соединиться съ дочерью своего каштеляна: въ послѣдніе годы своей жизни хлопоталъ изо всѣхъ силъ о формальномъ разводѣ съ дочерью нѣмецкаго императора. Словно насмѣхаясь надъ природой, роковая страсть снова бушевала въ этомъ изнеможенномъ тѣлѣ, какъ въ былые свѣтлые дни виленскихъ забавъ, когда всѣ труды несъ на себѣ дѣльный старикъ, Сигизмундъ I. Изъ свиты сестры короля была переведена во дворецъ красивая шляхтянка, которой предназначалась доля польской королевы [7]). А въ Римѣ инквизиція выпытала у одного молодаго Итальянца еще болѣе омерзительныя и противоестественныя тайны польскаго короля. [8]). Человѣкъ, предавшійся страсти, не принадлежитъ себѣ; онъ обращается въ игрушку и орудіе тѣхъ, которые сумѣютъ ее эксплуатировать. По мѣрѣ того какъ Сигизмундъ-Августъ слабѣлъ духомъ и тѣломъ, для Польши наставало отвратительное царство камарильи, про которую очевидцы говорили, что она, и не пройдя поучительной школы лиссабонскаго двора, сдѣлалась «скопищемъ всякихъ мерзостей на стыдъ и поношеніе намъ и всѣмъ народамъ» [9]). Отстранивъ путемъ клеветъ прежнихъ царедворцевъ, потворствуя низкимъ инстинктамъ короля — словомъ, вооружившись ремесломъ, которое въ свободнорѣчивомъ польскомъ обществѣ было заклеймлено его истиннымъ названіемъ [10]), она стала распоряжаться государствомъ. Исчезло должное значеніе королевской печати и канцеляріи. Бланки съ высочайшею подписью ходили по странѣ. Камарилья сама писала всевозможные указы. Передъ ея могуществомъ палъ законный авторитетъ маршалка, канцлера и другихъ представителей государственнаго контроля при дворѣ *. И между тѣмъ какъ подлѣ

* Придворныхъ чиновъ (*Officiales* или *Officiarii Regni*, *Officyalisty* или *Ministerya*) въ Рѣчи Посполитой была масса. Они распадались на нѣ-

короля неотступно стояли любовница съ своею наперсницей и со старухой матерью, да какой-то Жидъ съ Швабомъ — епископы, воеводы и другіе важнѣйшіе члены сената не имѣли къ нему доступа и чуть не за воротами дворца ожидали его случайнаго выхода. Вмѣстѣ съ верховною властію оскудѣвали и плоды государственныхъ сбереженій. Камарилья грабила страну, лишая казну всѣхъ доходовъ, постоянныхъ и временныхъ. Нищета свирѣпствовала подлѣ королевской особы: нечѣмъ было уплатить жалованья придворнымъ и войску. Этого мало. Какъ неосторожно вызванный духъ тьмы, камарилья стала, наконецъ, угнетать самого короля. У несчастнаго сластолюбца, рукой котораго она водила, вырвались наканунѣ смерти скорбные вопли: «Я и не знаю, что вы даете мнѣ подписывать!.. Я подпишу— и сколько хлопотъ выйдетъ изъ того! До чего вы меня довели!» [11])

Но не одну свою власть и нравственную свободу отдалъ ей польскій король. Онъ вручилъ ей и послѣднее свое достояніе — свою жизнь. Это было незадолго до его кончины, когда надъ нимъ разразился страшный душевный ударъ. Изъ Линца пришло

сколько отдѣловъ по степени значенія каждаго изъ нихъ. Важнѣйшими были тѣ, которые пользовались сенаторскими правами, начиная съ Люблинской уніи или незадолго передъ нею. Таковы были (каждый въ двойномъ числѣ, для королевства и великаго княжества): маршалокъ великій, канцлеръ великій, под (вице) канцлеръ, подскарбій великій (*thezaurarius*, казначей), маршалокъ надворный. Они сидѣли въ сенатѣ ниже 2-хъ архіепископовъ, 14-ти епископовъ, 34-хъ воеводъ, 86-ти каштеляновъ и одного старосты. За то ихъ служба была пожизненная. Они долгое время обладали привилегіей на «ясновельможный» титулъ и превосходили другихъ сенаторовъ своимъ государственнымъ значеніемъ. Ихъ обязанностію было неотступно находиться подлѣ короля и сторожить «права и свободы гражданъ Рѣчи Посполитой. Отъ того многіе усердно старались промѣнять самое почетное сенаторское кресло на одну изъ придворныхъ должностей. Lengnich: *Jus publ. regni Poloni*, II, 8, въ польскомъ переводѣ изд. редакціей *Kwartalnika naukowego*. Kraków. 1836, p. 266—299.

извѣстіе о смерти покинутой мужемъ польской королевы. Одолѣваемый тревожными предчувствіями, суевѣрный Сигизмундъ-Августъ вдругъ измѣнилъ своей обычной безпечности. Въ ту миниту, когда у него созрѣлъ уже планъ формальнаго развода съ женщиной, мѣшавшею его старческому счастію, онъ, ко всеобщему изумленію, какъ дитя, залился слезами, вмѣсто того чтобы радоваться событію, которое шло навстрѣчу его желаніямъ [12]). Какое-то подобіе совѣсти шевельнулось въ этой легкой натурѣ. Онъ погрузился въ глубокую печаль. Замолкли его любимыя рѣчи о необходимости утвердить наслѣдство въ своемъ родѣ. Съ ужасомъ замѣчая, какъ моровая язва искала своихъ жертвъ на варшавскомъ сеймѣ, собравшемся вокругъ него, онъ впервые ощутилъ рѣшительные припадки гибельной болѣзни, тоскливое предчувствіе подходящей развязки. А между тѣмъ онъ все еще любилъ до дна исчерпанную жизнь и совсѣмъ палъ духомъ, при видѣ какъ она ускользала отъ него. Не вѣря въ могущество врачебной науки, онъ беззавѣтно отдался мрачнымъ силамъ, къ содѣйствію которыхъ уже пытался прибѣгать не разъ [13]). Въ эпоху ремормаціи мрачное исчадіе восточной фантазіи, дьяволъ, разгуливалъ по Европѣ не хуже, чѣмъ въ умственной тьмѣ среднихъ вѣковъ. Обращеніе къ нему было естественнымъ исходомъ для сарданапальскихъ натуръ. Сигизмундъ-Августъ окружилъ себя мертвымъ уединеніемъ, не охотно допуская къ себѣ даже единственное родное существо, сестру свою Анну. За то подлѣ него явилась ветхая знахарка. Она ввела его въ душную атмосферу безтолковыхъ заклинаній и чаръ, доморощенныхъ врачеваній.

При такихъ условіяхъ роковая развязка подходила быстро. Время было совершить послѣдній шагъ, въ которомъ выражаются сокровенные помыслы умирающаго. Эгоистъ во всю жизнь, Сигизмунтъ-Августъ теперь только созналъ, какое печальное будущее ожидало его прахъ и память. Онъ понялъ, что у сво-

его гроба не оставлялъ серьёзной привязанности ни въ одномъ сердцѣ. Тѣ немногіе льстецы, которые считали еще нужнымъ преклоняться передъ изнемогавшимъ королевскимъ величіемъ, обратятся тотчасъ въ его враговъ; неблагодарные сыны Польши объявятъ его смерть избавленіемъ отъ плѣненія вавилонскаго. И вотъ, за нѣсколько дней передъ своею кончиной, польскій король умолялъ враждебную его странѣ Европу о защитѣ своей послѣдней воли, узаконенной завѣщаніемъ! Въ то же время, желая спасти для забытыхъ сестеръ хоть часть того, что̀ щедро расточалъ въ теченіе жизни, онъ пряталъ всѣ драгоцѣнности до послѣдней утвари, обирая заранѣе свой трупъ, не оставивъ даже необходимаго для погребенія [14]). Такъ застигла Сигизмунда-Августа смерть 7-го̀ іюля 1572 года въ Кнышинѣ, свѣжіе, уединенные лѣса котораго привлекли его изъ зараженной Варшавы. Въ томъ городѣ, который недавно былъ вотчиной популярнѣйшей изъ литовскихъ фамилій *, въ той землѣ, гдѣ увидѣлъ свѣтъ основатель династіи Ягеллоновъ, суждено было испустить послѣдній вздохъ ея завершителю.

Предчувствіе не обмануло Сигизмунда-Августа. Мрачная картина, носившаяся передъ его потухавшимъ взоромъ, перешла въ дѣйствительность тотчасъ послѣ его кончины. Въ тѣ минуты, когда его бездушный трупъ лежалъ всѣми забытый въ зараженномъ городкѣ, духъ лучшихъ дней, казалось, навсегда покидалъ Рѣчь Посполитую. Историческое счастіе отвертывалось отъ нея. Не въ томъ бѣда, что династія Ягеллоновъ вымирала въ тѣ дни— въ здоровомъ государствѣ отыскалась бы другая на ея мѣсто—а въ томъ, что истекалъ срокъ «золотому вѣку» въ исторической

---

* Кнышинъ принадлежалъ фамиліи Радзивиловъ. Николай Радзивилъ, епископъ жмудскій, съ которымъ прекратилась линія Радзивиловъ въ Гоніондзѣ и Меделѣ, подарилъ этотъ городъ Сигизмунду I. Кнышинъ лежалъ въ Подляхіи (сѣверо-западная часть нынѣшней гродненской губерніи), близь Нарева.

жизни польскаго народа. Для нея наставалъ переломъ. Уже созрѣли внѣшнія и внутреннія причины, его подготовившія. Удары грозы, давно скоплявшейся на польскомъ небосклонѣ, уже доносились до слуха испуганной націи какъ изнутри, такъ и съ окраинъ государства. Правда, эта нація была еще молода. Но возможно ли было ей надѣяться на загадачное будущее, когда настоящее представляло столь мрачную картину? Попытаемся обрисовать его въ общихъ чертахъ, начиная съ вершины государственнаго зданія.

Казалось, самыя жалкія свойства человѣческой природы условились сойтись на общій пиръ у нагаго и одинокаго трупа. Наиболѣе близкія къ покойному лица, дорожившія его милостями до такой степени, что держали при себѣ знахарей для ихъ привлеченія, разбѣжались отъ него въ первую минуту, боясь заразы. Поденныя царицы его страстей, эти «ясные соколы», * которыя, бывало, призывали на головы соперницъ судьбу гороха, трескавшагося на очарованныхъ угольяхъ, улетѣли тотчасъ же въ болѣе безопасныя гнѣзда. Тамъ онѣ скоро утѣшились, пристроившись въ выгодныхъ бракахъ, благодаря легко добытому приданому, которое вынесли изъ дворца, вмѣсто теплаго чувства къ ласкавшему ихъ человѣку. При трупѣ короля оставались только: ловкій епископъ, родственникъ Варвары Радзивилъ, лѣкарь-иноземецъ, да нѣсколько незначительныхъ придворныхъ. Одинъ подданный, да и то не по доброй памяти, а изъ разсчета, на собственныя деньги одѣлъ королевское тѣло, а чужестранецъ украсилъ его своимъ наслѣдственнымъ перстнемъ и крестомъ на золотой цѣпи. Тогда снова сбѣжались къ трупу опомнившіеся царедворцы, какъ слетаются къ падали хищныя птицы. Они овладѣли прахомъ своего государя и не выдавали его Рѣчи Посполитой. Они смотрѣли на него какъ на единственный за-

* Такъ называлъ Сигизмундъ-Августъ извѣстныхъ женщинъ, окружавшихъ его. Orzelski: I, 74.

логъ уплаты жалованья, котораго давно уже не получали. Сенаторамъ, этимъ распорядителямъ страны въ безкоролевье, посчастливилось найти въ одной шкатулкѣ покойнаго 75 тысячъ злотыхъ. Они кинули ихъ корыстолюбцамъ и только съ помощію этого выкупа могли увезти трупъ изъ зараженнаго Кнышина въ здоровый Тенчинъ. А камарилья, минуты коей были уже изочтены, спѣшила подѣлить остатки еще не вполнѣ разграбленнаго ею достоянія. Вокругъ дворца, у всѣхъ передъ глазами, происходило суетливое движеніе. Сновали курьеры съ туго набитыми пакетами. Вывозились колымаги, въ которыхъ подъ видомъ съѣстныхъ припасовъ покоились мѣшки и сундуки, наполненные *португалами* и венгерскими червонцами Во имя послѣдней воли короля пересылались разныя суммы его любовницамъ, причемъ изыскивались средства обманывать и ихъ. Подлость выходила увѣнчанною барышами побѣдительницей изъ борьбы съ распутствомъ... [15]).

Этими отвратительными чертами далеко не вполнѣ характеризуется мелкая буря, что̀ шумѣла у подножія опустѣвшаго престола. Ничѣмъ не сдерживаемая зависть придворныхъ, стоявшихъ въ милости у короля ступенью ниже самыхъ приближенныхъ временщиковъ, безсильная вчера, спѣшила заявить себя теперь. «У нашихъ таковъ обычай, говоритъ наблюдательный юный царедворецъ: имъ претитъ тотъ, къ кому ласковъ панъ.» Поднялся придворный ропотъ, чуть не бунтъ, противъ друга покойнаго короля, Николая Мнишка. Человѣкъ, которому суждено было въ послѣдствіи доставить супругу лжецарю Московскаго государства, подвергался опасности лишиться не только богатствъ, скопленныхъ путемъ потворства низкимъ страстямъ Сигизмунда-Августа, но и самой жизни. Многіе громко̀ хвастались, что теперь доѣдутъ его и покажутъ ему что̀ значатъ «сундуки, летающіе въ окна». Лишь сила добросердечія молодаго, всѣми любимаго Сиротки Радзивила спасла стараго

грѣшника отъ бѣды. Другихъ придворныхъ пановъ болѣе занимало упроченіе будущаго своего благополучія, чѣмъ удовлетвореніе зависти или мести. Они ковали политическія интриги, составляли партіи, вымышляли кандидатовъ на престолъ, наиболѣе для себя выгодныхъ. [16]) Остальные пеклись лишь о своемъ матеріальномъ благосостояніи.

Мы не остановились бы на этихъ подробностяхъ, еслибы вообще придворная сфера не была органически связана съ народною жизнію, и еслибы въ тогдашней Польшѣ она не служила миніатюрнымъ изображеніемъ состоянія всего государства. Не одна камарилья производила грабежъ вокругъ резиденціи и трупа короля. За него взялись, наконецъ, и представители Рѣчи Посполитой, тѣ немногіе сенаторы, которые находились въ Кнышинѣ. Епископъ, прикрывшій на свой счетъ нагое тѣло Сигизмунда Августа, не отставалъ отъ нихъ. Ловкіе люди накинулись и на наслѣдіе королевны Анны. Не была въ безопасности даже ея честь. Для ея охраненія правители спѣшили окружить королевну авторитетомъ высокихъ сановниковъ свѣтскаго и духовнаго чина. Нѣкоторые, запасшись деньгами, устремлялись за границу, подобно ченстоховскому аббату, который, ограбивъ богатую церковь, улизнулъ въ Силезію. Благодаря убійственной энергіи этихъ подвижниковъ, множество королевскихъ имѣній, долженствовавшихъ поступить во время безкоролевья въ вѣдѣніе Рѣчи Посполитой, было роздано недостойнымъ людямъ то въ пользованіе, то въ выгодное арендное содержаніе, то подъ видомъ залога за старые и новые долги. Ради добычи денегъ были даже заложены многія пошлины, вмѣстѣ съ соляными и таможенными сборами. Словомъ, королевскіе доходы такъ сократились, что теперь, когда настала крайняя нужда въ деньгахъ, въ руки подскарбія почти ничего не приходило. Бѣдность при дворѣ достигла такихъ размѣровъ, что несчастной королевнѣ Аннѣ съ ея ничтожнымъ

штатомъ приходилось жить какъ послѣдней нищей. Съѣстные припасы, кое-какъ подвозимые ко двору, были перехватываемы и уничтожаемы литовскими казаками, которыхъ Сигизмундъ-Августъ предназначалъ совсѣмъ для другой цѣли, именно для охраненія лѣсовъ. Лошади въ королевскихъ конюшняхъ издыхали отъ голода, Но какъ ни безотрадно было такое положеніе государственной казны, его еще можно было-бы почесть за счастіе, еслибы Рѣчь Посполитая получила въ наслѣдство отъ своего короля только пустой общественный кошелекъ. Хуже всего то, что на немъ тяготѣла огромная сумма долговъ, большею частію давно просроченныхъ и всецѣло истраченныхъ на «шалости» короля. На долю государственныхъ потребностей не пришлось ни копѣйки. Кредиторы теперь, конечно, спѣшили заявить свои требованія. И какъ было ихъ много, и какъ были они разнообразны! Тутъ были и подданные короля, по большей части старосты да каштеляны; и сама ограбленная Рѣчь Посполитая: и иностранцы, во главѣ которыхъ стояли поморскіе князья и шведскій король. Счетъ однихъ заграничныхъ долговъ значительно превышалъ два милліона злотыхъ: огромная сумма для того времени! И что бы значила, еслибъ она даже имѣлась, шкатулка съ 200 тысячъ червонцевъ, о коей ходила молва, не знавшая, впрочемъ, гдѣ она скрыта. [17])

Жалкимъ положеніемъ государственныхъ финансовъ далеко не исчерпывалась глубина матеріальнаго паденія Рѣчи Посполитой. Благосостояніе всѣхъ классовъ населенія было разстроено и быстро клонилось къ гибели. Почуявъ отсутствіе силы сдерживающей, силы порядка, со дна общества всплывали худшія страсти человѣческой природы. Приходилось дрожать за все наиболѣе дорогое и милое. Даже могущественнѣйшіе изъ польскихъ пановъ, собиравшихся тамъ и сямъ для рѣшенія государственныхъ дѣлъ, подвергались той же участи: ихъ безпрестанно тревожили и отвлекали отъ занятій слухи, что въ

ихъ покинутыя имѣнія «въѣхалъ» тотъ или другой досужій господинъ.[18]) Словомъ, самыя простыя, первоначальныя условія существованія, безопасность личности и собственности, исчезли съ лица польской земли. Къ уясненію этого необыкновеннаго могущества анархіи всего лучше служитъ тотъ фактъ что вскорѣ вся Рѣчь Посполитая покрылась сѣтью *конфедерацій* — этою оригинальною, чисто-польскою формой государственнаго порядка. Иначе и быть не могло. Гдѣ прекратилось царство закона и справедливости, тамъ требовалась физическая сила, чтобы хоть сколько-нибудь ограничить господство политическаго и общественнаго хаоса.

Польша и безъ того жила почти въ первобытныхъ экономическихъ условіяхъ. Пути сообщенія были весьма скудны и неудобны. Передвиженія въ средѣ польскаго общества были сопряжены съ большими затрудненіями и издержками. Станцій и гостиницъ почти вовсе не было, даже на столбовыхъ дорогахъ. Путникъ долженъ былъ заранѣе заготовлять помѣщеніе и кормъ для себя и своихъ коней. А если гдѣ и попадался постоялый дворъ, то дай Богъ найти въ немъ плохой кровъ, да горсть овса или клокъ сѣна. Паническій страхъ, овладѣвшій всѣми съ наступленіемъ безкоролевья, еще болѣе усложнилъ положеніе дѣлъ. Подъ его вліяніемъ быстро скрывались всякаго рода запасы и капиталы. Деньги, вообще неизобильныя въ земледѣльческой странѣ, совсѣмъ не показывались со дна шкатулокъ. Заемъ, весьма тяжелый по своимъ условіямъ и при Сигизмундѣ-Августѣ для самаго главы государства, сталъ почти невозможенъ. Онъ могъ состояться развѣ за чудовищные проценты и то не всегда. Такъ погибалъ кредитъ именно въ то время, когда въ немъ наставала особенная нужда. Каждый искалъ денегъ во что бы то ни стало не для какихъ-либо затѣй и предпріятій, а единственно для своего прокормленія при появившейся страшной дороговизнѣ предметовъ первой жизненной по-

требности. Напротивъ, вещи, безъ которыхъ была какая либо возможность обойтись, стремительно падали въ цѣнѣ. Оттого процвѣтавшая до тѣхъ поръ въ Польшѣ торговля произведеніями иностранной промышленности, относившимися по преимуществу къ предметамъ роскоши, претерпѣвала полное банкротство, а съѣстные припасы стали цѣниться чуть не на вѣсъ золота. Въ нѣкоторыхъ наиболѣе несчастныхъ мѣстностяхъ трудно было найти кусокъ хлѣба даже первымъ сановникамъ государства. Нищіе отвергали деньги, требуя пищи. Въ то же время все, что относилось къ самообороне, къ охранѣ личности человѣка, возвышалось до значенія предметовъ первой необходимости. [19])

Къ довершенію всего, Провидѣнію угодно было набросить погребальный саванъ на скорбную картину. Къ концу царствованія послѣдняго Ягеллона въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой открылась жестокая моровая язва. Она не покидала несчастной страны въ первыя тяжкія минуты безкоролевья. Лишь ранняя необычайно-жестокая зима положила ей конецъ. Мы не можемъ описать этой кары Божіей болѣе яркими красками, чѣмъ слова очевидца, дѣйствовавшаго въ самомъ кругу распространенія заразы. Его живой разсказъ дышетъ правдивою простотой. Это былъ секретарь папскаго легата, который въ видахъ католической интриги неутомимо объѣзжалъ тогда всѣ части польскаго королевства. «Во время этихъ разъѣздовъ, говоритъ онъ, мнѣ пришлось посѣтить всѣ племена и народы обширнѣйшаго государства. Это было сопряжено не только съ большимъ трудомъ, но и съ опасностію жизни. Въ то лѣто (въ 1572 году) страной овладѣла повальная болѣзнь съ страшною силой. Ни одна изъ многочисленныхъ провинцій не избѣжала ея ужасныхъ дѣйствій. Огромное число людей, особенно изъ простаго народа, гибло ея жертвой. Убѣгая отъ заразы, жители покидали многолюдныя селенія съ женами и дѣтьми и безпорядочными толпа-

ми бросались въ открытыя поля и лѣса. Здѣсь, въ шалашахъ изъ древесныхъ вѣтвей, они укрывались отъ жара, ночной росы и опасныхъ атмосферическихъ явленій. Но, отыскивая уединенныя мѣста, несчастные не оставались одни. Ихъ преслѣдовали зараза, которую они продолжали распространять между собой черезъ соприкосновеніе и даже дыханіе, голодъ и всевозможныя матеріальныя лишенія. Однажды въ лѣсной чащѣ наткнулся я на такую толпу и очутился въ немалой опасности. Ее съ трудомъ можно было отогнать отъ моего экипажа, и то не иначе, какъ застращавъ наведенными на нее дулами ружей. Несчастные молили о помощи и протягивали ко мнѣ руки. Я бросилъ имъ нѣсколько монетъ. Но они съ горькимъ упрекомъ отвѣчали на это, что имъ нечего дѣлать съ деньгами, ибо имъ не позволяютъ сообщаться съ людьми. Ихъ не пускаютъ даже въ ихъ собственные дома, откуда они бѣжали. Тогда я приказалъ кинуть имъ хлѣба и разныхъ съѣстныхъ припасовъ, бывшихъ при мнѣ для собственной потребы. Они бросились на землю и, цѣлуя ее, горячо благодарили меня. Этого мало. Подлѣ Андрейова * я увидѣлъ зрѣлище еще болѣе мрачное. Минуя городъ, въ стѣнахъ котораго, сказывали мнѣ, свирѣпствовала моровая язва, я взялъ влѣво. Но здѣсь мнѣ попалась на встрѣчу толпа обывателей. Они бѣжали изъ города, думая спастись отъ заразы. Напрасно. Поля, особенно подлѣ дороги, были усѣяны уже истлѣвавшими трупами ихъ согражданъ. Ожидая съ минуты на минуту такой же участи, живые и не думали о погребеніи мертвыхъ. Конечно, въ такомъ страшномъ, отвратительномъ мѣстѣ мнѣ оставалось только ударить по моей четверкѣ и мчаться прочь отъ опасности и непріятнаго зрѣлища. Это ужасная вещь! Страшно и подумать о ней! [20])

Въ исторіи не много примѣровъ подобнаго положенія государства. Въ ней трудно также найти что-либо похожее на нрав

* Между Краковомъ и Кѣльце, въ краковскомъ воеводствѣ.

ственное настроеніе, овладѣвшее тогда польскою націей. Изъ рукъ въ руки переходили желчные памфлеты, наполненные безпощадною критикой жалкой современности. Повсюду громко раздавались рѣзкіе голоса, высказывавшіе горькое сознаніе своей безпомощности, не то искрились благородныя слезы глубоко возмущенной души. Придворные, находившіеся у тѣла короля, писали малопольскому съѣзду тотчасъ послѣ его смерти: «Теперь настали минуты сиротства. Богъ оставилъ подданныхъ безъ короля, слугъ безъ господина, члены безъ головы, овецъ безъ пастыря. Мы знаемъ и видимъ во-очію, что теперь, когда столь великія опасности устремляются со всѣхъ сторонъ на это достойное королевство, оно остается безъ укрывающихъ стѣнъ, безъ укрѣпленій, безъ ратныхъ доспѣховъ и оружія — словомъ, безъ тѣхъ условій самозащищенія и отпора, которыми обладаютъ иноземцы». [1]) Въ одномъ памфлетѣ изображенъ какой-то всезнающій Полякъ, который пришелъ къ несвѣдущему Пясту, вставшему тогда изъ семисотлѣтней могилы. Гость такъ рисовалъ передъ хозяиномъ картину всесторонняго паденія польской націи. Указывая на главныя причины зла, онъ говорилъ: «Нынѣ въ сердцахъ людей угасла любовь къ славѣ и безсмертію, поникла военная доблесть. На ея мѣстѣ воцарились лѣнь, да лежебочничество. Оттого насъ стали громить чужеземцы. Они съ живыхъ насъ дерутъ кожу, причиняютъ намъ всевозможный вредъ, стѣсняютъ наше земледѣліе, нашу торговлю, гибельно дѣйствуя на сушѣ и на морѣ. Маркграфъ бранденбургскій и Турки подкапываются подъ Польшу, Москва — подъ Литву, Татары — подъ Русь, датскій король — подъ море. А тутъ еще великій недостатокъ въ господинѣ *нуммусѣ* (въ деньгахъ), безъ котораго что сдѣлаешь? Если и были люди, которые старались подняться на основѣ земледѣльческаго хозяйства, то они хватались за дѣло слишкомъ горячо, заводили его въ слишкомъ обширныхъ размѣрахъ — и упадали города, и нищали ихъ собствен-

ные крестьяне. Насталъ экономическій застой. За нимъ слѣдовала нищета, за нищетой—голодъ, за голодомъ—моровая язва. Такъ все ухудшалось, и число крестьянъ неудержимо падало, хотя панъ попрежнему былъ окруженъ огромнымъ запасомъ челяди и богатыхъ конюшенъ. Такъ естественно пораждались долги и всякаго рода лишенія, которыя возрастаютъ все болѣе и болѣе». [22]) Въ другомъ памфлетѣ шляхтичъ, раскрывая передъ сенаторомъ аркадское зрѣлище добраго стараго времени, приходилъ къ еще болѣе скорбнымъ заключеніямъ о моментѣ, насъ занимающемъ. «Мы теперь брезгаемъ всѣмъ, что̀ было хорошо въ старину, и поступаемъ противоположно. Вмѣсто добродѣтели, мы предались порокамъ; вмѣсто мудрости, презрѣвъ свободныя искусства, откуда она проистекаетъ, мы стали пробавляться хитростію и жидовскими уловками, посредствомъ которыхъ отлично вымываемъ другъ друга и безъ щелоку; вмѣсто любви къ Рѣчи Посполитой, мы привязались къ своимъ личнымъ интересамъ. Мы называемъ мужествомъ дерзкое нахальство, которое, притомъ, употребляемъ не противъ государственныхъ враговъ, а противъ себя самихъ, забывая законъ Божій и наше общественное право. Какъ только роскошь одолѣетъ и хорошенько общиплетъ насъ, мы тотчасъ ударяемся въ скаредничество, и съ помощію его стараемся заткнуть диры, вознаградить утраченное. И нѣтъ такого порока, которому мы не рѣшились-бы предаться изъ-за ничтожной прибыли. Одни, пользуясь своею властію, своекорыстно раздаютъ чины и должности, какъ духовныя такъ и свѣтскія, людямъ недостойнымъ. Другія продаютъ за деньги справедливость и ей подобныя блага, которыя они обязаны распространять безвозмездно. Третьи за капиталы, ссужаемые въ долгъ, берутъ безбожные проценты, неслыханные во всемъ свѣтѣ, даже у язычниковъ. Мы взаимно покрываемъ наши общія преступленія, поблажаемъ злодѣевъ и безстыдно способствуемъ имъ избѣжать кары правосудія. Не радѣя о благѣ

общемъ, торгуя имъ, мы въ тоже время любимъ толковать о немъ, предлагать свои совѣты, поносить другъ друга за пристрастіе къ ничтожнымъ частнымъ интересамъ. Мы насмѣхаемся надъ тѣми, кому ввѣрено попеченіе объ этомъ благѣ; осыпаемъ ихъ безконечными клеветами и, выставляя ихъ, такимъ образомъ, въ ненадлежащемъ свѣтѣ, мѣшаемъ имъ отправлять ихъ великую службу отечеству. Наконецъ, пролагая пути собственнымъ личнымъ выгодамъ, мы многоразличными способами даже отгоняемъ отъ Рѣчи Посполитой ея служителей. Сами же, нисколько не заботясь о ней, увлекаясь низкою междуусобною борьбой, мы, точно псы гложущіе жирную кость, разрываемъ ее на части своими интригами, какъ-бы добровольно призывая къ себѣ позорную смерть. Тутъ и Богъ не поможетъ, ибо мы не исполняемъ его заповѣдей. Еслибы мы сами не бросались въ огонь, не сгорѣли-бы; еслибы не лѣзли въ воду, не утонули бы. Но мы, напротивъ, междуусобствуя изъ-за нашихъ личныхъ интересовъ, какъ псы изъ за жирной кости, завязли въ огромномъ, постыдномъ болотѣ. Мы грузнемъ въ немъ все болѣе и болѣе, забывая, что съ этою костью намъ придется непремѣнно утонуть, если не кинемъ ее и не поплывемъ свободно къ берегу, помогая другъ другу» [23]).

Таково было матеріальное состояніе и нравственное настроеніе польской націи въ эпоху, когда наступало безкоролевье. Среди наплыва анархіи приходилось думать не объ общемъ дѣлѣ, а о собственномъ существованіи, предаться инстинкту самосохраненія, спасать не Рѣчь Посполитую, а свою жизнь, да имущество. И не было человѣка, который не бросался-бы невольно къ мечу и коню. Повсюду собирали давно забытые доспѣхи, чистили заржавѣвшее оружіе, а у кого его не было, тотъ не жалѣлъ послѣдней копѣйки, раздѣляя ее между мечомъ и хлѣбомъ. Прекратился разгулъ пановъ. Забытъ шумъ пировъ. Закрылись дома общественныхъ развлеченій. Замолкли веселыя

пѣсни, плясовая музыка. Въ то время какъ мущины хватались за оружіе, дѣвицы разставались съ гирляндами цвѣтовъ, по обычаю украшавшихъ ихъ волосы; замужнія женщины облеклись въ траурныя одежды. Благочестивые голоса совѣтовали, оставивъ умничанье и самонадѣянность, обратиться къ Богу спасающему съ единодушнымъ воплемъ: «мы погибаемъ, спаси насъ, Господи, безъ Тебя мы ничего не можемъ сдѣлать!» Храмы переполнились благочестивыми, престолы ломились подъ щедрыми приношеніями. Въ уединенномъ городкѣ, среди угрюмыхъ Абруццъ, душа польскаго католичества, благочестивый кардиналъ Гозій дни и ночи молился о спасеніи Польши. Ему вторили окружающіе монахи. А неподалеку, въ долинѣ Тевероне, возвышались церкви вѣчнаго города, въ которыхъ, по повеленію папы, народъ просилъ у Бога милости для несчастной славянской націи [24])....

Мы обрисовали внутреннее состояніе Рѣчи Посполитой по смерти Сигизмунда-Августа. Но удары опасной грозы доносились до слуха смущенной націи также съ окраинъ государства и изъ-за границы. Дѣло въ томъ, что въ описываемую эпоху какъ средства защиты Польши, такъ и ея отношенія къ иностраннымъ державамъ были вовсе не въ надежномъ положеніи. Границы Рѣчи Посполитой лежали обнаженныя. Путь иноземному врагу къ ея сердцу былъ открытъ отовсюду. На западѣ не существовало надежнаго оплота противъ габсбургскаго могущества. Въ водахъ Балтійскаго моря не стояло военнаго флота для отпора Шведамъ. Герцогство Пруссія было плохимъ защитникомъ польскихъ интересовъ: оно влеклось къ союзу съ поморскими князьями и съ нѣмецкимъ императоромъ. Жители Данцига, вчера только обагрившіе мечи польскою кровью, защищая свои права, теперь спѣшили утвердить свою независимость. А въ воеводствахъ кульмскомъ и поморскомъ, при первомъ извѣстіи о смерти Сигизмунда-Августа, прежніе владѣльцы

захватили земли, отобранныя у нихъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ польскую казну. Стражъ польскихъ интересовъ въ той странѣ, Станиславъ Пршіемскій, удостоившійся въ послѣдствіи высокаго сана маршалка великаго коронпаго, не надѣясь на помощь Рѣчи Посполитой, рѣшился на собственный страхъ отплатить Пруссакамъ такимъ же разгромомъ ихъ владѣній въ Великой Польшѣ. Востокъ представлялъ наиболѣе печальное зрѣлище. Литва, истощенная долголѣтнею войной съ Московскимъ государствомъ, молила Польшу о помощи дѣломъ, а не словомъ. Мало того. Литовцы готовились укрѣпляться и съ западной стороны. Они такъ мало довѣряли Польшѣ, что, не смотря на ея настойчивыя требованія, не выдавали хранившихся въ Вильнѣ древнихъ государственныхъ актовъ. Литовцы намѣревались теперь съ особенною энергіей заявить свои права на самостоятельность, свою ненависть къ мачихѣ-Польшѣ, губившей и унижавшей ихъ ради собственныхъ выгодъ. Они готовы были посадить на свой великокняжескій тронъ отдѣльнаго правителя. Среди ихъ вельможъ, въ жилахъ которыхъ текла тогда королевская кровь Ягеллоновъ, можно было найти не одного Романа Сангушко: онъ поклялся еще при Сигизмундѣ-Августѣ во всю свою жизнь мстить цѣлому Польскому государству за убіеніе своихъ братьевъ польскими панами[25]). На югѣ, за отсутствіемъ точныхъ и защищенныхъ предѣловъ, то-и-дѣло совершались набѣги крымской орды. Даже единственный проходъ въ недоступныхъ карпатскихъ тѣснинахъ не былъ занятъ польскимъ отрядомъ и, казалось, призывалъ къ себѣ опасныя полчища нѣмецкаго императора. Столь жалкое положеніе границъ Рѣчи Посполитой зависѣло отъ того, что у нея почти вовсе не было войскъ. Разбросанные тамъ и сямъ небольшіе отряды были проникнуты не патріотическимъ настроеніемъ, а глубокимъ, застарѣлымъ чувствомъ недовольства. Они гнѣвно требовали жалованья, надѣясь добиться за прошлыя лишенія хоро-

шаго вознагражденія въ минуты крайней въ нихъ надобности. Къ тому же, у нихъ не было общаго вождя. Какъ-будто нарочно, мѣсто великаго гетмана короннаго недавно опустѣло за смертію дѣльнаго и опытнаго Николая Сѣнявскаго. Быть-можетъ, даже изъ страха передъ огромнымъ значеніемъ этой государственной должности, покойный король затянулъ дѣло о ея замѣщеніи до самой своей кончины. * Только охрана юго-восточныхъ границъ, гдѣ ни на минуту нельзя было выпустить меча изъ рукъ, была ввѣрена на время строгому и суровому служакѣ, Юрію Ясловецкому. Онъ вскорѣ умеръ неусыпнымъ стражемъ этого поста.

Въ такомъ-то бѣдственномъ состояніи находилась оборона Польскаго государства въ то время, когда его положеніе въ системѣ европейскихъ державъ было крайне ненадежно. Благо-

---

* Heidenst: p. 5. Въ Рѣчи Посполитой къ числу придворныхъ чиновъ, не пользовавшихся сенаторскими правами, принадлежали *гетманы*. Ихъ было по два въ королевствѣ и великомъ княжествѣ. Одинъ назывался *великимъ* (для *постояннаго* управленія войсками), другой — *польнымъ* (для поля битвы). Второй имѣлъ значеніе помощника и замѣстника перваго. Въ первой половинѣ XVI вѣка была еще должность *надворнаго* гетмана, которая, впрочемъ не успѣла выработаться. Не всегда замѣщенная, она существовала очень не долго. Эти чины были организованы въ Польшѣ Сигизмундомъ I (въ Литвѣ достоинство гетмана великаго было пожаловано Николаю I Радзивилу еще Ягелломъ) который сдѣлалъ ихъ пожизненными. До него въ поле выступала шляхта *en masse*, въ силу *посполитаго рушенья*, причемъ каждый воевода *гетманилъ* (повелѣвалъ) своему воеводству. Изрѣдка, и то лишь на время одного похода, король, этотъ обычный вождь арміи, ввѣрялъ кому-либо булаву — знакъ неограниченной власти главнокомандующаго. Гетманъ великій имѣлъ значеніе замѣстника короля и въ своемъ вѣдомствѣ пользовался его авторитетомъ. Какъ Поляки опасались силы своихъ гетмановъ великихъ видно изъ того, что въ XVII вѣкѣ ихъ стали назначать лишь на три года и право назначенія отнято у короля генеральнымъ сеймомъ. Гетманъ великій, Николай Сѣнявскій, умеръ въ 1569 году, временно исправлявшій его должность, Юрій Ясловецкій — въ 1575. Lengnich: III 10; въ пол. перев. стр. 315—321.

даря отчасти географическимъ условіямъ, отчасти характеру своего политическаго организма, Рѣчь Посполитая, не имѣя друзей и помощниковъ, насчитывала тогда много враговъ. Отдаленныя западныя державы, Англія, Франція, Испанія, не были соединены съ нею выгодными союзами: торговыя сношенія происходили при посредствѣ Ганзы. Сближеніе съ весьма важною сѣверною державой, Швеціей, задуманное еще старымъ Сигизмундомъ, было случайно и непрочно. Поддерживаемая лишь родственными отношеніями царствовавшихъ домовъ, связь между Польшей и Швеціей прекращалась со смертію Сигизмунда-Августа. Сестра его, возсѣдавшая на шведскомъ престолѣ, уже теряла значеніе для польской исторіи. А между тѣмъ, мало-помалу открывались источники нескончаемой вражды между этими державами—вражды, которая не замедлила разразиться гибельно для Польши. Не говоря о соперничествѣ относительно Балтійскаго моря, довольно припомнить значеніе религіознаго вопроса въ ту эпоху. Польша, къ концу царствованія Сигизмунда-Августа, начала понемногу склоняться къ преобладанію католицизма. Папскія очи, въ лицѣ римскаго легата, не дремали у береговъ Вислы и Варты. Въ Швеціи же торжествовалъ протестантизмъ. Онъ сразу хорошо привился къ народу. Фанатическія неистовства нелѣпаго Іоанна III, поджигаемаго своею супругой, любимицей іезуитовъ, подготовляли націю къ волненію, которое окончилось столь печально для короля, забывшаго интересы своей страны. Но если народъ шведскій сильно не сочувствовалъ тогда народу польскому, то и его король подчинялся вліянію Польши только въ отношеніи религіозномъ. Рѣчь Посполитая не безъ основанія опасалась съ его стороны предъявленія претензіи на польскій тронъ и денежныхъ счетовъ, возникшихъ изъ брачныхъ договоровъ да завѣщанія Сигизмунда-Августа. И дѣйствительно, шведскій король не замедлилъ потребовать нѣкоторыхъ ливонскихъ крѣпостей за какой-то долгъ покой-

наго [26]). Слѣдовательно, онъ готовъ былъ принять дѣятельное участіе въ расхищеніи польской территоріи.

Но если Рѣчь Посполитая не пользовалась особенною симпатіей на крайнемъ сѣверѣ и западѣ, то въ описываемую эпоху не было тамъ для нея и серьёзныхъ опасностей. Онѣ гнѣздились непосредственно у ея границъ, съ трехъ сторонъ. Западные сосѣди, курфирстъ саксонскій, маркграфъ бранденбургскій, князьки силезскіе и поморскіе, несмотря на свою ничтожность, умѣли изнурять ее мелкими непріятностями, которыми наполняли свое скудное политическое существованіе. Дорого стоила Рѣчи Посполитой ихъ дружба съ герцогствомъ Пруссіей. Еще опаснѣе могли быть они въ соединеніи съ своимъ императоромъ. Кромѣ того, теперь были нѣкоторыя особенныя причины для ихъ враждебныхъ маневровъ противъ Польши. Поморскіе князья являлись самыми важными въ числѣ заграничныхъ кредиторовъ Сигизмунда-Августа. За большіе проценты, да и то при поручительствѣ данцигскихъ богачей, польскій король, уже терявшій кредитъ въ концѣ своего царствованія, занялъ у нихъ двѣсти тысячъ злотыхъ. Еще далѣе съ запада Софья, герцогиня брауншвейгская, сестра покойнаго, заявляла требованіе завѣщаннаго ей наслѣдства [27]). Не могло быть сомнѣнія, что сѣверные поморскіе князья, владѣнія которыхъ врѣзывались въ глубь приэльбскаго и прибалтійскаго славянства, съ радостію станутъ вредить его единственному оплоту въ средней Европѣ, Польшѣ, если только сильная рука римско-нѣмецкаго императора подастъ имъ знакъ къ тому.

Вопросъ объ отношеніяхъ къ Австріи былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ политическихъ вопросовъ для Рѣчи Посполитой. Она далеко не могла утѣшаться удовлетворительностію его постановки. Поляки съ особеннымъ недовѣріемъ посматривали за Карпаты. Національная антипатія рѣзко раздѣляла этихъ двухъ представителей славянскаго и нѣмецкаго элементовъ въ центрѣ

Европы. Сверхъ того, Австрія была едва-ли не столь же ненавистна Поляку, какъ и Москва, въ силу противоположности политическихъ принциповъ. Для Поляковъ, исполненныхъ республиканскаго духа, она была ближайшею представительницей европейскаго абсолютизма. Что касается до *цесаря*, * то онъ былъ открытымъ другомъ и чуть не покровителемъ польской націи въ послѣднее время царствованія Сигизмунда-Августа. Но въ Польшѣ очень хорошо знали, что подъ этою благосклонною личиной скрывается едва-ли не самый коварный врагъ. Не онъ-ли въ это самое время сталъ лавировать между Краковомъ и Москвой, чтобы эксплуатировать въ свою пользу и того и другую? Можно ли было не страшиться его, когда при этомъ частныя причины вызывали его на вражду? Система политическихъ брачныхъ союзовъ, столь важная въ средніе вѣка, оказывалась несостоятельною и здѣсь, какъ на сѣверѣ. Она даже повредила задуманному дѣлу. Уже о первой женѣ Сигизмунда-Августа поговаривали въ Европѣ, будто ея безвременная кончина была результатомъ яда, поднесеннаго ей рукою злой свекрови. Правда, императоръ Максимиліанъ II, братъ этой несчастной женщины, пропустилъ мимо ушей эту молву. Но дѣло его второй сестры было слишкомъ ясно и позорно для главы нѣмецкаго міра: въ душѣ его закипѣла затаенная жажда мести. Польскіе патріоты не даромъ ожидали всевозможныхъ опасностей именно съ этой стороны. Съ судорожною поспѣшностію старались они прежде всего закрыть проходы въ карпатскихъ тѣснинахъ.

Но самымъ страшнымъ врагомъ Рѣчи Посполитой въ описываемую нами эпоху была, конечно, ея старая соперница—Москва. Въ силу великой задачи, возложенной исторіей на Московское государство, всякій миръ его съ Польшей невольно обращался въ перемиріе. Поляки знали это очень хорошо. Они были увѣрены, что

---

* Такъ называли тогда главу Священной Римско-нѣмецкой имперіи.

со стороны упорной въ своихъ стремленіяхъ Москвы послѣдуетъ быстрое и рѣшительное нападеніе, какъ только она узнаетъ о несчастіи, постигшемъ Рѣчь Посполитую. Она потянется за выручкой своихъ отчинъ, втиснутыхъ въ составъ Польши. Оправданіе у нея уже готово: трехлѣтнее перемиріе, заключенное два года тому назадъ [28]), само собой разрушалось со смертію представителя одной изъ договаривавшихся сторонъ. Московскій царь не замедлилъ удостовѣрить Поляковъ въ справедливости ихъ опасеній. Они вскорѣ узнали его требованія отъ гонца, посланнаго имъ въ Литовско-польское государство съ грамотами, составленными прежде, чѣмъ вѣсть о кончинѣ Сигизмунда-Августа успѣла достигнуть Москвы. Въ свое время мы встрѣтимся съ этими грамотами. Теперь замѣтимъ только, что въ нихъ тономъ придирчивости говорилось о кровавомъ вопросѣ, о землѣ литовской.

У крайнихъ южныхъ границъ Рѣчи Посполитой стоялъ столь же старый и опасный врагъ. Онъ уже давно не давалъ Польшѣ покоя даже въ лучшія времена ея существованія. Турція питала тогда широкіе замыслы противъ всего христіанско-европейскаго міра. Она, конечно, не должна была упустить случая поживиться на счетъ государства, которое папа поставлялъ въ челѣ христіанскихъ силъ, предназначенныхъ Провидѣніемъ къ затмѣнію мусульманской луны [29]). Правда, съ турецкимъ султаномъ былъ миръ. Но полнаго спокойствія на югѣ не могло быть никогда. Пограничныя стычки между Поляками и Турками, опасныя для Рѣчи Посполитой даже въ случаѣ успѣха, происходили безпрестанно. Къ тому же, мирные договоры съ Портой, равно какъ и союзы съ нею, были всегда менѣе прочны, чѣмъ со всякою другою европейскою державой. Она легко ихъ разрывала, не стѣсняясь выборомъ предлоговъ. А въ описываемое время у нея былъ и серьёзный поводъ къ раздору. Этотъ поводъ представляла вѣчно-безпокойная Молдо-Валахія, гдѣ передъ смертію Си-

гизмунда-Августа дѣла приняли опасный для Польши оборотъ. Остановимся надъ отношеніями Польши къ населеніямъ нижняго Дуная.

Судьба азіятскихъ кочевниковъ, въ незапамятныя времена заселившихъ долины нижняго Дуная, была всегда столь же злополучна, сколь благодатна была окружавшая ихъ природа. Ихъ удѣломъ была вѣчная борьба за существованіе. Сначала они бились съ племенами, толпившимися у привольнаго прохода съ Востока на Западъ: съ Персами, Парѳянами и Сарматами, съ Готами, Гуннами, Гепидами и Аварами. Время отъ времени разсыпались по ихъ долинамъ орды Хозаръ, Печенѣговъ, Половцевъ, наконецъ, Кумановъ и Татаръ. Особенно тяжело было имъ давать отпоръ многочисленнымъ Болгарамъ, свирѣпымъ Мадьярамъ, старой Византіи. А когда въ глубинѣ Азіи погасъ волканъ племенъ, на нихъ обрушился страшный финалъ его послѣдняго изверженія. Напрасно дрались они съ Турками на Коссовомъ полѣ рядомъ съ героемъ дня, сербскимъ княземъ Лазаремъ. Напрасно вступали въ союзъ съ Польшей. Она была слаба и занята другими дѣлами. Они стали данниками султановъ. Въ Валахіи завелся обычай посылать въ Константинополь заложникомъ сына господаря, прекращенный лишь въ 1828 году. Весь XV вѣкъ служитъ печальнымъ доказательствомъ, какъ жалка участь слабаго народа, окруженнаго сильными государствами и обитающаго на плодоносной почвѣ, важной въ стратегическомъ отношеніи. Населеніе нижняго Дуная не переставало то воевать, то союзиться съ Портой, Венгріей и Польшей.

А между тѣмъ, мало-по-малу сложились основы національной жизни. Рано столкнулся этотъ народъ съ могучими Римлянами и необыкновенно проникся ихъ вліяніемъ. Со II вѣка нашей эры онъ становится полуримскимъ по языку и крови, принимаетъ даже имя *Румыновъ*. Рано также къ античному элементу румынской цивилизаціи привился христіанскій. На гербѣ Румы-

новъ римскій побѣдный орелъ взялъ въ клювъ страдальческій крестъ. Народъ распался на два государства, Валахію и Молдавію. Развилось господство бояръ, крѣпостничество всѣхъ остальныхъ сословій. Создались законы, административная система, избирательное княжеское достоинство. Всѣ элемены исторической жизни Румыновъ изумительно твердо сохранились до нашихъ дней. Въ этой оригинальной странѣ Раду Негру I (Рудольфъ Черный) * не былъ бы и нынѣ анахронизмомъ и могъ бы удобно занять мѣсто полковника Кузы или принца Карла.

Въ теченіе XIII—XV вѣковъ образовался характеръ румынской націи и ея исторіи. Скудныя сѣмена европейской цивилизаціи, заносимыя сюда то случайными пришельцами, Тампліерами, то сосѣдними Мадьярами и Поляками, развивались туго. Они глохли среди звѣрскихъ нравовъ, слѣдовъ кочевки, подновленныхъ вліяніемъ Османліевъ. На глазахъ Европы въ травѣ нижне-дунайской равнины укрывался со всѣми своими ужасными аттрибутами образецъ султаната среди христіанскаго народа. Всякій ловкій проходимецъ считалъ себя кандидатомъ на грязный престолъ въ Букарештѣ или Яссахъ. Богатый турецкій купецъ, нищій мекленбургскій учитель, бездомный бѣглый Полякъ, дерзкій питомецъ русской Украйны, каждый туземный аристократъ— все это были господари по призванію. Ихъ разсчеты основывались преимущественно на боярской анархіи, безраздѣльно царствовавшей въ странѣ. Могущество бояръ росло по мѣрѣ ослабленія верховной власти. Оно питалось борьбой за престолъ, проникнутою восточнымъ характеромъ. Безчисленные претенденты опирались на взаимно-враждебныя партіи магнатовъ, которыя цѣплялись за Порту, Венгрію или Польшу. Тутъ

* Этотъ Раду, жившій въ половинѣ XIII вѣка, былъ первый князь всей Валахіи. Онъ принадлежалъ къ роду Басараба, который прославился еще въ эпоху переселенія Румыновъ изъ Дакіи въ Мезію, при императорѣ Авреліанѣ.

успѣхъ зависѣлъ отъ того, кто прежде задушитъ противника. Но и доля побѣдителей была весьма незавидна. Ихъ быстро изводили собственные бояре или Турки, которымъ была выгодна частая смѣна вассаловъ.

XVI вѣкъ, озарившій новымъ свѣтомъ историческую жизнь Европы, на нижнемъ Дунаѣ не отличался отъ своихъ мрачныхъ предшественниковъ. Вся его первая половина наполнена крамолой бояръ, безконечною кровавою анархіей. Этого мало. Коснѣвшій въ дикости народъ расходовалъ остатокъ своихъ силъ на хроническую междуусобную войну. Два румынскія государства вѣчно враждовали, вполнѣ подходя другъ къ другу по характеру и элементамъ. Обыкновенно, господарь Валахіи былъ претендентомъ на тронъ Молдавіи и наоборотъ. Нерѣдко побѣдитель связывалъ на мгновеніе эти страны оковами своего безграничнаго деспотизма. Оба господаря соединялись только по приказу Турокъ, чтобы поддержать ихъ въ борьбѣ съ христіанскою Европой. Такъ, въ половинѣ XVI вѣка они дружно помогали имъ пожинать побѣдныя лавры въ Венгріи, защищая Изабеллу, жену Іоанна Запольи. Въ Валахіи царствовалъ тогда Мирча III, кровожадный и вѣроломный, прозванный «язвой бояръ». Онъ дважды былъ низвергаемъ съ престола и трижды садился на него, благодаря Туркамъ, да татарскому хану. Ему хотѣлось совершенно подчинить себѣ Молдавію, которая, казалось, не могла сопротивляться: тамъ, какъ увидимъ ниже, господствовала тогда хроническая революція. Мирча разсчитывалъ на успѣхъ, но у Милькова, пограничной рѣки между двумя румынскими государствами, былъ разбитъ и вскорѣ умеръ. Одна изъ боярскихъ партій при помощи Турокъ избрала сына его Петрашко (Петра) II Хромаго. Не прошло и четырехъ лѣтъ, какъ самъ же султанъ низвелъ Петра и отправилъ въ Азію. Вскорѣ онъ появился въ Константинополѣ, гдѣ началъ ткать интригу для возвращенія себѣ трона. На этомъ тронѣ сидѣлъ тогда

братъ его Александръ II. Сильно опасаясь властолюбія Петра, Александръ рѣшился удовлетворить его. Пообѣщавъ Портѣ хорошій *бакшишъ*, онъ двинулся противъ Молдавіи, чтобы доставить ея престолъ брату. Онъ думалъ, что борьба будетъ легка, но ошибся. Здѣсь замѣшалась Польша [30]).

Польша интересовалась Молдавіей, своимъ «оплотомъ» [31]) и считала себя вправѣ распоряжаться ясскимъ престоломъ. До начала XIV вѣка, когда, кажется, создалось румынское государство у Прута и Серета *, эта страна не разъ входила въ данническія отношенія къ Польшѣ. Въ теченіе XIV и XV столѣтій Польша принимала присягу въ вѣрности отъ молдавскихъ господарей [32]), пользовалась ихъ войскомъ и деньгами, вмѣшивалась въ борьбу ихъ партій за престолъ, водила ихъ противъ Литвы, которая, въ свою очередь, порой увлекала ихъ на свою сторону. Политика и цивилизація Поляковъ играли тогда весьма важную роль въ Молдавіи. Не даромъ Владиславъ Ягелло защищалъ Румыновъ, когда нѣмецкій императоръ предлагалъ Европѣ истребить всѣхъ этихъ «разбойниковъ». У сына его, Казиміра IV, уже мелькала мысль о полномъ присоединеніи Молдавіи къ Польскому государству Еще упорнѣе засѣла она въ головѣ Яна Альберта. Но его современникомъ былъ лучшій изъ молдавскихъ господарей, Стефанъ IV Великій. Этотъ правитель наканунѣ XVI вѣка явилъ замѣчательный государственный талантъ и энергію. Онъ искренно вѣрилъ въ возможность поднять всю Европу на изгнаніе мусульманъ въ Азію и съ этою цѣлію дѣятельно сносился съ Иваномъ III московскимъ [33]). Онъ побѣдоносно бился одновременно съ Баязидомъ II и Матвѣемъ Корвиномъ [34]). Уже, конечно, не ему, мечтавшему о завоеваніи Валахіи, было уступить свою землю Полякамъ. На ковар-

* Время основанія Молдавскаго государства румынскими переселенцами изъ Трансильваніи доселѣ не опредѣлено. Прежніе историки относили его къ 1359 году, новѣйшіе стоятъ за 1293

ные замыслы Яна Альберта онъ отвѣчалъ страшнымъ пораженіемъ польской рати. По мѣстному преданію, двадцать тысячъ польскихъ плѣнниковъ, таща плуги на своихъ плечахъ, засѣяли тогда кровавое поле битвы желудями, изъ которыхъ выросъ потомъ *красный лѣсъ*. А при братѣ Яна Альберта Александрѣ, ловко пользуясь его раздорами съ Венгріей, Ордой, Портой и Московскимъ государствомъ, доблестный Стефанъ, уже семидесятилѣтній старецъ, одержимый подагрой, успѣлъ даже отторгнуть на мгновеніе отъ Рѣчи Посполитой Покутье *. Съ этихъ поръ Молдаване, подчиняясь Портѣ, заискивая у Московскаго государства [35]), стояли въ передней линіи южныхъ враговъ Польши. Интересы этихъ странъ сталкивались съ каждымъ годомъ все сильнѣе. При Сигизмундѣ I опустошительные набѣги господаря Богдана V достигали Каменца и Львова. Правда, его третій преемникъ, Петрашко Рарешъ, былъ побѣжденъ воеводой русскимъ Яномъ Тарновскимъ. Но уже великая радость Поляковъ доказывала, какъ они боялись этого врага. Когда же мстительный Петрашко Рарешъ сталъ громить южные предѣлы Рѣчи Посполитой, граждане такъ перетрусили, что король объявилъ «посполитое рушенье». Но шляхта, собравшаяся подъ Львовомъ въ числѣ полутораста тысячъ, сумѣла лишь опозорить себя и свое государство на весь міръ. Она совершила безпримѣрную въ исторіи человѣчества «пѣтушью войну» **. Несчастный

* Покутьемъ называлась южная оконечность Галиціи. Оно примыкало къ Буковинѣ и Подоліи и со всѣхъ сторонъ было окаймлено отрогами Карпатъ.

** Такъ называется походъ шляхты на Молдавію въ іюлѣ 1537 года. Онъ состоялъ въ томъ, что шляхта, поднятая Сигизмундомъ I посредствомъ «посполитаго рушенья», не пошла дальше Львова. Тутъ она ополчилась на собственное государство въ лицѣ короля и сенаторовъ. Послѣ горячей перебранки съ ними, она разошлась по домамъ, совершивъ только одинъ подвигъ: окрестные жители были раззорены, и всѣ пѣтухи переколоты. Этотъ весьма интересный эпизодъ изъ польской исторіи подробно описанъ у *Ортховскаго*, подъ именемъ шестаго аннала, или Consilia et conciones anno 1537, въ гюйссеновомъ изданіи Длугоша, II, 1561—1608.

польскій король прибѣгнулъ тогда къ жалкой политикѣ. Онъ вступилъ въ союзъ съ султаномъ и боярскою партіей въ Молдавіи, недовольною своимъ господаремъ. Султанъ Селимъ I давно точилъ зубы на неукротимаго, даровитаго вассала. Онъ бодро взялся за дѣло. Петрашко Рарешъ былъ изгнанъ изъ Яссъ. Часть Молдавіи присоединена къ Портѣ. Одинъ изъ главныхъ враговъ Польши усилился.

Сигизмунду-Августу пришлось пожинать горькіе плоды безумія шляхты. Сынъ Петрашка Рареша, Ильяшко, уже видѣлъ свою опору только въ султанѣ. Ужасны были его свирѣпства противъ бояръ. Тѣни казненныхъ, угрозы изгнанныхъ не давали ему покоя ни днемъ, ни ночью. Распустивъ слухъ, что повелитель Османліевъ призываетъ его въ Константинополь, и собравъ отцовскія сокровища, онъ покинулъ страну на младшаго брата, Стефана, и явился передъ очи Сулеймана Великаго. Побѣдитель при Могачѣ милостиво принялъ молдавскаго деспота. Онъ пришелъ въ восторгъ, когда гость высказалъ свою задушевную тайну. Первый христіанскій князь *добровольно* отвергался Христа. Окруженнаго турецкими сановниками, Ильяшко водили по двору Порты, наполненному любопытными. На срединѣ его, при громкихъ кликахъ войскъ, онъ принялъ имя Магомета, повергъ на землю деревянный крестъ, попиралъ его ногами, осквернялъ плевками. Но когда, затѣмъ, въ первый разъ взошла луна, отступникъ метался и обливался слезами на своемъ мягкомъ ложѣ Быть-можетъ, эти стоны были подслушаны. Едва успѣлъ новый паша разрушить въ честь своего султана устроенную Сигизмундомъ-Августомъ крѣпостцу и вырѣзать ея гарнизонъ, какъ въ душѣ Сулеймана родилось мрачное подозрѣніе. Внезапно Ильяшко-Магометъ былъ увезенъ въ Константинополь. Съ той минуты даже стоустая молва вѣчно хранила о немъ глубокое молчаніе.

Братъ Ильи-Магомета, Стефанъ VIII, оказался едва-ли не болѣе тяжкимъ бичомъ своего народа. Палачи у него не знали отдыха. Смерть онъ считалъ легчайшимъ наказаніемъ. Съ своими боярами расправлялся, какъ хищный звѣрь съ добычей: отсѣкалъ имъ уши, носы, выкалывалъ глаза, вырывалъ языки, отрѣзывалъ члены, вливалъ въ кости расплавленное олово. Подданные бѣжали толпами за границу. Множество бояръ скрылось въ Польшу, гдѣ они стали въ ряды войска, пылая местію къ своему тирану. Стефанъ задумалъ плѣнить польскаго посла, скакавшаго въ Порту, и держать его въ Яссахъ, какъ залогъ выдачи бѣглецовъ. Не удалось. Тогда онъ окружилъ себя турецкими офицерами и одалисками. Оставалось переказнить послѣднихъ крамольниковъ и поступить по примѣру брата. Стефанъ рѣшился перейти въ исламизмъ и продать Молдавію Османліямъ. Но догадливые бояре проникли въ его черные замыслы. Они бросились съ мольбою о спасеніи къ воеводѣ русскому Николаю Сѣнявскому. Они манили его соратниковъ къ Днѣстру, ручаясь за смерть Стефана. Сѣнявскій двинулся къ предѣламъ Молдавіи.

Однажды, въ прелестную сентябрскую ночь, страшный Стефанъ катался по Пруту съ своими одалисками. Онъ сошелъ отдохнуть въ шатеръ на берегу рѣки. Семнадцать дюжихъ воиновъ охраняли его сладострастный покой. Вдругъ посыпался градъ стрѣлъ, и Божья кара предстала у изголовья мучителя въ лицѣ заговорщиковъ съ поднятыми копьями. Господарю не удалось выкупить у нихъ свою жизнь. Тогда онъ воскликнулъ: «Такъ бейте же!» и палъ бездыханный. Съ головой кровопійцы въ рукахъ, вмѣсто трофея, злодѣи кинулись къ польскому воеводѣ. Такъ погибъ послѣдній изъ Драгошей, родъ которыхъ былъ первою династіей въ Молдавскомъ государствѣ. Внимая желанію убійцъ Стефана, Сѣнявскій посадилъ на ясскій тронъ прибывшаго съ нимъ Молдавана Александра (или Петрашко), по прозванію Виночерпія[38]). Новый господарь объявилъ себя вассаломъ Рѣчи Пос-

политой. Но онъ былъ признанъ только въ польскомъ лагерѣ, и то горстью заговорщиковъ. Иное было на умѣ у остальныхъ молдавскихъ бояръ. Со Стурдзой и Могилой во главѣ, они выѣхали-было на поклонъ къ новому владыкѣ, ошеломленные быстротой событій. Но съ радостію повернули назадъ, какъ только возвысила голосъ мать погибшаго Стефана. Она провозгласила господаремъ какого-то Зольду. Впрочемъ, Зольда не процарствовалъ и дня. Бояре изъ лагеря Сѣнявскаго, подкрѣпленные отрядомъ Поляковъ, настигли его съ приверженцами въ деревушкѣ и огнемъ заставили сдаться. Виночерпій, вступившій въ Яссы подъ охраною иноземнаго войска, милостиво обошелся съ соперникомъ. Эфемерный претендентъ поплатился за властолюбіе только ноздрями.

Такъ, безъ капли крови Поляки пріобрѣли новаго вассала. Но Сигизмундъ-Августъ былъ очень недоволенъ самовольствомъ воеводы, который, покровительствуя вѣроломной націи, накликалъ на его голову страшную месть Османліевъ. Въ холодной крестьянской избѣ, укрывшей его дожливою осенью на пути изъ Польши въ Жмудь, онъ написалъ универсалы на Русь, чтобы Поляки не трогали Молдавіи и немедленно выѣхали оттуда. Шляхта кричала даже, что доблестнаго Николая Сѣнявскаго слѣдуетъ выдать Туркамъ, дабы уподобиться Римлянамъ. Король безпокоился не даромъ. Дѣла на югѣ запутывались, а въ Рѣчи Посполитой росла анархія, исчезалъ воинственный духъ. Лѣтъ десять спустя послѣ легкаго подвига Николая Сѣнявскаго, другой польскій воевода, Альбертъ Ласкій, захватилъ важную пограничную крѣпость, Хотинъ. Пособивъ Молдавскимъ боярамъ выгнать господаря Александра (вышеупомянутаго Виночерпія), онъ поставилъ на его мѣсто какого-то Якова Деспота.[37]) Этотъ авантюристъ доселѣ кормился уроками математики въ Роштокѣ, что, впрочемъ, не мѣшало ему вести свой родъ отъ Геракла. Но напрасно трудились Ласкій и друзья Якова, Зборовскіе. Мнимый

потомокъ Геракла вскорѣ кончилъ скитальческую жизнь въ жестокихъ истязаніяхъ отъ рукъ своихъ подданныхъ. Его замѣнилъ подъ именемъ Стефана IX Томза, человѣкъ темнаго происхожденія. Онъ также не избѣгъ общей судьбы молдавскихъ владыкъ Среди боярства немедленно образовалась враждебная ему партія. Она призвала на помощь Поляковъ. Ихъ незначительный отрядъ двинулся противъ Томзы, но былъ разбитъ. Его вождей спровадили въ Константинополь и повѣсили тамъ на крючья. Въ то самое время, когда они мучились въ столицѣ султана, другая жестокая казнь совершалась во Львовѣ. Здѣсь изловили Томзу. Бѣжавъ безъ оглядки изъ Яссъ, онъ пробирался куда-то съ своимъ пріятелемъ Моцугомъ Возвратившійся на тронъ Александръ счелъ первымъ долгомъ потребовать у Польши Хотина. Крѣпость была сдана ему Альбертомъ Ласкимъ, едва не погибшимъ среди жестокой осады. Ужасныя свирѣпства Александра прекратилъ подсунутый ему ядъ, но престолъ перешелъ къ сыну его Богдану.

Богданъ зналъ своихъ подданныхъ. Онъ прежде всего озаботился найти поддержку на чужбинѣ. Съ этою цѣлью принесъ Сигизмунду-Августу вассальную присягу, обязавшись въ военное время поставлять ему семь тысячъ всадниковъ, а въ случаѣ нужды помогать всѣми силами.[38]) Себѣ же выговорилъ позволеніе посѣщать польскихъ магнатовъ, чтобы высмотрѣть у нихъ невѣсту и запастись помѣстьемъ. Такимъ образомъ, Богданъ повадился ходить къ польскимъ панамъ, платя за гостепріимство богатыми подарками. Прослышалъ о томъ сынъ Сулеймана Великаго, Селимъ II. Онъ вскипѣлъ гнѣвомъ и замыслилъ гибель своего вассала. Судьба помогала ему. Молдаване уже возненавидѣли своего господаря, который роднился съ иноземною знатью, при своемъ дворѣ держалъ Поляковъ, расточалъ передъ ними золото, ласки, довѣріе. Съ другой стороны, подъ рукой находился человѣкъ, годный для роли султанскаго сатрапа.

По дворамъ турецкихъ вельможъ пресмыкалась тогда любопытная личность Ивонія (Ивана). Это былъ типъ проходимцевъ, случайно садившихся на ясскій престолъ. Его происхожденіе относится къ области миѳовъ. Кто считалъ его Русскимъ, кто Полякомъ изъ Мазовіи, кто Румыномъ. Самъ онъ объявилъ себя побочнымъ сыномъ господаря Стефана, низверженнаго Николаемъ Сѣнявскимъ, и потомкомъ древнѣйшихъ молдавскихъ царьковъ [37]). Вѣрно одно: его воспитали польскіе паны и турецкіе паши. Лѣтъ за десять до описываемыхъ событій онъ служилъ челядинцемъ у маршалка великаго коронпаго Яна Фирлея. Потомъ заглянулъ какъ то въ Молдавію, и въ его умѣ родился планъ овладѣть ея трономъ. Ивонія мечталъ о томъ уже по смерти господаря Александра. Но тогда онъ былъ силенъ только дерзостію, богатъ только надеждами. Видя, что̀ за помощники Поляки, онъ рѣшился идти къ цѣли болѣе вѣрнымъ путемъ. Потолкавшись на южной Руси съ своимъ будущимъ палачомъ, Іереміей Чарневе кимъ, онъ пробр лся въ Константинополь. Кто не зналъ тогда, что въ Портѣ чуть не съ публичнаго торга продавались вассальные троны падишаха! Ивонія устремилъ всѣ свои способности на пріобрѣтеніе денегъ и турецкаго довѣрія. Онъ разыгралъ комедію искренняго обращенія къ Магомету, дозволивъ совершить надъ собой обрѣзаніе. А богатство смѣтливаго пройдохи, ловко выказываемое, росло неимовѣрно быстро. Вскорѣ самъ Селимъ прослышалъ о Крезѣ-ренегатѣ. Паши, весьма довольные Ивоніей, начали нашептывать ему о необходимости свергнуть преданнаго Полякамъ Богдана. А тутъ молдавскіе бояре прислали въ Порту просьбу дать имъ Ивонію, обладающаго столь прекрасною репутаціей. Они клялись выдать турецкому отряду скованными Богдана, его брата Петрашко и любезныхъ имъ Поляковъ.

Въ Краковъ проникли слухи о кровавыхъ замыслахъ. Сигизмундъ-Августъ отправилъ въ Константинополь посла, Андрея

Тарановскаго, съ запросомъ. [40]) Ему отвѣчали успокоительно: Ивонія-де, правда, ѣдетъ въ Яссы, но съ торговыми цѣлями. Мало вѣрилъ этому польскій король, еще менѣе молдавскій господарь. Дѣйствительно, купецъ Ивонія выступилъ изъ султанской столицы вовсе не въ коммерческой обстановкѣ. Вокругъ него скакало тысячъ двадцать Турокъ, Грековъ, Сербовъ. Отрядъ двинулся въ счастливую минуту. Богдана не было дома. Онъ только-что выбрался въ предѣлы Рѣчи Посполитой съ самою пріятною цѣлію. Онъ не даромъ посѣщалъ польскихъ вельможъ. Ему приглянулась дочка львовскаго хорунжія Яна Тарла. Окруженный блестящею свитой, женихъ зимой въ началѣ 1572 года перетащился-было на телѣгѣ черезъ Днѣстръ, какъ вдругъ наткнулся на горько плачущаго парня. Послѣдній, разсказавъ о потерѣ сумы съ письмами своего господина, Кристофа Зборовскаго, пришпорилъ коня и понесся домой извѣстить о своей встрѣчѣ. Его панъ задрожалъ отъ радости. Онъ давно искалъ случая отмстить господарю, который какъ-то заставилъ его напрасно проѣхаться въ Яссы, обѣщая выдать за него свою сестру. Зборовскій выскочилъ съ своею челядью, ранилъ и полонилъ Богдана. Правда, онъ отпустилъ его за хорошій выкупъ, но несчастный долго не могъ оправиться. Онъ лежалъ на чужбинѣ въ ту самую минуту, когда въ Яссы въѣзжалъ Ивонія, привѣтствуемый боярами, далеко вышедшими къ нему на поклонъ. [41])

Но за свое вѣроломство бояре получили жестокое наказаніе. Имъ пришлось разыграть жалкую роль недовольныхъ лягушекъ. Ивонія оказался ловкимъ и ненасытнымъ журавлемъ. Высокій, тонкій, стройный, съ красивымъ лицомъ, быстрыми маленькими глазками, въ которыхъ порой блистали молніи гнѣва, онъ казался воплощенною силой. Въ его рукѣ желѣзо гнулось, какъ соломина. Его прозвали Подковой. Свирѣпое сердце его сгорало отъ жажды власти, крови, мести. Теперь онъ вдругъ снова об-

ратился въ христіанина. Приверженцы его были облиты золотомъ, которое вѣчно блистало въ его казнѣ. Она наполнялась сокровищами епископовъ и монаховъ, скрытыми въ курганахъ. Взамѣнъ ихъ деспотъ зарывалъ въ землю живьемъ ихъ владѣтелей. Укрѣпившись такими средствами на престолѣ, онъ воздвигъ безпримѣрное гоненіе на враговъ. Онъ видѣлъ ихъ чуть-ли не въ каждомъ подданномъ. Въ исторіи Молдавіи настала эпоха невиданнаго террора. Ни одинъ туземный родъ казни не былъ забытъ Ивоніей. Не хватало палачей. Ихъ должность исправляли Цыгане. За проданную тайкомъ кисть винограда, подлежавшую пошлинѣ, возрастившій ее хозяинъ подвергался смерти. Считалось милостію, если, вмѣсто веревки на шеѣ, у жертвы оказывался крюкъ въ ноздряхъ, за который ее водили по стогнамъ и били нещадно. На площадяхъ столицы валялись неубранныя тѣла страдальцевъ на страхъ живымъ, на прокормленіе псамъ. Такіе подвиги прославили тирана даже въ этой странѣ крови и ужаса. И кто на всемъ юго-востокѣ Европы не зналъ тогда Ивоніи «Злаго» или «Грознаго»!

Но за терроръ внутренній Ивонія былъ наказанъ терроромъ внѣшнимъ. Ни одной минуты не уснулъ онъ спокойно въ свое двухлѣтнее свирѣпствованіе. Прежде всего онъ долженъ былъ бороться съ тѣмъ, у кого похитилъ престолъ. У невѣсты Богдана, Тарловны, были вельможные опекуны, назначенные самимъ королемъ: Юрій Ясловецкій—воевода русскій и Николай Мелецкій—воевода подольскій. Къ нимъ-то съ соратниками вознесъ изгнанникъ мольбы о защитѣ. Въ то же время онъ отправилъ друзей къ польскому королю.

Богданъ имѣлъ основаніе надѣяться на успѣхъ въ Краковѣ. Въ концѣ царствованія Сигизмунда-Августа отношенія между Рѣчью Посполитой и Портой становились болѣе и болѣе натянутыми. Только лѣтъ за пятъ до описанныхъ событій, когда вступилъ на престолъ Селимъ II, въ теченіе года эти державы

оказывали взаимную любезность. Въ мирномъ договорѣ султанъ обязался сдерживать воровскія стремленія своихъ вассаловъ: «цесаря перекопскаго и палатина валашскаго»; а мѣсяца черезъ четыре прислалъ весьма привѣтливое письмо къ Сигизмунду-Августу. [42]) Въ то же время онъ расхваливалъ Юрія Ясловецкаго, прибывшаго къ нему съ милостивою грамотой короля; благодарилъ за наказаніе валашскихъ «разбойниковъ», искавшихъ убѣжища на Украйнѣ; признательно упоминалъ о полученіи крѣпости Хотина, «принадлежащей валашской землѣ». Тогда же онъ запретилъ Девлетъ-Гирею крымскому и Гасану, пашѣ бѣлградскому, * безпокоить владѣнія короля. Но вслѣдъ за тѣмъ начались безконечныя жалобы и пререканія съ обѣихъ сторонъ, которыми переполнены связки турецкихъ дѣлъ въ коронномъ архивѣ. Порта отправляла въ Краковъ требованіе за требованіемъ. Выдай ей родныхъ и имущества молдавскихъ бояръ, которые послѣ неудачнаго заговора противъ господаря Александра бѣжали въ предѣлы Рѣчи Посполитой; излови этого самаго Александра, или возмутившихся слугъ бѣлградскаго паши; вознагради Очаковцевъ за ограбленіе ихъ казаками; накажи того-другаго пана, пощипавшаго въ степи турецкихъ купцовъ. Даже не совсѣмъ обычный тонъ слышался въ отзывахъ султана о своихъ вассалахъ. Онъ сталъ доказывать, что «за плѣненіе молдавскимъ господаремъ какой-нибудь панны, или шляхтича, забравшагося въ его предѣлы», не позволитъ наказывать его, какъ угодно, Полякамъ, которые, по донесенію украинскихъ беговъ, собираются многими полками вторгнуться за Днѣстръ. А про Татаръ толковалъ, что они вправѣ нападать на Поляковъ, которые по цѣлымъ годамъ не платятъ имъ дани и опустошаютъ ихъ земли, отправляясь въ походъ на Московское государство. Не даромъ въ то же время падишахъ былъ

---

* Рѣчь идетъ о Бѣлградѣ на Днѣстрѣ (Аккерманъ).

откровененъ относительно своихъ побѣдъ. Онъ не забывалъ напыщенно извѣщать Сигизмунда-Августа о всякомъ успѣхѣ «мусульманской сабли» въ великой борьбѣ, которую онъ велъ тогда съ державами Средиземнаго моря; но о лепантской битвѣ мы не нашли ни слова: султанъ умолчалъ о ней, вѣроятно, изъ скромности. Въ отвѣтъ Рѣчь Посполитая укоряла Порту въ набѣгахъ ея вассаловъ и вѣчно требовала выдачи плѣнныхъ. Но и кромѣ людей, былъ предметъ нескончаемой вражды между ними. Его создавала степь съ своими злачными травами и безпредѣльнымъ кочевымъ раздольемъ. Огромныя стада крупнаго и особенно мелкаго скота гуляли по ней, своею тучностію привлекая хищниковъ. Когда историку приходится тряхнуть пылью польскаго государственнаго архива, ему становится тошно отъ кучи грамотъ, въ которыхъ Порта золотыми буквами расписывала свою печаль объ утратѣ жирной «баранты», объ избіеніи злополучныхъ «чабановъ». * [43])

При столь натянутыхъ отношеніяхъ между Польшей и Турціей, Сигизмунду-Августу было пріятно услышать отъ Богдана молдавскаго просьбу «считать его своимъ сыномъ»[44]). Онъ рѣшился теперь помочь этому сыну, чѣмъ могъ, и прибѣгнулъ къ обычной польской политикѣ на югѣ. Онъ снова отправилъ въ Константинополь Андрея Тарановскаго для увѣщанія падишаха оказать Богдану прежнюю милость. Между тѣмъ какъ посолъ приближался къ цѣли своего назначенія, въ Варшаву пришли одна за другой двѣ грамоты Селима II. Онъ требовалъ, чтобы рѣчь Посполитая выдала, если не живаго Богдана, «нарушителя старыхъ обычаевъ въ Валашской землѣ,» то хотя головы его и брата, да похищенную ими ясскую казну. Въ противномъ случаѣ прямо угрожалъ разрывомъ. Вслѣдъ затѣмъ явилась еще болѣе рѣзкая грамота изъ Стамбула, которую привезъ самъ

---

* *Чабанъ*— турецко-татарское названіе пастуха овецъ.

Тарановскій. Повелитель Османліевъ сурово извѣщалъ, что если Богданъ не будетъ выданъ, то «безъ худа дѣло не обойдется». Онъ прибавлялъ: «Уже ханъ татарскій и всѣ беги съ своими непобѣдимыми войсками готовы выступить въ походъ по первому нашему приказу. Завѣдыватели земель валашскихъ, молдавскихъ и седмиградскихъ такъ же наши невольники, какъ и всѣ другіе подданные. Намъ много хлопотъ съ поднятіемъ ихъ на тронъ и низверженіемъ оттуда. Только тому бывало и бываетъ хорошо, кто склоняется подъ сѣнь цесарской Порты. А Богдана какъ простить? Онъ забылъ, что господарямъ для ихъ защиты и спокойствія мы всегда давали янычаръ, и набралъ себѣ Поляковъ. Онъ и слушать не хотѣлъ моихъ увѣщаній, что Валахамъ трудно брататься и товарищиться съ ними.» [45])

Отвѣтъ на эти обидныя и грозныя слова былъ уже данъ польскимъ королемъ. Отправляя въ Порту Андрея Тарановскаго, Сигизмундъ-Августъ тогда же подавилъ другую пружину польской политики на югѣ. Онъ подъ рукой далъ замѣтить, что не прогнѣвается, если кто-либо изъ его подданныхъ встанетъ на защиту низверженнаго господаря Молдавіи. А въ Рѣчи Посполитой, особенно на ея юго-восточномъ раздольѣ, всегда были люди, ждавшіе только подобнаго высочайшаго намека. Каждый шляхтичъ былъ песчинкой въ морѣ степнаго рыцарства. Время отъ времени удальцы составляли банды, выбирали гетмана, и на собственный страхъ врѣзывались въ Орду и Румынію, размять завялые мускулы да покормиться чужимъ добромъ. Они знали, что покуда изъ Кракова доскачетъ до нихъ курьеръ съ вѣстію о гнѣвѣ короля, обстоятельства и политика успѣютъ десять разъ измѣниться.

И вотъ, украинское рыцарство изъ двухъ тысячъ досужей шляхты двинулось раннимъ лѣтомъ сажать Богдана на тронъ. Переправившись черезъ Днѣстръ оно провозгласило своимъ вождемъ Николая Мелецкаго. Онъ былъ достоинъ этой чести.

Украйна вообще создавала дѣльныхъ, стойкихъ людей. Въ Краковѣ смѣнялись короли и партіи, слабѣлъ государственный нарядъ. А на Украйнѣ жизнь все шла своимъ чередомъ. Ея стражи знали, что на границахъ, усыпанныхъ полудикими врагами съ двурогою луной на знамени, не должно выпускать меча изъ рукъ. Они не переставали то обшаривать степную траву, ища недруга, то строить порубежные городки и съ горстью удальцовъ отсиживаться въ нихъ отъ тучъ наѣзднической саранчи. Воеводы русскій и подольскій были почти всегда людьми неусыпной энергіи, желѣзнаго характера. Мужественъ былъ Янъ Тарновскій, воевода русскій и гетманъ великій коронный, поразившій молдавскаго господаря Петрашко. Энергиченъ былъ Николай Сѣнявскій, воевода русскій, гетманъ польный и великій коронный, принявшій вассальную присягу отъ Петра Виночерпія. Еще лучше былъ Юрій Ясловецкій, сначала воевода подольскій и гетманъ польный, въ описываемую эпоху гетманъ великій коронный. Онъ твердо исполнялъ свой долгъ, безъ пышныхъ рѣчей, безъ щедрыхъ наградъ. Храбрый, честный солдатъ, онъ не вмѣшивался въ политику. Его не видно было на шумныхъ сеймахъ Рѣчи Посполитой. Но голосъ его изъ стеней часто доносился въ Краковъ. Ему единодушно повиновалось нестройное государство. Оно знало, что пока на его службѣ состоитъ Юрій Ясловецкій, опасныя границы спокойны, и польскій шляхтичъ можетъ безпечно забавляться борьбой съ своимъ правительственнымъ порядкомъ, плясать на своихъ увлекательныхъ пирахъ. Этотъ желѣзный служака такъ и умеръ на своемъ сторожевомъ посту весной 1575 года. Въ ту же минуту Татары вторгнулись въ предѣлы Польши.

Не менѣе выдѣлялся изъ среды своихъ соотечественниковъ воевода подольскій, Николай Мелецкій, получившій эту должность лѣтъ за десять до описываемаго нами безкоролевья. Кровь первыхъ польскихъ королей и поморскихъ князей текла въ жи-

лахъ Мелецкихъ. *Мелецкій изъ Мелца* впервые является въ началѣ XVI вѣка въ лицѣ Станислава, породнившагося съ Фирлеями. Внукъ его былъ нашъ Николай. Онъ воспитывался при дворѣ нѣмецкаго императора, породнился съ Радзивилами, Ходкѣвичами, князьями Слуцкими. Это былъ человѣкъ, призванный къ военачалію. Гдѣ нужно, онъ былъ храбръ и рѣшителенъ, не боялся крови, ни своей, ни чужой. Въ одной битвѣ его вытащили изъ-подъ груды труповъ едва дышащаго. Но онъ, вскочивъ на ноги, бросился въ пылъ сѣчи съ удвоенною энергіей. Его также хорошо знали Татары и Москвитяне, сдавшіе ему Полоцкъ, какъ его отца Ливонцы, сложившіе оружіе при одномъ его имени. Но удивительнѣе его храбрости была его вовсе не-польская сдержанность. Свой надежный мечъ онъ извлекалъ изъ ноженъ весьма неохотно. Этотъ герой битвъ болѣе всего любилъ гражданское спокойствіе. Въ крайнихъ случаяхъ нація прибѣгала къ нему, какъ къ миротворцу. Она уважала его совѣты. И не даромъ. За честность и прямоту, признанныя даже врагами, шляхта преклонялась передъ нимъ, хотя рѣчь его была прерывиста, неуклюжа, темна. По его убѣжденію расходились вооруженные враги, готовые броситься въ междуусобную войну. Когда умеръ Юрій Ясловецкій, шляхта, сердитая на Николая Мелецкаго за его дружбу съ Австріей, все-таки видѣли въ немъ одномъ опору отечества, ему одному довѣряла. Она вручила ему булаву гетмана великаго короннаго. Своимъ вліяніемъ на согражданъ Мелецкій былъ отчасти обязанъ и рѣдкой въ Полякѣ стойкости убѣжденій и намѣреній. Противникъ Стефана Баторія на избирательномъ полѣ, онъ заперъ передъ нимъ ворота Ярослава, когда тотъ пробирался въ Польшу въ качествѣ новаго короля, и не хотѣлъ видѣться съ нимъ. Публично бранилъ онъ такого сильнаго человѣка, какъ Янъ Ходкѣвичъ, за перемѣну убѣжденій. Этого мало. Любимецъ шляхты, Николай Мелецкій не искалъ популярности, даже гнушался ею. Не разъ онъ прямо

кололъ сенаторовъ ихъ угодничествомъ капризамъ меньшей братіи и совѣтовалъ не «идти къ ней за вниманіемъ, забывая свое достоинство и положеніе». А самъ не боялся порицать сеймы въ глаза.[46]) Столь же прямодушенъ былъ онъ и въ дѣлѣ совѣсти. Горячій защитникъ «еретичества,» онъ такъ же строго преслѣдовалъ іезуита Петра Скаргу, какъ его супруга, дочь Николая Чернаго Радзивила, прочихъ католическихъ богослововъ. Когда же, послѣ упорной борьбы, святые отцы совратили въ латинство жену, а жена—мужа, послѣдній сталъ оплотомъ интересовъ Рима. Даже кардиналъ Гозій удостоилъ его своей высокой похвалы. Николай Мелецкій глубоко любилъ свою Подолію. Для нея онъ отказывался отъ чести быть гетманомъ великимъ короннымъ. Съ трудомъ уступилъ онъ требованіямъ націи, но и пяти лѣтъ не пробылъ на этомъ высокомъ постѣ. Замѣтивъ, что возросъ новый оплотъ страны, Янъ Замойскій, онъ уступилъ ему великую булаву, и цѣлые пять лѣтъ прожилъ въ своемъ имѣніи польскимъ Цинциннатомъ. Онъ умеръ въ 1585 году.

Какъ только отрядъ волонтеровъ провозгласилъ Николая Мелецкаго вождемъ, онъ взялся за дѣятельныя мѣры. Прежде всего воздвигъ въ лагерѣ висѣлицу на страхъ шляхтѣ, кинувшейся грабить Молдаванъ, которымъ пришла «помогать». Затѣмъ, осмотрѣвъ воинство, треть его прогналъ за негодностію. Съ тринадцатью сотнями двинулся онъ въ глубь страны. У Прута показался врагъ. Четырехсотенный авангардъ изъ храбрѣйшихъ Поляковъ и Хорватовъ приблизился къ рѣкѣ. По другому берегу тянулось шесть тысячъ Молдаванъ. Послѣдніе отступали до самыхъ Яссъ. Тутъ пришла очередь трусить Полякамъ. Убѣдившись въ многочисленности непріятелей, они повернули вспять къ Пруту. Затѣмъ польскій отрядъ потянулся къ Хотину. Между тѣмъ Мелецкій просилъ бѣлградскаго пашу остановить кровопролитіе. Онъ-де не зналъ, что султанъ врагъ

Богдана, а вотъ теперь, развѣдавъ о всемъ, идетъ-себѣ домой. Паша приказалъ своему войску не трогать Поляковъ, и они вступили въ Хотинъ, хорошо укрѣпленный природой и Богданомъ. Стойкій королевскій гарнизонъ еще не здалъ его Туркамъ. Отсюда отрядъ пробрался въ Каменецъ, гдѣ Богданъ благодарилъ союзниковъ, обѣщая не забыть ихъ услугъ. Но проигравшему дѣло господарю не чѣмъ было вознаградить ихъ. Изгнанникъ самъ потащился теперь съ друзьями далеко на чужбину, потерявъ всякую надежду возвратиться въ родную землю. Онъ явился въ предѣлахъ Московскаго государства, гдѣ вскорѣ погибъ. [47]) Описанная экспедиція окончилась въ іюлѣ 1572 года. Сигизмунда-Августа уже не было на свѣтѣ. Но вѣсть о томъ еще не проникла на Русь. Юрій Ясловецкій именемъ короля самовольно велѣлъ коменданту Хотина сдать крѣпость Ивоніи, принявъ отъ него вассальную присягу. Рѣчь Посполитую *принудили* такимъ образомъ промѣнять добраго вассала на ненадежнаго.

Ивонія тотчасъ же заявилъ себя въ качествѣ вассала. Не далѣе какъ въ августѣ польскіе паны на съѣздѣ въ Кнышинѣ съ негодованіемъ и скорбію выслушивали его посла. Онъ требовалъ Покутья, какъ своей отчины, и казны, якобы похищенной изъ Яссъ Томзою. Сверхъ того, онъ дерзко изъяснялъ, что нарочно задержалъ въ Хотинѣ часть товаровъ, купленныхъ покойнымъ королемъ въ Константинополѣ. [48]) Къ счастію для Польши, Ивонія, поднятый султаномъ, вскорѣ имъ же былъ свергнутъ. Поводомъ къ тому было корыстолюбіе Порты да интриги валашскаго господаря. Мы видѣли *, что сынъ Мирчи III Александръ II, опасаясь злыхъ замысловъ брата своего Петра Хромаго, сталъ хлопотать въ Стамбулѣ о молдавскомъ престолѣ для него. Онъ внушилъ пашамъ и визирю, что Ивонія близокъ

---

* См. стр. 29.

къ измѣнѣ, снова принялъ христіанство и легко сойдется съ Поляками, по примѣру Богдана.

Послѣднее оказалось справедливымъ. Въ концѣ 1572 года Ивонія уже лавировалъ. Своему послу въ Варшавѣ, кромѣ грамоты, въ которой требовалъ выдачи Богдана онъ далъ тайную записочку. Въ ней извинялся въ прежнихъ словахъ о Покутьѣ, отъ котораго теперь начисто отказывался, и просилъ у Поляковъ «братства» съ условіемъ, чтобы о томъ не вѣдалъ султанъ. [49]) Но, конечно, для Порты краснорѣчивѣе всѣхъ этихъ доводовъ было золото. Александръ валашскій обѣщалъ, что братъ будетъ платить 120.000 червонцевъ трибута *. Селиму II этого и нужно было. Онъ только что вынесъ тяжкую «кипрскую» войну, въ которой былъ пораженъ собственною политикой. Испанскіе Мавры возстали въ Альпухарѣ и звали его на помощь, а онъ безъ всякаго повода бросился на Венеціянцевъ и захватилъ у нихъ Кипръ и часть Далмаціи. Тогда Испанія, Венеція и папа выслали весь свой могучій флотъ, съ даровитымъ Донъ-Жуаномъ во главѣ, который уже былъ славенъ подавленіемъ гранадскаго «мятежа». Осенью 1571 года морская сила Турціи пошла ко дну у Курцолярскихъ островов, близь Лепантскаго залива. [50]) Вмѣстѣ съ 200 кораблей погибла и казна османская. Селимъ II рѣшился продать молдавскій тронъ Петру валашскому. Но бояре поклялись Ивоніи защищать его. Въ началѣ 1574 г. открылась война турко-молдавская. Она выходитъ за предѣлы изслѣдуемой нами эпохи. Оставляя вопросъ польско-турецкій, обращаемся къ разсказу о событіяхъ въ Рѣчи Посполитой по смерти Сигизмунда-Августа.

При описанномъ состояніи Рѣчи Посполитой какія были у нея историческія потребности? Только получивъ отвѣтъ на этотъ вопросъ отъ самой польской націи, мы можемъ опереться

---

* Ивонія давалъ Портѣ только 60.000 червонцевъ.

въ дальнѣйшемъ изложеніи на вѣрную, не предвзятую точку зрѣнія. Только онъ уполномочитъ насъ произнести историческій приговоръ людямъ, съ которыми мы познакомимся.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ смерть государя не ведетъ за собою остановки государственной машины, предложенный вопросъ не имѣетъ такого значенія. Тамъ и по смерти правителя дѣла идутъ своимъ чередомъ. Не то было въ Польшѣ. Здѣсь государственная жизнь замерла съ послѣднимъ вздохомъ короля. Во всѣхъ ея отправленіяхъ насталъ полный застой. Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ единственною потребностію было *немедленное* устраненіе безкоролевья. Но это представляло невообразимыя затрудненія и, въ свою очередь, вызывало еще нѣсколько вопросовъ, рѣшеніе которыхъ должно было предшествовать избранію новаго главы государства. Во-первыхъ, въ виду тяжелой отвѣтственности, Полякъ мучился сомнѣніями. Возвести на престолъ ничтожную личность—образуется хроническое безкоролевье, позолоченное сіяніемъ королевскаго вѣнца. Выбрать сильнаго правителя—новая бѣда: Полякъ страдалъ болѣзнію *царебоязни*. Онъ не могъ переварить мысли о присутствіи на тронѣ *дѣйствительной* власти. Его горячему воображенію будущее представлялось въ мрачной эмблемѣ: знамя его политической свободы лежитъ свернутое у ногъ могущественнаго монарха; и онъ, привыкшій помыкать другими, самъ гнетъ спину. Онъ какъ-будто забывалъ гибельныя послѣдствія *мнимой* силы у вершины государственнаго зданія, на которыя, однако, никогда не переставалъ плакаться. Затѣмъ выступалъ другой важный вопросъ. Избраніе короля было, собственно говоря, дѣломъ новымъ для Поляковъ. Польскій престолъ издревле только считался избирательнымъ. Это была какъ-бы государственная фикція, соотвѣтствовавшая идеѣ среднихъ вѣковъ о верховной власти, принадлежащей народу. Въ сущности же онъ оставался наслѣдственнымъ въ теченіе полу-

тысячелѣтняго господства Пястовъ. Безкоролевье съ дѣйствительною потребностію народнаго избранія посѣтило Польшу лишь за 189 лѣтъ до описываемаго нами времени. Когда умеръ родственникъ Казиміра Великаго, Людовикъ Венгерскій, дочь его Ядвига и ея мужъ, великій князь литовскій Ягелло, были впервые избраны народомъ. И тогда уже, очевидно, Польша чувствовала потребность выработать опредѣленную форму для будущаго совершенія этого великаго государственнаго акта. Она даже предписывала своимъ избранникамъ условія царствованія. Нѣкоторые историки видятъ въ нихъ прототипъ знаменитыхъ *Pacta conventa*, съ которыми читатель познакомится ниже [51]). Но на тотъ разъ избраніе совершилось внезапно, не безъ прискорбнаго участія междуусобной войны, и Польша осталась при одномъ желаніи, не успѣвъ выработать прочной избирательной формы, которая получила-бы въ послѣдствіи силу органическаго государственнаго закона. Въ періодъ двухсотлѣтняго правленія Ягеллоновъ Польша еще болѣе привыкла смотрѣть на свою королевскую власть, какъ на наслѣдственную. Такимъ образомъ, она дожила до описываемой печальной эпохи. Тутъ приходилось, прежде чѣмъ избирать новаго государя, рѣшать элементарные вопросы: что̀ именно значитъ безкоролевье? Кому въ это время принадлежитъ власть? Кто долженъ избирать короля и какъ?

Для рѣшенія этихъ вопросовъ, для спасенія Рѣчи Посполитой отъ наставшей бѣды требовалась могучая цѣлебная сила. Она заключалась въ томъ возвышенномъ настроеніи, которое мы зовемъ священнымъ именемъ патріотизма, а Поляки называли всеобщимъ согласіемъ, «згодою». Этой-то вожделѣнной «згоды» искала Польша, оглашая воплемъ о ней изъ конца въ конецъ всю польскую землю во все продолженіе безкоролевья. Нѣтъ факта, который болѣе поражалъ-бы историка на каждомъ шагу его изслѣдованій; нѣтъ нити, которая бы такъ крѣпко связы-

вала мелкія событія разсматриваемой эпохи. Эта нить примыкаетъ къ гробу послѣдняго Ягеллона. Когда Сигизмундъ-Августъ лежалъ на одрѣ болѣзни, эта панацея отъ всѣхъ общественныхъ золъ составляла единственное желаніе, волновавшее его сердце помимо личныхъ интересовъ, единственный совѣтъ, который онъ могъ дать своей націи, заклиная ее сохранить государственное единеніе. «Послѣ спасенія души нашей, сказано въ его завѣщаніи, всего пламеннѣе желаемъ и просимъ у Бога одного: да сохранится Рѣчь Посполитая такою же, какъ приняли мы ее отъ нашихъ предковъ, то-есть въ цѣлости, покоѣ, доброй славѣ. А ничто не можетъ соблюсти ее въ цѣлости, кромѣ згоды, взаимной любви, совокупности, единодушія. Не забывайте мудрыхъ словъ латинскихъ писателей, изъ коихъ одинъ сказалъ, что чрезъ згоду возрастаетъ ничтожное, чрезъ несгоду поникаетъ великое; другой — что сила соединенная могущественнѣе раздвоенной. Посему увѣщаваемъ и, ради Бога и спасенія души, просимъ всѣхъ жителей королевства и великаго княжества жить въ единой христіанской вѣрѣ, заодно, составлять одно цѣлое, какъ единъ Богъ въ своихъ трехъ лицахъ. Затѣмъ, именемъ Бога живаго и любви къ Рѣчи Посполитой, просимъ, увѣщаваемъ и заклинаемъ людей всѣхъ чиновъ, чтобы они на вѣки оставались однимъ тѣломъ, однимъ народомъ, одною нераздѣльною Рѣчью Посполитой: чтобы, любя другъ друга братскою любовью, искренно, правдиво, какъ члены одного тѣла, какъ граждане одной цѣлостной Рѣчи Посполитой, и не возносясь другъ передъ другомъ ни благородствомъ, ни почестію, они всѣ жедали одного: да многая лѣта помогаетъ этимъ соединеннымъ государствамъ и умножаетъ ихъ Господь Богъ, который, будучи Самъ Единымъ, любитъ единство, соблюдаетъ, умножаетъ и поддерживаетъ его. Итакъ, чрезъ это наше завѣщаніе даемъ, отказываемъ и оставляемъ обоимъ государствамъ любовь, согласіе и единство, которое предки наши называли по-

латыни уніей.... И если одинъ изъ этихъ двухъ народовъ будетъ неблагодаренъ и станетъ искать путей для разорванія связи, то да подвергнется онъ гнѣву Бога, ненавидящаго и карающаго тѣхъ, кто посѣваетъ несгоду между братьями. Да сохранятся на вѣки оба народа, сплоченные воедино въ невообразимой любви!» [52]). Читатель, конечно, замѣтилъ, какъ трудно было передать намъ на родномъ языкѣ желанія короля, выраженныя повтореніемъ словъ: *единство*, *сгода*, *взаимная любовь*. Скончался Сигизмундъ-Августъ, и тѣ же совѣты и желанія послышались изъ среды осиротѣлаго народа. Придворные, отвѣчая панамъ-радамъ коронным на увѣщаніе быть согласными между собой, высказываютъ полную готовность соблюдать «сгоду, любовь и единодушіе», ибо они сами видятъ въ нихъ *единственное* средство къ спасенію государства. То же наставленіе даютъ они остальнымъ Полякамъ [53]). И эта мысль служитъ какъ-бы условною темой всѣхъ дѣловыхъ бумагъ и памфлетовъ описываемой нами эпохи.

Но въ какой формѣ должна была проявиться эта сгода при тѣхъ условіяхъ всеобщаго разложенія, которыя выработала польская исторія къ концу XVI вѣка? Если въ дѣлахъ человѣка личный элементъ всегда имѣетъ огромное значеніе, то въ государствѣ, лишенномъ прочныхъ учрежденій, онъ призванъ играть первую роль. Если при историческомъ кризисѣ у народовъ являются великіе люди, которымъ они подчиняются единодушно, то не вправѣ-ли мы ожидать того же и отъ польской націи въ описываемое безкоролевье? Вѣдь это безкоролевье знаменовало переломъ въ ея судьбѣ! Изучая его, историкъ чувствуетъ, что стоитъ на поприщѣ глухаго дѣйствія силъ, образующихъ необыкновеннаго историческаго дѣятеля. Явился-ли вообще такой дѣятель въ Рѣчи Посполитой того времени, читатель увидитъ, познакомившись со всею нашею книгой. Мы же посмотримъ теперь, нашла-ли его польская нація тамъ, гдѣ прежде всего искала?

Самымъ важнымъ лицомъ по своему положенію въ государствѣ былъ примасъ, архіепископъ гнѣзненскій. Къ нему-то устремились всѣ взоры. Дѣйствительно, какъ ни препирались Поляки въ послѣдствіи о значеніи этого сана, для историка очевидно, что оно было велико и рѣшительно. Вотъ какъ опредѣлялъ его около того времени епископъ куявскій, Станиславъ Карнковскій, въ своемъ памфлетѣ [54]). «И маршалъ и канцлеръ государства во время безкоролевья должны подчиняться сенату. Имъ принадлежитъ только право *объявленія* избраннаго государя. Естественный же глава сената при отсутствіи короля примасъ. Онъ въ такомъ случаѣ созываетъ сенатъ, обнародываетъ его рѣшенія, принимаетъ иностранныхъ пословъ. Онъ же въ торжественномъ обрядѣ помазываетъ и коронуетъ короля. Онъ, какъ посредникъ, именемъ сената и другихъ чиновъ ведетъ съ нимъ переговоры о дѣлахъ первой важности. Этого мало. Въ немъ наше общественное единство, то-есть спасеніе. Въ немъ одномъ лежитъ защита нашей свободы противъ дурнаго, злонамѣреннаго короля. Онъ можетъ призвать народъ къ сопротивленію недостойному государю, какъ собираютъ людей для погашенія пожара. Историческая роль гнѣзненскихъ архіепископовъ хорошо доказываетъ это. Если мы забыли примѣры глубокой старины, то всякій помнитъ случай изъ царствованія покойнаго короля. Когда Сигизмундъ-Августъ утвердилъ контрактъ о продажѣ соли, вредный выгодамъ шляхетства, Великополяне аппеллировали къ архіепископу, требуя, чтобы онъ созвалъ сеймъ. И король отмѣнилъ свое рѣшеніе послѣ архіепископскаго увѣщанія. Да и кому же по праву и закону болѣе приличествуетъ самый высокій почетъ и авторитетъ въ государствѣ, какъ не примасу? Онъ считается первымъ лицомъ въ сенатѣ, а со времени Казиміра Великаго — и въ государствѣ *. Въ засѣданіяхъ

* *Princeps Senatus*, *Princeps Regni*. Къ титулу примаса относились также эпитеты: *Primus Princeps*, *Legatus natus*.

сената онъ не уступаетъ мѣста вассальнымъ владѣтелямъ и даже братьямъ и сыновьямъ самого короля. Это единственный сановникъ въ государствѣ, передъ которымъ, когда онъ является въ публикѣ, даже въ присутствіи короля несутъ скипетръ или посохъ. Когда же онъ приближается къ королю, послѣдній встаетъ съ своего мѣста. Законъ Казиміра Великаго опредѣлилъ строжайшее наказаніе тому, кто осмѣлится извлечь мечъ изъ ноженъ въ присутствіи архіепископа гнѣзненскаго, хотя бы при этомъ и не была пролита кровь» [55]).

Памфлетъ пламеннаго защитника достоинства примаса всего лучше доказываетъ, въ какомъ положеніи находился тогда этотъ вопросъ. Въ силу общаго недостатка, проглядывающаго во всей польской исторіи, юридическіе доводы въ пользу архіепископа гнѣзненскаго были весьма слабы и отрицательнаго свойства «У насъ, говоритъ Карнковскій, уцѣлѣло *мало* старыхъ законовъ. Они ничего *не* говорятъ *противъ*. *Молчаніе* законовъ доказываетъ, что доселѣ примасъ имѣлъ всегда вышеуказанное несомнѣнное значеніе. Карнковскій даже дѣлаетъ натяжки, усиливаясь вывести изъ законовъ то, чего въ нихъ вовсе не заключалось [56]). И къ такимъ пріемамъ прибѣгалъ хорошій знатокъ законовъ и исторіи страны! За то историческое преданіе и стремленія націи были за Карнковскаго, когда онъ доказывалъ необходимость единства дѣтствій и ставилъ на видъ, что легче сойтись и согласиться немногимъ сенаторамъ, чѣмъ всѣмъ чинамъ государства; что примасу гораздо труднѣе стать польскимъ королемъ, чѣмъ важному свѣтскому сановнику; что историческая традиція всегда ставила примаса выше всѣхъ въ государствѣ послѣ короля, не отдавая первенства въ руки маршалка или канцлера, тѣмъ менѣе каштеляна краковскаго; что Великая Польша была первоначальнымъ центромъ польской націи и хранительницей королевскихъ регалій; что, наконецъ, въ законѣ объ избраніи Александра (въ 1501 году) примасъ поставленъ

руководителемъ акта избранія [57]) Но польская нація была глуха къ голосу убѣжденія и словеснымъ доказательствамъ. Въ разгарѣ анархіи она жаждала *дѣйствительной* личной силы. На бѣду, важный постъ примаса занималъ въ то время едва-ли не самый незначительный изъ всѣхъ современниковъ. Это былъ Яковъ Уханскій.

Имя Уханскихъ впервые появилось на свѣтъ въ описываемую нами эпоху, благодаря примасу, купившему имѣніе *Уханье*. Но ихъ родовыя преданія уходили во мглу среднихъ вѣковъ. Тогда эта обширная и мужественная фамилія боролась за славу отечества. Она неутомимо мѣрилась силами съ язычникомъ Пруссомъ, съ дикимъ Литовцемъ, съ загадочнымъ Ятвягомъ. Въ XVI вѣкѣ она слабѣетъ. Остается только три брата Уханскихъ. Они идутъ на церковное, научное или дипломатическое поприще. И любопытно, что въ описываемое время самое видное мѣсто занимаетъ едва-ли не слабѣйшій изъ нихъ, Яковъ.

Случай выбираетъ иногда человѣка, чтобы играть имъ отъ колыбели до могилы. Когда Яковъ былъ еще ребенкомъ, способнымъ и впечатлительнымъ, онъ кинулъ его на произволъ людей и обстоятельствъ. Важнѣйшія лица въ государствѣ не жалѣли своихъ кошельковъ на образованіе мальчика. Онъ быстро успѣвалъ въ наукахъ, особенно въ усвоеніи законовъ страны, что было необходимымъ условіемъ хорошей государственной карьеры. Его воспитатель, коронный референдарій Браницкій, былъ близокъ ко двору. Здѣсь блистала всемогущая королева Бона, державшая въ своихъ рукахъ правительственныя бразды безконечнаго царства интригъ. Ей нуженъ былъ ловкій, полированный агентъ: Яковъ былъ сдѣланъ секретаремъ короля и повѣреннымъ тайныхъ движеній неугомонной камарильи. Государственная интригантка завѣщала благосклонность къ нему своему возлюбленному воспитаннику, Сигизмунду-Августу. Лѣтъ пятнадцать спустя, Яковъ былъ уже епископомъ холмскимъ и ку-

явскимъ. Въ 1562 году онъ занялъ постъ примаса. Почти 20 лѣтъ оставался онъ прикованнымъ къ вершинѣ государства въ самую важную эпоху польской исторіи. Тогда требовались могучія плечи для поддержанія Рѣчи Посполитой. А Уханскій всего менѣе напоминалъ Атланта.

Школа польской Екатерины Медичи научила его перемѣнѣ убѣжденій и привязанностей. Сладкое воспоминаніе о годахъ мучительнаго исканія истины увлекало его къ ея новому источнику, открывшемуся въ Германіи. Онъ сошелся съ послѣднимъ изъ Ягеллоновъ въ сокровенныхъ замыслахъ, завелъ переписку съ Женевой, сталъ бесѣдовать съ *еретиками*. И чѣмъ выше подвигался католическій священнослужитель по лѣстницѣ іерархіи, тѣмъ сильнѣе сожигала его жажда нововѣрія. Но она не доставляла ему отрады творчества, сопутствующей душевному перелому. Она лишь смущала его. Когда папа началъ громить его церковными цензурами; а заступничество кардинала Гозія отзывалось вынужденностію [58]); когда Станиславъ Карнковскій сталъ говорить о немъ, какъ о виновникѣ смуты въ духовенствѣ, и желалъ его «успокоенія» [59]); когда, наконецъ, въ описываемое безкоролевье польскіе католики, настроенные папскими агентами, стали указывать на него, какъ на опору еретиковъ, Уханскій пришелъ въ ужасъ и растерялся. Теперь онъ падалъ неудержимо. Ошибка слѣдовала за ошибкой, комизмъ смѣнялся комизмомъ.

Якова губило полное отсутствіе характера. Онъ трепеталъ передъ людьми, обстоятельствами, собственными поступками. Передъ малѣйшею силой онъ пускался въ неизбѣжныя причитанія про свою старость да хилость и скрывался за свой обычный оплотъ — за систему высматриваній и выжиданій. Впрочемъ, онъ прибѣгалъ къ ней не для нападенія, а для постыднаго отступленія. Онъ радъ былъ, когда находилась посторонняя рука, которая управляла имъ. Онъ всегда былъ окру-

женъ пестрымъ штатомъ совѣтодателей разныхъ партій и направленій; а въ важныя минуты весь отдавался одной сильной, ловкой личности. Станиславъ Карнковскій игралъ имъ, какъ мячемъ Служа только формою высокаго достоинства примаса, онъ дозволялъ злоупотреблять своимъ именемъ недостойнымъ образомъ: какъ хорошій проводникъ, выставлялось оно дѣльцами для пріема народнаго негодованія. Стоя въ центрѣ историческаго движенія въ Польшѣ, онъ казался изумленнымъ странникомъ, мимо котораго событія уплывали въ вѣчность. Составляются съѣзды, собираются у него самого сенаторы, группируются партіи, созрѣваетъ интрига – все безъ его участія, хотя все несетъ на себѣ клеймо его имени. Изловчится онъ какъ-нибудь побѣдить себя, назначитъ собраніе единомышленниковъ— и замолчитъ, уже покинутый энергіей, и первый не явится въ это собраніе. За то его нисколько не обижало всеобщее невниманіе къ его приказаніямъ: онъ радовался ему, какъ предлогу свалить на другихъ результаты своей вялости.

Но истинный трагизмъ его жизни состоялъ въ роковомъ психологическомъ законѣ. Уханскій былъ крайне упрямъ. Судьба надѣлила его необыкновеннымъ искусствомъ возгараться жаждою дѣятельности какъ-разъ въ неудобную минуту. Когда дѣло пройдетъ мимо, кинувъ на него одну тѣнь свою, онъ вдругъ ополчится за него. Конечно, это случалось тогда, когда оно уже разъяснится, и завоюетъ себѣ значительное большинство: примасъ любилъ становиться во главѣ готовой арміи. Тогда онъ упивался дѣятельностію, вознаграждая себя за долгій постъ. Сосредоточивалъ всѣ свои до того нетронутыя силы, работалъ горячо, порывисто, разрывалъ связи со вчерашними друзьями, своими филиппиками превращалъ Ловичъ въ Ватиканъ. Беззавѣтное прямодушіе, оригинальная честность блистали тогда въ его глазахъ. Онъ злился на дѣльцовъ, которые съ улыбкой смотрѣли на запальчивость человѣка, борющагося съ вѣтряными

мельницами. Дѣйствительно, упуская существенное, Уханскій хватался за формализмъ. Законодательныя основы власти примаса, титулъ *primus princeps* были его священными интересами, которые онъ вносилъ всюду.

Жизнь не любитъ запоздалыхъ путниковъ. За малодушіе она постоянно наказывала Уханскаго не только неудачей, но и всею горечью смѣшнаго положенія. Нерѣдко онъ казался рожденнымъ шутомъ. Однажды на сеймѣ ораторъ, разсуждая о государственныхъ смутахъ, обратился къ нему и упомянулъ метафорически о пожарѣ въ его домѣ. Ко всеобщему скандалу, Уханскій бросился давать распоряженія своимъ слугамъ; его принуждены были остановить дѣтскимъ объясненіемъ дѣла. На него сыпались насмѣшки и брань отовсюду. Друзья не обращали на него вниманія, враги называли его «сумасброднымъ пронырою» и ханжею [60]). Всѣ презирали его, особенно тѣ, которые играли имъ, какъ куклою. А онъ или принималъ видъ угнетенной невинности, жертвы человѣческой злобы, или замолкалъ убійственно, относясь ко всякому оскорбленію, какъ стѣна къ гороху.

Эту-то ничтожную личность, это дитя, убѣленное сѣдинами, судьба кинула въ среду вѣка, щеголявшаго роскошью характеровъ, къ вершинѣ государства, котораго основы шатала политическая буря двухъ безкоролевій, въ водоворотъ вопросовъ, отъ которыхъ зависѣла будущность Польши.

Въ то время положеніе и нужды Рѣчи Посполитой такъ громко говорили сами за себя, что даже менѣе опытный человѣкъ могъ видѣть, въ чемъ было ея спасеніе. Яковъ Уханскій, безъ сомнѣнія, понималъ, въ чемъ дѣло. Онъ сознавалъ, что ему было необходимо немедлено поднять свой *повелѣвающій* голосъ, пока еще ни откуда не появились приказанія, къ которымъ такъ любитъ прибѣгать каждый Полякъ; пока не опомнились представители многоразличныхъ интересовъ, пока бездѣйствовала иностранная интрига. Еще до смерти короля у него со-

зрѣло намѣреніе собрать вокругъ себя важнѣйшихъ лицъ въ государствѣ. По странной игрѣ случая, какъ разъ въ роковой день 7-го іюля, еще не зная о кончинѣ Сигизмунда-Августа, онъ увѣщавалъ одного изъ первыхъ придворныхъ, въ случаѣ катастрофы устроить такъ, чтобы всѣ собравшіеся въ Кнышинѣ спокойно ожидали тамъ общаго съѣзда сенаторовъ. [61])

Онъ даже не ошибся въ удачномъ выборѣ мѣста совѣщаній, что̀ въ Польшѣ значило гораздо болѣе, чѣмъ можетъ думать читатель. Когда гонецъ примаса прискакалъ въ Кнышинъ, чтобы приготовить ему квартиру, въ этомъ городкѣ господствовало оживленное движеніе. Какъ видно, у всѣхъ вліятельныхъ лицъ Рѣчи Посполитой, при первой вѣсти о смерти короля, невольно явилась мысль немедленно броситься къ его трупу, который, за отсутствіемъ всякаго правительства, какъ-бы безмолвно приглашалъ къ себѣ представителей государства. Нѣкоторые паны примчались сюда съ явнымъ намѣреніемъ выжидать здѣсь предполагаемаго прибытія остальныхъ. Другіе сновали взадъ и впередъ: пріѣдутъ, высмотрятъ положеніе дѣлъ и скачутъ за своими друзьями. Въ концѣ мѣсяца въ Кнышинѣ очутились даже нѣкоторые литовскіе сенаторы, послушные настоятельному вызову маршалка надворнаго литовскаго, Николая Кристофа Радзивила. [62]) Этого мало. Яковъ Уханскій не забылъ даже, что, кромѣ трупа Сигизмунда-Августа, отъ Ягеллоновъ осталась живая отрасль, находившаяся тогда въ центрѣ Рѣчи Посполитой. * Онъ вѣрно сообразилъ, какое важное значеніе должна была получить въ эпоху всеобщей смуты дѣвствующая сестра покойнаго короля. Это готовое орудіе политической интриги могло быть очень опасно въ рукахъ враговъ, особенно иностранныхъ. И, напротивъ, сколько надеждъ на успѣхъ сулило оно представителю католицизма и высшаго государственнаго сана въ Польшѣ, еслибы ему удалось овладѣть имъ безраз-

* Въ мѣстечкѣ Пясечно, близь Вислы, между Варшавой и Равой.

дѣльно! Само Провидѣніе, казалось, покровительствовало примасу, создавшему на первыхъ порахъ столь искусный планъ дѣйствій. Личныя свойства Анны Ягелловны шли навстрѣчу его желаніямъ.

Это было слабое существо во власти жестокой судьбы. Польская королевна получила нищенское воспитаніе. Годы первыхъ впечатлѣній, которые ложатся неизгладимымъ оттѣнкомъ на всю жизнь, не принесли ей ни радости, ни пользы. Они печально влачились въ четырехъ стѣнахъ душнаго дворца, гдѣ господствовала страшная королева Бона. Съ воцареніемъ брата участь королевны не облегчилась. Ей пришлось лишь оплакивать его нравственное паденіе. Другія дочери стараго Сигизмунда наслаждались счастіемъ семейной жизни, почетомъ высокаго положенія въ чужихъ земляхъ. Только судьба Анны не измѣнялась. Отъ нея ускользала надежда на появленіе доблестнаго царевича, который освободилъ-бы ее изъ очарованнаго царства. Суровый отецъ, интригантка мать, развратный братъ и ни одного жениха — какая скудная обстановка дѣвичьей жизни! Мудрено ли, что королевна измѣнила типу Польки. Въ ней не свѣркалъ неизсякаемый источникъ веселости, за что́ Полька слыветъ душою общества. Ея лицо всегда было мрачно. На губахъ не проглядывало свѣтлой улыбки Взоръ вѣчно искрился слезой. Но чѣмъ менѣе наслажденій сулила Аннѣ земля, тѣмъ пламеннѣе желала она небеснаго блаженства. Восторженно предавалась она служенію церкви, которая особенно чтила Непорочную Дѣву. Агентъ римской куріи въ Польшѣ составилъ, въ формѣ письма къ папскому легату въ Вѣнѣ, весьма лестный аттестатъ благочестія польской королевны. Религіозные порывы поддержали ее въ этой опасной сферѣ, гдѣ, подлѣ «ясныхъ соколовъ» брата, ей приходилось разыгрывать роль голубицы. Изъ среды разврата они вознесли ее до рѣдкой нравственной высоты, и она не запятнала чести своего имени. По-

томки признали за нею эту заслугу, считая ея смерть эрой исчезновенія добрыхъ старыхъ нравовъ польской націи.

Лѣтомъ 1572 года Аннѣ Ягелловнѣ судьба послала новое испытаніе. Она осталась круглою сиротой среди шайки людей, расхищавшихъ ея наслѣдіе, угрожавшихъ даже единственному ея достоянію, женской чести. Потомъ мы видимъ ее, какъ титулованную особу, въ самой тяжкой неволѣ, именуемой почетнымъ плѣномъ. Желая укрыть ее отъ разныхъ вліяній, ее перевозятъ съ мѣста на мѣсто. Всюду она заботливо окружена шпіонами, и никто не думаетъ объ удовлетвореніи ея поденныхъ потребностей. Ей не даютъ ни копѣйки въ руки; ей почти нечего ѣсть; ее ссудили слѣпыми и хромыми лошадьми. Ей даже не съ кѣмъ слова сказать; она не можетъ написать двухъ строкъ къ родной сестрѣ. Одно только извѣстіе не перестаетъ долетать въ ея уединеніе: польскіе сенаторы знать не хотятъ завѣщанія короля. Они самовольно распоряжаются ея будущностію, видя въ ней только королевну и забывая женщину. Аннѣ пришлось теперь самостоятельно вступить въ борьбу съ судьбой. Инстинктъ самосохраненія вывелъ ее изъ дворца на незнакомое ей политическое поприще Женскою хитростію думала она побѣдить могущественную анархію. Рѣшившись упорно сопротивляться, она смѣшивала средства государственнаго мужа съ орудіями слабой женщины. Одновременно хватилась она и за законы страны, обычаи предковъ и за обмороки, слезы, брань, зубную боль. Столь же неразрывно и забавно смѣшивались у нея понятія политическія и личныя. На ея узкомъ умственномъ горизонтѣ великія нужды государства умалялись до простой потребности имѣть короля, ея будущаго мужа, и наслѣдника престола Самое государство она, по средневѣковому обычаю, понимала лишь въ смыслѣ частной собственности правителя. Оттого система собственнаго хозяйства была у нея гораздо шире системы политической. Королевна была въ тѣхъ

лѣтахъ, * когда женщина получаетъ вкусъ къ мелкому скопидомству. Анна Ягелловна не забыла ни одного выраженія покойнаго брата, льстившаго ея матеріальнымъ интересамъ. Она не оставляла безъ вниманія ни одного совѣта, клонившагося къ расширенію ея *наслѣдственныхъ* правъ. Въ разработкѣ этого вопроса она являла энергію и то мастерство въ отдѣлкѣ мелочей, которымъ одарена женская природа. Тутъ она пускала въ ходъ всевозможныя средства. Не успѣли еще опомниться польскіе мужи совѣтовъ послѣ роковаго 7-го іюля, какъ принцесса, позаперевъ кладовыя покойнаго короля, припрятала у себя ключи. Она умѣла прибѣгать къ протестамъ и выказывала способность къ упрямо-пассивной роли, которая могла вывести изъ терпѣнія всякаго. За сенаторами, въ ихъ безпрестанныхъ съѣздахъ и разъѣздахъ, неутомимо гонялись ея жалобы и требованія, исполненныя раздраженія, придирокъ, обидчивости, надоѣвшія всѣмъ до крайности. Къ королевнѣ Аннѣ всего болѣе подходила простонародная роль «сироты», на которую постоянно указывала ея сестра Софья брауншвейгская. [63]) Она такъ усердно твердила о своихъ наслѣдственныхъ правахъ, что нищая, обремененная долгами казна кинула ей ежемѣсячную пенсію и доходы пяти воеводствъ.

Но при всемъ томъ, старанія Анны Ягелловны не могли увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Источникомъ ихъ была не мужественная сила характера, а жалкое упрямство, поддерживаемое окружающею обстановкой. Она не въ себѣ искала точки опоры, дѣйствовала не по обдуманному плану. Она своенравно бросалась изъ стороны въ сторону, хваталась за первое попавшееся подъ руку орудіе. Часто мѣняя и пути, и средства, она не привязала никого къ своей задачѣ. Она внушила многимъ презрѣніе и всѣмъ — недовѣріе къ себѣ. Ея уединеніе нарушали

* Она родилась въ 1524 году.

только ловкіе интриганы, преслѣдовавшіе своекорыстныя цѣли. Они знали, что королевна легко подчинялась всякому льстивому вліянію, что вчера она перешептывалась съ хитрымъ католическимъ епископомъ, сегодня плачетъ передъ агентами Австріи или Франціи, завтра обратится къ литовскимъ эмиссарамъ. Одно изъ проницательныхъ дѣйствующихъ лицъ нашего разсказа вѣрно характеризовало ее названіемъ «скрипки, на которой легко играютъ различные совѣтодатели». [64])

Послѣдняя отрасль династіи Ягеллоновъ находилась въ ложномъ историческомъ положеніи, которое можно назвать почти безпримѣрнымъ. Она несла все бремя связанныхъ съ нимъ злополучій, не пользуясь ни одною изъ его выгодъ. Эту обыкновенную, слабую женщину всѣ ненавидѣли, какъ опасную политическую силу. Этой нищей завидовали, какъ богачкѣ, притомъ разжившейся насчетъ народа. Для нея не было тайной, что современники только одно достоинство и находили въ ней — это способность даровать наслѣдника престола. Николай Кристофъ Радзивилъ совѣтовалъ сыну цесаря взять Анну Ягелловну замужъ, какъ непріятный балластъ, «ибо Польское королество со всѣми его выгодами не вздоръ». [65]) Королевна знала еще болѣе. До нея доходили вѣсти о томъ, какъ оба жениха, внезапно посланные ей судьбой, Генрихъ Анжуйскій и Стефанъ Баторій, старались занять интересный тронъ съ условіемъ, чтобы отъ него была отцѣплена невѣста. Эти толки будили въ ней женскій инстинктъ. Еще не тронутое чувство шевелилось въ ея сердцѣ. Сорокавосьмилѣтняя дѣвица покрывалась румянцемъ, непривычная улыбка озаряла ея лицо, когда льстецы, на ея кокетливыя опроверженія, доказывали ей, что она не ѣстъ отъ радости: женихъ (Генрихъ анжуйскій) коснулся ея руки [66]). Понятно, что она соглашалась на все. Забывая неудачу своей скороспѣлой любви къ Генриху Анжуйскому, она пыталась-было выказать сочувствіе къ австрійскому принцу. Но какъ только за-

мѣтила желаніе шляхты выбрать въ короли Стефана Баторія, тотчасъ заявила удовольствіе воспользоваться хотя имъ. И въ могилу сошла она неудовлетворенная, неоплаканная, унося горькое сознаніе о послѣдней жизненной неудачѣ, которую окружало проклятіе народа. Она обманула его надежды. По смерти Стефана Баторія польскій престолъ опять представлялъ зловѣщее зрѣлище пустоты. Передъ трепещущимъ Полякомъ снова подымалась кровожадная анархія во всемъ своемъ адскомъ величіи.

Такова была королевна, на которую возложилъ-было свои надежды Уханскій.

Въ первыя минуты по смерти брата въ Аннѣ заговорила женщина и сестра. Ею овладѣло чувство глубокой скорби и сиротства. Въ роковой день она нѣсколько разъ теряла сознаніе. Но вслѣдъ затѣмъ проявила неожиданное мужество. Уже 15-іюля въ Кнышинѣ знали о ея намѣреніи выѣхать изъ Пясечна въ Ломжу, «чтобы тамъ выжидать рѣшенія сенаторовъ» объ участи ея и королевства. Но въ Кнышинѣ не предугадывали, что пока отъѣздъ изъ Пясечна откладывался со дня на день вслѣдствіе нездоровья и безденежья, въ головѣ Анны Ягелловны созрѣлъ серьёзный планъ. Вскорѣ туда пришло отъ нея письмо, извѣщавшее о ея намѣреніи тотчасъ же прибыть въ Кнышинъ, чтобы представить сенаторамъ завѣщаніе Сигизмунда-Августа, которымъ тотъ надѣлилъ ее при послѣднемъ разставаніи. Но если королевна рѣшилась дѣйствовать, то, конечно, ей нужны были союзники. Союзниковъ искалъ и Яковъ Уханскій, не менѣе самой Анны желавшій скорѣйшаго прибытія ея къ трупу короля. Опасаясь, чтобы задуманный планъ не разстроился, онъ собирался, по дорогѣ въ Кнышинъ, заѣхать въ Пясечно и, прикрывъ королевну своимъ высокимъ авторитетомъ, поставить ее среди первыхъ лицъ Рѣчи Посполитой [67]).

Овладѣть женщиной, которая могла стать опаснымъ орудіемъ въ рукахъ интригановъ; въ случаѣ нужды даже провозгласить ее польскимъ «королемъ», какъ названа была Ядвига около двухсотъ лѣтъ тому назадъ; привлечь на мѣсто, освященное печальнымъ присутствіемъ трупа помазанника Божія, представителей различныхъ частей королевства, которые прискакали-бы сюда по естественному побужденію, если не изъ боязни оставить примаса одного въ столь выгодномъ положеніи; предложить выборъ короля, пока еще не зашумѣли страсти въ груди Поляковъ — вотъ планъ, сложившійся въ головѣ опытнаго политика. Но мужественная воля не поддерживала этой головы. Въ первую же минуту описываемаго безкоролевья Яковъ Уханскій оказался вѣрнымъ своей безхарактерности. Мысль и поступки, желанія и энергія пошли у него въ разладъ другъ съ другомъ. Первое препятствіе погасило вспышку смѣлаго рѣшенія. Дѣло въ томъ, что, когда онъ скакалъ ненастною ночью въ Пясечно [68]), епископъ куявскій, Станиславъ Карнковскій, послалъ за нимъ въ догонку грозное письмо. Оно остановило колеблющагося старика и заставило его тотчасъ же повернуть въ свою резиденцію, Ловичъ...

Нить судебъ польской націи выпала изъ рукъ примаса, и въ этомъ случаѣ для его безхарактерности исторія не найдетъ оправданій. Она скорѣе сочувственно отнесется къ современному польскому патріоту, который съ грустію восклицалъ: «и пошли тогда всѣ эти проволочки! » [69])

ГЛАВА II.

Внутренняя интрига. Борьба двухъ Польшъ.

Моментъ энергіи, единства дѣйствій былъ упущенъ. На печальной исторической сценѣ, описанной нами, начала разыгрываться грустная драма, имя которой господство домашней и чужестранной интриги колоссальныхъ размѣровъ. Эта интрига съ необыкновенною быстротой охватила всю націю, сплетаясь съ различными силами, выработанными исторіей для другихъ цѣлей. Она прошла по всѣмъ жизненнымъ отношеніямъ гражданъ Рѣчи Посполитой, гнѣздясь даже у церковнаго престола и у домашняго очага. Она открыла обширное поприще для разгула элементовъ розни и взаимной вражды, подготовленныхъ предшедшимъ развитіемъ Польскаго государства. Провинціальный, сословный, религіозный сепаратизмъ началъ свою убійственную работу на полномъ просторѣ. На встрѣчу ему шло сильное развитіе личности въ высшемъ слоѣ общества.

При отсутствіи одного сильнаго голоса, которому повиновались-бы всѣ отдѣльные интересы, многочисленныя части Литовско-польскаго государства должны были сами заботиться о своихъ политическихъ нуждахъ. Тотчасъ по смерти Сигизмунда-Августа зашумѣла земля Рѣчи Посполитой изъ конца въ ко-

нецъ. Шляхта спѣшила собраться вокругъ своихъ воеводъ. Они созывали ее для обнародованія наставшаго безкоролевья, для размышленія о мѣрахъ, не терпѣвшихъ отлагательства. А тамъ, гдѣ воевода или замѣнявшій его каштелянъ случайно были въ отлучкѣ, шляхта, пересылая повѣстку изъ дома въ домъ, сама устраивала свои сеймики. Запуганная, она прежде всего постановляла строгіе законы противъ нарушителей общественнаго спокойствія. Въ то же время тамъ и сямъ собирались паны для таинственныхъ совѣщаній. Рѣчь Посполитая покрылась сѣтью шляхетскихъ сеймиковъ и сенаторскихъ съѣздовъ, на которыхъ обрисовались враждебные другъ другу интересы и партіи.

Не диво, что при отсутствіи силы въ преобладающей національности, искуственно связанные въ нею этнографическіе элементы спѣшили обособиться, пользуясь обстоятельствами. Поразительно то, что прежде всего самая ожесточенная борьба загорѣлаеь между землями, составлявшими древнее поприще чисто-польскаго элемента. Проснулась старая провинціальная ненависть между Великою и Малою Польшами. Ее поддерживалъ религіозный антагонизмъ. Подвижники католицизма, которые группировались вокругъ Гнѣзна и Ловича, хорошо понимали, что стоило вырвать изъ рукъ враговъ гнѣздо еретичества, Краковъ – и полная побѣда была-бы обезпечена за Римомъ. Они старались направить главные удары на Малую Польшу и не щадили іезуитскихъ средствъ. Папскій нунцій, кардиналъ Коммендоне, успѣлъ уже развѣдать, гдѣ ея ахиллесова пята. Онъ рѣшился вступить въ союзъ съ могущественною фамиліей Зборовскихъ, которая успѣшнѣе всѣхъ могла бороться съ плотною массой малопольскихъ протестантовъ.

Имя Зборовскихъ является нокануне XIV вѣка, когда былъ основанъ замокъ *Зборовъ*. Лѣтъ сто спустя, одинъ изъ нихъ пріобрѣлъ имѣніе *Рытвяны* въ сандомірскомъ воеводствѣ. Съ тѣхъ поръ *Зборовскіе изъ Рытвянъ* постоянно встрѣчаются

въ польской исторіи. Въ описываемое время ихъ было четыре брата.

Одинъ изъ нихъ, Андрей, сначала мечникъ, потомъ маршалокъ надворный коронный, съ молоду готовился къ придворной карьерѣ. Онъ терся при посольствахъ въ Вѣнѣ и Неаполѣ, гдѣ пріобрѣлъ изящество манеръ и репутацію, которая вела его къ почестямъ въ родной странѣ. Не переставая помогать во всѣхъ важныхъ дѣлахъ своимъ братьямъ, склонявшимся къ нововѣрію, онъ оставался самымъ послушнымъ сыномъ отцовъ-іезуитовъ. Вполнѣ преданный двору, онъ въ то же время трудился и на пользу общую. Нація справедливо цѣнила его заслуги. Хотя онъ сдѣлалъ политическій промахъ, способствуя избранію Генриха анжуйскаго, зато во время безкоролевья горячо боролся съ анархіей. Ему принадлежитъ иниціатива во введеніи спасительныхъ «каптуровыхъ» судовъ. Глубокое сочувствіе шляхты послужило ему достойною наградой за это благодѣяніе. Когда же Польша наслаждалась внутреннимъ спокойствіемъ, Андрей боролся съ московскою ратью. Онъ умеръ печальнымъ узникомъ Шведовъ, которые захватили его въ Ливоніи, съ мечемъ въ рукѣ, оборонявшей родную страну.

Но Андрей вовсе не походилъ на своихъ братьевъ, въ которыхъ нашелъ свое полное выраженіе типъ польскаго пана второй половины XVI вѣка. Онъ былъ исключеніемъ изъ этой семьи вельможъ, гордыхъ родомъ, положеніемъ и золотомъ, окруженныхъ несмѣтною кліентелой, задорныхъ и легкомысленныхъ, упрямыхъ и мстительныхъ, полныхъ горячности и тщеславнаго удальства.

Янъ Зборовскій, гетманъ надворный и каштелянъ гнѣзненскій, былъ самолюбивъ до нелѣпости, дерзокъ до нахальства, рѣшителенъ до подвижничества. Смѣтливый, проворный, но капризный и непостоянный, онъ былъ орудіемъ всякаго блес-

тящаго дѣльца, которое требовалось состряпать на скорую руку. Да и тутъ онъ отличался способностію къ медвѣжьимъ услугамъ. Ему ни-по-чемъ было шумомъ оружія уронить значеніе сейма, поднять анархію. Онъ наговоритъ дерзостей новому королю, къ которому родная нація выслала его на поклонъ. Не то затѣетъ стрѣльбу у подозрительныхъ имперскихъ князьковъ, которые не прочь арестовать и безоружнаго странника. Янъ любилъ бранное поле, гдѣ, презирая разсчеты и планы, онъ весь отдавался минутному увлеченію. Такимъ былъ онъ и въ религіи. Сегодня онъ исповѣдуетъ протестантизмъ, завтра возвращается блуднымъ сыномъ въ лоно католичества.

Братъ его Самуилъ, королевскій ротмистръ, отличался просто неукротимой натурой. Богатство, знатность, молодость съ ея еще неутоленною жаждой жизни — все вырабатывало изъ него кандидата на преступленіе. Окруженный пышною, задорною свитой, онъ рыскалъ по Польшѣ, ища охотниковъ переломить съ нимъ копье. Онъ былъ готовъ броситься на всякаго даже безъ причины, лишь-бы онъ былъ «не ниже его родомъ». Онъ не допускалъ мысли, что законы страны писаны и для него. Онъ открыто бросилъ имъ перчатку, убивъ на глазахъ своего короля (Генриха анжуйскаго) невиннаго Андрея Ваповскаго, каштеляна перемышльскаго [1]). Эта новая капля крови переполнила чашу терпѣнія согражданъ. Изгнаніе преступника изъ отечества не удовлетворило ихъ справедливаго гнѣва. И въ самомъ дѣлѣ, что значило для него это наказаніе? Съ спокойствіемъ оригинала покинулъ Самуилъ родную страну. Его не оставляла надежда на скорое возвращеніе. Вѣдь Поляки легкомысленны, какъ разъ забудутъ свое негодованіе и дадутъ злодѣю мѣсто въ своихъ переднихъ рядахъ!

Нашъ герой не могъ найти лучшаго убѣжища, чѣмъ украйны историческаго міра, гдѣ христіанскій Западъ прикасается къ мусульманскому Востоку. Притейсскія «пусты», ущелья Карпатъ,

широкій Дунай, и за нимъ травяное море, колыхавшееся до предѣловъ Азіи, — эта горная и степная глушь, сколько тутъ было неотразимой прелести для удалой натуры! Самуилъ Зборовскій пріютился на минуту у Стефана Баторія седмиградскаго. Потомъ онъ кинулся въ запорожскія степи. Его забубенный характеръ произвелъ впечатлѣніе на понизовую вольницу. Она огласила его своимъ гетманомъ и двинулась на неудачныя стычки съ Московскимъ государствомъ [2]).

Но напрасно думалъ Самуилъ подвигами загладить свою вину передъ отечествомъ. У исторіи есть величавая сила возмездія, которую она хранитъ для торжественныхъ случаевъ. Эпоха возрожденія Запада, оскорбленная Самуиломъ Зборовскимъ въ своихъ лучшихъ стремленіяхъ, взывала къ совѣсти націи. Послѣдняя приняла его, но какъ преступника, въ заслуженныхъ оковахъ. Она, эта дворянская нація, казнила одного изъ важнѣйшихъ своихъ пановъ, лѣтъ десять спустя послѣ описываемыхъ событій....*

Но важнѣе Яна и Самуила, какъ по личнымъ свойствамъ такъ и по отношенію къ нашему разказу, былъ ихъ братъ Петръ.

При Сигизмундѣ-Августѣ онъ слылъ за способнаго государственнаго человѣка. Еще каштеляномъ, онъ скакалъ въ Пруссію для разслѣдованія весьма важныхъ волненій. Мекленбургская интрига грозила отторгнуть эту землю отъ Польши и пустила глубокіе корни въ Кенигсбергѣ. Зборовскій явилъ здѣсь силу характера, пониманіе національнаго дѣла [3]). Тихо, но безпрерывно поднимался онъ по служебной лѣстницѣ. Въ 1572

* Потомки Самуила Зборовскаго ревностно искупали его грѣхи. Его правнукъ убилъ все свое состояніе на подвиги благочестія. Онъ погибъ благородною жертвой человѣколюбія, ухаживая за больными въ Краковѣ, гдѣ свирѣпствовала моровая язва въ половинѣ XVII вѣка. Съ нимъ прервалась линія «Зборовскихъ изъ Рытвянъ». *Niesieck* Herb. X, 135 sqq.

году былъ воеводой сандомірскимъ; при Стефанѣ Баторіи — краковскимъ. По натурѣ мало склонный къ романтизму и идеализму, онъ уничтожилъ поэтическія, но гнилыя развалины фамильнаго замка, чтобы покрыть ихъ водами полезнаго пруда; порвалъ связи съ пышнымъ католичествомъ и пріобщился къ суровому кальвинизму, не разрывая, впрочемъ, дружбы съ католическими учеными и іерархами. Онъ былъ ревностнымъ защитникомъ существующаго порядка вещей. Замолкала-ли слѣпая польская Ѳемида — онъ собственною властію отсѣкалъ головы безчинцамъ. Наставала ли анархія — онъ первый поднималъ голосъ за единодушіе, о которомъ твердилъ во всѣхъ своихъ универсалахъ. Тутъ онъ работалъ самозабвенно, жертвуя здоровьемъ, состояніемъ, досугомъ. Слѣды его энергіи замѣчались, кромѣ Малой Польши, въ Гнѣзнѣ, Варшавѣ, даже Вильнѣ. Зато польскій архи-іезуитъ, Станиславъ Карнковскій, считалъ его превосходнымъ мужемъ и рекомендовалъ Стефану Баторію, какъ достойнаго поборника мира и тишины [4]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ Зборовскій былъ легкомысленъ, горячъ, задоренъ. Крайне щепетильное чувство польскаго *гонора* было, можно сказать, его несчастіемъ. Повсюду ему мерещились горькая обида, оскорбленіе чести, доводившія его до безразсудства. Въ минуту гнѣва онъ могъ, не разузнавъ дѣла, вдругъ свирѣпо накинуться на сердечнаго друга, осыпать его самыми тяжкими подозрѣніями, площадною бранью, хвастаться передъ нимъ своимъ значеніемъ. Тутъ онъ не щадилъ и столь важныхъ колесъ въ машинѣ современнаго порядка вещей, какъ польскій примасъ или польскій легатъ. Правда, при первомъ отпорѣ онъ остывалъ; но и вполнѣ виновный, ретировался съ ворчаніемъ уязвленнаго *гонора*; подавалъ руку примиренія, отворачивая лицо. Если же нельзя было найти обиды собственнаго достоинства, онъ оскорблялся всеобщимъ молчаніемъ. Одолѣваемый чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, онъ не нахо-

дилъ награды въ самомъ дѣлѣ, какъ бы удачно оно ни шло. Ему необходимы были похвалы, именно тѣ, что превозносятъ за ничтожный успѣхъ, какъ за великое дѣло. Онъ и самъ льстилъ немилосердно.

Но напрасно Петръ Зборовскій мечталъ о первенствѣ въ мірѣ польскаго поповѣрія. Тщеславны были надежды, ласкавшія его, когда, на знаменитомъ синодѣ въ Сандомірѣ, онъ покоился въ предсѣдательскомъ креслѣ. Среди «еретиковъ» Рѣчи Посполитой была значительная личность Яна Фирлея, передъ которою онъ отходилъ на задній планъ. Ему было не подъ силу открыто бороться съ врагомъ, который заправлялъ интересами польскаго протестантизма и Малой Польши. Это доказалъ неудачный опытъ, когда, вопреки всѣмъ его усиліямъ, краковское воеводство досталось сопернику. Петру Зборовскому оставалось прибѣгнуть къ самому позорному протесту — къ мелочной мести. Для этой сокрушительной страсти онъ забывалъ все, даже первыя требованія совѣсти. Для нея не отказывался отъ средствъ и совѣтовъ отцовъ-іезуитовъ. Чтобы очернить врага въ глазахъ его партіи и всей націи, у него не дрогнула рука написать австрійское письмо въ собственномъ кабинетѣ, не замялся языкъ распускать зловредные слухи. Но зато онъ и понесъ достойное наказаніе. Его стали считать ненадежнымъ, двуличнымъ, протестантомъ въ католическомъ лагерѣ, человѣкомъ своекорыстныхъ интересовъ въ дѣлѣ всеобщей важности. Однажды изъ рядовъ его друзей послышалась клевета, будто онъ «готовъ зачерпнуть изъ новой бочки» [5]).

Въ то же время его стала преслѣдовать судьба. Его счастливое солнце, взошедшее-было въ лицѣ Генриха анжуйскаго, быстро закатилось. Преемникъ эфемернаго короля, Стефанъ Баторій, не оцѣнилъ услугъ, оказанныхъ ему фамиліей Зборовскихъ. Онъ даже явно желалъ унизить ихъ прежнее значеніе. Но могъ-ли воевода сандомірскій, этотъ истый польскій панъ,

влачить свое существованіе въ сельской глуши, вдали отъ дворца? Нѣтъ, онъ продолжалъ служить неутомимо. Тускнѣлъ блескъ его рода; вымирали Зборовскіе изъ Рытвянъ, а Петръ все служилъ упорно и въ награду за терпѣніе умеръ на томъ самомъ государственномъ постѣ, изъ-за котораго разгорѣлось соперничество между нимъ и его заклятымъ врагомъ, Яномъ Фирлеемъ.

Пріобрѣтеніе католицизмомъ такихъ людей, какъ Зборовскіе, съ Петромъ во главѣ, давало рѣшительное направленіе всей эпохѣ безкоролевья. Согласно съ своими свойствами и политическимъ положеніемъ, Зборовскіе стали дѣйствовать энергически, быстро. Они вспомнили неосторожный совѣтъ папскаго легата Коммендоне обратить вниманіе на владѣнія главы протестантизма, воеводы краковскаго. Едва успѣла разнестись вѣсть о смерти короля, они уже спѣшили воспользоваться этимъ совѣтомъ, даже расширивъ его значеніе. Хорошо вооружившись, они бросились въ Краковъ, надѣясь силой дерзости вырвать городъ вмѣстѣ съ крѣпостью изъ рукъ Яна Фирлея. Лишь Андрей, совершенно опутанный вліяніемъ Коммендоне, предварительно поскакалъ къ нему за благословеніемъ. Кардиналъ тащился тогда къ южной границѣ государства, оставивъ Краковъ за собой верстахъ въ пяти. Бурною ночью произошло свиданіе путниковъ. Сверхъ чаянія, Андрей Зборовскій услышалъ изъ устъ Коммендоне осужденіе поступка, который могъ уронить ихъ партію и поднять ихъ врага въ глазахъ общества. Послушный панъ въ ту же ночь возвратился къ заговорщикамъ и во-время удержалъ ихъ ревность [6]).

Первоначальный планъ не удался. Неутомимой семьѣ приходилось взяться за мѣры гораздо болѣе трудныя, за долгую и упорную борьбу. Она вооружилась политическою интригой. Петръ Зборовскій рѣшился немедленно агитировать въ пользу примаса и Великой Польши. Онъ готовъ былъ лучше получить

религіозную свободу изъ рукъ католическаго короля, чѣмъ протестанскаго короля изъ рукъ ненавистнаго соперника, Яна Фирлея.

Не прошло и четырехъ дней по смерти Сигизмунда-Августа, какъ воевода сандомірскій издалъ весьма важный универсалъ къ своему воеводству. Этотъ первый государственный документъ безкоролевья имѣлъ цѣлію подготовить шляхту къ опасному моменту. Составитель его говорилъ объ *умирающемъ* королѣ и утѣшалъ своихъ согражданъ мыслію о безсмертіи Рѣчи Посполитой. Но залогъ этого безсмертія онъ видѣлъ лишь въ своевременномъ и свободномъ избраніи преемника престола. Онъ требовалъ, чтобы «рыцарство» (шляхта) сандомірской земли было готово тотчасъ по объявленіи о смерти короля собраться вокругъ своихъ каштеляновъ, которые приведутъ его къ воеводѣ. Онъ же поведетъ его туда, гдѣ сойдутся представители *всей* Рѣчи Посполитой. «Мы поступимъ всего лучше, увѣщавалъ универсалъ, если немедленно отправимся въ Ловичъ на призывъ архіепископа гнѣзненскаго и важнѣйшихъ сенаторовъ. Соединившись тамъ съ Великополянами, мы привлечемъ къ своему рѣшенію остальныхъ пановъ, въ томъ числѣ и литовскихъ». Въ эту минуту Петръ Зборовскій говорилъ съ своею «младшею братіей» языкомъ страха и смущенія. Въ его рѣчи не было и тѣни приказаній. Въ ней заключались горячія мольбы о томъ, чтобы сыны Польши «хотя на время покинули взаимную вражду, раздраженіе, гнѣвъ и перекоры и отдали-бы свои сердца безраздѣльно отечеству.» Но еще громче звучала въ ней струна самооправданія въ томъ, что «не желаніе превысить свою власть, не личныя выгоды и интриги» водили рукой воеводы сандомірскаго, который «никогда не подумаетъ отдѣлиться отъ своихъ согражданъ; напротивъ, ничего не предприметъ безъ ихъ вѣдома и воли» [7]).

Осторожный авторъ лишь вскользь упомянулъ объ основной мысли универсала, о всеобщемъ подчиненіи примасу. Онъ самъ испугался своихъ словъ. И, дѣйствительно, Петръ Зборовскій имѣлъ полное право сомнѣваться въ успѣхѣ предложенной имъ мѣры. По сосѣдству съ Сандоміромъ поднимались крѣпкія стѣны маститаго Кракова. Тамъ все преклонялось передъ сильнымъ воеводою, Яномъ Фирлеемъ.

Преданія фамиліи Фирлеевъ терялись въ таинственной Готіи, во мглѣ баснословныхъ временъ, когда слагались чарующія пѣсни сѣверныхъ скальдовъ. Исторія застала эту фамилію въ краковской землѣ, откуда она вскорѣ развѣтвилась по югозападной Руси, Литвѣ и Венгріи. Главнымъ ея гнѣздомъ была одна изъ ея многочисленныхъ вотчинъ, *Домбровица* *. *Фирлеи изъ Домбровицы* представляли совершенную противоположность Зборовскимъ по характеру. Они вообще отличались серьёзностью, сдержанностью, административными и дипломатическими способностями. Таковы были и Фирлеи описываемой эпохи.

Ихъ отецъ Петръ, воевода русскій, былъ хорошій хозяинъ, человѣкъ прекрасной души, открытый, кроткій, богобоязливый. Онъ любилъ вслушиваться въ бесѣду умныхъ людей. Его щедрая рука никогда не оскудѣвала для бѣдныхъ. Этотъ ревностный католикъ, построившій двадцать костеловъ, конечно, не ожидалъ, чтобы домъ его сдѣлался убѣжищемъ «еретиковъ.» Но сила новаго времени безпощадно разрушала разсчеты старины.

Сыновья воеводы русскаго оказались всѣ упорными протестантами. Въ ихъ гостепріимныя вотчины стекались проповѣдники со всего Запада, особенно изъ Нидерландъ.

Въ устроенныхъ Фирлеями протестантскихъ школахъ преподавали люди, почерпнувшіе новое ученіе у самыхъ источниковъ

* Имѣнія Фирлеевъ были расположены у р. Вепря, между Люблиномъ и Подляхіей.

его, въ Виттенбергѣ и Лейпцигѣ. Даже польскіе католики посылали своихъ дѣтей въ эти школы, цѣня въ нихъ высокій уровень образованія. Старое достояніе герба Фирлеевъ, мѣстечко Левартовъ, обратилось въ городъ учениковъ, которымъ не хватало квартиръ и пропитанія.

Но лучшимъ поборникомъ польскаго протестантизма и самымъ блестящимъ представителемъ фамиліи Фирлеевъ былъ Янъ, старшій сынъ воеводы русскаго.

Весьма даровитый, онъ еще мальчикомъ овладѣлъ вниманіемъ своихъ учителей и родственниковъ. По обычаю, его отправили заграницу. Тамъ онъ увлекся суровымъ ученіемъ Кальвина, которое такъ подходило къ его строгому характеру. Этому ученію онъ оставался вѣренъ въ Падуѣ и Вормсѣ, въ Палестинѣ и Африкѣ. Быть-можетъ, именно это личное знакомство почти со всѣмъ историческимъ міромъ окончательно освобождало Яна Фирлея отъ предубѣжденій родной старины. Возвратившись домой, онъ быстро сталъ выдвигаться изъ рядовъ согражданъ. Уже старый дѣльный Сигизмундъ назначилъ его своимъ секретаремъ. Его безсильный сынъ радъ былъ этой готовой опорѣ. Онъ не переставалъ награждать его во всю свою жизнь. Онъ вспомнилъ о немъ даже въ ту минуту, когда о земныхъ друзьяхъ думаютъ всего менѣе. На смертномъ одрѣ онъ назначилъ его воеводою и старостою краковскимъ, сохраняя за нимъ званіе маршалка великаго короннаго.

Яну Фирлею не было тогда и пятидесяти лѣтъ. Онъ былъ бодръ и свѣжъ. Полнота душевныхъ силъ проникала всѣ его поступки. Это былъ мощный боецъ на поприщѣ жизненной борьбы. Теоріей онъ не увлекался. Образцами его пера служатъ лишь дѣловыя бумаги. Къ своему лаконическому краснорѣчію онъ прибѣгалъ только въ крайнемъ случаѣ. Онъ любилъ дѣйствовать — и возможно быстрѣе, энергичнѣе. Когда другіе только начинали обсуждать свое положеніе, у него уже былъ опредѣ-

ленный планъ, которымъ онъ озадачивалъ всѣхъ. Любя дѣло, Янъ Фирлей въ немъ одномъ искалъ награды. Онъ не гонялся за мнѣніемъ людей, не терпѣлъ лести и самъ не льстилъ никому, не страшился клеветъ, презиралъ мелкихъ враговъ. Онъ никогда не прибѣгалъ къ популярничанью, къ напускной откровенности и самоуничиженію передъ шляхтою. И шляхта чуяла, что въ глубинѣ его души хранится какая-то повелительная тайна. Она видѣла, что насколько воевода загадоченъ для другихъ, настолько всѣ понятны ему.

Янъ Фирлей вовсе не походилъ на польскаго пана, легкомысленнаго и увлекающагося. Любовь къ отечеству постоянно руководила его дѣятельностію. Видя залогъ долгоденствія Польши въ гуманизмѣ реформаціи, онъ своею жизнію обращалъ согражданъ въ кальвинизмъ успѣшнѣе самихъ проповѣдниковъ нововѣрія. Ради спасенія отечества онъ добивался сущности власти, презирая ея внѣшнія прикрасы. Онъ употреблялъ ее на борьбу съ врагами Рѣчи Посполитой. Французскіе кавалеры, прибывшіе въ Краковъ съ Генрихомъ анжуйскимъ, долго помнили этого свирѣпаго хозяина. Онъ не только не давалъ имъ потучнѣть отъ польскаго хлѣба, но чуть не морилъ ихъ голодомъ. Когда же дѣло шло о его личныхъ интересахъ, онъ смирялъ свои порывы, имѣя всѣ средства поднять кровавую борьбу.

Значеніе историческаго лица лучше всего уясняется отношеніями къ нему окружающей среды. Янъ Фирлей занималъ царственное положеніе въ осиротѣлой Польшѣ. Враги, стараясь склонить его на свою сторону, сами становились его орудіемъ. А въ протестантскомъ и малопольскомъ мірѣ его приказанія считались закономъ. Напишетъ онъ строчку — и всѣ возвратятся съ пути, по которому пустились-было; захочетъ онъ — и важный съѣздъ разстроится, все придетъ въ смущеніе. Въ его отсутствіе безмолвствуютъ государственныя собранія цѣлой поло-

вины Рѣчи Посполитой. При немъ всѣ ихъ дѣйствія являются результатомъ его совѣтовъ.

Но Яну Фирлею не суждено было осуществить своихъ завѣтныхъ стремленій. Онъ не вкусилъ даже утѣшенія присутствовать при достойномъ наказаніи своихъ заклятыхъ враговъ, Зборовскихъ. Онъ видѣлъ только, какъ Провидѣніе творило торжественный судъ надъ страной, не внявшей его пророческому голосу. Жалкая креатура враждебной ему партіи постыдно покидала Польшу, оставляя ее на жертву новымъ смутамъ. Вслѣдъ затѣмъ умеръ творецъ Люблинской уніи и знаменитыхъ ограниченій королевской власти (*Pacta Conventa*). Среди взволнованныхъ протестантовъ пронесся слухъ о его отравленіи.

Съ воеводою краковскимъ не вымерла фамилія Фирлеевъ. Но она никогда уже не играла столь важной роли въ исторіи. Слѣдуя нравственному закону, который господствовалъ среди польскаго магнатства, она тратила свои силы на фанатическое служеніе католицизму. Сверхъ того, она можетъ служить образцомъ печальнаго физическаго закона, который дѣйствовалъ въ теченіе трехъ послѣднихъ вѣковъ среди магнатскихъ фамилій Польши. Съ конца XVI столѣтія онѣ теряютъ крѣпость и замѣчательную плодовитость, какою отличались дотолѣ. Женскій элементъ начинаетъ все болѣе и болѣе преобладать надъ мужскимъ. Но и онъ оказывается ненадежнымъ. Вскорѣ послѣ вступленія въ замужство панны умираютъ. Мужчина принужденъ по нѣскольку разъ прибѣгать къ браку. Троекратная женитьба встрѣчается сплошь и рядомъ. Нѣкоторыя фамиліи вымираютъ уже во второмъ поколѣніи и рѣдкія доходятъ до пятаго. Такимъ образомъ, въ томъ же XVII вѣкѣ, который былъ послѣднею минутой процвѣтанія аристократизма въ Европѣ, лежитъ путь къ могилѣ польскаго панства и въ политическомъ и въ физическомъ смыслѣ.

Воевода краковскій зналъ, что дѣлать. Между тѣмъ какъ дружескія отношенія воеводы сандомірскаго къ католикамъ еще не увѣнчались никакимъ результатомъ, на призывъ Яна Фирлея уже собирались Малополяне. Нѣкоторые изъ нихъ по собственной инициативѣ шли въ Краковъ, надѣясь найти тамъ рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ. Чрезвычайно быстро и единодушно устроился краковскій съѣздъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ безкоролевье 1572 г. Не прошло и недѣли по смерти короля, какъ онъ уже былъ открытъ. Этимъ, конечно, Малая Польша была обязана краковскому воеводѣ, который былъ тутъ хозяиномъ. Передъ нимъ всѣ другіе паны, даже такіе какъ Іеронимъ Оссолинскій и Станиславъ Шафранецъ, отходили на задній планъ. Петръ Зборовскій сидѣлъ мрачный, привлеченный сюда лишь необходимостію. А предсѣдатель съѣзда, краковскій каштелянъ Себастіанъ Мелецкій, былъ лишь куклой, облеченною внѣшнимъ почетомъ и работавшею въ пользу Яна Фирлея [8]). Шляхта, которая собралась тутъ въ большомъ числѣ, не могла стѣснить дѣйствій истиннаго главы съѣзда. Она была довольна уже тѣмъ, что ее допустили присутствовать при совѣщаніяхъ пановъ, разыграть роль народа на гомеровскомъ вѣчѣ.

Краковскій съѣздъ отличался дѣльностію и практичностію своихъ предначертаній. Не увлекаясь мыслію о далекомъ будущемъ, не осмѣливаясь предрѣшать великіе вопросы, которые необходимо было обсудить сообща, основательно, онъ сосредоточилъ свое вниманіе на удовлетвореніи главныхъ требованій историческаго момента. Онъ хорошо понялъ, что страна, обуреваемая анархіей, прежде всего нуждается въ рѣшительныхъ мѣрахъ, направленныхъ къ охраненію всеобщей безопасности и гражданскаго порядка.

Члены краковскаго съѣзда прежде всего взялись за знаменитую корчинскую конфедерацію, за ея торжественное возстановленіе, на томъ основаніи, что «потомки добродѣтельныхъ и мудрыхъ

предковъ должны подтвердить ихъ мудрыя рѣшенія» [9]). Но не въ этомъ актѣ лежитъ оцѣнка дѣятельности краковскаго съѣзда. Корчинскую конфедерацію вспомнили въ то же время почти всѣ земли, входившія въ составъ Рѣчи Посполитой. Малая Польша, съ Яномъ Фирлеемъ во главѣ, хорошо характеризуется тѣми прибавками, сдѣланными краковскимъ съѣздомъ, которыя сообщили практическую силу «мудрымъ рѣшеніямъ предковъ». Передъ нами лежитъ длинный списокъ энергическихъ мѣръ, касающихся самыхъ мелкихъ подробностей дѣла. Онѣ уясняютъ слишкомъ общій и блѣдный смыслъ корчинской конфедераціи и живыми красками рисуютъ отчаянное положеніе государства. Судя по нимъ, оно готовилось выдержать серьёзную борьбу съ врагами внѣшними и внутренними. Ставились на военную ногу мѣста, въ которыхъ можно было отсидѣться въ случаѣ осады; формировалась на скорую руку армія Предписывалось: строго наблюдать за городами и крѣпостями; осматривать ихъ стѣны, исправлять ворота, изъ которыхъ отворять лишь необходимыя, снабжая ихъ притомъ достаточнымъ количествомъ постоянной стражи; составить точную опись всѣхъ военныхъ снарядовъ, заготовленныхъ въ частныхъ мастерскихъ, и продавать ихъ, а равно и всякій другой товаръ, не выше той цѣны, какая была мѣсяцъ тому назадъ, то-есть до наступленія безкоролевья. Съ этою цѣлію опредѣлялись таксы для всѣхъ предметовъ обыденной потребности [10]). Правители городовъ и мѣстечекъ должны были запастись всякаго рода хлѣбомъ и съѣстными припасами въ количествѣ, необходимомъ для пропитанія всѣхъ жителей въ случаѣ прекращенія сношеній съ окружающею страной. Подъ страхомъ строгаго наказанія запрещалось жителямъ высылать изъ городовъ женъ, дѣтей и имущество, а проживающимъ внѣ городской черты предписывалось перебраться за нее со всѣмъ ихъ достояніемъ и поселиться на мѣстахъ, отведенныхъ правительствомъ. Особенное вниманіе обратилъ малопольскій съѣздъ на

перлъ своей земли, Краковъ, съ его старымъ кремлемъ, съ его архивами, королевскими регаліями и казной. Эта важная крѣпость должна была служить не только пассивною охраной населенія, но и пунктомъ опоры въ борьбѣ съ врагомъ. Воевода краковскій съ своими сослуживцами обязывался тщательно укрѣпить стѣны города новыми сооруженіями. Онъ требовалъ безотлагательной помощи всей страны въ этомъ общемъ дѣлѣ. Аббаты, настоятели и настоятельницы монастырей, содержатели королевскихъ имѣній должны были выслать людей и матеріалы для крѣпостныхъ работъ и снабдить городъ необходимыми съѣстными припасами..

Тутъ вопросъ о принудительномъ займѣ выступилъ во всемъ своемъ печальномъ значеніи. Нація, которая не умѣла приберечь ни гроша про черный день, ни солдата про опасную минуту, всегда должна была прибѣгать къ чрезвычайнымъ жертвамъ. Крайняя мѣра, которую слѣдуетъ хранить въ запасѣ для несчастныхъ случаевъ, — принудительный заемъ былъ обычною финансовою системой Рѣчи Посполитой. Тамъ каждое новое поколѣніе платилось за грѣхи своихъ отцовъ. Каждая новая эпоха въ жизни націи свидѣтельствовала объ органическомъ порокѣ въ ея государственномъ хозяйствѣ. Въ рукахъ описываемаго краковскаго съѣзда упомянутая финансовая мѣра приняла слѣдующій видъ. Издержки на укрѣпленіе и снабженіе провіантомъ Краковa обѣщано было уплатить главнымъ образомъ посредствомъ квитанцій, которыя должна выкупить *въ послѣдствіи* государственная казна. Что касается до остальной Малой Польши, то краковскій съѣздъ не ограничился приказаніемъ подскарбію поскорѣе пріискать денегъ, а старостамъ немедленно объявить конскрипцію. Онъ ясно видѣлъ, что это не болѣе, какъ *pia desideria*, и потому-то прибавилъ, что въ случаѣ неудачи конскрипціи необходимыя войска будутъ высланы въ староства изъ краковской крѣпости. За деньгами же прямо обращался къ кошельку

частныхъ лицъ, прося ихъ снабжать казну «пуммусомъ» и на свой счетъ нанимать войска. Уплата этого долга гарантировалась *будущею* казной Рѣчи Посполитой.

Затѣмъ краковскій съѣздъ обратилъ особенное вниманіе на предохраненіе государства отъ всякаго иностраннаго вмѣшательства, будетъ-ли то открытое нападеніе, или тайная интрига. И здѣсь онъ оказался благоразумнѣе и полезнѣе всѣхъ остальныхъ государственныхъ собраній того времени въ Рѣчи Посполитой. Малополянамъ запрещено было держать въ своихъ домахъ иностранцевъ безъ вѣдома и разрѣшенія мѣстныхъ властей; солдатъ должно было нанимать съ разборомъ; чужеземную молодежь отнюдь не принимать въ ряды польскаго воинства. Мѣстнымъ пограничнымъ властямъ наказывалось неусыпно слѣдить за сношеніями Польши съ сосѣдними землями; не дозволять ловкимъ и любопытнымъ людямъ сновать взадъ и впередъ; задерживать всѣхъ подозрительныхъ лицъ, преимущественно тѣхъ, которые пробираются изъ государства проселочными и неудобными путями; отъ всякаго проѣзжаго требовать особеннаго паспорта, выданнаго краковскимъ воеводой. Исключеніе дѣлалось только для купцовъ: пошлинами съ ихъ товаровъ кормилась тощая казна Рѣчи Посполитой! Эти приказанія порубежные старосты должны были приводить въ исполненіе посредствомъ цѣлой системы шпіоновъ. Они были обязаны даже перехватывать всѣ письма изъ Польши за границу и наоборотъ, и тотчасъ пересылать ихъ къ воеводѣ краковскому, которому заповѣдывалось «усердно вытряхивать» ихъ. По мѣрѣ возможности шпіоны должны были наблюдать и за движеніями, происходившими за границей. Этого мало. Пользуясь топографическими условіями, краковскій съѣздъ рѣшился совершенно отрѣзать Польшу хотя отъ наиболѣе опаснаго изъ сосѣдей. Проходы въ карпатскихъ тѣснинахъ приказано было завалить кучами срубленныхъ деревьевъ. Къ этимъ засѣкамъ были посланы сильные

отряды, конные и пѣшіе, которые вмѣстѣ съ гарнизонами, распол женными по силезской границѣ, были поручены двумъ опытнымъ военачальникамъ.

Такъ ограждалась Малая Польша отъ внѣшнихъ враговъ. Противъ внутреннихъ она приняла не менѣе энергическія мѣры. Въ столь немощномъ политическомъ организмѣ, какъ Рѣчь Посполитая, внутреннимъ врагомъ былъ всякій сильный человѣкъ. Страшенъ былъ ей и солдатъ, котораго она сама нанимала и вооружала, и знатный панъ. Первый считалъ себя выше ея, давалъ волю своимъ анархическимъ наклонностямъ и всегда жилъ насчетъ населенія посѣщаемыхъ имъ мѣстъ. Второй содержалъ огромную челядь, почитавшую только его знамя. Съ нею онъ дѣлалъ отважные набѣги на всякія права государства и частныхъ лицъ. Краковскій съѣздъ назначилъ небывало-высокое жалованье солдату, чтобы удержать его отъ его печальныхъ привычекъ; а другому нарушителю земскаго мира грозилъ отчаяннымъ средствомъ, страшнымъ «посполитымъ рушеньемъ». Съѣздъ пошелъ еще дальше. Онъ смѣло рѣшился на время безкоролевья подвергнуть частный бытъ пана важнымъ измѣненіямъ. Польскій панъ, точь-въ точь какъ средневѣковой рыцарь, любилъ жить на широкую ногу, съ такимъ шумомъ и гамомъ, чтобы въ самомъ отдаленномъ углу окрестностей было слышно, что онъ живетъ. Теперь ему приходилось распроститься съ слишкомъ громкими заявленіями своихъ радостей и печалей, особливо съ обычными формами своего гостепріимства. Краковскій съѣздъ строго воспрещалъ ему стрѣлять, музыканить, трубить, бубнить. Исключеніе было сдѣлано только для одной жалкой трубы, которая должна была возвѣщать пріѣздъ хозяина или какого-нибудь именитаго гостя. Въ то же время закрывались увеселительныя общественныя заведенія. Обычные оркестры, безъ которыхъ не обходилось ни одно польское мѣстечко, ни

одно развлеченіе въ польскомъ обществѣ, должны были умолкнуть.

Члены краковскаго съѣзда могли радостно разстаться другъ съ другомъ. Каждый изъ нихъ уходилъ съ спокойною совѣстію. Они сдѣлали все, что было въ ихъ силахъ, они были участниками и свидѣтелями высокаго патріотическаго одушевленія. Паны, не колеблясь, изъявили готовность деньгами и личнымъ содѣйствіемъ помочь отечеству въ торжественную минуту его страданій. Патріотическое чувство обращало принудительный заемъ въ добровольный. Многіе энергически заявляли, что даже не потребуютъ вознагражденія отъ Рѣчи Посполитой, если это будетъ ей не подъ силу. Во всякомъ случаѣ, они готовы помогать ей до послѣдняго гроша, до послѣдней капли крови. Во главѣ жертвователей стоялъ Янъ Фирлей. Онъ обѣщалъ, въ видѣ ссуды государству, содержать на свой счетъ 600 человѣкъ войска въ краковской крѣпости. За нимъ слѣдовалъ цѣлый рядъ пановъ свѣтскаго и духовнаго чина. Въ то же время, чтобы привлечь и шляхту къ общему дѣлу, они высказали надежду, что передъ избирательнымъ сеймомъ будутъ устроены повѣтовые сеймики для совѣщаній рыцарства польскихъ земель. Такимъ образомъ, первое государственное собраніе по смерти Сигизмунда-Августа было ознаменовано присутствіемъ той вождѣленной «згоды» и взаимной любви, которыя были такъ необходимы и такъ мало знакомы Полякамъ. Въ эту минуту Янъ Фирлей имѣлъ полное право увлекаться надеждой, которая отразилась въ энергическихъ словахъ его универсала къ своей шляхтѣ. Онъ извѣщалъ ее о плодотворныхъ результатахъ краковскихъ совѣщаній и призывалъ выступить во всеоружіи по первому знаку мѣстныхъ хорунжіевъ. [11])

Но радость Малополянъ была далеко не полна. Ихъ сильно смущало одно весьма важное обстоятельство, которое подрывало значеніе ихъ совѣщаній. Дѣло въ томъ, что ихъ съѣздъ

былъ только *краковскій* и по большей мѣрѣ *малопольскій*. Онъ представлялъ лишь часть государства. А необходимость заставила его взяться за рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, касавшихся *всей* Рѣчи Посполитой. Онъ вынужденъ былъ самовольно распорядиться королевскою шкатулкой, выдавъ изъ нея значительную сумму буйнымъ отрядамъ кавалеріи, которые угрожали разбоемъ за давно-просроченное жалованье.

Еще болѣе незаконными должны были показаться остальной Рѣчи Посполитой сношенія Кракова съ иностранными державами, хотя они были благодѣтельны для родной страны, ибо клонились къ умилостивленію ея главныхъ враговъ. Краковскій съѣздъ опредѣлилъ уплатить пошлинами съ Литвы и юго-западной Руси дань перекопскому царю, установленную мирнымъ договоромъ при Сигизмундѣ-Августѣ. А къ московскому царю послали изъ Кракова отъ имени Польскато государства великихъ пословъ, съ цѣлію заключить съ нимъ вѣчный миръ, или, по крайней мѣрѣ, удержать его отъ непріязненныхъ дѣйствій на время безкоролевья. Положимъ, остальная Рѣчь Посполитая могла простить Малой Польшѣ эти слишкомъ широкія заботы объ общихъ интересахъ; но былъ еще вопросъ, самый важный въ глазахъ Поляковъ, къ которому осмѣлился прикоснуться краковскій съѣздъ. Мы говоримъ объ *избирательномъ терминѣ* (мѣсто и время избирательнаго сейма). По свойству націи, отъ него, дѣйствительно, зависѣла будущность государства. Какая-то роковая судьба увлекала Польшу: ея первое политическое собраніе въ эпоху безкоролевья очутилось въ очарованномъ кругу, изъ котораго нельзя было высвободиться! Могъ-ли краковскій съѣздъ уклониться отъ постановки и рѣшенія избирательнаго вопроса? Какъ не объявить своего мнѣнія о дѣлѣ, когда всѣ съ такою жадностію ожидали его развязки? А между тѣмъ всякое опредѣленное мнѣніе въ этомъ случаѣ должно было принять форму, оскорбительную для другихъ ча-

стей государства. Краковскій съѣздъ постановилъ: представителямъ Малой Польши съѣхаться къ 10-му августа въ Кнышинъ, къ трупу короля, гдѣ и назначить избирательный терминъ *въ согласіи съ представителями другихъ частей Рѣчи Посполитой.* Но этимъ онъ *призывалъ* остальныхъ сенаторовъ государства на общее свиданіе въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время. [12]) Сверхъ того онъ, очевидно, хотѣлъ ввести небывалую прибавку въ актъ избранія польскаго короля. Онъ пытался устроить обще-польскій сеймъ передъ избирательнымъ. Напрасно краковскій съѣздъ, предчувствуя бѣду и стараясь оградить чистоту своихъ мотивовъ, подыскалъ одинъ старый законъ. Рѣшеніе пётрковскаго сейма 1538 года не выводило его на почву права и историческаго преданія. Эта неудачная ссылка лишь выясняетъ историку печальное положеніе государства, не выработавшаго опредѣленныхъ формъ для важнѣйшихъ моментовъ своей жизни. [13])

Такимъ образомъ, ни преданіе, ни законъ не подымались въ защиту краковскаго съѣзда. А современность была или прямо враждебна ему, или сомнительна. Центръ католицизма и давнихъ политическихъ притязаній на первенство, Великая Польша должна была возстать противъ государственнаго собранія, въ которомъ католическіе интересы были представлены ничтожнымъ, почти безгласнымъ меньшинствомъ. Намѣренія другихъ земель, особливо могущественной Литвы, были неизвѣстны. Могли-ли депутаты краковскаго съѣзда, разосланные съ его рѣшеніями въ Кнышинъ, Мазовію и Великую Польшу, въ Литву и Пруссію, въ Русь и во всѣ важнѣйшіе города королевства, надѣяться на привѣтливый пріемъ повсюду? Не естественнѣе-ли имъ было вездѣ ожидать грознаго вопроса: «кто далъ право пославшимъ васъ распоряжаться самовольно судьбами цѣлаго государства?»

Посмотримъ, какъ отнеслись другія части Рѣчи Посполитой къ Малой Польшѣ, какъ онѣ рѣшали вопросъ объ избиратель-

номъ терминѣ, вокругъ котораго группируются всѣ описываемыя ниже событія.

Когда Малая Польша совѣщалась въ Краковѣ, Великая была въ тревогѣ. Ее уже волновалъ вопросъ о Краковѣ, именно о его воеводѣ. Она спѣшила подъ знамя архіепископа гнѣзненскаго. Въ его резиденцію, Ловичъ, съѣхались великопольскіе сенаторы. Ловицкій съѣздъ представлялъ величавое зрѣлище. Здѣсь присутствовали паны, замѣчательные какъ по своему служебному значенію, богатству, знатности рода, такъ и по силѣ защищаемыхъ ими интересовъ. Здѣсь были столпы польскаго духовенства, примасъ съ двумя епископами. Рядомъ сидѣли энергическіе, всюду уважаемые воеводы познанскій, сѣрадзскій, брестскій. Среди многочисленныхъ каштеляновъ выдавался отважный, характерный Янъ Костка, этотъ неусыпный глазъ Рѣчи Посполитой, зорко слѣдившій за Данцигомъ и всею польскою Пруссіей. Великая Польша являлась тутъ не только съ своимъ католическимъ правовѣріемъ, но и съ главами аугсбургскаго исповѣданія, Лукою Гуркой и Яномъ Томицкимъ. Враждебные малопольскому реформатству, они пришли сюда защищать *великопольскаго* примаса противъ *малопольскаго* маршалка великаго короннаго. Въ блескѣ этихъ важныхъ пановъ стушевывалась бѣдная, злобная шляхта. Безъ призыва забралась она въ Ловичъ, чтобы прислушаться къ рѣчамъ правителей, приглядѣться къ ихъ поступкамъ. Но всего важнѣе, что въ ловицкомъ собраніи, кромѣ внѣшняго величія, было и величіе умственное. Тутъ находилась одна изъ самыхъ видныхъ личностей описываемаго безкоролевья, Станиславъ Карнковскій, епископъ куявскій, именуемый также влацлавскимъ и померелльскимъ. [14])

Въ Мазовіи, у дяди своего епископа куявскаго, Станиславъ пропитался строгимъ католицизмомъ. Итальянская академія довершила дѣло, снабдивъ его глубокими познаніями въ канониче-

скомъ и государственномъ правѣ, въ исторіи церковной и отечественной. Карнковскаго брали на расхватъ въ Гнѣзно, Ленчицу, ко двору. Послуживъ коронным секретаремъ и рефендаріемъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ своей жизни онъ былъ епископомъ куявскимъ, а пятнадцать лѣтъ спустя по смерти Якова Уханскаго, занялъ постъ примаса, съ котораго и сошелъ въ могилу. Этотъ постъ, казалось, былъ созданъ для него. Рѣдко человѣкъ такъ удачно угадываетъ свое призваніе.

Станиславъ Карнковскій былъ страстенъ и энергиченъ, рѣшителенъ и упоренъ. Его сожигала жажда дѣятельности. Въ его злобномъ взглядѣ свѣтилась властолюбивая душа, искавшая господства надъ людьми, событіями, духомъ времени. Онъ былъ глубокій сердцевѣдецъ. Съ слабыми онъ говорилъ кратко и сухо. Передъ сильными міра сего расточалъ приторное краснорѣчіе и безстыдную лесть. А Римъ умѣлъ привлекать неумолкаемымъ благовѣстомъ о своихъ заслугахъ. Въ эти заслуги онъ и самъ вѣрилъ глубоко. Онъ считалъ себя «садовникомъ въ вертоградѣ небесномъ, однимъ изъ тѣхъ лучшихъ мужей, память которыхъ чернитъ злословіе ничтожныхъ завистниковъ». Карнковскій былъ убѣжденъ, что онъ одинъ вноситъ свѣтъ въ хаосъ умовъ. Съ особенною любовію работалъ онъ въ смутныя времена. Тогда все, что уплывало мимо Якова Уханскаго, не миновало его искусныхъ рукъ. Онъ зорко слѣдилъ за событіями, являлся у ихъ колыбели. Рѣдко прибѣгалъ къ выжиданію, да и то лишь съ цѣлію толкнуть другихъ въ каверзное дѣло. Когда же за подобныя продѣлки подымались голоса на его обличеніе, онъ оправдывался безъ стыда и смущенія, прикрываясь остротою діалектики, одѣтой въ красивую латынь. И горе было принудившимъ его къ такому униженію! Даже могила не могла примирить ихъ съ нимъ.

Но не однихъ обличителей преслѣдовала его ненависть и месть. Своимъ врагомъ, «язвою общества, извращеннымъ, глупымъ и без-

честнымъ» считалъ онъ всякаго, кто не раздѣлялъ его убѣжденій, хотя бы то былъ родной сынъ. А эти убѣжденія были односторонни, узки. Изъ пороковъ и низкихъ страстей, думалъ онъ, слагается національная жизнь; облагородить ее призвана верховная власть. Ей приносилъ онъ въ жертву законы, которые «должны ломиться подъ гнетомъ необходимости», благосостояніе, помыслы, совѣсть людей. А къ толпѣ онъ питалъ инстинктивное отвращеніе. Ему были противны сеймики, на которыхъ раздавался крикъ безсмысленной шляхты. Не жаловалъ онъ и генеральныхъ сеймовъ. Смѣло и открыто излагалъ онъ свою теорію, по которой король *пануетъ*, сенатъ *совѣтодательствуетъ*, а рыцарство *слушаетъ*. [15])

Впрочемъ, Карнковскій не довольствовался пагубною теоріей, которая, сто лѣтъ спустя, разцвѣла на всемъ континентѣ Запада. Выше политическаго рабства было для него рабство церковное. Этотъ искренній іезуитъ фанатически служилъ католицизму. Бичъ безнравственнаго духовенства, онъ прежде всего былъ строгъ къ самому себѣ. Его жизнь могла служить образцомъ воздержанія. Домъ его походилъ на монастырь. За скудною трапезой монахъ монотонно читалъ церковную книгу. Епископъ куявскій ежедневно совершалъ утомительныя богослуженія, обливаясь слезами. Не то громилъ проповѣдями и сочиненіями иновѣрцевъ; устраивалъ іезуитскія семинаріи и коллегіи; украшалъ свою эпархію, разставаясь съ которою, могъ сказать, что преобразилъ ее изъ деревянной въ каменную. Карнковскій только потому и распинался за политическій абсолютизмъ, что надѣялся сдѣлать его послушнымъ орудіемъ католичества. Изъ Отцевъ церкви онъ любилъ ссылаться на Іоанна Дамаскина да на Григорія Назіанзина, которые считали царей овцами, подчиненными духовенству. Ради возвышенія церковной власти онъ проповѣдывалъ революціонную теорію, которая въ Англіи

съ XIII-го вѣка служила залогомъ національной свободы [16]). Съ злорадствомъ слѣдилъ онъ за каждымъ шагомъ королей; грозно увѣщавалъ Сигизмунда - Августа покаяться въ грѣхахъ. Высокимъ наслажденіемъ для него были тѣ минуты, когда король дни и ночи проводилъ на открытомъ воздухѣ, повергаясь во прахъ передъ распятіемъ. Тутъ Карнковскому казалось, что осуществляется его завѣтная мечта. Мѣрною поступью двигается народная масса въ очарованномъ кругу. Она трепещетъ передъ королемъ, этимъ земнымъ величіемъ. Король же съ благоговѣніемъ подымаетъ взоры къ величію небесному, къ примасу, «творцу государственныхъ дѣяній, опредѣлителю всѣхъ помысловъ». А примасъ, увлекая за собою міръ, что̀ копошится у его ногъ, стремится къ святому отцу, который возсѣдаетъ превыше всѣхъ, «наполняя вселенную водою спасенія и благоуханіемъ своей святости». Да, картина была величественна. Но польскій іезуитъ не замѣчалъ, что̀ ему приходилось пояснять свою мысль сравненіемъ съ войскомъ да съ древнею Спартой; что онъ жертвовалъ развитіемъ народа утопіи вѣчнаго спокойствія, могильной тишины. Онъ не сознавалъ, что въ борьбѣ съ построенною на средневѣковыхъ началахъ Польшей самъ воскрешалъ отжившій нервъ эпохи Григорія VII. Онъ не предчувствовалъ, что строгъ будетъ приговоръ исторіи дѣятелю, который въ сокровищницу человѣчества внесъ лишь идею папскаго деспотизма, опирающагося на церковный эфоратъ [17]).

Иначе судили о Станиславѣ Карнковскомъ современные католики. Они видѣли въ немъ единственную личность въ государствѣ, которая могла противостоять Яну Фирлею. Они называли его спасеніемъ католицизма на Востокѣ, «росой, возрастившею единеніе добродѣтелей, консульскою зѣницей, что̀ блюдетъ за благомъ республики». «Польскій Саллюстій» посвятилъ его въ званіе «польскаго цезаря». [18]) А когда онъ умеръ, въ гнѣзненскомъ каѳедралѣ ежемѣсячно совершались въ память его

паннихиды у гроба св. Войцѣха. И многимъ богобоязливымъ людямъ епископъ куявскій являлся веселый и довольный объявить о своемъ причисленіи къ лику Святыхъ.

Не менѣе цѣнили Станислава Карнковскаго и въ Римѣ, гдѣ его узнали, благодаря Станиславу Гозію, сдружившемуся съ нимъ лѣтъ за шесть до описываемаго времени. Весною 1572 года, прибывъ въ Римъ, Гозій окончательно зарекомендовалъ его передъ папой. И когда этотъ патріархъ польскаго католицизма томился въ Ватиканѣ неизвѣстностію покинутой имъ церкви, одинъ Карнковскій утѣшалъ его своими письмами. Въ награду за это, какъ только разнеслась вѣсть о кончинѣ короля, онъ получилъ чрезвычайно лестное письмо отъ Гозія. Кардиналъ возлагалъ всю свою надежду на одного епископа куявскаго, который «извлечетъ государство изъ бездны опасностей и вознесетъ его къ прежней славѣ, къ былому блеску».

Этотъ голосъ подкрѣпилъ Карнковскаго. Сознательно и отважно бросился онъ въ борьбу, на встрѣчу воеводѣ краковскому, Яну Фирлею. Онъ покинулъ свою эпархію, зная куда надлежало поспѣшить. Наканунѣ дня, когда архіепископъ гнѣзненскій узналъ о смерти короля, онъ былъ уже въ Ловичѣ. Съ той поры онъ повсюду слѣдовалъ за примасомъ, какъ тѣнь, пока не миновала опасность [19]). Мы видѣли, что на первомъ самостоятельномъ шагу Яковъ Уханскій былъ остановленъ письмомъ епископа куявскаго (стр. 62). Это письмо было строго и, при всей своей краткости, могло служить полною программой дѣйствій для примаса, какъ замѣстника короля. Оно почти приказывало ему не покидать своей резиденціи въ столь важный моментъ, немедленно возвратиться въ Ловичъ и разыграть роль извѣстнаго архіепископа гнѣзненскаго, Збигнѣва Олѣсницкаго. [20])

Понятно, почему письмо Карнковскаго было такъ строго. Онъ боялся, что Яковъ Уханскій выйдетъ изъ-подъ его вліянія, попадетъ въ руки къ Яну Фирлею, подпишетъ рѣшенія, невыгодныя

для католицизма и Великой Польши. Епископу куявскому хотѣлось стянуть всѣ нити политической интриги къ центру Великой Польши, куда онъ надѣялся привлечь и Литву, голосъ которой покончилъ-бы дѣло. Его письмо имѣло полный успѣхъ. Примасъ немедленно возвратился домой и разослалъ къ панамъ Великой и Малой Польшъ приглашеніе явиться въ Ловичъ.

Этотъ великопольскій съѣздъ состоялся, два дня спустя послѣ открытія краковскаго. Уже его начало не предвѣщало ничего добраго. Каждая минута была драгоцѣнна, а великопольскіе паны пять дней не приступали къ дѣлу, поджидая, конечно, тщетно сенаторовъ изъ Малой Польши. По своему характеру ловицкій съѣздъ мало походилъ на краковскій. Правда, онъ позаботился о внѣшней безопасности страны [21]), отправилъ къ иностраннымъ государямъ пословъ съ извѣщеніемъ объ искреннемъ желаніи Рѣчи Посполитой оставаться въ дружбѣ съ ними. Онъ не забылъ оградить и земскій миръ угрозою поднять «посполитое рушенье» противъ безчинцевъ и постановленіемъ, чтобы избирательный сеймъ судилъ преступленія, совершенныя во время безкоролевья. [22])

Но не въ этихъ рѣшеніяхъ отличительная черта ловицкаго съѣзда. Великополяне стали на ложную дорогу. Они говорили: «чѣмъ скорѣе совершится избраніе, тѣмъ болѣе услугъ будетъ оказано общественному спокойствію», и сами затягивали дѣло. Они подымали общіе вопросы, которые требовали зрѣлаго обсужденія и, относясь скорѣе къ будущему, чѣмъ къ данной минутѣ, были лишены практическаго значенія. Ловицкіе паны совѣщались, напримѣръ, о предупрежденіи безпорядковъ на избирательномъ сеймѣ. Они даже обратили вниманіе на основы Польскаго государства. Желая «каждому гражданину обезпечить его вольность» [23]), они назначили трехчленную коммиссію, чтобы составить проектъ исправленія польскаго законадательства, и запретили гражданамъ присягать новоизбранному королю, пока онъ не обя-

жется соблюдать новую конституцію. Наконецъ, они прямо опредѣлили избирательный терминъ: Кнышинъ, 17 сентября.

Такимъ образомъ, ловицкій съѣздъ принималъ повелительную роль общепольскаго собранія. Малополяне при своихъ скромныхъ рѣшеніяхъ опасались оппозиціи за назначеніе общаго *сенаторскаго съѣзда* для обсужденія избирательнаго вопроса. Сколько же поводовъ къ волненіямъ подавалъ ловицкій съѣздъ своими широкими замыслами, своимъ самовольнымъ назначеніемъ *избирательнаго сейма*! Мы вскорѣ увидимъ, какъ Рѣчь Посполитая отнеслась къ нему. Теперь же обратимъ вниманіе еще на два важные промаха Великополянъ. Первый изъ нихъ относился къ вопросу шляхетскому.

Мы видѣли (во введеніи), какое важное значеніе имѣла шляхта въ описываемое время, особенно въ Великой Польшѣ и Мазовіи. Конечно, слѣдовало дѣйствовать весьма осторожно панамъ, у которыхъ возникла тогда мысль воспользоваться безкоролевьемъ для расширенія своей власти. Въ Краковѣ, руководимые свѣтлою головой Яна Фирлея, они такъ и поступали. Они рѣшились *на первыхъ порахъ* опереться на мѣстную шляхту, надѣясь вызвать довѣріе къ себѣ и въ остальной. Они отнеслись къ ней чрезвычайно вѣжливо, съ истинно-польскимъ пониманіемъ идеи всеобщаго равенства. Они призвали ее на свое совѣщаніе и дали ей подписать свои рѣшенія. Они даже сдѣлали ей уступки: обязались на собственный счетъ охранять свои границы, и даже обѣщали стоять за ея жизненный нервъ, повѣтовые сеймики передъ избирательнымъ сеймомъ. Совсѣмъ иначе поступали великопольскіе паны. Ослѣпленные сословнымъ интересомъ, они съ дѣтскимъ неразуміемъ не только не почтили шляхты, но даже выказали презрѣніе къ ней. При открытіи ловицкаго съѣзда шляхта, нахлынувшая туда, была устранена отъ совѣщаній. Ее оскорбляли унизительными именами. Наконецъ, съѣздъ издалъ съ коварною цѣлію небывалое поста-

новленіе. Къ обычнымъ выраженіямъ закона о «посполитомъ рушеньи» онъ прибавилъ, что оно не касается той части шляхты, которая изъ бѣдности и желанія пожить беззаботно поступала наемницей къ богатымъ панамъ. Она должна была выступать въ походъ только въ крайнемъ случаѣ, и то не самостоятельно, какъ свободные граждане, а подъ знаменами своихъ господъ [24]). Этимъ постановленіемъ великопольскіе сенаторы разомъ достигали двухъ цѣлей. Съ одной стороны, они увеличивали свою силу. Становясь, подобно средневѣковымъ баронамъ, во главѣ вооруженныхъ вассаловъ, они могли надѣяться, что избраніе короля будетъ соотвѣтствовать ихъ замысламъ. Съ другой стороны, они ослабляли шляхту, разъединяя ее. Но они ошиблись. Вскорѣ горькій опытъ доказалъ, что это лишь поддержало ихъ малопольскихъ враговъ и увеличило всеобщую смуту.

Другой промахъ ловицкаго съѣзда относился къ литовскому вопросу.

Мы видѣли (во введеніи), какое значеніе для Литовцевъ имѣла люблинская унія. Нанесенная имъ рана была еще свѣжа, когда, со смертію послѣдняго Ягеллона, порвалась насильственная связь двухъ государствъ. Судьба снова предоставляла Литовцамъ свободу дѣйствій. Имъ открывалась возможность не только самостоятельно выбрать правителя, но и поправить свое дѣло, разбить цѣпи, выкованныя въ Люблинѣ всего три года тому назадъ. Успѣхъ былъ обезпеченъ за ними: стоило только не дремать, немедленно броситься въ разгаръ польской анархіи и рѣшить по своему споръ между Великою и Малою Польшами.

Литовцы и не дремали. Подлѣ умиравшаго короля у нихъ былъ хорошій заступникъ, маршалокъ надворный литовскій Николай Кристофъ Радзивилъ, по прозванію *Сиротка*.

Трудно найти въ исторіи фамилію всегда столь популярную и счастливую, какъ Радзивилы. Народная фантазія обвила легендою ея колыбель и съ самаго начала поставила ее въ связь

съ трономъ. Эта никогда не разрывавшаяся связь наложила свою печать на характеръ Радзивиловъ. Ихъ аристократизмъ выдавался даже въ аристократической Литвѣ. Дипломатическая, въ особенности придворная карьеры были ихъ наслѣдственнымъ призваніемъ. Радзивилы породнились съ мазовецкими князьями и венгерскими магнатами. Они пользовались у нѣмецкихъ императоровъ названіемъ «братьевъ», крестили у нихъ дѣтей, сватали ихъ дочерей за своихъ государей. Въ то же время Радзивилы были неизмѣнно привязаны къ религіознымъ интересамъ. Они сокрушали идоловъ родной страны, привозили мощи святыхъ изъ Италіи. А въ XVI вѣкѣ они не остались равнодушными къ протестантизму. Николай Черный первый разнесъ сѣмена его по всей Польшѣ, издавъ въ 1563 году на свой счетъ библію на польскомъ языкѣ. Свои протестантскія симпатіи, вмѣстѣ съ важнымъ политическимъ значеніемъ, онъ завѣщалъ своимъ сыновьямъ.

Въ описываемое время старшій изъ нихъ, Николай V Кристофъ, былъ представителемъ самой живучей отрасли фамиліи Радзивиловъ, князей олицкихъ и несвѣжскихъ *. Это былъ баловень счастія. Онъ не искалъ почестей: онѣ сами находили его. Онъ родился у ихъ источника. Еще ребенкомъ, обливаясь слезами, онъ блуждалъ по покоямъ дворца, за что получилъ отъ Сигизмунда-Августа прозвище Сиротки. Король полюбилъ его и сдѣлалъ маршалкомъ надворнымъ литовскимъ, когда ему не было еще и двадцати лѣтъ. Сиротка заслуживалъ любви. Его глубоко нравственная природа навсегда сохранила оттѣнокъ идеализма, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшаго среди дворца. Въ его кабинетѣ медицинскія и географическія книги не покрывались пылью. Въ раззолоченномъ мундирѣ онъ оставался тѣмъ же патріархаль-

* Двѣ другія отрасли — князья Гоніондза и Меделя, князья Биржъ и Дубинокъ - вымерли, первая около половины XVI вѣка, вторая въ концѣ XVII. *Niesiecki*: Herbarz. VIII. 44—56.

нымъ Литовцемъ, чуждымъ тщеславія и заносчивости польскаго магната. «Амбиціи, наивно говорилъ онъ, у меня нѣтъ, ибо природа не дала мнѣ ея». Его трудно было раздражить, и не было въ немъ злопамятства. Онъ свято чтилъ основную семейную добродѣтель, уваженіе къ старшимъ, и всячески старался доказать имъ свое смиреніе. Весьма деликатно, разсыпаясь въ извиненіяхъ, давалъ онъ совѣты своему сѣдовласому дядѣ. Тяжела была ему откровенность короля, которая вынуждала его скрытничать передъ родственниками. А выдать чужую тайну онъ считалъ преступленіемъ [25]). Сироткѣ вѣрили другіе; совѣсть его была спокойна: могъ-ли онъ не вѣрить людямъ? Онъ нерѣдко спасалъ и возвышалъ недостойныхъ обманщиковъ, которые скопляли большое состояніе изъ его богатствъ. Онъ зналъ, что для успѣшной борьбы съ ними требовалось взяться за ихъ собственное оружіе. Врагъ интриги, онъ любилъ только ту борьбу, въ которой можно было кинуть перчатку прямо въ лицо сильному противнику. Ходячее отрицаніе придворной философіи, простая и откровенная душа, Сиротка у всѣхъ слылъ за черезчуръ смѣлаго на языкъ.

Онъ былъ глубокій патріотъ. Литовецъ до мозга костей, онъ, въ польскомъ дворцѣ, не спускалъ глазъ, не сводилъ рѣчей съ родной страны. Его частыя бесѣды съ послѣднимъ Ягеллономъ походили на слезныя молбы о счастіи Литвы. Его безпрестанныя письма въ Вильну были полны непобѣдимаго отвращенія къ польщизнѣ. Въ нихъ Сиротка, говоря его словами, «выливался изъ береговъ», ибо «паны-Поляки интриговали», ибо «дѣло шло о родной литовской кожѣ». Тамъ, гдѣ польское знамя развертывалось для борьбы съ общими врагами королевства и великаго княжества, онъ стоялъ въ первомъ ряду бойцевъ. А въ тяжбѣ польскаго короля съ своими подданными онъ былъ противъ шляхты. Ея властолюбіе, ея оригинальные идеалы были чужды его литовскому сердцу.

У Сиротки любовь къ родинѣ уступала только религіи. Не даромъ онъ слылъ у польскихъ іезуитовъ за самаго вѣрнаго сына. Это былъ ренегатъ протестантизма, измѣнившій завѣтамъ своего отца. Вскорѣ послѣ его рожденія Николай Черный предался кальвинизму. Онъ послалъ сына въ Европу для утвержденія въ нововѣріи. Юноша не замедлилъ утѣшить отца. Онъ сталъ одѣвать тамъ своихъ слугъ въ священническія ризы среди ночныхъ оргій. Но не даромъ Сиротку крестилъ польскій ксендзъ. Вдругъ чудеса стали одолѣвать его. Какой-то молодой другъ да Римъ съ кардиналомъ Коммендоне довершили дѣло обращенія ко времени смерти Сигизмунда-Августа. Чтобы скорѣе загладить свой и отцовскій грѣхъ, Сиротка горячо схватился за средства, которыми изобилуетъ религія, построенная на догматѣ добрыхъ дѣлъ. И вотъ, въ безпредѣльныхъ радзивиловскихъ земляхъ, гдѣ тогда прививались сѣмена западной промышленности, поднялось гоненіе на проповѣдниковъ, которые вчера только видѣли здѣсь свое второе отечество. Ихъ замѣнили мальтійскіе рыцари, іезуитскія типографіи и коллегіи, костелы и каплицы [26]). А самъ Сиротка ходилъ по знойной Палестинѣ, чтобы принести оттуда частицу Честнаго креста въ храмъ, основаніе котораго онъ вырылъ собственными руками. Дома же онъ каждый великій четвергъ обмывалъ и лобызалъ ноги у двѣнадцати нищихъ и посыпалъ пепломъ свои яства. Быть-можетъ, это былъ тотъ душеспасительный пепелъ, въ который обратились еретическія книги, въ томъ числѣ и всѣ экземпляры библіи Николая Чернаго!*

Религіозная идея сопровождала Сиротку въ 1616 году и въ могилу. Онъ завѣщалъ похоронить себя въ одеждѣ пилигрима, что покрывала его въ Святой землѣ, а на памятникѣ, у ногъ

* Сиротка Радзивилъ, этотъ литовскій Омаръ, скупилъ протестантскія сочиненія за весьма дорогую цѣну во всѣхъ библіотекахъ, публичныхъ и частныхъ, и предалъ ихъ сожженію черезъ палача на виленскомъ рынкѣ.

распятаго Спасителя, начертать: «Пришлецъ я и странникъ предъ Тобою».

Не даромъ Станиславъ Карнковскій трубилъ о фамиліи, которая нанесла «католицизму жесточайшую рану, но и доставила ему самое дѣйствительное лекарство»[27]). Не даромъ братъ Сиротки Юрій удостоился сана епископа виленскаго, даже кардинала и папскаго легата. Потомки наслѣдовали ихъ религіозную ревность. Они примѣрно бичевали себя, умирали то по монастырямъ, то въ Палестинѣ или Римѣ, и папскія слезы орошали ихъ память.

Сиротка Радзивилъ, какъ маршалокъ надворный литовскій, былъ въ Кнышинѣ при смерти Сигизмунда-Августа. Глава другой линіи Радзивиловъ, что въ Биржахъ и Дубинкахъ, проживалъ тогда въ Вильнѣ. Это былъ двоюродный дядя Сиротки, Николай, воевода виленскій, неизмѣнный ревнитель кальвинизма, сварливый и завистливый старикъ, весьма строгій, только не къ себѣ самому. И такъ, въ 1572 году Вильна и Кнышинъ были соединены родственными узами важной литовской фамиліи.

Черезъ недѣлю по смерти короля завязалась почти ежедневная переписка между племянникомъ и дядей. Среди подробныхъ разсказовъ объ окружающихъ событіяхъ, предположеніяхъ и слухахъ, въ письмахъ изъ Кнышина вѣчно звучала струна литовскаго патріотизма. Не «медлите, говорилъ Сиротка вождямъ Литвы, откройте ваши замыслы и намѣренія! Спѣшите сюда, не кормя долго своихъ коней! Польскіе паны торопятся: а общій голосъ твердитъ, что если ихъ соберется много, то можетъ возникнуть какая-нибудь опасная смута. Паны-Поляки съ затаенною злобой и недовѣріемъ смотрятъ на насъ. Они почти убѣждены, что мы постараемся теперь расторгнуть унію и склоняемся сердцами къ Москвитянамъ. И вотъ, они куютъ въ эту минуту свои замыслы! Еще счастіе наше, если они будутъ раздорить между собой. Но я боюсь, что они намѣрены что-то учинить съ нами, чуть-ли не оттереть насъ отъ избранія. Нужно дѣйствовать немедленно,

пока они еще не согласились другъ съ другомъ. Чѣмъ больше затягивать, тѣмъ хуже для насъ: да еще не пришлось-бы рѣшать дѣло оружіемъ! Уже теперь есть господа, которые сильно толкуютъ о королѣ-Пястѣ. Они, конечно, забываютъ, что было время, теперь — другое, что Полякъ не захочетъ кланяться Литовцу, какъ и Литовецъ Поляку. Сохрани Боже всѣхъ насъ отъ подобной участи! У нашего короля не было ни капли польской крови: одна литовская съ примѣсью итальянской текла въ его жилахъ. Однако и тутъ стоило замѣшаться польской «эдукаціи» — и Литовцы почувствовали на себѣ ея тяжесть, и будутъ чувствовать впредь, если не снизойдетъ на нихъ Божіе милосердіе. Спѣшите же сюда, но не съ пустыми головами! Приносите твердыя и обдуманныя рѣшенія, помня, что пришелъ часъ выступить передъ лицомъ Польши съ нашими законными требованіями. Иначе вы будете принуждены согласиться добровольно на все. Здѣсь мы будемъ дружно размышлять о благѣ нашей родины и молить Бога, чтобы Онъ попустилъ намъ, освободившись изъ рукъ Фараоновыхъ, докончить дни въ обѣтованной землѣ, въ нашей успокоенной отчизнѣ» [25]).

Практическій смыслъ этихъ совѣтовъ былъ таковъ. Воевода виленскій долженъ былъ немедленно снестись съ литовскими панами и явиться въ Кнышинъ, всего лучше, лично, не то прислать довѣренное лицо. Когда пронесся слухъ, что великопольскіе паны собираются въ Ловичѣ, Сиротка Радзивилъ утѣшалъ земляковъ тѣмъ, что, «какъ говорятъ, Поляки тамъ весьма мало согласны другъ съ другомъ». Онъ совѣтовалъ и туда отправить надежнаго человѣка, роль котораго опредѣлялъ такъ: «Онъ долженъ поступать тамъ очень осторожно, стараясь, чтобы Полякамъ не пришла мысль о нашемъ желаніи отторгнуться отъ королевства. Напротивъ, онъ долженъ увѣрить ихъ, что мы хотимъ подтвердить и укрѣпить унію. Съ другой стороны, онъ долженъ припомнить все (не забывъ даже Полѣсья), что̀ служитъ

къ нашей выгодѣ и чего мы не можемъ добиться отъ нашей мачихи въ другое время. Помните, что у Поляковъ твердый замыселъ поселить раздоръ въ нашей средѣ, пана поднять на пана, а шляхту на всѣхъ пановъ. Поэтому вы, съ своей стороны, должны поддерживать вѣчные раздоры между «братьями—Поляками», а сами сливаться въ одну плотную массу, подбирая отовсюду союзниковъ, прихватывая всѣхъ, кого обидѣла Польша. Вы можете уже теперь вполнѣ разсчитывать на Подляхію, Пруссію и князя мазовецкаго». Двадцатитрехлѣтній дипломатъ давалъ подобные совѣты своему старому дядѣ: «Постарайся сократить число своихъ враговъ не-Поляковъ; прости обидѣвшихъ тебя лично, какъ глупцовъ; тотчасъ же примирись даже съ княземъ слуцкимъ, который только ждетъ, чтобы ты протянулъ ему руку. Но не забывай о *своемъ* даже тогда, когда станешь ѣздить съ нимъ въ одномъ возкѣ»[29]).

Юный патріотъ могъ скоро успокоиться. Прозорливый Станиславъ Карнковскій вѣрно понялъ Литовцевъ—«народъ, которымъ руководятъ преимущественно лучшіе люди»[30]). Въ этомъ была сила Литвы, которая теперь блистательно заявила себя. Вожди народа снеслись между собою— и единая воля была установлена. Возвѣстить ее Польшѣ пришлось посольству, отправленному туда тотчасъ по полученіи извѣстія о смерти Сигизмунда-Августа. Не поспѣвъ на краковскій съѣздъ, оно явилось на ловицкомъ. Тутъ оно поступало согласно съ совѣтами своего маршалка надворнаго. Оно любезно заявило объ искреннемъ желаніи Литвы помочь усиліямъ Поляковъ поскорѣе прекратить государственный кризисъ. Но вслѣдъ за тѣмъ оно затянуло обычную литовскую пѣсню. Оно требовало у Польши немедленной помощи въ борьбѣ съ грознымъ восточнымъ сосѣдомъ. Въ отвѣтъ, ловицкіе паны нанесли обиды своимъ любезнымъ братьямъ-Литовцамъ. Отъ имени всего съѣзда они выразили сожалѣніе о томъ, что въ Ловичъ не прибыли сами литов-

скіе сенаторы, «хотя, *по обычаю предковъ*, они должны были тотчасъ собраться вокругъ примаса». За тѣмъ представили ловицкое рѣшеніе объ избирательномъ терминѣ. Къ этимъ полуприказаніямъ прибавили уже отъ имени примаса, что хотя Поляки и обязаны помогать Литвѣ въ борьбѣ съ Москвою, но въ столь тревожное время они могутъ служить ей только молитвами [31]). Такая страдательная роль въ рѣшеніи великаго историческаго вопроса подходила къ характеру Якова Уханскаго. Всѣ повѣрили, что эти слова принадлежали ему. А Литва поняла одно— что Поляки еще разъ оскорбили ее, «по обычаю предковъ». Ее приглашали подчиниться ловицкимъ законодателямъ и, въ награду за послушаніе, предоставляли самой себѣ въ борьбѣ съ упорнымъ врагомъ, которую она не могла выдержать, какъ было извѣстно каждому Поляку.

Впрочемъ, чтобы смягчить обиду и втянуть Литовцевъ въ свои интересы, великопольскіе паны немедленно отправили посольство въ Вильну, съ цѣлію оффиціально объявить тамъ постановленія своего съѣзда и узнать мнѣніе великаго княжества объ избирательномъ терминѣ. Но этому посольству суждено было испортить, а не поправить дѣло. Ему поручено было склонить Литовцевъ къ принятію всѣхъ рѣшеній ловицкаго собранія да сверхъ того потребовать значительныхъ и обидныхъ жертвъ въ пользу Польши. Именно, оно рекомендовало Литовцамъ удовлетворить отряды войскъ, давно не получавшіе жалованья, требуя притомъ, чтобы они не поступали въ полное распоряженіе великаго княжества, а зависѣли отъ сената Рѣчи Посполитой [32]).

Такимъ образомъ, первое появленіе Литвы среди описываемыхъ событій было гибельно для Польскаго государства. Оно вносило въ него новый элементъ смуты. Оно ставило великое княжество въ антагонизмъ съ королевствомъ и въ то же время поджигало ненависть между двумя Польшами, которая и безъ

того уже готова была вспыхнуть. Въ самомъ дѣлѣ, могла-ли Малая Польша равнодушно смотрѣть на присутствіе Литовцевъ въ резиденціи примаса? Не должна-ли она была думать, что отсюда проистечетъ соглашеніе между Ловичемъ и Вильной, при которомъ пришлось бы умолкнуть одинокому Кракову?

И вотъ, пока ловицкое посольство подвигалось къ Вильнѣ, между Великою и Малою Польшами загорѣлась открытая борьба. Почти одновременно онѣ извѣстили другъ друга о принятыхъ рѣшеніяхъ. Письмо малопольскихъ сенаторовъ къ остальнымъ панамъ Рѣчи Посполитой привезъ въ Ловичъ Янъ Дмитрій Соликовскій.

Энергическій, живой, Соликовскій былъ способенъ къ разнообразной дѣятельности. Служа секретаремъ у Сигизмунда-Августа, онъ разъ двадцать исполнялъ государственныя порученія. Занявъ потомъ архіепископскую каѳедру во Львовѣ, онъ оказался образцовымъ пастыремъ. Онъ отдавалъ нищимъ, что̀ попало, перстень съ руки, скатерть со стола; вѣчно молился и постился: по полугоду проживалъ въ монастыряхъ, надзирая за монахами; отпускалъ грѣхи тѣмъ, кто доносилъ ему о разговаривающихъ въ церкви; вводилъ монашескіе ордена во Львовѣ, способствовалъ созданію уніи, предсѣдая на брестскомъ синодѣ въ 1596 году. Этого мало. Онъ страстно любилъ чтеніе, съ жадностію хватался за всевозможныя сочиненія; даже въ дорогѣ не выпускалъ книги изъ рукъ. Разнообразны были и его собственныя произведенія. Онъ писалъ о географіи и правѣ, о политикѣ и псалмахъ. Его перо было одинаково годно къ ученымъ трактатамъ, рѣчамъ, письмамъ, стихамъ. Таковъ былъ всякій любознательный человѣкъ XVI вѣка. Быть-можетъ, оттого-то Соликовскій вовсе не походилъ на мрачнаго іезуита. Онъ твердилъ: «обѣдня не мѣшаетъ веселію, здоровье не оскудѣваетъ отъ поста; меланхолія — дьявольское навожденіе», и всегда былъ доступенъ, разговорчивъ, веселъ, неутомимъ. Въ описываемое

время еще очень молодой Соликовскій увлекался личностію своего патрона, Станислава Карнковскаго, котораго сдѣлалъ героемъ своего историческаго труда *, похожаго на поэму.

Къ этому-то патрону спѣшилъ онъ теперь съ извѣстіями изъ Кракова. Но болѣзнь задержала его. Онъ не засталъ великопольскихъ пановъ въ Ловичѣ. Медлить было нельзя. И вотъ, Яковъ Уханскій рѣшился, отъ имени Великой Польши, самъ отвѣчать на краковскій универсалъ. Высокомѣрно и придирчиво объявилъ онъ, что не Малополянъ дѣло обсуждать избирательный вопросъ, рѣшенный въ Ловичѣ разъ на всегда; что сенаторы Великой Польши, сильно промѣшкавшіе, поджидая къ себѣ Малополянъ, не могутъ поспѣть въ Кнышинъ къ сроку, назначенному въ Краковѣ. Примасъ старался прикрыться Литвою. Онъ выставлялъ необходимость предварительно выслушать ея отвѣтъ великопольскому посольству. «Литовцы, писалъ онъ, весьма склонны къ дурному о насъ мнѣнію и уже начинаютъ нехорошо поговаривать на нашъ счетъ». Наконецъ, въ своемъ отвѣтѣ Уханскій напиралъ на вопросъ о сеймикахъ, предшествующихъ избирательному сейму.

Мы видѣли (во введеніи), какое важное значеніе имѣлъ онъ по своей тѣсной связи съ вопросомъ шляхетскимъ. Не удивительно, что въ описываемое время вожди Рѣчи Посполитой обращали на него большое вниманіе. Магнатская Малая Польша, по совѣту Яна Фирлея, старалась привлечь къ себѣ шляхту надеждою на установленіе сеймиковъ. Великопольскіе паны, оскорбившіе свою младшую братію въ Ловичѣ, спѣшили вырвать у враговъ это важное оружіе и употребить его для примиренія съ нею. Правда, по свидѣтельству самого примаса, при первомъ упоминаніи о сеймикахъ «имъ всѣмъ показалось, что повѣтовые и земскіе посполитые сеймики, бы-

* Его названіе *Commentarius brevis rerum Polonicarum a marte Sig. Augusti.* Онъ обнимаетъ эпоху 1572—1589 годовъ польской исторіи.

вавшіе прежде, теперь не должны быть; ибо въ законѣ сказано только объ одномъ избирательномъ сеймѣ; о какихъ бы то ни было другихъ собраніяхъ въ немъ нѣтъ ни слова. *А наши законы должны быть понимаемы буквально*». Но при дальнѣйшихъ совѣщаніяхъ ловицкій съѣздъ пришелъ къ заключенію, что «передъ избраніемъ *первая* шляхта (паны) и *низшая* должны условиться объ исправленіи Рѣчи Посполитой на сеймикахъ, которые воеводы соберутъ по своимъ воеводствамъ». Какъ же жалка была роль Якова Уханскаго, которому пришлось теперь оправдывать «необходимостію» это рѣшеніе ловицкаго съѣзда и въ томъ же самомъ письмѣ грозно обвинять Малополянъ въ страшномъ преступленіи противъ «посполитаго права», въ «поднятіи вопроса о какихъ-то сеймикахъ»[33]).

Замыслы Великополянъ обнаружились. Письмо Уханскаго было искрою, поднесенною къ готовой минѣ. Загорѣлась борьба, про которую туземный историкъ говорилъ потомъ: «тогда Фортуна по истинѣ играла Поляками, не дозволяя имъ быть ни вполнѣ раздѣленными, ни вполнѣ соединенными»[34]). Она производитъ тѣмъ болѣе тяжелое впечатлѣніе, что начиналъ ее Яковъ Уханскій, и начиналъ безъ вѣры въ свое дѣло. Онъ откровенно объявлялъ Малополянамъ, что послалъ за мнѣніемъ къ тѣмъ изъ великопольскихъ пановъ, мѣстопребываніе которыхъ было извѣстно ему въ ту минуту. Въ ихъ отвѣтѣ старикъ ждалъ приговора не однимъ Малополянамъ, но и себѣ.

Не прошло и недѣли, какъ малопольскіе паны, собравшись въ Сандомірѣ, написали отвѣтъ Великополянамъ не менѣе колкій. Они упрекали ихъ въ превышеніи власти, въ желаніи повелѣвать Рѣчью Посполитой, въ самовольномъ рѣшеніи дѣлъ, которыя зависятъ отъ взаимнаго согласія представителей *всѣхъ* частей королевства. Между прочимъ Малополяне, отправившіе посольство въ Москву, относили къ числу этихъ дѣлъ сношенія Ловича съ нѣкоторыми изъ иностранныхъ державъ. Но все-

го болѣе они нападали, конечно, на назначеніе избирательнаго сейма и сеймиковъ. Вожди магнатской и «еретической» Малой Польши вовсе не желали допустить шляхту къ серьёзному участію въ избраніи короля. Наоборотъ. Они думали однимъ лестнымъ *обѣщаніемъ* привлечь ее къ себѣ въ первую минуту, чтобы потомъ удобнѣе распоряжаться безъ нея. Теперь они обрадовались случаю отказаться отъ своего обѣщанія, околчившись за законъ, опрокинувъ всю его силу на соперниковъ.

На эти укоризны Малополяне получили объясненія изъ Великой Польши, недѣли три спустя, когда, по условію, собирались ѣхать въ Кнышинъ Великопольскіе сенаторы, вѣроятно для обсужденія опаснаго посланія Малополянъ, съѣхались въ Хрослинѣ, гдѣ и составили свое любопытное оправданіе. Они не отпирались отъ назначенія сеймиковъ по воеводствамъ передъ генеральнымъ сеймомъ Напротивъ, защищали ихъ, какъ единственное средство удовлетворить интересамъ младшей братіи, ибо «на сеймикахъ каждый шляхтичъ можетъ свободно и удобно заявить свое мнѣніе». Эти строгіе блюстители формы, у которыхъ не сходило съ языка слово «посполитое право», пустились даже въ весьма широкое толкованіе закона. «Законъ, по ихъ мнѣнію, слѣдовало объяснять, какъ требуетъ необходимость». Остальнымъ своимъ поступкамъ Великополяне старались придать совсѣмъ другое значеніе и свалить приэтомъ вину на головы обвинителей. Они доказывали, что не сдѣлали ни шага, противнаго долгу, законамъ и обычаямъ: они считали свои рѣшенія обязательными вовсе не для всей Рѣчи Посполитой и даже не для всей своей земли, а только для тѣхъ воеводствъ, которыя или лично участвовали въ ловицкомъ съѣздѣ или заочно выразили ему свое довѣріе. «А избирательнаго термина, писали Великополяне, мы вовсе не установляли. Конечно, мы сдѣлали внушеніе въ этомъ смыслѣ посольству, отправленному въ Литву. Но это лишь наше личное мнѣніе, высказанное для уско-

ренія дѣла: съ нимъ могло-бы сразу совпасть и желаніе Литовцевъ».

Затѣмъ Великополяне принимали на себя роль жертвы и спрашивали Малополянъ: «за что, скажите пожалуйста, осуждаете вы насъ въ то время, какъ мы хвалимъ васъ за хорошія мѣропріятія?» Наконецъ, они сами обращались въ обвинителей. Они доказывали, что назначеніе кнышинскаго съѣзда — преступленіе и противъ законовъ и противъ шляхты; что послѣдняя глубоко оскорблена и взволнована этимъ: въ ней уже зараждается мнѣніе, будто сенаторы рѣшились избрать короля безъ ея участія. Объявивъ категорически, что не явятся ни на какое собраніе, кромѣ избирательнаго сейма, они требовали «прекратить безполезные разъѣзды сенаторовъ съ мѣста на мѣсто и умоляли Малополянъ «не обижаться взаимными пререканіями, къ которымъ мы, Поляки, усердно прибѣгаемъ во всякихъ дѣлахъ, особливо общественныхъ». Читатель видитъ, что всѣ эти обвиненія легко было отнести къ самимъ обвинителямъ. Гораздо важнѣе было другое преступленіе Малополянъ, на которое сильно напали ихъ противники. Смѣлый, энергическій Янъ Фирлей зорко слѣдилъ за каждымъ шагомъ великопольскихъ пановъ. Онъ провѣдалъ объ ихъ сношеніяхъ съ Литвою и рѣшился устранить опасность посредствомъ дерзости, которую допускали нравы той эпохи. Онъ видѣлъ, что успѣхъ зависитъ отъ быстроты и рѣшимости. Какъ только ловицкое посольство въ Литву тронулось съ мѣста, за нимъ поскакали гонцы изъ Кракова, чтобы задержать его и отобрать у него бумаги. Гонцы опоздали. Настигнуть посольство было невозможно. Но Великополяне притворились, будто убѣждены, что преступленіе совершено, и гнѣвно спрашивали теперь соперниковъ: хорошо-ли они поступили [35])?

Историку достаточно знать, что къ такому отчаянному средству намѣревался прибѣгнуть такой человѣкъ, какъ Янъ Фир-

лей. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какую важную роль игралъ тогда литовскій вопросъ въ судьбахъ Рѣчи Посполитой. Снова останавливаемся на немъ для уясненія послѣдующихъ событій.

Мы видѣли, какъ литовскіе послы вышли изъ Ловича оскорбленные и безнадежные. Своими извѣстіями они встревожили родную страну. Она немедленно собралась (10 августа) въ Гродно на сеймикъ для обсужденія плана дѣйствій [36]). Правда, тутъ она была почтена появленіемъ великопольскаго посольства. Но мы уже знаемъ, что его инструкціи оскорбляли и устрашали Литовцевъ еще болѣе, чѣмъ пріемъ въ Ловичѣ. Они не рѣшались сразу безусловно согласиться на избирательный терминъ, назначенный Великою Польшею, и вспомнили, что она не единственная распорядительница въ Рѣчи Посполитой. Въ эту-то минуту, какъ нельзя болѣе кстати, передъ ними заявила себя другая важная сила. Янъ Фирлей, которому не удалось изловить великопольское посольство въ Литву, прислалъ туда свое съ приглашеніемъ на кнышинскій съѣздъ. Литовцы сильно смутились, получивъ одновременно два противорѣчивыхъ требованія, изъ которыхъ каждое шло отъ имени *всей* Рѣчи Посполитой. Они поняли свое значеніе, видя, какъ усердно заискиваютъ у нихъ главныя части Польскаго государства. Въ то же время у нихъ созрѣвала мысль, которая могла оставить глубокій слѣдъ въ судьбахъ Рѣчи Посполитой и Московскаго государства. Гродненскій сеймикъ отвѣчалъ обоимъ посольствамъ, что «Литва тотчасъ исполнитъ волю Поляковъ, какъ только она станетъ единою; но не тронется съ мѣста и не примкнетъ ни къ кому, пока эта воля будетъ двойная».

Къ сожалѣнію, Литва не долго держалась этого разумнаго взгляда, который давалъ ей послѣднее слово въ рѣшеніи главныхъ вопросовъ безкоролевья. Не даромъ Сиротка Радзивилъ совѣтовалъ ей не пропускать ни одного важнаго польскаго со-

бранія. Она боялась оставить кнышинскихъ пановъ работать однихъ. Притомъ, отчего не узнать цѣны, за которую бы можно было продать свое сочувствіе той или другой изъ враждующихъ сторонъ? При такомъ настроеніи гродненскаго сеймика многое зависѣло отъ поведенія пословъ изъ Ловича и Кракова. Великой Польшѣ и въ этомъ случаѣ пришлось пожинать плоды своей политической безтактности. Вѣроятно, желая придать вѣсу своимъ словамъ въ глазахъ Литовцевъ, она возложила свои порученія на двухъ сенаторовъ Малой Польши, воеводу люблинскаго Николая Мацѣёвскаго и каштеляна каменецкаго Іеронима Сѣнявскаго. Не удивительно, что эти послы отнеслись къ своимъ инструкціямъ лишь оффиціально. Подъ рукой они внушали Литовцамъ совсѣмъ не то, работали въ пользу своихъ земляковъ. Янъ Фирлей былъ утѣшенъ. Правда, Литовцы не пошли въ Кнышинъ въ полномъ, обычномъ составѣ: они приберегали это сильное средство на крайній случай. Въ то же время они пріобрѣтали предлогъ уклониться при нуждѣ отъ обязательности кнышинскихъ рѣшеній. Но они опредѣлили отправить посольство къ Малополянамъ, поставивъ во главѣ его одного изъ важнѣйшихъ своихъ сановниковъ, Яна Ходкѣвича [37]).

Этимъ рѣшеніемъ Литва признавала государственное значеніе и законность поступка Малополянъ, который составлялъ яблоко раздора между двумя руководительницами Рѣчи Посполитой. Она вносила новый элементъ смуты въ царство хаоса. Въ эту минуту извѣстный польскій мыслитель имѣлъ право недовѣрять будущему, плакаться на судьбу въ задушевной бесѣдѣ съ опытнымъ практикомъ. «Мы переживаемъ, говорилъ сѣдовласый историкъ Кромеръ своимъ картиннымъ языкомъ Станиславу Карнковскому, минуты анархіи. Но это анархія не столько событій, сколько собственныхъ нашихъ мыслей. Не утѣшай меня хвалою начатковъ безкоролевья: они-то и устрашаютъ ме-

ня, какъ штиль мореходцевъ [38])». Среди этого соболѣзнованія о событіяхъ и мысляхъ прорывается страхъ старика только передъ одною личностію, достойною страха. То была самая блестящая минута въ жизни Яна Фирлея. Онъ спѣшилъ тогда въ Кнышинъ, чтобы занять тамъ царственное положеніе.

Предчувствіе не обманывало Кромера, когда онъ обращался къ епископу куявскому съ безнадежнымъ вопросомъ: «состоится-ли, можетъ-ли состояться съѣздъ въ Кнышинѣ въ *сентябрѣ*, то-есть, пойдетъ-ли Польша на призывъ своего примаса? Это былъ еще вопросъ. А съѣздъ, назначенный тамъ-же въ *августѣ*, уже составлялся по волѣ воеводы краковскаго. Обращаемся къ этому политическому собранію, одному изъ самыхъ любопытныхъ въ теченіе описываемаго безкоролевья.

Но прежде всего, почему паны собрались въ Кнышинъ только теперь, въ *концѣ* августа? Вѣдь краковскій съѣздъ призывалъ ихъ туда на *десятое* августа. Дѣло въ томъ, что Янъ Фирлей погорячился, желая задушить анархію мѣрой быстрой, неожиданной. Теперь, размысливъ хладнокровно, онъ увидѣлъ свою ошибку. Не было физической возможности даже извѣстить въ столь короткій срокъ всѣхъ пановъ Великой Польши и Литвы; о соединеніи съ ними въ Кнышинѣ нечего было и думать. Предстоящій съѣздъ рисковалъ стать исключительно малопольскимъ, и тогда все дѣло было-бы испорчено. Оставалось отсрочить его. Не естественнѣе-ли всего было принять весьма удобный терминъ, назначенный въ Ловичѣ? Но это значило склониться на призывъ примаса· а на этомъ-то вопросѣ и вертѣлся весь споръ. Посовѣтовавшись съ малопольскими панами въ Сандомірѣ, Янъ Фирлей отсрочилъ кнышинскій съѣздъ до 24 августа, то-есть, поставилъ его между краковскимъ и ловицкимъ рѣшеніями [39]).

Въ назначенный день этотъ замѣчательный съѣздъ состоялся. Конечно, онъ былъ ярко окрашенъ колоритомъ горной Польши.

Здѣсь были на лицо почти всѣ ея сенаторы. Среди нихъ выдавались сильные друзья Яна Фирлея: епископъ краковскій Францискъ Красинскій, двое Мелецкихъ, каштелянъ краковскій и воевода подольскій, каштелянъ каменецкій Іеронимъ Сѣнявскій, воевода люблинскій Николай Мацѣёвскій. Даже Петръ Зборовскій, которому было тошно присутствовать при торжествѣ Яна Фирлея, не безъ умысла прислалъ свою печать въ знакъ согласія съ рѣшеніями большинства. Изъ Великой Польши прибыло лишь нѣсколько сенаторовъ, въ томъ числѣ воевода плоцкій Арнульфъ Уханскій, маршалокъ надворный Андрей Опалинскій и подскарбій коронный Іеронимъ Буженскій; да и изъ нихъ нѣкоторые попали случайно. Епископъ плоцкій, Петръ Мышковскій, ограничился присылкою своей печати — обычная уловка колеблющихся пановъ. Какъ ни важны были депутаты, присланные Литвою, Сиротка Радзивилъ и Янъ Ходкѣвичь, они были только депутаты—обычная уловка Литвы, не предвѣщавшая Кнышинцамъ ничего добраго. Наконецъ, отъ Пруссіи и Руси не явилось ни одного представителя [40]). Но весьма важно было уже то, что здѣсь *впервые* не случайно соединялось хотя нѣсколько политическихъ вождей изъ трехъ главныхъ частей Рѣчи Посполитой.

Кнышинскій съѣздъ сознавалъ свое значеніе. Онъ считалъ себя общепольскимъ собраніемъ, подготовкою избирательнаго сейма. Этимъ характеромъ отличались его занятія. Онъ выслушивалъ иностранныхъ пословъ; опредѣлялъ судьбу заграничныхъ агентовъ, проживавшихъ тогда въ Польшѣ; отправлялъ грамоты къ чужеземнымъ государямъ, въ которыхъ именемъ Рѣчи Посполитой предъявлялись весьма серьёзныя требованія. Подписалъ приговоры трупу покойнаго короля, отправивъ его, во избѣжаніе заразы, изъ Кнышина въ Тыкочинъ, и живой отрасли Ягеллоновъ, королевнѣ Аннѣ, которую окружилъ почетнымъ арестомъ. Кнышинскій съѣздъ распоря-

дился ничтожнымъ наслѣдіемъ Сигизмунда-Августа, нѣсколькими шкатулками съ золотомъ, для удовлетворенія наиболѣе опасныхъ кредиторовъ. Чтобы отбиться отъ придворныхъ, которые «сильно напали на него съ своими требованіями, такъ что не давали заниматься государственными дѣлами», онъ уплатилъ имъ давно-просроченное жалованье. Остальную сумму употребилъ на жалованье подольскому войску за первыя двѣ четверти 1572 года, на третью выдалъ вексель съ ручательствомъ, что онъ будетъ погашенъ на избирательномъ сеймѣ. Даже былъ поднятъ вопросъ, хотя и отложенный «до общаго рѣшенія», объ увеличеніи финансовыхъ средствъ страны чеканкою новой монеты на время безкоролевья. Не былъ забытъ, конечно, и великій вопросъ конституціонный, это наслѣдіе печальной старины, которое было необходимымъ украшеніемъ каждаго значительнаго политическаго собранія въ Рѣчи Посполитой. Кнышинскій съѣздъ долженъ былъ обратить особенное вниманіе на расширеніе правъ и вольностей гражданъ уже для того, чтобы не отстать отъ своихъ ловицкихъ соперниковъ. Онъ опредѣлилъ, чтобы всякій государственный документъ, гдѣ бы онъ ни хранился, отъ монастырей до шляхетскихъ домовъ, былъ доставленъ на избирательный сеймъ. Это требованіе простиралось и на своды законовъ, составленные ксендзомъ Кромеромъ и Яномъ Замойскимъ. Для изслѣдованія этого обширнаго матеріала, для составленія проекта новыхъ, улучшенныхъ законовъ паны въ Кнышинѣ, «подобно панамъ Великой Польши», назначили коммиссію изъ нѣсколькихъ сенаторовъ (въ томъ числѣ каштелянъ сандомірскій Іеронимъ Оссолинскій и каштелянъ вислицкій Николай Фирлей) съ участіемъ представителей отъ шляхты [41]).

Во всѣхъ наиболѣе важныхъ вопросахъ кнышинскіе паны прибѣгали къ любопытному маневру; обычному въ политической практикѣ Рѣчи Посполитой. Они рѣшали положительно только дѣла выгодныя, которыя не подвергали ихъ риску, а иногда да-

же выставляли ихъ въ хорошемъ свѣтѣ передъ согражданами. Въ противномъ случаѣ, если не было крайней необходимости, они скромно отлагали вопросъ «до болѣе многочисленнаго (т. е. избирательнаго) сейма». Не то прямо объявляли себя ничтожнымъ собраніемъ, лишеннымъ общегосударственнаго значенія[42]). Кнышинскій съѣздъ не могъ уклониться только отъ рѣшенія двухъ опасныхъ вопросовъ, ради которыхъ онъ собственно и состоялся. Вопреки постановленію ловицкаго съѣзда онъ назначилъ избирательный сеймъ на 13 октября въ полѣ между селомъ Быстрицей и Люблиюмъ, куда призывалъ «всѣхъ людей всякаго стана со всѣхъ панствъ коронныхъ». Это рѣшеніе всего лучше доказываетъ силу Яна Фирлея. Подлѣ Люблина онъ пользовался большимъ авторитетомъ. Тамъ у него было много помѣстій [43]). Тамъ онъ не страшился никакихъ уловокъ со стороны своихъ великопольскихъ враговъ. Его тайныя цѣли хорошо прикрывались и отсутствіемъ моровой язвы въ окрестностяхъ Люблина, и самымъ положеніемъ мѣста. Оно было, дѣйствительно, центральнымъ пунктомъ, наиболѣе удобнымъ для собранія представителей всѣхъ частей Рѣчи Посполитой.

Но этимъ не исчерпывался избирательный вопросъ. Польская исторія не выработала ничего опредѣленнаго даже относительно столь важнаго условія государственной жизни, какъ степень участія шляхты въ избраніи короля. Должна-ли меньшая братія быть лишь украшеніемъ сейма, или рѣшительницею судебъ королевства? Должна-ли она явиться туда вся, гурьбой, въ силу кореннаго закона, по которому каждый шляхтичъ обладаетъ равными политическими правами съ остальными членами государственнаго организма? Или они обязаны выслать на избирательный сеймъ, какъ и на всякій генеральный, лишь свои коллективные голоса. На практикѣ этотъ вопросъ сводился къ вопросу о сеймикахъ. Вождь магнатской Малой Польши, Янъ Фирлей видѣлъ выгоды и для своего личнаго вліянія въ томъ,

чтобы меньшая братія явилась на сеймъ стадообразною массой, безъ уясненныхъ желаній и намѣреній. И вотъ, кнышинскіе паны постановили не допускать никакихъ сеймиковъ передъ избраніемъ, какъ излишнихъ и не указанныхъ въ законѣ. Ихъ не остановило даже сопротивленіе Литвы. Литовскіе паны не боялись своей ничтожной шляхты, которую иногда «били кіями». Они желали сеймиковъ, которыми распоряжались по своему произволу, и назначили ихъ у себя на 14 сентября [44]).

У пановъ, окружавшихъ воеводу краковскаго, замѣтенъ серьёзный взглядъ. Правильно развивающаяся мысль просвѣчиваетъ въ ихъ дѣйствіяхъ. Въ Краковѣ они заботились о ближайшихъ интересахъ минуты, о практическихъ требованіяхъ своей провинціи: въ Кнышинѣ, какъ представители всей Рѣчи Посполитой, они пеклись о нуждахъ цѣлаго государства, о его будущемъ. Среди безпорядочныхъ волнъ повсемѣстной анархіи, работы Малополянъ кажутся правильнымъ теченіемъ, которое, быть-можетъ, влекло Рѣчь Посполитую къ скорому успокоенію. Но въ этомъ государствѣ разумное дѣло неизбѣжно принимало характеръ партіи или личной интриги: на немъ не лежало печати законности. Роковое противорѣчіе между замыслами лучшихъ дѣятелей и историческою дѣйствительностью — основная черта польской исторіи — заявило себя и здѣсь. Не поддерживаемый государственнымъ правомъ, кнышинскій съѣздъ казался всѣмъ дѣломъ одного Яна Фирлея. Это особенно ясно выразилось въ отношеніяхъ къ нему Литовцевъ. Они не согласились съ нимъ въ весьма важномъ вопросѣ о сеймикахъ и съ ропотомъ приняли избирательный терминъ. Имъ хотѣлось избирать короля не въ Люблинѣ, а въ ближайшемъ къ Литвѣ городкѣ, Ломжѣ [45]). Они вынесли изъ Кнышина чувство страха и непреодолимаго отвращенія къ Малополянамъ. Къ сожалѣнію, иначе и быть не могло. Воевода краковскій игралъ здѣсь роль царька; Литва же прислала сюда человѣка, который привыкъ повелѣ-

вать, а не повиноваться, и горячо любилъ свою родину. То былъ Янъ Ходкѣвичъ, сынъ Іеронима, каштеляна виленскаго.

Литва, съ ея угрюмыми лѣсами, мрачными болотами — и незатѣйливые, суровые, размашистые Ходкѣвичи, это рѣдкій образчикъ сходства между страной и человѣкомъ. Ходкѣвичи, эта, можно сказать, «львиная порода», служили вѣчнымъ стражемъ родной земли, не выпуская меча изъ рукъ. Говорили они мало: рѣчь ихъ была груба, порывиста, кратка. Таковы рѣзкіе звуки, что̀ нарушаютъ торжественное молчаніе дѣвственныхъ дебрей. Среди литовскаго магнатства Ходкѣвичи были ходячимъ демократизмомъ. Они не ладили съ Радзивилами, этими литовскими лордами, на которыхъ лежалъ отпечатокъ дворца.

Родною землей вѣяло и отъ Яна Іеронимовича. Грубый и односторонній, онъ могъ понимать лишь практическую сферу жизни. Онъ былъ чуждъ серьёзнаго образованія, которое сообщаетъ неотразимую прелесть идеальнымъ интересамъ. Ученая слава Литвы, историкъ Стрыйковскій, забавлялъ его въ годы ученія шуточками и прибаутками [46]). Правда, въ его ранней юности была минута, когда знаменіе реформаціонной эпохи, душевная буря коснулась и его. Онъ схватился-было за богатырскую задачу, поднялся на исканіе новой истины. Но это была мимолетная вспышка. Врагъ догматическихъ отвлеченностей, онъ вскорѣ возвратился изъ лабиринта нестройнаго нововѣрія къ религіи чиноначалія и мертваго порядка. Янъ Іеронимовичъ понималъ жизнь въ смыслѣ военной дисциплины, государство въ смыслѣ стойкой крѣпости и арміи, запаса ружей и казны. Этому безыскусственному Литовцу незнакомы были лицемѣріе и сдержанность. Онъ шелъ напроломъ, весь отдавался порыву. Вначалѣ онъ страстно боролся съ Радзивилами, потомъ съ ихъ врагами. Евреевъ, этихъ міровыхъ странниковъ, онъ поставилъ внѣ суда и закона. За то для соплеменниковъ онъ былъ живымъ правосудіемъ. Конечно, оно было военное, быстрое, не-

умолимое. Передъ покоями грознаго судьи стояли двѣнадцать молодцовъ съ орудіями исполненія жестокихъ приговоровъ.

Гордый и сильный, чуждый повиновенія, не терпѣвшій просьбъ, Янъ Іеронимовичъ былъ грозенъ не для однихъ подсудимыхъ. Онъ былъ злопамятенъ; страшны были орудія его мести. Его рѣчь слагалась въ лагерѣ изъ мужицкихъ словъ и голой правды. Но къ рѣчи онъ прибѣгалъ также рѣдко, какъ и къ перу, которымъ писалъ лишь краткіе приказы. Онъ больше любилъ хвататься за рукоять меча. Этотъ аргументъ онъ выставлялъ особенно на польскихъ сеймахъ, куда являлся неохотно. Поляковъ онъ презиралъ и ненавидѣлъ отъ всего сердца. Вынося на своихъ плечахъ тяжесть борьбы съ Московскимъ государствомъ, онъ имѣлъ на это нѣкоторое право. Впрочемъ, Ходкѣвичь провелъ всю свою жизнь въ борьбѣ не съ одними Поляками и внѣшними врагами. Онъ былъ цѣлію ненависти домашнихъ завистниковъ и мятежниковъ. Противъ него возставали то Радзивилы или ихъ недруги, то литовскіе князьки съ средневѣковыми притязаніями, то собственные слуги, не исполнявшіе его приказаній, пользуясь его постоянными разъѣздами по дѣламъ. [47])

Но всѣ враги Яна Іеронимовича казались бунтовщиками противъ своего государя. Въ описываемое время онъ занималъ царственное положеніе въ родной странѣ. Цвѣтущій и зрѣлый, онъ несъ на себѣ кучу почестей и должностей. Его длинный титулъ былъ: графъ шкловскій, мышинскій и быховскій, маршалокъ великій литовскій, каштелянъ виленскій, староста жмудскій, губернаторъ и гетманъ войскъ Ливоніи, староста ковенскій и плотельскій. Въ сенатѣ Рѣчи Посполитой ему принадлежали три кресла. Литва съ полнымъ довѣріемъ, послушно шла по его указанію. Ливонія составляла какъ-бы его ленное владѣніе; съ его именемъ связано ея присоединеніе къ Литвѣ; ея гербомъ былъ его гербъ. Его глубоко уважала даже Москва, съ тѣхъ

поръ какъ у береговъ Улы онъ счастливо помѣрился силами съ однимъ изъ Шуйскихъ, этихъ достойныхъ соперниковъ Ходкѣвичей. Такимъ образомъ, въ эпоху нашего разсказа и континентальное и морское значеніе Польши зависѣло отъ Яна Іеронимовича. Оттого-то она и не рѣшала безъ него важныхъ вопросовъ. Ея сеймы ожидали его прибытія. А въ пору безначалія онъ участвовалъ въ септемвиратѣ, которому было ввѣрено управленіе государствомъ при ничтожномъ регентѣ-примасѣ. Страдавшая хроническимъ безденежьемъ Польша не смѣла отказывать ему въ финансовыхъ средствахъ. Она молчала даже тогда, когда онъ превышалъ свою власть, таскалъ деньги изъ казны польскихъ воеводствъ.

Янъ Іеронимовичъ, этотъ «литовскій Сципіонъ» для друзей и «Вельзевулъ Литвы» для враговъ, умеръ въ началѣ царствованія Стефана Баторія, который, конечно, зналъ ему цѣну. Онъ сошелъ въ могилу, окруженный тѣмъ же обаяніемъ силы и власти, которое не покидало его во всю жизнь. Отечество почтило его память землями, дарованными его дѣтямъ въ вѣчное владѣніе. Не поскупилась и природа. Она передала его нравственныя силы потомкамъ, которые расходовали ихъ на его завѣтныя цѣли, на охраненіе родной земли и вѣры предковъ. Этого мало. Среди семерыхъ его дѣтей былъ Янъ Карлъ. Онъ даже превзошелъ своего отца. Западная Европа закидывала его похвалами и подарками. Шведы считали его представителемъ современнаго военнаго искусства. Султанъ повѣсилъ его портретъ въ своихъ покояхъ. И въ историческое преданіе нашего отечества неизгладимо врѣзалось его имя.

Янъ Іеронимовичъ замѣтилъ, что кнышинскій съѣздъ былъ орудіемъ Яна Фирлея, что тутъ даже враги воеводы краковскаго или молчали, затаивъ злобу, или льстили ему. Послѣ неудачнаго спора съ нимъ о мѣстѣ избранія Ходкѣвичь считалъ этотъ вопросъ уже рѣшеннымъ въ пользу Малой Польши и проте-

стантизма. Напрасно среди кнышинскихъ пановъ искалъ онъ своего друга и шурина, Петра Зборовскаго. Воевода сандомірскій, думалъ онъ, испугался и «обманулъ меня, а можетъ быть, и всѣхъ». Но если это было одно предположеніе, то тутъ же онъ увидѣлъ дѣйствительную измѣну. Надежные ревнители католицизма, Гербурты ухаживали за вождемъ протестантизма. Воображеніе рисовало Яну Іеронимовичу ужасную картину. Вся Малая Польша, которая «отлично соблюдала свои интересы», стояла, какъ одинъ человѣкъ, подъ властію Яна Фирлея. Каждый Малополянинъ былъ «либо еретикомъ, либо слугою этого добраго пана». Краковская и сандомірская земли собирали военныхъ людей «неизвѣстно для какого употребленія и для какого военачальника». Поручая королевну Анну воеводѣ плоцкому [48]), Малополяне передавали богатый тыкочинскій замокъ «своему человѣку». Не даромъ хлопотали и о войскахъ, сосредоточенныхъ въ Малой Польшѣ. Имъ дозволили явиться съ своимъ гетманомъ на избирательный сеймъ: не ради-ли нихъ послѣдній назначили въ Люблинѣ? Словомъ, каждый ничтожный фактъ, «всѣ движенія *его* и друзей его, ихъ слова и всѣ окружающія обстоятельства» краснорѣчиво говорили: «вотъ вамъ господинъ: другаго не ищите!» Въ близкой перспективѣ стояла военная диктатура, какая-то «тайная лига», пружины которой направляетъ «тотъ, кому очень хочется стать Пястомъ даже вопреки богамъ, кто уже примѣрялъ королевскую одежду на своемъ холопскомъ тѣлѣ.» «И на избирательномъ сеймѣ въ Люблинѣ, говорилъ Ходкѣвичь, у всѣхъ насъ на головахъ будутъ колья тесать».

Таково было впечатлѣніе, вынесенное изъ Кнышина представителемъ Литвы. Не удивительно, что теперь въ его лицѣ она спѣшила броситься въ объятія другой важной силы. Янъ Іеронимовичъ вознесъ къ Станиславу Карнковскому мольбы о «спасеніи отечества отъ грядущей тиранніи.» Онъ просилъ его

открыть Литвѣ свои, увы! не менѣе таинственные замыслы. Въ то же время онъ написалъ къ примасу и главнымъ панамъ Великой Польши. Онъ заявлялъ, что умываетъ руки въ рѣшеніяхъ кнышинскаго съѣзда, которыя всѣ сваливалъ на голову одного Яна Фирлея [49]).

И такъ, Малая Польша не могла надѣяться на поддержку Литвы. Да и въ другихъ отношеніяхъ положеніе воеводы краковскаго было далеко не столь блистательно, какъ казалось Ходкѣвичу, увлеченному патріотизмомъ. Передъ нимъ преклонялись лишь изъ страха или коварства. Великополянъ было тутъ немного, да и тѣ имѣли видъ обычныхъ въ Польшѣ соглядатаевъ изъ враждебнаго лагеря. Разсылая теперь повсюду, въ Великую Польшу, Литву и Пруссію, извѣщенія о кнышинскихъ постановленіяхъ, Янъ Фирлей замѣтно не довѣрялъ себѣ. Онъ хитрилъ. Къ примасу и Великополянамъ отправилъ особенно торжественное посольство, въ которомъ былъ Лаврентій Война, писарь великаго княжества; этимъ онъ хотѣлъ показать, что Литва за одно съ нимъ. Войнѣ было поручено увѣрять, что Малополяне устроили кнышинскій съѣздъ не изъ гордости или желанія унизить кого-либо, но единственно изъ патріотизма и по невѣдѣнію воли Великополянъ въ этомъ отношеніи. Не смѣя приказывать, они *просятъ* своихъ братьевъ принять ихъ рѣшенія, заранѣе соглашаясь даже въ случаѣ нужды отсрочить день избранія на цѣлую недѣлю [50]).

Янъ Фирлей не зналъ, что этотъ самый Война везъ въ Великую Польшу посланія Яна Ходкѣвича. Но для него была ясна измѣна человѣка, который дѣлилъ съ нимъ власть и значеніе въ Малой Польшѣ. Воевода сандомірскій велъ себя болѣе чѣмъ двусмысленно. Не явившись въ Кнышинъ, онъ, вмѣстѣ съ канцлеромъ великимъ коронным Валентиномъ Дембинскимъ, собирался, однако, туда, но позже, согласно съ назначеніемъ ловицкаго съѣзда. Очевидно, у Петра Зборовскаго явились какіе-

то замыслы: онъ, дѣйствительно, «что-то начиналъ черпать изъ другой бочки». Но избирательный сеймъ въ Кнышинѣ не состоялся. И вотъ, воевода сандомірскій дома дѣятельно взялся за важную работу. Благодаря его внушеніямъ, въ сандомірской и даже краковской земляхъ распространились страхъ и ненависть къ Яну Фирлею и его сотрудникамъ. Значительная партія окружила Петра Зборовскаго. То была шляхта, которая всегда находилась въ хорошихъ отношеніяхъ съ нимъ. Чисто-сенаторскій характеръ кнышинскаго съѣзда возвышалъ ея довѣріе къ его словамъ. Съ нею-то да съ своимъ единомышленникомъ, Валентиномъ Дембинскимъ, совѣщался теперь втихомолку воевода сандомірскій. Вслѣдъ затѣмъ отъ нихъ поскакалъ въ Великую Польшу смѣлый Андрей Зборовскій. Ему поручено было посѣтить тамъ примаса, епископа куявскаго и важнѣйшихъ сенаторовъ. Теперь все зависѣло отъ успѣха этого пана да отъ пріема, который Рѣчь Посполитая сдѣлаетъ постановленіямъ кнышинскаго съѣзда.

Кнышинскому посольству суждено было повсюду терпѣть неудачи, встрѣчаться съ явными признаками вражды къ Малой Польшѣ и Яну Фирлею. Лишь только вступило оно въ Мазовію, тотчасъ наткнулось на сеймикъ плоцкаго воеводства въ Рацёнжѣ *, который не предвѣщалъ ему ничего добраго. Здѣсь главную роль игралъ земскій писарь Николай Коссобуцкій **. Онъ

---

* *Рацёнжъ* — на половинѣ пути между Плоцкомъ и Млавой. Это было обычное мѣсто сеймикованья плоцкаго воеводства.

** При Сигизмундѣ-Августѣ *надворными* назывались не одни собственно-придворные чины. Этимъ титуломъ пользовались также чиновники (urzędniki) сенаторскаго и шляхетскаго сословій, не служившіе при особѣ короля. Впослѣдствіи они стали называться коронными или литовскими (лишь за нѣкоторыми сохранились названія «надворный коронный, надворный литовскій»). Мы видѣли (стр. 5—6, примѣч.), изъ кого состоялъ штатъ чиновниковъ сенаторскаго сословія. Не-сенаторскихъ было очень много. Хотя они принадлежали къ шляхтѣ, но составляли родъ ея

никогда не стоялъ высоко на служебной лѣстницѣ и умеръ каштеляномъ. Но его имя связано съ важными событіями. Онъ подписался подъ актомъ люблинской уніи и подъ протестаціей противъ диссидентовъ, для защиты которой ѣздилъ въ Парижъ къ Генриху анжуйскому. Коссобуцкій былъ твердъ характеромъ, свѣдущъ, энергиченъ, даровитъ. Вдохновленный безукоризненною любовью къ родинѣ и католицизму, онъ говорилъ и писалъ горячо, симпатично. Чуждый коварства и насилія, онъ былъ рѣдкимъ образцомъ душевной чистоты, свято сохраненной въ тлетворномъ мірѣ іезуитовъ. Послѣднихъ онъ серьёзно уважалъ, убѣжденный, что это нравственная сила. Съ свѣтлымъ, глубокимъ взглядомъ на сущность вѣры, съ свѣжимъ религіознымъ чувствомъ, Коссобуцкій былъ миніатюрнымъ Савонаролою

привилегированной части. Они распадались на нѣсколько отдѣловъ: 1) чиновники коронные и литовскіе (бывшіе надворные), которые, въ свою очередь, дѣлились на гражданскихъ и военныхъ. Въ числѣ гражданскихъ были писари судебные (одинъ для Польши, одинъ для Литвы), четыре писаря великихъ литовскихъ, два писаря великихъ скарбовыхъ въ королевствѣ и три писаря великихъ скарбовыхъ въ Литвѣ. Обязанность судебныхъ писарей состояла въ постоянномъ присутствіи въ ассессорскихъ судахъ, гдѣ они записывали судоговореніе. Ихъ назначалъ король. Они были знатоками законовъ и судебныхъ обычаевъ. 2) Земскіе или воеводскіе. Земскій судъ состоялъ изъ подсудка и писаря подъ предсѣдательствомъ судьи. Писарь, кромѣ письмоводительства, имѣлъ тутъ голосъ, и своимъ знаніемъ законовъ рѣшалъ сомнѣнія судьи и подсудка. Всѣ эти члены земскаго суда не назначались королемъ: ихъ избирала мѣстная шляхта въ числѣ четырехъ кандидатовъ въ теченіе шести недѣль по упраздненіи мѣста. Земскій писарь присягалъ не въ одномъ правомъ судѣ, но и въ готовности совѣтовать судьѣ и все точно вписывать въ земскіе акты. По древнему обычаю писаремъ не могло быть духовное лицо. Члены земскаго суда не получали жалованья. Они кормились отъ тяжущихся сторонъ и отъ записыванія дѣлъ въ земскіе акты. 3) Городскіе. Они не могли быть въ то же время и земскими. Въ городскомъ судѣ обязанность писаря, который долженъ былъ имѣть осѣдлость въ повѣтѣ, была та же, что и въ земскомъ. При отлучкѣ мѣста ихъ занимались чиновниками, называемыми *суррогаторами*, которыхъ они избирали сами. *Lengnich*, III, 10—12; въ переводѣ стр. 302—336.

для польскаго духовенства. Онъ открыто клеймилъ его позоромъ пустой, лѣнивой жизни. Онъ проповѣдывалъ *нравственную* борьбу съ еретичествомъ на тему пророка: «тщетно подниматься вамъ до разсвѣта», т. е. прежде самоочищенія отъ умственнаго мрака и душевной грязи [51]).

Коссобуцкій обратилъ плоцкій сеймикъ въ защиту государственнаго значенія примаса, особенно во время безкоролевья. Отвѣтомъ ему было единодушное возстаніе мазовецкой шляхты противъ Малой Польши. Она отвергла постановленія кнышинскаго съѣзда и, что̀ еще важнѣе, безъ измѣненій приняла рѣшенія ловицкаго. Въ Рацѣжѣ нашелся лишь одинъ человѣкъ съ самостоятельнымъ мнѣніемъ—епископъ плоцкій, Петръ Мышковскій. Это былъ одинъ изъ самыхъ ученыхъ Поляковъ. До пятнадцатилѣтняго возраста онъ занимался только чтеніемъ да писаніемъ, и выработалъ такой изящный стиль, такую прекрасную рѣчь [52]), что былъ призванъ ко двору въ должность секретаря и подканцлера. Года за два до смерти Сигизмунда-Августа ему дали епископскую каѳедру въ Плоцкѣ, потомъ въ Краковѣ, гдѣ онъ и умеръ, лѣтъ двадцать спустя послѣ описываемыхъ событій. Мышковскій былъ смѣлъ и упрямъ. Къ сожалѣнію, у него хватало силы лишь на минутный порывъ. Перемѣнялся вѣтеръ — и онъ несся по новому теченію, опять энергичный, бодрый и, повидимому, непреклонный. Эта личность была симпатична въ отдѣльныхъ сценахъ, но не въ цѣлой жизненной драмѣ. Имя Мышковскаго мы уже встрѣтили на кнышинскомъ съѣздѣ. Подобно Петру Зборовскому и Валентину Дембинскому, онъ прислалъ туда свою печать. Но не такъ, какъ они, поступалъ онъ далѣе. Онъ не поколебался среди своей фанатической паствы, при популярномъ Коссобуцкомъ, отстаивать свои дѣйствія, защищать значеніе своей печати. Онъ твердо заявилъ, что, вопреки всѣмъ, не откажется отъ избирательнаго термина, назначеннаго въ Кнышинѣ.

Очутившись среди враговъ, гдѣ былъ лишь одинъ другъ, да и тотъ мазовецкій епископъ, кнышинское посольство обратилось къ двумъ-тремъ великопольскимъ сенаторамъ, которые случились тогда въ Рацёнжѣ. Они не хотѣли даже вступать съ нимъ въ переговоры и отсылали его «къ другимъ панамъ» Великой Польши, которые попадутся ему въ дальнѣйшемъ пути. Послы, дѣйствительно, повстрѣчали потомъ другихъ пановъ. Но и эти, устраняясь отъ щекотливаго дѣла, въ свою очередь, отсылали ихъ далѣе, опять «къ другимъ панамъ», которые собирались тогда на сенаторскій съѣздъ. Прежде чѣмъ явиться на этотъ съѣздъ, они должны были повидаться съ тѣмъ, отъ кого зависѣли поступки Великополянъ. Они заѣхали въ резиденцію епископа куявскаго, во Влоцлавъ. Хозяинъ зналъ, какъ принять гостей и что имъ сказать. Какъ разъ передъ ихъ прибытіемъ, ему удалось побесѣдовать съ посѣтителями изъ другаго лагеря, съ Андреемъ Зборовскимъ и Альбертомъ Ласкимъ. Станиславъ Карнковскій узналъ отъ нихъ всю подноготную о дѣлахъ въ Малой Польшѣ и познакомился съ замыслами воеводы сандомірскаго. Вотъ почему въ своемъ отвѣтѣ малопольскому посольству онъ не ограничился отверженіемъ «самовольныхъ» кнышинскихъ постановленій, но прибавилъ: «даже лица, отправившія свои печати въ Кнышинъ, раздѣляютъ мое убѣжденіе» [53]).

Такимъ образомъ, судьба кнышинскихъ опредѣленій уже была рѣшена во Влоцлавѣ. Только формальность влекла пословъ далѣе, въ Ловичъ. Карнковскій прискакалъ туда же вслѣдъ за ними. Здѣсь онъ встрѣтилъ еще одну важную и неожиданную поддержку. Петръ Мышковскій замѣтилъ, что подымалась сильная буря противъ Малой Польши, и поколебался. Андрей Зборовскій своими внушеніями докончилъ дѣло. Епископъ плоцкій быстро обратился къ Ловичу, принося съ собою обычную энергію и неутомимость. Подлѣ двухъ главныхъ

епископовъ и примаса собралось нѣсколько сенаторовъ Великой Польши. Этого мало. Въ ту минуту въ Ловичѣ скопились любопытныя свѣдѣнія изъ главныхъ частей Рѣчи Посполитой. Письмо Петра Зборовскаго объясняло положеніе дѣлъ въ Малой Польшѣ. Слова Войны и письма Яна Ходкѣвича свидѣтельствовали о замыслахъ Литвы. Посольство изъ Пруссіи привезло письма къ панамъ радамъ коронным вообще и къ Карнковскому отдѣльно. Пруссаки писали: «Мы узнали о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ въ Кнышинѣ безъ нашего вѣдома и согласія. Насъ даже не призвали къ участію. Тяжко сносить намъ это явное нарушеніе условій, на которыхъ состоялось соединеніе прусскихъ земель съ Польскимъ королевствомъ. Да и вообще, хорошо-ли, что разныя части государства устраиваютъ свои сеймики отдѣльно, въ различныхъ мѣстахъ? При этой разрозненности въ замыслахъ и дѣйствіяхъ, не наткнуться-бы намъ на какой-нибудь камень, не совершить-бы ошибки, пагубной для всей Рѣчи Посполитой?» Обиженная Малою Польшей, Пруссія склонялась къ Великой. Протестантская провинція становилась за прерогативы польскаго примаса. Она объявила, что явится только на сеймъ, имъ назначенный [54]). Очутившись въ такомъ завидномъ положеніи, Яковъ Уханскій вообразилъ себя центромъ событій, а окружавшіе его паны считали себя руководителями государства. Всѣ они храбро возстали противъ Кнышина, доказывая прерогативы польскаго примаса и съ негодованіемъ отвергли постановленія своихъ враговъ. Они уже собирались подписать окончательный приговоръ Рѣчи Посполитой, какъ вдругъ были поражены опаснымъ и неожиданнымъ извѣстіемъ. Чтобы понять его, намъ необходимо теперь взглянуть, что̀ дѣлалось въ Великой Польшѣ со времени ловицкаго съѣзда?

Постановленія ловицкаго съѣзда должны были послужить яблокомъ раздора не только между двумя Польшами, но и между обѣими братіями Великой Польши. Они устраняли шляхту отъ

политическихъ вопросовъ, отчасти же были направлены прямо противъ ея интересовъ. Правда, ими разрѣшались сеймики. Но, при отсутствіи точнаго закона, шляхта считала ихъ не подаркомъ сенаторовъ, а своимъ *правомъ*. Сверхъ ожиданія пановъ, ихъ младшая братія рѣшилась теперь показать имъ, какое употребленіе можетъ она сдѣлать изъ этого права. Горячая и задорная по природѣ, притомъ раздраженная разсказами своихъ представителей, игравшихъ столь жалкую роль въ Ловичѣ, она, какъ взволнованное море, зашумѣла теперь по всей Великой Польшѣ. Сеймики за сеймиками собирались наскоро, иногда даже не въ обычныхъ мѣстахъ. Куявская шляхта устремилась въ Радзѣёвъ *. За нею прибыло сюда нѣсколько сенаторовъ и даже самъ епископъ куявскій, чуявшій бѣду. Дѣйствительно, ему пришлось выдержать упорную борьбу съ притязаніями меньшей братіи. При содѣйствіи Яна Служевскаго, воеводы брестскаго, и Яна Кротовскаго, воеводы иновлоцлавскаго, онъ смѣло защищалъ ловицкій универсалъ. Но паны должны были убѣдиться, что противъ массы безсильно краснорѣчіе. Разгоряченная шляхта заставила ихъ замолчать и шумно отвергла плоды ихъ рукъ. Этого мало. Станиславъ Кариковскій, какъ заводчикъ всему, неожиданно подвергся непріятности, какой еще никогда не испытывалъ. Кто-то пустилъ по рукамъ неприличный пасквиль на него. Конечно, епископа куявскаго нельзя было убить камнемъ, пущеннымъ изъ-за угла. Самая анонимность пасквиля доказывала его силу и послужила, какъ увидимъ къ его торжеству. Но онъ понялъ, что въ этой средѣ дѣло пановъ безнадежно и поспѣшилъ удалиться, чтобы попробовать счастія въ иномъ мѣстѣ [55]).

---

* *Радзѣёвъ*—между Гнѣзномъ и Влоцлавомъ, въ Куявіи, нынѣ-крайній сѣверо-западный пунктъ Царства Польскаго. Куявская земля около начала XV вѣка раздѣлилась на два воеводства, брестъ-куявское и иновлоцлавское, которыя сеймиковали вмѣстѣ въ Радзѣёвѣ на основаніи конституціи Сигизмунда I 1510 года. *Vol. leg.* I, 167.

Около того же времени нетерпѣливая познанская шляхта стекалась въ большомъ числѣ въ Шроду, не дождавшись даже срока (18 сентября), назначеннаго ея воеводою, Лукою графомъ Гуркой. Она разсчитывала, по обычаю, встрѣтиться тамъ съ своею калишскою братіей *. Но Калишане представляли въ ту минуту образецъ своеволія. Ихъ воеводою былъ хилый старикъ, Каспаръ Зебржидовскій. Вѣроятно по болѣзни, онъ не принялъ еще никакой мѣры, подобно своему дѣятельному сосѣду. Его шляхта, томимая невѣдѣніемъ хода дѣлъ въ государствѣ, раздраженная рѣчами тѣхъ изъ своихъ, которымъ удалось побывать въ Ловичѣ, видѣла вездѣ опасность и измѣну. Она заподозрѣла Зебржидовскаго, какъ сенатора, въ умышленномъ уклоненіи отъ своихъ обязанностей; открыто вопіяла о забвеніи ея интересовъ; кричала: «что это! Ни король, ни кто-либо изъ *князей* не управляютъ нами, не заботятся извѣщать насъ о положеніи Рѣчи Посполитой» [56]). Испуганный воевода рѣшился тогда на незаконный поступокъ, лишь бы прекратить безпорядокъ. Въ началѣ сентября онъ назначилъ *калишскій* сеймикъ въ Пыздрахъ **, и самъ потащился туда. Рѣдко собирались Калишане въ такомъ большомъ количествѣ. Впрочемъ, они сошлись въ Пыздрахъ лишь для того, чтобы уразумѣть свою ошибку. Ограничившись осужденіемъ ловицкаго универсала, они не рѣшились совсѣмъ отвергнуть его. Они вдругъ вспомнили, что законъ и обычай требовали совмѣстнаго сеймикованья обоихъ воеводствъ, познанскаго и калишскаго. Каспаръ Зебржидовскій былъ радъ, что его не задерживали и поспѣшилъ во-свояси на покой. Его шляхта тотчасъ же съ шумомъ бросилась въ Шроду.

---

* Воеводства познанское и калишское должны были сеймиковать вмѣстѣ въ Шродѣ по конституціи Яна Альберта 1496 года. (*Vol. leg.* I, 126). Шрода - мѣстечко близь Варты, у границы этихъ двухъ воеводствъ.

** *Пыздры*:—городъ, лежавшій среди лѣсовъ, въ центрѣ калишскаго воеводства, между Гнѣзномъ и Калишомъ, на р. Вартѣ.

Этотъ городъ представлялъ тогда плачевное зрѣлище. Моровая язва уже охватила его. Смерть теряла счетъ своимъ жертвамъ. Шляхта, которая явилась сюда для борьбы не съ нею, а съ своею старшею братіей, не пошла въ городъ. Она расположилась на лугу, подъ открытымъ небомъ. Едва успѣла она размѣститься, какъ прискакалъ гонецъ отъ Пруссаковъ. Онъ показалъ ей универсалъ кнышинскаго съѣзда. Шляхта вскипѣла гнѣвомъ и «подняла страшный шумъ». [57]) Одни кричали, что съ оружіемъ въ рукахъ нужно двинуться въ Быстрицу и «сорвать эту элекцію». Другіе пускали въ ходъ пагубное мнѣніе, что слѣдуетъ, не обращая вниманія на прочихъ, выбрать короля на свой страхъ, «какимъ либо инымъ способомъ». Покончивъ столь быстро и столь нелѣпо съ кнышинскимъ съѣздомъ, великопольская шляхта должна была рѣшить и другой, болѣе близкій ей вопросъ. Вѣдь она собралась собственно по поводу ловицкаго универсала. Теперь она не щадила никого. Всякіе паны, чужіе или земляки, были равно ей ненавистны. Нужно было дать имъ знать себя. Паны, въ свою очередь, предвидѣли опасность. Лучшіе изъ авторовъ ловицкихъ постановленій прибыли сюда. Но всѣ ихъ усилія вселить въ шляхту уваженіе къ памяти предковъ, къ порядку и согласію были напрасны. Не помогли ни пылкое краснорѣчіе братьевъ Гурокъ, ни строгая рѣчь законовѣда Яна Томицкаго, ни пастырское увѣщаніе епископа познанскаго, Адама Конарскаго. На ихъ убѣжденія младшая братія отвѣчала замѣчательнымъ поступкомъ. «Съ великимъ раздраженіемъ и крикомъ», какъ говоритъ очевидецъ, записала она въ *городскія книги* * свой протестъ рядомъ съ

---

* Въ Рѣчи Посполитой при земскихъ и городскихъ судахъ хранились *земскія и городскія книги или акты*. Въ нихъ записывались всѣ судебныя дѣла, просьбы и ихъ рѣшенія, а также универсалы мѣстные и общіе. Такъ какъ онѣ служили къ обнародованію судебныхъ приговоровъ, королевскихъ указовъ и сеймовыхъ постановленій, а также къ засвидѣ-

ловицкимъ универсаломъ, который былъ вложенъ въ нихъ по приказанію сенаторовъ. «Ловицкій съѣздъ, было сказано въ протестѣ, нарушилъ законы и стародавній обычай, по которымъ сенатъ, даже при жизни короля, не имѣетъ права дѣлать постановленія, противныя волѣ шляхты. Онъ, эта частичка сената, унизительно устранилъ желавшихъ участвовать въ рѣшеніи общихъ дѣлъ. Онъ забылъ, что не ему, а *генеральной конвокаціи* предоставлено закономъ право назначать избирательный терминъ. Сверхъ того ловицкіе паны осмѣлились назвать *слугами* людей, равныхъ имъ по рожденію и правамъ, явно считая подвластнымъ себѣ тотъ государственный чинъ, который, на основаніи посполитаго права, выставляетъ всю свою силу въ случаѣ войны. Наконецъ, они презрѣли требованія, представленныя имъ какъ шляхтою, такъ и Литвою, подъ тѣмъ ложнымъ предлогомъ, что они составлены вопреки законамъ и обычаямъ» [58]).

Такъ покончила великопольская шляхта и съ Кнышиномъ и съ Ловичемъ однимъ ударомъ. Но она не довольствовалась критикой. Приступивъ къ положительной сторонѣ дѣла, она прежде всего приняла ловицкое-же рѣшеніе касательно обезпеченія земскаго мира. Затѣмъ «быстро и единодушно» постановила,

---

тельствованію разныхъ документовъ (завѣщаній, дарственныхъ записей и т. под.), то общедоступность была ихъ необходимымъ условіемъ. Правительство всегда настаивало, чтобы онѣ были «открыты» во всякое время для всѣхъ. Закрытіе ихъ знаменовало бѣдственное состояніе страны. Тогда обычное теченіе государственной жизни прекращалось: такъ бывало во время анархіи безкоролевій. Важное значеніе этихъ книгъ, охранявшихъ права гражданъ и исполненіе законовъ, неаккуратность польскихъ чиновниковъ, въ особенности ихъ матеріальный интересъ, замѣшанный тутъ (члены судовъ кормились отъ записыванія дѣлъ въ книги), — все это объясняетъ обиліе статей о «книгахъ» въ польскомъ правѣ. Значеніе, которое придавали Поляки этому вопросу, хорошо выразилось въ одномъ изъ послѣднихъ законовъ, въ конституціяхъ чрезвычайнаго сейма въ Варшавѣ 1768 года. (*Vol. leg.* VII, 330).

чтобы паны (конечно, великопольскіе) поспѣшили къ примасу и убѣдили его немедленно собрать весь сенатъ для назначенія избирательнаго термина, а къ Литовцамъ, Русскимъ и Малополянамъ отправить гонцевъ съ требованіемъ присоединиться къ рѣшеніямъ Великой Польши. Шляхетская буря въ Шродѣ закончилась патетическою выходкой одного изъ героевъ на словахъ, которыми изобиловала Рѣчь Посполитая. Какой-то шляхтичъ, Авраамъ Збонскій, выступилъ впередъ и, бряцая оружіемъ, воскликнулъ: «Такъ же сильно, какъ чую потрясеніе и разгромъ Рѣчи Посполитой нѣкоторыми разбойниками, встану я противъ всѣхъ злочинцевъ на болѣе пригодномъ мѣстѣ, на болѣе многочисленномъ сеймѣ. Тамъ я дамъ имъ отпоръ передъ лицомъ всей Рѣчи Посполитой, и не одними словами, но самымъ дѣломъ» [59])....

Шродскій сеймикъ многое раскрываетъ историку. Великопольская шляхта не умѣла отличить дѣло личное и мѣстное отъ общегосударственнаго. Въ первый разъ собравшись въ большомъ числѣ, она тотчасъ сама подчинилась страсти, противъ которой поднялась изъ своихъ угловъ. Она бралась за сизифову работу, уничтожая все сдѣланное до нея, и являлась новою самозванною властью, какъ будто мало ихъ было тогда въ Рѣчи Посполитой. Но, лишенная опыта и политическаго смысла, она не стыдилась пользоваться трудами людей, которыхъ горячо осуждала. Наконецъ, изъ ея протеста видно, какъ въ Польшѣ все, что стремилось стать силой, чувствовало необходимость опереться на народъ, временно связанный съ королевствомъ, но вѣчно вліявшій на его судьбу. Разомъ покончивъ и съ Кнышиномъ и съ Ловичемъ, великопольская шляхта протягивала руку Вильнѣ. Обстоятельства какъ-бы нарочно поддерживали ея притязанія. Тогда въ Рѣчи Посполитой все зависѣло отъ случая. Каждая часть государства гонялась за другими частями, стараясь настигнуть ихъ гдѣ бы то ни было. Не

удивительно, что сосѣдняя Пруссія прислала своихъ агентовъ въ Шроду. Эта провинція только что получила кнышинскій универсалъ. Сильно раздраженная она отправила его въ Великую Польшу, конечно, съ приличными объясненіями. Онъ и попалъ на первое собраніе, встрѣтившееся ему на пути. Шляхта, разсуждавшая въ Шродѣ о малопольскихъ, литовскихъ и прусскихъ дѣлахъ, вообразила себя верховною властію. Она стала распоряжаться въ этомъ смыслѣ; приказывала примасу и сенаторамъ; сама послала письмо къ литовскимъ панамъ. Чувствуя, что кидаетъ перчатку всѣмъ политическимъ силамъ въ Рѣчи Посполитой, она рѣшилась организовать младшую братію, составить всешляхетскій союзъ. Изъ Шроды поскакали гонцы къ шляхтѣ всѣхъ воеводствъ съ приглашеніемъ стать заодно съ великопольскою [60]).

Извѣстіе о шродскомъ сеймикѣ смутило Якова Уханскаго и пановъ, собравшихся въ Ловичѣ. Примасъ увидѣлъ, что въ Великой Польшѣ, кромѣ него, есть еще одна сила, которая считаетъ себя верховною и повелѣваетъ ему самому. Онъ, какъ водится, растерялся. Но Станиславъ Карнковскій выручилъ. Онъ присовѣтовалъ обычный въ польской политикѣ маневръ — удовлетворить шляхту формальностію, а сущность дѣла оставить за собою. Какъ бы повинуясь требованіямъ шродскаго сеймика, примасъ постановилъ, чтобы сенаторы Великой Польши собрались въ Радзѣёвъ. Утомленные частыми и безплодными разъѣздами, они явились въ ничтожномъ числѣ безъ энергіи и плана дѣйствій. Шляхта, которая покоилась теперь на лаврахъ, пріобрѣтенныхъ въ Шродѣ, также лѣниво шла послушать, что станутъ говорить паны. Но напрасно въ Радзѣёвѣ поджидали Уханскаго; онъ заблагоразсудилъ остаться дома. Онъ выпроводилъ въ это время во-свояси кнышинскихъ пословъ, конечно, съ отрицательнымъ отвѣтомъ. Сверхъ того весьма смѣло объявилъ свою собственную волю. Онъ назначилъ изби-

рательный сеймъ въ Ломжѣ на 27 октября. Мѣсто было выбрано въ угоду Литовцамъ, а время—по тому соображенію, что Малополяне, которые, навѣрно, соберутся въ Быстрицѣ 13 октября, не успѣли-бы отвѣтить и прибыть на сеймъ раньше двухъ недѣль. «Если же, прибавлялъ примасъ въ письмѣ къ воеводѣ краковскому, вы почему-либо не можете согласиться на это, то, зная, какъ трудно вести переговоры посредствомъ писемъ и пословъ, пріѣзжайте для соглашенія съ остальными коронными панами въ деревушку Волю (близь Варшавы) 9 октября, о чемъ мы извѣщаемъ и другія рады коронныя [61]).

Уже послѣ этого Уханскій отправилъ въ Радзѣевъ увѣдомленіе о своихъ дѣйствіяхъ съ запоздалыми извиненіями въ своемъ отсутствіи. За это самоволіе потомъ сильно досталось если не ему, то епископу куявскому. Но теперь вялые и сбитые съ толку сенаторы смолчали. Они приняли только одно рѣшеніе, чтобы чѣмъ-нибудь ознаменовать свой съѣздъ. Они желали приготовиться къ общепольскому собранію, назначенному примасомъ и подать меньшей братіи руку примиренія. Предполагая, что изъ двухъ датъ (9 и 27 октября) позднѣйшая надежнѣе, они объявили сеймикъ для пановъ и шляхты *всей* Великой Польши на 15-ое октября въ Колѣ. Они призывали сюда и Пруссаковъ; а въ Малую Польшу и Литву отправили отъ себя пословъ съ подтвержденіемъ постановленія примаса [62]).

Такъ Великая Польша покончила съ избирательнымъ вопросомъ. Но она не успокоилась. Тяжело было на душѣ у ея вождей. Они не вѣрили въ свою силу. Это видно изъ назначенія съѣзда въ Волѣ на 9-ое октября, и еще лучше изъ современнаго письма Якова Уханскаго къ Петру Зборовскому. Въ немъ примасъ прямо сознавался, что объявилъ общепольскій съѣздъ лишь для формы, чтобы отклонить отъ себя упрекъ въ бездѣйствіи, въ проволочкѣ времени [63])...

Первый періодъ описываемаго безкоролевья завершился. Миновала четверть года по смерти Сигизмунда-Августа. Множество сеймиковъ, съѣздовъ, совѣщаній, писемъ взволновало Рѣчь Посполитую изъ края въ край. Много словъ, энергіи, ума, хитрости было истрачено. И что же въ результатѣ? Передъ изумленнымъ Полякомъ стояло нѣсколько одинаково-беззаконныхъ рѣшеній одного и того же вопроса. Онъ падалъ духомъ, не зная, когда и куда идти: въ Быстрицу къ 13-му октября или въ Ломжу къ 27-му, въ Коло къ 15-му или въ Волю къ 9-му? Его смущали страшные слухи и теоріи, противорѣчивыя мнѣнія и страсти, что̀ колебали страну. Взаимные укоры произносились повсюду и во всеуслышаніе. Въ массы проникла борьба обѣихъ Польшъ, бывшая тогда въ разгарѣ. Малая Польша допрашивала Великую, какъ смѣлъ ея примасъ употребить титулъ *primus princeps*? Великая отвѣчала обвиненіемъ Малой въ кнышинскихъ продѣлкахъ, которыя будто бы «клонились къ позорному женскому правленію». Она требовола, чтобы непокорный воевода краковскій подчинился сенату и распустилъ своихъ тѣлохранителей, 600 драбантовъ краковской крѣпости. Собирались даже подвергнуть его суду, благо былъ предлогъ: вопреки закону и обычаю, онъ занималъ разомъ двѣ важныя должности. Хитрые великопольскіе паны толковали, что этотъ небывалый судъ должно облечь въ форму шляхетскаго сеймика. Иные шли еще дальше. Попирая счастіе отечества, предлагали нелѣпую, пагубную теорію прекращенія всѣхъ коронныхъ должностей со смертію короля[64]). А уже если обязанности короннаго маршалка необходимы, то, твердили, ихъ могъ-бы нести маршалокъ примаса *. Въ то же

---

* Какимъ пышнымъ почетомъ окружали Поляки своего примаса, видно изъ того, что дворъ его былъ устроенъ на подобіе королевскаго. Изъ всѣхъ подданныхъ короля онъ одинъ имѣлъ собственнаго маршалка. *Маршалокъ архіепископа гнѣзненскаго* былъ сенаторскаго чина, обыкновенно изъ низшихъ каштеляновъ, иногда даже изъ высшихъ (у Станислава

время, пока паны двухъ Польшъ препирались между собою, глухое броженіе повсемѣстно охватило шляхту. Откуда бы ни шли приказанія, изъ Ловича или Кракова, она сознавала, что они зараждались въ головахъ пановъ, были писаны ихъ руками. Не понимая потребностей минуты, равнодушная къ особѣ будущаго короля, ибо имена кандидатовъ еще не были провозглашены, она была увлечена тогда лишь своею свободой и равноправностью, своимъ могуществомъ. Съ предубѣжденіями, съ бранчивою критикой собиралась она въ свои кружки по воеводствамъ и повѣтамъ И мраченъ быъ характеръ этихъ сходокъ. Шумъ и гамъ окружали ихъ. Извлекалось оружіе изъ ноженъ съ обѣщаніемъ «тряхнуть элекціей», въ случаѣ нужды. Появлялись памфлеты и письма, пропитанныя ядомъ демократической злобы. А среди этого хаоса, подъ-шумокъ, сновали курьеры между Вильной, Москвой и Вѣной, и тихо, ловко пробиралась въ глубь страны иностранная интрига.

Карнковскаго маршалкомъ былъ каштелянъ иновлоцлавскій). Во всякомъ случаѣ, въ сенатѣ этотъ каштелянъ занималъ высшее мѣсто. Онъ имѣлъ полную власть (cum jure gladii) надъ придворными примаса, которыхъ, кромѣ него, никто не могъ судить даже въ уголовныхъ дѣлахъ. Это вскорѣ привело къ тому, что они стали производить шумъ и безпорядки даже въ королевскихъ покояхъ, и маршалокъ коронный, въ концѣ XVII вѣка, долженъ былъ вступить въ свои права, не смотря на сопротивленіе примаса. Маршалокъ архіепископа гнѣзненскаго несъ поднятый жезлъ, шествуя передъ нимъ съ лѣвой стороны (съ правой шелъ крестоносецъ который даже въ сенатѣ стоялъ подлѣ него съ архіепископскимъ крестомъ), или ѣхалъ верхомъ подлѣ его экипажа. Онъ выставлялъ свой жезлъ даже на сеймѣ когда тамъ не случалось ни короннаго, ни литовскаго маршалковъ: только въ ихъ присутствіи опускался жезлъ примаса. Яковъ Уханскій старался придать своему маршалку болѣе значенія, доказывая, что онъ долженъ пользоваться всѣми правами короннаго и литовскаго маршалковъ, въ случаѣ ихъ отсутствія. Но его желаніе не исполнилось. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда подлѣ короля не было ни одного надворнаго маршалка, жезлъ предъ нимъ несъ канцлеръ или подскарбій.—*Lengnich*, III, 5 (въ перев. стр. 240 sq).—Niesieck *Herbarz*, I, 22 sq.

Печальный опытъ четверти года опошлилъ, унизилъ съѣзды и сеймики. Крупныя фигуры Яна Фирлея и Станислава Карнковскаго вырѣзались на смутномъ фонѣ, объятыя пламенемъ непримиримой вражды. Подлѣ нихъ обрисовался суровой обликъ литовскаго Сципіона, раздувавшаго это пламя. Кругомъ моровая язва, росшая не по днямъ, а по часамъ, разгонявшая сонмы политиковъ. На небѣ, въ полночной сторонѣ, два мѣсяца блистала ярче звѣздъ диковинная комета, вся въ волосахъ. Ея не поняли неопытные астрономы; при видѣ ея содрагались суевѣрные [65]). ...

ГЛАВА III.

Внутренняя интрига. Польское согласіе.

Отчаянное положеніе Рѣчи Посполитой, сейчасъ очерченное нами, отличалось тѣмъ крайнимъ характеромъ, корорый предвѣщаетъ близость реакціи. Мы, дѣйствительно, достигли поворотнаго пункта въ исторіи описываемаго безкоролевья. Въ глубинѣ хаоса подготовилось прекращеніе анархіи: одна изъ борющихся сторонъ взяла перевѣсъ. На сколько въ іюлѣ 1572 года все клонилось въ пользу Малой Польши, настолько въ октябрѣ все обратилось противъ нея. Причина этого лежала прежде всего въ ней самой. Въ ней не было единства. Между ея протестантами были поборники стараго порядка вещей. Нерѣдко личная вражда раздѣляла ихъ среди общаго дѣла. Между старшею и младшею братіей кипѣлъ тотъ же раздоръ, что̀ и вездѣ. Быстрота, смѣлость, успѣхъ первыхъ дѣйствій Малой Польши по смерти короля зависѣли лишь отъ одного человѣка. Но и самой могущественной личности не устоять въ борьбѣ безъ поддержки историческихъ силъ. Каждый ея поступокъ кажется своекорыстнымъ, вызываетъ всеобщую ненависть.

Соперники краковскаго воеводы, опомнившись послѣ перваго удара, выставили энергическихъ бойцевъ, стали повсюду внушать подозрѣніе къ нему. И имъ легко вѣрили весьма многіе завистники, вѣрила цѣлая масса ревнивыхъ къ своей свободѣ людей въ самой Малой Польшѣ. Тамошняя шляхта съ негодованіемъ замѣтила, что воевода краковскій пошелъ, презирая ее, по дорогѣ сенаторской, въ концѣ которой, казалось ей, стояла олигархія, если не диктатура. Она уже рѣшалась вступить въ борьбу съ нимъ, а за вождемъ дѣло не стояло. Мы видѣли, какъ популярный воевода сандомірскій измѣнилъ Яну Фирлею. Войдя въ сношенія съ Великою Польшей, онъ заговорилъ другимъ языкомъ съ своею шляхтой. Еще около половины сентября рѣчь его была совершенно въ духѣ Яна Фирлея. «Многіе въ нашемъ воеводствѣ удивляются, гласилъ его универсалъ, почему я доселѣ не собиралъ рыцарства на сеймикъ. Но въ законѣ нѣтъ и помину о какихъ бы то ни было сеймикахъ. Да и нужды въ нихъ я не видѣлъ, ибо на краковскомъ съѣздѣ все установлено предусмотрительно. Вообще, мы (малопольскіе сенаторы) уже достаточно позабавились безплодными сношеніями съ Великой Польшей и Литвой касательно избирательнаго термина: не мало было и разъѣздовъ и писанья. Наконецъ-то въ Кнышинѣ рѣшили вопросъ, о чемъ объявляю вамъ и требую, чтобы вы приготовились къ избирательному сейму» [1]). Но какъ только Петръ Зборовскій получилъ убѣдительное письмо Карнковскаго (отъ 21 сентября) и универсалъ примаса, его тонъ тотчасъ измѣнился. Въ концѣ мѣсяца онъ обнародовалъ другой универсалъ, противный предыдущему, которымъ отмѣнялось призваніе шляхты въ Быстрицу. Мотивируя это рѣшеніе необходимостію, онъ прибавлялъ: «Не думайте, чтобы это произошло отъ какой-либо смуты въ Рѣчи Посполитой. Напротивъ, это результатъ желанія, чтобы все дѣлалось согласно и сообща, съ возможно-большею любовью и доброжелательствомъ между нами, панами, и нашими братьями *другихъ земель*» [2]).

Уже этой бури въ родной землѣ достаточно было, чтобы поколебать Яна Фирлея. Сверхъ того въ то же время отовсюду доносился до него громъ проклятій на кнышинскія постановленія и ихъ авторовъ. Онъ видѣлъ, какъ все сторонилось отъ кандидата въ диктаторы и устремлялось въ объятія Великой Польши; какъ вокругъ примаса группировались представители важнѣйшихъ земель, какъ туда же склонялась и могущественная Литва. Вчера только она негодовала на Великую Польшу, а теперь сама шла къ ней свидѣтельствовать противъ Кракова. Кнышинскимъ панамъ она объявила, оправдываясь различными предлогами, прямой отказъ явиться въ Быстрицу. «Условія этого сейма, говорила она, совсѣмъ не соотвѣтствуютъ нашимъ желаніямъ. Если Янъ Ходкѣвичъ и согласился, то это его личное дѣло, которое насъ не касается. Мы не успѣемъ собрать къ назначенному сроку сеймики и *узнать намѣренія Великой Польши*»[3]). Яну Фирлею уже было извѣстно, какъ узнавала Литва намѣренія Великополянъ, какъ она увѣряла примаса въ своемъ полномъ сочувствіи. Онъ понималъ, что въ эту минуту его главный врагъ, Станиславъ Карнковскій, имѣлъ право употребить въ перепискѣ съ друзьями гордое выраженіе, въ которомъ долженъ былъ дать отчетъ въ послѣдствіи. Убѣждая Петра Зборовскаго согласиться съ Великою Польшей, «чтобы прекратилась эта смута (mieszanica) и исчезла схизма между нами», онъ увѣрялъ его, что мысль о быстрицкимъ сеймѣ нелѣпа, ибо рыцарство не пойдетъ туда: «а въ Ломжу всѣ пойдутъ, ибо *Мазовія*, *Пруссія*, *Литва уже стоятъ за насъ*»[4]). Краковскій воевода страшился, чтобы за нихъ не стала еще одна грозная сила. Иностранная интрига наносила ему послѣдній ударъ. Дѣло въ томъ, что, дѣйствуя какъ дальновидный патріотъ, онъ успѣлъ уже энергическими мѣрами задѣть цесарскихъ пословъ. А папскій нунцій строилъ козни въ пользу Литвы и Великой Польши.

Въ этомъ одиночествѣ, въ сознаніи, что лучшія намѣренія приводили лишь ко вреду, Янъ Фирлей рѣшился на весьма важный шагъ. Онъ надѣялся, что еще не все кончено, что предстоятъ событія, гдѣ потребуются его силы. Отчего же было не затаить ихъ въ себѣ на время? Какъ скала, сокрушенная всестороннимъ напоромъ волнъ, онъ уступилъ теченію дѣлъ.

3 октября краковскій воевода собралъ въ Осѣкѣ (близь Сандоміра) сенаторовъ Малой Польши для обсужденія отвѣта на послѣднее требованіе Великой Польши. Рѣшеніе послѣдовало быстро. Къ примасу отправили скромное, примирительное письмо. Защищая свои поступки, Малополяне выражали сожалѣніе о томъ, что, «въ эти бѣдственныя минуты гнѣва Божія въ сердца людей вселились взаимныя подозрѣнія». «Не переставая руководиться единственно благомъ Рѣчи Посполитой», они давали слово прибыть въ Волю, «надѣясь встрѣтить тамъ пановъ всѣхъ земель, особенно литовскихъ и прусскихъ» .Къ несчастію, этотъ мирный документъ оканчивался тревожнымъ заявленіемъ. Его авторы, ссылаясь на физическую невозможность, заранѣе отказывались отъ 9 октября и просили подождать ихъ въ Волѣ по крайней мѣрѣ до 14-го. Конечно, съѣздъ, на которомъ присутствовалъ Янъ Фирлей, не могъ ограничиться пассивною ролью. Его участники не хотѣли явиться къ Великополянамъ съ пустыми руками. Они приняли энергическія мѣры противъ иностранной интриги, которая особенно разгулялась тогда на югѣ Польши. Чтобы ускорить дальнѣйшій ходъ дѣлъ и успокоить шляхту, для рыцарства и панства *всей* Малой Польши назначили сеймикъ на 4 ноября въ Полянцѣ, въ соотвѣтствіе великопольскому сеймику въ Колѣ. Наконецъ, хорошо понявъ Литву въ Кнышинѣ, Малополяне спѣшили принести ее въ жертву новымъ друзьямъ. Они обращали особенное вниманіе Великой Польши на серьёзную опасность съ этой стороны и обѣщали,

въ доказательство своихъ подозрѣній, привести письма, доставленныя имъ изъ Вильны [5]).

Теперь Рѣчь Посполитая могла, казалось, вздохнуть свободно. Все устремлялось въ *одно* мѣсто для рѣшенія *одного* вопроса. Наставала та «сгода», въ которой вчера приходилось отчаяваться. Но, увы! такъ только *казалось*. Именно въ эту минуту Польша представляла картину хаоса, которая принадлежитъ къ числу наиболѣе печальныхъ. Она проникнута оттѣнкомъ историческаго сарказма.

Вѣрный своему слову, Яковъ Уханскій прибылъ въ Волю 9 октября. Но онъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Вмѣстѣ съ нимъ явился, конечно, Станиславъ Карнковскій; да съ епископомъ плоцкимъ пріѣхали два-три великопольскіе сенатора и незначительное число шляхты. Болѣе никого не было. Въ то время Великополяне, въ силу постановленія радзѣёвскаго съѣзда, собирались въ Колу. Малополянъ задержалъ осѣцкій съѣздъ. Мазовшане заявили, что ихъ воевода и каштеляны въ этотъ самый день назначили имъ земскій сеймикъ у Ломжи. Пруссаки хранили молчаніе, ограничившись извѣщеніемъ, что согласятся только на сеймъ, «назначенный примасомъ сообща съ Великополянами» [6]). Литовцы не только не явились лично, но прислали письмо, въ которомъ щедро разсыпали рѣзкія выраженія, какъ люди, потеряьшіе терпѣніе: «Откровенно и чистосердечно заявляемъ вамъ, говорили они, что мы всѣ не мало уже испытали душевной тревоги, замѣчая раздвоеніе между вашими милостями, панами Великой и Малой Польшъ. Повѣрьте, пока вы не придете къ единодушному согласію, пока не перестанете назначать намъ различные сеймовые термины, до тѣхъ поръ намъ трудно будетъ угодить вашимъ милостямъ. И справедливо-ли назначать намъ, столь отдаленнымъ отъ васъ, такіе термины для столь важныхъ дѣлъ? Такъ, напримѣръ, до съѣзда въ Волѣ у насъ остается лишь полторы недѣли: мы могли-бы поспѣть

къ этому сроку лишь въ томъ случаѣ, еслибы летали, какъ птицы».

Кромѣ этого нравоученія, Литовцы, по обычаю, снова затянули свою грозную пѣсню о правахъ: «Мы уже указывали вамъ избирательный терминъ, удобный для насъ. Мы надѣялись, что вы согласитесь съ нами. Вѣдь мы на однихъ правахъ съ вами засѣдаемъ въ государственной радѣ, и вы сами признали значеніе нашихъ мнѣній среди вашихъ совѣтовъ. Да еслибы мы, Литва, ваша братія, *во всемъ равные вамъ и ради братскаго единенія соединенные съ вами равно*,— еслибы мы были обречены всегда только слушать, гдѣ молотятъ, вамъ было-бы мало пользы отъ насъ. А мы, не трудясь и не тратясь на разъѣзды, могли-бы сидѣть дома, да ждать, что̀ намъ прикажутъ. Вовсе не таковы условія нашего соединенія, которыя довѣрчиво повергаемъ на ваше мудрое благоусмотрѣніе. Поэтому мы напишемъ вамъ что-либо положительное не раньше какъ по полученіи отъ васъ удовлетворительнаго отвѣта на извѣстныя наши требованія». Затѣмъ Литовцы мотивировали свой собственный терминъ, не имѣвшій ничего общаго съ намѣреніями Великой и Малой Польшъ. «Въ Быстрицу, писали они, не поѣдемъ: это вамъ извѣстно. Но мы не двинемся и ни въ какое другое мѣсто, кромѣ близкихъ къ намъ Парчова, Ломжи или Ливы. Что же касается до времени, то должно особенно помнить, какую минуту мы переживаемъ. Теперь на нашихъ сосѣдей накинута узда, не дозволяющая имъ пылать къ намъ военною яростію: каждый надѣется быть выбраннымъ въ польскіе короли. Когда же совершится избраніе, обойденные обратятся въ злобныхъ враговъ. Поэтому всего лучше произвести избраніе въ постъ, когда разливъ рѣкъ не дозволитъ непріятелю напасть на наши земли. А потомъ мы могли-бы приготовиться къ оборонѣ вмѣстѣ съ новымъ королемъ». Сверхъ того Литва объявляла объ опасныхъ замыслахъ московскаго царя и въ доказательство прислала его письмо, которое, по выра-

женію примаса, было столь важно, что требовало обсужденія сейма [7]).

Вотъ какія серьёзныя дѣла приходилось рѣшать примасу почти одному! Еще болѣе смутили его цесарскіе послы, которые, обрадовавшись общепольскому съѣзду, явились въ Волю съ опасными требованіями и жалобами. Яковъ Уханскій не измѣнилъ себѣ. Испугавшись тяжелой отвѣтственности передъ государствомъ, онъ поспѣшилъ удалиться отъ дѣлъ, прямо сознаваясь въ безсиліи. Великопольскіе сенаторы уже собрались тогда въ Колѣ. Онъ былъ радъ, что такъ легко могъ отыскать ихъ и затеряться въ ихъ средѣ. На другой же день по пріѣздѣ въ Волю, онъ поскакалъ къ нимъ. Въ Осѣкъ послалъ гонца, убѣдительно прося Малополянъ прибыть туда же и обѣщая три дня дожидаться ихъ тамъ. Старикъ, какъ видно, совсѣмъ палъ духомъ. Въ его неумѣстной откровенности проглядывала душевная тревога. Замѣстникъ короля, онъ говорилъ врагамъ: «если вы не могли отклонить цесарскихъ пословъ отъ ихъ опасныхъ намѣреній, что̀ же могу сдѣлать я? Не вижу никакихъ благоразумныхъ средствъ къ этому». Центръ политическаго движенія въ одной изъ важнѣйшихъ частей государства, онъ признавался что «не надѣется ни на Литовцевъ, ни на Пруссаковъ; и если рѣшался писать положительно объ ихъ намѣреніяхъ, то не на основаніи достовѣрныхъ данныхъ, а лишь увлекаясь надеждою на лучшее будущее», т. е. лгалъ, чтобы обмануть Малую Польшу. Облеченный законною властью созывать сеймъ даже при жизни короля, примасъ объявлялъ, что «*не можетъ* не ѣхать въ Колу, гдѣ собирается теперь вся Великая Польша». Къ счастію для Уханскаго, по крайней мѣрѣ его ссылки на повѣтріе и голодъ были справедливы. Моровая язва свирѣпствовала уже и здѣсь. Все бѣжало отъ зараженныхъ мѣстъ, куда глаза глядѣть. Невозможно было достать пропитанія ни для себя, ни для лошадей. А примасъ такъ спѣшилъ въ Волю на безплодный

съѣздъ, что не успѣлъ заготовить тамъ для себя и жизненныхъ припасовъ [8]).

Слѣдомъ за примасомъ двигалась, конечно, его тѣнь, Станиславъ Карнковскій. Онъ, по обыкновенію, далъ ему просторъ въ щекотливомъ и опасномъ дѣлѣ. А когда оно миновало, сталъ дѣйствовать самъ. Никогда еще значеніе того и другаго не выступало такъ рѣзко. Уханскому пришлось унижаться передъ Малополянами и повиноваться своимъ сенаторамъ; удѣломъ Карнковскаго былъ истинный тріумфъ. Незамѣченнымъ вступилъ примасъ въ сонмъ великопольскихъ пановъ; съ торжествомъ въѣхалъ въ Колу епископъ куявскій. Мимолетное оскорбленіе въ Радзѣёвѣ послужило лишь къ возвеличенію Карнковскаго. Его путь изъ Воли въ Колу былъ украшенъ сочувственными манифестаціями. Лучшіе люди польскаго католицизма выходили къ нему на встрѣчу. Они утѣшали его предложеніемъ послѣдней капли крови на защиту его жизни, «въ которой лежало счастіе Рѣчи Посполитой». Потомъ, какъ только открылся сеймикъ въ Колѣ*, горячій Андрей графъ Гурка поднялъ вопросъ о недостойномъ пасквилѣ. Среди своей краснорѣчивой защиты онъ былъ остановленъ единодушнымъ возгласомъ собранія. Оно приказывало адвокату епископа замолчать, ибо не нуждается въ оправданіи мужъ, котораго гражданская доблесть и нравственная чистота слишкомъ хорошо извѣстны. Всѣ согласились, что безыменный пасквилянтъ дерзнувшій гнусно оклеветать превосходнаго сенатора, не что иное, какъ «негодяй и разбойникъ». И долго еще потомъ польскіе католики вспоминали это высокое торжество своего епископа [9]).

Станиславъ Карнковскій въ Колѣ невольно напоминаетъ Яна Фирлея въ Кнышинѣ. Сеймикъ въ Колѣ, подобно кнышинскому

---

* Городъ *Коло* лежалъ въ калишскомъ воеводствѣ, на р. Вартѣ. Находясь на половинѣ пути между Варшавой и Познанью, онъ составлялъ центральный пунктъ для всей Великой Польши и Куявіи.

съѣзду, имѣлъ выдающееся значеніе среди политическихъ собраній Рѣчи Посполитой 1572 года. За городомъ, въ которомъ свирѣпствовала зараза, подъ открытымъ небомъ собралось много великопольскихъ пановъ и шляхты. Кромѣ примаса и двухъ епископовъ, тутъ было пять воеводъ, шестнадцать каштеляновъ подскарбій коронный и референдарій надворный. Они не расходились цѣлые четыре дня. И не даромъ. Тутъ предстали самые серьёзные интересы минуты, требуя полнаго вниманія къ себѣ. Тутъ особенно ярко обрисовалось печальное положеніе государства, уже четвертый мѣсяцъ снѣдаемаго неурядицей. Всѣ зловѣщіе слухи подтвердились неопровержимо. Цесарскіе послы горячо жаловались на обиды, нанесенныя въ Польшѣ имъ и ихъ государю, и требовали опасныхъ привилегій. Каштелянъ медзирѣцкій Станиславъ Гурка и референдарій Станиславъ Чарнковскій донесли о большихъ убыткахъ потерпѣнныхъ отъ своеволія поморскихъ князей староствами валецкимъ, уйсцѣньскимъ и драгимскимъ. Явился и пылкій обвинитель Пруссаковъ, знакомый намъ Станиславъ Пршіемскій, но не одинъ. Его окружала дружина головорѣзовъ. Глубоко взволнованный, онъ рѣзко обвинялъ двухъ прусскихъ старостъ, Кристофа Костку и Юрія Конопацкаго, въ томъ, что они насильно завладѣли нѣкоторыми имѣніями въ воеводствахъ кульмскомъ (хельминскомъ) и поморскомъ, ввѣренными его охранѣ *. Онъ вызывалъ всѣхъ Поляковъ отмстить за это злодѣяніе, быть достойными предковъ, и такъ заключилъ свою рѣчь: «А если не вступитесь за меня, то я самъ, съ горьстью вотъ этихъ товарищей, отплачу Пруссакамъ такимъ же разгромомъ ихъ имѣній, лежащихъ здѣсь, въ Великой Польшѣ». Воевода брестъ-куявскій, Янъ Служевскій, отвѣчалъ Пршіемскому, что Пруссаки захватили его имѣнія не

* Эти имѣнія, въ силу постановленія пётрковскаго сейма 1562 года (*Vol. leg*, II, 13—21), были отторгнуты Польшею у живецкаго староства въ Пруссіи.

частнымъ образомъ, но въ силу постановленія всего своего государства. И только. Очевидно, Великополяне сознавали свое безсиліе остановить разбойниковъ чужихъ и собственныхъ.

Въ эту-то минуту со всѣхъ концовъ Рѣчи Посполитой приходили извѣстія о разгулѣ страстей, о насиліяхъ, убійствахъ, поджогахъ, грабежахъ, поруганіяхъ женской чести. Иначе и быть не могло. Во время безкоролевья власти безмолвствовали. Вся судебная организація прекращала свои дѣйствія на основаніи польской аксіомы, что со смертію короля изсякаетъ источникъ всякой справедливости. Для подавленія этой образцовой анархіи кольскій сеймикъ схватился за извѣстное польское средство, за конфедерацію, но не совсѣмъ обыкновенную. Онъ сдѣлалъ важное нововведеніе, вспомнивъ «примѣръ предковъ.» По смерти Людовика венгерскаго, въ 1382 году, въ Радомѣ была устроена конфедерація, названная оригинальнымъ именемъ *каптура*. Во все время царствованія династіи Ягеллоновъ про нее никто не вспомнилъ. Она была очень строга: потребовалась крайняя неурядица, чтобы вызвать изъ забытья благодѣтельные *каптуровые суды*, это чрезвычайное, суровое и быстрое судопроизводство. Вотъ въ чемъ состояло оно, по свидѣтельству самого кольскаго сеймика. «Всякаго, кто, недовольствуясь посполитымъ правомъ, учинитъ какую-либо смуту, нарушитъ внутреннее спокойствіе, въѣдетъ въ чужое владѣніе, отниметъ или сожжетъ чужую собственность, ограбитъ, ранитъ, убьетъ кого-нибудь или изнасилуетъ женщину, староста того повѣта, гдѣ совершилось злодѣяніе, долженъ вызвать къ себѣ и судить его. Этотъ судъ староста чинитъ не одинъ, а при помощи четырехъ депутатовъ изъ шляхты, избираемыхъ имъ изъ любаго воеводства. Онъ назначаетъ обвиняемому двухнедѣльный срокъ, въ который онъ долженъ явиться къ отвѣту безъ всякихъ приготовленій, съ однимъ только прокураторомъ. Если потребуется слѣдствіе (scrutinium), то подстаросты съ двумя

депутатами должны отправиться на мѣсто преступленія и тамъ все разузнать отъ сосѣдей, спрошенныхъ подъ присягой. Когда судьи произнесутъ приговоръ, лишающій жизни, чести или имущества, обвиненный имѣетъ право аппелировать въ избирательный сеймъ, гдѣ эти дѣла будутъ разсматриваться прежде всѣхъ другихъ. Если аппеляціи не послѣдуетъ, то судьи отправляютъ свой приговоръ, съ приложеніемъ своихъ печатей, къ мѣстному воеводѣ, а въ его отсутствіе къ главному каштеляну, для приведенія его въ исполненіе. Тотъ или другой обязываются, смотря по силѣ преступника, тотчасъ поднять или повѣтъ или и всю землю противъ него, какъ противъ мерзкаго выродка и врага отечества, его самого казнить, а имущество его взять на имя короля, уплативъ предварительно убытки пострадавшему. А чтобы столь строгая экзекуція не разразилась надъ невиннымъ, предписывается точно также поступать съ клеветниками. Наконецъ, требуется чтобы каждый, въ силу своего шляхетскаго долга, былъ готовъ при нуждѣ явиться всюду, куда прикажетъ воевода.»

Такъ древняя идея предковъ о страшной справедливости, немыслимой въ благоустроенномъ государствѣ, воскресла въ Польшѣ во второй половинѣ XVI вѣка, среди крайней неурядицы. Уже никогда болѣе она не погружалась въ забвеніе, какъ почти всѣ начала, выработанныя Поляками въ критическій моментъ ихъ исторіи, описываемый нами. Каптуровые суды, которые, при быстромъ замѣщеніи одного Ягеллона другимъ, не требовались въ теченіе двухъ столѣтій, съ 1572 года втрѣчаются все чаще, становятся необходимымъ учрежденіемъ въ шаткомъ строѣ несчастнаго государства *.

---

* Въ поясненіе вышесказаннаго приводимъ нѣсколько подробностей о каптуровыхъ судахъ и вообще о судебной организаціи въ Рѣчи Посполитой.

Какъ вездѣ, въ Польшѣ первоначально эта организація была весьма проста. Король былъ носителемъ судебной власти, какъ и всякой другой.

Вопросомъ о каптуровыхъ судахъ не исчерпывается дѣятельность кольскаго сеймика. Изъ его постановленій мы знаемъ

Только въ силу необходимости и своей милости, онъ поступался этою властію въ пользу воеводъ, каштеляновъ, старостъ и нѣкоторыхъ спеціальныхъ судей, изъ которыхъ составлялись *земскіе* или шляхетскіе суды (judicium terrestre) во всѣхъ воеводствахъ и повѣтахъ. Они дѣлились на *малыя вѣча* или *рочки* для бѣдной шляхты, и на *великія вѣча* или *роки* для богатой и государственныхъ имуществъ. Тутъ шляхтѣ было полное раздолье. Она сама избирала судей, сама распоряжалась дѣлами сама и портила ихъ. Обыкновенно отвѣтчики избивали до полусмерти вознаго, который объявлялъ позывъ къ суду; такъ что возные стали, наконецъ, ѣздить въ сопровожденіи нѣсколькихъ шляхтичей.

Земскіе суды вѣдали только гражданскія дѣла. Уголовныя же разбирали старосты въ судахъ, носившихъ названіе *городскихъ* (judicia castrensia capitanealia). Въ теченіи XIV и XV вѣковъ въ этой судебной организаціи замѣчается стремленіе къ усложненію, къ реформамъ, соотвѣтствующимъ государственному и соціальному развитію страны. По мѣрѣ своего усиленія, шляхта старается захватить въ свои руки судебную власть. Судьи становятся все болѣе независимыми отъ короля. Въ то же время, какъ это было вездѣ въ Европѣ, съ расширеніемъ населенія, границъ и государственныхъ потребностей выступаетъ принципъ раздѣленія труда въ органахъ политической власти. Судебная сфера принимаетъ все болѣе полный и опредѣленный видъ и выдѣляется все рѣзче изъ остальныхъ. Почти половина вѣчевыхъ дѣлъ съ законодательнымъ характеромъ отходитъ къ сеймикамъ и сеймамъ. Затѣмъ, какъ только государственные чины добились участія въ законодательствѣ, они тотчасъ стали прибирать къ своимъ рукамъ и высшее судопроизводство. Вслѣдствіе этихъ причинъ, къ концу XV и началу XVI вѣка, физіономія судебнаго быта въ Польшѣ измѣнилась. Прежніе суды образовали нисшую инстанцію. Для аппеляцій на ихъ приговоры были устроены *генеральныя вѣча* (иначе colloquia). Высшую инстанцію составляли суды *сеймовые* (на сеймѣ судилъ король сообща съ сенаторами, а съ конца XVI вѣка и со шляхтой) *и задворные* (или королевскіе, дѣлившіеся на ассесорскіе и реляційные). Но генеральныя вѣча влачили очень жалкое существованіе въ XVI вѣкѣ: Сигизмундъ-Августъ былъ принужденъ въ 1550 году потребовать, чтобы они собирались покрайней мѣрѣ два раза въ годъ. Плохо исполняли свои обязанности и суды высшей инстанціи, особенно задворные. При Сигизмундѣ-Августѣ челобитчикамъ приходилось подолгу и безплодно ожидать рѣшеній: король судилъ очень лѣниво, рѣдко, отговариваясь то частыми от-

еще два весьма интересныя, отмѣченныя провинціальнымъ и католическимъ характеромъ. Во-первыхъ, судамъ поручено было

лучками въ Литву, то нездоровьемъ, то необходимостью отдыха. Поэтому около описываемаго нами времени настаетъ новая эпоха въ исторіи польскаго судоустройства. Уже въ 1563 году, съ согласія государственныхъ чиновъ, Сигизмундъ-Августъ разрѣшилъ установить во всѣхъ воеводствахъ временные суды для разбирательста извѣстныхъ тяжбъ въ послѣдней инстанціи. Въ описываемое безкоролевье подобные суды явились во многихъ воеводствахъ. Генрихъ анжуйскій, при вступленіи на престолъ, присягнулъ въ томъ, что не коснется ихъ. Эти-то суды были поводомъ къ установленію общихъ аппеляціонныхъ судовъ. Они явились при Стефанѣ Баторіи, въ 1578 году, по ниціативѣ Яна Замойскаго, подъ названіемъ *трибуналовъ* (tribunalia summa), для Великой (въ Пѣтрковѣ) и Малой (въ Люблинѣ) Польшъ. Въ 1581 году былъ написанъ на русскомъ языкѣ уставъ трибунала для Литвы (въ Вильнѣ, Новогродкѣ или Минскѣ). Трибуналы состояли изъ свѣтскихъ и духовныхъ судей. Свѣтскихъ ежегодно избирала шляхта на своихъ сеймикахъ, по два изъ каждаго воеводства, иногда большинствомъ голосовъ, иногда всеобщимъ согласіемъ; конечно, рѣдко являлись судьи изъ тѣхъ воеводствъ, гдѣ господствовала послѣдняя система. На приговоръ трибуналовъ не допускалось аппелировать ни въ задворные, ни въ сеймовые суды. Такъ какъ въ трибуналы поступали аппеляціи на рѣшенія всѣхъ судовъ низшей инстанціи, то генеральныя вѣча прекратились сами собою.

Такимъ образомъ, уже около половины XVI вѣка, королевская власть утратила почти все свое прежнее вліяніе на судебную сферу. Воспоминаніе о могуществѣ этой власти выражалось здѣсь лишь въ томъ, что она продолжала считаться источникомъ справедливости. Всякій судъ творился отъ ея имени; со смертію короля закрывались всѣ обыкновенные суды и открывались вновь лишь по обнародованіи эдикта о коронованіи новаго короля. И это въ тѣ минуты, когда особенно требовалось дѣйствіе власти, карающей преступленія! Эта потребность нашла исходъ въ учрежденіи *каптуровыхъ судовъ*. Ихъ названіе происходитъ отъ польскаго слова *Kaptur* (лат cucullus)— головной уборъ, которое (не разъяснено почему?) съ конца XIV вѣка стало означать конфедерацію, союзъ государственныхъ чиновъ для охраненія ихъ свободы и безопасности страны. Они были двухъ разрядовъ. *Общіе* (judicium capturale generale) составлялись на избирательномъ сеймѣ изъ сенаторовъ и шляхты и разсматривали важнѣйшія изъ уголовныхъ преступленій. *Частные* (judicium capturale particulare) установлялись въ каждомъ воеводствѣ

вѣдать только уголовныя преступленія противъ частныхъ лицъ и ихъ имуществъ. А кто касался государственныхъ имѣній, того управляющій ими долженъ былъ призвать къ примасу или ближайшему епископу, который обязывался тотчасъ послать къ преступнику требованіе выбраться изъ чужаго владѣнія въ теченіе двухъ недѣль и вознаградить нанесенный ущербъ. Непослушнаго предписывалось вездѣ объявить врагомъ отечества посредствомъ открытаго окружнаго письма ко всѣмъ воеводамъ. Воеводы должны были извѣстить объ этомъ каштеляновъ, а

и повѣтѣ изъ судей и писарей, избираемыхъ шляхтою большинствомъ голосовъ. Они дѣйствуютъ въ назначенныхъ ею мѣстахъ въ теченіе всего безкоролевья, до коронаціи новаго короля, кромѣ трехъ недѣль до и послѣ избирательнаго сейма и всего времени его засѣданій. Частные каптуровые суды вѣдали только уголовныя дѣла, изъ которыхъ еще не приведенныя въ исполненіе передавались, по прекращеніи безкоролевья, частію въ городскіе суды, частію въ трибуналы. Безопасность каптуровыхъ судовъ была также торжественно обезпечена, какъ и неприкосновенность трибуналовъ. Въ городѣ, гдѣ засѣдалъ каптуровый судъ, запрещалось ходить въ сопровожденіи *болѣе* 50-ти человѣкъ свиты, носить заряженное ружье, а тѣмъ паче стрѣлять или вызывать на поединокъ. Отвѣтчику дозволялось являться въ судъ не болѣе какъ съ тремя товарищами, и то невооруженными (впрочемъ, сабля и мечъ не считались оружіемъ). Публика не допускалась въ засѣданіе. Съ покрытыми головами имѣли право быть только судьи и тѣ, кому они позволятъ. Каптуровые суды впервые организовавшіеся въ описываемое безкоролевье, были формально утверждены по смерти Стефана Баторія на генеральной конфедераціи въ 1587 году. Въ этой формѣ, съ неважными измѣненіями или, скорѣе, поясненіями, они сохранились во все время существованія Рѣчи Посполитой. Къ несчастію для нея, чѣмъ дальше, тѣмъ они требовались чаще и принимали значеніе необходимаго, органическаго учрежденія. Лишь незадолго до кончины Польскаго государства появился въ его уложеніи (*Vol. leg.* VII 291, конституція чрезвычайнаго варшавскаго сейма въ 1768 году) законъ, который отмѣнялъ каптуровые суды обоихъ разрядовъ и возстановлялъ на время безкоролевья всѣ обыкновенные суды, за исключеніемъ, конечно, задворныхъ. *Lengnich*, II, 3 и IV, 13 (въ пол. перев. стрр. 34—35, 444 sqq) —Hartknoch: *De republica polonica*, ed. sec., Francof. et Lips. 1687, II. pass.

эти — вывести изъ своихъ повѣтовъ всю шляхту противъ обвиняемаго. Такимъ образомъ, духовенство и въ эпоху неурядицы старалось доказать, что источникомъ судебной власти служатъ не только король и шляхта, но и оно. Другое любопытное рѣшеніе, принятое въ Колѣ, состояло въ слѣдующемъ. «Видя, какою опасностію грозило-бы Рѣчи Посполитой и шляхетской вольности избраніе пана одною частію или посаженіе его на тронъ силою нѣкоторыхъ лицъ, а также слѣдуя нашимъ предкамъ и придерживаясь ихъ давней конфедераціи, всѣ мы, со всѣхъ великопольскихъ земель, обѣщали другъ другу честью и благороднымъ шляхетскимъ словомъ такого не признавать паномъ и не повиноваться ему. Напротивъ, мы обязались даже всѣ возстать противъ тѣхъ, которые дерзнули-бы на такое дѣло, какъ противъ нарушителей правъ и свободъ коронныхъ, мстить имъ лишеніемъ жизни и имѣній, не допускать, чтобы были попраны и разрушены всѣ наши права и вольности, добытыя кровью нашихъ предковъ». Всѣ эти кровавыя мѣры были приняты въ Колѣ всѣми единодушно, «съ великимъ крикомъ».

Когда, такимъ образомъ, на этомъ замѣчательномъ сеймикѣ вполнѣ открылось ужасающее положеніе Рѣчи Посполитой, примасъ счелъ необходимымъ защищаться, стряхнуть съ себя обвиненіе въ проволочкѣ времени, свалить его на голову враговъ. Но у Малополянъ явился здѣсь защитникъ, Вацлавъ Остророгъ, ѣздившій въ Осѣкъ отъ имени радзѣевскаго съѣзда. Тамъ паны поручили ему свои интересы Въ длинной рѣчи онъ отстаивалъ ихъ патріотизмъ и невинность; заявилъ, что Малополяне «всегда слушаются приказаній архіепископа, какъ примаса королевства, и сразу прибыли-бы на сеймъ въ Ловичъ, еслибы архіепископъ извѣстилъ ихъ о его назначеніи» [10]). Но лучше всякихъ словъ поддержало Малополянъ фактическое доказательство ихъ любви къ отечеству. Въ Коло явились послы изъ Осѣка. Они привезли

радостную вѣсть: малопольскіе паны собрались уже въ Волю, и не одни, а съ русскими сенаторами.

Дѣйствительно, этотъ поступокъ Малополянъ можно было считать самопожертвованіемъ. Кромѣ гордости, они должны были побѣдить въ себѣ чувство страха. Ихъ смущалъ слухъ о кольскомъ сеймикѣ. Родныя дѣти Польши, они понимали, что̀ могло произойти изъ этого. Вотъ почему они убѣдительно просили Великополянъ прервать кольскія совѣщанія и поспѣшить въ Волю, чтобы имъ, Малополянамъ, столько уже изъѣздившимъ, «не колотиться еще по далекой дорогѣ.» Ихъ предчувствія не замедлили оправдаться. Они еще тащились по неудобному пути въ Волю, какъ вдругъ были остановлены тревожнымъ извѣстіемъ. Ихъ настигъ гонецъ отъ примаса съ увѣдомленіемъ, что съѣздъ изъ Воли переносится въ Коло, куда они и приглашаются Въ то же время ихъ челядинцы, отправленные въ Волю впередъ для заготовленія квартиръ, выѣхали къ нимъ на встрѣчу съ объявленіемъ, что тамъ ничего нѣтъ, не существуетъ и самого примаса. Путешественники съ самымъ важнымъ среди нихъ, епископомъ краковскимъ, предвидя бѣду, а быть-можетъ, радуясь случаю избѣжать униженія, тотчасъ повернули во-свояси. Но за ними въ догонку уже летѣли письма изъ Воли отъ опередившихъ ихъ воеводъ краковскаго, сандомірскаго и подольскаго. Они настоятельно призывали ихъ въ Волю. Путники должны были вернуться и около 17 октября прибыли туда.

Но этимъ не окончились ихъ испытанія. Не успѣли они отдохнуть и сообразить, что̀ дѣлать далѣе, какъ пришелъ отвѣтъ кольскихъ пановъ на письмо, отправленное ими изъ Осѣка. Онъ запутывалъ дѣло еще болѣе. Великополяне, заявляя свою искреннюю радость о наступающей «згодѣ», сообщали, что вдругъ прервать уже открывшійся сеймикъ невозможно. Сверхъ того они опредѣлили не ѣхать въ Волю и не сидѣть въ Колѣ, а, по

окончаніи сеймика, двинуться въ Ленчицу *, куда приглашались также паны Малой Польши и Руси, которыхъ всѣ будутъ ждать тамъ до 20 октября. Этого новаго искушенія не могла вынести гордость послѣднихъ: и всякому терпѣнію бываетъ конецъ. Они сильно обидѣлись. «Отъ нихъ всего семь миль до Ленчицы, шумно роптали они, а отъ насъ шестнадцать. Времени у насъ очень мало. Да это и оскорбительно; уже не говоря о заразѣ и разныхъ другихъ затрудненіяхъ.» Много разсуждали въ этомъ смыслѣ паны въ Волѣ. Наконецъ, къ панамъ въ Колѣ, которые перебрались между тѣмъ въ Ленчицу, отправили депутацію, съ Петромъ Зборовскимъ во главѣ. Она объявила, что Малополяне не явятся въ Ленчицу и просятъ Великополянъ «подвинуться куда-нибудь поближе къ Волѣ, куда не далеко было-бы всѣмъ ѣхать и гдѣ не очень опасно отъ повѣтрія, напримѣръ, въ Каски.» Зная очень хорошо, что если пошло на перекоры и требованія, то одинъ Полякъ не уступитъ другому, Малополяне и Русскіе, желая какъ-нибудь завершить, наконецъ, дѣло, уполномочили свою депутацію на важный шагъ. Если Великополяне не согласятся насчетъ Касокъ, то, вмѣстѣ съ ними и съ согласія Литвы и Пруссіи, опредѣлить какой-нибудь другой терминъ для общаго съѣзда, который предшествовалъ-бы избирательному.

Томительный вопросъ близился къ разрѣшенію. То, что обыкновенно совершаютъ прочныя учрежденія, нравственная сила, политическій смыслъ, въ Рѣчи Посполитой создавали всеобщая усталость, душевное разслабленіе. Спустя нѣсколько дней, въ Волю прибылъ гонецъ отъ малопольской депутаціи. Онъ привезъ письмо, отъ котораго у всѣхъ просіяли лица. Съ неподдѣльною радостью, депутаты такъ извѣщали о великомъ исходѣ дѣла: «Мы условились съ Великополянами объ общемъ съѣздѣ

* Между Варшавой и Коломъ лежали *Ленчица* и *Каски*, первая въ семи миляхъ отъ Кола, вторые въ пяти миляхъ отъ Варшавы.

въ Каскахъ на 25 октября. Большая надежда на единодушіе. Великополяне оказываются гораздо лучшими, чѣмъ думали о нихъ. Мы уничтожили въ ихъ умахъ не мало подозрѣній, ихъ тяготившихъ; хотя, правда, сомнѣнія еще не всѣ исчезли»[11]). Польская нація осталась вѣрна своему живому, впечатлительному характеру. Стоило людямъ враждебныхъ партій два слова переговорить лично — и все успокоилось, и наверхъ всплыло столько надеждъ и радостнаго единодушія!....

Въ назначенный срокъ въ коронной деревушкѣ Каскахъ, состоялось чисто-сенаторское собраніе. Сюда наѣхали паны не только изъ обѣихъ Польшъ, но также изъ Руси и Мазовіи, слѣдовавшихъ всегда за ними, какъ хвосты за кометами. Правда, отсутствіе меньшей братіи и пословъ Литвы могло служить печальнымъ предзнаменованіемъ. Но оно не смутило польскихъ пановъ, торжествовавшихъ свою «сгоду». Касскій съѣздъ присвоилъ себѣ верховное значеніе. Онъ рѣшилъ иностранныя дѣла и связанную съ ними судьбу королевны Анны. Къ ней въ Ломжу былъ отправленъ Карнковскій. Почуявъ свою соединенную силу, Польша на касскомъ съѣздѣ впервые заговорила языкомъ твердымъ, достойнымъ самостоятельной державы. Она смѣло выгнала иностранцевъ изъ своихъ предѣловъ и прикрѣпила къ одному мѣсту разъѣзжавшихъ по государству чужеземныхъ пословъ. Къ маркграфу бранденбургскому и князьямъ поморскимъ, на безчинія которыхъ жаловалось окрестное польское рыцарство, отправлено посольство съ строгимъ напоминаніемъ о трактатахъ, заключенныхъ между ними и Рѣчью Посполитой. Пруссіи было объявлено, что Польское королевство не замедлитъ отплатить ей достойно за обиды, если она не поспѣшитъ загладить ихъ. Въ то же время было обращено серьёзное вниманіе на законодательство и финансы. Мысль кнышинскаго съѣзда не пропала даромъ. Въ подражаніе ему, теперь назначили законодательную коммиссію съ тѣми же правами и

изъ тѣхъ же лицъ. Точно такъ же отъ всѣхъ гражданъ потребовали доставить на сеймъ имѣющіяся у нихъ метрики и привилегіи. Въ Тыкочинъ послали двухъ важныхъ пановъ привезти оттуда различные акты, необходимые для избранія, скрытые тамъ по приказанію Сигизмунда-Августа. Только одна важная прибавка была сдѣлана къ кнышинскому постановленію, очевидно, подъ вліяніемъ Великополянъ. Всякому шляхтичу дали право заявлять по желанію свое мнѣніе о законахъ на предстоящемъ сеймѣ. Для пріобрѣтенія денегъ, которыми совершенно оскудѣла коронная казна, впервые была принята рѣшительная мѣра. Всѣмъ безъ изъятія плательщикамъ налоговъ приказано было въ четыре недѣли сполна внести въ казну слѣдуемыя съ нихъ суммы «за весь годъ». Властямъ, расходовавшимъ казенныя деньги, велѣно было явиться на ближайшій сеймъ и дать точный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Само собою разумѣется, что сверхъ того, для защиты государства отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, было объявлено «посполитое рушенье». Но, какъ мы видѣли, всѣ подобныя распоряженія въ Польшѣ легко могли не имѣть иного значенія, кромѣ бумажнаго. Съѣздъ въ Каскахъ обезсмертилъ себя въ исторіи Рѣчи Посполитой не ими, а окончательнымъ и небывалымъ рѣшеніемъ избирательнаго вопроса. Онъ назначилъ всепольское собраніе въ Варшавѣ на Крещеніе. Сюда призывались всѣ сенаторы, не выключая даже ливонскихъ. Не была забыта и меньшая братія. Каждому воеводѣ приказано было собрать шляхту своего воеводства на сеймикъ одновременно по всему государству, въ день св. Люціи (13 декабря). Тамъ она должна была опредѣлить свои желанія, которыя будутъ заявлены въ Варшавѣ черезъ депутатовъ, выбранныхъ ею въ числѣ двухъ человѣкъ изъ каждаго воеводства[12]).

Этимъ собраніемъ вводился новый элементъ въ политическій бытъ Рѣчи Посполитой. Оно должно было составить эпоху въ исторіи ея обильныхъ безкоролевій, послужить примѣромъ для

будущаго. То не былъ сеймъ избирательный или обычный генералный. Нація признала его исключительность, назвавъ его небывалымъ именемъ *конвокаціоннаго*. Это новое историческое явленіе было важнымъ пріобрѣтеніемъ для Поляковъ. Для нихъ особенно много значило имѣть опредѣленную политическую форму, въ которую облекались-бы важнѣйшія дѣла въ эпоху безначалія. Конвокація была необходима, какъ гарантія лучшаго выбора короля. Здѣсь должны были предварительно выясниться желанія всѣхъ частей государства, установиться формальности акта избранія, подготовиться или и совсѣмъ очиститься общіе политическіе вопросы, которые обыкновенно мѣшали трудному и страстному дѣлу выбора новаго короля. Съ этой минуты Рѣчь Посполитая могла надѣяться, что столь печальное полугодіе, какъ описанное нами, не повторится болѣе, что хотя одна изъ пагубныхъ недомолвокъ въ ея законахъ устранена. Съ этою радостною вѣстью спѣшили въ Литву Петръ Зборовскій, въ Пруссію, Русь и Ливонію другіе сановники; а въ остальныя земли Рѣчи Посполитой были отправлены обычные универсалы.

Главный вопросъ былъ рѣшенъ. Страсти затихали. Все успокоивалось подъ миротворнымъ вліяніемъ наставшей «згоды». Въ первый разъ въ своей жизни Станиславъ Карнковскій собственноручно писалъ къ своему заклятому врагу, Яну Фирлею, и писалъ точно сердечный другъ. Сообщая ему важное извѣстіе объ изобличенныхъ тайнахъ иностранной интриги, онъ просилъ его о «секретныхъ» взаимныхъ сношеніяхъ; заявлялъ свою радость, что любовь къ отчизнѣ примирила ихъ; увѣрялъ, что «въ его душѣ вражда смертна, а дружба безсмертна» [13]). Этимъ же миротворнымъ духомъ проникнуто его посланіе къ мазовецкой шляхтѣ. «Какъ любящій братъ, гласило оно, какъ честный человѣкъ, выражаю мою радость, что не даромъ мы, сенаторы, и вы, подъ нашими внушеніями и руководствомъ, составляли столько собраній. Съ полнымъ единодушіемъ и со-

гласіемъ разошлись мы со съѣзда въ Каскахъ. Не наши злонамѣренность и нерадѣніе виноваты въ проволочкѣ дѣла и въ смутахъ послѣдняго времени. Всему причиною была невозможность общихъ мѣропріятій и взаимныхъ соглашеній. Но если вы, въ часы этого всеобщаго взаимнаго непониманія, всегда стояли, по обычаю предковъ, за рѣшенія Великой Польши, то, повѣрьте, вы тѣмъ утѣшали равно всѣхъ Поляковъ, и дольныхъ и горныхъ. Ибо, хотя мы и различаемся по названіямъ и областямъ, но составляемъ единое цѣлое и осѣнены твердою божественною надеждой, что среди насъ, связанныхъ неразрывными узами, никогда не возродятся расколъ, разногласіе »[14]).

Еще замѣтнѣе проявилось это настроеніе въ томъ, что самые безхарактерные, боязливые вдругъ зашевелились. Яковъ Уханскій вообразилъ, что теперь вся Польша станетъ за его успокоительныя намѣренія. Его душа озарилась рѣшимостью сбросить съ себя иго Станислава Карнковскаго, осуществить великую мечту, которая «уже издавна не переставала сокрушать его сердце» [15]), которую нѣкогда лелѣялъ самъ Сигизмундъ-Августъ. Онъ пожелалъ внести примиреніе и въ религіозный бытъ своего отечества, составить одновременно съ конвокаціей провинціальный синодъ въ Варшавѣ — церковное *всепольское* собраніе въ параллель съ предстоявшимъ политическимъ. Онъ видѣлъ необходимость предварительно устроить эпархіальные синоды, значеніе коихъ соотвѣтствовало-бы сеймикамъ передъ конвокаціей. Въ своемъ архіепископствѣ онъ уже назначилъ синодъ; и разослалъ въ другія эпархіи Великой Польши требованіе о томъ же. А между тѣмъ онъ отправилъ объясненіе къ Станиславу Карнковскому. Примасъ заранѣе оправдывался, выставляя интересы католичества и требованія своихъ сослуживцевъ, капитула гнѣзненской церкви. Онъ говорилъ: «Всѣ желаютъ, просятъ и умоляютъ всѣми святыми, чтобы церковь была извлечена изъ столь печальнаго положенія и упрекаютъ насъ въ мол-

чаніи, когда другіе (еретики) требуютъ своихъ правъ. Лучшее средство для этого мною указываемое. Оно же вполнѣ согласно съ обычаями предковъ. Въ старину спорныя дѣла, гдѣ были замѣшаны равно и духовные и свѣтскіе чины, обсуждались на сеймѣ при посредствѣ синода». Мысль примаса о соединеніи духовныхъ дѣлъ съ политическими, о разрѣшеніи ихъ на конвокаціи, гдѣ соберутся вожди протестантизма; его желаніе создать религіозный миръ, немыслимый безъ уступокъ со стороны католичества; наконецъ, его небывалая смѣлость и самостоятельность, — все это сильно встревожило Станислава Карнковскаго. Онъ тотчасъ же отвѣчалъ ему грознымъ протестомъ, который поясняется одновременнымъ письмомъ его къ кардиналу Гозію. Оно хорошо рисуетъ нравственное состояніе польскаго латинства того времени. «Самовольно назначая синодъ, безъ согласія остальнаго духовенства, вопреки обычаямъ предковъ, примасъ *заставляетъ* насъ вступить въ серьёзнѣйшую борьбу съ противниками, выбравъ для того самое неудобное для насъ время и мѣсто. Скажите, когда же и гдѣ, какъ не въ эпоху безкоролевья, какъ не на сеймѣ, наиболѣе развивается своеволіе, могущество нашихъ враговъ? Мы готовы не только спорить, но даже пролить кровь за права нашей церкви. Но иное дѣло бороться путемъ протестовъ, иное вызывать врага на бой. Нѣтъ, еслибы даже онъ вызвалъ насъ, и тогда намъ слѣдовало-бы воздержаться отъ битвы, пока не будетъ избранъ король-католикъ. А теперь чего ожидать хорошаго? Намъ, безоружнымъ, разрозненнымъ и вялымъ, придется выдержать борьбу съ врагомъ вооруженнымъ и единодушнымъ. Мы собственноручно доставимъ имъ важную побѣду, предадимъ дѣло Господа» [16]). Этого мало. Епископъ куявскій обратился за помощію къ папскому легату, который поддержалъ его, хотя не далѣе, какъ въ іюлѣ, самъ размышлялъ подобно Уханскому, только по другимъ мотивамъ [17]).

Поступки Станислава Карнковскаго всего лучше доказываютъ, что такое польская «сгода». Повидимому, какъ глубоко радовался онъ ей. На дѣлѣ же первый жестоко измѣнялъ ей. За нѣсколько дней передъ описываемой минутой тою же рукой, которою такъ задушевно писалъ къ Яну Фирлею, онъ соединялъ въ своемъ домѣ руки католическихъ заговорщиковъ. Нѣсколько воеводъ старой вѣры, съ Петромъ Зборовскимъ во главѣ, поклялись передъ нимъ работать сообща, единодушно [18]). Далѣе, въ томъ же мирномъ посланіи къ Мазовшанамъ, о которомъ мы упомянули выше, Карнковскій сѣялъ сѣмена раздора, развивая гигантскую теорію прерогативъ примаса, Великой Польши, духовенства и требуя, чтобы Мазовшане защищали ее всѣми мѣрами. Сверхъ того онъ вложилъ въ посланіе важную секретную записочку, въ которой совѣтовалъ настаивать, чтобы избраніе происходило въ Варшавѣ или близь нея, и нигдѣ болѣе. Такимъ образомъ онъ разрушалъ мысль о религіозномъ мирѣ и согласіи, которая не разъ безплодно возникала въ Польшѣ въ эпоху реформаціи. Какъ-будто безъ осуществленія этой мысли могла быть другая тишина, кромѣ могильной, что водворяется среди развалинъ!

Но если епископъ Куявскій первый нарушалъ общее согласіе, то онъ далеко не былъ послѣднимъ. Въ хаотической Польшѣ «сгода» всегда была мимолетною мечтой. Она и теперь лишь на мгновеніе озарила страницу польской исторіи, какъ-будто для того, чтобы сильнѣе оттѣнить картину всеобщаго раздора, послѣдовавшаго немедленно. Какъ только благовѣстъ о «сгодѣ» раздался по всѣмъ землямъ Рѣчи Посполитой, тотчасъ, въ отвѣтъ ему, въ нихъ поднялся шумъ, распространилось суетливое движеніе. Почти по всѣмъ воеводствамъ открылись сеймики, куда валила гнѣвная, подозрительная шляхта. Здѣсь обрисовались мѣстные интересы, своеобразный характеръ составныхъ частей обширнаго государства.

Въ послѣднихъ числахъ 1572 года великопольская шляхта собралась въ Шродѣ въ присутствіи воеводы калишскаго, трехъ каштеляновъ и референдарія. Она выбрала четырехъ земскихъ пословъ (депутатовъ) на конвокацію, двухъ каштеляновъ, старосту и подчашаго. Затѣмъ потребовала, чтобы сенаторы и герцогъ прусскій, «если это касается его,» немедленно назначили избирательный сеймъ; чтобы установили точный порядокъ избранія; чтобы съ нѣкоторыхъ сенаторовъ, особенно съ епископа и воеводы краковскихъ, была взыскана сумма, оставшаяся по смерти короля въ Кнышинѣ и беззаконно растраченная ими. Брестъ-куявская и иновлоцлавская шляхта устроила сеймикъ въ Радзѣёвѣ, также избрала пословъ на конвокацію и снабдила ихъ слѣдующими инструкциями: въ выборѣ короля участвовать какъ всѣмъ сенаторамъ, такъ и всей шляхтѣ, причемъ свита не должна превышать обыкновенныхъ размѣровъ; немедленно выпроводить изъ государства иностранныхъ пословъ; войско привести къ присягѣ Рѣчи Посполитой; съ горожанъ, поселянъ и даже королевны, если она получитъ наслѣдство, какъ надѣется, собрать въ опустѣвшую казну чрезвычайныя подати; составить форму присяги, которая обязала-бы короля не нарушать политическихъ учрежденій Рѣчи Посполитой и религіозной свободы, наилучше организовать «посполитое рушенье» и раздавать государственныя имѣнія только съ согласія сейма [19]). Мазовшане составили сеймикъ 15 ноября въ деревушкѣ Гроховѣ, на которомъ приняли рѣшенія, напоминающія знаменитый кольскій сеймикъ.

Конечно, не дремала и малая Польша. Здѣсь было очень шумно. Припомнимъ, что еще на осѣцкомъ съѣздѣ (стр. 134) малопольскіе сенаторы предусмотрительно назначили сеймикъ для воеводствъ краковскаго, сандомірскаго и люблинскаго въ Полянцѣ въ началѣ ноября *. Но, сверхъ ожиданія, они были

* *Полянецъ* — городокъ близь Вислы въ сандомірскомъ воеводствѣ.

задержаны описанною гоньбою за примасомъ и Великополянами и не могли къ сроку пріѣхать въ Полянецъ. Краковскій и люблинскій воеводы поспѣшили отмѣнить сеймикъ. Но сандомірскій воевода, занятый въ это время въ Литвѣ, не могъ сдѣлать того же. И вотъ, 4 ноября сандомірская шляхта привалила въ Полянецъ въ большомъ числѣ, съ двумя каштелянами, не ѣздившими въ Волю, радомскимъ и завихостскимъ. Сюда же прибыли безъ всякаго приглашенія паны и шляхта земель русской, волынской и подольской. Два дня поджидали гостей изъ другихъ горныхъ земель, но тщетно. А между тѣмъ узнали о печальномъ положеніи юго-восточныхъ границъ, а также венгерскихъ и силезскихъ, откуда солдаты прислали жалобу на неуплату имъ жалованья и грозили разбѣжаться. Полянецкій сеймикъ, которому, къ крайнему его удивленію, пришлось рѣшать общегосударственный вопросъ, сдѣлалъ, что̀ могъ. Онъ отправилъ къ пограничнымъ отрядамъ универсалы съ обѣщаніемъ, что «будущій» сеймикъ уплатитъ имъ долгъ, прося не покидать до тѣхъ поръ своихъ постовъ. Затѣмъ сандомірская шляхта разозлилась на своихъ малопольскихъ пановъ, мудро сообразивъ, что ея неудача—ихъ коварная продѣлка. Она отправила къ нимъ письмо съ угрозами. Въ немъ говорилось: «Мы приписываемъ ваши поступки только тому, что вы мало уважаете насъ, вашу младшую братію, и не признаете за нами права разсуждать и произносить приговоры о нуждахъ Рѣчи Посполитой. Одни, безъ васъ, мы не рѣшились взяться за дѣла. А такъ какъ вы видите, сколько опасностей грозитъ намъ, когда нѣтъ пана и Рѣчь Посполитая остается безъ головы, то просимъ васъ, какъ нашу старшую братію, и напоминаемъ вамъ, что-бы вы, безъ дальнѣйшихъ проволочекъ, назначили терминъ, въ который всѣ мы могли-бы соединиться съ вами для избранія новаго короля. А такъ какъ намъ нужно позаботиться объ охраненіи внѣшняго и внутренняго мира, о самомъ способѣ избранія короля, и о мно-

гихъ другихъ важныхъ дѣлахъ, то просимъ назначить сеймикъ для всѣхъ насъ, Малополянъ, въ теченіе четырехъ недѣль. Въ противномъ случаѣ, предупреждаемъ васъ, мы согласились сами снова собраться здѣсь, въ Полянцѣ, недѣли черезъ три. Наши братья-паны изъ земель русскихъ, волынскихъ и подольскихъ обѣщали, въ свою очередь, прибыть къ намъ къ тому времени» [20]).

Но сандомірской шляхтѣ не пришлось исполнить эту послѣднюю угрозу. Вскорѣ Полянецъ былъ во власти свирѣпой язвы. Въ то же время отозвался возвратившійся изъ Литвы Петръ Зборовскій. Онъ прислалъ универсалъ къ своей шляхтѣ съ своимъ зятемъ, Іеронимомъ Оссолинскимъ, каштеляномъ сандомірскимъ. Воевода сандомірскій объявлялъ рѣшеніе о воеводскихъ сеймикахъ, принятое въ Каскахъ и просилъ свою шляхту «не полѣниться пріѣхать въ здоровую Вислицу * ко дню св. Люціи.» Этотъ сеймикъ, общій для земель краковской и сандомірской, состоялся. Онъ примирилъ обѣ Польши тѣмъ, что принялъ конфедерацію, установленную на съѣздѣ въ Краковѣ, и дополнилъ ее каптуровыми судами, учрежденными въ Колѣ. Впрочемъ, онъ заявилъ при этомъ свое творчество нелѣпою прибавкой, которая подрывала значеніе новыхъ судовъ. Она заключалась въ томъ, что если шляхта, поднятая судьями для исполненія приговора надъ преступникомъ, «найдетъ его невиннымъ, то онъ освобождается, а истецъ и судьи должны устыдиться.» Касательно «свободнаго и согласнаго» выбора короля и признанія его лишь по утвержденіи имъ польскихъ правъ рѣшено было также, какъ и въ Великой Польшѣ. Изъ той и другой земли было выбрано по три посла на конвокацію. Для нихъ составлена любопытная

---

* *Вислица*—городъ на границѣ краковскаго и сандомірскаго воеводствъ, при р. Нидѣ, притокѣ Вислы

инструкція. Они должны были соглашаться на «поборъ»* лишь въ томъ случаѣ, если его назначатъ *всѣ* воеводства, притомъ въ размѣрѣ «послѣднихъ квитанцій или меньше, но никакъ не больше,» и съ тѣмъ, чтобы онъ не распространялся на ихъ «бѣдныхъ братій, которые сами пашутъ и не имѣютъ крестьянъ.» Они должны были требовать, чтобы на защиту страны были употреблены доходы «королевскаго стола»**, ко-

* Въ Польшѣ съ незапамятныхъ временъ было бесчисленное множество разныхъ налоговъ. Въ концѣ XIV вѣка, при Людовикѣ венгерскомъ, всѣ они были отмѣнены, за исключеніемъ ежегоднаго *побора* въ два гроша съ участка земли (*лана*). Этотъ налогъ оставался постоянно, но шляхта была освобождена отъ него уже со времени Владислава Ягелла, а при Владиславѣ IV эта льгота распространилась и на ея земли. Въ описываемое безкоролевье польское уложеніе обогатилось закономъ, который отнималъ у короля право назначать какой-либо налогъ, кромѣ побора. Новые налоги сталъ назначать сеймъ, и вскорѣ изъ ихъ названій можно было составить цѣлый лексиконъ. И отъ нихъ шляхта освобождалась. Она участвовала только въ крайнемъ случаѣ, когда собирался *поголовный поборъ* со всѣхъ чиновъ государства. Сборщика побора, которымъ давалась часть его въ награду, избирались сначала королемъ потомъ шляхтою каждаго воеводства.

** Первоначально всѣ доходы страны принадлежали королю; между казною государственною и королевскою не было различія. Но со времени Людовика венгерскаго доходы короля уменьшались все болѣе и болѣе. Поляки принуждены были de facto уступить ему нѣкоторые финансовые источники, которые были признаны за нимъ de jure при Сигизмундѣ III. Они состояли изъ разныхъ земель, пошлинъ, рудъ, копей, и назывались *имуществами королевскаго стола* или *экономіями*. Они были свободны отъ всякихъ налоговъ и повинностей. Власть короля и здѣсь была крайне стѣснена. Онъ не могъ ни увеличивать, ни уменьшать имущества своего стола, не имѣлъ права ни дарить ихъ, ни пользоваться доходами съ нихъ и въ теченіе недѣли безъ разрѣшенія сейма. Въ 1631 году на варшавскомъ сеймѣ было даже постановлено: «Вотчинныя имѣнія могутъ пріобрѣтать посредствомъ покупки или какихъ-либо обязательствъ только тѣ лица, которыя пользуются, безъ всякой преэминенціи, равными и одинакими правами съ другими обывателями нашего государства. Мы (король) сохраняемъ за собою право на имѣнія выморочныя, подаренныя или заложенныя намъ, но съ тѣмъ, что будемъ раздавать ихъ туземной шляхтѣ.» *Vol. leg.* III, 319.

торые собрать немедленно. Завѣщанія короля, о которомъ ходятъ слухи, не вскрывать, пока не съѣдутся всѣ государственные чины. Наконецъ, въ вислицкой инструкціи такъ выразилось сословное, особенно провинціальное настроеніе. «Заявите панамъ-радамъ наше великое сожалѣніе о томъ, что даромъ потрачено столько времени, почему и размножилось столько вредныхъ интригъ въ Рѣчи Посполитой. Пренебрегши закономъ, который ясно говорилъ имъ что̀ дѣлать, они поусердствовали написать множество универсаловъ и постановленій, противныхъ нашему уложенію. Торжественно протестуйте въ томъ смыслѣ, что мы не хотимъ подлежать и повиноваться такимъ универсаламъ и постановленіямъ, противнымъ старымъ правамъ, освященнымъ обычаемъ. Объявите, что, опасаясь за себя и за потомство вредныхъ послѣдствій отъ нихъ въ будущемъ, мы занесемъ наши протесты о нежеланіи повиноваться имъ въ тѣ же акты, въ которыхъ и они записаны. Они сами сознаются, что теперь напали на вѣрный путь: напомните имъ это и попросите ихъ хорошенько держаться его, идя немѣшкотно, не сбиваясь въ ту или другую сторону. Пусть исполнятъ свой долгъ, то-есть, назначатъ намъ избирательный сеймъ. Касательно его мѣста они должны имѣть въ виду законъ и опасность тѣхъ краевъ, которые имъ самимъ извѣстны. Еслибы они вздумали еще оттягивать время избранія, то мы согласимся со всѣми другими нашими братьями съѣхаться вмѣстѣ и дознаться, кому это нужны такія пагубныя проволочки.» Вѣроятно, съ этою цѣлью вислицкій сеймикъ предписалъ составить передъ избраніемъ сандомірскій сеймикъ въ Полянцѣ 26-го января и краковскій въ Прошовицахъ 29-го, «даже въ томъ случаѣ, если къ тому времени паны еще не объявятъ намъ избирательнаго сейма.» Наконецъ, въ инструкціи было сказано: «Выразить нашей младшей братіи изъ краевъ великопольскихъ, что во все это время съ нашей стороны не было никакого повода къ затягиванію

дѣла. Наши паны также все время заботились о скорѣйшемъ успѣхѣ дѣла, за что̀ мы благодаримъ ихъ здѣсь и поручаемъ нашимъ посламъ поблагодарить еще тамъ. Сверхъ того мы поручаемъ имъ дознаться тамъ, кто именно служилъ причиною оттягиванія» [21]).

Около того же времени люблинская шляхта устроила свой сеймикъ. Ея работы выразились также въ инструкціи ея посламъ на конвокацію. Въ ней требовалось, чтобы касскій и всѣ другіе съѣзды, устроенные панами вопреки закону, не считались впредь примѣромъ; чтобы поскорѣе, пока еще не растаяла зима, назначить избирательный сеймъ. «Если паны-рады станутъ оттягивать, то настойте на̀ этомъ, согласившись съ другими земскими послами и съ тѣми изъ самихъ пановъ, которые склонны къ тому. Ручайтесь, что какъ только воевода, а при его нежеланіи, выборные изъ насъ самихъ объявятъ намъ о сеймѣ, мы разомъ ринемся, какъ на войну. Съѣхавшись, мы рѣшимъ тогда, какъ намъ отправляться, всему воеводству или половинѣ его. Лишь только мы двинемся, пограничныя войска должны разойтись по своимъ воеводствамъ». Наконецъ, Любляне весьма ясно выразили свой взглядъ на Великую Польшу. «Всякій, гласила инструкція, долженъ сохранять за собой лишь ту власть, которую имѣлъ при жизни короля. Ибо кто выигрываетъ съ отсутствіемъ короля, тотъ будетъ желать, чтобы его подольше не было. И еслибы кто изъ Великополянъ вздумалъ поднять примаса выше, чѣмъ въ законѣ сказано, то представьте протестъ, соединившись съ другими послами изъ Малой Польши и иныхъ земель» [22]).

Шумно было тогда и въ земляхъ, присоединенныхъ къ Малой Польшѣ, на Червонной Руси. Мы еще ничего не говорили о ея дѣятельности въ описываемое безкоролевье. Тѣмъ яснѣе обрисуются теперь ея интересы въ общемъ очеркѣ всего, что̀ происходило въ ней во второй половинѣ 1572 года.

Червонная Русь, не смотря на свою отдаленность отъ центра политическаго движенія, быстро встрепенулась послѣ смерти Сигизмунда-Августа. Уже 17-го іюля шляхта холмской земли, «по причинѣ отсутствія воеводы русскаго и неизвѣстности о своемъ каштелянѣ, сама учинила себѣ вольный сеймикъ» въ Красноставѣ *. Тутъ была составлена конфедерація или каптуръ для охраненія земскаго мира. Противъ всякаго нарушителя общественнаго спокойствія, «хотя бы онъ мстилъ за крайнюю обиду и былъ вполнѣ правъ,» а также противъ его помощниковъ и укрывателей обязались «подняться всѣ, изловить ихъ, отдать старостѣ подъ арестъ и требовать ихъ наказанія на сеймѣ.» Прослышавъ, будто въ Ловичѣ хотятъ устроить собраніе всѣхъ пановъ и шляхты обѣихъ Польшъ, изъ Красностава послали Яна Сарницкаго заявить коронному съѣзду, «гдѣ бы онъ ни напалъ на него, готовность своихъ согражданъ согласиться съ нимъ насчетъ избирательнаго термина и помочь въ борьбѣ со всеобщими тревогами и опасностями». Другой посолъ былъ отправленъ къ воеводѣ русскому съ требованіемъ, чтобы онъ немедленно назначилъ сначала сеймикъ въ холмской землѣ, а потомъ «посполитое рушенье» всѣхъ другихъ русскихъ земель [23]).

17-го же іюля открылся сеймикъ белзской земли **, позже остальныхъ частей Червонной Руси присоединенной къ Польшѣ. Она была уступлена Ягелломъ мазовецкимъ князьямъ. Поколѣ-

---

* *Красноставъ* (на. р. Вепрѣ, въ люблинской губерніи) былъ тогда однимъ изъ самыхъ укрѣпленныхъ и богатыхъ городовъ Рѣчи Посполитой. Его значеніе поднялось особенно съ конца XV вѣка, когда онъ сталъ резиденціей холмскихъ епископовъ, вмѣсто Грубешова, куда была перенесена епископская каѳедра около половины этого столѣтія. У холмской земли было только два сенатора, епископъ да каштелянъ.

** *Белзъ* — одинъ изъ крайнихъ сѣверныхъ пунктовъ Галиціи. Онъ лежитъ недалеко отъ Буга, между Холмомъ и Львовомъ. Въ XVI вѣкѣ, такъ какъ туда, случалось, достигали татарскія стрѣлы, онъ представлялъ деревянную крѣпость, охраняемую окрестъ-стоящими болотами.

ніе спустя, со смертію бездѣтныхъ Владислава равско-белзскаго и Земовита плоцкаго прекратился родъ этихъ князей, и белзская земля снова отошла къ Польшѣ: белзская унія подписана въ Брестѣ въ 1462 году. Но нѣкоторыя традиціи мазовецкой эпохи сохранились здѣсь еще цѣлое столѣтіе. Именно, въ описываемое время староста белзскій предъявилъ притязаніе управлять въ безкоролевье всею землей на томъ основаніи, что мазовецкіе князья всегда отдавали преимущество старостамъ, по обычаю воспитывавшимъ ихъ дѣтей. Въ 1572 году это притязаніе тѣмъ болѣе грозило опасностію, что старостою белзскимъ былъ знаменитый и уже тогда популярный среди своихъ земляковъ Янъ Замойскій. Къ счастію, онъ былъ настолько великодушенъ, что, для избѣжанія междуусобія, отказался отъ своего притязанія на устройство сеймика въ пользу воеводы белзскаго, Андрея Тенчинскаго. За то онъ сохранилъ за собою все нравственное вліяніе. Рѣшенія белзскаго сеймика — плодъ его усилій и иниціативы. Они были достойны его по своему высокому значенію. Положено было въ теченіе безкоролевья гражданскія дѣла судить уголовнымъ порядкомъ; а за уголовныя преступленія приговаривать къ наказаніямъ вдвое строжайшимъ противъ обыкновеннаго: всѣмъ подниматься, какъ противъ измѣнника, противъ всякаго земляка или сосѣда, который присталъ-бы къ королю, избранному не всѣми чинами по закону, или воспротивился-бы правильно избранному, или свелъ-бы дружбу съ иностранцами, получалъ-бы отъ нихъ деньги и средства. Сверхъ того Белзане подтвердили брестскую унію, торжественно объявивъ, что связь ихъ земли съ Рѣчью Посполитой неразрывна.

Важныя сами по себѣ, постановленія белзскаго сеймика получили особенное значеніе по своему вліянію на русскія земли, недавно похищенныя Польшею у Литвы. Сеймики на Волыни и въ Кіевѣ приняли ихъ безъ измѣненій и ими ограничились. Такимъ образомъ, эти провинціи, объ утратѣ которыхъ постоянно

сожалѣла Литва, теперь ясно выказали антипатію къ ней и сочувствіе къ Польшѣ, ласкавшей ихъ, какъ сторона заискивающая. «Еще не довольно слитыя съ Польскимъ королевствомъ, эти земли, говоритъ осторожный польскій историкъ, принятіемъ польскихъ постановленій, тѣмъ тѣснѣе, повидимому, соединялись съ нимъ» [24]).

Подобное же настроеніе проявилось и въ русскихъ земляхъ, соединенныхъ съ Польшею уже въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ. При первой вѣсти о смерти Сигизмунда-Августа духовные и свѣтскіе сенаторы, чиновники, вся шляхта и города русскаго и подольскаго воеводствъ собрались 31 іюля въ Глинянахъ*. Сюда прибыли даже послы отъ воеводствъ белзскаго и волынскаго. Рѣдкій сеймикъ представлялъ столько энергіи, порядка и единодушія. Тутъ была установлена строгая конфедерація противъ нарушителей земскаго мира съ весьма подробными объясненіями и съ попытками ввести каптуровые суды. Объявляя, что обычное теченіе дѣлъ, какъ личныхъ, такъ и имущественныхъ, не прекращается со смертію короля, русская шляхта выбрала нѣсколькихъ изъ среды себя, которые должны были судить преступниковъ въ случаѣ, если старосты почему-либо не станутъ исполнять своихъ обязанностей. Злодѣемъ и врагомъ отечества былъ объявленъ также всякій, кто осмѣлится дѣйствовать въ ущербъ согласному и общему избранію короля, кто будетъ интриговать, входить въ сношенія съ иностранцами, брать деньги для составленія вооруженной партіи въ чью-либо пользу. «Какъ противъ язвы Рѣчи Посполитой, должно возстать противъ воеводства, земли или повѣта, дерзнувшихъ выбрать себѣ короля отдѣльно. Обѣщаемъ не повиноваться новому королю, пока онъ не утвердитъ нашихъ правъ, старыхъ и новыхъ.» Но во главѣ всѣхъ

---

* *Глиняны* — мѣстечко между Львовомъ и Бродами, у отроговъ Карпатъ, изъ которыхъ беретъ свое начало р. Бугъ.

своихъ рѣшеній глинянскій сеймикъ поставилъ слѣдующее: «Мы видимъ, что, какъ въ актѣ, подписанномъ нашими святыми предками въ Корчинѣ въ 1438 году, такъ и во всѣхъ нашихъ законахъ, старыхъ и новыхъ, обращено особенное вниманіе на то, чтобы всѣ земли Польскаго королевства были всегда какъ-бы заключены въ форму единаго и нераздѣльнаго тѣла. Поэтому желаемъ вѣчно, со всѣмъ нашимъ потомствомъ, оставаться въ этой связи всецѣло и нерушимо. И мы возстанемъ противъ всякаго, кто осмѣлится расторгнуть эту связь» [25]).

Глинянскую конфедерацію приняла сандомірская шляхта на своемъ сеймикѣ въ Копрживницѣ 11-го сентября, списавъ ее слово-въ-слово, за исключеніемъ того пункта, въ которомъ говорится объ избраніи нѣсколькихъ шляхтичей въ помощь судьямъ-старостамъ [26]).

На основаніи постановленій касскаго съѣзда, 14-го декабря шляхта всѣхъ русскихъ земель, даже холмской, стеклась на сеймикъ въ Вишню *. Вслѣдствіе заразы, свирѣпствовавшей въ этомъ городѣ, она расположилась на одномъ изъ окрестныхъ полей, между Вишней и деревушкой Родатычами, на берегу рѣки Рака [27]). Этотъ сеймикъ еще болѣе важенъ и интересенъ, чѣмъ глинянскій. Въ немъ высказался здравый смыслъ и прямой характеръ Червонноруссовъ, ихъ многосторонность и живое участіе, навыкъ къ политическимъ вопросамъ. Червонноруссы согласились на совѣтъ касскаго съѣзда «поразмыслить о солдатахъ и о формѣ избранія» и благодарили его за эти «попеченія о Рѣчи Посполитой». Они требовали, чтобы подскарбій немедленно собралъ всѣ обычные налоги и уплатилъ изъ нихъ долгъ солдатамъ подольскимъ, подгорнымъ и силезскимъ; просили тѣхъ, которымъ приходилось весною вносить въ казну свою долю налоговъ, доставить ихъ теперь же «ради блага Рѣчи Посполитой и не въ примѣръ обычному закону»; соглаша-

* *Вишня*—городъ между Перемышлемъ и Львовомъ, у р. того же имени.

лись, въ случаѣ нужды, на чрезвычайный поборъ, «если его установятъ *всѣ* воеводства». Касательно избирательнаго вопроса, Червонноруссы поручили своимъ посламъ: «Старайтесь, чтобы сеймъ былъ назначенъ возможно скорѣе; чтобы сама конвокація шла быстро (отнюдь не болѣе двухъ недѣль) и усердно. И такъ мы уже потратили много времени къ великому нашему вреду и посрамленію. Если же паны и теперь будутъ также несогласны между собою, какъ прежде, то сами назначьте сеймъ, условившись съ другими воеводствами. Сообразно съ закономъ, мѣстомъ сейма можетъ быть лишь Люблинъ или Парчовъ (то-есть города, ближайшіе къ Червонной Руси). Заявите, что ѣхать на избраніе должны рѣшительно всѣ, за исключеніемъ служащихъ въ войскѣ, въ крѣпостяхъ и на границахъ да больныхъ, обязанныхъ, впрочемъ, присягнуть потомъ въ дѣйствительности своей болѣзни. Ѣхать должны такъ, чтобы не было поводовъ къ безпорядкамъ. Къ прискорбію, слышно, что кое-кто изъ пановъ и даже изъ шляхты, тотчасъ по смерти короля, началъ составлять отряды и увеличивать число своихъ слугъ, съ которыми намѣренъ отправиться на сеймъ. Поэтому нужно хлопотать о запрещеніи являться на сеймъ съ подобною свитой. Кто не согласится на это, тотъ ясно докажетъ, что посредствомъ своей челяди желаетъ выбрать короля, который ему нравится или которому онъ продался. Мы уже слышали отъ нѣкоторыхъ важныхъ особъ, что ихъ приторговывали: хорошо, что это были честные люди, не согласившіеся на сдѣлку! Въ короли должно добровольно избрать не того, кто прибѣгаетъ къ подкупамъ, обѣщаніямъ, лести, не трусливаго или свирѣпаго, но одушевленнаго любовью къ отечеству, желаніемъ блага ему. Кто будетъ поступать иначе, того считать врагомъ отечества». Этого мало. Червонноруссы, основываясь на рѣшеніи петрковскаго сейма 1556 года, потрудились даже написать самую форму, въ которой должно происходить избраніе. Сверхъ того, одобряя

постановленіе каскаго съѣзда о разсмотрѣніи законовъ, которые новый король долженъ утвердить до своей коронаціи, они прибавляли: «такъ какъ намъ необходимо знать *всѣ* наши законы и права, то не мѣшало-бы представить на сеймъ и шкатулку съ секретными бумагами (тайный королевскій архивъ)».

Еще любопытнѣе и важнѣе тѣ постановленія вишенскаго сейма, въ которыхъ Червонноруссы заявили свою независимость и самостоятельное обсужденіе общихъ политическихъ вопросовъ. Они вознегодовали на пагубную теорію прекращенія коронныхъ властей со смертію короля и доказывали, что во всякое время необходимо слушаться маршалка, гетмана и подскарбія. Они ясно поняли, куда мѣтила она, гдѣ возникла, какъ тѣсно связывалась съ другою опасною теоріей — о власти примаса и преобладаніи Великой Польши. «Кольскій сеймикъ, протестовали Червонноруссы, вручилъ высшую судебную власть, съ правомъ на честь, жизнь и имущество гражданъ, примасу и епископу куявскому, подчиняя имъ всѣ части королевства. Но это противно законамъ государства, которыми всѣ мы должны довольствоваться одинаково тѣмъ болѣе, что исполненіе приговоровъ повсюду поручено лишь одной части королевства, именно великопольскимъ воеводамъ*. Все это королевскія права, и кто присвоилъ-бы ихъ себѣ, тотъ былъ-бы, если не по имени, то въ сущности, королемъ. Приматство, значеніе котораго ограничивается только первымъ мѣстомъ въ сенатѣ да правомъ коронованія государя, возвысилось-бы, такимъ образомъ, до степени верховной власти, что̀ имѣло-бы вредныя послѣдствія. Нужно стараться, чтобы все сіе касательно судовъ было рѣшено всеобщимъ одобреніемъ и постановленіемъ. А власть примаса необходимо ввести въ должныя границы. Еслибы Великополяне не согласились на это, то немедленно составить протестъ и об-

* Червоннорусская шляхта, въ увлеченіи или съ умысломъ, очевидно, искажала постановленіе кольскаго сеймика (стр. 144).

народовать его посредствомъ универсаловъ». Не одинъ пр. масъ и Великая Польша вызвали негодованіе червоннорусской шляхты. Она возстала въ Вишнѣ и противъ привилегій всего сенаторскаго сословія: благо на ея сеймикѣ не было ни одного пана. Она гнѣвно заявляла: «До насъ дошелъ слухъ, будто тайныя постановленія сената извѣстны иностраннымъ посламъ. Хуже такой язвы, зародившейся въ сенатѣ, быть ничего не можетъ. Требуемъ хорошенько развѣдать, кто это такой пагубный, рѣшительный врагъ отечества, и истребить его изъ среды сената. Мы отправляемъ нашихъ пословъ на конвокацію *добровольно*. Мы не признаемъ ни за всѣми панами вмѣстѣ, ни за кѣмъ-либо изъ нихъ въ отдѣльности никакихъ преимуществъ, никакого исключительнаго права на составленіе конвокаціи сеймовъ посполитыхъ, или сеймиковъ повѣтовыхъ. Нашъ настоящій поступокъ не долженъ служить примѣромъ для будущаго.»

Политическіе интересы Червонной Руси въ описываемое время окончательно обрисовываются постановленіемъ вишенскаго сеймика относительно Литвы. Съ свойственнымъ ей мужествомъ, она прямо высказала то непріязненное чувство къ великому княжеству, которое раздѣляла съ нею и Польша, но не смѣла заявить формально. «Литва, гласила инструкція червоннорусскихъ пословъ на конвокацію, по своему старому обычаю, усиливается возстановить свое независимое великое княжество, въ одиночку выбрать себѣ господина, который, смотрите! не сталъ-бы, какъ встарь, и польскимъ королемъ. Но прежде мы терпѣли такой порядокъ вещей, ибо на престолѣ сидѣли, по крайней мѣрѣ, все члены одной королевской фамиліи. Теперь не то. Теперь мы должны искать себѣ короля въ иномъ мѣстѣ и онъ долженъ быть одинаково королемъ Польши и великаго княжества. Литовцы не могутъ избирать безъ насъ: и намъ слѣдуетъ немедленно принять мѣры, чтобы они не сдѣлали этого. Должно заранѣе составить присяжную конфедерацію въ томъ смыслѣ чтобы не

выбирать въ короли того, кого они выбрали-бы себѣ на княженіе. Въ кольскомъ универсалѣ сдѣланъ хорошій намекъ въ этомъ отношеніи; но онъ слишкомъ обобщенъ. Необходимо прямо выставить имя Литвы. Съ нашей стороны, мы составляемъ таковую конфедерацію: да уничтожитъ она коварныя покушенія Литовцевъ, что̀ выражаются въ ихъ постоянной похвальбѣ, будто мы отъ нихъ должны получить пана, какъ бывало прежде. Въ Варшавѣ вся Рѣчь Посполитая должна узнать, что мы уже отправили гонцовъ въ земли волынскую и подольскую съ приглашеніемъ приступить къ конфедераціи, и что мы требуемъ слѣдующаго постановленія: если Литва выберетъ себѣ отдѣльно великаго князя, то всѣ люди польскаго народа и всѣхъ земель, принадлежащихъ къ королевству, подъ страхомъ лишенія имущества и жизни, обязаны тотчасъ явиться на помощь къ Польскому королевству, къ этому нашему истинному отечеству» [28]).

Съ такою полнотою, съ такимъ шумомъ и волненіемъ переживали послѣдніе дни передъ первою конвокаціей тѣ земли Рѣчи Посполитой, въ которыхъ господствовалъ чисто-польскій, шляхетскій бытъ. Въ обѣихъ Польшахъ, въ Мазовіи и Червонной Руси шляхта кричала о своихъ вольностяхъ, грозила панамъ своимъ судомъ, поднимала опасные для нихъ вопросы. Какъ-бы въ доказательство своей рѣшимости не повиноваться имъ, она пренебрегла ихъ требованіемъ выбрать на конвокацію по *два* депутата отъ каждаго воеводства. Не разсуждая о послѣдствіяхъ, она дѣйствовала произвольно, какъ приходилось. Одно воеводство вовсе не хотѣло выбирать пословъ; другое высылало ихъ «точно съ ковшемъ по воду»; третье, напротивъ, отправляло болѣе, чѣмъ требовалось. Мало того. Повсюду высказывалось недовѣріе къ самой конвокаціи, какъ къ панскому изобрѣтенію. Опасались, что она будетъ сорвана бурнымъ натискомъ младшей братіи.

Панамъ нельзя было молчать: приходилось оправдываться. Какая-то опытная рука разсѣяла тогда по Польшѣ памфлетъ въ защиту сената и конвокаціи, прекрасно характеризующій націю. Съ истинно-польскимъ пріемомъ униженія паче гордости, таинственный авторъ начиналъ съ свидѣтельства о своей «глупости, которая въ свободной республикѣ должна быть заявлена, хотя бы она шла въ разрѣзъ съ настроеніемъ большинства». Затѣмъ такъ развивалъ свою тему: «Еслибы паны хотѣли подавить вашу шляхетскую свободу и на ея развалинахъ утвердить свое владычество, то глупѣе назначенія конвокаціи ничего не могли-бы выдумать. Вѣдь тамъ все будетъ рѣшаться съ общаго согласія! А ни одинъ тиранъ не совѣщается о своихъ намѣреніяхъ съ тѣми, которыхъ замышляетъ обратить въ рабовъ. И развѣ конвокація излишня и ничтожна? Напротивъ, еслибы мы сумѣли вести ее въ порядкѣ, основательно, она была-бы гораздо важнѣе самого избранія. Избрать короля легко. Но весьма трудно рѣшить вопросы о политической свободѣ, законахъ и общественномъ порядкѣ, объ обезпеченіи правъ личности и собственности, о защитѣ границъ, о безопасности и спокойствіи нашихъ женъ и дѣтей. Чего мы боимся? Чтобы небо не упало? Мы называемъ предателями тѣхъ, которые, навѣрно, гораздо лучше думаютъ о насъ. Неужели еще вчера не говорили они вамъ, что опасаются тѣхъ же королей, которыхъ страшитесь и вы. И развѣ имъ не столько же, сколько и вамъ, если еще не болѣе, потребны вольности, свобода, обезпеченное положеніе? Къ тому же не забывайте, что, пока мы были въ согласіи съ панами, у насъ былъ хорошій король, неприкосновенная свобода, лучшее управленіе; а какъ только мы разошлись съ ними, тотчасъ намъ стало хуже во всѣхъ отношеніяхъ».

Неизвѣстный авторъ волей-неволей долженъ былъ защищать принципъ нововведеній, что̀ требовало въ Польшѣ много мужества и терпѣнія. Ему пришлось бросить въ глаза согражданамъ не одну

горькую истину и съ укоризной взяться за политическую азбуку. «Не то противозаконно, чего не было прежде, говоритъ онъ, а то, что́ прямо подрываетъ законъ. Конвокація же поддерживаетъ его, ибо безъ нея мы были-бы принуждены въ разгаръ избранія разбѣжаться къ границамъ, вовсе не обезпеченнымъ отъ вторженія враговъ. Я опасаюсь, что чрезмѣрною заботой и щепетильностью въ отношеніи законовъ—этою язвою, которая всегда господствовала у насъ и будетъ господствовать—мы испортимъ всякіе законы. Въ нашей исторіи много подобныхъ примѣровъ. Каждый разъ, когда намъ хотѣлось быть наипорядочнѣйшими, мы оказывались наибезпорядочнѣйшими (najrząḋnieyszy — najnierząḋnieyszy); когда старались наиболѣе исправить законы—наиболѣе портили ихъ.... Возможно-ли не пользоваться драгоцѣнною минутой спокойствія и внѣшней безопасности? Теперь не болѣе-ли, чѣмъ когда-либо, кстати бросить нашу любимую пословицу: *Полякъ уменъ послѣ ошибки* (po szkodzie Polak mądr)? Не о полдѣлѣ, а о цѣломъ дѣлѣ идетъ теперь рѣчь. Безъ конокаціи мы пріѣдемъ на избраніе съ интригами, взаимными ссорами, мятежными чувствами, своеволіемъ (z praktykami, waszniami, z tumulty z swąwolą), и учинимъ междуусобное кровопролитіе, неслыханное ни въ одномъ государствѣ... Иные думаютъ, что высшая степень свободы несовмѣстна съ сильнымъ правительствомъ. Но какая свобода? Если нынѣшняя польская, то, конечно, это вѣрно. Но если истинная свобода означаетъ исполненіе законовъ, то правительство можетъ совмѣщаться съ свободой, и, вообще, безъ правительства не можетъ быть истинной свободы. Ибо executio legum (исполненіе законовъ), эта parens verae libertatis (мать истинной свободы), всегда требуетъ и сильнаго правительства и сильнаго присмотра. А своеволіе induit quidem speciem libertatis (надѣваетъ маску свободы), также какъ adulatio (ласкательство) — speciem amicitiae (маску дружбы); но въ сущ-

ности оно—certissima clades et pernicies libertatis (вѣрнѣйшее разрушеніе и гибель свободы), также какъ adulatio — amicitiae clades certissima. Такимъ образомъ, своеволіе не можетъ существовать вмѣстѣ съ правительствомъ, ибо гдѣ есть правительство, тамъ уже нѣтъ своеволія. А свобода погибаетъ тамъ, гдѣ нѣтъ правительства. И такъ, не свобода погибаетъ отъ правительства, а своеволіе. А мы хотимъ стараться объ утвержденіи свободы, а не своеволія. Слѣдовательно, намъ, желающимъ быть свободными и избирать короля свободно, всего нужнѣе правительство. Мы можемъ существовать только при порядкѣ, если свобода, то-есть исполненіе законовъ, состоитъ въ томъ, чтобы и паны и нищіе пользовались одними и тѣми же правами. Ибо, гдѣ нѣтъ порядка, тамъ пану легко отнять у нищаго, напримѣръ, право избранія посредствомъ мятежа, челядинцевъ, заискательства и денегъ. Оттого, кто не желаетъ порядка, тотъ, повидимому, намѣренъ выбрать угоднаго ему короля отдѣльно отъ всѣхъ остальныхъ. Подобный примѣръ уже былъ въ нашей исторіи [29]). Намъ же слѣдуетъ опасаться еще худшаго. Вѣдь мы несогласнѣе, безпорядочнѣе, упрямѣе и сварливѣе нашихъ предковъ (my są niezgodnieyszy niszli przodkowe naszy, y nierządnieyszy, y uporniejszy, y waszniejszy). Къ тому же намъ необходимо дѣйствовать сообща съ Литовцами, людьми несговорчивыми, великое упорство которыхъ мы хорошо узнали на люблинскомъ сеймѣ [30]).».

Но любопытно, что защитникъ пановъ самъ подрывалъ силу ихъ рѣшеній, доказывая, что два посла отъ воеводства на конвокацію ничего не значатъ, что необходимо по десяти отъ каждаго повѣта. Проповѣдникъ всеобщаго согласія и мира не могъ сдержать своей желчи и негодованія противъ Яна Фирлея. Одного онъ не могъ простить этимъ почтеннымъ, невиннымъ сенаторамъ: «зачѣмъ они терпятъ среди себя злаго человѣка, къ крайнему ущербу своей чести и правоты? За это они вотъ

уже и поплатились тѣмъ, что вы (шляхта) имъ не довѣряете». Это великопольское жало памфлета выдавало тайну его происхожденія.

Такова была польская «сгода», которою такъ умилялись всѣ тотчасъ послѣ касскаго съѣзда. Казалось, что два съ половиною мѣсяца, оставшіеся до конвокаціи, судьба нарочно употребляла на подготовку новыхъ горючихъ матеріаловъ для поддержанія угасавшей анархіи. Совершались истинныя чудеса. Раздоръ и ненависть прорывались даже тамъ, гдѣ ихъ можно было ожидать всего менѣе. Личныя отношенія становились столь же запутанны и зловѣщи, какъ и событія. Станиславъ Карнковскій, которому пришлось теперь писать пріятельское посланіе къ заклятому врагу, испытывалъ въ то же самое время измѣну своего надежнѣйшаго сотрудника. Есть что-то роковое въ томъ, что именно въ эту минуту, среди ропота шляхты, среди раздоровъ Польши, злобно поднялись другъ на друга епископъ куявскій и тайкомъ клявшійся ему въ вѣрности протестантъ Петръ Зборовскій, предавшій Малую Польшу изъ ненависти къ Яну Фирлею.

Мы видѣли, что касскій съѣздъ разлучилъ этихъ новыхъ друзей. Карнковскаго онъ послалъ въ Ломжу къ королевнѣ Аннѣ, чтобы увезти ее оттуда и искоренить тамъ зародыши иностранной интриги; Зборовскому поручилъ ѣхать въ Вильну съ своимъ универсаломъ, а оттуда завернуть въ Тыкочинъ за государственными актами. Прибывъ въ Литву, воевода сандомірскій внезапно напалъ на ясные слѣды измѣны епископа куявскаго. Уже въ началѣ декабря Станиславъ Карнковскій получилъ отъ него гнѣвное посланіе, съ котораго завязалась крайне-характеристическая переписка. «Напрасно, говорилось въ немъ, ты писалъ воеводѣ краковскому, чтобы онъ поторопилъ меня. Я такъ скакалъ сюда, что чуть лошади не передохли. Напрасно и въ Ломжѣ ты дѣйствуешь столь непостижимо. Ты извѣстилъ все государство объ

исполненіи своего порученія. А между тѣмъ королевна все еще не тронулась изъ Ломжи, и ты начинаешь совѣтовать мнѣ не ѣхать въ Тыкочинъ. Боже, какъ коварно ты поступилъ! И какъ твои поступки противорѣчатъ прелестнымъ возгласамъ о благѣ Рѣчи Посполитой, къ которымъ ты обыкновенно прибѣгалъ! Какъ скоро и какъ гадко ты измѣнился! И мои письма для тебя уже давно ничего не значатъ. Мнѣ теперь даже не слѣдовало-бы такъ долго забавляться писаньемъ къ тебѣ, еслибы это не было мое послѣднее письмо. Ибо, не говоря о перепискѣ, я долженъ прервать пріязнь, которую питалъ къ тебѣ отъ всего сердца, которою услаждался. Какъ это мнѣ ни тяжко, я долженъ публично изобличить твои поступки, донести о нихъ. Вѣдь мнѣ тутъ кое-кто показалъ документецъ, писанный собственною вашей милости ручкой, гдѣ сказано, что ты всѣми способами работаешь въ пользу королевны. Что же наша присяга во Влоцлавѣ? И откуда это взялась у тебя такая власть, что ты можешь короновать кого тебѣ угодно? Уже не пособитъ-ли тебѣ тутъ свита, что была у тебя въ Колѣ, или же то приматство, которое ты превозносилъ до небесъ и отъ котораго мы теперь еще не можемъ придти въ себя? А ты, какъ видно, намѣренъ и съ этимъ приматствомъ сыграть такую же шутку, какъ лисица съ волкомъ, который пришелъ со свадьбы голодный.... Совѣтуешь мнѣ прибыть прямо въ Ломжу. Зачѣмъ? Утѣшать королевну, осушать ея слезы, что-ли? Но въ моей инструкціи этого не указано. Да не вижу, чтобы и тебѣ поручили кого-либо утѣшать или нянчить. Да, вѣдь, тебя тамъ и не застанешь: ты всегда поступаешь по приказанію радъ коронныхъ»...

Не прошло и недѣли, какъ явился отвѣтъ. Казалось, его писала сама невинность, оскорбленная и гордая. Вотъ какъ пѣлъ Лазаря епископъ куявскій: «Много непріятностей и лишеній перенесъ я ради Рѣчи Посполитой. Спѣша исполнить ея порученіе, я поскакалъ сюда изъ Касокъ въ чемъ былъ, въ одной ру-

башкѣ. Здѣсь трудился надъ кознями иностранной интриги. Я гордился тѣмъ, что выслѣдилъ ее и тебя же спѣшилъ извѣстить о ней. Ждалъ признательности — получилъ ругательства, угрозы, вызовъ на вражду... Но развѣ не по твоимъ же просьбамъ и убѣжденіямъ взялъ я на себя это тяжкое дѣло? Мнѣ приходится теперь пѣть извѣстную пѣсенку: за мое жъ жито, да меня и побито. Хочешь разорвать нашу пріязнь — я, сверхъ моего желанія, помогу тебѣ въ этой комедіи. Знаешь за мною что-либо истинно вредное для государства — становись моимъ главнымъ врагомъ, доноси. Но совѣтую тебѣ, не накидывайся на мою честь: ее защищаютъ мои добрые совѣты и услуги Рѣчи Посполитой, о которыхъ недавно свидѣтельствовалъ ты самъ». Но что было отвѣчать Карнковскому на «документецъ», добытый въ Литвѣ воеводою сандомірскимъ? Онъ обошелъ его двумя-тремя фразами о томъ, что «человѣкъ его сана не можетъ быть грегоріанцемъ», что литовскіе паны мстятъ ему за изобличеніе ихъ продѣлокъ, вредныхъ для Рѣчи Посполитой. Затѣмъ подъ перомъ іезуита вдругъ блеснуло, какъ-бы невзначай, равносильное оружіе. «Помнится, писалъ я какъ-то къ пану-старостѣ (Яну Ходкѣвичу), но секретно и вовсе не рѣшительно, а просто, какъ пріятель къ пріятелю. Да и мнѣ пришлось однажды видѣть его письмо, въ которомъ упоминается о какой-то присягѣ, которую давала ваша милость... Но я молчу объ этомъ».

Ловко пущенныя стрѣлы попали въ цѣль. Въ страхѣ и раскаяніи безсильный Петръ Зборовскій мгновенно перемѣнилъ фронтъ. «Мнѣ грустно, писалъ онъ епископу куявскому, что ты *такъ* принялъ предостереженія друга и отвѣчалъ обидами. Конечно, бумага все стерпитъ. Я знаю по опыту, съ какими лишеніями сопряжена служба Рѣчи Посполитой. Хвалю, благодарю тебя за нее. И никогда въ письмахъ я не бранилъ тебя, не грозилъ и не лаялся, считая это неприличнымъ. Знать ничего не знаю, ибо ничего подобнаго не говорилъ, не дѣлалъ, не писалъ.

Неправда, будто я и на вражду вызывалъ тебя. Это вовсе не въ моей природѣ. Я дружусь не легко, лишь на твердой основѣ. И въ чемъ же ты замѣтилъ желаніе враждовать съ тобою? Не въ томъ-ли, что я по-братски извѣстилъ тебя о всѣхъ коварныхъ замыслахъ Литовцевъ? Еще ты разрѣшаешь мнѣ перейти въ непріязненный лагерь и доносить на тебя: но я, кажется, не просилъ такой привилегіи. А, впрочемъ, отъ великаго пана всякій подарокъ долженъ быть принятъ съ благодарностью... На честь твою вовсе не накидываюсь: для меня достаточно наслаждаться своею собственною. О твоей свитѣ не спрашиваю. За письмо твое къ Литовцамъ не берусь судить тебя, да и упомянулъ-то я о немъ лишь потому, что видѣлъ его и не хотѣлъ этого утаить отъ тебя. А мое письмо, быть-можетъ, ты и видѣлъ, но слѣдовало-бы еще знать, присягалъ-ли я кому-либо въ какихъ-либо обѣщаніяхъ»?

Переписка окончилась черезъ недѣлю отвѣтомъ Станислава Кариковскаго, приправленнымъ лестью. «Мы всѣ, говорилъ онъ, стенаемъ теперь подъ однимъ бременемъ. Въ столь великихъ дѣлахъ похвальны даже стремленія. Чѣмъ труднѣе было твое дѣло, тѣмъ ярче блещетъ теперь твоя гражданская доблесть, чему я отъ души радъ, какъ пріятель. Твоими письмами я всегда дорожу, и, по-мнѣ, слаще принять раны отъ друга, чѣмъ поцѣлуи отъ врага. То была-бы лесть, а не дружба, еслибы мы, пріятели, не говорили взаимно правды, не предостерегали другъ друга. Въ моемъ постоянствѣ не сомнѣвайся: у меня сердце и уста не противорѣчатъ другъ другу. Что во Влоцлавѣ обѣщалъ я тебѣ и другимъ панамъ, всего этого я крѣпко держусь и хочу держаться впредь. И ничего я не намѣренъ рѣшать окончательно безъ вѣдома всѣхъ васъ, ибо ничего не ищу собственно для себя. Пусть же пріязнь между всѣми нами будетъ нерушима. Подаю примѣръ: ради Рѣчи Посполитой прощаю тебѣ все, хотя ты и порядочно облаялъ меня» [31]).

Такъ вновь было заключено перемиріе между двумя важными дѣятелями описываемаго безкоролевья. Оно было весьма кстати, особенно для слабаго Петра Зборовскаго, которому тогда приходилось трудно въ Вильнѣ. Посмотримъ, что̀ онъ дѣлалъ тамъ и какъ готовились Литовцы къ конвокаціи?

Мы знаемъ, что Литва во всѣхъ поступкахъ Поляковъ видѣла коварство, стремленіе нарушить ея права. Съ каждымъ днемъ подтверждались ея подозрѣнія; съ каждымъ днемъ она все болѣе отклонялась отъ Польши, замыкалась въ себѣ самой. Уже въ іюлѣ Сиротка Радзивилъ писалъ въ Вильну, что не должно полагаться *ни на одного* Поляка: самые надежные изъ нихъ оказываются измѣнниками. Не распинался-ли всегда за интересы Литвы епископъ краковскій, Францискъ Красинскій? «А между тѣмъ, едва успѣлъ умереть король, какъ онъ, вопреки его желанію, отдалъ волынское воеводство не Андрею Вишневецкому, а Корецкому. Распоряжаясь самовольно почти всѣми вакантными должностями, онъ дѣйствуетъ столь заносчиво, что, очевидно, Литва не найдетъ въ немъ такого друга, какимъ онъ казался доселѣ.» Въ отвѣтъ на это предостереженіе, изъ Вильны пришло внушеніе немедленно потребовать отъ польскихъ пановъ денегъ для необходимыхъ расходовъ на защиту великаго княжества отъ вторженія московскаго войска [32]). Деньги и отнятыя Польшей земли стали обычными мотивами всѣхъ рѣшеній Литвы. Но самымъ удобнымъ временемъ для ихъ проявленія были послѣдніе дни 1572 года: и никогда еще Литовцы не говорили такъ прямо и гордо.

Представители обѣихъ Польшъ, Петръ Зборовскій и каштелянъ гнѣзненскій, Янъ Томицкій, прибыли въ концѣ ноября въ Мсцибовъ *, назначенный мѣстомъ свиданія съ литовскими па-

---

* *Мсцибовъ* — крѣпостца, лежавшая въ новогродскомъ воеводствѣ въ гродненской губерніи, въ двухъ миляхъ отъ Волковиска.

нами. Петръ Зборовскій былъ очень радъ, замѣтивъ, что въ городѣ были уже распредѣлены квартиры для литовскихъ сенаторовъ, которыхъ ожидали съ часу на часъ. Еще болѣе оживило его письмо епископа куявскаго, извѣщавшее объ открытіи въ Ломжѣ иностранной интриги. Онъ весело запѣлъ: «низложи сильныя со престолъ и вознесе смиренныя», не предчувствуя, какъ близко было разочарованіе. Литовскіе паны приняли польскихъ пословъ почтительно, любезно. Но не таковъ былъ результатъ ихъ совѣщаній. Они не сошлись съ Поляками *ни въ одномъ* вопросѣ; на ихъ требованія отвѣчали требованіями. Ихъ суровая рѣчь была обвинительнымъ актомъ противъ Польши. «На эту вашу конвокацію, говорили они, мы не можемъ пріѣхать. И безъ того старались истощить насъ этими безпрестанными съѣздами, обратить въ своихъ хлоповъ. А вы хотите, чтобы мы еще потащились въ такую даль, въ Варшаву! И откуда взяли вы эту конвокацію? Въ нашей Уніи упоминается лишь объ одномъ избраніи. Его и назначили-было, но не паны обоихъ народовъ сообща, а примасъ съ нѣсколькими сенаторами. Вашего же примаса мы не хотимъ знать, тѣмъ болѣе — слушаться. Мы были-бы совсѣмъ лишними въ Варшавѣ, гдѣ паны-Поляки желаютъ дѣлать все по-своему и поймать Литву въ западню. Еще и потому мы не можемъ покинуть Литву, что другія-то свои границы, со стороны Татаръ, Турокъ, Нѣмцевъ, вы защитили, а на наши не обратили вниманія. И вотъ, на шеѣ у насъ сидитъ врагъ, весь вооруженный и непримиренный. Мы должны быть готовы встрѣтить его, ибо лучше желаемъ погибнуть за отечество, нежели видѣть его завоеваніе. Къ тому же Польша ничего не дѣлаетъ сообща съ нами, чистосердечно и по-братски, а все приказываетъ, точно своимъ крѣпостнымъ. Вспомните, какъ поступали съ нами въ Кнышинѣ! Точно наши повелители, едва уступили намъ наши законныя мѣста, и все остальное дѣлали по собственному произволу! А развѣ не подо-

зрительны такіе поступки: назначаете вы съѣздъ въ Ломжѣ — и королевна отправляется туда; потомъ вы въ Варшаву — и королевна тоже? Что же все это значитъ? И однако мы удовольствовались первыми отвѣтами, данными намъ на эти вопросы, и долго утѣшались ими, желая уничтожить всѣ сомнѣнія и подозрѣнія. Съ своей стороны, мы всячески доказывали панамъ-Полякамъ, и клятвами и разными доводами, что среди насъ не найдется никого, кто бы даже подумалъ захватить что-либо въ ущербъ вамъ или посадить васъ на мель. У насъ у всѣхъ одна Рѣчь Посполитая и ее трудно дѣлить. И послѣ всего этого вы же намъ во всемъ не довѣряете и оскорбляете насъ подозрѣніями!...»

Затѣмъ Литовцы «съ великою сердечною горечью» изложили польскимъ посламъ «свою тяжкую жалобу» на Анну Ягелловну. «Королевна писала къ намъ весьма повелительно, укоряя насъ въ препятствіяхъ къ сбору доходовъ съ лѣсовъ и съ тѣхъ литовскихъ имѣній, которыя она называетъ своимъ *наслѣдственнымъ достояніемъ* (dziedzictwo). И не одно то обидно намъ, что она свои помѣстья (dzierżawy) именуетъ вотчи, нами и хочетъ распоряжаться ими вопреки посполитому праву-которое мы только и признаемъ. Еще болѣе оскорбляетъ насъ ея заявленіе, будто даже все великое княжество принадлежитъ ей на основаніи вотчиннаго права, вслѣдствіе чего она и обращается къ намъ точно также, какъ Богъ обращался къ Жидамъ, которыхъ считалъ своею собственностію. А вы, Поляки, поддерживаете ее въ этихъ притязаніяхъ. Вотъ, взгляните, собственноручное письмо епископа куявскаго, въ которомъ онъ приказываетъ насчетъ *наслѣдственныхъ* имѣній королевны. Вотъ что вы, господа, дѣлаете съ нами! Вотъ власть, которою вы пользуетесь безъ нашего вѣдома! Сегодня вы присуждаете наслѣдства, кому хотите; завтра и насъ предадите, кому угодно. И вы же призываете насъ льстивыми братскими словами къ

участію въ общемъ съѣздѣ, якобы ничего не желая рѣшать безъ насъ!... Но мы объявляемъ здѣсь торжественно, что, какъ люди свободные и своеправные (sui juris), не признаемъ надъ собою никакой чужой власти.» Много еще говорили Литовцы въ томъ же духѣ «очень ѣдко и обстоятельно.» Польскіе послы, «изумленные и пораженные», растерялись отъ такой неожиданной откровенности: «сердца ихъ облеклись въ глубокую печаль» [33]).

Этимъ рѣчамъ Литовцевъ соотвѣтствовали постановленія мсцибовскаго съѣзда. Въ нихъ на первомъ планѣ стояли, конечно, жалобы Литвы на отторженіе ея исконныхъ земель: подляской, волынской, кіевской и брацлавской, причемъ ссылались на люблинскую унію, въ которой не было и рѣчи о нихъ. Затѣмъ Литовцы требовали, чтобы ихъ монета ходила по своей цѣнѣ въ Польшѣ, точно также какъ и въ великомъ княжествѣ, согласно съ рѣшеніемъ покойнаго короля, состоявшимся въ Варшавѣ. Сверхъ того имъ приходилось еще оправдываться въ весьма важномъ обвиненіи. Поляки укоряли ихъ въ государственной измѣнѣ, въ переговорахъ съ московскимъ царемъ, которому они будто-бы хотѣли отдать Ливонію въ обмѣнъ за Полоцкъ. Литовцы объявили, что считаютъ себя *наравнѣ съ Поляками* въ правѣ сноситься съ иностранными державами. Относительно же Москвы они доказали свою невинность документомъ—грамотою царя, недавно привезенною къ нимъ. Этого мало. Они сами приняли роль обвинителей и спрашивали у Поляковъ: «Скажите-ка намъ, какимъ это образомъ при жизни короля изъ коронной канцеляріи вышелъ приказъ отдать нѣсколько ливонскихъ крѣпостей шведскому королю безъ вѣдома и противъ воли тамошняго администратора? Хорошо еще, что онъ доселѣ удержалъ ихъ за нами? Кромѣ того, минуя власть нашу и нашего администратора, вы отправили изъ Касокъ пословъ къ Ливонцамъ съ разрѣшеніемъ составлять свои мѣстные сеймики, на которыхъ легко можетъ произойдти что-нибудь не-

хорошее и опасное для всей Рѣчи Посполитой». Послѣ долгихъ размышленій литовскіе сенаторы въ Мсцибовѣ сдѣлали только одну уступку, и то условную, ненадежную. Заявивъ, что «никакой конвокаціи въ Уніи не написано» и что они опасаются, «какъ бы не вышло изъ этого какого-нибудь замѣшательства», они обѣщали собрать весь литовскій сенатъ и шляхту въ Вильну на съѣздъ, подобный касскому, и тамъ убѣждать всѣхъ отправиться въ Варшаву къ Крещенію. «Если же, прибавляли они, почему-либо, особенно по причинѣ опасности со стороны врага, намъ нельзя будетъ явиться въ полномъ составѣ, то непремѣнно пришлемъ кое-кого, какъ пословъ». [34])

Таковы были рѣшенія Литвы наканунѣ конвокаціи. Польское посольство возвращалось съ свѣжими доказательствами недовѣрія и ненависти Литовцевъ, съ обѣщаніями, которыя могли затянуть конвокацію, даже послужить ловушкою для Поляковъ. Кому не была извѣстна коварная манера Литовцевъ ограничиваться высылкою пословъ туда, гдѣ рѣшались жизненные вопросы Рѣчи Посполитой?

Не менѣе зловѣщи были, наканунѣ конвокаціи, событія и въ другой недавно присоединенной къ Польшѣ провинціи, въ Пруссіи. Она также рѣшилась воспользоваться польскою смутой, чтобы разомъ сбросить съ себя всѣ невыгоды тяжкой уніи. Она даже не считала нужнымъ маскировать свои замыслы. Послы касскаго съѣзда, переступивъ ея границу, тотчасъ наткнулись на сильное политическое движеніе. Прусскіе сенаторы и шляхта шумѣли на многолюдномъ сеймикѣ въ Торунѣ, одушевленные чувствомъ независимости и ненависти къ Полякамъ. Они рѣзко говорили противъ закона короля Александра, особенно противъ способа его исполненія. Не признавая отвратительной имъ «экзекуціи», они прямо объявили польскимъ посламъ, что время безкоролевья считаютъ самымъ удобнымъ для возвращенія всего, насильственно отнятаго у нихъ королемъ. Они подняли дѣло

Пршіемскаго, какъ государственное, касавшееся *всей* Пруссіи, и намекали на готовность рѣшить его жребіемъ войны.

И Пруссаки имѣли право такъ горячиться и жаловаться въ послѣдніе дни 1572 года. Именно въ эту минуту Польша собиралась нанести имъ новыя оскорбленія. Неукротимый Пршіемскій рѣшился сдержать слово, вырвавшееся у него въ Колѣ въ пылу гнѣва. Онъ кликнулъ кличъ по Великой Польшѣ и къ нему явились на добрыхъ коняхъ, съ хорошимъ оружіемъ, храбрецы, лакомые до подвиговъ выгодныхъ и неопасныхъ. То былъ цвѣтъ великопольской шляхты. Этотъ хищническій набѣгъ принималъ характеръ не частнаго разбоя, а государственной войны. Въ отрядѣ задорнаго Поляка красовалось два каштеляна. Много пѣхоты, кавалеріи и даже орудій прислалъ пылкій воевода познанскій, Лука графъ Гурка. Ему, впрочемъ, суждено было завершить свою тревожную жизнь прежде, чѣмъ его помощь была употреблена въ дѣло [35]).

Но не одни внутреннія волненія и безпорядки тревожили Поляка наканунѣ его первой, загадочной конвокаціи. Онъ съ ужасомъ внималъ страшнымъ слухамъ и жалобамъ, неисполнимымъ просьбамъ и требованіямъ, которые доносились съ окраинъ государства и изъ чужихъ земель. Венгерскія и силезскія границы едва держались: голодные солдаты собирались покинуть ихъ на произволъ судьбы. Староста каменецкій умолялъ прислать денегъ, ибо его собственныя, которыя онъ уже давно тратилъ на войско, истощились; къ тому же требовалось немедленно поправить разваливавшуюся крѣпость. Подольскіе солдаты доносили сенаторамъ, что они разбѣгутся, ибо мѣстное населеніе не кормитъ ихъ даромъ и они чуть не мрутъ съ голоду. Воевода кіевскій напоминалъ о бѣдности и плохомъ состояніи своей крѣпости. При этомъ онъ требовалъ себѣ награды, такъ какъ «весь издержался на томъ посту, гдѣ, бывало, люди богатѣли.» Еще опаснѣе было требованіе «нуммуса» со стороны воеводы рус-

скаго, на границахъ котораго уже собирался непріятель. Онъ нѣсколько времени кое-какъ сдерживалъ свои войска, давая имъ понемногу изъ собственнаго кошелька. Но теперь они прямо объявили, что намѣрены сами получить свое жалованье, то-есть разграбить сосѣднія имѣнія. Въ то же время тамъ появился посолъ отъ перекопскаго хана съ какими-то подозрительными намѣреніями. Воевода задержалъ его, «чтобы онъ чего не присмотрѣлъ въ королевствѣ»; но умолялъ прислать денегъ на приличное содержаніе этой значительной особы, что предписывали и обычай и разсчетъ. Наконецъ, изъ Тыкочина требовали средствъ для продовольствія и вооруженія столь важной и столь слабой крѣпости [36]).

Еще болѣе опасностей скопилось тогда у сѣверо-восточныхъ предѣловъ государства, которые были, казалось, наканунѣ иностраннаго завоеванія. Укрѣпленія, въ которыя были обращены мѣстечки, соприкасавшіяся съ Московскимъ государствомъ, не подавали никакой надежды. Ихъ комменданты вопіяли о недостаткѣ войскъ даже для карауловъ у воротъ. Послѣдніе солдаты возмущались и разбѣгались, давно не получая жалованья. Въ концѣ 1572 года Янъ Ходкѣвичъ особенно неутомимо осаждалъ польскихъ пановъ просьбами о помощи. Онъ писалъ имъ изъ Ливоніи, этого узла интересовъ Москвы, Польши и Швеціи. Тогда его положеніе, какъ администратора Ливоніи и старосты жмудскаго, было, дѣйствительно, крайне опасно. Шведскій король упорно, съ лихорадочною поспѣшностью требовалъ выдачи крѣпостей, уступленныхъ ему Сигизмундомъ-Августомъ. Непреклонный Янъ Іеронимовичъ, убѣжденный, что «эти крѣпости — вся Ливонія,» отказывалъ ему наотрѣзъ. А между тѣмъ значительная шведская армія повергала его въ тяжелое раздумье. У него, кромѣ 200 всадниковъ, не было ни одного человѣка для обороны этихъ пунктовъ. А тутъ еще угрожала Москва. «Помогите, умолялъ онъ Поляковъ, не одними

совѣтами, но и деньгами для найма солдатъ. Казна великаго княжества, благодаря безпрерывной, долгой войнѣ и отторженію многихъ земель, до того обнищала, что это не тайна даже для нашего врага.»

Янъ Іеронимовичъ не даромъ билъ тревогу. Около времени конвокаціи надъ несчастнымъ поборникомъ интересовъ Рѣчи Посполитой на востокѣ, разразилась катастрофа. Онъ сообщалъ коронным панамъ, что свершилось его предвѣщаніе. «Московскій уже вторгнулся въ Ливонію съ огнемъ и мечомъ. Если онъ углубится въ страну, не знаю, чѣмъ давать ему отпоръ. Денегъ вовсе нѣтъ ни у меня, ни въ литовской казнѣ. Солдатъ очень мало, да и тѣхъ удерживаю лишь силой. Они терпятъ лишенія и нарекаютъ на меня. У меня не только нѣтъ людей для боя, но не насчитываю и сотни для соблюденія обычныхъ административныхъ порядковъ. Научите же, ради Бога, что̀ мнѣ дѣлать, чѣмъ давать отпоръ столь сильному вражескому войску» [37]). Тогда же пронеслась молва, будто много войска собрано въ Кошицѣ и Кезмаркѣ *, а изъ Вѣны уже двинули туда артиллерію [38]).

Но иностранцы начали своекорыстную борьбу съ интересами Польши гораздо ранѣе. Искусныя нити, которыми они старались осѣтить Рѣчь Посполитую, стоили солдатъ и орудій. Въ описываемую минуту иностранная интрига была въ разгарѣ. Она извивалась по всѣмъ землямъ Литовско-польскаго государства, сгущая всюду царствующій хаосъ, попирая законы страны, совѣсть людей. До сихъ поръ мы избѣгали ея, опасаясь, при разрывѣ нити разсказа, запутаться среди нестройныхъ внутреннихъ дѣлъ Рѣчи Посполитой. Но теперь пониманіе дальнѣйшихъ событій становится невозможнымъ безъ нея. Обращаемся къ ея подробному описанію. Тутъ частности будутъ имѣть еще болѣе широкій интересъ. Въ нихъ обрисуются черты не только польской націи, но и XVI-го вѣка въ обѣихъ половинахъ Европы.

* Нынѣ — *Кесмаркъ* и *Кашау*, въ сѣверной Венгріи, среди Карпатъ.

ГЛАВА IV.

Чужеземная интрига. Кандидаты на польскій престолъ.

Если предыдущее изложеніе ознакомило читателя съ оригинальностями польской націи, то онъ согласится съ нами, что въ Польшѣ вопросъ о личности новаго короля былъ менѣе затруднителенъ, чѣмъ вопросъ объ избирательномъ терминѣ. При обиліи причинъ розни, вражды, личныхъ движеній, при легкомысліи и измѣнчивости вождей, при неясности и даже молчаніи законовъ, при отсутствіи прочныхъ учрежденій,—главною задачей для Поляковъ было *сойтись* въ физическомъ смыслѣ слова представителямъ всѣхъ земель Рѣчи Посполитой. Этого столь простаго и столь труднаго въ Польшѣ условія не нужно было иностранной интригѣ. Она сама искала среди Поляковъ своихъ приверженцевъ и связывала ихъ, благодаря великимъ историческимъ силамъ, способствовавшимъ рѣшенію вопроса о новомъ королѣ.

На встрѣчу ей шелъ духъ времени. XVI вѣкъ былъ эпохой созданія государственныхъ территорій и началъ, которыя легли въ основаніе новой жизни человѣчества, эпохой сосредоточенія земель и верховной власти, безъ котораго была немыслима дальнѣйшая исторія Европы. Прибавимъ, что тогда господствовалъ механическій взглядъ на народы и ихъ управленіе, и еще не вымеръ духъ средневѣковаго авантюризма. Не диво, что тогда Австрія украшалась коронами венгерскою и чешскою, Московское

царство—казанскою и сибирскою, Англія—шотландскою, Испанія—португальскою. Конечно, Польшѣ, захватившей, въ свою очередь, литовскую и прусскую короны, нечего было опасаться недостатка въ охотникахъ до ея престола. Не даромъ Рѣчь Посполитая представлялась современному патріоту богатою, интересною невѣстой *. У нея явилась вереница жениховъ, прощавшихъ ей своенравіе и средневѣковыя морщины ради хорошаго приданаго. Дѣйствительно, на ея челѣ красовались три короны, окруженныя безчисленными гербами разныхъ земель и провинцій. Доходы съ ея безграничныхъ владѣній казались неистощимыми. Ее окружало блестящее рыцарство, съ изящною латынью на устахъ, съ пылкою храбростію, съ заманчивымъ оттѣнкомъ западной культуры. А ея весьма важное европейское положеніе? Припомнимъ роль Польши въ восточной системѣ европейскихъ государствъ. Припомнимъ, что обладаніе Балтикой и будущимъ историческимъ моремъ на юго-востотѣ, уничтоженіе мусульманской силы, грозившей всей Европѣ, вліяніе на подвигавшуюся къ западу Москву,—всѣ великіе вопросы востока Европы были неразрывно связаны съ Польшей.

Если европейское положеніе Рѣчи Посполитой привлекало много соискателей ея трона, то оно служило одною изъ причинъ, облегчавшихъ ей выборъ короля. Полусознательно, полуинстинктивно Полякъ приписывалъ самое важное значеніе въ своей судьбѣ двумъ сильнымъ государствамъ, примыкавшимъ къ его отечеству съ юга и востока. Лѣнивый, отвыкшій отъ серьёзной войны, онъ ужасался могущества Порты, находившагося тогда въ періодѣ своего развитія, и понималъ, что оно можетъ разбиться только о соединенныя силы его общихъ враговъ, то-есть о тріумвиратъ великихъ восточныхъ державъ, Московской, Австрійской и Польской.

* Это сравненіе находимъ въ одномъ изъ современныхъ польскихъ памфлетовъ.

Султанъ не замедлилъ доказать вѣрность этого взгляда. Онъ всячески старался разрушить московскую и нѣмецкую кандидатуры въ Польшѣ. Онъ открыто заявлялъ это въ своихъ грамотахъ полусовѣтами, полутребованіями [1]).

Московское и Австрійское государства смотрѣли на задачу своей внѣшней политики согласно съ Польшей. Въ виду общей опасности они были естественными союзниками и дорожили пріязненными отношеніями, которыя установились между ними уже въ теченіе трехъ поколѣній. Среди описываемыхъ событій они пересылались весьма сочувственными грамотами. Они желали быть, какъ въ старину, «въ братской любви и единеніи», которыя существовали между дѣдомъ и отцемъ Ивана Грознаго съ одной стороны, прадѣдомъ, дядею и отцемъ Максимиліана II съ другой. Цесарь дѣлился съ царемъ всѣми своими «кручинами»; приказывалъ всѣмъ «молитвеннымъ людямъ своей имперіи просить Бога о вѣчномъ постановеньи и докончаньи съ его пресвѣтлѣйшествомъ христіанскимъ государемъ московскимъ.» Онъ такъ спѣшилъ союзомъ, что, не дожидаясь новой опасной грамоты для своихъ пословъ, рѣшился отправить ихъ въ Москву съ старою. Планы императора и царя вполнѣ сходились. Въ вопросѣ о польскомъ тронѣ каждый обѣщалъ, при собственной неудачѣ, дѣйствовать въ пользу другаго. А Максимиліанъ придумалъ даже, на всякій случай, любопытную политическую комбинацію, которая, повидимому, легко разсѣкала гордіевъ узелъ. Онъ закидывалъ въ Москву мысль о раздѣлѣ Рѣчи Посполитой, причемъ королевство отошло-бы къ имперіи, а великое княжество къ царству. Ровно полтора года спустя, когда Генрихъ анжуйскій бѣжалъ во Францію, союзники переговаривались тѣмъ же языкомъ. Они старались «сообща промышлять заодно о томъ, чтобы то порозшее (опроставшееся) королевство не прошло мимо нихъ и дѣтей ихъ». Не безъ основанія они увлекались приэтомъ свѣтлою мечтой о прекрасномъ будущемъ не только ихъ земель, но

и всей Европы. Съ воцареніемъ одного изъ нихъ въ Польшѣ, имъ легко было осуществить свое старое, величавое намѣреніе «стать заодно противъ турецкаго и всѣхъ татарскихъ государей: и былъ-бы прибытокъ всему христіанскому міру»[2]). Крестовый походъ, о которомъ такъ много и такъ тщетно кричали въ Европѣ, состоялся-бы самъ собою въ силу непобѣдимаго краснорѣчія политическихъ потребностей могущественныхъ союзниковъ.

При такихъ отношеніяхъ между важнѣйшими сосѣдями, выгоды Польши отъ соединенія съ однимъ изъ нихъ были ясны. Вынося на своихъ плечахъ тяжесть открытой или тайной борьбы съ ними, Полякъ радовался случаю укротить вражду одного изъ нихъ, не задѣвая въ то же время и другаго. Успѣхъ московской кандидатуры не могъ оскорбить императора и наоборотъ. Но, кромѣ этихъ общихъ условій успѣха царя и императора въ Польшѣ, были еще частныя, которыя давали значительный перевѣсъ одному изъ нихъ.

Въ пользу Максимиліана II много говорили его личныя свойства. Даровитый, живой, трудолюбивый, онъ былъ необыкновенно простъ, довѣрчивъ, доступенъ. Душевная грація образованнаго, теплаго человѣка, подавила въ немъ напыщенность, тупое упрямство, мертвящую холодность габсбургскихъ автократовъ. Съ своею чуткою воспріимчивостью онъ быстро усвоивалъ языки, обычаи, поговорки и шутки чуждыхъ національностей. Казалось, онъ такъ легко могъ заставить Поляковъ забыть, что онъ не родной имъ. Еще важнѣе было то, что императоръ славился по всей Европѣ примѣрною вѣротерпимостью. Этого достоинства его не смѣли касаться даже его враги, Чехи, распускавшіе про него разные неблагопріятные слухи. Его сосѣдямъ, Полякамъ, хорошо было извѣстно, что онъ прогналъ всѣхъ Испанцевъ отъ своего двора; смѣялся надъ требованіемъ папы подавить протестантизмъ, а протестантамъ желавшимъ изгнанія іезуитовъ, отвѣчалъ: «мой долгъ изгонять не іезуи-

товъ, а Турокъ». Польскіе католики, убѣжденные Станиславомъ Гозіемъ въ томъ, что онъ уже давно обратилъ цесаря въ католичество [3]), надѣялись запугать его Ватиканомъ, возбудить въ немъ фанатизмъ. Къ тому же они знали, какъ прочны были его связи съ Испаніей, гдѣ воспитывались его дѣти. А габсбургская Австрія, случайно увлекшаяся гуманностью при своихъ двухъ императорахъ въ половинѣ XVI вѣка, не теряла у нихъ кредита. Они предчувствовали царствованія Рудольфа II и Фердинанда II и считали ее главнымъ оплотомъ латинства въ Европѣ. Польскіе протестанты, въ свою очередь, знали, какъ Максимиліанъ II подсмѣивался надъ тридентскимъ соборомъ, помогалъ изданію славянской библіи, называлъ ихъ партію «своею» [4]). Они надѣялись если не на господство при немъ, то на полное, дѣйствительное уравненіе ихъ правъ съ правами другихъ исповѣданій въ Рѣчи Посполитой.

Поляковъ мало смущала и судьба ихъ политической свободы при избраніи Австрійца. Правда, они видѣли въ Габсбургахъ представителей самаго убійственнаго деспотизма въ Европѣ. Но, гордые своими «вольностями», они еще болѣе были убѣждены, что онѣ — непреодолимая крѣпость, о которую легко разобьется всякій произволъ. Къ тому же самоувѣренные и дерзкіе Поляки разсчитывали на помощь, которую всегда окажутъ имъ угнетенные братья-Чехи. Развѣ трудно было имъ тряхнуть расшатанною королевскою властью, поднять знакомый «рокошъ» противъ ослушника ихъ воли? «Скорѣе король, говорили они тогда, побоится Поляка, чѣмъ Полякъ своего короля» [5]). У польскихъ пановъ къ этому чувству присоединялось еще другое. Какъ лестно было-бы для нихъ соединеніе съ нѣмецкою имперіей? Сколько ихъ было-бы возведено тогда въ ея высокіе аристократическіе чины! Какъ прочно утвердились, какъ быстро развились-бы тогда ихъ недавнія, робкія попытки создать въ Польшѣ пышное вельможество среди шляхетской демократіи! Но это-то

условіе успѣха австрійской кандидатуры было въ то же время и ея ахиллесовой пятой Оно свидѣтельствовало, что лишь паны да развѣ еще духовные сенаторы, словомъ, *немногіе* были готовы твердо стоять за нее. А что же *многіе*, это первое орудіе успѣха? Они предвѣщали побѣду главному сопернику императора, московскому царю.

Все, что страшилось и ненавидѣло пановъ, склонялось къ Ивану IV. Шляхта повсюду, не исключая Великой и Малой Польшъ, желала видѣть его на тронѣ Рѣчи Посполитой. Союзъ съ могучимъ абсолютизмомъ, который она надѣялась сдѣлать своимъ орудіемъ, естественно вытекалъ изъ ея демократическаго принципа всеобщаго равенства. Въ концѣ 1572 года повсюду разошлось окружное посланіе какого-то калишскаго шляхтича «ко всему шляхетству Польскаго королевства» [6]). Въ немъ было сказано: «Мы, шляхтичи, должны поразмыслить о томъ, не обратиться-бы намъ въ мужиковъ, вслѣдствіе нашего расположенія и дробленія нашихъ имуществъ Это уже начинаетъ замѣчаться между нами. Ни отъ какого государя, откуда бы ни взять его, мы не можемъ ожидать такой помощи нашему шляхетскому чину, какъ отъ Московскаго. Даже въ недавно отнятыхъ провинціяхъ Литвы, которыя были-бы возвращены ей и Польшѣ, мы легко получили-бы земли за заслуги или инымъ способомъ.» Далѣе, намекая на пановъ и придворныхъ, шляхтичъ замѣчалъ: «При Московскомъ должны исчезнуть интриги, которыя можно назвать измѣной. Ибо у него такая натура, что онъ вѣчно размножаетъ, отлично устраиваетъ и направляетъ свое столь обширное государство не по совѣту придворныхъ льстецовъ, а по внушенію своего природнаго разума, самъ заранѣе взвѣшивая всѣ будущія выгоды и невыгоды своего царства. Онъ самъ издалъ много законовъ и не принялъ ни одного чужаго: онъ пойметъ наши законы и будетъ сообразоваться съ ними. И исчезли-бы при немъ всѣ крайне-вредные

нашимъ вольностямъ замыслы, создаваемые тѣми, что научились шептать на ухо! Онъ доставилъ-бы намъ еще одну важную выгоду: быстрое, немедленное удовлетвореніе справедливости. Ибо если ему не претитъ срамное наказаніе своихъ подданныхъ кнутомъ или чѣмъ-либо и похуже въ мѣру количества и качества ихъ преступленій, то тѣмъ болѣе не претило-бы ему засѣдать въ столь благородныхъ и пристойныхъ судахъ, какъ наши. Тогда явились-бы у насъ не нынѣшніе приговоры, не по личнымъ мотивамъ судьи, а по предписаннымъ законамъ и привилегіямъ, при которыхъ король не только не можетъ взять мое, но и отдать свое. И прекратились-бы тогда эти насилія, наѣзды, кровопролитія, убійства, блудодѣянія и разныя другія беззаконія!»

Если шляхта, не менѣе пановъ виновная въ недостаткѣ справедливости въ Польшѣ, надѣялась получить ее изъ Москвы, то тѣмъ естественнѣе и искреннѣе было это чувство у всѣхъ истинно-угнетенныхъ. А число ихъ было легіонъ. Повсюду въ Рѣчи Посполитой основа величія страны, народная масса безъ человѣческихъ правъ и имени, стенавшая въ разгулѣ шляхетско-панской анархіи, жадно обращала свои взоры къ восходу солнца. Объ этомъ великомъ условіи погибели Польши и свѣтлой роли русскаго народа свидѣтельствуемъ не мы. Неизгладимую печать исторической истины кладетъ на наши слова одинъ изъ тѣхъ Венеціанцевъ XVI вѣка, правду и тонкость показаній которыхъ прославила наука[7]). Эта сермяжная масса только въ одномъ и сходилась съ давившимъ ее шляхтичемъ. Она раздѣляла слѣдующее его мнѣніе: «Мы должны хранить сердечный и святой завѣтъ славной памяти короля Сигизмунда: по прекращеніи его потомства взять себѣ пана не иначе, какъ съ полуночи, то-есть Московскаго. Мы должны замѣтить, что не даромъ и вѣщая Любуша послала слугъ искать себѣ мужа въ сѣверные края и взяла холопа изъ-за плуга. Видно, такъ ужъ

Богъ судилъ, чтобы Сарматы могли размножаться только съ помощью сѣверныхъ странъ, — Сарматы, подъ ударами которыхъ сокрушилось Римское государство»[8]).

При этомъ торжественномъ голосѣ низшихъ слоевъ народа, задумывались и наверху. Паны начинали приходить къ мысли о возможности примиренія съ Москвой. Передъ ними рисовалась картина, въ которой они, бойкіе, велерѣчивые и образованные, играли роль цивилизаторовъ и правителей въ сонмѣ бородатыхъ, длиннополыхъ и молчаливыхъ совѣтодателей царя. На первыхъ порахъ въ сенатѣ появлялись адвокаты за Ивана Грознаго. Въ его пользу агитировалъ суровый вождь католическаго большинства, Станиславъ Карнковскій. На него падали робкіе лучи будущей славы страны, Яна Замойскаго, — славы, которая вскорѣ разцвѣла въ борьбѣ съ Москвой[9])....

Но не одни эти великія общественныя начала содѣйствовали московской кандидатурѣ. Ее подкрѣпляли еще другія важныя условія, изъ которыхъ слагаются могучія, какъ-бы стихійныя силы. Отношеніе Москвы къ религіозному вопросу въ Рѣчи Посполитой было весьма выгодно для нея. Проходящая по всей ея исторіи вѣротерпимость была ясна для всѣхъ точно также, какъ и ея равнодушіе къ догматическимъ частностямъ, раздиравшимъ тогда западную Европу. Оттого польскіе протестанты были увѣрены въ сохраненіи своей свободы совѣсти подъ скипетромъ Ивана Грознаго. «Они мало обращали вниманія на то, что онъ греческой религіи», говоритъ современный папскій агентъ въ Польшѣ. Мы прибавимъ, что они даже возлагали на него нѣкоторыя надежды. Не далѣе, какъ въ 1570 году Чешскіе братья посылали въ Москву для обращенія его въ свою вѣру одного изъ своихъ наставниковъ, Іоанна Рокиту[10]). Что же касается католиковъ, то они не только не боялись «грегоріанства» Ивана IV, но, гордые своимъ мастерствомъ завлекать, лелѣяли самыя розовыя и самыя несбыточныя на-

дежды. Они считали аксіомой, что варваръ, еще не вкусившій настоящей христіанской истины, немедленно обратится въ латинство и разнесетъ его сѣмена по всему своему безпредѣльному царству. Папскій и венеціанскій агенты въ Польшѣ доносили тогда своимъ правительствамъ отрадныя вѣсти: «Московскій очень любитъ итальянскую націю. Онъ построилъ себѣ дворецъ съ такою же залой, какъ въ великомъ совѣтѣ въ Венеціи. Его склонность къ соединенію съ латинскою церковью, говорятъ, уже замѣтна. Его легко привести къ повиновенію апостолическому престолу, тѣмъ болѣе, что ему очень хотѣлось-бы короноваться если не императоромъ, то царемъ русскимъ.» А Станиславъ Карнковскій, хлопотавшій въ пользу Ивана IV въ началѣ безкоролевья, даже увѣрялъ папскаго легата, что «онъ будетъ служить Господу ревностно, въ силу ненависти, питаемой Москвитянами къ еретикамъ» [11]).

Если такъ думали въ Польшѣ, то что же сказать о Червонной Руси, Волыни, Кіевѣ и Литвѣ, гдѣ народъ, подавленный польскимъ гнетомъ, твердо держался за спасительное знамя восточнаго православія? Припомнимъ, что тутъ важнымъ подспорьемъ религіозной силѣ служили племенныя симпатіи. Очевидцы событій удостовѣряютъ, что и въ старыхъ русскихъ владѣніяхъ Польши, и въ тѣхъ, которыя мечтали объ уніи съ нею до роковаго 1569 года, тогда проснулся инстинктъ родства [12]). А въ Литвѣ дѣйствовали сверхъ того провинціальный духъ и мѣстныя причины, заставлявшія ее преимущественно желать сліянія съ Московскимъ государствомъ. Ничьи плечи, кромѣ литовскихъ, не чувствовали всей силы ударовъ восточнаго сосѣда, безстрашно и упорно совершавшаго свою историческую миссію. Съ нимъ былъ немыслимъ вѣчный миръ, «любительное братство», по выраженію московскихъ дипломатовъ XVI вѣка, безъ полнаго соединенія. Какъ долженъ былъ радоваться Литовецъ возможности на вѣки прекратить невыносимую борь-

бу! Этого мало. Онъ надѣялся найти въ московскомъ царѣ своего вѣрнаго защитника. Они сходились въ главномъ интересѣ — во враждѣ къ Польшѣ. Литва мечтала объ уничтоженіи при посредствѣ Москвы тяжкой люблинской уніи, о возвратѣ своихъ земель и правъ. Оттого-то литовскіе паны съ самаго начала стали во главѣ московскихъ стремленій. Имъ хотѣлось утвердить свои привилегіи, подорванныя уніей, пока еще ихъ не заѣло всемогущее польское шляхетство. Они готовы были на все. Быстро и твердо составилось у нихъ рѣшеніе отдѣлиться отъ Польши, призвавъ къ себѣ изъ Москвы великаго князя. Исторія отношеній между Москвою и Рѣчью Посполитой въ описываемое безкоролевье не сходитъ съ литовской почвы. А года полтора спустя, Скобельцынъ, московскій гонецъ въ Вѣнѣ, сообщилъ Ивану IV слухъ, распространенный во всѣхъ имъ видѣнныхъ земляхъ, въ Даніи, Германіи, Бельгіи, Моравіи и Австріи, о томъ, что Литва глубоко скорбѣла о неудачѣ московской кандидатуры [13]).

Теперь насъ не удивитъ та величавая, радужная картина будущаго, которая рисовалась Поляку на широкомъ фонѣ громадныхъ силъ, поддерживавшихъ интересы Москвы. «Къ намъ переселится, мечталъ онъ, царь, выше котораго никогда не было въ Польшѣ. У него самобытный разумъ, желѣзная воля, цѣльный характеръ. Онъ силенъ духомъ, дѣятеленъ и воинственъ. Онъ скорѣе согласится погибнуть, чѣмъ склонится подъ чужое ярмо. Онъ любитъ собственными глазами смотрѣть на непріятельскія рати. Онъ обрабатываетъ насъ, пока мы толкуемъ съ Литвою; и отъ побѣды надъ нимъ нѣтъ никакой выгоды. По храбрости и дѣльности онъ не имѣетъ равнаго себѣ между всѣми христіанскими монархами и королями. Онъ близокъ къ Полякамъ по языку и обычаямъ. Онъ необыкновенно великъ и могуществен. Подъ его державой стоитъ 15 княжествъ, 16 большихъ провинцій и два царства, до 200 тысячъ конницы, 20 тысячъ пищальниковъ, въ родѣ янычаръ,

и уже зараждается пѣшая милиція. У него богатая казна и огромное количество драгоцѣнностей. При немъ у насъ водворится миръ внутренній и внѣшній. Литва и Ливонія, столько лѣтъ не слагавшія оружія ни на минуту, получатъ вѣчное спокойствіе. Откроется нарвская и другія навигаціи къ общему прибытку. Закрѣпятся за нами непокорныя земли прусская, поморская, ливонская, велюнская, спижская, и Покутье. Зацвѣтутъ подольскія пустыни, наполнятся поселенцами, добромъ, вотчинами, замками и дорогами подъ рукой правителя, который съ такою точностью и искусствомъ печется о своихъ земляхъ, доставляетъ имъ все нужное и людей, охраняетъ пути крѣпостями и рачительною стражей. И явимся мы непобѣдимою, ужасною силой въ виду всѣхъ государей въ мірѣ. И разгуляется наше владычество по морю; и раздвинутся наши границы на сушѣ. Мы приберемъ къ рукамъ ускользнувшую силезскую землю, ударимъ на Турокъ, вырвемъ Валаховъ у нихъ изъ рукъ, загонимъ ихъ за Дунай и пройдемъ еще гораздо дальше» [14])....

При этихъ свѣтлыхъ лучахъ будущаго исчезали передъ Полякомъ темныя пятна. Спокойно, самонадѣянно смотрѣлъ онъ даже на страшный порокъ въ его идеалѣ, на то, что Иванъ Грозный слылъ типомъ деспота и тирана. «Это пустяки, разсуждалъ онъ. Царь жестокъ лишь въ минуты гнѣва, вызываемаго дурною жизнію, обстановкой. Да и то онъ не трогаетъ своихъ честныхъ подданныхъ, хотя ихъ и не ограждаетъ никакой законъ. Онъ тиранствуетъ только надъ измѣнниками своей страны и ослушниками его приказаній. А у тамошнихъ весьма дикая натура, не обработанная ни искусствами, ни благородными нравами, ни предписаніями законовъ. Они даже не могутъ понимать свойствъ, воли и приказаній такого господина. И вотъ, ему приходится вѣчно бороться съ своимъ народомъ, какъ съ медвѣдями и другими животными! У насъ совсѣмъ не то. У насъ законы и вольности; у насъ добродѣтельная натура, великоду-

шіе, въ должной мѣрѣ облагороженные обычаи. Мало того. Украшеніе старой славы польскаго народа — величіе его духа, которымъ онъ и доселѣ превосходитъ многія другія націи, всегда состояло въ томъ, что онъ отнюдь не давалъ поблажки королямъ-тиранамъ, безъ страха и корысти возставалъ противъ ихъ вредныхъ и непристойныхъ поступковъ. И благородный польскій народъ не заимствовалъ этого свойства у другихъ націй: оно поистинѣ прирождено ему. Пусть укажутъ намъ короля, который безъ собственной опасности подвергнулъ-бы у насъ кого-либо лишенію жизни или имущества помимо закона, лишь по своему природному тиранству или по своей мятежности (sua naturali tirannide aut rebellione)! Въ Польшѣ король держится только по милости (ad beneplacitum) подданныхъ. Если же онъ не понравится намъ, нарушитъ наши права, то мы всегда можемъ низложить его и выбрать себѣ другаго. Наши благородные законы и вольности, а еслибы даже ихъ не было, наше благородное благородство очень легко укротитъ даже короля-животное, короля самой звѣрской природы *. Зная все это, видя постоянную вѣрность себѣ со стороны Поляковъ, Московскій почувствуетъ омерзѣніе къ безпутству (sprośność) своихъ людей и обычаевъ, измѣнитъ свою натуру и такъ влюбится въ благородный народъ польскій, что современемъ приведетъ Москву къ уніи съ Польшей, какъ Ягелло Литву. Ягелло отличный примѣръ. Онъ былъ не только тиранъ, но дядеубійца, не только не-католикъ, но язычникъ: а ставъ нашимъ королемъ, онъ обратился въ нашего друга и любовника, въ кроткаго христіанина»....[15]).

Вотъ основы, на которыхъ покоилась сила двухъ важнѣйшихъ кандидатуръ на польскій престолъ въ описываемое без-

* «..tak szlachetna szlachetność narodu Polskiego etiam ferocissimam naturam principis (въ другомъ мѣстѣ: illud ferocissimum animal) facillime mitescet».

королевье. Указанныя отношенія къ нимъ Поляковъ всего лучше подтверждаются народною молвой, которая всегда овладѣваетъ главнымъ вопросомъ минуты. Уже передъ кончиной Сигизмунда-Августа въ Польшѣ много толковали о сильныхъ сосѣдяхъ. На другой день послѣ нея о нихъ заявила и оффиціальная сфера. Въ универсалѣ къ своей шляхтѣ сандомірскій воевода, Петръ Зборовскій, коснулся слуха, будто нѣкоторые сосѣдніе государи стянули свои войска къ границамъ Рѣчи Посполитой и уже начали интриговать внутри ея [16]). Тогда молва о «Московскомъ», «цесарѣ», о ихъ сыновьяхъ да о «сиротѣ-королевнѣ» стала расти весьма быстро и принимала сказочный характеръ. Всего упорнѣе нашептывала она легковѣрнымъ о юномъ цесаревичѣ, который тайкомъ, въ одеждѣ своего слуги, спѣшитъ изъ Вѣны, «черезъ пустыни и дебри,» къ скорбной королевнѣ, въ замокъ, гдѣ держутъ ее въ злой неволѣ. Стоило появиться гдѣ-либо незнакомой нѣмецкой физіономіи — и изъ повѣта въ повѣтъ разносилась вѣсть, что это и есть самый цесаревичъ [17]).

Чтобы видѣть на сколько дѣйствительность соотвѣтствовала слухамъ, обратимся къ своеобразному кругу интересовъ. Онъ печаленъ, онъ кишитъ людьми, великими на малыя дѣла. Но онъ весьма оживленъ. Къ прискорбію, здѣсь, гдѣ нѣтъ историческаго величія, человѣкъ съ особенною любовью расточаетъ свои силы, достойныя лучшихъ цѣлей. Слѣдуя хронологіи, мы должны начать съ происковъ нѣмецкаго императора. Но мы не поймемъ ихъ судьбы, если предварительно не дадимъ мѣста въ нашемъ разсказѣ великой исторической силѣ, которая будетъ преслѣдовать насъ до конца книги, какъ преслѣдовала Польшу до ея послѣдняго издыханія. Передъ нами обновленное папство.

Потребность въ нравственномъ средоточіи, возбужденная новою религіей, родила эту замѣчательную силу. Языческое преданіе, сплетенное съ Римомъ, византійская политика, нѣмецкая

анархія да мракъ среднихъ вѣковъ воспитали ее. Эти печальныя опоры отвлекли ее далеко отъ свѣтлаго источника. И чѣмъ болѣе она развивалась, тѣмъ замѣтнѣе утрачивала чутье своего призванія. Помня только свой міровой характеръ, она старалась сохранить его въ матеріальной сферѣ, въ которую погружалась все глубже и глубже. Европа могла судить о своемъ будущемъ по историческому намеку, который представляла Италія. Тамъ, при усиліи папъ всячески раздвинуть предѣлы своей области, можно было различить, на зарѣ XVI вѣка, небывалое церковное государство, сплошною массой залегавшее земли отъ Піаченцы до Террачины. Съ теченіемъ столѣтій надъ правителями Европы вознесся колоссальный типъ міроваго властолюбія въ лицѣ папства. Оно должно было обратиться къ жалкимъ средствамъ. Оно высасывало матеріальныя силы западнихъ народовъ, которыя употребляло на ихъ же угнетеніе. Оно задерживало умственное развитіе, проповѣдуя узкую теорію назначенія человѣка.

Но у этихъ народовъ тлѣла искра болѣе достойной жизни. При первомъ вѣяніи духа новаго времени она начала разгораться. Мистицизмъ, фантастичность, смѣшеніе небеснаго съ земнымъ стали исчезать передъ требованіями дѣйствительности. Создавались государства — эти истинные представители свѣтскихъ интересовъ человѣчества. Уже въ XV вѣкѣ надъ папствомъ началось исполненіе неподкупнаго приговора исторіи. Во Франціи, Германіи, Англіи, даже въ Испаніи и Португаліи часть его правъ перешла къ государствамъ. Вслѣдъ затѣмъ рухнула его привилегія душеспасенія въ пользу народнаго начала. Презрѣнное, подорванное, оно должно было погибнуть или переродиться. Задушевность протестантизма можно было отразить только искренностію раскаянія. И точно, для папства настали минуты самоочищенія. На римскомъ престолѣ появились атлеты возрожденія латинства. Во главѣ ихъ сто-

ялъ Павелъ IV, душа этого возрожденія, основатель ордена Театинцевъ и Общества исправленія католической церкви, возстановитель инквизиціи. Новаго строя ватиканской жизни не смѣлъ нарушить даже его преемникъ, Пій IV, веселый, любившій земныя радости юристъ. Онъ даже вовлекъ свѣтскую власть въ его защиту. А за нимъ слѣдовалъ человѣкъ низкаго происхожденія, но высокаго достоинства, поднятый Павломъ IV. Пій V собственнымъ примѣромъ утверждалъ сѣмена, посѣянныя его патрономъ. Онъ былъ искрененъ и въ молитвѣ, доходившей до слезъ, и въ мрачномъ взлядѣ на людей, доводившемъ его до кровожадности. Онъ благословилъ Альбу на его ужасные подвиги и собирался, цѣною послѣдняго креста и чаши, достигнуть уничтоженія Англіи, этой опоры нововѣрія въ Европѣ. Пій V умеръ за два мѣсяца до кончины Сигизмунда-Августа.

Преемникомъ его была также недюжинная личность Григорія XIII, при которомъ Рѣчь Посполитая пережила почти сряру два безкоролевья по прекращеніи династіи Ягеллоновъ. Въ Григоріи XIII олицетворилась идея всемірнаго господства, какъ понималъ ее *возрожденный* католицизмъ. Въ XVI вѣкѣ папство не поддавалось жаждѣ земныхъ наслажденій и свѣтской власти въ такой мѣрѣ, какъ въ XVII. Оно стремилось владычествовать надъ совѣстью людей. Оно искренно любило орудіе обновленной идеи. Іезуитство было тогда проникнуто тѣмъ же духомъ. Должность духовная преобладала въ немъ надъ свѣтскою и не сливалась съ нею. Оно еще не проповѣдывало, подъ видомъ ученія Христа, того нравственнаго уродства, которымъ опозорило себя столѣтіемъ позже. Григорій XIII стоялъ во главѣ католическаго миссіонерства, получившаго полную организацію лишь черезъ полвѣка. Предоставляя своимъ преемникамъ заморскихъ язычниковъ, онъ трудился надъ искорененіемъ «еретичества» въ Европѣ. Въ основаніи его работы лежала глубокая мысль—привить сѣмена католицизма къ невоз-

дѣланной почвѣ юныхъ натуръ. Кажется, не было іезуитской школы въ мірѣ, которая не пользовалась-бы его щедрою поддержкой. А въ Римѣ онъ завелъ іезуитскіе коллегіи, носившіе названія германской, англійской и даже греческой. Подлѣ нихъ воздвиглось міровое учрежденіе, «Семинарій всѣхъ націй», при открытіи котораго было прочтено 25 рѣчей на 25 языкахъ но съ переводомъ каждой изъ нихъ на латинскій. Въ то же время изъ Рима разсылались по Европѣ искусные нунціи и легаты. Они поднимали Ирландію противъ Елисаветы англійской; поддерживали слабѣвшую энергію Филиппа испанскаго; шептались съ авторами варѳоломеевской рѣзни, за которую Григорій XIII служилъ благодарственные молебны [18]). Они же зорко слѣдили за страной, раздѣлявшей двѣ половины Европы. Папство видѣло въ Рѣчи Посполитой форпостъ, на который долженъ былъ опираться авангардъ бойцовъ католицизма, стремившихся въ таинственную глубину Востока. Оно такъ заботилось о ней, что во второй половинѣ XVI вѣка рѣшилось показать ей знакъ своего особеннаго вниманія. Не даромъ его агентъ въ Польшѣ, аббатъ Руджіери совѣтовалъ имѣть тамъ постояннаго нунція, человѣка примѣрной жизни. Не даромъ въ 1563 году Гозій рекомендовалъ на этотъ постъ кардинала Коммендоне [19]). Въ слѣдующемъ же году изъ Рима выѣхалъ въ Польшу одинъ изъ лучшихъ служителей папства.

Іоаннъ Францискъ Коммендоне принадлежалъ къ древней дворянской фамиліи, давно переселившейся изъ Германіи въ Бергамо. Его серьёзное, чуждое игръ дѣтство протекло въ поэтической Венеціи, гдѣ онъ лепеталъ латинскіе стихи; юность—въ многоученой Павіи, гдѣ его увлекали краснорѣчіе, правовѣдѣніе да Платонъ, изъ-за котораго онъ едва не лишился зрѣнія. Но поэзія и наука не могли утолить его ненасытнаго честолюбія. Онъ считалъ себя созданнымъ для великихъ подвиговъ. Его тянуло въ Римъ, эту сокровищницу міровой славы.

Двадцатилѣтнему юношѣ Вѣчный городъ предсталъ въ полномъ церковномъ величіи. То былъ блестящій 1550 годъ, годъ ярмарки индульгенцій, именуемой папскимъ юбилеемъ. Около того же времени начала проникать въ жизнь идея католической реформаціи. Члены Ораторіи Божественной Любви, основанной при Львѣ X лучшими людьми, стали кардиналами и составляли проектъ церковныхъ преобразованій. Съ помощію венеціанскаго посла, іезуитовъ да собственныхъ стиховъ къ статуѣ папы Юлія III, Коммендоне получилъ мѣсто при ватиканскомъ дворѣ. Онъ напалъ на путь своего призванія. Черезъ пять лѣтъ онъ былъ уже епископомъ и преторомъ города, черезъ четырнадцать кардиналомъ. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе болѣе четверти вѣка, на него безпрерывно сыпались важныя порученія. Онъ вѣчно мчался изъ Рима по разнымъ направленіямъ, то въ Урбино или Венецію, то въ Германію или Нидерланды, то въ Англію или Португалію, то въ Кефалонію или Занте. Три раза понадобился онъ въ Вѣнѣ, два въ Краковѣ. Не даромъ папство такъ усердно прибѣгало къ Коммендоне. Не даромъ иностранцы дивились его рѣдкимъ достоинствамъ [20]).

Это былъ стройный, ловкій, необыкновенно подвижной монахъ, съ быстрой походкой, суровымъ и гордымъ лицомъ, съ черными живыми глазками, вздернутымъ носомъ, маленькими ушами, рѣдкими зубами. Этимъ внѣшнимъ чертамъ соотвѣтствовали его нравственныя свойства. То была пламенная подвижническая натура, которую могли упрекать въ безстрастіи лишь поклонники чувственнымъ наслажденій. Весь ея богатый пылъ находился въ той степени сосредоточенности, при которой пораждаются недюжинные характеры. «Дворъ, говорилъ онъ о сферѣ, въ которой вращалась вся его жизнь, требуетъ доброты, величія души, благоразумія, богословія и краснорѣчія [21])». И, кромѣ перваго, всѣ эти качества воплощались въ немъ. Онъ былъ недоступенъ лести и обычнымъ соблазнамъ, даже зо-

лоту, которому тогда поклонялся дипломатическій міръ [22]). Онъ пренебрегалъ внѣшними удобствами и удовольствіями. Не менѣе онъ презиралъ людей. Суровый и желчный, онъ улыбался только съ злорадствомъ. Служившіе ему монахи ни разу не подмѣтили у него добродушной шутки. За то часто приходилось имъ слышать его гнѣвную, насмѣшливую рѣчь, которая жалила ихъ ядовито. Они видѣли также, какое самодовольство разливалось по его лицу, когда они, выбившись изъ силъ, покидали его на трудномъ пути. Самъ же онъ не зналъ ни усталости, ни спокойствія. Онъ велъ примѣрную жизнь, подъ гнетомъ которой изнемогали его слуги; строго соблюдалъ обряды; то и дѣло постился и причащался. Постояннымъ изнуреніемъ онъ закалилъ свое тѣло, могъ ѣсть, что̀ попало, спать и не смыкать глазъ во всякое время. Явившись въ незнакомую страну, онъ, вмѣсто отдыха, сновалъ по ней взадъ и впередъ, все высматривалъ и выспрашивалъ, быстро освоивался съ средой. Въ увлеченіи дѣломъ онъ доходилъ до полнаго самозабвенія. Тутъ-то свободно, отъ души лились его слова, и въ нихъ горѣла та искра краснорѣчія, отъ которой волнуется самъ вдохновенный ораторъ и рыдаютъ слушатели [23]). За эти труды, за нравственное мученіе Коммендоне позволялъ себѣ лишь одно наслажденіе—вдали отъ ненавистныхъ людей, странствовать до изнеможенія, то пѣшкомъ, то верхомъ по дикимъ мѣстамъ, по горамъ и дебрямъ. Свои богатыя, сосредоточенныя силы Коммендоне посвятилъ всецѣло служенію одной высокой идеѣ, которая въ его глазахъ олицетворялась въ папствѣ. Для нея онъ выбралъ удѣлъ нищаго, отказался отъ выгоднаго брака, отъ семьи, передававшей ему свое имя и достояніе, отъ почетной службы въ родной Венеціи. Для нея убилъ свои завѣтныя желанія, насиловалъ свою жизнь. При одномъ намекѣ папы, онъ сжегъ всѣ свои комедіи и трагедіи. Для нея онъ, гордый и безстрашный, прибѣгалъ къ вкрадчивости и осторожности, то дерзко поды-

мался противъ закона и властей, то надѣвалъ маску кротости и добродушія, даже улыбками отвѣчалъ на толчки. Среди этихъ усилій осуществить новыя начала католицизма, Коммендоне близился къ завѣтной цѣли своего честолюбія, окруженный удивленіемъ и почетомъ въ правленіе шести папъ. Есть вѣроятность, что онъ былъ-бы седьмымъ, еслибы Провидѣніе не остановило его на жизненномъ пути. За годъ до кончины Григорія XIII (1584 г.) онъ умеръ въ любимой Павіи хилымъ старцемъ. Согласно съ его послѣднею волей, его прахъ былъ похороненъ капуцинами безъ почестей, по убогому монашескому обычаю[24]).

Европа видѣла въ Коммендоне ходячій результатъ обновленія римской церкви. Да, только возрожденный католицизмъ могъ такъ увлекать даровитыя натуры; только вторая половина XVI вѣка могла доставлять столько достойнаго матеріала ихъ недюжиннымъ стремленіямъ. Коммендоне непосредственно переживалъ величіе этой эпохи. Въ Римѣ онъ присутствовалъ при самомъ процессѣ обновленія старой церкви. Въ Англіи онъ засталъ царство кровавой католической реакціи, когда для кардинала Поля настала минута мести. Въ Нидерландахъ глухо подготовлялась невиданная свѣтомъ религіозная революція. Въ Нѣмецкой имперіи Коммендоне былъ при заключеніи аугсбургскаго мира, при самопогребеніи Карла V, при борьбѣ Максимиліана II съ іезуитствомъ. И въ Польшу судьба привела его въ самую важную, интересную минуту.

То была вторая половина царствованія Сигизмунда - Августа, свѣтлая эпоха въ исторіи протестантизма въ Рѣчи Посполитой. Мы видѣли (во введеніи), какъ тогда опустились руки у вождей католицизма. А между тѣмъ изъ Рима пришелъ приказъ немедленно исполнить постановленія Тридентскаго собора. Помочь имъ въ этомъ почти невозможномъ дѣлѣ поручено было кардиналу Коммендоне. Недѣли въ двѣ прискакалъ онъ глубокою зимой 1563 года изъ Падуи въ Варшаву, гдѣ дворъ ожидалъ его

съ нетерпѣніемъ[25]). На встрѣчу ему вышла, во главѣ духовенства, другая католическая знаменитость, кардиналъ Гозій. Тутъ-то папскій нунцій увидѣлъ всю силу протестантовъ и слабость католиковъ въ Польшѣ. Среди епископовъ царствовалъ неописанный раздоръ. Ихъ бесѣды съ нимъ были рядомъ взаимныхъ жалобъ и доносовъ. Вражда проявлялась даже въ мелочахъ. Яковъ Уханскій горячо спорилъ съ епископомъ краковскимъ, Подневскимъ, о формѣ аудіенціи, которую король долженъ былъ дать нунцію. Весьма любезный пріемъ короля оказался простою формальностью. Коммендоне не добился отъ него ни отмѣны вредныхъ духовенству петрковскихъ декретовъ, ни соблюденія выгоднаго варшавскаго эдикта 1557 года[26]). Тогда, слѣдуя папскому внушенію, онъ посовѣтовался съ Гозіемъ насчетъ тридентскихъ постановленій. Рѣшили дать отпоръ Якову Уханскому, хлопотавшему о созваніи національнаго собора по этому же поводу, и всячески овладѣть королемъ и сенатомъ до предстоящаго сейма. Личныя силы Коммендоне произвели чудо. Сенаторы, которыхъ онъ очень боялся, безпрекословно приняли тридентскія постановленія. Въ то же время король издалъ указъ объ изгнаніи изъ Польши всѣхъ иностранныхъ проповѣдниковъ. Но этотъ крутой поворотъ произвелъ страшную бурю и придалъ новую силу «еретичеству». Ужаснувшійся король тотчасъ сдѣлалъ ему уступку. Никогда еще судьба польскаго католицизма не подвергалась такому сомнѣнію. Тутъ-то явился ему на помощь Коммендоне. Онъ только-что возвратился изъ путешествія по Рѣчи Посполитой. Онъ объѣхалъ значительную часть ея, заглянулъ даже «къ племенамъ, которыя никогда не видали апостолическаго нунція». Рекогносцировка была, конечно, не безплодна. Кардиналъ глубоко проникъ въ свойства этого печальнаго государства, которое страдало, по его словамъ, «болѣзнію сеймованья» (morbus comitialis). «Онъ хорошо позналъ мысли и чувства Поляковъ, съ которыми умѣлъ съ тѣхъ поръ обходить-

ся»[27]). Онъ сталъ теперь поддерживать и мирить епископовъ, привлекать сенаторовъ ловкимъ обращеніемъ, а впечатлительную толпу на сеймѣ величавыми, фантастичными планами[28]). Онъ сумѣлъ очаровать и дворъ. Король сталъ оказывать ему полное довѣріе, даже признался ему въ желаніи развестись съ третьей женой; назначилъ ему изъ своихъ неаполитанскихъ суммъ 2000 дукатовъ въ пожизненную пенсію. Тогда же папа прислалъ ему кардинальскую шапку. Но, къ прискорбію католиковъ и особенно сдружившагося съ нимъ Гозія, Коммендоне былъ вызванъ въ Римъ въ концѣ 1565 года. Въ Прагѣ онъ услышалъ о смерти Пія IV, въ Мюнхенѣ объ избраніи Пія V[29]).

Отсутствіе такого помощника сильно почувствовали польскіе католики. Напрасны были старанія другаго нунція, Юлія Руджіери, прибывшаго въ Польшу въ 1566 году. Онъ не могъ замѣнить Коммендоне. Напрасны были также увѣщанія папы Якову Уханскому и епископамъ, чтобы они, «не щадя жизни» единодушно боролись за латинство и не оказались «недостойными предковъ нѣмыми собаками, не могущими лаять»[30]). Яковъ Уханскій самъ подавалъ печальный примѣръ своимъ подчиненнымъ. Именно въ эту минуту его грязная вражда съ Николаемъ Вольскимъ, епископомъ куявскимъ, увѣнчалась поразительнымъ скандаломъ. Публично, на сеймѣ, прелаты поносили другъ друга площадною бранью. И этотъ-то примасъ писалъ въ Римъ, что у него опускаются руки и онъ «не знаетъ, что дѣлать»!

Столь же печальную картину рисовалъ и Юлій Руджіери. Впрочемъ, онъ выказалъ лишь талантъ къ хвастовству[31]). Его вскорѣ отозвали. Но, вмѣсто «постояннаго легата, человѣка примѣрной жизни», какъ онъ совѣтовалъ, нунціемъ въ Польшу былъ присланъ Винцентій Портико. Это былъ ничтожный Итальянецъ, съ іезуитскими правилами, служившими лишь для удовлетворенія его корыстныхъ цѣлей. На жизнь онъ смотрѣлъ, какъ на земной рай. Онъ извлекалъ наслажденія отовсюду, находилъ

ихъ даже тамъ, гдѣ не указывала природа. Его грязное сластолюбіе, опозорившее римскую іерархію на весь міръ [32]), тотчасъ сдружило его съ королемъ. Онъ льстилъ ему, его сестрѣ и придворнымъ, барски-снисходительно обращался съ нововѣрцами. Дворъ былъ въ восторгѣ отъ него, онъ—отъ двора. Король старался добыть ему кардинальство; онъ превозносилъ короля. Въ Римъ къ папѣ и въ Вѣну къ Коммендоне онъ разсылалъ письма съ самыми розовыми надеждами [33]). Портико думалъ разомъ и подслужиться королю, и выставиться передъ папою. Но въ этихъ письмахъ вѣрно было лишь одно: что при дворѣ съ нунціемъ видятся и бесѣдуютъ охотно, довѣрчиво, фамильярно; что онъ не вымаливаетъ аудіенціи, а свободно проводитъ съ королемъ цѣлые часы.

Между тѣмъ положеніе католицизма все ухудшалось. Новый сеймъ, хотя и отвергъ аугсбургское исповѣданіе, однако опять обѣщалъ стараться «о религіозномъ примиреніи, о согласіи свѣтской власти съ духовною». Вѣроятно, въ этихъ видахъ король и примасъ задумали созваніе національнаго собора изъ представителей всѣхъ вѣроисповѣданій, позволили краковскимъ протестантамъ устроить школу, больницу, кладбище, а ихъ церкви уравняли въ правахъ съ католическими. Ревнители старой вѣры замѣчали, что дворъ сталъ открыто еретичествовать [34]). Они съ ужасомъ предвѣщали Польшѣ судьбу Англіи, находя сходство въ поступкахъ Сигизмунда-Августа и Генриха VIII. Дѣйствительно, король, не шутя, задумалъ развестись съ послѣднею женой, для чего потребовалась поддержка нововѣрцевъ. Онъ завелъ съ ними тайныя сношенія. Конечно, они радостно пошли ему на встрѣчу, да еще въ сообществѣ съ литовскими панами. Отъ нихъ поскакали гонцы въ Пруссію, къ нѣмецкимъ протестантамъ. Очевидно они, готовились во всеоружіи вступить въ открытый бой съ латинствомъ на сеймѣ 1572 года. О послѣднемъ католики не могли подумать безъ

трепета и молили Бога о замедленіи «этого самаго убійственнаго для церкви яда». Они считали себя «погибающими» среди наставшаго «безчестія, безславія» и были готовы даже пожертвовать двумя изъ тридентскихъ постановленій. Они обратились всѣ въ ожиданіе: не придетъ-ли изъ Рима къ нимъ на помощь «мужъ важный, съ зрѣлымъ умомъ, съ недюжиннымъ значеніемъ».

Этотъ мужъ, Іоаннъ Францискъ Коммендоне, былъ недалеко. По порученію папы Пія V, онъ увѣщавалъ нѣмецкаго императора ополчиться на изгнаніе мусульманъ изъ Европы. Но Максимиліанъ II, который такъ страшился Турокъ, что даже не рѣшился публично праздновать лепантскую побѣду, далъ уклончивый отвѣтъ [35]). Зимой 1571 года кардиналъ выѣхалъ въ Польшу съ тѣмъ же порученіемъ. Вожди польскаго католицизма, съ которыми онъ не прерывалъ сношеній послѣ 1565 года, встрепенулись. Станиславъ Карнковскій «воздѣлъ руки къ небу» и воскликнулъ: «къ намъ, истомленнымъ, удрученнымъ бременемъ потрясенной религіи, исполненнымъ грустныхъ, плачевныхъ ожиданій, какъ-бы съ Неба сходитъ самая дѣйствительная Божественная сила»! [36])

И не даромъ. Коммендоне началъ дѣйствовать очень успѣшно. Король принялъ его съ особеннымъ почетомъ; вставалъ передъ нимъ, не смотря на подагру; вездѣ уступалъ ему первое мѣсто. Протестанты такъ перетрусили, что старались оттянуть время созванія сейма до его отъѣзда. Но это не удалось, и опасенія ихъ оправдались. Католики, которыхъ на этотъ разъ поддержали Литовцы, побѣдили [37]). Только въ своемъ главномъ порученіи кардиналъ былъ менѣе счастливъ. Поляки вообще боялись Турокъ не менѣе, чѣмъ Австрійцы. Къ тому же султанъ былъ раздраженъ набѣгомъ Николая Мелецкаго съ Богданомъ на Молдавію. Коммендоне «сильною рѣчью, возбужденіемъ жажды добычи и надеждами на выгодныя военныя должности, на славу

и извѣстность» [38]), старался склонить пановъ къ подачѣ въ сенатѣ голоса за войну. Они нехотя пообѣщали. Но къ великой ихъ радости, имъ не пришлось сдержать слова. Авторъ крестоваго похода, Пій V, умеръ въ эту минуту. Сигизмундъ-Августъ едва дышалъ. Нововѣрцы встрепенулись и готовились къ побѣдѣ въ предстоящее безкоролевье. Главы польскаго католицизма растерялись. Коммендоне понялъ, что теперь не до турецкаго вопроса. Онъ бросилъ его и схватился за дѣло польскаго католицизма.

Онъ поставилъ себѣ цѣлью не только посадить на польскій тронъ короля-католика, но устроить такъ, чтобы онъ былъ обязанъ своимъ выборомъ *однимъ католикамъ*. Тогда рушились-бы надежды протестантовъ на религіозныя уступки. Опытному папскому легату хорошо были извѣстны средства къ достиженію этой цѣли. Онъ рѣшился всячески водворять согласіе среди католиковъ и разъединять враговъ. Зерномъ католическаго союза послужилъ, конечно, единственный вполнѣ надежный епископъ, Станиславъ Карнковскій. Коммендоне свелъ съ нимъ важнаго пана, весьма вліятельнаго у свѣтскихъ вельможъ. То былъ Альбертъ Ласкій.

Фамилія Ласкихъ выдвинулась въ XVI вѣкѣ, благодаря сильному, даровитому, многосвѣдущему Яну, архіепископу гнѣзненскому. Горячій патріотъ и ревнитель католицизма, онъ первый издалъ собраніе законовъ своей страны; изгонялъ изъ Польши Евреевъ и лютеранъ; возвеличилъ польскую іерархію и шляхту; добылъ польскому примасу титулъ *legatus natus* и права архіепископа кентерберійскаго; закрылъ нешляхетскому сословію путь къ духовнымъ должностямъ. Но уже его племянники, воспитанные на новыхъ началахъ, представляли совсѣмъ другой типъ. Одинъ изъ нихъ, извѣстный намъ Янъ, былъ рыцаремъ польскаго протестантизма. Другой, Іеронимъ, горячій и задорный, вдался въ авантюризмъ. Перессорившись съ польскими панами, лишив-

шись воеводства, онъ задумалъ посадить на венгерскій тронъ Іоанна Заполью, разбитаго Фердинандомъ чешскимъ и пріютившагося у польскихъ вельможъ. Съ этою цѣлью онъ не разъ ѣздилъ въ Константинополь. Занявъ венгерскій тронъ, Заполья отдалъ Ласкому въ управленіе Седмиградію. Но вскорѣ друзья поссорились. Іеронимъ то ходилъ съ Турками и Венеціанцами противъ Запольи, то наушничалъ Фердинанду австрійскому и Сулейману; сидѣлъ то въ венгерской, то въ турецкой тюрьмѣ.

Свойства Іеронима Ласкаго перешли къ его сыну, Альберту, сначала воеводѣ плоцкому, потомъ сѣрадзскому. Отецъ рыцарствовалъ въ Венгріи и Седмиградіи, сынъ—въ Молдавіи. Тамъ, въ сообществѣ съ Зборовскими и туземными крамольниками, Альбертъ, еще не достигнувъ тридцати лѣтъ, свергнулъ одного господаря, посадилъ другаго, и самъ едва не погибъ (стр. 33—34). Но сынъ превосходилъ отца въ роскоши и блескѣ. Наслѣдственное богатство онъ увеличилъ хорошимъ приданымъ своихъ двухъ женъ. Неимовѣрно щедрый, не зная счета деньгамъ, онъ расточалъ ихъ на патріотическія и религіозныя цѣли, а чаще всего на пышную обстановку истинно-польскаго пана. Онъ явился на коронацію Генриха анжуйскаго, окруженный четырьмястами великолѣпно-одѣтыхъ молодцовъ; во время путешествія по Европѣ истратилъ болѣе милліона червонныхъ злотыхъ. Точно также распоряжался онъ и съ своими личными силами. Онъ не щадилъ ихъ для дѣла, которое признавалъ *своимъ*. Смѣлый, упорный, Альбертъ былъ надежнымъ другомъ, твердою опорой. Роль хладнокровнаго зрителя была не по немъ. Онъ сразу рѣшалъ жизненныя задачи. Онъ любилъ открытую борьбу и твердилъ: «пусть лучше многіе завидуютъ намъ, чѣмъ немногіе сожалѣютъ о насъ» [39]). Онъ участвовалъ во всѣхъ важныхъ событіяхъ въ своемъ отечествѣ. Многіе считали его безспорнымъ кандидатомъ на польскій тронъ въ случаѣ, еслибы вопросъ пошелъ о королѣ-туземцѣ.

И такой-то человѣкъ былъ съизмала «еретикомъ»! Католики ухаживали за нимъ. Коммендоне въ свой первый пріѣздъ въ Польшу старался очаровать его, Станиславъ Гозій не спускалъ съ него глазъ. Какъ обрадовался старикъ, когда, въ 1569 году, папскій нунцій, Винцентій Портико, написалъ ему лаконически: «Ласкій исповѣдался передо мною, какъ католикъ, и отрекся отъ ереси»! [40]) Это случилось во время знаменитаго люблинскаго сейма. Тутъ Альбертъ уже горячо стоялъ за подавленіе нововѣрія. Въ слѣдующемъ году, на варшавскомъ сеймѣ, онъ былъ однимъ изъ виновниковъ разрушенія надеждъ протестантовъ на признаніе аугсбургскаго исповѣданія. А когда его искуситель, Коммендоне, вторично приближался къ Польшѣ, онъ выѣхалъ за-границу къ нему на встрѣчу; и съ тѣхъ поръ повсюду, при дворѣ-ли, на улицѣ-ли, впереди всѣхъ оказывалъ ему почетъ.

Онъ и теперь не дѣлалъ ни шагу безъ совѣтовъ папскаго легата, равнявшихся для него приказанію. Коммендоне безъ труда свелъ эту душу свѣтскаго католичества въ Польшѣ съ душой церковнаго, съ Станиславомъ Карнковскимъ. Въ его присутствіи они поклялись дѣйствовать сообща въ вопросѣ о выборѣ короля, прибѣгать къ его суду въ случаѣ разногласія, извѣщать его о всѣхъ своихъ намѣреніяхъ. Такъ составилось ядро организаціи католическихъ силъ въ Польшѣ наканунѣ смерти послѣдняго Ягеллона. Къ нему тотчасъ же примкнуло много католиковъ, среди которыхъ замѣшался епископъ кіевскій, Николай Пацъ. Но самымъ дорогимъ пріобрѣтеніемъ были Зборовскіе. Андрей уже давно благоговѣлъ передъ кардиналомъ. Петра Коммендоне привлекъ ловкимъ маневромъ. Онъ разжегъ его вражду къ Яну Фирлею. Черезъ Андрея онъ обращалъ его вниманіе на таинственное движеніе въ домѣ маршалка великаго короннаго. «Тамъ какія-то сборища; тамъ снуютъ ловкіе, способные люди....» Разсвирѣпѣвшій Петръ Зборовскій, одинъ изъ вождей протестантизма, открыто кинулся въ объятія римскаго агента.

Коммендоне хорошо зналъ положеніе Рѣчи Посполитой. Онъ понялъ, что успѣхъ ожидалъ только то дѣло, за которое стояла Литва. Нужно было овладѣть двумя могущественными фамиліями, дѣлившими между собою власть въ странѣ. Правда, Ходкѣвичи и Радзивилы издавна соперничали и враждовали другъ съ другомъ. Но между Яномъ Іеронимовичемъ и Николаемъ Кристофомъ Сироткой не было личной вражды. А между тѣмъ они сходились въ горячей любви къ своему отечеству, въ чувствѣ благоговѣнія къ Коммендоне, обратившему ихъ на путь спасенія. Сверхъ того страхъ передъ коварствомъ польскихъ пановъ уже произвелъ замѣчательный результатъ среди вождей Литвы. Упрямый и честолюбивый Николай Радзивилъ, воевода виленскій, помирился съ Ходкѣвичемъ и шушукался съ нимъ. Внушенія Зборовскихъ, на сестрѣ которыхъ былъ женатъ Янъ Іеронимовичъ, да личное вліяніе кардинала довершили дѣло. Коммендоне не разъ задушевно бесѣдовалъ съ двумя вождями Литвы, но съ каждымъ отдѣльно и сдержанно. Лишь когда выяснилась ихъ готовность энергически противодѣйствовать нововѣрцамъ, онъ открылся передъ ними. Онъ предложилъ хлопотать о выборѣ одного изъ шестерыхъ сыновей цесаря, которыхъ воспитывала въ Мадридѣ ихъ мать, сестра Филиппа II испанскаго. Сиротка съ радостію согласился: Радзивилы издавна были друзьями австрійскихъ Габсбурговъ. Онъ даже научилъ кардинала, какъ подѣйствовать на Ходкѣвича: именно застращать его коварными замыслами московскаго царя. Янъ Іеронимовичъ сдался. Тогда согласились на общее свиданіе для выработки плана дѣйствій. Нужно было плесть интригу осторожно, съ глазу на глазъ, безъ малѣйшей огласки. Незадолго до смерти Сигизмунда—Августа, въ жаркій лѣтній день, къ одному лѣсу, гдѣ любилъ уединяться кардиналъ, подъѣхали четыре всадника. Съ другой стороны показался экипажъ съ двумя сѣдоками. Двое изъ всадниковъ отдали лошадей своимъ спутникамъ, приказавъ

имъ не трогаться съ мѣста. Сами, соединившись съ пріѣхавшими въ экипажѣ, молча углубились въ чащу. Тутъ они поклялись другъ другу въ вѣрности и приступили къ долгимъ переговорамъ Трехъ изъ этой таинственной компаніи нечего называть читателю. Четвертый былъ Граціани, неизбѣжная тѣнь папскаго легата, который все наблюдалъ и съ точностію записывалъ на память потомству. Дѣло заговорщиковъ было достойно торжественной обстановки. Они рѣшили, что тотчасъ по смерти короля, когда Поляки растеряются и предадутся коснѣнію, Литовцы провозгласятъ своимъ великимъ княземъ одного изъ сыновей цесаря. какого онъ пожелаетъ. Въ то же время 25.000 готовыхъ къ бою Литовцевъ вскочутъ на коней.

Коммендоне, знакомый съ исторіей Рѣчи Посполитой, былъ увѣренъ, что Поляки волей-неволей послѣдуютъ за Литвой, объявятъ ея избранника своимъ королемъ. Но, къ крайнему его изумленію, тотчасъ же оказалось, что съ Литовцами не такъ-то легко рѣшать великіе вопросы. Честные патріоты, Сиротка и Янъ Іеронимовичъ не думали жертвовать отечествомъ папскому интересу. Вчерашніе соперники уже успѣли сговориться и теперь выставили цѣну, за которую рѣшились продать легату свое содѣйствіе. Они съ горечью напомнили ему лишенія, претерпѣнныя Литвой со времени ея соединенія съ Польшей, и объявили, что желаютъ «не только отдѣльно отъ Поляковъ провозгласить, но и *имѣть своего* государя» Напрасно Коммендоне старался успокоить, разубѣдить ихъ; напрасно прибѣгалъ къ разнымъ уловкамъ, совѣтуя даже положиться на приговоръ цесаря. Вожди Литвы упорно стояли на своемъ. Они повторяли, что не ихъ частные интересы, а благо родной страны лежитъ теперь въ ихъ рукахъ; вотъ почему они не могутъ отступить отъ своихъ требованій. Они соглашались на дальнѣйшую связь съ Польшей лишь на слѣдующихъ условіяхъ: Литвѣ должны быть возвращены земли, отнятыя у нея Польшею; всѣ должности и доходныя мѣста въ Литвѣ должны раздаваться туземцамъ; ли-

товскіе епископы должны назначаться не по волѣ государя, а, какъ въ старину, по свободному выбору каноническъ. Легату пришлось удовольствоваться этимъ. Онъ взялся, проѣздомъ въ Италію, закинуть цесарю литовско-панское предложеніе; если же смерть Сигизмунда-Августа застигнетъ его еще въ Польшѣ, не покидать ее, а въ Вѣну послать Граціани; и во всякомъ случаѣ извѣстить литовскихъ вождей о соизволеніи Максимиліана II. Бесѣда окончилась новою клятвой и подписью соумышленниковъ подъ здѣсь же составленнымъ договоромъ[41]).

Такъ зародилась въ Польшѣ, въ описываемое безкоролевье, первая иностранная интрига, нити которой шли къ Вѣнѣ. Туда же направился изъ Варшавы и ея авторъ за нѣсколько дней до смерти Сигизмунда-Августа. Но лѣнивы были его сборы, еще лѣнивѣе путешествіе. Въ Краковѣ онъ совсѣмъ застрялъ-было, убѣждаемый друзьями съ Андреемъ Зборовскимъ во главѣ, не покидать страны въ столь опасную минуту. Едва успѣлъ онъ, наконецъ, отъѣхать отъ города на два часа пути, какъ былъ застигнутъ вѣстью о кончинѣ польскаго короля. Рѣшившись во что бы то ни стало остаться въ странѣ, легатъ пріютился въ сосѣднемъ монастырѣ, Тегницѣ А съ наступленіемъ ночи его вѣрный Граціани уже скакалъ въ Вѣну черезъ беззащитную польскую границу. Коммендоне не страшился за свой самовольный поступокъ. Его разсчеты на Ватиканъ оказались вѣрными. Тамъ скоро узнали о смерти Сигизмунда Августа, благодаря Гозію. Въ своихъ письмахъ къ кардиналамъ и папѣ онъ умолялъ оставить легата въ Польшѣ на все время безкоролевья. Только что вступившій на престолъ папа Григорій XIII прислалъ Коммендоне приказъ, не покидая вопроса о союзѣ противъ Турокъ, выждать въ Польшѣ избранія новаго короля; а вскорѣ потомъ онъ требовалъ, чтобы легатъ «съ полною рачительностію, заботливостію и бдительностію всячески старался о расширеніи могущества Габсбурговъ прибавкою и Польскаго государства»[42]).

Впрочемъ, легатъ не замедлилъ убѣдиться, какъ трудно было исполнять тогда въ Рѣчи Посполитой предписанія изъ Рима. Краковскіе друзья извѣстили его, что Малополяне злоумышляютъ противъ него. Онъ повернулъ на сѣверъ и поскакалъ въ глубь страны, въ полной увѣренности встрѣтить тамъ пріятелей и безпрепятственно разсылать оттуда своихъ агентовъ по всему государству. Онъ зналъ, что при польскихъ порядкахъ стоило въ одномъ мѣстѣ увернуться отъ враговъ, чтобы найти въ другомъ иное правительство, иной пріемъ. Но недалеко отъ Кракова онъ вдругъ былъ остановленъ, отъ имени Рѣчи Посполитой, двумя сенаторами, Оссолинскимъ и Дульскимъ. Ихъ выслалъ краковскій съѣздъ.

Малопольскіе паны, съѣхавшіеся въ Краковѣ тотчасъ по смерти короля, съ радостію толковали объ отъѣздѣ Коммендоне, какъ вдругъ были поражены извѣстіемъ, что онъ еще въ Польшѣ и подлѣ нихъ. Они вскипѣли гнѣвомъ, зашумѣли, забранились. «Если этого иноземца допустить на сеймъ, кричали они, то его ловкость преодолѣетъ всю нашу подачу голосовъ. И съ какой стати частный человѣкъ (ибо его посольство уже окончено) будетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла чужаго государства? Пусть отправляется въ Римъ; пусть тамъ блещетъ своимъ пурпуромъ и равняется почестью съ королями; а Польшу да избавитъ отъ римскихъ коварствъ и прельщеній»! Самому Яну Фирлею пришлось укрощать своихъ горячихъ друзей почтительною рѣчью въ защиту кардинала. По его предложенію рѣшили отправить къ нему депутацію съ просьбой покинуть страну, гдѣ не желаютъ никакого иностраннаго вліянія, гдѣ даже не безопасна его священная особа [43]).

Но при первой встрѣчѣ съ этими депутатами Коммендоне блистательно доказалъ свое пониманіе Поляковъ и ихъ порядковъ. Привѣтливо посадилъ онъ ихъ въ свой экипажъ и, продолжая путь, сказалъ имъ съ веселою, беззаботною улыбкой: «Вѣдь новый папа требуетъ моего присутствія въ Польшѣ въ

случаѣ смерти короля. И меня-ли бояться Рѣчи Посполитой? Я велъ себя хорошо; не только не причинялъ волненій, но всѣхъ болѣе способствовалъ миру и согласію. Не даромъ мнѣ даровали польское шляхетство: я приверженъ къ славѣ польскаго имени, озабоченъ судьбою Рѣчи Посполитой не менѣе, чѣмъ вы сами. О себѣ я нисколько не безпокоюсь. Я знаю, что нахожусь среди благороднѣйшихъ людей. Ихъ честность и обходительность были-бы лучшею моею защитой, еслибы даже они были моими врагами. Впрочемъ, я подчинюсь всякимъ условіямъ; буду, если хотите, спокойно сидѣть гдѣ-нибудь въ уголушкѣ, прекращу всѣ сношенія съ людьми». Но ни лесть, ни смиреніе не пробрали энергичныхъ депутатовъ. Тогда у легата изъ-подъ бархатной перчатки вдругъ выказались острые когти. «Да вѣдь я, объявилъ онъ, присланъ отъ папы не къ тому или другому воеводству, а ко всему Польскому королевству, даже не къ нему одному, но и къ Литовскому великому княжеству! Обѣщаю вамъ одно. Я уѣду въ тѣ провинціи Рѣчи Посполитой, откуда, ни именемъ закона, ни насиліемъ, не смогутъ выгнать меня воеводы, приславшіе васъ сюда Я отправлюсь въ Пѣтрковъ и не сдѣлаю ни шагу оттуда»

—Но мы присланы не воеводами, а коронными чинами, маршалкомъ великимъ и канцлеромъ, возражали депутаты.

—Въ Польшѣ, былъ отвѣтъ, не только эти чины, но никто, даже самъ король не имѣетъ права давать подобныя приказанія безъ согласія всѣхъ чиновъ государства [44]).

Депутаты стали въ тупикъ и отступились отъ легата. Онъ не только удержался въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, но еще занялъ выгодную позицію, поселившись подлѣ Альберта Ласкаго, въ сѣрадзскомъ воеводствѣ, въ монастырѣ Сулейовѣ, близь малопольской границы. Но его положеніе было нелегкое. Ему предстояла обширная работа, полная препятствій. Обиліе властей въ Польшѣ докучало ему. Не успѣлъ онъ отдѣлаться отъ малопольскихъ пановъ, какъ пришлось давать отчетъ ве-

ликопольскимъ, въ свою очередь приславшимъ къ нему депутацію [45]). Онъ былъ лишенъ свободы, разобщенъ съ своими соумышленниками. Ему трудно было даже переписываться съ ними. Подозрительные Поляки всюду перехватывали письма. Кромѣ того онъ былъ подверженъ опасности невѣрно направить свое дѣло: иногда слухи доходили въ монастырскія стѣны въ искаженномъ видѣ [46]). Все это вызывало въ немъ мрачное настроеніе духа, выразившееся въ письмахъ къ Станиславу Кариковскому. Въ нихъ видны томленіе, уныніе и единственная надежда на епископа куявскаго, котораго легатъ умолялъ о личномъ свиданіи.

Впрочемъ, Коммендоне, привыкшій къ быстрой, горячей дѣятельности очевидно, преувеличивалъ. Въ началѣ безкоролевья его дѣло шло какъ нельзя лучше. Оно развивалось по всей Рѣчи Посполитой, примыкая къ нему, какъ къ исходной точкѣ. Онъ находилъ возможность сноситься съ важнѣйшими пунктами интриги, съ Ломжею, Вильной и Вѣной, сообщать единство дѣйствіямъ своихъ соратниковъ на огромномъ театрѣ борьбы. Агенты цесаря постоянно обращались къ нему за совѣтами и приказаніями. Литва сносилась съ нимъ для исполненія извѣстнаго намъ плана. У нея кипѣла работа въ пользу Австріи. Ходкѣвичъ рѣшился самъ отправиться въ Вильну, чтобы условиться съ ея воеводой. Послѣдній приготовилъ политическую записку для цесарскаго посольства и далъ ее на просмотръ Яну Ходкѣвичу и Спроткѣ Радзивилу. Въ то же время всѣ они писали къ «рогатому берету» (легату), напоминая о союзѣ, запечатлѣнномъ клятвою. Въ отвѣтъ имъ, въ Вильнѣ и Кнышинѣ за Радзивилами ухаживало близкое къ Коммендоне лицо. Оно старалось склонить ихъ къ нѣкоторымъ уступкамъ въ условіяхъ, подписанныхъ въ лѣсу, безъ чего Литвѣ и Польшѣ трудно стоять подъ одною короной. Литовскіе вожди усиливались и въ королевствѣ поднять и одушевить друзей своего дѣла. Си-

ротка Радзивилъ спѣшилъ войти въ непосредственныя сношенія съ Альбертомъ Ласкимъ. Впрочемъ, какъ усердно ни наводилъ онъ справки, ничего не могъ узнать достовѣрно Воевода сѣрадзскій уже поднялся съ своего гнѣзда, не теряя драгоцѣннаго времени. Толковали, что онъ не то въ Ловичѣ на великопольскомъ съѣздѣ, не то вербуетъ смѣльчаковъ для поддержки цесарскаго сына. Въ эти минуты австрійское дѣло въ Польшѣ повели такъ ловко и быстро, что трудно было сомнѣваться въ его окончательномъ торжествѣ. «Очевидно, писалъ Сиротка Радзивилъ дядѣ, что многіе не прочь отъ австрійскаго дома. Я убѣжденъ, что если сынъ цесаря не прочь отъ королевны, то прійдется и свадебку сыграть». Даже враги отчаявались въ возможности сопротивленія. Епископъ краковскій, Францискъ Красинскій, умолялъ Яна Фирлея не противорѣчить народному голосу, который раздѣляютъ «почти всѣ» [47]).

И такъ, въ самомъ началѣ безкоролевья австрійская кандидатура въ Рѣчи Посполитой имѣла рѣшительный успѣхъ. Диссиденты были захвачены врасплохъ Коммендоне отлично сыгралъ свою роль. Онъ сдѣлалъ для своей цѣли все, что̀ было возможно. Дальнѣйшій ходъ дѣла зависѣлъ оттого, какъ поведутъ его въ Вѣнѣ. Посмотримъ, что̀ происходило тамъ въ эти минуты.

Въ Вѣнѣ были сильно озабочены прекращеніемъ царствующей династіи въ Польшѣ Иначе и быть не могло. Весьма важная историческая роль Австріи объясняется тѣмъ, что она не по одному своему имени относилась къ востоку Европы. Географическое и племенное положеніе дѣлало ее неизбѣжною участницей въ восточно-европейскихъ интересахъ. Съ той минуты, когда нѣмецкій элементъ впервые почувствовалъ подъ собою твердую почву въ центрѣ Ерропы, передовая линія его бойцовъ на юго-востокѣ обнаружила стремленіе подвигаться, подъ своимъ національнымъ знаменемъ, въ глубь славянскаго и мадьярскаго племенъ. Австрія получила тогда то же великое значеніе

въ судьбахъ человѣчества, какое выпало на долю Бранденбурга у сѣверо-восточной окраины германства. Эта ея историческая миссія, которую теперь, не замѣчая анахронизма, западно-европейскіе публицисты пытаются возвести въ дипломатическій догматъ, олицетворялась, въ теченіе вѣковъ, въ могущественной династіи Габсбурговъ. Первый изъ нихъ, уже въ концѣ XIII столѣтія, ввелъ въ славянскіе предѣлы разгулявшуюся-было силу Чеховъ, державшихъ тогда въ своихъ рукахъ славянское знамя. Съ тѣхъ поръ нѣмецкій элементъ не отставалъ отъ славянскаго, который все болѣе и болѣе переходилъ въ исключительно-оборонительное положеніе. Какъ всегда въ исторической тяжбѣ племенъ, тутъ пускались въ ходъ противоположныя мѣры: вражда и дружба, удары и лобзанія смѣняли другъ друга. Артисты въ грубой дипломатической уловкѣ среднихъ вѣковъ, въ искуствѣ устроенія брачныхъ союзовъ, Габсбурги, начиная съ Рудольфа, роднились съ чешскими королями. Имъ подражали преемники. И вотъ, уже въ половинѣ XIV вѣка нѣмецко-императорская и королевско-чешская короны соединяются на одной головѣ. А въ 1515 году состоялся знаменитый вѣнскій конгресъ, который двойными узами связалъ западныхъ Славянъ съ нѣмецкою имперіей [48]). Одиннадцать лѣтъ спустя, усилія Нѣмцевъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ: ихъ будущій императоръ, Фердинандъ I, присоединилъ Чешское королевство, съ Силезіей и Лузаціей, къ имперіи.

Правильна, неумолима, какъ судьба, была борьба нѣмецкаго элемента съ чешскимъ, этимъ авангардомъ славянства. Тамъ, гдѣ Нѣмцы стали твердою ногой съ самаго начала, они не уступили ни пяди. Времена Отакара Великаго, владѣвшаго Австріей, Штиріей, Каринтіей, Крайной, не возвращались никогда. Но не такъ легко и правильно исполняли Нѣмцы дальнѣйшую задачу, указанную имъ уже въ половинѣ XIV вѣка, прихватыванье земель отъ Дуная до Балтики. Тутъ вопросъ долго колебал-

ся: на встрѣчу имъ выходилъ на спорную почву сильный соперникъ. По мѣрѣ того, какъ Чехи ослабѣвали въ національной борьбѣ съ ними, роль защитника славянства и интересовъ восточной Европы переходила къ Полякамъ. Какъ-бы предчувствуя будущее, Чехи, на поворотѣ своей исторіи, въ гусситскую эпоху (въ первой половинѣ XV вѣка), все тѣснѣе и тѣснѣе сближаются съ своими сѣверными соплеменниками. Они, вмѣстѣ съ Моравцами и Силезцами, толпами устремляются на службу къ польскому королю. Ихъ языкъ становится дипломатическимъ въ Краковѣ и Вильнѣ Ихъ національно-религіозное движеніе волнуетъ Поляковъ [49]). Сродство близкихъ племенныхъ элементовъ не замедлило отразиться и въ политикѣ. По прекращеніи Люксембургской династіи Чехи говорили: «намъ необходимо искать государя славянскаго языка и никакъ не соглашаться на нѣмецкаго», и предложили свою корону брату польскаго короля [50]). А въ концѣ XV столѣтія у нихъ настала полувѣковая «эпоха Ягеллонидовъ». Владиславъ II Ягеллонъ присоединилъ къ Чехіи и Венгрію, король которой, за сто лѣтъ передъ тѣмъ, сидѣлъ на польскомъ престолѣ. Такимъ образомъ, Венгрія, на тронѣ которой старались укрѣпиться нѣмецкіе императоры, пережила свою «эпоху Ягеллонидовъ», пока не была подѣлена между султаномъ и Фердинандомъ I почти въ одинъ годъ съ паденіемъ самостоятельности Чехіи.

Счастливые австрійскіе Габсбурги не могли успокоиться послѣ этихъ знаменитыхъ побѣдъ въ мадьяро-славянскомъ мірѣ. Исторія увлекала ихъ къ востоку въ то самое время, когда ихъ испанскіе родственники владѣли значительною частію западной Европы и Новымъ свѣтомъ. Передъ ними возникала заманчивая задача овладѣть послѣднимъ оплотомъ славянства, Польшею, и открыть Новый свѣтъ въ таинственномъ заднѣпровскомъ раздольи. Они теперь не отрывали глазъ отъ Кракова и уже начали пускать въ ходъ разнообразныя, испытанныя средства. На

встрѣчу имъ шла, казалось, сама исторія, какъ будто рѣшившаяся довершить ихъ счастіе. Именно въ то время въ Польшѣ открывался мучительный періодъ внутренняго разложенія, весьма похожій на эпоху паденія общественныхъ силъ въ Чехіи въ концѣ XV и началѣ XVI вѣковъ. Точно увлеченная всеобщимъ разстройствомъ, хилѣла и стойкая династія Ягеллоновъ, что уже давно замѣтили предусмотрительные Габсбурги. А между тѣмъ громовымъ ударомъ разразилось надъ исторіей человѣчества появленіе великаго восточнаго вопроса. На политическомъ горизонтѣ Европы ясно показалась съ юга мусульманская луна, съ востока — православный крестъ. Австрія предчувствовала топотъ турецкаго коня подъ стѣнами Вѣны, Польша — необходимость передать Москвѣ роль всеславянской защитницы, которая была ей не по плечу. И вотъ, историку приходится сдѣлать любопытное наблюденіе. Въ то время, когда племенная непріязнь между Поляками и Нѣмцами, поджигаемая самоуправствомъ послѣднихъ въ Чехіи, достигала крайнихъ предѣловъ, краковскій и вѣнскій дворы начинаютъ сближаться между собою. Съ высоты трона было видно, что каждому изъ нихъ въ одиночку не защитить интересовъ своихъ государствъ въ борьбѣ съ невыгоднымъ новымъ направленіемъ въ исторіи восточной Европы. Уже Сигизмундъ I, сынъ австрійской принцессы, питалъ особенное сочувствіе къ австрійскимъ Габсбургамъ, которое не могли искоренить ни его женитьба на Варварѣ, сестрѣ Іоанна Запольи, ни дружба Максимиліана I съ Москвою и Нѣмецкимъ орденомъ. Онъ помогалъ императору въ усиліяхъ, которыя привели къ упомянутому вѣнскому конгресу, и дѣлилъ съ нимъ заботы по опекунству надъ своимъ племянникомъ, Людовикомъ I чешскимъ [54]). Онъ устроилъ, наконецъ, бракъ своего сына съ сестрой императора Максимиліана II, Елизаветой. А по смерти его Сигизмундъ Августъ самъ выбралъ себѣ въ третьи жены другую эрцгерцогиню австрійскую, Екатерину. Она прибыла къ жениху въ сопровожденіи

своего брата, эрцгерцога Фердинанда, который однако очень скоро уѣхалъ, разсорившись съ Тарновскимъ и другими польскими панами. Дѣло въ томъ, что онъ добивался нѣкоторыхъ нелѣпыхъ условій касательно польскаго королевства, именно, чтобы, въ случаѣ бездѣтной смерти короля, это королевство перешло къ австрійскому дому. На это, въ его же присутствіи, сенаторы сказали королю: «этого тебѣ не будетъ и ты не можешь этого сдѣлать, ибо это не въ твоей власти!»[52]). За то Сигизмунду-Августу удалось въ 1569 году не только примирить съ императоромъ своего племянника, Яна, королевича венгерскаго, но и женить его на внучкѣ Максимиліана II[53]). Вслѣдъ затѣмъ, какъ увѣряетъ секретарь кардинала Коммендоне, польскій король, задумавшій развестись съ Екатериной, ласкалъ ея брата, Максимиліана II, надеждой на назначеніе своимъ наслѣдникомъ одного изъ его сыновей[54]). Говорили даже, что, вѣроятно, съ этою цѣлью было назначено въ Бреславлѣ свиданіе между королемъ и императоромъ, «который болѣе предавался надеждѣ, чѣмъ гнѣву и печали»[55]). Смерть Сигизмунда-Августа разрушила этотъ планъ, но не тяжелое впечатлѣніе, произведенное этими слухами на Поляковъ.

Этого мало. Австрійская интрига, которую намъ предстоитъ описать, уже лѣтъ шесть усиленно работала въ Польшѣ. Она олицетворялась въ императорскихъ послахъ при дворѣ Сигизмунда-Августа, Альфонсѣ Гастальдѣ и Іоаннѣ Цирѣ. Маркграфъ неаполитанскій, родственникъ аррагонскихъ правителей, Гастальдъ былъ очень близокъ къ польскому королю и весьма уважаемъ при его дворѣ. Но вялый, тупой и неловкій, съ гордостью близкой къ спѣси, съ твердостью, близкой къ упрямству, онъ не походилъ на царедворца и интригана. Гораздо выше его стоялъ цистерціанскій аббатъ, Циръ. Это было неуловимое и дерзкое существо съ іезуитскою душой. Онъ не зналъ ни спокойствія, ни усталости. Его голова создавала планъ за планомъ, а языкъ

умѣлъ извлекать слезы у слушателей. Очаровать и запугать кого слѣдуетъ, пахватать денегъ и съ насмѣшкой прижать кредитора — на это онъ былъ мастеръ. Вѣруя въ свое низкое ремесло, онъ увлекался ничтожными задачами до самозабвенія. Ему было ни-почемъ изъѣздить всю Рѣчь Посполитую, смѣняя костюмы и мины, издѣваясь надъ подстерегавшимъ его правительствомъ. Словомъ, въ дѣлѣ интриги Гастальдъ былъ сибаритомъ, Циръ — чернорабочимъ, вѣчно покрытымъ нравственною грязью. Эти господа хлопотали у Сигизмунда-Августа не болѣе не менѣе, какъ о бракѣ королевны Анны съ Эрнестомъ, сыномъ Максимиліана II. Имъ помогалъ еще деканъ бреславльскій, Мартинъ Герстманъ, безъ котораго они не могли сдѣлать ни шагу. Скромный ученый, невозмутимый юрисконсультъ, онъ отлично владѣлъ латинскимъ языкомъ и былъ незамѣнимымъ секретаремъ при посольствѣ. Тогда же выдѣлилось нѣсколько Поляковъ, работавшихъ въ пользу императора ради личныхъ благъ. Особенно дѣятеленъ былъ опытный іезуитъ, краковскій каноникъ Лука Подоскій. Онъ былъ драгоцѣненъ для цесаріанцевъ въ Польшѣ по своимъ связямъ въ Вѣнѣ, по знанію нѣмецкихъ и габсбургскихъ обычаевъ. Эти свѣдѣнія онъ пріобрѣлъ долгимъ пребываніемъ въ Вѣнѣ, гдѣ, при жизни Сигизмунда-Августа, онъ игралъ роль постояннаго посланника Рѣчи Посполитой.

Теперь понятно какъ зорко слѣдилъ нѣмецкій императоръ за послѣдними минутами польскаго короля, съ которымъ прекращалась династія. Понятно, что какъ ни спѣшилъ въ Вѣну Граціани, посланный папскимъ легатомъ, извѣстіе о смерти Сигизмунда-Августа опередило его. Впрочемъ, его совѣты все-таки были не лишни. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ самъ Граціани. Онъ много толковалъ съ Максиліаномъ II, стараясь убѣдить его въ слѣдующемъ: «Необходимо тотчасъ же отпра-

вить въ Польшу посольства изъ самыхъ блестящихъ, видныхъ людей, и *непремѣнно католиковъ:* только католическая партія можетъ доставить Австріи побѣду. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на Ходкѣвича и Радзивила. Къ Альберту Ласкому, уже предложившему свои услуги, послать надежнаго человѣка съ ласковыми рѣчами, и ободряющимъ письмомъ, да сколько-нибудь деньженокъ, собственно для найма военныхъ людей. Императору не худо бы самому выѣхать изъ Вѣны къ польской границѣ или снарядить своего сына Эрнеста съ нѣсколькими эскадронами конницы. Такъ добудетъ цесарь цѣлое новое царство *изъ рукъ католиковъ*. Это значитъ пріобрѣсти власть свободную, нестѣсненную никакими новыми ограниченіями, никакимъ бременемъ новаго закона, о чемъ хлопочутъ еретики. Но этотъ успѣхъ зависитъ отъ быстроты дѣйствій: цесарь не долженъ давать одуматься толпѣ, которая вообще удивительно ненавидитъ имя Нѣмца и Австрійца.» Краснорѣчивый Итальянецъ ежедневно приходилъ къ Максимиліану II повѣствовать о положеніи дѣлъ въ Рѣчи Посполитой, о кандидатахъ на ея тронъ. Лишь на пятый день выѣхалъ онъ изъ Вѣны, обремененный похвалами папскому легату, обѣщаніями точно исполнить его совѣты. Іезуитъ пробирался къ своему патрону не прежнею дорогой: Янъ Фирлей уже разставилъ военные отряды по склону Карпатъ. Подкупивъ пограничную стражу, глухими, лѣсистыми проселками, никѣмъ не замѣченный, Граціани проѣхалъ къ Сулейову, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его Коммендоне [56]).

Такимъ образомъ, съ самаго начала австрійская кандидатура въ Польшѣ пошла превосходно. Маршалокъ надворный литовскій, стоявшій въ центрѣ событій, имѣлъ право сказать о ней: «ни минуты не упущено, сдѣлано все, что́ нужно» [57]). Но тѣмъ поразительнѣе ея исходъ, причины котораго лежали у ея колыбели. Такъ всегда бываетъ тамъ, гдѣ дѣйствуетъ интрига,

слабая человѣческая личность, а не народная сила, воспитанная временемъ. Въ настоящемъ случаѣ австрійскую кандидатуру губили прежде всего непосредственныя орудія интриги.

Разставшись съ Граціани, Максимиліанъ II обсудилъ дѣло по своему. Осторожный, миротворный, онъ и думать не хотѣлъ о легкомъ *завоеваніи* польскаго трона. Онъ не желалъ также получить его изъ рукъ однихъ католиковъ. Къ тому же онъ вообразилъ, что его враги въ Польшѣ не опасны и вредятъ ему лишь въ надеждѣ подороже продать свое содѣйствіе. А въ такомъ случаѣ стоило выждать — и Поляки сами придутъ къ нему на поклонъ. И вотъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней цесарь не шевельнулъ пальцемъ. Потомъ, замѣтивъ свою ошибку, онъ началъ дѣйствовать съ лихорадочною энергіей. Пока снаряжалось блестящее посольство въ Польшу, для разчистки ему пути, изъ Вѣны высыпали мелкіе агенты съ крупными соблазнами. Въ каждомъ значительномъ уголкѣ Рѣчи Посполитой показались австрійскіе эмиссары, разносившіе по домамъ пановъ сладкія рѣчи, широкія обѣщанія, льстивыя письма или же просто золото [58]).

Уже около половины августа 1572 года они приходили другъ за другомъ въ Великую Польшу къ примасу то съ совѣтами и просьбами, то съ письмами цесаря. Они убѣждали Великополянъ «пощадить добрую славу польскаго имени за границей, гдѣ съ трудомъ вѣрятъ умилительной всеобщей *сгодѣ*, царствующей въ Польшѣ въ минуты безначалія». Сверхъ того они увѣряли, что Малая Польша уже склоняется къ Австріи. Здѣсь была доля правды. Въ Малой Польшѣ и Подляхіи не безуспѣшно работали тогда ихъ товарищи. Стараясь примоститься подлѣ трупа короля, Циръ суетился въ Кнышинѣ, гдѣ всѣ ожидали чего-то рѣшительнаго. Правда, ловкому аббату пришлось выдержать здѣсь тяжелую борьбу противъ враговъ, «съ которыми, жаловался онъ, у него было не мало пекла». Но онъ не падалъ духомъ.

Многолѣтнее пребываніе въ странѣ доставило ему друзей въ Великой Польшѣ, Литвѣ, на Волыни и Пруссіи. Его перевѣсъ надъ соперниками казался такъ безспоренъ что французскій агентъ махнулъ-было рукой, не смѣя и начинать свою контръ-интригу. Циръ работалъ бодро, весело; создавалъ широкіе планы; распредѣлялъ роли между своими помощниками. Главною заботой его было удержаться въ центрѣ событій и постоянно сноситься съ императоромъ. И вотъ, одинъ изъ его друзей скачетъ въ Пруссію, откуда легко пробраться въ Вѣну. Евреи доставляютъ ему за хорошую цѣну пѣшихъ курьеровъ и берутся проскользнуть сквозь пограничную стражу за Карпаты. Самъ онъ, зная подозрительность Поляковъ, уже готовъ въ случаѣ, «если его выпихнутъ отъ трупа короля», устремиться къ королевнѣ, чтобы «поцѣловать у нея ручку и служить ей, какъ умѣетъ и какъ привыкъ издавна». Этотъ маневръ онъ считалъ необходимымъ. Враги Австріи уже успѣли кое-что внушить Аннѣ Ягелловнѣ. Особенно опасны были продѣлки одного «сильнаго человѣка, возмечтавшаго о королевскомъ вѣнцѣ». Этотъ человѣкъ, «начинавшій разставлять силки на звѣрей, за которыми охотились сами цесаріанцы», былъ, конечно, Янъ Фирлей. Его замыслы казались тѣмъ болѣе страшными и корыстными, что долго были всѣмъ непонятны [5]).

Тогда же въ Малой Польшѣ появился новый агентъ, присылка котораго выказывала много такту въ Максимиліанѣ II. Въ Малой Польшѣ были весьма опасные враги Австріи, предводимые Петромъ Зборовскимъ. Для привлеченія ихъ императоръ отправилъ Сигизмунда Курцбаха, родственника Зборовскихъ по женѣ. Въ своихъ письмахъ къ малопольскимъ панамъ, кромѣ обѣщанія сохранять вольности польской націи и защищать ее отъ враговъ, Максимиліанъ II заявлялъ желаніе «создать и соблюсти, какъ первое условіе силы государства, единодушіе между подданными, основа котораго — *всеобщее равенство,*

какъ *въ отношеніи религіозномъ*, такъ и въ судебномъ и въ другихъ»[60]). Но Курцбаха постигла неудача. Опасаясь остальныхъ пановъ, особенно же шляхетскаго негодованія, малопольскіе сенаторы не приняли цесарскихъ писемъ даже для того, чтобы сохранить ихъ нераспечатанными до предстоящаго сейма. Вскорѣ мы встрѣтимъ Гастальда въ Плоцкѣ, у королевны, Цира —въ Литвѣ, Курцбаха — у Яна Фирлея. Теперь же обратимся къ цесарскому посольству, вступившему въ эту минуту въ предѣлы Рѣчи Посполитой.

Максимиліанъ II, вѣрный габсбургскимъ преданіямъ, умѣлъ, когда было нужно, ослѣплять современниковъ своимъ императорскимъ величіемъ. Онъ отправилъ въ Польшу двухъ необыкновенно блестящихъ пословъ, которыхъ выбралъ притомъ не безъ политическаго такта. Оба были богаты и знатны; оба были природные Чехи. Одинъ, Вильгельмъ Розенбергъ, былъ родственникомъ римскихъ Орсини и высшимъ чешскимъ бургграфомъ. Другой, Вратиславъ Перштейнъ, принадлежалъ къ фамиліи, давно игравшей важную роль въ исторіи родной страны и былъ чешскимъ великимъ канцлеромъ. Но цесарь упустилъ изъ виду, что дипломаты, кромѣ внѣшнихъ достоинствъ, должны имѣть еще нѣкоторыя внутреннія. А Розенбергъ и Перштейнъ обладали талантами, но вовсе не тѣми, которые требовались. Они считали свое дѣло пріятнымъ развлеченіемъ. Ихъ размашистая натура не терпѣла стѣсненій даже со стороны благоразумія. Имъ казалось мелочностію входить въ изученіе лицъ и обстоятельствъ. Окруженные блескомъ, пышностію, набитыми золотомъ карманами, они все мѣрили на свой аршинъ; въ Краковѣ и Ловичѣ видѣли свою Прагу, среди Поляковъ не покидали своихъ доморощеныхъ привычекъ; открыто приманивали къ своему столу всякаго встрѣчнаго-поперечнаго. Нерѣдко случалось имъ сыпать деньги и обѣщанія предъ господами, которые съ тупымъ отчаяніемъ выслушивали ихъ политическія соображе-

нія, ничего въ нихъ не смысля. А нужныя, важныя лица избѣгали дружбы дипломатовъ, болтавшихъ во всеуслышаніе о дѣлахъ, которыя ведутся келейнымъ образомъ. Цесарскіе послы не потрудились даже вникнуть въ собственное положеніе. Они надѣялись, не запасшись открытыми листами, свободно разъѣзжать въ польской землѣ. Впрочемъ, въ этомъ, какъ мы увидимъ, они почти не ошиблись.

Розенбергъ и Перштейнъ появились въ Польшѣ въ концѣ августа, когда Малополяне собирались въ Кнышинѣ. Ихъ блестящая многочисленная свита, ихъ торжественность были такъ поразительны, что Поляки готовы были принять ихъ за царственныхъ особъ. Въ этомъ всего болѣе убѣждало золото, раскидываемое ими на пути въ массы народа и неизсякаемое: курьеры, постоянно сновавшіе между Польшей и Вѣной, никогда не пріѣзжали отъ императора съ пустыми руками [61]). Сначала путешествіе было пріятно посламъ. Пограничная стража, заступившая-было имъ дорогу, пропустила ихъ, узнавъ ихъ оффиціальное значеніе. Любезно приняли ихъ также всѣ старосты, округи которыхъ имъ приходилось проѣзжать. Охотно растворилъ передъ ними ворота и Краковъ. Здѣсь ихъ встрѣтили даже лестныя надежды. Фирлеи не скрывали своихъ дружескихъ чувствъ къ вѣротерпимому императору. Больной сынъ воеводы краковскаго навѣстилъ ихъ въ гостинницѣ и снабдилъ рекомендательными письмами къ важнымъ лицамъ, а отецъ прислалъ своихъ слугъ для сопровожденія ихъ въ ближайшемъ пути [62]). Этого мало. Они получили свѣдѣнія и совѣты отъ цесарскихъ эмиссаровъ. Курцбахъ, тогда уже окончившій свое порученіе, явился къ нимъ лично. Отъ Гастальда прискакалъ Еврей съ письмами, въ которыхъ излагался ходъ дѣлъ и высказывалась полная надежда на папскаго легата и королевну. Гастальдъ вызывалъ пословъ немедленно въ Радзѣёвъ для свиданія съ великопольскими сенаторами и настаивалъ, чтобы они сблизились

съ воеводой сандомірскимъ. Онъ не зналъ, что здѣсь-то и лежалъ главный камень преткновенія. Петръ Зборовскій портилъ все дѣло цесаря на первыхъ порахъ.

Розенбергъ и Перштейнъ рѣшились, не дожидаясь радзѣёвскаго съѣзда, побывать на кнышинскомъ, уже открывшемся тогда. Съ этою цѣлью они тронулись изъ Кракова вмѣстѣ съ Курцбахомъ. Открытаго листа у нихъ, конечно, не было: тогда Янъ Фирлей уже выѣхалъ въ Кнышинъ, а Великополяне еще вѣрили наивно, что цесарскіе послы явятся не раньше избирательнаго сейма [63]). Не удивительно, что пословъ встрѣтила большая непріятность тотчасъ за воротами гостепріимнаго Кракова. Ихъ подстерегъ здѣсь Петръ Зборовскій. Не желая освятить своимъ присутствіемъ созданіе Яна Фирлея, кнышинскій съѣздъ, онъ медленно подвигался туда, придумывая оправданіе своей мѣшкотности. Онъ уже былъ готовъ свалить все на моровое повѣтріе, какъ вдругъ судьба помогла ему весьма выгодно выдти изъ затрудненія. Цесарскіе послы подлѣ его воеводства, и вокругъ нѣтъ власти выше его. И вотъ, онъ отправляетъ къ нимъ гонца съ требованіемъ не трогаться съ мѣста до его прибытія, а самъ повертываетъ къ Кракову. Но послы продолжали свой путь на сѣверо-востокъ въ то время, какъ онъ другою дорогой подвигался на юго-западъ, къ своей Стебницѣ *. Не доѣзжая до нея, онъ попалъ въ шумное, опасное общество. Сандомірская шляхта, обрадовавшись присутствію своего воеводы, окружила его въ Покршивицѣ, полная страха и негодованія на него и вообще на сенаторовъ, допускавшихъ, чтобы «въ часы безкоролевья, когда ничто не должно происходить безъ всеобщаго согласія, столько чужеземцевъ свободно разъѣзжало по государству». Петру Зборовскому этого и нужно было. Онъ тот-

* *Стебница* лежала подлѣ Вислы, между Сандоміромъ и Вислицей. По направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ находились: Покршивица (въ двухъ миляхъ отъ Сандоміра), Осѣкъ, Полянецъ и Стебница (въ пяти миляхъ отъ Покршивицы).

часъ снарядилъ отъ имени «всѣхъ» депутацію изъ двухъ каштеляновъ, чтобы отыскать и задержать своевольниковъ. Въ то же время онъ извѣстилъ кнышинскій съѣздъ о своихъ распоряженіяхъ. Каштеляны нашли императорскихъ пословъ близь Сандоміра и остановили ихъ до прибытія самого воеводы, который былъ задержанъ «сильнымъ волненіемъ, возбужденнымъ ихъ разъѣздами по коронным землямъ». Вслѣдъ затѣмъ явился и Петръ Зборовскій, окруженный нѣсколькими панами и толпою шляхты. Онъ объявилъ имъ, что они должны спокойно ожидать генеральнаго сейма въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ, именно въ Покршивицѣ, гдѣ для нихъ уже приготовленъ монастырь. Онъ расхваливалъ имъ это убѣжище, какъ здоровое и столь близкое къ его резиденціи, что онъ можетъ доставлять имъ «всевозможныя удобства», то-есть слѣдить за каждымъ ихъ шагомъ. Но послы уже успѣли провѣдать о назначеніи кнышинскимъ съѣздомъ избирательнаго сейма подлѣ Люблина и заявили, что честь императора повелѣваетъ имъ неуклонно стремиться туда. Только настойчивостію да страхомъ заразы отъ большаго скопища людей на сеймѣ сандомірскій воевода заставилъ ихъ, наконецъ, прекратить свои разъѣзды. Впрочемъ, они все-таки рѣшились остановиться не въ здоровой Покршивицѣ, а въ Сандомірѣ, которому угрожала моровая язва.

Однако посламъ и здѣсь не сидѣлось. Вскорѣ они нарушили обѣщаніе, очевидно, понявъ свое положеніе и рѣшившись вырваться изъ рукъ Петра Зборовскаго и сблизиться съ краковскимъ воеводой. Прикрываясь заразой, которая, дѣйствительно, появилась въ Сандомірѣ, они выбрались въ путь по направленію къ Люблину, отправивъ къ Яну Фирлею письмо съ просьбою приготовить имъ тамъ квартиры. А покуда они явились въ его родовое гнѣздо, въ Домбровицу *. Но ихъ разсчеты на кра-

* Имѣнія Фирлеевъ были расположены у р. Вепря, между Люблиномъ и Подляхіей.

ковскаго воеводу оказались не совсѣмъ вѣрными. Янъ Фирлей, готовый помогать имъ тайно, отвѣтилъ на ихъ безтактность мѣрами, спасавшими его честь передъ Рѣчью Посполитой. Онъ послалъ имъ и управляющему имѣніемъ строгій выговоръ за ихъ самовольный пріѣздъ въ Домбровицу, якобы предназначенную для другаго посольства. Впрочемъ, онъ позволялъ имъ остаться въ ней до назначенія новаго мѣста, которое не замедлитъ опредѣлить осѣцкій съѣздъ [64]).

Пока Янъ Фирлей скакалъ въ Осѣкъ, императорскіе послы круто повернули въ своей политикѣ. Малая Польша произвела на нихъ дурное впечатлѣніе. Отсутствіе опредѣленной власти, борьба личныхъ интересовъ, самоволіе шляхты, все убѣждало ихъ въ ненадежности горныхъ земель Рѣчи Посполитой. Къ тому же не только отдѣльные паны, но и съѣзды въ Малой Польшѣ выказали враждебное чувство къ императору и его агентамъ. Кнышинскій съѣздъ постановилъ выпроводить изъ королевства всѣхъ иностранныхъ пословъ и отправилъ въ Вѣну требованіе выдать ограбившаго храмъ Божій ченстоховскаго аббата [65]). А между тѣмъ до нихъ дошли слухи, что послѣ съѣзда въ Кнышинѣ Литовцы вознегодовали на Малую Польшу и окончательно склонялись къ Великой, гдѣ работали Альбертъ Ласкій и Коммендоне, который вчера только подвергся близь Кракова оскорбленіямъ, испытаннымъ тамъ императорскими послами. Агенты изъ Вѣны, Рима и Вильны сновали по дольнымъ землямъ Рѣчи Посполитой и расчищали Розенбергу и Перштейну путь къ успѣху. Наконецъ, не тамъ-ли, на сѣверѣ, томилась жертва интригъ, королевна Анна? Посламъ хотѣлось отбить ее у враговъ: подобно имъ, они придавали ей слишкомъ важное значеніе. Къ тому же, согласно съ ихъ инструкціями и съ ходомъ дѣлъ, имъ приходилось выбирать одно изъ двухъ орудій: генеральный сеймъ или послѣднюю отрасль дома Ягеллоновъ. Но надежды на сеймъ лопнули послѣ того, какъ кнышинскія рѣшенія прова-

лились подъ тяжестію вызванной ими всеобщей бури. Оставалась королевна Анна.

Аннѣ Ягелловнѣ никогда не приходилось вести болѣе печальную жизнь и играть болѣе важную роль, чѣмъ въ эту минуту. Мы разстались съ нею на пути изъ Пясечна въ Кнышинъ, въ который она пустилась тотчасъ по смерти своего брата. Ея планъ не удался. На дорогѣ ее встрѣтили послы изъ Ловича. Они повернули ея коней въ противную сторону и привезли ее въ Плоцкъ. Впрочемъ, здѣсь она оставалась не долго. Пользуясь анархіей, прикрываясь заразой, которая появилась въ городѣ, она настояла-таки на своемъ, перекочевала въ Ломжу, недалеко отъ Кнышина. Краковскій съѣздъ опредѣлилъ ей здѣсь почетный арестъ, поручивъ воеводѣ плоцкому и епископу холмскому съ придворными наблюдать за нею и за ея содержаніемъ [66]). Здѣсь-то она терпѣла, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, мученія, описанныя нами выше (стр. 58). Надсмотрщики, особенно епископъ холмскій, Альбертъ Собѣюскій, не отходили отъ нея ни на шагъ. Они не позволяли ей читать даже письма отъ родственниковъ и разговаривать съ кѣмъ-либо безъ свидѣтелей [67]). Тяжеле всего былъ для нея очевидный контрастъ между этимъ жалкимъ положеніемъ и ея политическою ролью. Въ началѣ безкоролевья ея имя не безъ страха и надеждъ произносилось въ разныхъ концахъ Рѣчи Посполитой. Политическая интрига извивалась у ея ногъ. Иноземцы «толкались на ея дворѣ», стучались въ ея двери. Даже нѣкоторые изъ польскихъ пановъ, и въ томъ числѣ такіе, какъ епископъ краковскій, питали политическіе замыслы относительно ея. Мы уже видѣли, что первоначально она входила въ планы примаса. Этого мало. Самъ мастеръ въ дѣлѣ интригъ, истинный вождь католицизма въ Польшѣ, Станиславъ Карнковскій, не безъ корыстной цѣли возсталъ въ іюлѣ противъ сближенія Якова Уханскаго съ королевной. Оказывается, что вслѣдъ затѣмъ онъ самъ сильно заинтересовался ею. И тутъ-то открылся рядъ чрезвы-

чайно любопытныхъ и таинственныхъ событій, которыя, къ счастію, теперь уже можетъ разъяснить исторія.

Дѣло въ томъ, что Станиславъ Карнковскій, въ началѣ безкоролевья, колебался между нѣсколькими планами, стараясь выбрать наиболѣе выгодный для польскаго католицизма. Онъ очень недолго оставался вѣренъ австрійской кандидатурѣ и клятвѣ, данной кардиналу Коммендоне (стр. 208). Онъ одинъ изъ первыхъ бросилъ дѣло императора, рано замѣтивъ его несостоятельность. Тогда-то, около половины сентября, онъ признался папскому легату черезъ своего секретаря, что «думалъ-было о второмъ сынѣ Московскаго, но оставилъ это намѣреніе, ибо синьоръ Ходкѣвичъ, хотя и родственникъ Московскаго, никоимъ образомъ не соглашается на его избраніе вслѣдствіе личной вражды съ нимъ. А безъ Ходкѣвича нельзя дѣйствовать. Послѣ этого епископъ куявскій не зналъ, куда обратиться, какъ вдругъ ему намекнули, чтобы онъ постарался объ избраніи королевны» [68]). Станиславъ Карнковскій умолчалъ о томъ, откуда шелъ намекъ. Но мы знаемъ, что именно въ это время въ Рѣчи Посполитой зародилась-было слѣдующая интрига.

Не должно забывать, что въ Польшѣ, кромѣ папскаго легата, пребывалъ тогда еще папскій нунцій, Винцентій Портико. Какъ видно, этотъ черствый эгоистъ злился на то, что папство навязало ему знаменитаго кардинала. Ему хотѣлось приложить свою руку къ избранію польскаго короля. Оттого-то онъ едва-ли не первый замѣтилъ, что австрійская кандидатура, поддерживаемая легатомъ, непопулярна, безнадежна. Тотчасъ же онъ измыслилъ планъ, весьма близкое орудіе котораго само кидалось въ глаза. Онъ рѣшился возвести на престолъ королевну Анну, надѣясь легко найти соумышленниковъ. И не ошибся. Немедленно присоединился къ нему изворотливый аббатъ Циръ, человѣкъ себѣ-на-умѣ, не смотря на свое оффиціальное значеніе. За нимъ потянулись и цесарскія послы, большіе мастера оказывать мед-

вѣжьи услуги своему довѣрителю. Вѣроятно, для нихъ, изъ приличія къ императору, къ первоначальному плану присоединилось условіе, что королевна можетъ, пожалуй, пообѣщать выдти замужъ за австрійскаго принца. Затѣмъ Винцентій Портико началъ разставлять сѣти важнѣйшимъ католическимъ сановникамъ, которые легко могли догадаться, что при женщинѣ-ханжѣ на престолѣ бразды правленія будутъ въ ихъ рукахъ. Онъ вошелъ въ сношенія и съ Яковомъ Уханскимъ, который не замедлилъ вообразить уже себя регентомъ, и съ Альбертомъ Ласкимъ. По всей вѣроятности, онъ-то и «намекнулъ» Станиславу Карнковскому. Уже этотъ выборъ лицъ доказываетъ, что нунцій работалъ, какъ говорится, въ пику легату. Кромѣ того онъ умолялъ ихъ скрыть ихъ переговоры отъ Коммендоне.

Но вліяніе легата оказалось сильнѣе. Воевода сѣрадзскій донесъ ему обо всемъ. А епископъ куявскій просилъ у него совѣта въ этомъ казусномъ дѣлѣ. Перехваченныя письма императорскихъ пословъ окончательно раскрыли глаза Коммендоне. Онъ былъ сильно раздраженъ этими продѣлками. вредными «служенію Господу», и называлъ ихъ «заговоромъ нунція да аббата Цира». Онъ позвалъ къ себѣ Винцентія Портико, чтобы внушить ему, что хотя имъ обоимъ поручено дѣйствовать въ пользу габсбургскаго дома, но ничего не скрывая отъ папы и не хватаясь за всякую интригу; что они не должны подавать повода думать, будто согласятся участвовать въ дѣлѣ, непріятномъ папѣ. Но нунцій ограничился извиненіемъ и не явился на призывъ. Каково же было теперь легату, сознававшему, что нужно скрывать передъ міромъ этотъ разладъ между агентами Ватикана! Каково было ему теперь, когда у него у самого рыльце было уже въ пушку! Онъ началъ поступать двусмысленно. Онъ, очевидно, не совсѣмъ любезно принялъ двухъ посланцевъ отъ Розенберга и Перштейна, которыхъ они отправили къ нему тотчасъ по пріѣздѣ въ Краковъ. Иначе они не прекратили бы

сношеній съ нимъ и не склонились бы къ нунцію. Еще болѣе былъ страненъ и подозрителенъ отвѣтъ Коммендоне Станиславу Карнковскому, просившему у него совѣта по поводу кандидатуры Анны Ягелловны. «Такъ какъ нельзя дѣйствовать безъ Ходкѣвича, то было бы хорошо предварительно узнать его мнѣніе, а также еще мнѣніе воеводы сандомірскаго, чтобы не дѣлать такого дѣла неосновательно, и не только напрасно, но съ опасностію оттолкнуть многихъ, дурно расположенныхъ къ королевнѣ» [69]). Зачѣмъ кардиналъ говоритъ только о своемъ, то-есть католическомъ интересѣ, и ни слова о габсбургскомъ? Зачѣмъ онъ выставляетъ на сцену Петра Зборовскаго, перваго въ цѣлой Польшѣ врага нѣмецкаго императора? Мы вскорѣ увидимъ, какой вѣтеръ уже начиналъ дуть тогда въ Рѣчи Посполитой. Теперь же посмотримъ какъ шло дѣло королевны Анны, столь противное папскому легату.

Станиславъ Карнковскій не послѣдовалъ его совѣту. Его сильно занимала смѣлая мысль нунція. Онъ вступилъ въ тайную переписку съ королевной, а когда явился въ Ломжу, по порученію касскаго съѣзда, сталъ особенно внимателенъ къ ней. Его современныя письма къ друзьямъ, его ссора съ Петромъ Зборовскимъ, наконецъ, слухи, которыхъ онъ не могъ опровергнуть, доказываютъ, что онъ отговаривалъ Анну Ягелловну отъ брака съ сыномъ императора и обѣщалъ поднять ее лично на тронъ, опираясь на Великою Польшу, Мазовію, Пруссію и даже Литву; а самъ уже былъ готовъ немедленно присягнуть ей въ вѣрноподданствѣ [70]). Конечно, онъ сильно увлекался, особенно въ своихъ разсчетахъ на Литву. У королевны было очень мало приверженцевъ. Она уже успѣла всѣмъ надоѣсть своимъ упорствомъ и высокомѣріемъ. Она, не шутя, вообразила себя политическою силой и объявила, что не тронется изъ Ломжи ни на шагъ, что Тыкочинъ ея наслѣдственная собственность и она не пуститъ въ него сенаторовъ, которымъ касскій съѣздъ при-

казалъ заѣхать туда на возвратномъ пути изъ Литвы. Она писала грозныя внушенія къ панамъ въ Ловичъ и Осѣкъ, въ Варшаву и Каски. Но особенно безцеремонно и обидно поступала королевна съ Литовцами. Она уже прислала къ нимъ форму присяги въ вѣрноподданствѣ, которую они должны были принести ей: за это она милостиво обѣщала подарить имъ Тыкочинъ. Мы видѣли, какую бурю, въ отвѣтъ ей, подняли Литовцы въ Мсцибовѣ противъ депутаціи касскаго съѣзда. Вторя имъ, изъ края въ край по Рѣчи Посполитой пронесся крикъ: «долой женскія интриги, не хотимъ подчиняться женщинѣ! Женское правленіе губитъ государства: оно уже принесло много бѣдъ Венгерцамъ да и намъ самимъ!» [71]) Такимъ образомъ, къ концу 1572 года, дѣло Анны Ягелловны можно было считать совсѣмъ проиграннымъ. Ей, повидимому, оставалось лишь мечтать о томъ, чтобы стать женой неизвѣстнаго избранника націи. А тутъ, къ довершенію ея несчастія, явились черезчуръ самонадѣянные вѣнскіе эммиссары.

Въ то время, когда цесарское посольство переступило польскую границу, въ Ломжу прибылъ Гастальдъ. Сторожа Анны Ягелловны ничего не могли сдѣлать съ нимъ. Онъ не отходилъ отъ нея, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ побесѣдовать съ нею. Только когда императорскіе послы пріѣхали въ Домбровицу, онъ на минуту отлучился для свиданія съ ними, и снова возвратился въ Ломжу. За нимъ двинулись куда-то изъ Домбровицы и послы, которые недавно, въ Сандомірѣ, увѣряли Малополянъ, что въ Рѣчи Посполитой нѣтъ никакихъ нѣмецкихъ агентовъ и что они не знаютъ никакого Гастальда.

Малополяне засѣдали въ то время на осѣцкомъ съѣздѣ. Какъ громомъ поразило ихъ извѣстіе объ этихъ продѣлкахъ Австрійцевъ, а весьма кстати перехваченное письмо Розенберга и Перштейна, подтверждало ихъ коварство. Въ Осѣкѣ забили тревогу. Никогда, во все безкоролевье, поступки чужеземцевъ не занимали

столь долго вниманія пановъ. Съѣздъ принялъ энергическія мѣры противъ наглой интриги, которая насмѣхалась почти надъ всѣми польскими собраніями того времени, требовавшими изгнанія изъ предѣловъ Рѣчи Посполитой всѣхъ иностранныхъ агентовъ. Онъ отправилъ къ королевнѣ и цесарскимъ посламъ двухъ каштеляновъ, люблинскаго и жарновскаго, съ важными инструкціями. Сверхъ того, не надѣясь на свою силу и желая заявить Великополянамъ свое братское сочувствіе, онъ написалъ къ нимъ о продѣлкахъ Австрійцевъ, убѣдительно прося ихъ присоединиться къ его усиліямъ.

Малопольскихъ каштеляновъ сразу постигла жестокая неудача. Когда они добрались до фирлеева гнѣзда, птицы уже улетѣли. Но цесарскіе послы выѣхали изъ Домбровицы не на сѣверъ, къ королевнѣ, а на западъ, въ глубь Мазовіи. Это должно было еще болѣе встревожить Малополянъ. Ихъ депутаты спѣшили теперь исполнить хотя другую часть своего порученія. Они прибыли въ Ломжу и предъявили Гастальду требованіе немедленно удалиться изъ королевства. Но онъ повелъ къ нимъ рѣчь, какъ частный человѣкъ, какъ другъ польской націи и покойнаго короля, прахъ котораго взываетъ къ его участію въ погребеніи. Онъ укорялъ Поляковъ въ оскорбленіяхъ, грозилъ гнѣвомъ императора. Впрочемъ, вскорѣ успокоился и согласился уѣхать на другой же день, послѣ аудіенціи у королевны, которая должна дать отвѣтъ на письмо цесаря. Но, какъ видно, стѣны спальни дали Гастальду хорошій совѣтъ. Ночью онъ потребовалъ свиданія съ каштелянами и объявилъ, что не понялъ ихъ словъ. Слуга, Полякъ, объяснилъ ему дѣло и теперь онъ беретъ назадъ свое согласіе. Онъ долженъ описать эту встрѣчу своему монарху и дождаться отъ него новыхъ инструкцій. Сверхъ того Гастальдъ замѣтилъ собесѣдникамъ, что они присланы не отъ всей Рѣчи Посполитой, а лишь отъ нѣсколькихъ сенаторовъ, неизвѣстныхъ ему даже по именамъ. Это

было весьма справедливо: у нихъ не было даже оффиціальнаго документа за подписью ихъ поручителей. Гастальдъ, готовый «скорѣе умереть, чѣмъ выѣхать», остался подлѣ королевны. А каштеляны, посовѣтовавшись съ епископомъ холмскимъ, рѣшили отдать дѣло на судъ сенаторовъ, а епископу поручили всячески стараться поскорѣе выпроводить навязчиваго гостя. Такъ окончилась новая стычка польскаго правительства съ чужеземнымъ вліяніемъ, не смотря даже на привезенный депутатами приказъ властямъ въ Ломжѣ помогать имъ, въ случаѣ нужды, и «болѣе рѣзкими мѣрами, чѣмъ слова» [72]). Тщеславная Польша была поругана безталаннымъ, ничтожнымъ интриганомъ.

Быть-можетъ, этотъ случай имѣлъ свою долю вліянія на поведеніе цесарскихъ пословъ, которые остановились между тѣмъ въ Дзекановѣ *. Они, очевидно, поняли свое положеніе и рѣшились дѣйствовать энергично. Гордостью, самонадѣянностью проникнуты ихъ дальнѣйшіе поступки. Къ панамъ въ Осѣкѣ они написали, что имѣли полное право выѣхать изъ зараженной Домбровицы; что не обѣщали ждать тамъ сейма, да и нечего было ждать послѣ погибели кнышинскаго постановленія; что, наконецъ, имъ, а не Малополянамъ, пристало жаловаться на оскорбленія и беззаконія. Въ Волю императорскіе послы отправили депутацію съ подробною инструкціей. Они просили свиданія съ великопольскими панами для переговоровъ о дѣлахъ важныхъ и «всѣмъ пріятныхъ»; требовали пропуска къ Аннѣ Ягелловнѣ, которую цесарь, какъ братъ, велѣлъ непремѣнно навѣстить. Они жаловались на Малополянъ, не дозволявшихъ имъ даже переписываться съ своими семьями и съ императоромъ, сдѣлавъ при этомъ ловкое замѣчаніе: «Мы изумляемся дерзости этихъ господъ, распоряжающихся произвольно, помимо государственной власти Великополянъ, особенно примаса, который одинъ имѣетъ право созывать избирательный сеймъ».

* Въ двѣнадцати миляхъ отъ Варшавы.

Къ счастію для нѣмецкихъ пословъ, въ Волю въ эту минуту пришло увѣдомленіе отъ осѣцкаго съѣзда объ его рѣшеніи задержать ихъ въ Домбровицѣ. Среди великопольскихъ пановъ произошелъ взрывъ негодованія. Вопреки своимъ прежнимъ постановленіямъ, они завопили теперь, что международное право дозволяетъ свободно разъѣжать по государству не только христіанамъ, но даже и язычникамъ, если только они не несутъ съ собою войны. Епископъ плоцкій, рисуя недостойные поступки Малополянъ, восклицалъ: «Если мы будемъ такъ обращаться съ представителями иностранныхъ державъ, то и намъ страшно будетъ отправлять въ чужіе края пословъ. Въ Москвѣ мы уже получили не совсѣмъ пріятное возмездіе за наше неуваженіе къ ея дипломатическимъ агентамъ». Станиславъ Карнковскій не ограничился одними словами. Онъ тотчасъ написалъ высланнымъ изъ Осѣка каштелянамъ внушеніе, какъ должно обращаться съ цесарскими послами. Впрочемъ, вольскіе паны были рѣшительны лишь въ поношеніи Малополянъ. Ихъ распоряженія отличались обычною слабостью польской администраціи. Они признались своимъ кліентамъ, что, при господствующей анархіи, не могутъ ни удержать Поляковъ отъ самовольства, ни назначить имъ постояннаго убѣжища, ибо не знаютъ мѣста, не тронутаго заразой.

Но виною всему была не зараза, а трусливость примаса. Въ это время въ Колѣ собиралась главная масса великопольскихъ пановъ. Яковъ Уханскій поспѣшилъ туда, пообѣщавъ посламъ увѣдомить ихъ оттуда о рѣшеніи ихъ участи [75]). Это вожделѣнное рѣшеніе состоялось, наконецъ, но немного позже, на касскомъ съѣздѣ. Оттуда пріѣхали въ Дзекановъ три сенатора, одинъ духовнаго, два свѣтскаго чина. Они объявили отъ имени Рѣчи Посполитой, что въ безкоролевье должно прощать польскому народу его увлеченія; что Розенбергъ и Перштейнъ признаются послами нѣмецкой націи и имъ дозволяется,

до избирательнаго сейма, оставаться въ предѣлахъ королевства, именно въ Уржендовѣ *. Остальные же эмиссары, Гастальдъ съ компаніей, какъ люди частные и завѣдомо вредные, должны немедленно выѣхать за границу Рѣчи Посполитой. Послы обрадовались даже почетному аресту. Они выговорили только позволеніе снестись съ Вѣною по поводу своихъ помощниковъ. Мѣсяцъ спустя, пришло согласіе императора на отозваніе эмиссаровъ, о которыхъ и до него доходили очень дурные слухи. Исключеніе было сдѣлано только въ пользу Герстмана, безъ котораго послы, дѣйствительно, не могли обойтись [74]).

Такъ былъ, наконецъ, рѣшенъ вопросъ объ императорскихъ агентахъ въ Польшѣ. Но бумажное рѣшеніе не есть еще дѣйствительное. Жизнь совсѣмъ ускользала изъ рукъ польскихъ пановъ. Гастальда съ компаніей имъ еще удалось кое-какъ выпроводить. Но не подъ силу было имъ бороться съ душею австрійской интриги, съ безстрашнымъ аббатомъ Цировъ. Цесарскіе послы отправили его въ Ломжу, Литву и Пруссію именно въ то время, когда подписывался имъ приговоръ въ Каскахъ. Запасшись всѣми орудіями прельщеній, деньгами, императорскими письмами, кучею обѣщаній, и перемѣнивъ неудобное платье аббата на ловкій военный костюмъ, онъ весело пустился въ самый важный изъ своихъ объѣздовъ, на который его друзья возлагали огромныя надежды. Явившись къ королевнѣ, онъ добился тайнаго свиданія, заявилъ ей сожалѣніе пословъ о невозможности лично переговорить съ нею, и просилъ ее содѣйствовать избранію Эрнеста. Онъ увѣрялъ ее даже, будто собственными глазами читалъ уже изготовленнй документъ о ея бракѣ съ австрійскимъ принцемъ, снабженный подписью и печатью цесаря. Наконецъ, онъ справлялся у нея, къ кому изъ пановъ должно обратиться за помощью и кого избѣгать [75]). Среди этихъ

* Въ семи миляхъ отъ Люблина.

бесѣдъ налетѣлъ Станиславъ Карнковскій, посланный изъ Касокъ къ Аннѣ Ягелловнѣ. Онъ забилъ тревогу въ своихъ письмахъ къ польскимъ панамъ. Но счастіе еще благопріятствовало Циру. Онъ ускользнулъ изъ рукъ епископа куявскаго. Между тѣмъ императорскіе послы, которыхъ кто-то увѣдомилъ о всѣхъ рѣшеніяхъ касскаго съѣзда тотчасъ по закрытіи его, приказали аббату спѣшить въ Литву, пока еще не прибыла туда польская депутація.

Циръ успѣшно добрался до мѣста своего назначенія. У него повсюду являлись покровители. Какіе-то паны сносились съ нимъ; иные даже возили его на собственныхъ лошадяхъ. Среди пасынковъ Польши онъ дѣйствовалъ весьма искусно. Бранилъ Поляковъ на чемъ свѣтъ стоитъ; яркими красками описывалъ Литовцамъ ихъ собственныя страданія, причиняемыя королевствомъ. Въ печальной картинѣ было столько ораторской страсти, достойной лучшихъ мотивовъ, что у бѣдныхъ Литовцевъ слезы лились изъ глазъ. Въ эти-то трагическія минуты Циръ объявлялъ имъ, что цесарь принимаетъ всѣ условія, предлагаемыя ими. Не удивительно, что такой человѣкъ нашелъ себѣ защитника даже въ главномъ вождѣ народа. Янъ Ходкѣвичъ окружилъ его всевозможными удобствами. Иногда ему давалось содержаніе натурой; иногда онъ для виду останавливался на постояломъ дворѣ, платя чужими деньгами. Собственныя же онъ раздавалъ въ долгъ, кому слѣдуетъ, въ одно время спекулируя и въ политическомъ и въ финансовомъ смыслѣ. Онъ даже вообразилъ себя чуть не государственною властью въ гостепріимной странѣ. Пользуясь ненавистью своего высокаго покровителя къ Евреямъ, онъ мучилъ ихъ, возя за собою въ цѣпяхъ изъ города въ городъ. Староста жмудскій до того вѣрилъ Циру и его задачѣ, что вручилъ ему письмо къ императору.

Обдѣлавъ дѣльце въ Литвѣ, воинственный аббатъ, полный надеждъ, устремился въ Пруссію. Онъ везъ къ ея герцогу соб-

ственноручное письмо императора, который уже въ четвертый разъ разсыпался передъ нимъ въ благодарности за обѣщаніе явиться на избраніе съ двумя тысячами всадниковъ для осязаемой поддержки Эрнеста [76]). Но колесо долготерпѣливой фортуны, наконецъ, перевернулось. Въ Пруссіи внезапно оборвалась длинная нить интриги, столь ловко свитая способнѣйшимъ изъ австрійскихъ эмиссаровъ. Въ Мальборгѣ энергическій каштелянъ данцигскій, Янъ Костка, арестовалъ Цира, а съ нимъ и письмо Яна Ходкѣвича къ цесарю. Тотъ и другое были представлены на избирательный сеймъ, передъ лицо всей Рѣчи Посполитой.

Прибавимъ, что австрійскіе агенты не ограничивались этими явными продѣлками и личными сношеніями съ панами. Они прибѣгали также къ тайнымъ средствамъ вліянія на болѣе обширную публику. Польскій шляхтичъ конца XVI вѣка былъ очень любопытенъ. Онъ жадно бросался на всякую сплетню, на всякую бумажку, доставлявшую ему случай почесать языкъ о матеріи политическаго свойства. Тогда газеты съ ихъ возбудительнымъ, разнообразнымъ характеромъ, хорошо бы шли въ Польшѣ. Но ихъ не было. За то сильно расходился ихъ суррогатъ, памфлеты, частію напечатанные въ таинственной типографіи, частію же рукописные, съ которыхъ повсюду строчили копіи. Австрійцы, грубо браня всѣхъ кандидатовъ, говорили тогда, отъ имени Поляковъ, въ своихъ памфлетахъ: «Габсбургскій домъ богобоязливъ, могуществен, справедливъ, тихъ, спокоенъ, постояненъ, сопредѣленъ и родственъ намъ. Говорятъ: его казна растрачена. Но спросите, на что? Не на отпоръ-ли врагу христіанскаго имени? Не на награды-ли защитникамъ христіанскаго дѣла? Еще говорятъ: онъ слишкомъ расплодился. Тѣмъ лучше: умретъ одинъ — останется въ запасѣ другой, и каждый будетъ остерегаться испортиться, чтобы не посадили на его мѣсто брата, дядю, или свояка. Въ барщинахъ, въ родѣ по-

стройки крѣпостей, нѣтъ ничего дурнаго. Мы, простые люди, именно должны совершать подобныя работы, не отрывая воиновъ отъ ихъ долга оборонять землю и отбивать плѣнныхъ. Точно также нечего опасаться вторженія къ намъ деспотизма. Австрійскій кандидатъ явится для исполненія нашихъ, а не своихъ законовъ. Пусть только нашъ сенатъ будетъ добродѣтеленъ и силенъ, и чужеземцы не будутъ заправлять нами. Что вы слушаете шипѣніе Чеховъ, Силезцевъ и Венгерцевъ о нарушеніи ихъ правъ! Мы знаемъ, что натворили у насъ безнаказанность и своеволіе, которыя мы называемъ свободой. Всякій врагъ своеволія отдаетъ честь австрійскому дому за то, что онъ отлично умѣетъ удерживать подданныхъ въ предѣлахъ повиновенія долгу. И большіе налоги не укоръ правительству, когда ими обезпечивается спокойствіе страны. Не наша-ли родная пословица говоритъ: завелся у тебя злотый, отложи два-три гроша на шкатулку для сохраненія остальныхъ!» [77]).

Эта защита Габсбурговъ характеристична. Она выясняетъ сущность обвиненій, которымъ они подвергались передъ судомъ общественной совѣсти въ Польшѣ. Поляки видѣли въ нихъ типъ безпощаднаго западнаго деспотизма, посредствомъ насилій, барщинъ, налоговъ и всякихъ беззаконій собирающаго жертвы съ народныхъ свободъ и кармановъ для удовлетворенія своей неутолимой жажды власти и корысти. Сверхъ того у Поляковъ тогда еще живо было нерастраченное въ политическомъ скитальчествѣ племенное, славянское чувство. Имъ отвратителенъ былъ Нѣмецъ, подъ стопами котораго уже трепетали свобода и независимость нѣсколькихъ славянскихъ народовъ. Въ свою очередь, работало и историческое преданіе. Поляки знали, какъ стара и упорна была борьба ихъ родины съ этимъ сильнымъ сосѣдомъ за европейское значеніе и какъ замѣтно клонилась она въ его пользу. Они съ ужасомъ видѣли, что ненавистные Нѣмцы разсыпались по лучшимъ уголкамъ ихъ

страны, дѣлили съ Евреями барыши, богатѣли, держали націю въ торговомъ и промышленномъ младенчествѣ.

На такой чувствительной общественной основѣ австрійскому Габсбургу слѣдовало съ художественнымъ тактомъ и осторожностью возводить хитрое зданіе своей интриги. А мы видѣли, какъ онъ поступалъ. Онъ выпустилъ на Польшу цѣлую армію эмиссаровъ, которыхъ приверженцы Франціи насчитывали до четырехъ сотенъ. Они самовольно разъѣзжали по странѣ, смѣялись надъ всѣми ея правительствами, открыто сыпали золото, истративъ, какъ говорили въ концѣ 1572 года, до шестидесяти тысячъ талеровъ—сумму огромную для того времени [78]). Они болтали все, что приходило имъ въ голову, и безъ недомолвокъ повѣствовали о своихъ продѣлкахъ въ письмахъ другъ къ другу и къ своимъ пріятелямъ въ Германіи. А тогда письма сплошь и рядомъ перехватывались въ Польшѣ. Изъ нихъ Поляки съ негодованіемъ узнали слѣдующую свою характеристику: «Это варварскій, негодный народъ, нищій, лакомый и до того жадный, что вѣчно живетъ лишь ласкательствами да подарками и готовъ обобрать даже олтарь. Потому-то его цесарское величество и прислалъ къ польской націи своихъ пословъ съ подарками. И хотя Поляки гордятся своими жалкими, малеванными вольностями и защищаютъ ихъ, однако ему легко укротить своими подарками ихъ звѣрскую натуру» [79]). Мало того. Какія-то роковыя, невообразимыя препятствія окружали самые ловкіе планы Максимиліана II въ этомъ случаѣ. Повидимому, можно-ли было сдѣлать лучшій выборъ агентовъ? Гастальдъ былъ сродни Ягеллонамъ, Курцбахъ—Зборовскимъ; Розенбергъ и Перштейнъ были природные Чехи. А оказалось, что это былъ самый неудачный выборъ. Императорскіе послы съ перваго шага разошлись съ своею главною опорой, съ папскимъ легатомъ, и завели какія-то таинственныя сношенія съ нунціемъ. Курцбахъ открыто бранилъ навязанное ему порученіе; а Розенбергъ былъ не прочь

самъ сѣсть на польскій престолъ, вмѣсто сына своего государя [80]).

Теперь насъ не удивятъ ожесточеніе, ненависть, съ которыми Поляки напали на австрійскихъ агентовъ. Они опрокинули на нихъ цѣлую груду злобныхъ, насмѣшливыхъ памфлетовъ, въ которыхъ развивались слѣдующія мысли. «Цесарь ничтожный государь. Онъ не силенъ молитвами, какъ Римъ, или деньгами, какъ Испанія. Его казна растрачена, и растрачена на родню, друзей и сообщниковъ, а не на борьбу съ врагомъ христіанства. Много-ли онъ побилъ Турокъ и что получилъ съ нихъ? Намъ нечего ожидать отъ него. Онъ не въ состояніи помочь намъ въ главной причинѣ нашихъ несчастій, въ нарвской навигаціи, ибо сидитъ далеко отъ моря, гдѣ нѣтъ у него ни военнаго флота, ни торговыхъ городовъ. Онъ уже пустилъ, по штеттинскому миру, датскаго и шведскаго королей въ Ливонію, вопреки нашему протесту. А на Пруссію онъ имѣетъ свои виды. За то цесарь можетъ принести намъ неисчислимый вредъ. Внѣ откроется вѣчная война съ Москвой, Турціей и Татарами; внутри—угнетеніе, насиліе, подавленіе нашего языка, нашихъ законовъ и обычаевъ. Хотите знать, правда-ли это, взгляните на Чеховъ. Долго-ли устояли ихъ права при господствѣ Австріи? Забывъ Бога, стыдъ и свой долгъ, подтвержденный присягой, Габсбургъ тотчасъ же началъ искоренять ихъ законы, жечь ихъ привилегіи, налагать на нихъ несносныя ярма, давать имъ новые законы по своей прихоти, унижать значеніе королевскаго совѣта. Бѣдняки очутились въ вѣчномъ рабствѣ у этого вѣроломнаго тирана и едва сохранили свою кожу, чуть не каждый годъ искупая свое достояніе несносными, позорными податями (haracz ami). Да и одни-ли Чехи стенаютъ? Сколько важныхъ лицъ, засуженныхъ въ Вѣнѣ, бѣжало въ Пруссію, Ливонію, Венгрію и Польшу? И не отрасль-ли этого дома ведетъ теперь въ Нидерландахъ кровавую войну противъ свободы? Говорятъ, Габсбургъ

нашъ сосѣдъ. Тѣмъ хуже. Ему всѣхъ легче беззаконничать у насъ: стоитъ крикнуть черезъ стѣну—и помощь готова. Нужно помнить пословицу: хочешь, чтобы жена была послушна, живи подальше отъ тещи. Взгляните, что дѣлаютъ у насъ австрійскіе агенты даже теперь, до избранія? Куда только они не совались? Есть-ли хоть одинъ вліятельный панъ или шляхтичъ, которому они не разставляли-бы сѣтей? Чего мечутся эти Прушковскіе, Циры, Гастальды, возбудившіе у насъ столько смутъ и подозрѣній, что еще Богъ вѣсть, до чего дѣло дойдетъ? Побѣди они—и утратится бывшее доселѣ у всѣхъ народовъ убѣжденіе, что Польша всегда славится не обиліемъ денегъ, а обиліемъ людей; и никогда уже неизгладится изъ памяти потомства постыдная мысль, что Поляки жадны, что они льнутъ къ милліонамъ, какъ дѣти къ игрушкамъ. Уже по этимъ агентамъ можно судить, что такое Нѣмцы. Это народъ спѣсивый, ненавистный людямъ и богамъ, поносящій всѣ націи подъ солнцемъ, народъ - пьяница. У него всего болѣе страдаютъ невинные. Чуть заведутся у кого - нибудь деньжонки, его тотчасъ объявятъ мятежникомъ, и тогда держись! А у дворянства то-и-дѣло оцѣниваютъ имущества и берутъ съ нихъ проценты. Съ такимъ народомъ у насъ никогда не можетъ быть согласія. И языку-то нашему скоро научится всякій чужеземецъ, кромѣ Нѣмца, и струны-то наши на лютнѣ не гармонируютъ съ нѣмецкими; и нашъ бѣлый орелъ не подходитъ къ ихъ черному. Въ нашей ненависти къ Нѣмцамъ виноваты не мы, а они сами. Мы сидимъ себѣ спокойно, а они все лезутъ къ намъ. И что имъ до насъ? Ужъ не хотятъ-ли они наложить на насъ свои мундштуки, или научить насъ порядку (rządu)? Но пусть помнятъ, что Польша изстари держится своимъ безпорядкомъ (nierządem) и процвѣтаетъ, а Нѣмцы съ своимъ великимъ порядкомъ ужъ сколько разъ перекувырнулись! Мы знаемъ, что такое своеволіе

и свобода. Трусливому народу не слѣдъ упрекать насъ въ своеволіи, и рабскому — поучать насъ свободѣ.» [81])

Поляки не ограничивались литературными средствами борьбы съ Нѣмцами. Они всячески выражали свою ненависть къ нимъ и болѣе осязательно. Пограничная стража ловила австрійскихъ эмиссаровъ и ихъ почтовые тюки, а паны представляли на сенаторскіе съѣзды съ поличнымъ счастливцевъ, успѣвшихъ перескочить черезъ южную границу Польши и явиться къ нимъ съ письмами и подарками отъ цесаря. Паны поступали такъ главнымъ образомъ изъ страха передъ шляхтой, которая особенно злобно волновалась и зорко слѣдила за ними и за всякою нѣмецкою физіономіей. Вскорѣ послѣ открытія нѣмецкой интриги дѣло дошло до того, что всякій, подымавшій голосъ въ пользу Австріи, рисковалъ прослыть предателемъ своего отечества. На краковскимъ съѣздѣ страшно изругали и чуть не выбросили вонъ изъ собранія Яна Мышковскаго, обнаружившаго сочувствіе къ Габсбургамъ. [82]) Сиротка Радзивилъ имѣлъ право, въ самомъ началѣ безкоролевья, описывая своему дядѣ весьма благопріятную обстановку нѣмецкой кандидатуры, прибавить: «Впрочемъ, я сильно опасаюсь, чтобы дѣло не пошло у насъ плохо, ибо Поляки питаютъ сильное отвращеніе къ австрійскому дому. Не пришлось бы рѣшать вопросъ оружіемъ.» [83])

Вѣроятно, эти-то чувства и соображенія, убившія австрійскую кандидатуру, заставили Литовцевъ и отчасти Поляковъ рано задаться вопросомъ о московской. По мѣрѣ того, какъ падала первая, послѣдняя пріобрѣтала болѣе и болѣе значенія. Московскій вопросъ въ Рѣчи Посполитой въ 1572 году призываетъ теперь къ себѣ наше вниманіе.

ГЛАВА V.

Чужеземная интрига. Московское царство и Франція.

Западно-европейская наука много толковала о величавой борьбѣ съ завялымъ классическимъ міромъ свѣжихъ племенъ, которыя она долго называла индо-«германскими»; о благородной роли «германства» въ исторіи; о кровавой борьбѣ «германскаго народнаго начала» съ латинствомъ; о безцѣнныхъ дарахъ, внесенныхъ «германскими и романскими» націями въ сокровищницу общечеловѣческаго прогресса. Мы нисколько не заподазриваемъ искренности ея одушевленія, честности ея стремленій. Запоздалые путники на историческомъ проселкѣ, мы не перестанемъ поучаться у нея, благоговѣть передъ выясненными ею успѣхами Запада. Но въ собственномъ ея интересѣ мы не перестанемъ также подымать голосъ, едва начинающій дрожать въ ея храмѣ. Нашъ долгъ указывать ей на ея органическій порокъ, лишающій ея взглядъ желательной широты и глубины, ея гуманность и справедливость — должной силы. Этотъ порокъ, обращающій «всемірную» исторію просто въ западную, — забвеніе восточной половины Европы и

славянскаго элемента. Если знаменитые западные историки, не умѣющіе различить именъ Ломоносова и Лермонтова, дѣлаютъ исключеніе для Поляковъ, то съ тою глубиной безсознательности или коварства, которая оскорбляетъ науку.

А между тѣмъ исторія славянства не менѣе интересна, не менѣе исполнена драматизма и величія, чѣмъ исторія всякаго другаго племени. На рубежѣ двухъ половинъ Европы, передъ историкомъ развертывается потрясающее зрѣлище тысячелѣтней борьбы народныхъ силъ за благородную и блестящую задачу — организовать Востокъ и насажденіемъ западной цивилизаціи вызвать его на поприще общечеловѣческаго прогресса. Здѣсь каждый народъ славянской крови принесъ свою жертву человѣчеству, которою заслужилъ право на вниманіе исторіи. Болгаринъ разносилъ по духовной пустынѣ просвѣтительныя сѣмена христіанства. Чехъ, задолго до нравственнаго пробужденія Нѣмца, очищалъ ихъ отъ вѣковой грязи, наплывшей изъ Рима. Сербъ первый ложился костьми за нихъ и за честь Европы въ борьбѣ съ исчадіемъ Азіи, исламизмомъ; Полякъ помогалъ ознакомленію востока Европы съ новыми путями развитія, постепенно открывавшимися на Западѣ. Въ то же время Русскій, обливаясь потомъ и кровью, безропотно совершалъ свою едва-ли не самую тяжелую задачу піонера цивилизаціи на крайнемъ востокѣ Европы. Онъ заселялъ пустыню, подавляя дѣвственныя силы природы, вырывая корни варварства, выдерживая на своей груди послѣдніе взрывы племенныхъ изверженій, совершавшихся въ таинственной глубинѣ Азіи. И, какъ будто мало было ему этой работы, одновременно отбивался отъ народовъ, надвигавшихся на него съ запада. Въ лицѣ Новгорода, Пскова и Полоцка онъ боролся съ рыцарями германства и Литвой, въ лицѣ Волыни и Галича съ Литвой и Польшей. Долго исторія колебалась, незная, по какому пути ей направиться. До ужаснаго монгольскаго удара одолѣвалъ Русскій; послѣ—его соперники. XIV вѣкъ про-

шелъ въ дѣлежѣ юго-западной Руси между Литвой и Польшей и въ борьбѣ побѣдителей другъ съ другомъ, изъ которыхъ каждый съ ужасомъ замѣчалъ возрастаніе противника.

Этотъ порядокъ вещей на рубежѣ двухъ половинъ Европы доказывалъ лишь одно,—что русская сила была тогда подавлена страшнымъ испытаніемъ, посланнымъ ей Провидѣніемъ. Юго-западная Русь, не выдержавшая богатырской задачи и подкошенная монгольщиной, исчезла навсегда въ смыслѣ независимаго организма. А сѣверо-восточная робко, осторожно начертывала первую страницу своей исторіи: вопросъ о ея будущемъ, то-есть о значеніи средоточія ея силъ—Москвы, былъ рѣшенъ лишь около половины XIV вѣка. Съ этихъ поръ историкъ чувствуетъ, что междуцарствіе въ восточной Европѣ исчезло навсегда и для нея настала новая эпоха. Изъ дикаго хаоса выступило стройное и сильное государство со всѣми признаками долгой жизни. Оно тотчасъ же ополчилось противъ Орды. Смущенные западные враги русскаго элемента дрогнули и перемѣнили позиціи. Литва и Польша соединяютъ свои силы, бьютъ нѣмецкихъ рыцарей и устремляютъ все свое вниманіе на зловѣщее движеніе на востокѣ. Онѣ становятся неизмѣнными союзницами во всемъ, что вредно развитію Москвы, принимаютъ неблагодарную роль защитниковъ всего стараго, отживающаго: Мамая и Ахмата, Новгорода и Пскова, князей тверскихъ, рязанскихъ, новгородъ-сѣверскихъ. Уже являются многознаменательныя попытки рѣшить невыносимую борьбу политикой брачныхъ союзовъ. Но они окончились, какъ и всегда, какъ передъ тѣмъ окончились стремленія литовскихъ князей породниться съ южно-русскими. Именно со времени этихъ попытокъ, съ начала XV вѣка, вслѣдствіе усиленія Москвы, открывается періодъ великой, безустанной борьбы, которая кончается лишь со смертію одного изъ противниковъ. На зарѣ XVI столѣтія русскій народъ началъ свое еще и теперь не завершенное дѣло возвращенія родныхъ

земель изъ-подъ чужаго владычества. Послѣ отвоеванія сѣверской и смоленской областей, онъ передалъ это дѣло своему грозному государю.

Но не одна эта забота выпала на долю Ивану IV. Новому положенію Московскаго государства не соотвѣтствовалъ его изветшавшій внутренній строй. Ему нужно было дать новую организацію. Оно должно было выдержать отчаянную, послѣднюю борьбу съ старымъ боярствомъ, живо помнившимъ свое недавнее приволье. Сверхъ того пора было взяться за исполненіе второй части исторической задачи, за прививку къ Востоку Европы западной цивилизаціи, основы которой были положены еще при Иванѣ III. Все это были условія, составляющія эпоху въ жизни народовъ. Да, около половины XVI вѣка началась новая исторія нашего отечества. Она прекрасно выразилась въ лицѣ Ивана Грознаго, съ задушевностью своихъ стремленій, страстностью своихъ порывовъ, страданіями внутренняго перелома. Иванъ IV также мало походилъ по характеру на своихъ предшественниковъ, какъ наша новая исторія на древнюю. Это была одна изъ тѣхъ титаническихъ натуръ, которыя изъ дали вѣковъ поражаютъ своимъ величіемъ потомковъ, какъ несокрушимыя вѣхи, стоящія у грани двухъ эпохъ. Это былъ, со всѣми его обычными чертами, вождь новаго начала въ его смертельной борьбѣ съ старымъ. Блестящія дарованія, чуткость нервовъ, желѣзная воля и во главѣ всего страстность—вотъ элементы подобныхъ натуръ. Иванъ Грозный былъ гордъ, самоволенъ, дѣятеленъ. Онъ не терпѣлъ лести, смягчался при смѣлыхъ звукахъ правды. Онъ вѣчно суетится, работалъ, читалъ, писалъ, говорилъ. Онъ былъ искрененъ въ молитвѣ и раскаяніи, въ гнѣвѣ и милости, въ казняхъ и нравственныхъ самоистязаніяхъ. Это былъ по заслугамъ прославленный во всемъ мірѣ деспотъ, душа котораго питалась ненавистью и презрѣніемъ къ людямъ. Но наше нравственное чувство не оскорбится сожалѣніемъ о человѣкѣ, въ

лицѣ котораго ясны страдальческія черты жертвы печальной среды и тяжелаго историческаго подвига.

Иванъ Грозный, которому суждено было ясно сознать главную потребность русскаго народа въ то время, покончивъ съ Казанью, не спускалъ глазъ съ западныхъ границъ своего царства. Его влекли сюда и слабая *прибалтійская* Ливонія, и Литва, гдѣ находили пріютъ гонимые имъ крамольники, гдѣ Польша искала, среди русскихъ костей, опоры своему расшатанному государству. Но здѣсь борьба была еще очень упорна и опасна. А Иванъ IV былъ одинъ изъ осторожныхъ собирателей Русской земли. Онъ всегда былъ не прочь рѣшить вопросъ повыгоднѣе, не тратя много казны и христіанской крови. Такъ какъ его цѣли были точно опредѣлены, требованія неизмѣнны, а враги не могли удовлетворить ихъ, не отказываясь отъ своей будущности, то, конечно, такое рѣшеніе было-бы особенно рѣдкимъ и счастливымъ случаемъ, которымъ нельзя было не воспользоваться. Если этотъ случай едва не явился при жизни Сигизмунда-Августа, когда Иванъ IV задумалъ-было жениться на его сестрѣ, Екатеринѣ [1]), то онъ представился въ описываемое нами время. Для Москвы еще не настали скорбные годы, когда ее терзала колоссальная историческая ложь самозванщины. Казалось, крѣпка была линія Рюриковичей, сидѣвшихъ на ея столѣ. А польскій тронъ опустѣлъ, и по осиротѣлой странѣ носился вихрь анархіи. Прежде чѣмъ польскій королевичъ появится въ православномъ Кремлѣ, отчего было не вступить въ олатыненный Краковъ или въ Вильну московскому царевичу? Въ руки такъ и просились, если не польская корона, то литовскій вѣнецъ, во всякомъ случаѣ дорогая Ливонія.

Но Иванъ IV не даромъ приравнивалъ себя къ Давиду и Соломону, къ Августу Кесарю и Константину. Онъ высоко цѣнилъ свой новый *царскій* титулъ. Иначе, какъ черезъ намѣстника, онъ не хотѣлъ сноситься съ шведскимъ королемъ «мужицка-

го рода.» Ему-ли было осквернять свои царскія уста льстивыми, заискивающими рѣчами къ польскимъ и литовскимъ панамъ? Къ тому же онъ имѣлъ гораздо болѣе основаній, чѣмъ Максимиліанъ II, надѣяться, что придутъ *просить* его сѣсть на престолъ и что онъ самъ можетъ предписать условія своего новаго царствованія. Онъ зналъ, что совершалось по-сосѣдству. Разными путями доходили до него извѣстія о томъ, какъ тяготится борьбою съ нимъ Рѣчь Посполитая, какъ раздирается она внутренними несогласіями. Какой-нибудь русскій плѣнникъ, бѣжавшій изъ Литвы, доносилъ о глухомъ недовольствѣ великаго княжества на Польшу, о распряхъ среди литовскаго дворянства, часть котораго сильно тянетъ къ Москвѣ [2]). И эти извѣстія были вѣрны.

Мы видѣли, что, не говоря про низшіе слои населенія, даже у нѣкоторыхъ польскихъ вождей и особенно у литовскихъ, тотчасъ по смерти Сигизмунда-Августа, блеснула мысль о московской кандидатурѣ. Прежде всѣхъ ясно высказали свое сочувствіе къ ней воеводы виленскій и иновлоцлавскій. Остальные, за исключеніемъ Яна Ходкѣвича, несшаго на себѣ всю тяжесть борьбы съ Москвой и имѣвшаго личные счеты съ ея царемъ, сдержанно выжидали. Они также рѣшили вопросъ въ пользу Ивана IV, но сомнѣвались еще въ его соизволеніи, въ его «милости.» Ихъ устрашало его таинственное молчаніе тѣмъ болѣе, что ходили слухи, будто онъ недоволенъ нѣкоторыми изъ нихъ [3]).

На первыхъ порахъ успѣхамъ Ивана IV въ Рѣчи Посполитой помогалъ даже счастливый случай. Смерть Сигизмунда-Августа застигла тамъ его гонца, который былъ присланъ по поводу мирныхъ переговоровъ и теперь долженъ былъ посредничать между Вильною и Москвой. Литовцамъ приходилось сначала дѣйствовать весьма осторожно, чтобы не возстановить противъ себя подозрительныхъ Поляковъ. Они наскоро извѣстили коронную раду о прибытіи московскаго гонца. Потомъ, не допуская его

въ Вильну, ввели его на свой сеймикъ въ Рудникахъ въ концѣ сентября. Гонецъ, какъ обыкновенно случалось съ его предшественниками, хранилъ глубокое молчаніе. не уполномоченный своимъ государемъ на устные переговоры. Онъ раскрылъ ротъ только для торжественнаго провозглашенія высокаго титула царя и вручилъ собранію нѣсколько грамотъ. Однѣ были къ покойному королю, другія къ сенаторамъ Рѣчи Посполитой. Тутъ же былъ и опасный листъ для литовско-польскихъ пословъ, которыхъ ожидали въ Москвѣ. Послѣ нѣкотораго колебанія, литовскіе паны рѣшились вскрыть всѣ бумаги, зная, что не скоро разыщешь польскихъ сенаторовъ, чтобы прочесть ихъ.

Содержаніе грамотъ сильно встревожило Литовцевъ. Немедленно отправивъ ихъ въ Польшу, они съ безпокойствомъ заявляли свое недовѣріе къ словамъ Ивана IV, свой страхъ передъ силою его войскъ и его хитростію. Царь угрожалъ вторженіемъ въ Ливонію, если Рѣчь Посполитая не пришлетъ тотчасъ же полномочнаго посольства для заключенія мира: Литовцы, считая его «готовымъ на все», ожидали даже нападенія на самую Литву, вполнѣ беззащитную. Царь утверждалъ, что Сигизмундъ-Августъ отдавалъ ему всю Ливонію за Полоцкую землю. Литовцы, основываясь на показаніи королевскаго секретаря, Гарабурды, находили, что онъ коварно изъяснялъ обѣщаніе уступить ему лишь нѣсколько пограничныхъ крѣпостей въ Ливоніи. Царь, суля Литовцамъ свою дружбу, предостерегалъ ихъ насчетъ извѣстнаго ему намѣренія крымскихъ Татаръ вторгнуться къ нимъ зимой. Литовцы же были убѣждены, что онъ самъ наводитъ Орду на нихъ, чтобы тѣмъ удобнѣе броситься на безпомощную Ливонію. Чтобы поскорѣе удовлетворить страшнаго врага отправкой къ нему посольства отъ всей Рѣчи Посполитой, запуганные Литовцы подвигали московскаго гонца внутрь Польши, къ ея сенаторамъ. Гонецъ, конечно, уперся, не имѣя никакихъ инструкцій на случай смерти Сигизмунда-Августа. Тогда они рѣшились передать

черезъ него просьбу Ивану IV о томъ, чтобы онъ воздержался отъ военныхъ дѣйствій до прибытія въ Москву литовско-польскихъ пословъ [4]). Въ то же время къ польскимъ панамъ поскакали изъ Литвы курьеры съ мольбою о скорѣйшемъ наряженіи посольства и о помощи деньгами и людьми.

Дѣйствительно, нужно было спѣшить. При готовомъ къ походу войскѣ и благопріятной минутѣ царь не сталъ-бы медлить, не позволилъ-бы провести себя затягиваніемъ дѣла. И вотъ, между Рѣчью Посполитой и Москвой открываются частыя, поспѣшныя сообщенія.

Въ началѣ 1573 года Иванъ Грозный получилъ разомъ нѣсколько грамотъ изъ Польши и Литвы. Около того времени, когда онъ выслушивалъ просьбу Литовцевъ, привезенную его собственнымъ гонцемъ, въ Москву прибылъ Ѳедоръ Зенковичъ Воропай. Онъ носилъ громкое имя уполномоченнаго отъ всего Литовско-польскаго государства. Къ несчастію, этому имени не вполнѣ соотвѣтствовала его грамота. На ней красовалось скудное число сенаторскихъ именъ литовскихъ да малопольскихъ. Великая Польша не участвовала въ этомъ актѣ: онъ былъ составленъ на кнышинскомъ съѣздѣ [5]). Рѣчь Посполитая извѣщала московскаго царя о смерти своего короля и просила выслать ей опасный листъ для большихъ пословъ, а до ихъ прибытія сохранять миръ согласно съ прежнею перемирною грамотой. Воропай вручилъ сверхъ того грамоты митрополиту Антонію да князю Токмакову, «котораго писали бояриномъ, намѣстникомъ и воеводою московскимъ.»

Въ обычной оригинальности рѣчи Ивана IV отчетливо проявился контрастъ въ характерѣ двухъ славянскихъ государствъ. Онъ отвѣчалъ, что доселѣ не вѣрилъ слухамъ о смерти Сигизмунда-Августа, ибо «христіанскіе государи часто и насъ морятъ, а мы, однако, слава Богу, здравствуемъ.» Онъ сожалѣлъ особенно о литовскихъ и польскихъ панахъ, которые

«остались теперь безъ головы: ибо, хотя въ королевствѣ и великомъ княжествѣ много головъ, но нѣтъ ни одной хорошей, которая заправляла-бы всѣми дѣлами, къ которой всѣ прибѣгали-бы дружно, какъ рѣки къ морю». Соболѣзновалъ онъ, какъ всегда, и о всемъ христіанскомъ мірѣ, замѣчая, какъ «бесерменская рука высится, а христіанская понижается», какъ «государи христіанскіе изводятся и оскудѣваютъ, а бесерменскіе размножаются». Ради этого несчастнаго христіанства царь согласился не тревожить Рѣчи Посполитой до прибытія ея пословъ, съ которыми готовъ заключить вѣчный миръ, доколѣ продлится его родъ. Условіе для мира полагалось только одно, но въ немъ прекрасно выразилась задача русской исторіи и желѣзная воля ея исполнителя. Согласно обѣщанію покойнаго короля, ради великой цѣли, успѣховъ христіанства, паны Рѣчи Посполитой должны были «потѣшить государя столь не великимъ дѣломъ», какъ уступка всей Ливонской земли по рѣку Двину. Съ своей стороны, онъ не пожалѣетъ за это Полоцка со всѣми его пригородами и съ прибавкою, пожалуй, еще клочка изъ собственно-московскихъ владѣній.

Но Ливонія не менѣе дорога и Рѣчи Посполитой. Ее не отдадутъ за предложенную цѣну. И вотъ, передъ царемъ нарисовалась свѣтлая картина естественнаго разрѣшенія вопроса: это — сліяніе двухъ славянскихъ государствъ, враждующихъ за одинъ и тотъ же жизненный интересъ. Иванъ IV рѣшился выступить на арену соперничества государей за польскій престолъ. Тутъ сказалась страстная натура борца за могущество самодержавія и строгое требованіе исторіи. Онъ лишь мимоходомъ бросилъ будущимъ подданнымъ обѣщаніе сохранить ихъ права и вольности, даже, при нуждѣ, отъ всего сердца надѣлить ихъ новыми. Онъ скользнулъ по вопросу «о людяхъ вѣры Мартына Лютера, что̀ разрушаютъ образа», замѣтивъ, что «Слово Божіе дано человѣку не на борьбу и гнѣвъ, а на тишину и смиреніе». Всю свою горечь,

весь свой пылъ онъ приберегъ для рѣчи о своемъ *государевомъ* дѣлѣ, которое, проходя сквозь призму его души, становилось *личнымъ* и губило его лучшія силы. Потрясающимъ драматизмомъ дышетъ самооборона царя, изнемогающаго въ борьбѣ съ крамолой, среди международной бесѣды передъ лицемъ всего христіанскаго міра. «Много, сказалъ Иванъ IV, найдется въ вашей землѣ людей, которые говорятъ, что я золъ и бѣшенъ. Это правда. Я гнѣвенъ и золъ, и самъ не хвалюсь этимъ. Но пусть спросятъ меня, на кого я золъ? Отвѣчу: на того, кто и на меня золъ. А для добраго я безъ сожалѣнія сниму съ себя и эту цѣпь и эту одежду».

— Святой царь и преславный государь! Не убога твоя государева казна: найдешь чѣмъ подарить, кого захочешь, прервалъ царскую рѣчь льстивый паредворецъ Малюта Скуратовъ.

—Знаю, возразилъ царь, что богатства моего дѣда и отца не тайна для польскихъ и литовскихъ пановъ. Но у меня вдвое больше земли и казны, чѣмъ было у нихъ.

«Не диво, продолжалъ онъ, что ваши государи любятъ своихъ подданныхъ: и подданные любятъ своихъ государей. А мои подвели меня подъ Крымскаго, подъ Татаръ. Тѣхъ было сорокъ тысячъ, а у меня только шесть: всякій пойметъ, ровно-ли это. И я о томъ не вѣдалъ: шестеро воеводъ, что шли передо мной съ сильными отрядами, не дали мнѣ знать. Правда, они не могли выиграть дѣло противъ такого многочисленнаго врага, но я поблагодарилъ бы ихъ, еслибы, погубивъ нѣсколько тысячъ своихъ, они принесли мнѣ хоть татарскій бичъ, либо плеть. Но и тогда я ни крошечки не боялся татарской силы. Я отступилъ немного передъ нею только тогда, когда увидѣлъ коварство и измѣну собственныхъ людей. Татары бросились на Москву, которая устояла-бы, еслибы у нея было человѣкъ съ тысячу для обороны. Но большіе не хотѣли оборонять ее, какъ же было оборо-

нять ее меньшимъ? И уже Москва была сожжена, а меня не увѣдомили о томъ. Пойми-же, какова тутъ была измѣна мнѣ отъ людей моихъ! Вотъ почему, если кто и былъ наказанъ, то по заслугамъ. Ты скажи мнѣ, пожалуйста, у васъ наказываютъ измѣнника или щадятъ? Я думаю наказываютъ. Вотъ еще у васъ въ Вильнѣ есть человѣкъ, по имени Викторинъ. Распустили молву, будто я переписывался съ нимъ, внушалъ ему умертвить моего брата. Богу извѣстно, что я ничего не замышлялъ, не приказывалъ Викторину, и никакого письма его не приходило ко мнѣ. А между тѣмъ онъ былъ схваченъ и наказанъ: стало быть и въ вашихъ земляхъ измѣнниковъ не щадятъ. .. Я не стану толковать о собственной добротѣ или злобѣ: но еслибы Богъ далъ, чтобы ваши паны присылали ко мнѣ на службу своихъ дѣтей, они узнали-бы, злой я государь, или добрый, милосердый. Пусть паны польскіе и литовскіе не дивятся тому, что мои измѣнники дурно говорятъ обо мнѣ: имъ пристойно говорить дурно о своихъ господахъ, они не перестанутъ злословить, какъ ни почитай, ни награждай ихъ». Рѣшеніе вопроса о нравѣ царя облегчалось для пановъ слѣдующимъ его внушеніемъ гонцу Рѣчи Посполитой: «Тамъ, въ вашей землѣ, есть люди бѣжавшіе изъ моихъ владѣній, тамъ Курбскій.... Если они замѣтятъ, что хотите взять меня въ короли, смотрите, не уѣхали-бы въ иную землю, въ Орду или къ Туркамъ. Пусть ваши паны, не теряя времени, постараются въ тихомолку объ ихъ задержаніи, а я, свидѣтель Богъ, не буду помнить ихъ зла».

Среди этой мрачной рѣчи сіяла радость, что съ выборомъ московскаго царя на польскій престолъ исчезали причины международной вражды, выигрывалъ весь христіанскій міръ: «Тогда, говорилъ Иванъ IV, Ливонія, Москва, Новгородъ и Псковъ составили-бы одно нераздѣльное цѣлое. Тогда Рѣчь Посполитая увидѣла-бы, какой я крѣпкій защитникъ и хорошій государь. Тогда языче-

ская сила поникла-бы, и даже Римъ и всякое другое королевство не могли-бы подняться противъ насъ».

Иванъ IV коснулся и другой возможной комбинаціи, избранія одного изъ его сыновей. «У меня, сказалъ онъ, ихъ вотъ только два, какъ два глаза во лбу: отдать одного изъ нихъ – все равно что вырвать сердце изъ собственной груди». Въ заключеніе царь снова внушалъ гонцу о послахъ: «Смотри, не забудь сказать своимъ польскимъ и литовскимъ панамъ, чтобы, не мѣшкая, отправляли къ намъ пословъ, да надежныхъ людей, чтобы не вышло зла изъ добраго намѣренія: напримѣръ, Яна Кротошинскаго (Яна Кротовскаго изъ Кротошина, воеводу иновлоцлавскаго), Николая Нарушевича (подскарбія литовскаго) или Остафія Воловича (каштеляна троцкаго), людей умныхъ и добрыхъ, которые не прогнѣвятъ меня».

Гонца Рѣчи Посполитой принимали въ Москвѣ весело и почтительно. Его сажали въ столовой избѣ у государя на окольничьемъ мѣстѣ и подача ему была послѣ большихъ дворянъ. Но въ то же время Малюта Скуратовъ шепталъ ему, чтобы въ указанный срокъ непремѣнно прибыли послы: иначе плохо будетъ. А въ грамотахъ, изготовленныхъ для Литвы и Польши, царскій титулъ блисталъ не только именами Полоцка, Смоленска и Ливоніи, но еще пріукрасился гордымъ названіемъ «Самодержца».

Литва встревожилась отъ вѣстей, привезенныхъ Воропаемъ. Она побуждала Поляковъ поскорѣе отправить въ Москву пословъ. Но Поляки молчали. Тогда Литва сама послала къ Ивану IV своего присяжнаго писаря, Михаила Гарабурду, съ спеціальною цѣлью переговорить объ избраніи короля изъ московскаго царскаго рода. Гарабурда везъ грамоту, составленную въ концѣ 1572 года. Ея значеніе взвѣшивалось прикрѣпленными къ ней двѣнадцатью печатями литовскихъ пановъ [6]).

Такимъ образомъ, во всю первую половину описываемаго безкоролевья, дѣло московской кандидатуры въ Рѣчи Посполитой

шло очень успѣшно. Въ ея побѣдѣ были увѣрены далеко за предѣлами Польши и Литвы. Молдавскій господарь извѣщалъ воеводу русскаго, будто литовскіе гонцы объявили ему, что московскій царь уже выбранъ у нихъ на государство. Крымскій ханъ такъ перетрусилъ, что прислалъ къ тому же воеводѣ гонца, который передалъ ему изустно, по секрету, слѣдующую волю своего владыки: «Совѣтую Полякамъ отнюдь не выбирать Московскаго или одного изъ его сыновей. Онъ старый ихъ непріятель, да и я вошелъ во вражду съ нимъ изъ-за нихъ. Для нихъ гораздо выгоднѣе дружба моя и султана, ихъ старыхъ пріятелей Пусть они выберутъ кого-нибудь другаго — и я буду ихъ другомъ еще больше, чѣмъ прежде» [7]). Въ земляхъ нѣмецкаго императора думали, что Иванъ IV сядетъ на польскій тронъ, «ибо литовскіе паны стоятъ за него» [8]). А въ Рѣчи Посполитой вельможи бились по этому поводу объ закладъ на большія суммы. И всезнающій секретарь французскаго посольства въ Польшѣ считалъ Московскаго самымъ опаснымъ соперникомъ Франціи, ибо «тогда не было человѣка въ Рѣчи Посполитой, который не сознавалъ-бы очевидныхъ выгодъ прочнаго мира и соединенія двухъ великихъ и могущественныхъ государствъ» [9]).

Но, не смотря на все это, успѣхъ московской кандидатуры былъ мимолетенъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до избирательнаго сейма уже оказалось, что она лишена всякихъ надеждъ. Кто же былъ виною столь крутаго поворота дѣлъ? Прежде всего самъ царь. Между тѣмъ, какъ повсюду укоренялась увѣренность въ соединеніи Московскаго и Польско-литовскаго государствъ, въ Москвѣ происходили слѣдующія интересныя сцены.

Михаилъ Гарабурда, вручая Ивану IV грамоту литовскихъ пановъ, объяснилъ, что моровая язва не дозволяла имъ до сихъ поръ съѣхаться съ польскими. Сами же они не хотятъ избрать себѣ государя помимо Поляковъ, помня присягу, соединяющую

оба государства. Вотъ почему такъ долго не пріѣзжалъ въ Москву посолъ Рѣчи Посполитой. Въ послѣднее время повѣтріе немного утихло; литовскіе паны съѣхались кое-съ-кѣмъ изъ польскихъ и назначили сеймъ. Затѣмъ они приговорили отправить въ Москву гонца съ предложеніями, на которыя, по ихъ настояніямъ, должны согласиться и Поляки. Эти предложенія заключались въ томъ, чтобы царь или взялъ ихъ престолъ самъ, или прислалъ-бы имъ сына своего Ѳедора. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ обязаться соблюдать всѣ ихъ права и вольности и возвратить имъ Смоленскъ и Полоцкъ съ пригородами, Усвятомъ и Озерищемъ. Если онъ пришлетъ на королевство сына своего, то долженъ дать еще нѣсколько за́мковъ и волостей для его чести, чтобы иноземные государи и сосѣди не подсмѣивались надъ избравшими его народами.

Иванъ IV согласился только съ однимъ, что польско-литовскія права и вольности должно соблюдать, ибо «во всякой землѣ дѣла идутъ по собственному обычаю, который отмѣнять не годится». Все остальное онъ подвергъ строгой критикѣ. Не смотря на повѣтріе, онъ замѣтилъ, что хотя это воля Божія, однако паны должны постараться поскорѣе окончить избраніе, ибо «землѣ не выгодно быть безъ государя». Далѣе онъ объяснялъ Гарабурдѣ: «Статочное-ли дѣло поступаться мнѣ Смоленскомъ и Полоцкомъ? Чего-ради? Хорошо пріумножать, а не уменьшать государство. Неужели же отдать вамъ сына Ѳедора къ ущербу нашихъ владѣній? Что касается до нашихъ собственныхъ за́мковъ и волостей, то къ чему они вамъ? Мало-ли ихъ у васъ самихъ? У васъ ихъ довольно, а нашъ сынъ не дѣвка, чтобы давать за нимъ приданое. Нѣтъ, если хотите привлечь насъ къ себѣ, *намъ* дайте за́мковъ и земель. Уступите намъ всю Ливонскую землю по рѣку Двину да кстати, ради царскаго нашего имени, и Кіевъ. Тогда, пожалуй, возьмите себѣ Полоцкъ съ пригородами. Сверхъ того мы не согласимся на ваше предло-

женіе, покуда вы не признаете Польши, Литвы и Москвы единымъ государствомъ, а нашего сына Ѳедора наслѣдственнымъ королемъ такъ, чтобы послѣ его смерти Польша и Литва не выбирали себѣ въ короли никого, кромѣ его дѣтей; если же дѣтей не будетъ, онѣ все-таки не должны отрываться отъ нашего народа, но повиноваться намъ и нашимъ дѣтямъ, пока Богъ благословитъ нашъ царскій родъ. Не толкуйте намъ о прельстительныхъ посольствахъ императора и французскаго короля: они намъ не указъ. Мы хорошо знаемъ, что, кромѣ насъ да еще турецкаго султана, нѣтъ нигдѣ государя, котораго царственный родъ уходилъ-бы за двѣсти лѣтъ отъ нашего времени. Всѣ они съ княжескихъ или другихъ мѣстъ поднялись на императорскіе да королевскіе престолы: потому и доискиваются почести. А мы отъ государства государи, начиная съ Августа-цесаря и съ начала вѣковъ: и сіе вѣдомо всѣмъ. Поэтому мы требуемъ прежде всего, чтобы титулъ нашъ писали сполна, то-есть: Божіею милостію государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, кіевскій, владимірскій, московскій, король польскій и великій князь литовскій и т. д.»

Чѣмъ далѣе шли переговоры, тѣмъ болѣе являлось условій со стороны Москвы, тѣмъ несговорчивѣе становился ея царь. Когда онъ замѣтилъ Гарабурдѣ, что многіе Поляки и Литовцы желаютъ на королевство его самого, а не Ѳедора, и получилъ въ отвѣтъ указаніе на отдаленность Кракова отъ Астрахани и на необходимость принять католицизмъ, онъ прибавилъ требованіе, чтобы «вѣрѣ нашей быть въ почтеніи, чтобы вольно было намъ ставить церкви, деревянныя и каменныя, въ нашихъ зàмкахъ и волостяхъ по нашему обычаю. Тѣла нашихъ покойныхъ родственниковъ не должно погребать въ чужой землѣ, а привозить въ наше государство. А намъ самимъ вольно отойти въ монастырь, если на старости лѣтъ захотимъ молиться Богу». Потомъ Иванъ IV прямо заявилъ, что ему гораздо пріятнѣе царствовать

въ одномъ великомъ княжествѣ, безъ королевства, причемъ обѣщалъ возвратить Литвѣ земли, отнятыя у нея Поляками, «какъ мнѣ хорошо извѣстно», добавилъ онъ. Далѣе Иванъ IV нашелъ новое препятствіе. Онъ указывалъ на слухи, доходившіе въ Москву отъ гражданъ Рѣчи Посполитой, будто послѣдніе просятъ Ѳедора на королевство съ коварною цѣлью овладѣть его особой и выдать турецкому султану, чтобы заслужить его милость. Онъ потребовалъ, чтобы его дѣти не оставались одни, а сопровождали его во всѣхъ разъѣздахъ по государству, а равно и извѣстное число московскихъ придворныхъ, которыхъ онъ изберетъ самъ. Притомъ паны-рады должны присягою и записью удостовѣрить царя, что надъ нимъ и его дѣтьми не будутъ злоумышлять, не будутъ ихъ обманывать или выдавать въ чужое государство, чтобы они могли всегда, когда потребуется, пріѣхать въ Польшу и Литву совершенно безопасно, какъ въ свою собственную землю.

Откровенность Ивана IV дошла при этомъ до того, что онъ высказалъ свое полное недоумѣніе касательно истинныхъ намѣреній Рѣчи Посполитой. «Многіе, замѣтилъ онъ писали къ намъ, чтобы мы шли съ войскомъ къ Полоцку, а вы бьете намъ челомъ не пустошить вашу землю и стать вашимъ государемъ; одни присылали просьбы о злотыхъ и соболяхъ, за что обѣщали поддержать нашего сына, другіе же писали такія вещи, о которыхъ и говорить не пристойно.» Потомъ царь строго внушалъ Литовцамъ не выбирать французскаго принца, этого друга Турокъ, грозя, въ противномъ случаѣ, снова «промышлять надъ ними». Наконецъ, не надѣясь на выполненіе Рѣчью Посполитой всѣхъ предложенныхъ имъ условій, онъ уклончиво замѣтилъ, что сынъ его еще очень молодъ, не можетъ стоять противъ враговъ; [10]) что Поляки лучше всего сдѣлаютъ, если изберутъ цесарскаго сына, который будетъ союзникомъ царя. Тогда Вѣна, Краковъ, Вильна и Москва будутъ помогать другъ другу вой-

скомъ и деньгами. Всѣ христіанскія государства примкнутъ къ нимъ, чтобы подняться противъ всѣхъ языческихъ царствъ: и будетъ всему христіанскому міру великій покой и великая прибыль ... Иванъ IV былъ не прочь и отъ вѣчнаго мира съ Рѣчью Посполитой, но съ условіемъ, чтобы къ нему отошла вся Ливонія по рѣку Двину. При этомъ въ его словахъ скользнулъ страшный намекъ на далекое будущее: «А что нѣкогда границею нашей отчины была рѣка Березина, такъ отъ этого мы отступаемся и говорить о томъ не будемъ ради спокойствія христіанскаго міра». Когда Гарабурда уже садился въ телѣгу, чтобы пуститься въ обратный путь, бояре пришли сказать ему нѣсколько весьма важныхъ словъ отъ царя. Онъ уже въ третій разъ изъявилъ передъ Гарабурдою желаніе царствовать надъ одною Литвой, безъ Польши и просилъ, чтобы мѣстныя власти Рѣчи Посполитой на Украйнѣ извѣщали его о движеніяхъ перекопскаго царя [11]).

Гарабурда былъ счастливъ лишь въ томъ отношеніи, что везъ на избирательный сеймъ извѣстія о довольно выяснившихся намѣреніяхъ царя. Теперь всякій могъ понять, что Иванъ Грозный смотрѣлъ на дѣло совсѣмъ не такъ, какъ другіе соискатели польскаго трона; что онъ видѣлъ въ немъ какое-то излишнее бремя для себя; что онъ хотѣлъ не купить его у Поляковъ, а дорого продать имъ свое согласіе; что его интересовали лишь великокняжескій литовскій престолъ да Ливонія; что, наконецъ, онъ всего болѣе одобрилъ-бы Рѣчь Посполитую, еслибы она обратила свое вниманіе не на Москву, а на Вѣну. Эти вѣсти были очень опасны. Особенно онѣ угрожали Литвѣ, на которую почти отказавшійся отъ польскаго трона царь могъ тотчасъ обрушиться всѣми своими силами. Здѣсь съ крайнимъ напряженіемъ поджидали Гарабурду. Его зорко стерегли партіи московская и противная ей. Глѣбовичи собирали отчаянную дружину, чтобы, Богъ вѣсть съ какою цѣлью, изло-

вить его на пути. Янъ Ходкѣвичъ требовалъ отъ властей мѣстъ, пограничныхъ съ Московскимъ государствомъ, подробныхъ извѣстій о его судьбѣ, посылалъ шпіоновъ въ Смоленскъ слѣдить за нимъ, подкупалъ московскихъ подданныхъ, чтобы они немедленно доносили ему о каждомъ его движеніи [12]).

«Ради Бога, старайтесь, пока есть время, поскорѣе принять мѣры противъ Московскаго, ибо онъ будетъ ковать желѣзо, пока оно горячо», писалъ Сиротка Радзивилъ въ Вильну тотчасъ по смерти Сигизмунда-Августа [13]). Но онъ ошибся. Иванъ IV шелъ совершенно другою дорогой, чѣмъ Максимиліанъ II, хотя оба пути вели къ одной цѣли — къ неудачѣ. Онъ самъ предписывалъ условія, толковалъ о необходимости приданаго за Рѣчью Посполитой. Мало того. Онъ не давалъ перехитрить себя: сегодня переговаривается съ ея панами, а завтра ведетъ войска къ ея границамъ [14]). Литовцы мѣтко опредѣлили этотъ образъ дѣйствій царя, упрекая его въ томъ, что онъ «точно пень черезъ колоду валилъ» [15]). Результатомъ этой политики было то, что общественное мнѣніе и постановка партій въ Рѣчи Посполитой стали быстро измѣняться. Въ Литвѣ открылся расколъ между приверженцами Ивана IV; стало распространяться враждебное къ нему настроеніе Яна Ходкѣвича тѣмъ болѣе, что въ 1573 году, когда вскрылись рѣки и страна покрылась болотами, нечего было особенно опасаться восточнаго сосѣда. Сиротка Радзивилъ возвратился къ своему мнѣнію, которое онъ высказывалъ въ началѣ безкоролевья, когда хлопоталъ въ пользу Австріи: «Сохрани насъ Богъ отъ печальной доли быть управляемыми турецкою чалмой или московскою шапкой!» [16]) Это колебаніе и разстройство въ стремленіяхъ литовскихъ пановъ облегчали успѣхъ всякаго чисто-польскаго кандидата и должны были имѣть большое вліяніе на будущность страны. Литовская шляхта почувствовала ослабленіе тяготѣвшаго надъ нею гнета

пановъ и легко могла подчиниться чужому, особенно польскому вліянію. Именно въ этотъ историческій моментъ она выказала рѣшительную наклонность подражать польской шляхтѣ въ усиліяхъ отбиться отъ рукъ своихъ пановъ. Въ январѣ 1573 года, на конвокаціонномъ сеймѣ, она уже говорила противъ власти Ходкѣвичей и Радзивиловъ необычнымъ языкомъ откровенной страсти, сознанія своихъ сословныхъ интересовъ [17]).

Конечно, еще сильнѣе и рѣзче должно было проявиться тогда все враждебное Ивану Грозному въ Польшѣ. Крайне-неблагопріятные слухи и соображенія насчетъ его стали ходить по странѣ, нерѣдко въ формѣ памфлетовъ. Польскіе политики, увѣренные въ его могуществѣ и въ его близкомъ владычествѣ на морѣ, разсуждали такъ: «Московскій царь будетъ эксплуатировать море въ свою пользу, а не въ нашу. Пока въ Ливоніи Москва владѣла только Иванъ-городомъ по ту сторону рѣки Нарвы, а другая крѣпость, Нарва, оставалась еще въ рукахъ Ливонцевъ, навигація къ Москвѣ не была опасна, ибо въ обычныхъ складочныхъ для товаровъ мѣстахъ смотрѣли за тѣмъ, чтобы не провозилось ничего вреднаго для христіанства, какъ то: ружей, пороху, разныхъ доспѣховъ, ремесленниковъ. Но теперь, когда царь завладѣлъ и другимъ берегомъ, онъ ввелъ свои законы высылаетъ въ море корсаровъ, мыслію и желаніемъ уже царствуетъ надъ всѣмъ моремъ, строитъ корабли, добываетъ себѣ черезъ этотъ портъ ремесленниковъ изъ Германіи, Британіи и отовсюду. Правда, такой государь можетъ прогнать съ моря нашихъ враговъ, но не дастъ намъ воспользоваться имъ. Съ Поляками случилось-бы то же, что съ конемъ въ баснѣ, который жаловался человѣку на преслѣдующаго его рогатаго оленя; ибо для московскаго царя море всего дороже: такой пунктъ, какъ Нарва, для него важнѣе цѣлаго новаго королевства. А намъ онъ всегда постарается вредить, устроить

такъ, чтобы богатства наши не возрастали, а упадали». При этихъ условіяхъ Поляки даже Полоцкъ называли «скорлупою безъ ядра», а Сѣверскія земли «рукавами, за пріобрѣтеніе которыхъ пришлось-бы поплатиться цѣлымъ платьемъ» [18]).

Правда, эти глубокомысленныя соображенія объ историческихъ условіяхъ жизни двухъ сопредѣльныхъ государствъ занимали лишь избранныя головы польскихъ политиковъ. Масса шляхты была къ нимъ равнодушна. Но она не менѣе стала бояться московской кандидатуры и ненавидѣть ее. Какъ всякая толпа, она была подвержена впечатлѣніямъ внѣшности, прямо бьющей въ глаза. Для нея были важны не государственные вопросы, но представляющая ихъ личность. А въ русской исторіи не было государя, который своими свойствами могъ-бы сильнѣе оттолкнуть отъ себя своихъ и чужихъ, чѣмъ Иванъ IV. Въ глазахъ всѣхъ Европейцевъ, отъ Кракова до Рима и Мадрида, печать невинной крови, ожесточенія, безумія, тиранніи временъ Римской имперіи лежала на всѣхъ дѣйствіяхъ грознаго царя. Ужасныя черты его характера подбирали, для ознакомленія съ нимъ своихъ довѣрителей, папскіе агенты и венеціанскіе послы въ Польшѣ, конечно, черпавшіе свои свѣдѣнія изъ среды, въ которой они находились. Вотъ въ какомъ мрачномъ свѣтѣ была представлена папѣ поѣздка польскихъ пословъ въ Москву года за два до смерти Сигизмунда-Августа. На пути ихъ кормили пощечинами и батогами; въ Москвѣ встрѣтили бичами, ходившими по ихъ головамъ; а въ изступленіи пьянства имъ даже наносили раны оружіемъ—и все это иногда въ присутствіи самого царя. Ему доставляло особенное удовольствіе подсмѣиваться надъ ужасомъ несчастныхъ гостей, когда придворные грабили и рубили ихъ пожитки. Попортивъ имущества, они принялись и за самихъ пословъ: выщипывали имъ бороды, обнажали ихъ, топтали ногами ихъ одежду. Кромѣ собственнаго безпредѣль-

наго произвола, московскій царь не зналъ никакихъ законовъ, ни божескихъ ни человѣческихъ, и не подозрѣвалъ о существованіи правилъ международныхъ сношеній. Онъ умертвилъ лошадей, присланныхъ ему въ подарокъ польскимъ королемъ, грабилъ иностранныхъ торговцевъ; бросилъ въ тюрьму польскихъ купцовъ въ залогъ немедленнаго выѣзда польскихъ пословъ изъ Московскаго государства; а потомъ эти купцы были ограблены царскою казной и отпущены въ однихъ рубахахъ, съ босыми ногами. Царь безпощадно казнилъ плѣнныхъ, желая, чтобы въ его царствѣ не было и собаки литовской или польской. Беззавѣтный владыка страны, въ которой народъ, угнетенный государственными барщинами и голодомъ, пожиралъ самъ себя за недостаткомъ хлѣба и уже съѣденныхъ лошадей, онъ забавлялся чудовищными шутками, въ которыхъ безразсудство соперничало съ развратомъ, грязныя страсти съ богохульствомъ и кощунствомъ. Вотъ министры и совѣтодатели царя голые ползаютъ на четвереньках. Вотъ является дюжина дворянъ, разряженныхъ въ шкуры медвѣдей, оленей, волковъ и другихъ дикихъ животныхъ, и ихъ растерзываютъ на клочки царскіе мопсы и дворняги. Вотъ и самъ царь, жалкій въ своемъ мнимомъ величіи, отвратительный въ своемъ пьяномъ весельи. Онъ является къ посламъ въ золотѣ и жемчугѣ, сопровождаемый шутами на быкахъ и многочисленною, но ничтожною конницею на изможденныхъ лошаденкахъ. А на свадьбѣ у Магнуса и своей племянницы, вмѣсто обычныхъ пѣсенъ, затягиваетъ символъ вѣры и бьетъ монаховъ, не умѣющихъ вторить, приговаривая: «вотъ вамъ мѣра и тактъ!» Поляки, «всегда гораздо лучше думавшіе о Московскомъ и его воинахъ, увидавъ въ наготѣ ихъ позоръ, совсѣмъ измѣнили свое мнѣніе о нихъ и стали считать ихъ даже ничтожнѣе своихъ хлоповъ» [19]).

Такими-то представлялись Полякамъ и Европѣ Иванъ Грозный и бытъ его государства. Немудрено, что папскій нунцій скорѣе рѣшался навлечь на себя гнѣвъ Ватикана, чѣмъ ѣхать къ московскому «тирану», котораго онъ страшно боялся за его «жестокость, варварство и безчеловѣчную натуру»[20]). Еще понятнѣе то смѣшанное чувство страха и отвращенія, ненависти и презрѣнія, поджигаемое выходцами изъ Москвы, которое всплыло наверхъ въ душѣ Поляковъ, когда въ его отвѣтѣ на ихъ просьбы зазвучала струна могущественнаго автократа, который считалъ свое расположеніе къ нимъ какою-то милостью.

Такимъ образомъ около половины описываемаго безкоролевья, падала, послѣ австрійской, и другая сильная кандидатура — московская. Поляки были смущены ихъ быстрымъ, полнымъ неуспѣхомъ и не знали, что́ дѣлать, куда обратиться за помощью. Овладѣваемые отчаяніемъ, они начинали сомнѣваться въ человѣческихъ средствахъ и восклицали: «Пусть Божій промыслъ управляетъ столь важнымъ дѣломъ, пусть воля Господня коснется сердецъ избирателей и укажетъ имъ своего помазанника» [21]). Въ это-то время дѣятельно взялась за работу третья могущественная интрига, французская. Важныя историческія причины заставляли Францію быть едва-ли не самою ревностною соискательницею польскаго трона.

Бывало, исторію Франціи второй половины XVI вѣка объясняли демонизмомъ Екатерины Медичи. Теперь же, при ближайшемъ знакомствѣ съ ея характеромъ и съ событіями той эпохи, этотъ пріемъ оказывается невѣрнымъ. Правда, въ этой личности совмѣщались свойства, обезобразившія передъ потомствомъ ея нравственный обликъ. Властолюбивая и мстительная, коварная и вкрадчивая, руководимая въ жизни только личными интересами, она была достойною представительницей флорентійской науки управленія и премудрости родственнаго ей рим-

скаго двора. Но въ то же время это была суевѣрная и боязливая, слабая и нерѣшительная женщина, безумно увлекавшаяся своими желаніями и фантазіями. Она была поглощена мелкими фамильными интересами, чувствомъ страха за собственную безопасность да снѣдающимъ капризомъ матери — уничиженною любовью къ *одному*, притомъ *худшему* изъ сыновей. Болѣе она никого не любила, никому не довѣряла: ей отвѣчали тѣмъ же. Чужестранка, случайно занявшая престолъ Франціи, она тревожно озиралась, ища опоры и совѣта. Осторожность и полумѣры, союзъ съ враждующими партіями, съ тайными убійцами и придворными красавицами – вотъ орудія, избранныя ею. Только вѣра въ Нострадамуса да недостатокъ самообладанія приводили ее иногда къ сильнымъ средствамъ: но это были отчаянныя средства, свидѣтельствовавшія о ея поразительной безтактности [22]). Ей-ли было руководить судьбами французской націи, притомъ въ столь критическую минуту?

Франція нуждалась тогда въ гораздо болѣе сильныхъ и даровитыхъ дѣятеляхъ, чѣмъ Екатерина Медичи. Подобно другимъ западнымъ державамъ, она переживала трагическую эпоху всесторонняго перелома, запечатлѣнную звѣрскою борьбою страстей. Уже съ двадцатыхъ годовъ XVI вѣка въ этой странѣ тамъ и сямъ вспыхивали костры, точилась кровь. А за десять лѣтъ до 1572 года открылся цѣлый рядъ междуусобныхъ войнъ. Напрасны были всѣ миры и успокоительные эдикты. Разсвирѣпѣлые враги, смѣясь надъ ними, продолжали свою кровавую работу [23]), пока наконецъ не дошли до крайняго истощенія. Въ августѣ 1570 года среди усталаго народа пронеслась вѣсть о заключеніи знаменитаго сенъ-жерменскаго мира, почти вполнѣ признававшаго свободу совѣсти. Но ни новый миръ, ни Ла-Рошель, одна изъ первоклассныхъ крѣпостей Европы, не внушали довѣрія гугенотамъ. Они хорошо помнили успокоительную хартію, написанную въ томъ же Сенъ-Жерменѣ восемь лѣтъ тому назадъ, которая впервые при-

знала ихъ религію, но не остановила междуусобій [24]). Столь же мало предавались надеждѣ и сами французскіе католики, и папа съ Филиппомъ II испанскимъ. А Гизы и Екатерина Медичи даже предчувствовали возможность обратить только что дарованный миръ въ западню для непокорныхъ нововѣрцевъ. Спасти французскій народъ изъ бездны, въ которую онъ стремился, устранить внутренній разладъ, поглощавшій его лучшія силы могла только высокая національная идея, только глубоко-нравственная личность. Къ счастію для Франціи и та и другая выступили впередъ во всей своей силѣ подъ славнымъ именемъ адмирала Колиньи и его политической системы.

Ихъ вѣрная оцѣнка — одна изъ новѣйшихъ побѣдъ науки. Теперь зловѣщій мракъ варѳоломеевской ночи уже не застилаетъ логики событій, неотразимыхъ законовъ исторіи, строгихъ обликовъ ихъ истинныхъ исполнителей. Теперь стало ясно, что весь хаосъ этой эпохи былъ лишь неизбѣжнымъ драматическимъ покровомъ, подъ которымъ таилось глубокое русло, ни разу не покинутое потокомъ національной жизни. Среди этого хаоса сѣялись сѣмена, изъ которыхъ выросло европейское значеніе Франціи, слагалась нравственная физіономія эгоистической и рабской, воинственной и сварливой, нетерпимой и страстной націи [25]), которая понимаетъ свободу въ смыслѣ искорененія противниковъ, и, утомленная внутреннею борьбой, уничтоживъ стараго деспота, отдаетъ свою волю новому.

Нужды нѣтъ, что въ то время королевская власть во Франціи, казалось, доживала свои послѣдніе дни, лукавя и лавируя между одинаково гибельными для нея партіями. Пользуясь самою ихъ враждою, она, подъ шумъ властолюбивыхъ притязаній дворянства, шла прямою дорогой къ знаменитому афоризму своего «великаго» представителя конца XVII вѣка. На собраніе государственныхъ чиновъ (états généraux) она смотрѣла, какъ

Людовикъ XI, считавшій себя «уже вышедшимъ изъ-подъ опеки» и любившій созывать послушную знать (assemblée des notables). Если послѣ 77-лѣтняго забвенія государственные чины и были собраны въ 1560 году, то лишь съ финансовою цѣлью, и въ отвѣтъ на ихъ политическія притязанія король сталъ выдвигать авторитетъ парламента, которому суждено было нанести имъ послѣдній ударъ въ интересахъ абсолютизма [26]). Верховная власть вполнѣ переходила во дворецъ. И вотъ, въ первой половинѣ XVI вѣка, настаетъ эпоха процвѣтанія «королевскихъ» совѣтовъ (conseil des affaires, conseil privé, conseil de dépêches). Чуть не каждый день собирается «частный совѣтъ» короля, гдѣ, тайкомъ отъ націи, рѣшается ея участь. Въ этомъ совѣтѣ принцы крови и важные сановники играютъ ничтожную роль: вся сила его въ непремѣнныхъ членахъ. Эти неутомимые сотрудники короля, произвольно избираемые имъ самимъ, блещутъ не знатностью, а талантами, знаніемъ законовъ страны и государственныхъ дѣлъ. Они обыкновенно принадлежали къ духовному и парламентскому сословіямъ, къ разряду «законниковъ» (légistes). Эти-то канцлеры и кардиналы составляли ту «политическую партію», которая, съ высоты національныхъ интересовъ, равнодушно смотрѣла на мелкія заботы борющихся сторонъ и умѣряла ихъ увлеченія точно также, какъ и капризы королей, вредные для верховнаго авторитета. Они представляли собою систему историческихъ преданій и государственныхъ плановъ, отъ которыхъ нація никогда не отступала, какъ отъ своего призванія. Они разчищали путь прямымъ своимъ преемникамъ, Генриху IV и Людовику XIV. Главный вождь ихъ, коннетабль Анна Монморанси, правившій Франціей при четырехъ короляхъ, начиная съ Франциска I, умирая на сенъ денискомъ полѣ, завѣщалъ эту систему молодому Вилльруа, который, въ свою очередь, послуживъ четыремъ королямъ, передалъ ее нерушимою въ руки кардинала Ришелье [27]). Оттого-то анархиче-

ская эпоха религіозныхъ войнъ не прошла безслѣдно для Франціи. Въ теченіе ея не прерывался процессъ внутренняго преобразованія страны; сглаживались слѣды феодализма; государство принимало новый, стройный видъ; нація жертвовала въ пользу своего объединенія и порядка послѣднимъ запасомъ своей полудикой свободы. И напрасно честный патріотъ, канцлеръ л'Опиталь, поглаживая свою сѣдую бороду, мрачно предрекалъ о волненіяхъ, потрясавшихъ тогда его отечество: «Когда стаетъ этотъ снѣгъ, ничего не останется, кромѣ грязи.» Онъ самъ работалъ неутомимо въ духѣ національнаго преданія, писалъ знаменитые эдикты, поднималъ королевскую власть въ ущербъ государственнымъ чинамъ. Но всего лучше оцѣнивается значеніе этой эпохи въ исторіи Франціи изъ наблюденій надъ внѣшнею политикой этой страны.

Въ наше время для этихъ наблюденій открылось широкое поле, благодаря изданію дипломатическихъ документовъ Франціи и другихъ государствъ. Тутъ цѣлый новый міръ, весьма важный и любопытный. Тутъ мы встрѣчаемся лицомъ-къ-лицу съ переворотомъ въ международныхъ отношеніяхъ, которымъ, между прочимъ, знаменуется наступленіе новой исторіи. Тутъ мы убѣждаемся, что солидарность націй, политическое равновѣсіе, господство политическихъ интересовъ во внѣшней политикѣ державъ — вовсе не пустые звуки. Все это, дѣйствительно, возникло тогда, благодаря частію освобожденію Европы отъ средневѣковыхъ заблужденій, частію усиленію Россіи, Турціи и Габсбурговъ. Все это нахлынуло вдругъ и привело новый дипломатическій міръ въ разстройство, въ броженіе. Это особенно замѣтно у неопытныхъ французскихъ дипломатовъ. Очутившись среди внезапно вскрывшагося необозримаго горизонта, они волновались отъ пустыхъ причинъ, суетились, работали неутомимо, съ любовью. Наивно вѣря въ предсказанія Нострадамуса или какого-нибудь мусульманскаго дервиша, они сами

вдохновенно вѣщали будущее — паденіе Порты и роль Франціи въ восточномъ вопросѣ. Не менѣе увлекались они своими нелѣпыми, но величавыми мечтами, широкими планами, обнимавшими весь Старый и Новый свѣтъ, которые массами возникали въ ихъ возбужденныхъ умахъ. Какъ новички въ дѣлѣ, они педантически носились съ своимъ убѣжденіемъ, что «въ отношеніи государственныхъ матерій никогда не должно упускать удобнаго случая», и хватались за каждое «вакантное мѣсто въ Европѣ», чтобы всунуть туда одного изъ своихъ принцевъ. Трансильванія и Польша, Англія и Ирландія, Нидерланды и Германія, Кипръ и Алжиръ, Миланъ и Піемонтъ, Португалія, Бразилія и Перу, все казалось имъ годнымъ для этой цѣли. Но, среди всѣхъ фантасмагорій, на первомъ планѣ у нихъ вѣчно стояла одна повелительная мысль, одно несокрушимое чувство. Они всегда оставались истинными Французами. Они мѣрили другіе народы на свой аршинъ, видя въ нихъ лишь орудіе величія родной страны; забывали себя, гдѣ чуяли ея интересы. Миролюбивые законники работали въ пользу войны, католики хлопотали о протестантахъ, епископы и кардиналы подкапывались подъ папу и ѣздили на поклонъ къ султану, лишь бы ни на шагъ не отступать отъ національной политики, уже обратившейся въ жизненную потребность, въ историческое преданіе.

Національный характеръ внѣшней политики Франціи ясно выступаетъ при Францискѣ I и его замѣчательномъ коннетаблѣ, Аннѣ Монморанси. Ее вызвало могущество Габсбурговъ, грозившее, въ началѣ XVI вѣка, поглотить независимость всѣхъ государствъ западной Европы. Чѣмъ опаснѣе становилось это могущество, поддерживаемое всею силою католичества, тѣмъ точнѣе опредѣлялась враждебная ему политика Франціи. Когда, по смерти Карла V, оно сосредоточилось въ Испаніи, сюда направились ея разрушительные планы. «Христіаннѣйшая», по

приговору самого папства, страна въ Европѣ, соплеменная Испаніи, Франція не пренебрегала никакими средствами для униженія Мадрида и Рима. Въ Европѣ ясно видѣли, что всѣ любезности, всѣ знаки особеннаго довѣрія, которыми размѣнивались Парижъ и Мадридъ, были пустою формальностью [28]). Но никогда еще Франція не бралась такъ твердо и такъ сознательно за свою національную задачу, какъ въ 1570 году, когда она рѣшилась покончить общеевропейскій расколъ, стать во главѣ протестантизма противъ всего католичества. И она имѣла на это нѣкоторое право. Врядъ-ли отразились гдѣ-либо такъ сильно, какъ на ней, мучительныя драмы, черезъ которыя проходила историческая тяжба двухъ противныхъ началъ жизни. Оттого-то лишь съ точки зрѣнія общеевропейскихъ интересовъ можно оцѣнить значеніе этого момента въ исторіи Франціи, а вмѣстѣ съ нимъ и занимающаго насъ польскаго вопроса.

Въ 1567 году Нидерланды, это средоточіе великой міровой тяжбы, посѣтило безпримѣрное злополучіе. Туда прибылъ герцогъ Альба для водворенія своего идеала мертваго порядка. Въ несчастный народъ впилась жадная итальяно-испанская солдатчина; на собственность налегла убійственная тяжесть нелѣпыхъ податей, съ арабскою «алькабалой» во главѣ; по приговору шайки палачей, «совѣта возстанія,» пали головы вождей страны и Вильгельмъ Молчаливый покинулъ отечество. Казалось, мятежъ былъ раздавленъ. Въ то же время возникъ союзъ главныхъ католическихъ государствъ, священная лига, это могучее орудіе испанскаго властолюбія. Никогда еще не гулялъ по водамъ Средиземнаго моря столь сильный флотъ южныхъ державъ: никогда еще Европа не одерживала столь блистательной побѣды надъ исламизмомъ, какъ при Лепанто. Филиппъ II обращался въ непреодолимаго владыку всего міра. Для него наставала сладкая минута низвергнуть даже могущественную Елизавету англійскую, противъ которой въ Римѣ была изготовлена

отлучительная булла. Онъ уже рѣшилъ женить своего сводного брата, Донъ-Жуана австрійскаго, на Маріи Стюартъ, а свою сестру предложилъ въ жены Карлу IX, въ государствѣ котораго усердно сѣялъ раздоры. Казалось, пробилъ послѣдній часъ независимости Европы.

Медлить было нельзя. Европа встрепенулась. Вильгельмъ Молчаливый кинулъ наконецъ перчатку Филиппу II, принявъ кальвинизмъ. Онъ явился съ войскомъ на южной границѣ Нидерландъ. Его братъ, Людовикъ Нассаускій, ударилъ со стороны Фрисландіи. Имъ подали руки гугеноты, устремившіеся къ границамъ Фландріи. Затѣмъ принцъ Оранскій появился въ самой Франціи, куда потянулся съ своими ланцкнехтами и герцогъ цвейбрюкенскій, на помощь которому курфюрстъ пфальцскій вербовалъ охотниковъ въ Германіи. Въ то же время императоръ Максимиліанъ II сдѣлалъ такія заявленія на сеймѣ въ Фульдѣ, что «съ тѣхъ поръ повсюду стали громко говорить, будто онъ протестантъ и обманетъ папу и испанскаго короля». На подъемъ протестантизма не замедлила отозваться и его неуклонная защитница, Елизавета англійская. Ея деньги прокармливали войска, бившіяся противъ Альбы и Генриха анжуйскаго; дипломаты толковали о близкомъ союзѣ ея съ Германіей, Даніей и Швеціей; она видимо готовилась къ сильной борьбѣ, которую уже и открыла разгромомъ испанской торговли. Наконецъ султанъ Селимъ II быстро оправился отъ лепантскаго пораженія, означавшаго для Турціи «не болѣе, какъ бритье бороды, которая послѣ такой операціи растетъ еще лучше.» Оно, дѣйствительно, послужило лишь къ тому, что мусульманскій фанатизмъ разгорѣлся съ небывалой силой. Этого мало. Казалось, неисповѣдимая воля выбрала этотъ моментъ для совершенія суда надъ католицизмомъ и властолюбіемъ Филиппа II. Члены священной лиги разссорились между собою, приступивъ къ «дѣлежу шкуры еще не пойманнаго медвѣдя.» «Вотъ,

доносилъ Карлу IX его посланникъ въ Венеціи, хотя вы и ничѣмъ ни для кого не пожертвовали въ эту войну, а, кажется, извлечете изъ этой побѣды больше пользы, чѣмъ сами ея участники.» Въ то же время душа лиги, одинъ изъ энергичнѣйшихъ папъ XVI вѣка, Пій V, умеръ. Надежда католиковъ, Марія Стюартъ, послѣ мгновеннаго успѣха, вполнѣ проиграла свое дѣло въ Шотландіи и безумно отдалась въ руки своей соперницы. А на югѣ Европы, въ томъ углу, гдѣ сидѣлъ страшный хозяинъ кровавой лабораторіи, совершались самыя мрачныя и неожиданныя событія. Наслѣдникъ престола, Донъ-Карлосъ, погибъ въ темницѣ; вслѣдъ затѣмъ внезапно умерла королева, дочь Екатерины Медичи. Въ крѣпкой Гранадѣ, потомъ и въ скалахъ альпухарскихъ горъ поднялись Мавры съ отчаянною яростью. Имъ на встрѣчу собирались плыть галеры повелителей Феца и Алжира. Въ этой борьбѣ, которую въ Мадридѣ думали сначала покончить однимъ переселеніемъ возставшихъ внутрь страны, Филиппъ палъ духомъ. Онъ смѣнялъ одного за другимъ вождей своихъ разбитыхъ полчищъ, не обошелся безъ таланта Донъ-Жуана и все-таки заключилъ постыдный *миръ* съ своими *мятежниками*. [28])

Вотъ общеевропейская основа переворота, совершившагося во Франціи въ концѣ 1570 года. И безъ того колебавшееся вліяніе Екатерины Медичи должно было исчезнуть въ эту минуту. Ее самое удерживали на полупути лишь страхъ да нерѣшительность. Она уже тяготилась опекою Гизовъ и Филиппа II, неизбѣжною при ея католическихъ стремленіяхъ. Къ тому же ея возлюбленный сынъ, Генрихъ анжуйскій, уже былъ, со смерти коннетабля Монморанси, вождемъ королевской арміи съ титуломъ главнаго замѣстника короля и успѣлъ прославиться участіемъ въ битвахъ при Жарнакѣ и Монконтурѣ. Пришла пора заявить свою волю самому королю, уже искавшему этого случая. Среди послѣднихъ отпрысковъ выраждавшейся старшей

линіи дома Валуа Карлъ IX представлялъ самое отрадное явленіе. Это была мягкая, впечатлительная натура, съ задатками разностороннихъ дарованій. Онъ былъ не чуждъ гуманности, привлекавшей къ нему всеобщую любовь. Въ его юной душѣ уже создавался идеалъ нравственнаго достоинства власти, осѣняющій память избранныхъ правителей народнымъ сочувствіемъ и историческою славой. Онъ искренно желалъ, чтобы среди его націи прекратились междуусобія и всѣ ея силы направились на партіотическіе подвиги. Но самъ Карлъ IX не могъ совершить этого великаго народнаго перелома. Слабый тѣломъ и характеромъ, невыносливый, порывистый и горячій до бѣшенства, онъ, благодаря жалкому воспитанію, въ двадцать два года казался дитятей и былъ рабомъ чужой воли. Ему ни разу не удавалось выбиться изъ-подъ вліянія коварной матери, жаждавшей, вмѣсто него, видѣть на престолѣ своего возлюбленнаго Генриха. Теперь это вліяніе становилось тяжко и ненавистно ему. Онъ сталъ понемногу понимать, какую печальную роль игралъ онъ въ интригахъ своей матери и Гизовъ. Онъ слышалъ, какъ Гизы называли Генриха анжуйскаго своею опорой, а католики «своимъ великимъ герцогомъ,» котораго они, въ случаѣ нужды, посадятъ на престолъ. Между братьями разгорѣлась смертельная вражда. Карлъ, который недавно, въ порывѣ гнѣва, приказалъ-было умертвить герцога Гиза, сталъ открыто грозить Генриху. [30]) Генрихъ опирался на мать. Карлу потребовалась также крѣпкая опора. А тутъ вся Европа, за исключеніемъ, конечно, Рима и Испаніи, убѣждала его устами дипломатовъ, даровать Франціи миръ. Карлъ IX вызвалъ къ себѣ на помощь адмирала Колиньи — и съ этою безупречно-нравственною личностью на мгновеніе притекли къ престолу всѣ силы Франціи.

Колиньи написалъ на своемъ знамени: соединеніе всѣхъ средствъ государства для національной борьбы съ Испаніей,

для утвержденія королевской власти во Франціи, для распространенія славы и преобладанія Франціи въ Европѣ. Повторяемъ, это было старое знамя. За его честь боролся дядя Колиньи, коннетабль Монморанси, противъ кардинала Карла лотарингскаго, стоявшаго за гизовскіе, то-есть испанско-католическіе интересы. Его поддерживала вторая отрасль дома Бурбоновъ, Вандомы, принцы Наваррскіе и Конде. И теперь сыновья коннетабля были представителями идеи примиренія, приведшей къ сенъ-жерменскому договору [31]) и къ брачному союзу между двумя линіями царствующаго дома, Валуа и Бурбонами. Но никогда еще это знамя не развертывалось такою твердою и рѣшительною рукой, никогда еще такъ не дорожила имъ королевская власть, никогда такъ не благопріятствовали ему обстоятельства, какъ въ описываемый моментъ. Оттого-то теперь оно произвело магическое дѣйствіе.

Франція, которую иностранцы описывали, какъ страну погибающую, истощенную во всѣхъ отношеніяхъ, вдругъ встрепенулась и сдѣлалась грозною. Французъ, «разъ вкусивъ сладость оружія, не легко слагаетъ его». Десятилѣтнее междуусобіе воспитало въ немъ этотъ прирожденный духъ солдатчины. «Онъ уже бѣжалъ не отъ оружія, а къ оружію, дрожалъ и вспрыгивалъ при звукѣ барабана: дворянинъ изощрялъ свой мечъ, мѣщанинъ чистилъ свое заржавѣвшее оружіе, земледѣлецъ изъ плуга выковывалъ ножъ.» И нигдѣ не было столько опытныхъ, храбрыхъ военачальниковъ, какъ во Франціи. «Народъ, какъ стадо барановъ, покорный своимъ королямъ», горѣлъ желаніемъ, забывъ свои внутреннія распри, дружно ударить на главнаго врага своей страны во славу своего государя [32]). Правительство овладѣло національнымъ порывомъ — и Франція стала на мгновеніе центромъ политической системы, исполненной самыхъ смѣлыхъ, широкихъ плановъ. Она охватила не только всю Европу, но выходила даже за ея предѣлы.

Какъ-бы предупреждая исторію на цѣлые полвѣка, здѣсь составлялся тогда протестантскій союзъ въ отпоръ священной лигѣ. Карлъ IX заключилъ формальный договоръ съ Людовикомъ Нассаускимъ о высылкѣ во Фландрію сильной арміи подъ начальствомъ Колиньи. Съ Англіей онъ составилъ наступательный союзъ противъ Испаніи. Въ то же время, послѣ того, какъ рушилась попытка женить Генриха анжуйскаго на Елизаветѣ англійской, открылись переговоры о бракѣ ея съ третьимъ сыномъ Екатерины Медичи, съ герцогомъ алансонскимъ. Самъ Карлъ IX исполнилъ давно задуманный въ Парижѣ планъ: онъ женился на младшей дочери Максимиліана II, что̀ было необходимымъ политическимъ противодѣйствіемъ браку Филиппа II съ старшею дочерью императора. Въ Германію былъ отправленъ особенный агентъ, Шомбергъ, для переговоровъ съ ея князьями. Венецію убѣдили покинуть лигу и вести переговоры съ Портой [33]). Наконецъ главное вниманіе было обращено на эту послѣднюю державу.

Отношенія Франціи къ Портѣ играли самую важную роль въ этой политической системѣ. Для насъ они имѣютъ особенное значеніе: тутъ завязывался великій восточный вопросъ. Уже изъ донесеній французскихъ агентовъ того времени видно, какая тѣсная связь устанавливалась столь рано между интересами Россіи, Польши, Турціи и Франціи. Но любопытно, что та же Франція, которая съ начала XVIII вѣка сдѣлала Турцію поприщемъ своихъ интригъ противъ Россіи, въ описываемое время привлекала ея силы на Западъ. Въ XVI вѣкѣ Испанія была такимъ же кошмаромъ для французской дипломатіи, какимъ потомъ сдѣлались Россія и Пруссія. Сколько ни упорствовалъ замѣчательный визирь Селима II, Магометъ Соколлы, занятый планами соединенія Дона и Волги, покоренія Аравіи и Персіи, французская политика, въ союзѣ съ капризами султана, заставила Порту посвятить свое вниманіе Западу. Въ 1570

году, когда открылась «кипрская» война между Турціей и Венеціей, Селимъ II и Карлъ IX переслались весьма любезными письмами. Порта ласкала Францію надеждою доставить ей нѣмецко-императорскій и королевско-польскій троны. Франція отвѣчала на это отправкою одного изъ своихъ кардиналовъ въ Римъ и одного изъ своихъ епископовъ въ Константинополь съ чрезвычайно щекотливыми порученіями. Они должны были скрѣплять франко-турецкій союзъ, и, прибѣгая къ изворотамъ и лжи, разстраивать священную лигу, которая всячески старалась втянуть въ свое дѣло Карла IX. Вскорѣ Франція заключила съ Селимомъ II договоръ, обязывавшій его доставлять значительныя военныя силы во все время войны съ Испаніей [34]).

Такимъ образомъ въ описываемое время все было готово къ европейской войнѣ съ Испаніей и католичествомъ подъ руководствомъ Франціи. II Филиппу II, который былъ убѣжденъ, что «у него нѣтъ болѣе могущественнаго врага, чѣмъ французскій король», доносили: «по всему французскому берегу составляется огромная армія; есть корабли англійскіе и принца Оранскаго; гг. Строцци и де-ла-Гардъ назначены главнокомандующими: кто говоритъ, что это для предпріятій въ Индіи, Испаніи, Португаліи; кто — будто для сопровожденія принца въ Англію по случаю брака его съ королевою». Истинный смыслъ этихъ приготовленій объясняетъ намъ народная молва. Повсюду французскихъ агентовъ называли гугенотами и толковали, что Турція намѣрена «завладѣть всѣми гугенотами въ Европѣ» [35]).

Французская нація почуяла свое небывало-высокое положеніе, и тогда впервые проблеснуло то ея свойство, которое, къ ужасу Европы, ясно обнаружилось въ началѣ XVIII и XIX вѣковъ. Она возмечтала о всемірномъ господствѣ, о расширеніи своихъ предѣловъ, на сѣверѣ до устьевъ Шельды и Эмса, на югѣ до Сардиніи и Неаполя, о присоединеніи къ себѣ Англіи и Шотлан-

діи. На тронъ Нѣмецкой имперіи, по смерти Максимиліана II, долженъ былъ сѣсть или самъ Карлъ IX или одинъ изъ его братьевъ. Этого мало. Алжиръ, отрѣзанный отъ турецкой помощи Дономъ-Жуаномъ австрійскимъ, и угрожаемый Испанцами, утвердившимися въ Оранѣ, просилъ Карла IX принять его въ свое подданство. Французскій флотъ, получивъ новую, могущественную организацію, долженъ былъ явиться у Антиллъ, чтобы и на другомъ полушаріи водрузить французское знамя на развалинахъ испанскаго могущества. Что касается до Востока, то тогда, очевидно, уже «приблизился часъ склоненія къ нему французской политики». Парижскимъ дипломатамъ того времени иногда приходило на умъ сдѣлать одного изъ французскихъ принцевъ царькомъ Кипра. Сильнѣе задумывались они о Трансильваніи, которая сама шла на встрѣчу ихъ желаніямъ. Лавируя между Турціей и Австріей, она уже давно склонялась къ Франціи. А въ описываемое время, когда противъ ея только что избраннаго воеводы, Баторія, выставилъ свои притязанія наслѣдникъ Іоанна Запольи, она особенно нуждалась въ покровительствѣ Франціи. И вотъ возникъ проектъ брака воеводы трансильванскаго съ Маргаритою Валуа. Этому помогали сами Турки, обѣщая поднять воеводу на польскій тронъ и отдать ему всю Молдавію и Валахію [36]). Но еще болѣе задумывались парижскіе дипломаты о Польшѣ.

До описываемаго времени Польша занималась главнымъ образомъ литовско-русскимъ вопросомъ, Франція — испанско-габсбургскимъ. Оттого онѣ мало интересовались другъ другомъ въ политическомъ отношеніи. Изрѣдка заключали между собою дружественные договоры, которые не могли имѣть практическихъ результатовъ [37]). Но всего охотнѣе онѣ «ограничивались взаимными комплиментами и привѣтливостью, когда представлялся къ тому случай». Конечно, эти комплименты «располагали умы къ доброжелательству и дружбѣ» [38]). Но едва-

ли не болѣе значенія имѣли общественныя связи между этими странами, которыми издавна подготовлялись связи политическія. Поляки, въ своихъ путешествіяхъ по Европѣ съ образовательною цѣлью, не забывали Парижа. Они сразу почувствовали что-то родственное во французской націи. Они любили рисоваться передъ нею своимъ рыцарскимъ духомъ, своею роскошною внѣшностью, своею латынью. Французы изумлялись Полякамъ, Поляки — Французамъ. Нѣкоторые подолгу жили на чужбинѣ, иные совсѣмъ мѣняли на нее родную страну.

Такимъ былъ одинъ офранцуженный польскій панъ, сынъ каштеляна подляхскаго, Янъ Красовскій. Природа надѣлила его однимъ недостаткомъ, котораго тогда было довольно, чтобы осчастливить человѣка. Онъ былъ рѣдкій среди жалкой семьи карликовъ. Судьба очень рано увлекла его во Францію, гдѣ онъ четверть вѣка служилъ Екатеринѣ Медичи въ качествѣ оффиціальнаго шута. Впрочемъ, по ловкости, онъ былъ гораздо выше своего роста. Онъ не дешево продавалъ свое человѣческое достоинство. Лакомый до подарковъ, скупой и жадный, назойливый и дерзкій, онъ въ нѣсколько лѣтъ пріобрѣлъ столь же много денегъ, какъ и враговъ [34]). А въ описываемое время счастіе улыбнулось ему еще ласковѣе. Заинтересовавъ парижскій дворъ, особенно Екатерину Медичи, разсказами о богатствѣ, образованности и блескѣ своего отечества, онъ, еще при жизни Сигизмунда-Августа, возвратился въ Польшу, чтобы увлечь ее баснями о Франціи. На его долю выпала роль одного изъ первыхъ посредниковъ между этими державами въ вопросѣ о кандидатурѣ Генриха анжуйскаго.

Такимъ образомъ почва была подготовлена, когда польскій вопросъ выступилъ на горизонтѣ французской политики. Для насъ весьма интересно, что онъ возникъ въ Турціи. Въ 1569 году французскій посолъ въ Константинополѣ, дю-Буръ, намекнулъ своему королю о какой-то «партіи» для Генриха анжуй-

скаго, про которую не разъ говорилъ ему визирь. Затѣмъ, въ своемъ мемуарѣ, дю-Буръ пояснилъ, что визирь имѣлъ въ виду сестру Сигизмунда-Августа, которая будто-бы «уже была избрана баронами наслѣдовать престолъ по смерти своего брата». Конечно, визирь не даромъ расхваливалъ при этомъ польскаго «великаго государя, перваго изъ христіанъ, вошедшаго въ дружбу и согласіе съ повелителемъ Оттомановъ». Опасаясь больше всего союза Польши съ Москвою, онъ, подъ предлогомъ «выгодъ Франціи», разсчитывалъ возведеніемъ французской династіи на польскій престолъ обезпечить себя съ этой стороны. Но Французы усматривали тутъ свою пользу. Они ласкали себя надеждою, что при соединенныхъ силахъ Франціи, Турціи, Польши и Трансильваніи «никто въ мірѣ не посмѣетъ противиться» намѣренію Карла IX захватить римско-нѣмецкій престолъ. Этого мало. Парижскіе дипломаты были убѣждены, что «если Москва и Польша оставятъ свои старыя распри и дружно бросятся на Порту, то ихъ силы будутъ для нея страшнѣе соединенныхъ морскихъ армій всѣхъ христіанскихъ государей», и что «аттаковать ее иначе, значитъ бить головою объ стѣну». Они наивно вѣрили предсказанію «какого-то восточнаго Жида» о томъ, что «великая личность, по имени Ибрагимъ (Карлъ IX), лѣтъ 25-ти, должна обладать огромною властью на Востокѣ». Польскій проектъ былъ въ ихъ глазахъ «приближеніемъ Франціи къ Востоку, для исполненія воли Божіей — низверженія Оттоманской имперіи». Они ожидали отъ него блестящей будущности для своего отечества—«наслѣдовать современемъ всѣмъ и Карлу Великому» [40]).

Польскій проектъ является передъ нами съ признаками серьёзнаго будущаго. Онъ возникъ какъ нельзя болѣе во время. Онъ естественно входилъ въ систему партіи «политиковъ» и Колиньи. Кромѣ того онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ задушевнымъ желаніямъ парижскаго двора. Генрихъ анжуйскій съ негодова-

ніемъ замѣчалъ, что «король становится честолюбивымъ», и внушалъ своимъ поведеніемъ сомнѣніе иностраннымъ агентамъ. «Ставъ уже королемъ по репутаціи, говорили они, можетъ-ли онъ согласиться жить, какъ подданный»? Карлъ IX, которому «не совсѣмъ удобно было съ такимъ великимъ товарищемъ подъ бокомъ», рѣшился поскорѣе сбыть его куда-нибудь. Екатерина Медичи поняла, что пришла пора спасать своего любимца крайнею мѣрой—временнымъ удаленіемъ его изъ Франціи. Къ тому же ея суевѣрная душа была поражена предвѣщаніемъ извѣстнаго астролога, будто она увидитъ всѣхъ своихъ сыновей королями. А тутъ карликъ Красовскій нашептывалъ ей чудеса о своей очаровательной родинѣ. Вотъ почему, не смотря на одновременные планы королевы-матери пристроить Генриха то на сѣверѣ, то на югѣ Европы, несмотря на многія другія препятствія, польскій проектъ не заглохъ въ Парижѣ.

Въ 1571 году акскій епископъ, Франсуа де-Ноайль, отправляясь въ Константинополь въ качествѣ французскаго посла, писалъ о польскомъ проектѣ въ своемъ мемуарѣ, составленномъ для Генриха анжуйскаго. Стараясь отклонить его отъ Трансильваніи, онъ замѣтилъ о Польшѣ: «Это предпріятіе нужно вести, въ ожиданіи смерти короля, путемъ долгой и тайной интриги (praticque) внутри страны. Я хорошо знаю, что, когда этотъ тронъ опростается, легко будетъ расположить султана содѣйствовать всячески *извѣстному* принцу, котораго ему пріятнѣе будетъ видѣть тамъ, чѣмъ подлѣ себя, т. е. въ Трансильваніи или Кипрѣ». Около того же времени Екатерина Медичи совѣщалась о Польшѣ съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ, Жаномъ Монлюкомъ, епископомъ валансскимъ, который еще лѣтъ за шесть до кончины Сигизмунда-Августа заводилъ рѣчь объ этомъ предметѣ съ Итальянцемъ Пуччини, бывшимъ секретаремъ польскаго короля. Но тогда недостатокъ хорошаго агента, опасеніе неудачи, отчасти отдаленность Кракова удерживали ее отъ рѣшительнаго шага.

Къ тому же ея милое дѣтище, по словамъ современника, такъ было погружено въ море наслажденій, что для него было-бы великимъ сердечнымъ ударомъ покинуть демуазель Шатонёфъ и другихъ любовницъ изъ-за брака съ старухою въ отдаленной странѣ» [41]). За то въ 1572 году польскій проектъ быстро пошелъ въ ходъ въ Парижѣ. 8-го іюля, еще не зная о смерти Сигизмунда-Августа, аксій епископъ писалъ изъ Константинополя новое внушеніе Генриху анжуйскому: «Вчера возвратился изъ Польши чаушъ (гонецъ), который донесъ мнѣ, что польскій король оченъ боленъ. Мнѣ кажется, что *тамъ* нужно устраивать избирательную интригу: *здѣшніе* теперь ничего не могутъ сдѣлать, ибо они воюютъ съ лигой, а скоро начнутъ воевать и съ самимъ польскимъ королемъ. Одинъ изъ здѣшнихъ посланниковъ, высокое лицо, полагаетъ, что шведскій король или его сынъ, племянникъ польскаго короля, будутъ всѣми мѣрами дѣйствовать на воеводъ въ пользу своего избранія. Я думаю сверхъ того, что императоръ сочтетъ своимъ долгомъ хлопотать тамъ за одного изъ своихъ сыновей или братьевъ» [42]).

Какъ видно, Франсуа де-Ноайль не зналъ, что въ это время Франція уже начала интригу въ Польшѣ. Еще въ февралѣ 1572 года Екатерина Медичи, узнавъ о болѣзни Сигизмунда-Августа, объявила епископу валансскому, что она «вознамѣрилась горячо преслѣдовать» польскій проектъ. Дѣйствительно, посылая Шомберга въ Германію, она уполномочила его обѣщать польскимъ панамъ денежныя и другія награды [43]) и рѣшилась немедленно отправить въ Польшу искуснаго агента, который долженъ былъ просить у Сигизмунда-Августа руки его сестры для герцога анжуйскаго, развѣдать настроеніе главныхъ пановъ и завести съ ними сношенія. По рекомендаціи Монлюка выборъ палъ на безбородаго юношу, обучавшагося въ Падуѣ итальянскому языку и «рыцарскому искусству». То былъ незаконный сынъ самого епископа валансскаго, Жанъ Баланьи, впослѣдствіи мар-

шалъ Франціи, прославившійся постыдною сдачею Камбре Испанцамъ, и членъ лиги, боровшейся съ Генрихомъ III. Ему было дано на помощь нѣсколько французскихъ дворянъ да секретарь Моплюка, Жанъ Шуанеиъ. драгоцѣнный мемуаристъ описываемыхъ событій.

Разгласивъ, будто путешествуетъ съ образовательною цѣлью, Баланьи, черезъ Тироль и Вѣну, прибылъ въ Польшу въ маѣ 1572 года. Онъ проѣхалъ прямо въ Кнышинъ, куда переселился больной Сигизмундъ-Августъ. Его задача была значительно облегчена Яномъ Красовскимъ. Карликъ уже давно повѣствовалъ Полякамъ о достоинствахъ парижской Медичеянки и ея потомства, особенно ея Генриха, военную доблесть котораго онъ признавалъ, не шутя. Паны жадно слушали эти сладкія рѣчи на своихъ пышныхъ банкетахъ, по которымъ затаскали разскащика. Особенно ухаживали за нимъ Зборовскіе и ихъ друзья, съ католикомъ Андреемъ во главѣ. Не доѣзжая Кнышина, Баланьи былъ встрѣченъ коронным референдаріемъ Чарнковскимъ, который обласкалъ его, «какъ собственнаго сына». Потомъ имъ завладѣли другіе паны. Не было епископа, воеводы, вообще значительнаго лица, которое не старалось-бы отличиться передъ другими въ изысканности гостепріимства. Особенно усердствовали епископъ краковскій, Францишекъ Красинскій, канцлеръ коронный, Валентинъ Дембинскій, два Радзивила — воевода виленскій и маршалокъ надворный литовскій, воевода иновлоцлавскій, Янъ Кротошинскій и каштелянъ троцкій, Остафій Воловичъ. Чарнковскій и сыновья Дембинскаго, Эразмъ и Каспаръ, были неразлучными друзьями Французовъ.

Паны выставили передъ чужеземцами всю роскошь польскихъ пировъ. Гости приходили въ изумленіе, вкушая въ отдаленномъ, некоммерческомъ углу государства гастрономическія прелести чуть не со всего свѣта. За безконечною трапезой,

съ полудня до глубокой ночи, кромѣ мальвазіи и кандійскаго мушкателя, отвѣдывались лучшія вина еще пяти-шести сортовъ; а водка, пиво и медъ лились рѣкою. Столы были покрыты горами мяса, до того пропитаннаго снадобьями, что гостямъ казалось, будто они попали въ аптеку. Дессертъ состоялъ изъ такого множества разныхъ сластей, что Французы трепетали за славу родныхъ городовъ. Словомъ, это были тѣ обычные въ Польшѣ банкеты, которые начинались длинными заздравными рѣчами, пересыпанными солью забавнаго остроумія, и оканчивались дикимъ разгуломъ, доходившимъ до безчувствія. На Западѣ вѣрили, что тогда «пламя выходило изо ртовъ пьяницъ, какъ изъ печей.» Французы просто обезумѣли отъ удивленія, когда Николай Мнишекъ привелъ ихъ въ имѣніе своего племянника близь Кнышина. Они нашли тутъ прекрасную мебель, сады, пруды, рощи, паркъ — «и все, что служитъ къ удовольствію». Особенно поразила ихъ великолѣпная конюшня, полная чудныхъ лошадей, большой конскій заводъ, запасъ оружія на сотню людей. И, вдобавокъ, хозяева изъяснялись по французски, «точно природные Парижане» [44]).

Зборовскіе, Дембинскіе и Мнишки составили зерно французской партіи въ Польшѣ. Вскорѣ къ нимъ присоединился еще кое-кто изъ пановъ, передъ которыми Баланьи не упускалъ случая распространяться «о рѣдкихъ достоинствахъ герцога анжуйскаго.» Среди этихъ усилій застигла его смерть Сигизмунда-Августа, прежде, чѣмъ онъ успѣлъ добиться у него аудіенціи. Не имѣя инструкцій на столь важный случай, онъ поспѣшилъ въ Парижъ. По дорогѣ закинулъ любезное письмо къ Аннѣ Ягелловнѣ и склонилъ на свою сторону ея придворныхъ. Въ Кнышинѣ Баланьи оставилъ своего секретаря, Шуанена, который, «особенно благодаря Дембинскимъ, былъ принятъ во многихъ хорошихъ домахъ, гдѣ часто заходила рѣчь о Генрихѣ анжуйскомъ, и такимъ образомъ многіе дворяне стали любить

того, о комъ до тѣхъ поръ мало слышали.» Тогда же въ Парижъ скакалъ карликъ Красовскій съ весьма важною тайной. Партія Зборовскихъ вручила ему письмо къ французскому двору съ совѣтами и съ просьбою поскорѣе отправить въ Польшу оффиціальное посольство для предложенія кандидатуры герцога анжуйскаго [45]). Немного времени спустя. Красовскій уже мчался обратно въ Польшу, чтобы извѣстить, кого слѣдовало, о немедленномъ прибытіи туда подобнаго посольства.

А между тѣмъ и въ Германіи кипѣла работа въ пользу того же дѣла. Тамъ смѣлый и твердый Шомбергъ связывалъ нить интриги, извивавшуюся отъ Парижа къ Кнышину. Не смотря на то, что ему прямо было воспрещено заикаться о польскомъ проектѣ у нѣмецкихъ князей, кромѣ гергога брауншвейгскаго, да и то со всею осторожностью [46]), онъ не выдержалъ. Тщетно отыскивая куда-то запропастившагося герцога брауншвейгскаго, онъ наткнулся на ландграфа гессенскаго и высказался ему. «Какъ только я сказалъ, доносилъ онъ Генриху анжуйскому, что вы ничего не пожалѣли-бы для достиженія этой цѣли, онъ давай кусать себѣ пальцы и рвать бороду, проклиная свою безпечность, съ которою онъ доселѣ не догадался подготовить вамъ путь къ этой коронѣ. Чортъ меня побери, говорилъ онъ, еслибы Поляки сами не предложили вамъ короны, чуть прослышавъ, что вы желаете ее»! Затѣмъ, въ концѣ августа, по совѣту ландграфа, Шомбергъ приказалъ своему брату «денно и нощно» скакать въ Польшу къ своему кузену, проживавшему у Альберта Ласкаго. Онъ вручилъ ему письмо, гдѣ, какъ-бы мимоходомъ, упоминалось, что, если угодно Полякамъ, онъ, пожалуй, заговоритъ объ «этомъ дѣлѣ, котораго его принцъ навѣрное не отвергнетъ.» Это письмо кузенъ долженъ былъ «показать Ласкому, а Ласкій другимъ воеводамъ своей партіи, чтобы немножко раскрыть имъ глаза, уши и смыслъ и напомнить о нашемъ существованіи на свѣтѣ.» Сверхъ того кузенъ получилъ запис-

ку, въ которой Шомбергъ, помня завѣты Екатерины Медичи, ручался, что «Ласкому и его сообщникамъ будетъ дано сто тысячъ экю, если они пропустятъ эту корону въ руки Генриха, а король употребитъ всѣ усилія, чтобы султанъ уступилъ Ласкому управленіе Молдавіей» [47]).

Не дремали и въ Константинополѣ. Франсуа де-Ноайль не переставалъ присылать оттуда внушенія Для этого дипломата настали тогда самыя тяжкія минуты Ему навязали хлопотать у Порты объ исполненіи алжирскаго проекта, что̀ должно было разрушить всѣ успѣхи, сдѣланные имъ до сихъ поръ. Онъ старался отклонить свое правительство отъ этого вреднаго замысла. Генриху онъ особенно указывалъ на отступное, предложенное султаномъ за Алжиръ. Оно состояло въ томъ, что ему отдавались всѣ земли, которыя онъ завоюетъ съ помощію османскаго оружія. Немилосердо льстя своему патрону, французскій посолъ уже видѣлъ его царствующимъ въ Италіи, «гдѣ французскіе принцы всегда особенно желали владычествовать, чтобы обратиться на Востокъ, когда приблизится его паденіе». Не менѣе безпокойства причиняло акскому епископу и польское дѣло. Вотъ что сообщалъ онъ Генриху о своихъ бесѣдахъ съ польскимъ посланникомъ въ Константинополѣ: «Я сказалъ ему, что визирь извѣстилъ меня о смерти его короля, сестра котораго, ревностная католичка, уже избрана королевой, и обязалась выйти замужъ въ теченіе двухъ лѣтъ, причемъ мужъ ея будетъ немедленно коронованъ съ цѣлью наслѣдовать престолъ, если у нея не останется дѣтей; что для совѣта и управленія государственными дѣлами ей дали двухъ епископовъ и двухъ свѣтскихъ сановниковъ. Онъ возразилъ, что не слыхалъ этой новости, впрочемъ весьма правдоподобной; что если-бы вы захотѣли обратиться къ Полякамъ, то нашли-бы среди ихъ пановъ (seigneurs du pays) полное сочувствіе. Я отвѣчалъ ему подробнымъ перечнемъ вашихъ добродѣтелей и вашей хра-

брости, не забылъ и вашихъ столь изумительныхъ первыхъ воинскихъ подвиговъ, на что у меня было достаточно времени и, слава Богу, еще болѣе доказательствъ. Я думаю, что это предпріятіе было-бы несравненно вѣрнѣе, величественнѣе и выгоднѣе, нежели алжирское. Алжиръ наполненъ мятежниками и недовольными, склонными къ безпрестаннымъ возстаніямъ. Польша, напротивъ, такъ изобильна и воинственна, что можетъ выставить сто тысячъ конницы, не считая пѣхоты, а также и Литвы, которую покойный государь неразрывно соединилъ съ королевствомъ». Что же касается до старости невѣсты, то корреспондентъ еще раньше увѣрялъ Генриха, что «могущество столь великаго королевства, какъ Польское, сдѣлаетъ ее во всякую пору ея жизни весьма молодой и интересной.» Въ заключеніе аксій епископъ сообщалъ: «Польскій посланникъ обѣщаетъ мнѣ хлопотать за васъ по своемъ прибытіи въ отечество, гдѣ онъ имѣетъ доступъ къ главнымъ воеводамъ. Я отвѣчалъ ему увѣреніемъ, что вы щедро поблагодарите его за хорошія услуги. Онъ остался этимъ очень доволенъ и наобѣщалъ мнѣ чудесъ. Я не забылъ намекнуть ему, что имѣю возможность, въ случаѣ нужды, пустить въ ходъ имя и расположеніе султана. Но онъ вдругъ остановилъ меня словами: «Боже васъ избави! Это кратчайшій путь къ раз«рушенію вашего дѣла въ Польшѣ. Поляки не только не захо«тятъ избрать себѣ короля по волѣ Турокъ, по первымъ ихъ «желаніемъ, тотчасъ послѣ избранія, будетъ начать войну про«тивъ нихъ». Впрочемъ, и я предлагалъ вмѣшательство султана не въ видахъ воспользоваться имъ, а только съ цѣлью высказать, что мы желаемъ опереться лишь на благорасположеніе польскихъ пановъ да на ту извѣстность, которую снискали себѣ во всемъ христіанскомъ мірѣ ваши добродѣтели и достоинства.» Убѣжденный, что «Поляки всегда питали къ Французамъ какую-то наивную и естественную любовь», Франсуа де-Ноайль постоянно и усердно совѣтовалъ дѣйствовать на нихъ непосред-

ственно, отнюдь не черезъ Турокъ. «Не возлагайте никакихъ надеждъ на мою лавочку въ этомъ случаѣ, писалъ онъ Генриху: ей-ей, здѣшніе правители рѣшительно не въ состояніи ничего тутъ сдѣлать; они только напортятъ и навредятъ» [48]).

Но французскій дворъ такъ увлекся польскимъ проектомъ, что уже не пренебрегалъ никакими средствами. Онъ надоѣдалъ Ноайлю требованіями ходатайствовать у султана. «Всѣ польскіе вельможи и бароны, писалъ ему самъ Карлъ IX, желаютъ избрать своимъ королемъ герцога анжуйскаго. Я хочу воспользоваться столь удобнымъ случаемъ къ возвеличенію моего брата, разсчитывая, какъ это было-бы выгодно и для него и для меня. На исполненіе этого, столь близкаго моему сердцу, дѣла я не пожалѣю всѣхъ моихъ средствъ въ видахъ сохраненія моего государства и моей короны. Поэтому прошу васъ устроить такъ, чтобы великій визирь принялъ мою сторону и склонилъ султана употребить всѣ его средства, власть и вліяніе на побужденіе польскихъ воеводъ къ избранію моего брата, а не кого-либо другаго. Пусть онъ обѣщаетъ за это быть съ ними въ мирѣ и неразрывной дружбѣ. Выхлопочите также черезъ великаго визиря, чтобы султанъ нарочно отправилъ въ Польшу кого-нибудь изъ своихъ, человѣка важнаго, которому довѣряли-бы Поляки». Въ заключеніе Карлъ IX прибавилъ: «Прошу васъ вести это дѣло какъ можно секретнѣе: пусть никто не знаетъ о немъ, пока не совершится избраніе моего брата» [49]).

Между тѣмъ, какъ французскій епископъ поневолѣ открывалъ въ Стамбулѣ свою неблагодарную «лавочку», въ Парижѣ кипѣла главная работа. Тамъ снаряжали посольство въ Польшу, отъ успѣховъ котораго собственно зависѣло все дѣло. Это стоило не малыхъ хлопотъ французскому двору. Здѣсь слишкомъ высоко ставили Поляковъ и смущались ихъ рыцарскими манерами, краснорѣчіемъ, образованностью, въ особенности же ихъ латынью, въ которой французское

дворянство весьма мало смыслило. Сверхъ того въ странѣ, гдѣ каждаго шляхтича нужно было брать съ бою, и гдѣ такихъ крѣпостей считалось до ста тысячъ, отъ вождей интриги требовался тотъ рѣдкій талантъ, который назывался тогда умѣньемъ «ходить и говорить» [50]). Французское правительство сочло необходимымъ прибѣгнуть къ услугамъ лучшихъ изъ своихъ подданныхъ Литераторъ и одинъ изъ первыхъ латинистовъ Франціи, Жильбертъ Маллокъ, да два свѣтила науки, Іосифъ Скалигеръ и Пьеръ Рамэ, должны были сопровождать въ Польшу одного изъ искуснѣйшихъ дипломатовъ того времени. Это былъ, уже упомянутый нами однажды, Жанъ Монлюкъ, епископъ и графъ валансскій, повѣренный тайнъ Екатерины Медичи, лично знавшій Поляковъ.

Фамилія Монтескьё д'Артаньяновъ, къ которой принадлежалъ Монлюкъ, выдавалась своею знатностью среди гвіенской аристократіи. Она была столь же многочисленна, какъ и бѣдна. Цѣлый десятокъ дѣтей, едва кормившійся одною тысячью ливровъ дохода, долженъ былъ, съ ранняго возраста, трудомъ пробивать себѣ дорогу въ жизни. Двумъ изъ нихъ удалось не только успѣшно рѣшить эту задачу, но и оставить свои имена въ исторіи. Эти два брата представляли собою контрастъ, которому, конечно, не чуждо было вліяніе переходной эпохи. Старшій, Блезъ, можетъ служить намъ образцомъ претворенія средневѣковаго рыцаря въ солдата новаго времени. «Нетерпѣливый, гнѣвный, отважный, высокомѣрный и упрямый Гасконецъ,» онъ никогда не измѣнялъ своему девизу: «Вождь — Богъ, спутникъ — желѣзо.» «Не терпя спокойствія и домашняго очага», онъ вѣчно ратоборствовалъ, то преслѣдуя съ дикимъ фанатизмомъ гугенотовъ, то нападая на враговъ отечества. «Жарьте, пожалуй, ѣшьте непріятеля», совѣтовалъ онъ въ своихъ *Комментаріяхъ*, въ этой «солдатской библіи», по выраженію Генриха IV, — и «кровавый слѣдъ оставался на де-

ревьяхъ и тропинкахъ, гдѣ проходилъ этотъ ужасный герой». Изъ иностранцевъ онъ почиталъ всего больше Турокъ, «обладающихъ преимуществомъ думать только о войнѣ»; изъ соотечественниковъ—рыцарственныхъ дворянъ стараго закала, презиравшихъ титулъ «капитана» съ тѣхъ поръ, какъ «имъ стали награждать всякаго погоньщика воловъ». Блезъ ненавидѣлъ орудія новой, прозаической цивилизаціи, пищаль, «которою трусы и негодяи издали убиваютъ храбрецовъ», и книги законовъ, «которыя необходимо сжечь всѣ до одной». Онъ нетерпѣлъ также новую дворянскую молодежь, этихъ адвокатовъ, «безполезно толпящихся въ ненавистныхъ судахъ», и «бѣлоручекъ-придворныхъ съ изящнымъ тѣломъ безъ царапинки», которое такъ не гармонировало съ его лицомъ, изуродаваннымъ пулями и покрытымъ маской. Зато «негодные рабы, придворныя креатуры, обзывали его бѣшенымъ сумазбродомъ, военною трубой». Но этотъ же Блезъ носилъ въ душѣ строгій идеалъ дисциплинованнаго воина. Онъ требовалъ отъ дворянъ, чтобы они «служили своему государю, а не гонялись за зайцами да не строили куры дамамъ.» Женщина обратилась у него въ богиню домашняго очага; король — въ обладателя всего достоянія и даже жизни подданныхъ, кромѣ одной ихъ чести. Гдѣ бы Блезъ ни былъ и какая бы дума ни увлекала его, «всегда передъ нимъ стоялъ образъ его короля и господина, всегда онъ былъ покрытъ чистою одеждой преданности и любви къ нему». Этотъ же самый Блезъ видѣлъ въ своемъ королѣ воплощеніе новой національной и государственной идеи. Онъ гордился тѣмъ, что онъ хорошій *Французъ*; злобствовалъ противъ гугенотовъ за ихъ стремленіе *раздробить* королевство. Этотъ же Блезъ своею кровавою рукой начерталъ записки, въ которыхъ постоянно просвѣчиваетъ меланхолическое сознаніе своей грѣховной роли и теплая любовь къ человѣку, «котораго воины должны, *вопреки своей природѣ*, цѣнить не выше цыпленка». [51])

Блезъ Монлюкъ былъ увѣренъ, что его младшій братъ, Жанъ, «судя по слухамъ, ученый человѣкъ, не умретъ, не написавъ чего-нибудь». Но онъ ошибся. Жанъ со всѣми своими средствами къ составленію мемуаровъ, гораздо болѣе интересныхъ, чѣмъ «Комментаріи» его брата, оставилъ лишь два тома проповѣдей, нѣсколько богословскихъ трактатовъ да двѣ-три дипломатическія записки, драгоцѣнныя, впрочемъ, для его характеристики. Дѣло въ томъ, что епископъ Жанъ Монлюкъ вовсе не походилъ на маршала Блеза. По прозванію «хромоногій», онъ былъ «сложенія деликатнаго и холерическаго». Смолоду онъ облекся въ доминиканскую рясу и зарылся въ богословскія книги. Но, благодаря его врожденной живости и впечатлительности, духъ новаго времени скоро увлекъ его. То была лучшая эпоха французскаго протестантизма. Къ нему склонялись тогда родственники и любовницы короля, кардиналы и инквизиторы. При дворѣ «старшаго сына римской церкви» фигурировала «madame la cardinale». Ущелья Беарна и Наварры обратились въ питомники новой религіи усиліями вдохновенной Маргариты ангулемской и ея дочери, Іонны д'Альбрэ. Обласканный этими женщинами, Жанъ разсчитался съ доминиканствомъ, осемьянился, усыновилъ плодъ своей любви къ молодой красавицѣ. Въ короткомъ, почти протестантскомъ платьѣ, онъ сталъ въ Луврѣ открыто проповѣдывать ересь. Примкнувъ къ партіи «политиковъ», онъ, заодно съ Колиньи и л'Опиталемъ, умѣрялъ фанатизмъ тріумвирата, руководимаго кардиналомъ лотарингскимъ. Онъ игралъ не послѣднюю роль и въ знаменитой религіозной бесѣдѣ въ Пуасси, гдѣ, повинуясь модѣ, «весь дворъ оказался зараженнымъ ересью» и юный Генрихъ анжуйскій совращалъ въ нее свою возлюбленную сестру, Маргариту, угрозою прослыть «дурой и быть высѣченною матерью». Не мудрено, что вскорѣ Монлюка, вмѣстѣ со многими французскими прелатами и съ Іоанной д'Альбрэ, призвали къ суду римской инквизиціи. Если

онъ не очутился тогда въ «chambre ardente», то былъ обязанъ этимъ Екатеринѣ Медичи. Проницательная Флорентинка открыла въ немъ дипломатическій талантъ. Съ тѣхъ поръ онъ шестнадцать разъ покидалъ отечество, странствуя, по порученію своего двора, то въ Италіи и Германіи, то въ Британіи и Ирландіи, то въ Венгріи и Польшѣ. Католическій іерархъ посѣщалъ даже Тунисъ и Стамбулъ, а въ Венеціи сотнею историческихъ примѣровъ, начиная съ «святаго пророка Давида», защищалъ союзъ Франціи съ Турками противъ укоровъ всего христіанскаго міра. Онъ имѣлъ право принять кичливый девизъ: «Какая страна міра не полна нашихъ трудовъ»?

Жанъ Монлюкъ, дѣйствительно, нѣсколько соотвѣтствовалъ идеалу дипломата того времени. Его нравственная природа, подобно физической, была мягка, гибка, вынослива. Своимъ впечатлительнымъ, чуткимъ умомъ онъ быстро обнималъ кругъ чужихъ воззрѣній и стремленій. Врагъ крайностей, онъ, съ своими умѣренными убѣжденіями, легко прилаживался ко всевозможнымъ обстоятельствамъ, былъ доступенъ, простъ, краснорѣчивъ и казался искреннимъ. Люди не боялись этого симпатичнаго «хромоногаго» и тѣмъ вѣрнѣе попадали въ его сѣти. Иначе и быть не могло. Зная человѣческую натуру такъ хорошо, что его собесѣднику съ перваго раза казалось, «будто онъ переночевалъ въ его сердцѣ», Жанъ не дѣлалъ ни шагу безъ коварной цѣли. Онъ все хорошо «видѣлъ и замѣчалъ, зналъ, что̀ вездѣ говорили». Въ средствахъ онъ, конечно, не стѣснялся. Хлѣбосольство и подкупъ, роскошь посла и нищета монаха все шло у него въ дѣло. Словами онъ не дорожилъ, видя въ нихъ орудіе лицемѣрія: онъ сыпалъ ими, какъ золотомъ. Прибавимъ къ этому необыкновенную энергію и трудолюбіе, при которомъ онъ «самъ не спалъ, не отдыхалъ и не давалъ вздохнуть своимъ служителямъ»,—и дипломатическія побѣды Жана не удивятъ насъ. Но

эти побѣды были-бы еще блистательнѣе, еслибы родина не положила на него своего рѣзкаго отпечатка. Гасконада постоянно просвѣчивала въ его рѣчахъ и поступкахъ. Онъ былъ злопамятенъ и мстителенъ, самонадѣянъ, хвастливъ и честолюбивъ. Способный при нуждѣ таиться, какъ разбойникъ, и переносить всевозможныя лишенія, онъ любилъ сыпать деньгами, разъѣзжать съ большою свитой, въ лучшемъ экипажѣ, перетаскиваться на носилкахъ черезъ горы подъ видомъ болѣзни, къ которой онъ часто прибѣгалъ. Ради хвастовства, онъ предпринималъ нелѣпыя и тяжкія путешествія. Онъ нетерпѣлъ помощниковъ, желая быть вездѣ единственнымъ, незамѣнимымъ, «повелительнымъ». Это честолюбіе доводило его до того, что онъ терялъ всякую честь, какъ дома, такъ и заграницей. Онъ публично поносилъ въ Стамбулѣ турецкія власти и накидывался на нихъ съ дерзкими требованіями, тогда какъ Французы здѣсь обыкновенно «просили и весьма смиренно». Турки начали сомнѣваться, есть-ли при парижскомъ дворѣ «люди съ мозгомъ», и просили французскаго короля не присылать имъ «такихъ головъ и языковъ». Доставалось отъ Монлюка и его правительству. Выдумавъ собственный планъ, Жанъ иногда не слушался его и лукавилъ. Ему велятъ ѣхать, а онъ захвораетъ и начнетъ осаждать свой дворъ доказательствами «своей душевной муки да своего труда». Онъ говаривалъ, что преувеличить въ такихъ случаяхъ никогда не мѣшаетъ, «чтобы задобрить короля». Не то онъ нападалъ на своихъ, ворчалъ и бранилъ ихъ въ лицо не хуже, чѣмъ турецкихъ визирей. Съ такимъ нравомъ, съ презрѣніемъ къ людямъ, съ средними, безцвѣтными убѣжденіями, Жанъ, конечно, былъ бѣденъ друзьями. Когда его энергія ослабѣла съ годами, онъ вздумалъ-было примириться со стариной. Но двуличность срослась съ нимъ: на смертномъ одрѣ онъ не вѣрилъ въ пресуществленіе. Счастье отвѣтило ему тѣмъ же. На закатѣ его дней, подведя его къ высшей почести, оно вдругъ отвернулось отъ него.

Генрихъ анжуйскій взошелъ на престолъ Франціи, а доставившій ему польскій тронъ Монлюкъ, опальный и забытый, презираемый католиками и гугенотами, незримо для исторіи доживалъ свой восьмой десятокъ лѣтъ въ Тулузѣ, гдѣ тихо угасъ въ 1579 году. Во всякомъ случаѣ, въ отдаленномъ потомствѣ за нимъ сохранится память о двухъ заслугахъ. Онъ былъ одинъ изъ государственныхъ мужей Франціи, поддерживавшихъ знамя ея національной политики и работавшихъ въ «совѣтахъ короля»; онъ былъ главною пружиной, вознесшею Генриха анжуйскаго на престолъ Ягеллоновъ. Въ ближайшемъ потомствѣ у Монлюка оставался мститель этому неблагодарному принцу. Его незаконный сынъ, знакомый намъ Баланьи, примкнулъ къ грозной лигѣ, поднявшейся противъ Генриха III. Званіе маршала Франціи было наградою ему отъ Генриха IV. Но не этотъ маршалъ, а жена его обороняла французскую крѣпость отъ Испанцевъ. Онъ же велъ ту жизнь, отъ которой родъ Монлюковъ прекратился съ его смертію [52]).

Жанъ Монлюкъ собрался въ путь незадолго до знаменитой свадьбы наваррскаго короля съ Маргаритою Валуа. Генрихъ анжуйскій вручилъ ему полномочіе, въ которомъ обѣщалъ польской націи, «надѣленной отъ Бога великими дарованіями и щедротами, хранить нерушимо ея древніе законы и вольности ея государственныхъ чиновъ, раздавать должности, почести и награды лишь туземцамъ». Самъ король снабдилъ его письмомъ къ польскимъ чинамъ, въ которомъ рекомендовалъ имъ «принца съ великими душевными и тѣлесными дарованіями, не по лѣтамъ мудраго и самаго способнаго нести бремя правленія.» Онъ ручался, что этотъ принцъ «принесетъ изобильные плоды въ государствѣ, гдѣ многолюдство, душевная бодрость и твердость, географическое положеніе и природа—все приспособлено къ распространенію предѣловъ и славы христіанства.» Этого мало. Вскорѣ Янъ Красовскій возвратился изъ Польши въ Па-

рижъ и Жанъ Монлюкъ получилъ новую инструкцію, составленную «на основаніи записки, данной карлику сандомірскимъ воеводою.» Ему предписывали, тотчасъ по пріѣздѣ въ Польшу, сообщить Петру Зборовскому предложенія, назначенныя для тамошнихъ чиновъ, чтобы сообща выбрать лучшій способъ дѣйствій. Сверхъ того, не ограничиваясь восхваленіемъ «храбрости и великодушія» Генриха, «полнаго кротости и доброты, написанныхъ даже на его лицѣ и въ его пріемахъ,» епископъ валансскій долженъ былъ разглашать, что этотъ принцъ «владѣетъ большими землями и имѣніями, тремя герцогствами, четырьмя графствами и многими другими областями и сеньоріями, въ которыхъ множество епископствъ, аббатствъ, графовъ, бароновъ, сеньоровъ и другихъ дворянъ, все его вассаловъ, а также 30 или 40 хорошихъ, обширныхъ городовъ, не считая мелкихъ городковъ, мѣстечекъ и несказанныхъ щедротъ короля.» Далѣе инструкція уполномочивала Монлюка внушить Полякамъ слѣдующія важныя надежды: Рѣчь Посполитая будетъ жить въ мирѣ со всѣми своими сосѣдями, не исключая и Турокъ; къ ней будетъ присоединена Валахія, хотя бы на то потребовалась сила: Франція поможетъ ей во всякой войнѣ, даже противъ Турокъ; ихъ соединенное могущество наведетъ на всѣхъ враговъ такой «ужасъ и страхъ, что даже Московскій не посмѣетъ предпринять что-либо противъ Поляковъ»; море станетъ общимъ достояніемъ Рѣчи Посполитой и Франціи; «*новый король ничего не измѣнитъ, что касается религіи страны, и оставитъ ее въ томъ положеніи, въ какомъ она находится теперь.*» Епископъ валансскій долженъ былъ также проповѣдывать, что «если вообще между націями существуетъ какое-либо сходство въ нравахъ, то это именно между французскою и польскою: онѣ обѣ исполнены общительности и сладкорѣчія.» Наконецъ ему приказывали, «узнавъ характеръ воеводъ, различными способами предлагать каждому изъ нихъ то,

что можетъ наиболѣе затронуть его и расположить въ пользу нашего дѣла» [53]).

Въ XVI вѣкѣ дипломатическія путешествія не были окружены комфортомъ, сопровождающимъ ихъ въ новѣйшее время. Тогда они были тяжкимъ бременемъ, полнымъ лишеній, будничной грязи, даже опасеній за жизнь [54]). Путь Монлюка былъ тѣмъ болѣе страшенъ, что еще въ предѣлахъ Франціи его застигла вѣсть о варѳоломеевской рѣзнѣ. А передъ нимъ лежала Германія съ массою протестантовъ, не говоря уже про ея политическую анархію, среди которой укрывались разбойники, жаждавшіе золота, предназначеннаго польскимъ панамъ. Впрочемъ посолъ надѣялся опередить молву о парижскихъ событіяхъ. Полубольной онъ пустился дальше. Но смерть предстала ему еще въ отечествѣ. Не безъ участія Гизовъ, губернаторъ Вердюна, объявляя, что «онъ одинъ изъ тѣхъ, которыхъ король также желаетъ убить,» схватилъ его и бросилъ въ тюрьму. [55]) Кое-какъ высвободившись оттуда, Монлюкъ достигъ Страсбурга, гдѣ, по условію, должны были собраться его знаменитые спутники. Новый ударъ. Онъ очутился въ одиночествѣ. Варѳоломеевская ночь разсѣяла его друзей. Маллокъ заболѣлъ. Скалигеръ бѣжалъ отъ «парижской заутрени» въ Женеву, откуда уже ничто не могло его извлечь. Пьеръ Рамэ погибъ на улицахъ Парижа жертвою фанатизма толпы и зависти соперника. Монлюкъ прибѣгнулъ къ услугамъ встрѣтившагося ему здѣсь блуаскаго чиновника, Жана Базена. Это была не рядовая личность. Базенъ былъ ловокъ, дѣятеленъ, образованъ, краснорѣчивъ. Онъ умѣлъ владѣть перомъ. Особенно же славился по всей Франціи своею необыкновенною честностью, смѣлостью, твердостью. Открыто исповѣдуя протестантизмъ и возставая противъ кардинала лотарингскаго и придворныхъ креатуръ, онъ не разъ былъ на краю погибели и нѣкоторое время эмигрантомъ скитался на чужбинѣ. Отправивъ впередъ Базена

съ двумя Поляками, вывезенными изъ Франціи, Монлюкъ, послѣ двухмѣсячныхъ испытаній, прибылъ наконецъ въ половинѣ октября на границу Польши. [56]) Базенъ совѣтовалъ ему поспѣшить на съѣздъ въ Коло, чтобы предупредить молву о присутствіи Французовъ въ Рѣчи Посполитой. Но епископъ валансскій зналъ Поляковъ. Онъ рѣшился дѣйствовать противоположно агентамъ цесаря. Онъ отправилъ къ панамъ въ Коло Базена съ весьма характеристическимъ письмомъ. Это была самая фразистая и самая безстыдная гасконада въ пользу Генриха анжуйскаго, «принца прекраснаго возраста и сложенія, изумительной души, несравненнаго благоразумія, разнообразныхъ, невѣроятныхъ и божественныхъ добродѣтелей,» принца, «хотя воспитаннаго въ старой религіи, но столь умѣреннаго, что онъ способенъ примирить различныя религіозныя убѣжденія,» принца, «обученнаго во Франціи, въ этомъ превосходномъ отечествѣ гуманности, подъ вліяніемъ законовъ, вполнѣ далекихъ отъ всякаго варварства.» Сверхъ того въ письмѣ было заявлено, что французскій посланникъ не тронется съ мѣста, пока ему не укажутъ, гдѣ исполнить возложенное на него порученіе. [57])

Впрочемъ необходимость заставила Монлюка измѣнить своему слову. Власти познанскаго воеводства, опасаясь гнѣва сенаторовъ, выпроводили его изъ своихъ владѣній. Кое-какъ, ночуя въ лѣсахъ во избѣжаніе заразы и недовѣрія, распространенныхъ по селамъ, онъ добрался до Конина *), гдѣ впервые встрѣтилъ нѣкоторое вниманіе мѣстныхъ пановъ. Вскорѣ сюда возвратился изъ Кола Базенъ. Онъ привезъ печальныя вѣсти: повсюду зараза; уже прошла молва о варѳоломеевской ночи; съ панами не удалось видѣться, такъ какъ они покинули Коло, съ цѣлью собраться въ Каскахъ. Монлюкъ, по совѣту опытныхъ

---

*) *Конинъ*—въ калишскомъ воеводствѣ, между Познанью и Ленчицей.

людей, подправилъ свое письмо, уничтоживъ кое-что изъ чрезмѣрныхъ похвалъ своему принцу, и послалъ его съ Базеномъ въ Каски [58]). Какъ контрастъ оскорбительной безцеремонности агентовъ цесаря, вполнѣ открывшейся именно въ эту минуту, оно было принято панами очень любезно. Пылкому карлику Красовскому показалось даже, что каждый панъ своимъ обращеніемъ такъ и говорилъ: «не будетъ у насъ другаго короля, кромѣ этого принца». Но Французы должны были раздѣлить участь остальныхъ посольствъ въ Польшѣ. Имъ приказали оставаться въ Конинѣ, пока ихъ не позовутъ на избирательный сеймъ. [59]).

Въ затишьѣ провинціальнаго городка епископъ валансскій могъ уяснить себѣ свое положеніе. Оно было на первыхъ порахъ крайне тягостно. Важнымъ препятствіемъ успѣху было уже позднее появленіе Монлюка на той сценѣ, гдѣ особенно требовалась быстрота дѣйствій. Тутъ уже давно работало нѣсколько кандидатовъ, и не было избирателя, который не задумывался бы объ одномъ изъ нихъ. Если плохо шла цесарская кандидатура, то опасенъ былъ Шведъ съ его деньгами и уступкою Ливонскихъ земель, а всего болѣе Московскій съ симпатіями къ нему, разсѣянными по всей Рѣчи Посполитой [60]). О французскомъ же принцѣ никто ничего не зналъ; его посольства, безъ шума и блеска вступившаго въ Польшу, никто и не замѣтилъ. Поляки сначала были даже изумлены появленіемъ этого посольства и считали химерой его цѣль и предложенія [61]). Но самымъ жестокимъ ударомъ для Монлюка, «въ двадцать-четыре часа» разрушившимъ его первые слабые успѣхи, была вѣсть о варѳоломеевской ночи, прилетѣвшая въ Каски одновременно съ прельстительнымъ письмомъ епископа валансскаго.

Это возмутительное событіе, доселѣ поражающее историковъ не только своею безнравственностью, но и нелѣпостью, было самымъ жестокимъ ударомъ для Франціи во всѣхъ отношеніяхъ. Съ небывалой высоты, на которую ее вознесъ ея историческій

геній, въ лицѣ Колиньи, оно низвергло ее въ столь же небывалую глубину паденія. Вмѣстѣ съ благороднымъ адмираломъ и его сподвижниками внезапно были уничтожены великіе плоды національной идеи, созрѣвавшіе такъ долго и мучительно, была порвана нить историческаго преданія страны. Снова потекла своя, а не вражеская кровь, и не въ одномъ Парижѣ, но и по провинціямъ. Королева-мать, Генрихъ анжуйскій, Неверы и Таванны, папскій нунцій и испанскій посолъ стали, тайкомъ отъ короля, ежедневно совѣщаться. Екатерина Медичи сдѣлалась признаннымъ вождемъ *новой* политики, которую называли «угощеніемъ à la Florentine»[62]). Возникъ старый малодушный страхъ передъ Испаніей; Гизы съ Генрихомъ анжуйскимъ подняли свои честолюбивыя головы; а несчастная игрушка матери, Карлъ IX, глубоко смутился.

Принужденный къ злодѣянію, онъ увидѣлъ теперь, какъ все встало противъ него, какъ даже многіе католики порицали «это странное правительство» и собирались выселиться, чтобы избавиться отъ него. Король растерялся. Онъ слышалъ по ночамъ гулъ той ужасной ночи и поспѣшно разсылалъ по Франціи и за-границей противорѣчивые, жалкіе приказы, депеши и оправданія. Признаваясь въ томъ, что «случившееся» отняло у него средства, «истощило» его, онъ умолялъ о помощи своихъ старыхъ друзей, просилъ денегъ у султана. А между тѣмъ Строцци съ готовымъ флотомъ собирался напасть на Англію, и обрадованный герцогъ Альба поджидалъ французскихъ католиковъ, съ герцогомъ Гизомъ во главѣ. Франція вдругъ потеряла громадный кредитъ, который вчера только пріобрѣла въ Европѣ. Одинъ Филиппъ II засмѣялся въ первый разъ въ своей жизни, да въ крѣпости св. Ангела загремѣли пушки, когда папа повелъ Римлянъ въ храмъ Минервы возблагодарить Бога за кровавую свадьбу. Остальные народы возненавидѣли Францу-

зовъ. Ихъ совѣсть была глубоко возмущена «этимъ гнуснымъ, грязнымъ, подлымъ, позорнымъ дѣломъ, этимъ дьявольскимъ вѣроломствомъ, противнымъ всѣмъ законамъ природы, этимъ коварствомъ и звѣрствомъ, до котораго не доходили даже Скиѳы». «Такъ, вопіяли они, разбойникъ, убиваетъ прохожаго, лиса душитъ курицу, левъ терзаетъ свою добычу; такъ Каинъ умертвилъ Авеля, такъ невинные становятся жертвами злодѣевъ». Французскій посланникъ въ Лондонѣ принужденъ былъ объявить, что онъ «стыдится принадлежать къ Французамъ». Всюду ходила «опасная молва, возникло ужасное недовѣріе» къ каждому поступку французскаго правительства. Протестантскій міръ взывалъ къ отмщенію. Англійскій парламентъ громко требовалъ казни Маріи Стюартъ. Елизавета тогда воздержалась отъ этого поступка, но она требовала «немедленно и не на словахъ только загладить это великое кровопролитіе.» Она обѣщала Карлу IX войско, чтобы защитить его въ этомъ случаѣ отъ тѣхъ «достаточно пожилыхъ и способныхъ къ правленію, что находятся подлѣ него». Она вызывала своего посланника изъ страны, «столь жадной до невинной крови, страны, надъ которою солнце восходитъ лишь для того, чтобы возвѣстить ей гнѣвъ и мщеніе Бога». Она поняла, что пришло «время двинуться, вооружить свои берега», и готовилась стать во главѣ всѣхъ протестантовъ теперь уже *противъ* Франціи, чтобы «вырвать зло съ корнемъ» [63].

Англійскій посланникъ въ Парижѣ замѣтилъ Екатеринѣ Медичи: «Протестантскіе принцы должны принять за объявленіе войны всей ихъ партіи ту строгость, съ которою обошлись здѣсь съ людьми ихъ религіи». И не ошибся. Вѣсть о варѳоломеевской ночи и бѣгство изъ Нидерландовъ Вильгельма Оранскаго, армія котораго разсѣялась въ эту минуту, глубоко потрясли Германію. Максимиліанъ II омылъ слезами преступленіе своего несчастнаго зятя и съ негодованіемъ восклицалъ:

«Не такихъ вѣстей ожидалъ я изъ Франціи!» На разувѣренія и оправданія французскаго посланника онъ отвѣчалъ: «Еще недѣли за три мнѣ писали изъ Рима по поводу свадьбы короля Наваррскаго, что тогда всѣ птицы соберутся въ клѣтку и ихъ можно будетъ захватить разомъ. И не мудрено. У васъ тамъ нѣтъ недостатка въ людяхъ, которые уже давно желали, чтобы безъ всякаго повода были умерщвлены всѣ нововѣрцы, чего бы это ни стоило». Изъ края въ край носилась по Германіи молва, что французское правительство рѣшилось «уничтожить новую религію, поддержать Испанію, помочь арміей, съ Генрихомъ анжуйскимъ во главѣ, герцогу Альбѣ, отмстить нѣмецкимъ князьямъ, содѣйствовавшимъ Вильгельму Оранскому». Французскій посланникъ въ Германіи доносилъ: «Наши враги, среди милліона другихъ гнусныхъ клеветъ и лжи, распространяютъ черезъ книги, что Генрихъ анжуйскій намѣренъ, воцарившись въ Польшѣ, соединиться съ Турками и Французами и такъ наступить на горло нѣмецкимъ принцамъ, что они должны будутъ склониться подъ его иго и отдать на жертву Портѣ Венгрію, Моравію, Каринтію и другія страны, принадлежащія Австрійскому дому.» Устрашенные этою картиной, нѣмецкіе князья составляли земскіе сеймы для сбора войскъ и ополченій. Они даже рѣшились сблизиться съ своимъ императоромъ. Максимиліанъ II, съ своей стороны, спѣшилъ собрать избирательный имперскій сеймъ и пошелъ на небывалыя уступки. Онъ обѣщалъ курфюрстамъ немедленно выгнать Испанцевъ изъ Нидерландовъ; присоединить эту землю къ имперіи; вручить имъ завѣдываніе и управленіе дѣлами, сохранивъ за собою лишь титулъ императора. Словомъ, «вся Германія была въ пламени и готовилась обрушить на Францію небо и землю». «Все мое дѣло, писалъ Шомбергъ изъ Дрездена, обратилось въ дымъ; мы должны начинать все сызнова и встрѣтить вдесятеро больше препятствій, чѣмъ при первомъ началѣ» [64]). Онъ то умолялъ, то «смѣло и свобод-

но» требовалъ у своего правительства помощи, новыхъ инструкцій и совѣтовалъ немедленно на дѣлѣ доказать Германіи неизмѣнность прежней политики Франціи.

Варѳоломеевская ночь была тяжкимъ ударомъ и для Порты. Турки видѣли въ ея жертвахъ «собственную большую потерю, ибо это человѣчье отродье (гугеноты), поддерживая раздоры по всему христіанству, всегда подготовляло гибель государствъ, о чемъ мусульмане непрестанно молятся въ своихъ мечетяхъ». Они свели дружбу съ Франціей единственно въ надеждѣ на общую войну противъ Испаніи. Теперь же они были увѣрены, что Карлъ IX вступитъ въ лигу заодно съ Филиппомъ II и папою. Къ тому же въ эту минуту испанскіе агенты впервые успѣли втереться къ пашамъ. Они старались «настроить ихъ поиспански» и нашептывали имъ: «Случившееся во Франціи задало ея королю столько работы внутри страны, что онъ долго не предприметъ ничего внѣ ея». Епископъ акскій, убѣжденный, что теперь французская политика на Востокѣ измѣнится, пришелъ въ ужасъ. Онъ сталъ расхваливать самой Екатеринѣ Медичи вѣрность и могущество Турокъ, просилъ ее «умно и счастливо, какъ всегда, обратить свое вниманіе на сердцевину дерева» и припомнить, «съ какими заботами и издержками великіе короли, Францискъ I и Генрихъ II, пеклись о сохраненіи дружбы съ Портой.» Этотъ несчастный посолъ съ особенною печалью предпринималъ въ этотъ моментъ «столь опасное и тяжкое» путешествіе въ Стамбулъ и вскорѣ взмолился объ его отозваніи оттуда [65]).

Роковая, преступная ошибка французскаго правительства произвела потрясающее дѣйствіе и на Рѣчь Посполитую. Вообще Поляки и до этого подозрительно смотрѣли на французскихъ агентовъ, пріѣхавшихъ къ нимъ безъ всякаго повода изъ-за тридевяти земель. Ихъ совѣсть возмущалась дружбою между Парижемъ и Стамбуломъ, стремленіемъ Карла IX повре-

дить своему *родственнику*, Максимиліану II, политическимъ вліяніемъ Екатерины Медичи, напоминавшей имъ другую Итальянку, Бону Сфорцу; наконецъ десятилѣтнею привычкой Французовъ къ междуусобіямъ, которыя ихъ принцъ могъ внести и въ Рѣчь Посполитую [66]).

Въ такую-то среду внезапно проникла вѣсть о кровавой свадьбѣ въ Парижѣ. Она разнеслась съ телеграфною быстротой, принимая на пути чудовищные размѣры. Каждый день приходили въ Польшу новыя подробности, нерѣдко сочиненныя или искаженныя въ Германіи. Враги Франціи усердно «сѣяли по всей странѣ опасныя клеветы». Особенно дѣятельны были агенты цесаря. У входа въ зданіе, занятое его посольствомъ, то-и-дѣло появлялись омерзительные афиши и пасквили. Отсюда расходились злобныя брошюры по всему государству. Онѣ были наполнены страшными разсказами объ «убійствахъ, бойняхъ, рѣзняхъ», о «турецкомъ поведеніи» французскаго двора. Въ нихъ повѣствовалось о 80 тысячахъ протестантовъ, избитыхъ по всей Франціи, о подвигахъ Карла IX и Генриха анжуйскаго, которые будто-бы бѣгали по Парижу во всеоружіи съ криками: «бей всѣхъ гугенотовъ!» Рѣчь Посполитую быстро наводнили даже гравюры и картины, изображавшія ужасныя сцены всякихъ казней и мученій. Тутъ замѣтную роль играли матери, изъ чревъ которыхъ вырывали дѣтей, и среди нихъ жена доблестнаго Колиньи, да звѣрскія лица правителей Франціи, укоряющихъ палачей въ недостаткѣ жестокости. Чувствительныя Польки такъ задушевно и подробно, съ такими горькими слезами разсказывали объ этихъ звѣрствахъ, что ихъ можно было принять за прямыхъ свидѣтельницъ парижскихъ событій. Все, казалось, ополчилось противъ Франціи. Даже іезуиты, особенно ингольштадтскіе, стоявшіе за австрійскіе интересы, нанесли ей, съ своей стороны, очень ловкій ударъ. Они наскоро отпечатали и послали въ Краковъ панегирикъ герцогу анжуйскому, какъ

«первому изобрѣтателю, автору и настойчивому внушителю, руководителю и храброму исполнителю послѣдней битвы съ врагами церкви, данной въ день св. Варѳоломея». Они прибавляли, что безъ него всѣ трусили, и потому о немъ можно сказать: «Карлъ убилъ тысячу, а Генрихъ — десять тысячъ» [67]).

Въ польской націи проснулись лучшіе инстинкты. Ее охватило чувство негодованія и презрѣнія къ Французамъ. Тѣ изъ польскихъ протестантовъ, которые склонялись къ Генриху, отшатнулись отъ него, «скандализованные вѣстями изъ Парижа», и «остановились неподвижно, точно птица въ воздухѣ, не зная куда идти» [68]). «Литовцы — доносилъ французскій посланникъ въ Венеціи, основываясь на письмахъ изъ Кракова — охладѣли къ Генриху по причинѣ недавнихъ событій во Франціи. Цесаріанцы внушили имъ (а большая часть изъ нихъ лютеране), что убійства были направлены гораздо болѣе противъ лютеранъ, чѣмъ противъ гугенотовъ, и что герцогъ анжуйскій не столько ненавидитъ послѣднихъ, сколько первыхъ». Этого мало. Даже католики и лучшіе друзья Франціи подчинились тому же чувству. У Поляковъ спала съ глазъ повязка: они стали оскорбляться наглою лестью, расточаемою передъ ними Французами. Дошло до того, что при нихъ вообще становилось опасно съ уваженіемъ произносить имена Карла IX, Екатерины Медичи, Генриха анжуйскаго [69]). Польское общественное мнѣніе не замедлило заявить себя въ обычной формѣ того времени, въ цѣломъ рядѣ ядовитыхъ брошюръ. Ихъ содержаніе и языкъ были таковы.

«Франція очень далека отъ насъ и потому безполезна намъ. А вреда она можетъ принести намъ много. Связь съ нею подниметъ противъ насъ ея прирожденнаго врага, цесаря, и его друга, Московскаго. Что она сулитъ намъ журавля въ небѣ! Не потерять бы синицы, что у насъ въ рукахъ, т. е. того насущ-

наго хлѣба, который доставляетъ намъ торговля съ Нѣмцами, Чехами, Силезцами, Венгерцами, Поморянами, Вестфальцами, Голландцами, Зеландцами, Брабантцами, Фландрцами, не говоря уже про Испанцевъ, Итальянцевъ, Индійцевъ. Что же будетъ съ нами, если намъ прійдется потерять еще и Литву? Ужъ не помогутъ-ли намъ Турки да Татары, сами требующіе поддержки? Правда, намъ обѣщаютъ Валахію; но вѣдь это на основаніи франко-турецкихъ трактатовъ, которые какъ-разъ приведутъ къ тому, что все Польское королевство станетъ платить дань Турку. Франція—страна ненадежная. У нея нѣтъ флота. Она чужда нарвской навигаціи. Ей угрожаютъ зловредные замыслы сильной англійской королевы. Ее разрываютъ междуусобія. Она не можетъ сама подавить своихъ внутреннихъ враговъ. На нашихъ глазахъ она прибѣгала къ помощи папы и испанскаго короля, которые спасли ее своими молитвами, деньгами да войскомъ. Ея правительство ничтожно. Оно запуталось въ домашнихъ интригахъ и долгахъ и руководствуется внушеніями пурпурныхъ мантій. Во Франціи все идетъ точно такъ же, какъ и у насъ: все сначала похоже на желѣзо, а въ концѣ оказывается водою. Таковъ и тамошній народъ. По свидѣтельству его собственной исторіи, онъ горячъ и мятеженъ, распущенъ и вѣроломенъ. Онъ такъ безнравственен, что ставитъ ни-во-что всевозможные виды разврата*) и противоестественныхъ грѣховъ. Это у него въ такомъ ходу, что никто и не скрываетъ своихъ гнусныхъ поступковъ. Унего мужья, какъ-бы увѣренные въ своихъ женахъ, стараются оправдывать и защищать ихъ, не внимая слухамъ и подозрѣніямъ. А когда огласка уже очень усилится, они весьма естественно и добродушно истолковываютъ дѣло.

---

*) Возмущенный французскимъ развратомъ, противнымъ добрымъ польскимъ нравамъ, Полякъ употребилъ тутъ весь, богатый въ этомъ отношеніи, запасъ словъ латинскаго языка.

Оттого тамъ обыкновенно грѣшатъ свободно и безнаказанно. Куда-какъ лестенъ для насъ и самый кандидатъ, котораго предлагаетъ Франція! Нечего и говорить про его обѣщанія: они равны нулю, ибо ихъ слишкомъ много. У Генриха анжуйскаго уже тотъ великій недостатокъ, что онъ не знаетъ другихъ языковъ, кромѣ своего роднаго да итальянскаго. Въ его отечествѣ мало учатся полатыни, ибо тамъ почти всѣ книги пишутся на французскомъ языкѣ. Какъ же мы будемъ объясняться съ нимъ? Уменъ онъ — все передѣлаетъ посвоему на нашу бѣду; глупъ — не пойметъ насъ и нашихъ, совершенно чуждыхъ ему, обычаевъ. Но главное дѣло въ томъ, что намъ разславляютъ его, какъ молоденькаго, субтильненькаго, съ виду добренькаго. А всмотритесь-ка въ него — и найдете природу хитрой лисицы. Онъ будетъ ластиться къ вамъ, а самъ все думать о своемъ. Взгляните, что надѣлало недавно его великое добродушіе! Сколько тысячъ непорочныхъ и достойныхъ изъ его подданныхъ, прибывшихъ по его собственному зову на свадьбу къ его услугамъ и чести, заплатило жизнію за это празднество! Вотъ вамъ невинный гетманъ, невинный король, который только о томъ и думаетъ денно и нощно, какъ-бы сохранить въ цѣлости всѣхъ своихъ гражданъ, все свое государство! О, порочная природа съ твоими нравами, ты-то хочешь пробраться къ намъ съ такимъ королемъ и привиться у насъ[70])!»

Въ то же время Поляки не упускали случая лично выражать Французамъ свое негодованіе, дѣлать имъ всевозможныя непріятности. Они то съ презрѣніемъ и страхомъ избѣгали ихъ, какъ заразы: къ Монлюку не явился даже одинъ изъ первыхъ друзей Франціи, Ласкій, которому касскій съѣздъ поручилъ заботиться о его матеріальныхъ удобствахъ въ Конинѣ; то приходили къ нимъ съ цѣлью сорвать на нихъ зло: даже Петръ Зборовскій сильно бранилъ Монлюка и, потерявъ вѣру въ его слова, требовалъ *письменныхъ* залоговъ исполненія его обѣ-

щаній. Повсюду Французы слышали: «лжецы»! за ихъ прославленіе герцога анжуйскаго. Много оскорбленій вынесъ епископъ валансскій черезъ подметныя анонимныя письма. Въ одномъ изъ нихъ заключались даже грозныя предостереженія. Какой-то панъ извѣщалъ его, что многіе изъ сенаторовъ отклонились отъ французскаго принца въ пользу цесаря, что нѣмецкая имперія рѣшилась въ союзѣ съ Англіей объявить войну Франціи; что въ Нюренбергѣ появилось пророчество, возвѣщающее окончательную гибель французскаго государства въ двухлѣтній срокъ. Неизвѣстный корреспондентъ совѣтовалъ Монлюку поскорѣе убираться во-свояси, пока онъ еще живъ [71]).

Положеніе «служителей Екатерины Медичи въ Польшѣ, пораженныхъ ужасомъ и тоскою», выражаясь словами карлика Красовскаго, всего лучше видно изъ того злобнаго, страстнаго тона, которымъ писалъ тогда Жанъ Монлюкъ къ одному изъ государственныхъ совѣтниковъ Франціи объ «ошибкахъ», совершенныхъ въ Парижѣ. «Поймите, восклицалъ онъ, какъ этотъ бѣдственный вѣтеръ, повѣявшій изъ Франціи, разбилъ корабль, уже приведенный нами къ пристани! Поймите, какъ вѣчно-благодаренъ долженъ быть его кормчій, видя, что *по ошибкѣ другихъ* онъ теряетъ плоды своихъ трудовъ! Говорю *по ошибкѣ другихъ*, ибо, еслибы истинно желали Польскаго королевства, то могли бы и должны были отложить совершившуюся экзекуцію. Не удивляйтесь свободѣ моихъ выраженій. Да, мною руководитъ страсть, но та, что вытекаетъ изъ сознанія тщеты моихъ долгихъ и тяжелыхъ услугъ. Я вижу опасность возвратиться съ пустыми руками, ибо я не ангелъ и не чародѣй...! Скажу вамъ прямо: кручина, досада, злосчастіе, болѣзнь, старость, наконецъ невниманіе къ моей торговлѣ — все это привело къ банкротству мою бѣдную, заброшенную, почти пустую лавочку. Повѣрьте, если до избранія сюда придетъ вѣсть о какомъ-либо новомъ свирѣпствѣ, то мы ничего не сдѣлаемъ и съ

десятью милліонами золота для подкупа здѣшнихъ. Вашимъ приходится доказать теперь, что въ нихъ сильнѣе: жажда мести или желаніе пріобрѣсти цѣлое королевство? Я писалъ королевѣ, просилъ ее молиться объ успѣхѣ этого дѣла. Женщины, о которыхъ я писалъ ей, не тѣ ханжи, что по временамъ приходятъ къ ихъ величествамъ съ докладомъ о сновидѣніяхъ да откровеніяхъ. Это тѣ чистыя женщины (honnestes femmes) — одну изъ нихъ зовутъ Женевьевой — у которыхъ одно занятіе: отыскивать стыдливыхъ несчастливцевъ и доносить о нихъ туда, откуда къ нимъ можетъ придти нѣкоторая помощь. Это тѣ глубокоуважаемыя женщины, чрезъ руки коихъ ежегодно проходитъ, я увѣренъ, 50 тысячъ франковъ. Прошу васъ, помогите мнѣ изъ любви къ великому, святому и похвальному предпріятію, но отнюдь не изъ любви къ извѣстному *дѣлу:* къ чорту дѣло, которое причиняетъ столько зла *) и заставляетъ добраго и человѣколюбиваго короля (если онъ былъ такимъ когда-нибудь) окунуть руки въ кровь! А кровь такой лакомый кусочекъ, что кто изъ правителей разъ попробовалъ ея, тотъ потомъ уже не могъ отстать отъ нея. Что касается до меня, то мнѣ, право, недосугъ молиться о ниспосланіи грома въ этотъ сезонъ, ибо на меня день и ночь лаютъ пятьсотъ псовъ, предназначенныхъ загрызть меня, и я долженъ всѣмъ имъ отвѣчать». Епископъ валансскій кончилъ тѣмъ, что умолялъ королеву-мать «позаботиться о томъ, какъ бы ему выйти изъ Польши, не потерявъ головы на возвратномъ пути» [72]).

Дѣйствительно, въ описываемый моментъ французскій дипломатъ не могъ не писать своему правительству вполнѣ «свободно». Близость погибели развязываетъ языкъ. Но іереміады Жана Монлюка были излишни. Варѳоломеевская ночь была для

---

*) Игра словъ, которую вообще любилъ Жанъ Монлюкъ: «au diable soyt la cause qui de tant de maux est cause».

Франціи мгновеннымъ несчастіемъ, страшнымъ пожаромъ, поглощающимъ дома, но не улицы, которыя жители спѣшатъ снова застроить. Послѣ минутнаго колебанія исторія этой страны мѣрно пошла по старой дорогѣ. Логика событій, законы государственной жизни восторжествовали надъ прихотью отдѣльныхъ лицъ. Тѣ же самые люди, которые покрывали Францію позоромъ и кровью, должны были поднять поникшее-было національное знамя Колиньи и понести его, какъ крестъ, какъ историческое возмездіе. Они съ ужасомъ увидѣли, какъ пошатнулась ихъ власть подъ напоромъ проникавшей въ массы реакціи и стремленія ихъ державы распасться на средневѣковыя, независимыя части (*se cantonner*, какъ выражались тогда). Прислушиваясь въ то же время къ голосу своихъ европейскихъ союзниковъ, требовавшему умѣренности, пощады Ла-Рошели и Сансерра, они отдали гугенотамъ большую часть ихъ прежнихъ правъ и поспѣшили скрѣпить традиціонную внѣшнюю политику Франціи. Французскіе агенты при иностранныхъ дворахъ получили инструкціи, которыя представляли дѣло, какъ гугенотскій заговоръ адмирала на жизнь королевской фамиліи, и увѣряли въ неизмѣнности намѣреній правительства. На предложеніе Филиппа II вступить въ лигу въ Парижѣ отвѣчали, что французскій король долженъ союзиться лишь съ своимъ народомъ. Съ Англіей еще дѣятельнѣе повели переговоры о бракѣ герцога алансонскаго съ Елизаветой, которую Екатерина Медичи обѣщала «поддерживать всѣми силами Франціи, еслибы кто-нибудь, хотя бы самъ король испанскій, напалъ на нее по поводу религіи». Екатерина даже внушала англійской королевѣ не отзывать своихъ войскъ изъ Зеландіи и возобновила тайныя сношенія съ Вильгельмомъ Оранскимъ. И эти сношенія вели къ тому, чтобы Генрихъ анжуйскій сталъ во главѣ нидерландскихъ протестантовъ и, въ союзѣ съ Даніей и Англіей, выступилъ противъ Альбы съ флотомъ, наполненнымъ польскими ново-

вѣрцами! Въ то же время доженъ былъ разразиться надъ Испаніей другой ударъ. Франсуа де-Ноайль, какъ ни вредили ему испанскіе шпіоны въ Портѣ, отвлекъ Венецію отъ лиги примиреніемъ ея съ Турками, а Турокъ отъ войны съ Максимиліаномъ II. Султанъ прислалъ Карлу IX письмо съ обѣщаніемъ напасть на Испанію съ Средиземнаго моря [73].

Конечно, и польскій вопросъ, существенно связанный съ національною политикой Франціи, не былъ покинутъ версальскимъ дворомъ. Напротивъ, на него обращали теперь болѣе вниманія, чѣмъ когда-либо. Помимо политическихъ выгодъ, свободное избраніе чужою націей французскаго принца внушало надежду, что честь и значеніе королевской власти, подорванныя роковою ошибкой, снова возвысятся во Франціи. Французскіе дипломаты въ Германіи, Австріи, Венеціи и Турціи то-и-дѣло получали предписанія отъ своего правительства всячески помогать кандидатурѣ герцога анжуйскаго. Особенно много хлопотъ выпало опять на долю Франсуа де-Ноайля. Карлъ IX бомбардировалъ его письмами слѣдующаго содержанія. «Старайтесь разсѣять ложные слухи насчетъ адмиральскаго заговора. Увѣрьте султана и великаго визиря въ неизмѣнности нашей дружбы и нашихъ намѣреній. Если я доселѣ не сдѣлалъ никакой открытой демонстраціи противъ Испанцевъ, то лишь вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, которыя истощили страну и, подорвавъ довѣріе протестантовъ ко мнѣ, отняли у меня возможность питать Испанію волненіями и мятежомъ. Зато я не упускаю случая другими средствами всячески вредить Филиппу II, держать его въ страхѣ, парализовать его силы. Внушайте все это Портѣ съ тѣмъ, чтобы, въ награду, она помогла мнѣ въ очень близкомъ моему сердцу дѣлѣ, для котораго я ничего не жалѣю. Употребите все ваше искусство. Было бы chef-d'oeuvre'омъ вашего ремесла, еслибы султанъ отправилъ въ Польшу торжественное посольство, которое потребовало бы избранія моего брата, и при нуждѣ

даже объявило, что во всякомъ другомъ случаѣ Порта будетъ ея вѣчнымъ врагомъ. Сверхъ того необходимо, чтобы Порта предоставила польскому королю право назначать воеводъ Валахіи. Это было-бы выигрышемъ для нея. Она ничего не утратила бы изъ суммы, уплачиваемой ей обыкновенно этою страной; а между тѣмъ въ валашскомъ народѣ водворилось-бы незнакомое ему спокойствіе, ибо онъ не терпитъ лишь воеводъ, назначенныхъ въ Стамбулѣ. И тогда, въ сосѣдствѣ съ такимъ несомнѣннымъ другомъ, какъ Генрихъ анжуйскій, землямъ султана уже нечего будетъ бояться христіанскаго міра» [74]).

Иностранные агенты французскаго правительства вполнѣ соотвѣтствовали его требованіямъ. Нужно сказать правду, они сдѣлали все возможное для успѣшнаго рѣшенія польскаго вопроса. Епископъ акскій вскорѣ обрадовалъ Карла IX извѣстіемъ, что Турція согласна исполнить всѣ его просьбы. Дю-Феррье въ Венеціи съ честью и усердіемъ разыгрывалъ трудную роль посредника между Краковомъ и Константинополемъ съ одной стороны и Парижемъ съ другой. Онъ немедленно написалъ полатыни объясненіе «адмиральскаго заговора» и отправилъ его въ Польшу. Вулкобъ поддерживалъ въ Вѣнѣ сношенія съ друзьями Франціи, гнѣздившимися даже подлѣ императора. Онъ успокоивалъ хитрыми объясненіями Сигизмунда Курцбаха, который явился къ нему въ Пресбургъ съ соболѣзнованіемъ о вредѣ, нанесенномъ французской партіи въ Польшѣ варѳоломеевскою ночью. Вулкобъ доносилъ своему двору о событіяхъ въ Рѣчи Посполитой и подавалъ ему совѣты [75]). Еще энергичнѣе работалъ горячій Шомбергъ, «не щадившій, по его словамъ, ни друзей, ни достояньица, ни тѣла, ни жизни, чтобы доставить Генриху анжуйскому это благо (польскій тронъ), отъ котораго зависѣло сохраненіе державы его брата». Онъ постоянно сносился съ нѣкоторыми изъ польскихъ пановъ, разсыпалъ передъ ними лестныя обѣщанія, присылалъ имъ оправдательныя

письма и брошюры касательно «дѣла адмирала». Онъ сообразовался въ своихъ движеніяхъ съ ходомъ дѣлъ въ Рѣчи Посполитой, ѣздилъ для разъясненія ихъ то въ Парижъ, то къ границамъ Польши, извѣщалъ о своихъ успѣхахъ Жана Монлюка. Его братъ, посланный къ Альберту Ласкому (стр. 280), привезъ ему письмо отъ этого пана. Воевода сѣрадзскій ручался своею честью за успѣхъ французской кандидатуры, но лишь при условіи, что «ему пришлютъ извѣстную сумму денегъ для привлеченія нѣкоторыхъ нейтральныхъ пановъ и шляхты, голосъ которой въ этомъ избраніи по крайней мѣрѣ столько же значитъ, сколько и голосъ важнѣйшаго вельможи». Съ кольскаго съѣзда, гдѣ онъ рѣшился «приложить огонь къ паклѣ», Ласкій прислалъ Шомбергу нарочнаго, котораго этотъ возилъ всюду съ собою, охраняя его отъ наговоровъ своихъ враговъ и внушая ему, что его партія единственная опора Франціи. Увлеченный надеждами, Шомбергъ писалъ Екатеринѣ Меличи въ ноябрѣ 1572 года: «Если польская корона ускользнетъ отъ васъ, виною тому будете вы и принцъ (Генрихъ). Все дѣло только въ деньгахъ, притомъ въ умѣренной суммѣ. Сообразите, что вѣдь прежде, чѣмъ пожать, нужно посѣять. Употребите всѣ средства для завладѣнія этимъ государствомъ, не дремлите, чтобы достигнуть потомъ еще высшей цѣли, къ которой вы стремитесь*). Будь Польша въ нашихъ рукахъ враги величія принца собственнымъ ножомъ порѣжутъ себѣ горло». Мѣсяца за два до избирательнаго сейма нетерпѣливый Шомбергъ пустился изъ Парижа къ границамъ Польши, чтобы «сообщиться съ епископомъ валансскимъ и даже съ Ласкимъ» [76]).

Но важнѣе всего въ польскомъ вопросѣ была роль епископа валансскаго. Смущенный, раздраженный и разстроенный внезап-

---

*) Намекъ на тронъ Нѣмецкой имперіи.

нымъ безумствомъ версальскаго двора, онъ немедленно обратился къ нему съ упреками и внушеніями. Онъ выставилъ ему слѣдующія требованія, безъ которыхъ не ручался за успѣхъ: прислать въ Польшу «дворянина, изъ носящихъ короткое платье, съ инструкціями и записками о правдѣ варѳоломеевскаго дѣла для представленія ихъ на варшавскій сеймъ», издать, хотя для виду, вѣротерпимый эдиктъ, «который подчиненные короля могли бы исполнять, какъ онъ прикажетъ»; доставить ему оправданіе парижской свадьбы [77]); наконецъ настаивать въ Польшѣ, чтобы султанъ «отнюдь не грозно» посовѣтовалъ Полякамъ избрать Генриха и уступилъ-бы имъ право назначенія воеводъ Валахіи [78]). На эти требованія Парижъ отвѣчалъ медленно и неудовлетворительно. Екатерина Медичи выслала какъ-то Монлюку тысячъ сто экю, да и то нескоро. Помощники и въ короткомъ и въ длинномъ платьѣ прибыли къ нему лишь въ слѣдующемъ году, когда въ нихъ было мало нужды. Только Генрихъ анжуйскій догадался доставить ему дополнительный списокъ обѣщаній, которыя вошли потомъ въ его договоръ съ Рѣчью Посполитой [79]).

Зато самъ епископъ валансскій былъ необыкновенно дѣятеленъ. Онъ выказывалъ апатію и безнадежность только въ своихъ письмахъ въ Парижъ, руководясь своимъ извѣстнымъ психологическимъ рецептомъ. А на дѣлѣ онъ, «рѣшившись умереть или побѣдить», развернулъ всѣ свои личныя силы, отъ которыхъ много зависѣлъ исходъ описываемаго безкоролевья. «Его духъ и воля не были поражены этимъ несчастіемъ. Онъ надѣялся и не зналъ сна и покоя ни днемъ ни ночью, не давая успокоиться и своимъ помощникамъ». Онъ не пренебрегалъ ни однимъ средствомъ, дѣйствующимъ на человѣческую природу. Прежде всего онъ взялся за перо. Распространивъ по Рѣчи Посполитой болѣе двухъ тысячъ экземпляровъ своей генріады (стр. 298), онъ, не дожидаясь инструкцій изъ Парижа,

составилъ «Защиту, или Апологію Генриха анжуйскаго». Но въ этомъ неловкомъ памфлетѣ, гдѣ допускалось и покровительство Гизамъ, и ярость Парижанъ, жертвою которой было только сорокъ дворянъ, и жестокость Карла IX, сказалась лишь смущенная совѣсть защитника преступленія [80]). Затѣмъ, когда въ Парижѣ сложилась оффиціальная сказка объ «адмиральскомъ заговорѣ», Монлюкъ сталъ смѣло проповѣдывать ее въ Польшѣ [81]). Много писалъ онъ самъ; не мало помогали ему и французскіе литераторы, воспѣвавшіе страшное злодѣяніе по его инструкціямъ и по порученію своего двора. Ему служило даже замѣчательное *польское* перо Димитрія Соликовскаго, что̀ было весьма важно: анонимность не укрывала автора; Поляки по первымъ строкамъ узнавали слогъ ученаго придворнаго секретаря [82]). Чѣмъ чаще и откровеннѣе возражали Монлюку враги, тѣмъ болѣе онъ былъ доволенъ: по всей Польшѣ только и рѣчи было что о Генрихѣ анжуйскомъ; его имя проникало въ глубину народныхъ массъ. Эту войну памфлетами, достойными особой библіографіи [83]), епископъ валансскій велъ систематично. Сначала онъ доказывалъ невыгоду всѣхъ кандидатовъ, кромѣ французскаго, что̀ породило «смуту и споры между всѣми лучшими умами страны, и вскорѣ карты такъ перемѣшались, что большинство не имѣло никакого мнѣнія». Потомъ передъ Поляками развернулся длинный списокъ благъ, которыя повлечетъ за собою избраніе Генриха, конечно согласный съ инструкціями герцога анжуйскаго. Особенно выставлялись на видъ слѣдующія.

«Франція далека отъ Польши и потому нечего опасаться наплыва чужеземцевъ; она поглощена своими внутренними дѣлами и не вмѣшается въ правленіе Рѣчи Посполитой, но, какъ страна богатая и воинственная, всегда поможетъ ей во внѣшнихъ затрудненіяхъ. Между тѣмъ какъ избраніе цесаря, Московскаго или Шведа возбудитъ вражду соперниковъ, противъ Генриха, у котораго нѣтъ непріятелей, никто ничего не возразитъ. При-

бавьте, что этотъ принцъ другъ Турецкому и Татарамъ. Внѣшнее спокойствіе Польши обезпечено при немъ; а внутренняго можно достигнуть конфедераціей, которая обезпечивала бы всѣмъ религіозную свободу. Тогда Рѣчь Посполитая занялась бы возведеніемъ крѣпостей по границамъ, устройствомъ колоній, развитіемъ мореходства. Только зложелатели могутъ клеветать на Францію, будто она не имѣетъ никакого значенія на морѣ. У нея есть и галеры и корабли. Тѣсно сдружившись съ Даніей, она не боится женщины, сидящей на англійскомъ престолѣ. Что же касается морской торговли, которую Поляки называютъ своимъ хлѣбомъ насущнымъ, то и здѣсь Франція не помѣха. Она несомнѣнно участвуетъ въ нарвской навигаціи: объ этомъ свидѣтельствуютъ флибустьеры, которые, по словамъ датскаго короля, ловили все французскіе корабли. Къ тому же польская торговля зависитъ отъ городовъ ганзейскаго союза, а изъ нихъ многіе состоятъ подъ покровительствомъ французскаго короля. Да и не Поляки нуждаются въ Голландцахъ и другихъ торговыхъ людяхъ, а наоборотъ: послѣдніе не перестанутъ ѣздить къ нимъ за хлѣбомъ, хотя бы самъ Турокъ возсѣдалъ на здѣшнемъ престолѣ. Не должно забывать и сходства обѣихъ націй по природѣ: Французы, также какъ и Поляки, общительны, откровенны, щедры, храбры. Конечно, у всякаго свои недостатки; но вѣдь Поляки должны выбрать лишь одного изъ всѣхъ Французовъ, а лилія всегда найдется между терніями». Эту лилію Монлюкъ изображалъ, конечно, совершенствомъ. Даже незнаніе Генрихомъ польскаго языка не смущало его. Онъ совѣтовалъ польскимъ чиновникамъ «лучше поучиться французскому, чѣмъ пьянствовать», и доказывалъ, какъ «хорошо, когда народъ не понимаетъ своего короля». Онъ не забылъ и внѣшнихъ достоинствъ лиліи: при помощи его друзей два портрета Генриха путешествовали по странѣ, «дабы всякій видѣлъ, что въ этихъ чертахъ нѣтъ ничего звѣрскаго и жестокаго» [84]).

Въ свободное отъ этихъ литературныхъ занятій время Монлюкъ мастерски пускалъ въ ходъ другія средства, служившія той же цѣли. Онъ разослалъ своихъ агентовъ, въ томъ числѣ Красовскаго и Шуанена, въ Литву и Пруссію, въ Малую Польшу и Червонную Русь; подружился съ аббатами и настоятелями монастырей, которые разносили по своимъ околоткамъ его рѣчи и описанія. Онъ извлекалъ пользу даже изъ своего почетнаго ареста. «Польская нація, говоритъ Шуаненъ, такъ жива и любопытна, что безчисленное множество шляхтичей то приходило къ епископу валансскому, то присылало ему письма, съ цѣлью узнать французскія предложенія: приходилось отвѣчать писемъ на тридцать въ день» [85]). При этомъ «невыносимомъ трудѣ» Монлюкъ успѣвалъ, конечно, «переночевать въ сердцѣ» каждаго собесѣдника. Никогда еще онъ не былъ такъ изобрѣтателенъ. Случится ли свадьба у важнаго пана—онъ пошлетъ туда своихъ агентовъ съ своими писаніями и съ портретомъ Генриха. Потребуется ли тотчасъ «вознаградить» какого нибудь Поляка—онъ, за неимѣніемъ денегъ, займетъ у его же богатаго соотечественника. Предложатъ ли ему условія — онъ подпишетъ, какія угодно, и прибавитъ кучу обѣщаній, которыхъ, по выраженію очевидца событій, «не могъ бы сдержать весь христіанскій міръ». Никогда еще Монлюкъ не былъ и такимъ лицемѣромъ, подходившимъ къ характеру каждаго. «Онъ мѣнялъ образъ жизни, смотря по обстоятельствамъ, замѣчаетъ Оржельскій. Въ постные дни онъ налагалъ строгое воздержаніе на всю свою свиту, а самъ вкушалъ воспрещенное, оправдываясь передъ католиками болѣзнію и выставляя передъ протестантами свое убѣжденіе, что нѣтъ ничего дурнаго ѣсть мясо во всѣ дни. Будучи самъ епископомъ, онъ никогда не показывался въ костелахъ. Однихъ онъ увѣрялъ, что Генрихъ будетъ горячимъ защитникомъ той вѣры, за которую такъ мужественно боролся во Франціи; другимъ доказывалъ, что герцогъ анжуйскій вовсе

не участвовалъ въ религіозныхъ войнахъ и что его даже привлекаетъ польская корона именно по причинѣ царствующей здѣсь свободы совѣсти, которую онъ желаетъ сохранить, унизивъ этихъ горделивыхъ и всемогущихъ поповъ, повсюду захватывающихъ первыя мѣста» [86]).

Этотъ замѣчательный обольститель польской націи имѣлъ право гордиться своею искусною работой. Не смотря на варѳоломеевскую ночь, онъ съ полною надеждой встрѣчалъ наступавшій 1573 годъ. Его дѣло было значительно обезпечено. Католики, которые лишь по необходимости думали о непріятной нѣмецкой кандидатурѣ, были рады случаю, да еще такому соблазнительному, отказаться отъ нея. Ихъ духовенство и монашество предвидѣло свой золотой вѣкъ въ царствованіи побѣдителя при Жарнакѣ и Монконтурѣ. Даже такіе нерѣшительные люди, какъ Яковъ Уханскій, такіе осторожные и ловкіе, какъ Станиславъ Карнковскій и Францишекъ Красинскій, поддерживали Монлюка совѣтами и одобреніемъ. Это значило, что успѣхъ Франціи былъ несомнѣненъ и что папа благословитъ его. Поведеніе кардинала Коммендоне подтверждало это. Папскій легатъ, правда, умышленно молчалъ и держался нейтралитета, но уже не стоялъ откровенно за цесаря, не мѣшалъ интригамъ епископа валансскаго, и, какъ мы видѣли (стр. 232), таинственно указывалъ Карнковскому на важность мнѣній воеводы сандомірскаго. А всѣмъ было извѣстно, что этотъ воевода первый врагъ цесаря и первый другъ Франціи. Кровавая катастрофа въ Парижѣ не только не расторгла этой дружбы, но придала вѣсу вліянію Петра Зборовскаго на протестантовъ, особенно въ Малой Польшѣ. Дѣло въ томъ, что, какъ мы замѣтили выше, испуганый парижскою заутреней, Зборовскій вынудилъ у Монлюка письменное подтвержденіе обѣщаній Генриха анжуйскаго. Если прибавить, что епископъ валансскій умышленно избѣгалъ всякихъ сношеній съ кардиналомъ Коммендоне и на-

правилъ баттарею своихъ памфлетовъ особенно на Малую Польшу, то можно повѣрить Шуанену, что и изъ протестантской партіи появились дезертиры во французскомъ лагерѣ. Въ этомъ лагерѣ, не говоря про Зборовскихъ, уже красовался значительный отрядъ важныхъ пановъ: воеводы сѣрадзскій, ленчицкій, люблинскій, брестъ-куявскій, плоцкій, брацлавскій и др., маршалокъ и референдарій коронные, и много каштеляновъ и старостъ. Но еще важнѣе былъ самый корпусъ Монлюковой арміи, стоявшій за этими вождями. Заѣзжій французскій епископъ съ поразительною проницательностью понялъ огромное значеніе въ Польшѣ той исторической силы, которой съ тѣхъ поръ принадлежало будущее страны. Онъ съ разу увидѣлъ, что Рѣчь Посполитая оригинальная шляхетско-демократическая держава. А какъ легко ему было увлечь шляхту, эту невѣжественную и фанатичную владычицу Польши, и своимъ епископствомъ, и своею вкрадчивостью, и деньгами, и всякими вздорными обѣщаніями, и фантастичностью своего прибытія изъ-за тридевяти земель! Стоило только обратить на нее вниманіе. И вотъ Монлюкъ, «зная, что мелкое дворянство, превосходящее пановъ числомъ, можетъ сдѣлать много добра или зла, рѣшился привлечь на свою сторону всѣхъ шляхтичей, и достаточныхъ и бѣдныхъ» [87]).

Ниже мы увидимъ, какую услугу оказала Монлюку шляхта. Теперь же оставляемъ на время епископа валансскаго. Подробно описавъ судьбу трехъ главныхъ кандидатуръ, нѣмецкой, московской и французской, мы можемъ кратко разсказать объ остальныхъ, менѣе важныхъ.

Ихъ было четыре. Любопытно, что самая ничтожная изъ нихъ связана съ именемъ замѣчательной исторической личности, которая, три года спустя, возстановила славу и значеніе Польши, окончательно подорванныя постыднымъ бѣгствомъ Генриха анжуйскаго, смотрѣвшаго съ презрѣніемъ на этого соперника.

То былъ правитель, внесшій одну изъ лучшихъ страницъ въ исторію Рѣчи Посполитой, ея будущій мученикъ и заступникъ, Стефанъ Баторій, воевода седмиградскій. Въ описываемое время не прошло и двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ избранъ на престолъ Седмиградіи, по смерти Сигизмунда, ничтожнаго сына мужественнаго Іоанна Запольи. Онъ какъ-бы по наслѣдству принялъ послѣдній историческій завѣтъ независимой Венгріи—составить изъ притейсскихъ, придунайскихъ и привислянскихъ земель могучій оплотъ противъ Москвы, Стамбула и Вѣны. Мать Сигизмунда Запольи, Изабелла, дочь Сигизмунда I польскаго, не дождалась смерти Сигизмунда-Августа, чтобы исполнить свое горячее желаніе—воцарить въ Польшѣ своего сына [86]): зато преемникъ послѣдняго выступилъ теперь съ тѣмъ же стремленіемъ. Въ описываемое время кандидатура Стефана Баторія имѣла только то значеніе, что ознакомила Поляковъ съ его именемъ и желаніями, съ *возможностью* видѣть его когда-нибудь на своемъ престолѣ. Но объ ея непосредственныхъ результатахъ почти никто и не думалъ. Самъ Баторій тотчасъ же бросилъ свое дѣло въ Рѣчи Посполитой на произволъ судьбы: все его вниманіе было занято утвержденіемъ своего еще неупроченнаго господства въ самой Седмиградіи. Оно основывалось лишь на избраніи мѣстныхъ государственныхъ чиновъ да на милости султана, верховнаго владыки этой ничтожной вассальной страны. Но обойденные при избраніи вельможи не хотѣли признать своего ровню своимъ государемъ и возстали подъ предводительствомъ честолюбиваго Бега. Турція радовалась этимъ волненіямъ, какъ случаю осуществить свое давнее желаніе — присоединить Седмиградію вполнѣ къ своимъ владѣніямъ; она готовила свою армію къ походу, тайная цѣль котораго лежала на сѣверѣ отъ Дуная, какъ были убѣждены западные дипломаты, зорко слѣдившіе за движеніями «исламской сабли». Въ то время и нѣмецкій императоръ былъ

не прочь произнести подобный же приговоръ Седмиградіи въ свою пользу [89]). Испуганный Стефанъ Баторій думалъ въ эту минуту не столько о польскомъ тронѣ, сколько о какой-нибудь французской невѣстѣ: онъ возобновилъ политику своихъ предшественниковъ, искавшихъ покровительства Парижа, нить которой порвалась-было въ послѣдніе дни жизни Сигизмунда Запольи [90]).

Немного больше значенія и надеждъ имѣла кандидатура герцога прусскаго, Альбрехта-Фридриха. Это былъ сынъ послѣдняго гроссмейстера Тевтонскаго ордена, Альбрехта бранденбургскаго, весьма молодой и крайне-жалкій. У него уже были ясны признаки безумія, которое овладѣло имъ вполнѣ, годъ спустя, и поставило его подъ опеку его родственника, курфюрста бранденбургскаго. Историческая роль Альбрехта-Фридриха ограничивалась рожденіемъ дочери, Анны, бракъ которой съ Іоанномъ-Сигизмундомъ, опекуномъ ея отца, привелъ, въ началѣ XVII вѣка, къ неразрывному соединенію герцогства Прусскаго съ маркграфствомъ Бранденбургскимъ. При соисканіи польской короны Альбрехтъ-Фридрихъ разсчитывалъ на свои близкія связи съ Рѣчью Посполитой. Благодаря секуляризаціи Пруссіи его отцомъ, онъ былъ вассаломъ польскаго короля. Онъ считалъ себя въ правѣ настойчиво *требовать* не только участія въ избраніи польскаго государя, но и перваго мѣста въ польскомъ сенатѣ, въ чемъ его энергично поддерживалъ его родственникъ, маркграфъ бранденбургскій, Іоаннъ-Георгъ [91]). Но этотъ доводъ скорѣе былъ противъ него: Полякамъ обидно было имѣть своего «вассала» своимъ королемъ. Сила его притязаній заключалась въ иномъ условіи: герцогъ прусскій былъ протестантъ. Польскіе нововѣрцы, въ томъ числѣ и самъ Янъ Фирлей, сначала подумали было о немъ, надѣясь его именемъ управлять страной [92]). Но это продолжалось одно мгновеніе. Полоумный кандидатъ самъ губилъ свое дѣло. Онъ надоѣдалъ Полякамъ своею

настойчивостью, своимъ высокомѣріемъ, своею нелѣпостью. Его послы гонялись за сенаторами и шляхтой, являясь чуть не на каждый съѣздъ и сеймикъ, откуда ихъ безцеремонно выпроваживали. Онъ наводнилъ Рѣчь Посполитую письмами, въ которыхъ педантично до смѣшнаго доказывалъ, что если магистры Тевтонскаго ордена сидѣли въ польскомъ сенатѣ «по лѣвую руку короля», то ему и Богъ велѣлъ занять мѣсто «по правую». Онъ разсѣивалъ вздорные слухи, хватавшіе такъ далеко, что никто не могъ имъ повѣрить: и богатъ-то онъ безмѣрно; и привыкъ управлять страной скромно, справедливо; и любимъ своими подданными; и состоитъ главнымъ членомъ Рѣчи Посполитой и въ любви, попеченіяхъ объ ней превосходитъ всѣхъ Поляковъ. Онъ осмѣлился даже утверждать, что всѣ нѣмецкіе князья горой стоятъ за него, тогда какъ не даромъ польскіе протестанты размышляли, не замѣнить-ли его маркграфомъ бранденбургскимъ или Августомъ, курфюрстомъ саксонскимъ. Да еслибы и повѣрить ему, то что̀ значатъ всѣ князьки Германіи передъ такимъ могучимъ соперникомъ, какъ нѣмецкій императоръ? Альбрехтъ-Фридрихъ не замедлилъ самъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Какъ только Максимиліанъ II предложилъ ему руку своей племянницы, герцогини клевской, и польскую корону «въ случаѣ, если не будетъ избранъ его сынъ, Эрнестъ», онъ тотчасъ обратился въ самаго пылкаго цесаріанца. Вскорѣ Поляки перехватили письмо императора къ нему, полное благодарности за обѣщаніе держать на готовѣ двѣ тысячи всадниковъ для содѣйствія избранію Эрнеста на польскій престолъ. «Съ тѣхъ поръ, говоритъ Шуаненъ, никто не хотѣлъ и слышать о немъ, какъ о соискателѣ польской короны, хотя онъ и разослалъ по всей странѣ оправданія съ цѣлью смягчить недовольныхъ, которыхъ было огромное число [93])».

Какъ протестантъ, герцогъ прусскій могъ бы еще питать нѣкоторыя надежды относительно Рѣчи Посполитой, еслибы у него

не было весьма опаснаго соперника, шведскаго короля. Іоаннъ III шведскій, послѣ трехъ главныхъ кандидатовъ на польскій престолъ, вообще стоялъ на первомъ планѣ. Въ его кандидатурѣ было много соблазнительнаго для Поляковъ и Литовцевъ. Замѣчая, какъ прочно привился протестантизмъ къ шведскому народу, нововѣрцы Рѣчи Посполитой предчувствовали, что здѣсь зараждается новый оплотъ противъ католичества, который будетъ соперничать съ Англіей. Руководимые Яномъ Фирлеемъ да воеводою подольскимъ, Николаемъ Мелецкимъ, они скоро бросили мысль о герцогѣ прусскомъ и крѣпко примкнули къ королю шведскому. Тотчасъ послѣ варѳоломеевской ночи они имѣли много надежды на успѣхъ: Шомбергъ предостерегалъ Генриха анжуйскаго противъ Іоанна III, «который одинъ только могъ повредить ему» серьёзно. Но и впослѣдствіи, до самаго конца избранія, партія Фирлея и Мелецкаго твердо держалась за шведскую кандидатуру. Польскіе католики также могли при нуждѣ примириться съ нею. Они знали, что по вліянію шведской королевы Екатерины, сестры Сигизмунда-Августа, фанатичной католички, іезуиты усиленно работали тогда вокругъ слабаго короля и одинъ изъ нихъ уже пробирался къ высшему государственному посту. Шестилѣтній сынъ Іоанна III, Сигизмундъ, возрасталъ въ католическихъ преданіяхъ своей матери, которыя роковымъ образомъ привлекли-таки его позже на тронъ Рѣчи Посполитой. Литовцы, желавшіе оставаться подъ сѣнію отпрыска ихъ родной династіи, доказывали, что со смертію послѣдняго Ягеллона великое княжество должно перейти къ женской линіи этой фамиліи. Кромѣ того каждый гражданинъ Рѣчи Посполитой увлекался двумя несомнѣнными выгодами для своего отечества, связанными съ шведскою кандидатурой. Іоаннъ III обѣщалъ уступить, какъ крѣпости, заложенныя ему Сигизмундомъ-Августомъ, такъ и «свою часть Ливоніи и другія земли, на которыя заявляетъ свои права король датскій.» Онъ

обязывался соединить силы Швеціи и Польши для отпора Московскому и Датскому, этимъ дѣйствительно общимъ врагамъ обѣихъ державъ. Наконецъ онъ слылъ за богатаго государя и, по увѣренію Шомберга, «снабдилъ свою партію въ Польшѣ хорошею суммой денегъ» [94]).

Іоаннъ III въ началѣ безкоролевья пустился-было по пути интригъ. Онъ отправилъ въ Польшу посольство съ весьма дружелюбными предложеніями, прислалъ Станиславу Карнковскому заискивающее письмо съ благодарностью за разныя его услуги и съ просьбою принять на себя «особенное порученіе», которое шведскій агентъ долженъ былъ передать ему лично. Но вскорѣ онъ самъ сталъ вредить себѣ, требуя отъ Рѣчи Посполитой то уплаты долга покойнаго короля, то вознагражденія своему архитектору за какія-то работы въ Польшѣ. Плохо дѣйствовали и его агенты. А тутъ росла молва объ его полоумномъ поведеніи, объ его свирѣпствѣ противъ брата, несчастнаго Эрика XIV, томившагося въ тюрьмѣ. Сиротка Радзивилъ писалъ своему дядѣ: «Мы знаемъ, каковъ онъ самъ, а его сынъ неспособенъ занять нашъ престолъ, требующій, чтобы король могъ въ полномъ вооруженіи сидѣть на конѣ.» Появились памфлеты, въ которыхъ опровергались кажущіяся выгоды шведской кандидатуры. «Рѣчь Посполитая, говорилось въ нихъ, не можетъ соединиться съ Швеціей уже потому, что оба королевства раздѣлены моремъ. Какъ управлялъ бы шведскій король двумя государствами? Въ одномъ изъ нихъ неизбѣжно сидѣлъ-бы губернаторъ, чего никто не захочетъ. Къ тому же шведскій король присягалъ своему народу не покидать своей страны *). Еще важнѣе разница въ общественномъ строѣ обоихъ государствъ.

---

*) Шомбергъ писалъ Генриху анжуйскому о шведскомъ королѣ: «Les estats de son royaume ne le permetteront jamais et s'il s'y joue de le vouloir faire, ils lâcheront son frère prisonnier et le remetteront a la couronne en jestant celuy-cy dehors». *Noailles*, III, 291.

Въ Польшѣ господствуетъ шляхта, въ Швеціи—крестьянство, отъ котораго зависятъ избраніе короля и важнѣйшія дѣла. Правда, шведскій король силенъ на морѣ, но только для себя. Торговыя выгоды не измѣнятъ своего направленія: онѣ все будутъ идти въ руки Швеціи. А навигацію къ Московскому государству шведскій король не можетъ возбранить по своей волѣ: на это требуется согласіе датскаго короля и другихъ» [95]). Приверженцамъ шведскаго короля въ Польшѣ нужно было слишкомъ много мужества, чтобы поддерживать столь неблагодарную кандидатуру.

Гораздо популярнѣе въ странѣ были друзья послѣдняго кандидата на польскій престолъ, самаго любопытнаго и оригинальнаго. То было безличное, таинственное существо, носившее полумиѳическое названіе *Пяста*. Этимъ именемъ, которое обвивало сладкое національное воспоминаніе о первыхъ дняхъ Польскаго государства, Поляки любили обозначать короля-туземца, выбраннаго изъ ихъ собственной среды. Кандидатура Пяста была очень соблазнительна. На этой нейтральной, безупречной почвѣ могли сойтись всѣ партіи, какъ друзья своей родины, своего народа. Кандидатура Пяста льстила національнымъ инстинктамъ всѣхъ классовъ польскаго общества. «Развѣ мало у насъ, шумѣли гордые сыны Рѣчи Посполитой, людей благороднѣйшихъ фамилій, которые мощью и красотою тѣла, силою и величіемъ души не уступятъ любому иностранному королю? Не лучше-ли чужеземцевъ знаютъ они свою родную страну? Не одно-ли у нихъ съ нами воспоминаніе, не одни-ли права и законы? Не отчизна-ли имъ эта земля, не сограждане-ли эти жители? Неужели мы предпочтемъ своихъ знатоковъ военныхъ и мирныхъ дѣлъ безвѣстнымъ иноземцамъ, выставленнымъ лишь пустою молвой? Неужели по всему міру разнесется позорная для нашего племени слава, что среди Поляковъ не нашлось ни одного, годнаго къ царствованію? Неужели

мы, точно скотъ, подчинимся мановенію и крику пришельца, которому невѣдомы ни нашъ языкъ, ни наши законы и нравы? Не забудемъ еще, что у Пяста не будетъ силъ и возможности нарушить наши учрежденія, подавить нашу свободу. А какъ спокойны будутъ наши границы! Иностранные государи, всѣ безъ изъятія устраненные отъ польскаго престола, лишатся повода негодовать и нападать на насъ» [96]). Среди множества памфлетовъ въ пользу Пяста мелькала даже мысль возвести въ государственный принципъ предпочтеніе туземца при выборахъ въ короли. Но для ея осуществленія требовалось время: она была тѣсно связана съ ходомъ историческаго развитія Польши, съ процессомъ созрѣванія шляхетской демократіи. Мы должны тутъ отмѣтить только ту важную черту, что въ описываемое безкоролевье армія пястовцевъ состояла главнымъ образомъ изъ шляхты, у которой уже тогда блеснула идея о своемъ, шляхетскомъ королѣ.

Но въ 1570-хъ годахъ этими идеальными симпатіями и ограничивались успѣхи Пяста. Какъ только вопросъ сходилъ на практическую почву, его тотчасъ окружали непреодолимыя препятствія, и туземная кандидатура становилась безсильнѣе всякой иностранной. Въ самомъ дѣлѣ, среди этихъ гордыхъ своими привилегіями Поляковъ, у которыхъ съ языка не сходило слово «равноправность», кто осмѣлился-бы выступить съ притязаніями на престолъ? А еслибы и нашелся такой чудакъ, кто унизился-бы до подчиненія своему-брату? И можно-ли было избѣжать столкновенія между Пястомъ шляхетскимъ и Пястомъ сенаторскимъ? Что сказали-бы патріоты, предвидѣвшіе, что при безсильномъ и бѣдномъ королѣ-туземцѣ должна была погибнуть и та тѣнь величія, могущества верховной власти, которая скользила еще у польскаго трона? «Вспомни, говорилъ Полякъ въ одномъ памфлетѣ Пясту, вызванному изъ его исторической могилы гвалтомъ въ родимой землѣ: вспомни, что тебя

нелегко было избрать даже семь вѣковъ тому назадъ, когда здѣсь былъ единый народъ съ своимъ единымъ язычествомъ. Возможно-ли это теперь, когда въ Рѣчи Посполитой сидитъ Полякъ, Литвинъ, Русскій, Пруссакъ, Мазуръ, Жмудинъ, Ливонецъ, Подляхъ, Волынянинъ, Кіевлянинъ? Мало того. Теперь сколько земель въ мірѣ, столько же и людей, различныхъ по воспитанію и нравамъ: теперь одинъ учится въ Италіи, другой въ Германіи, третій въ Испаніи или еще гдѣ-нибудь. И всякій судитъ по-своему, зная свое отечество лишь по тому, что̀ вычитаетъ изъ нѣмецкихъ книжекъ, которыя давно поняли насъ и называютъ то Вандалами и Сарматами, то Славянами и Надвислянами. При такой разнородности нашихъ, можно-ли всѣмъ согласиться на избраніе одного изъ туземцевъ? Литвинъ не захочетъ Поляка, Полякъ Литвина, а Пруссакъ ни того ни другаго; воспитанный, бывалый, ученый не захочетъ домосѣда, простяка, и наоборотъ. Если Пруссакъ, напримѣръ, не желаетъ имѣть у себя епископа либо старосту Поляка, то какъ же онъ приметъ короля Поляка? У насъ во всякомъ углѣ провозгласили-бы своего Пяста; а тутъ-то и расхватили-бы нашу Рѣчь Посполитую по клочкамъ Турки, Валахи, Татары, Москвитяне, Нѣмцы, Датчане да Шведы: они только того и ждутъ, чтобы мы начали свалку у себя дома». Безнадежность Пяста была такъ ясна, что даже на Якова Уханскаго напала смѣлость и онъ ребячески кинулъ грязью въ драгоцѣнное воспоминаніе своего народа: «Вѣдь только разъ, пастырски увѣщавалъ онъ Поляковъ, удалось нашимъ предкамъ счастливо подурачиться! Это—когда они, чтобы хоть какъ-нибудь покончить свои раздоры, сотворили себѣ короля изъ гуляки (hultaj) [97])».

Оттого въ кандидатурѣ Пяста гораздо больше говорили, чѣмъ дѣйствовали. Весьма немногіе стояли за него искренно, отъ души, и во главѣ ихъ твердый, неподкупный протестантъ, каштелянъ гнѣзненскій, Янъ Томицкій. [98]). Остальные держались за

него, какъ за прекрасное средство безъ ущерба для своей чести отвлекать въ эту популярную сторону умы, которымъ угрожало вліяніе какого-либо опаснаго соперника. Съ этою цѣлью его прославляли особенно нововѣрцы, къ которымъ примкнули потомъ и сподвижники цесаря. Чѣмъ сильнѣе становилась кандидатура Генриха анжуйскаго, чѣмъ неотразимѣе дѣйствовали на массы соблазны Монлюка, тѣмъ прочнѣе Пястъ удерживалъ за собою это нейтральное значеніе, тѣмъ прямѣе подходилъ онъ къ избирательному полю. Но тамъ мы увидимъ его сверхъ ожиданія постыдную погибель.

Мы исчерпали историческое содержаніе первой половины описываемаго безкоролевья, которую можно считать подготовленіемъ къ двумъ сеймамъ, занимающимъ его вторую часть. Вмѣстѣ съ очевидцами событій мы должны сказать въ заключеніе, что въ эти опасныя минуты своей исторіи Поляки сдѣлали очень мало для устраненія главнаго зла, внутренней анархіи. Рѣчь Посполитая и теперь представляла ту же картину безпорядочной борьбы враждебныхъ силъ, которую мы очертили въ началѣ нашего труда. Иностранныя интриги не успѣли еще внести примиренія въ эту печальную среду. Ни одна изъ нихъ не могла вполнѣ подчинить себѣ другія. Масса противорѣчивыхъ памфлетовъ, польскихъ и чужеземныхъ, поддерживала смуту въ умахъ. И не было сдѣлано ни одного шага къ успокоенію совѣсти гражданъ Рѣчи Посполитой. Великій религіозный вопросъ оставался попрежнему тяжелою, неразрѣшенною задачей, и не одинъ патріотическій умъ смущало предположеніе, что на сеймѣ онъ потребуетъ кроваваго рѣшенія жребіемъ междуусобной войны. А иные даже думали, что въ этомъ всестороннемъ хаосѣ не блеснетъ и послѣдняго луча надежды, не состоится самый сеймъ. Проницательный итальянскій интриганъ, Коммендоне, сообщалъ въ Римъ: «Литовцы, обиженные королевною Анной и занятые Москвою, не хотятъ идти на сеймъ. Судя по разнымъ слухамъ,

что̀ носятся въ Пруссіи, врядъ-ли можно надѣяться и на эту землю. Все загадочно. Почти нельзя думать, чтобы не возродилось какихъ-нибудь безпорядковъ». Прохожій заявлялъ Пясту въ вышеупомянутомъ памфлетѣ: «Поляки сами не знаютъ, что̀ съ ними дѣлается.» Свинцовая тяжесть лежала на сердцѣ у многоученаго Соликовскаго: «Конвокація, восклицалъ онъ, не внушаетъ надеждъ. Изъ нея, говорятъ, ничего не выйдетъ, кромѣ позорнаго вскрытія стараго зла.... Ужъ лучше смерть, чѣмъ такая жизнь! Рѣчь Посполитая погибаетъ и должна погибнуть отъ нашего неразумія и безпорядка (niesforność)»! [99]) Среди этихъ мрачныхъ предчувствій, среди разгара страстей, предвѣщавшихъ кровавое рѣшеніе главнаго, религіознаго вопроса, раздавался лишь одинъ сладкій голосъ мира и согласія, выходившій изъ любвеобильной души Николая Коссобуцкаго. «Оставьте, умолялъ онъ фанатичнаго Карнковскаго, оставьте земныя средства для утвержденія католичества; вложите въ ножны физическій мечъ. Убѣдитесь наконецъ, что истинный и единственный способъ поправить шаткое положеніе религіи—подражать Тому, Кто приходилъ въ міръ безъ шума войскъ, безъ блеска золота и дорогихъ камней, Кто не зналъ огня и меча, но былъ силенъ задушевнымъ словомъ, добрымъ дѣломъ»... [100])

ГЛАВА VI.

Первый конвокаціонный сеймъ въ Польшѣ. Религіозный миръ.

За три четверти столѣтія до описываемаго безкоролевья Поляки, осиротѣвшіе по смерти Яна-Альберта, собрались для избранія новаго короля. Подавляемые чувствомъ страха, безпомощности, они стали очень легковѣрны. Разнесся слухъ, что братъ покойнаго короля идетъ на сеймъ съ войскомъ, чтобы оружіемъ разсѣчь гордіевъ узелъ польскаго безкоролевья, и всѣ съ ужасомъ повѣрили ему. «Такъ, говоритъ туземный историкъ описываемаго времени, всегда бываетъ тамъ, гдѣ не выработана опредѣленная и прочная форма избранія» [1]). По прекращеніи династіи Ягеллоновъ Поляки взялись за умъ. Они рѣшились устранить слѣпой случай въ великомъ дѣлѣ избранія правителя страны. Касскій съѣздъ, какъ мы видѣли (стр. 149), назначилъ подготовительный сеймъ, отличивъ его именемъ «конвокаціоннаго», то-есть, попреимуществу «созывающаго» всѣ чины государства [2]). Въ самомъ началѣ 1573 года, на Крещеніе, въ Варшавѣ открылась новая эра государственной жизни польской націи.

Первая польская конвокація была очень оживлена. Всякій, имѣвшій право на участіе въ ней, не преминулъ воспользоваться имъ, надѣясь найти въ Варшавѣ осуществленіе всепольской «згоды». Съѣхались сенаторы со всѣхъ земель Рѣчи Посполитой, стеклись земскіе послы, представители шляхты различныхъ воеводствъ государства. За ними притащилось, какъ олицетвореніе политической наивности и произвола Поляковъ, множество постороннихъ зрителей изъ шляхты, которые присутствовали даже въ посольской избѣ, не имѣя на то никакого права [3]). Недоставало только иностранныхъ пословъ, которыхъ впрочемъ могли еще призвать. Зато здѣсь не мало было ихъ агентовъ, особенно Французовъ. Никогда еще юная Варшава не была такъ шумна, весела и нарядна, какъ въ эти дни, когда зараждалось ея важное историческое значеніе. Каждый предчувствовалъ, что здѣсь должны подняться важные вопросы, кромѣ назначенія избирательнаго термина. Но могъ-ли кто-либо надѣяться на быстрое и спокойное рѣшеніе ихъ и даже на признаніе всѣми этого, въ сущности незаконнаго, сейма? Когда, на зарѣ 9 января, толпа, по обычаю добраго стараго времени, повалила въ костелъ, протестанты дрожали отъ гнѣва и страха. Когда паны изъ разныхъ частей государства, съ затаенными замыслами, впервые столкнулись здѣсь, они окинули другъ друга вовсе не дружелюбными взорами. А земскіе послы мѣрили ихъ злобнымъ взглядомъ и сжимали въ своихъ рукахъ завѣтныя инструкціи, отъ которыхъ по большей части не смѣли отступить ни на іоту [4]). Эти инструкціи отнимали у нихъ возможность сговориться между собою. А стóитъ припомнить разнообразіе и эгоистичность высказанныхъ въ нихъ требованій (стр. 154—167), чтобы убѣдиться, какъ необходимы были переговоры между представителями шляхты. Но тревожнѣе всего этого было крайне-опасное поведеніе могущественной Литвы. Вѣрная себѣ, она поступала въ этомъ случаѣ точно такъ же, какъ съ Петромъ

Зборовскимъ въ Мсцибовѣ (стр. 175 — 179). Въ теченіе нѣсколькихъ дней по открытіи конвокаціи напрасно Поляки ожидали ея представителей. Ужасъ сталъ овладѣвать ими. Они перешептывались объ избраніи Литвою то сына цесаря, то сына царя, о неизбѣжномъ непризнаніи ею рѣшеній этого сейма. Мудрено-ли, что тревожный характеръ конвокаціи сильно врѣзался въ памяти очевидцевъ? Много времени спустя послѣ нея, Станиславъ Карнковскій такъ писалъ о ней своему другу и однокашнику, Яну Гербурту, каштеляну саноцкому. «Я не могу забыть даже число, въ которое мы впервые собрались всѣ вмѣстѣ. Это было 8 января. Помнишь, какъ всѣ были смущены и озабочены? Вѣдь не имѣлось никакихъ правилъ, какъ для избранія короля, такъ и для военнаго и мирнаго времени, ниже для управленія Рѣчи Посполитой. Ни одного образца въ этомъ смыслѣ нельзя было найти ни въ прошломъ времени, ни въ позднѣйшихъ событіяхъ, бывшихъ въ памяти живыхъ людей, ни въ писаныхъ законахъ, ни въ древнихъ лѣтописяхъ. Затрудненія возрастали еще отчасти отъ долгаго пребыванія въ странѣ и разъѣздовъ по ней иностранныхъ пословъ, отчасти отъ разстройства сейма въ Быстрицѣ. Какъ слѣдствіе всего этого, насъ разжигала затаенная ненависть другъ къ другу, а шляхта подымалась противъ сената, увлекаемая различными подозрѣніями и недовѣріемъ. Вотъ настроеніе умовъ, вотъ положеніе дѣлъ того времени! Помню, какъ сильно былъ тогда взволнованъ и ты, любезный другъ» [5]).

Предчувствія участниковъ первой польской конвокаціи немедленно оправдались. Передъ ними на первый планъ выдвинулись именно тѣ вопросы, въ которыхъ наиболѣе выражалось хаотическое состояніе Рѣчи Посполитой. На нихъ-то историкъ и долженъ сосредоточить свое вниманіе.

Начиная съ перваго шага участниковъ конвокаціи, съ пустаго внѣшняго вопроса, насъ встрѣчаютъ, дѣйствительно,

тревожныя, замѣчательныя событія. Старую священную форму сохранилъ только сенатъ. Посольская изба, къ ужасу патріотовъ, впервые порвала нить долгаго преданія. Не смотря на точное опредѣленіе касскимъ съѣздомъ числа земскихъ пословъ (стр. 149), воеводства, какъ мы видѣли (стр. 167), выслали ихъ, сколько вздумалось каждому. Пословъ оказалось болѣе, чѣмъ слѣдовало, и — что всего хуже и опаснѣе — между ними неравномѣрно распредѣлилось представительство различныхъ частей Рѣчи Посполитой. Этого мало. Обыкновенно посольская изба выбирала, изъ среды своихъ членовъ, предсѣдателя, *маршалка*, руководившаго ходомъ дѣлъ въ ней, соблюдая очередь между главными частями государства, между обѣими Польшами и Литвою. Теперь же маршалка не избрали: обязанности его, которыхъ нельзя было устранить, раздѣлили между всѣми воеводствами, чередовавшимися поденно [6]).

Какъ только посольская изба сложилась въ такую необычайную форму, она потребовала немедленнаго рѣшенія основнаго вопроса объ избирательномъ терминѣ, утверждая, что затѣмъ только и явились земскіе послы на конвокацію [7]). Но сенатъ замялся. Онъ справедливо думалъ, что этотъ сеймъ не будетъ имѣть никакого значенія, если въ немъ не примутъ участія Литовцы. Онъ «сильно принажалъ» пословъ требованіемъ дождаться депутатовъ изъ Литвы. «Послѣ великихъ просьбъ и порядочной перебранки» шляхта уступила. Но когда уже нѣсколько дней прошло въ тщетномъ ожиданіи, она опять всколебалась отъ негодованія на пановъ, которые, по ея мнѣнію, снова учинили, не безъ умысла, излишнюю проволочку. Особенно энергично кричали Малополяне, предводимые Краковянами и, быть-можетъ, научаемые Яномъ Фирлеемъ. Вольные и гордые, строго вѣрные своимъ инструкціямъ (стр. 158 — 159) и своему провинціальному духу, они стояли во главѣ посольской избы, которая въ большей части случаевъ послушно слѣдовала за ними. [8])

Неудивительно, что взрывъ шляхетскаго гнѣва проявился въ событіи, окрашенномъ малопольскимъ колоритомъ. Его породилъ случай.

Не желая терять времени даромъ, сенаторы обратили конвокацію въ верховный государственный судъ. Къ ихъ справедливости аппеллировалъ знакомый намъ Пршіемскій въ своей тяжбѣ съ Пруссаками. Какъ хитрый кляузникъ, онъ въ своихъ рѣчахъ превознесъ значеніе и власть сенаторовъ вообще и архіепископа гнѣзненскаго въ особенности. Жребій былъ брошенъ! Земскіе послы ринулись въ залу засѣданій сената, чтобы провозгласить свое трибунское veto противъ всей польской государственной машины. Они укоряли пановъ въ злоупотребленіяхъ, нарушающихъ вольности меньшей братіи, и именемъ всей шляхты Рѣчи Посполитой торжественно заявили, что не признаютъ за ними никакой правительственной власти. «Отнынѣ, добавили они, мы не даемъ своего согласія на всѣ ваши универсалы и имъ подобныя постановленія» [9]).

Еще болѣе шуму и волненія произвела шляхетская протестація противъ достоинства примаса, затрогивавшая религіозный и провинціальный антагонизмъ двухъ Польшъ. Протестація въ точныхъ словахъ изображала, начиная съ царствованія Лешка Бѣлаго, исторію ученія о приматствѣ, какъ опаснаго политическаго злоупотребленія. Она доказывала, какъ власть примаса возбуждала смуты въ государствѣ, ограничивала силу короля, свободу гражданъ; какъ она дошла до того, что наконецъ вынудила у Казиміра III законъ, воспрещавшій носить званіе кардинала или апостолическаго легата безъ соизволенія короля и сената. Полемизируя противъ всеобщаго признанія достоинства примаса за архіепископомъ гнѣзненскимъ, протестація высказала даже убѣжденіе, будто старые законы [10]) считали этого сановника примасомъ «не всего королевства, а лишь гнѣзненской митрополичьей каѳедры.» «Доселѣ, гласила она далѣе,

Поляки придавали ему несвойственный титулъ лишь по привычкѣ и изъ скромности. Но теперь, когда ему стали приписывать столь важное значеніе, когда по Рѣчи Посполитой ходятъ записки, *) облекающія его именемъ *безкороля* **) и властію созывать сеймы даже при жизни короля,—теперь мы опасаемся, чтобы этотъ обычай не вкоренился въ сознаніи народа въ ущербъ выгодамъ государства и нашимъ вольностямъ, чтобы папская курія не завладѣла нами и папская интрига не посадила короля на нашъ тронъ Вотъ почему считаемъ обязанностію объявить, что мы не признаемъ за архіепископомъ гнѣзненскимъ тѣхъ правъ, которыя онъ присвоиваетъ себѣ вопреки королевской и нашей волѣ». [11]) Этотъ первый актъ въ исторіи борьбы окрѣпшей шляхты съ церковно-папскими притязаніями, замѣнившей въ Польшѣ борьбу королевской власти съ духовенствомъ, былъ занесенъ, на вѣчную память потомству, въ варшавскія городскія книги.

Предметъ спора, польскій примасъ, долженъ былъ говорить въ эту критическую минуту, и говорить энергично, хотя бы то былъ Яковъ Уханскій. Уханскій, дѣйствительно, поднялся на защиту своего сана. Онъ повелъ ее и письменно, распространивъ въ публикѣ апологію приматства, и устно въ сенатѣ, предъ лицомъ представителей шляхты. Быть можетъ, никогда еще онъ не говорилъ такъ долго и одушевленно. Его рѣчь представляла умный и ловкій подборъ доказательствъ въ свою пользу «изъ давнихъ хроникъ и законовъ королевства». Рукою старца-скопидома собирая всякіе намеки, разбросанные въ хаотическомъ прошломъ Польши, онъ съ появленія христіанства въ Рѣчи Посполитой велъ нить историческаго преданія, нанизывая на нее всевозможныя прерогативы примаса. Онъ даже утверждалъ,

*) Намекъ на посланіе Станислава Карнковскаго къ Мазовшанамъ (стр. 153).

**) Такъ переводили Поляки на свой ладъ латинское *interrex*.

что онъ «первый изъ князей государства», въ свѣтскомъ смыслѣ этого слова [12]), и вовсе не отказывался отъ права созывать сеймъ даже при жизни короля и прямо вопреки его волѣ. Но истинная сила рѣчи Уханскаго заключалась въ характеристичной идеѣ, которая прекрасно связывала ея разнородныя части. «У насъ, говорилъ онъ, не вѣсть откуда взялся новый обычай считать подходящимъ все новенькое, усвоивать новые способы и порядки, а всѣмъ старымъ пренебрегать. Среди множества смутъ, возникшихъ у насъ по смерти послѣдняго короля, люди мятежные, жаждущіе переворота во всемъ существующемъ, распространяютъ мнѣніе, будто въ годину безкоролевья всѣ власти должны исчезнуть. Они возстали и на мою власть не изъ страха передъ нею, а просто, чтобы начать съ нея свое пагубное дѣло: разрушивъ одну власть, можно уничтожить и остальныя, можно и все запутать и развалить. Помните, что паденіе приматства будетъ означать не менѣе, какъ паденіе цѣлой Великой Польши.» Уханскій заключилъ трогательною исповѣдью, которой могли повѣрить всего легче. «Что касается до меня лично, то пусть у меня отнимутъ это приматство. Оставьте мнѣ только мое архіепископство, да мою шляхетскую честь — и я не стану препираться съ Рѣчью Посполитой, не буду причиною волненій и смутъ. Передъ Богомъ и вами свидѣтельствую, что всѣмъ дамъ покой. Я даже буду радъ. Я освобожусь отъ прискорбій, хлопотъ, напрасныхъ тратъ. А пышность, власть міра сего мнѣ вовсе не нужны, и я укрываюсь отъ нихъ, гдѣ только можно. Мнѣ ужъ не долго оставаться на этомъ свѣтѣ. Да и не милъ онъ мнѣ: на своемъ вѣку я вѣдь переживалъ и дурныя годины.» Старикъ просилъ только собраніе занести съ общаго согласія его протестъ въ городскія книги на память потомству [13]).

Собранію, явившемуся для назначенія избирательнаго термина, внезапно пришлось рѣшать одинъ изъ важнѣйшихъ

государственныхъ вопросовъ Рѣчи Посполитой. Откладывать его было слишкомъ опасно. Права и значеніе примаса уже не могли выясниться болѣе. Въ виду католиковъ и Великополянъ, тронутыхъ рѣчью Уханскаго, разсчитанною на нихъ, малопольскіе протестанты должны были сдѣлать уступку. Старый историческій споръ окончился сдѣлкою между противными партіями. Умолчавъ о «безкоролѣ», признали: за примасомъ право созванія сейма въ эпохи безкоролевья, а также объявленія (nominatio) и коронованія короля, за маршалкомъ великимъ коронным—право обнародованія (proclamatio) выбора [14]).

Этими спорами о власти пановъ и примаса лишь начинались волненія, которыя не переставали возмущать конвокацію до самаго ея конца. Посольская изба не хотѣла сидѣть безъ дѣла. Она снова закричала о своихъ инструкціяхъ, требующихъ немедленнаго назначенія избирательнаго термина. Когда сенатъ опять сталъ осаждать ее просьбами подождать Литовцевъ и предложилъ заняться пока другими общегосударственными вопросами, въ ней поднялся страшный шумъ. Земскіе послы заспорили между собою о самомъ значеніи конвокаціоннаго сейма. Одни приписывали ему полную власть начинать и рѣшать всякаго рода государственныя дѣла. Другіе, съ Краковянами во главѣ, не признавали за нимъ никакихъ правъ, кромѣ опредѣленія мѣста и времени выборовъ, считая верховную власть какъ-бы изсякшею со смертію короля. Для устраненія спора поднялся Станиславъ Карнковскій, игравшій такую же роль въ сенатѣ, какъ Краковяне въ посольской избѣ. Никогда еще въ польской исторіи не была высказана такъ ясно и твердо теорія верховной власти народа. «Рѣчь Посполитая, сказалъ епископъ куявскій, живетъ своими собственными силами, а не жизнію королей; она не умираетъ съ ихъ смертію. Она живетъ честностью, благонамѣренностью и мудростью мужей, которымъ довѣряется и при жизни королей. У насъ есть сенатъ, держащій

вѣсы всѣхъ дѣлъ; есть глава сената, первенствующій въ ходѣ совѣщаній и выборовъ; есть маршалки, подскарбіи, канцлеры, гетманы и другіе члены государственнаго тѣла, именуемаго Рѣчью Посполитою, всѣ состоящіе въ подчиненіи у сената, а не у короля [15])». Рѣчь Карнковскаго подѣйствовала на самолюбіе державной шляхты. Къ тому же сама жизнь требовала отъ конвокаціи немедленнаго рѣшенія нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ, и не подозрѣваемыхъ ею. Неукротимый Пршіемскій явился съ своими друзьями и здѣсь обвинять Пруссаковъ, какъ въ Колѣ и Каскахъ. Въ разсмотрѣніи этой тяжбы инициатива принадлежала посольской избѣ. Въ ней долго и горячо обсуждались отношенія Польши къ королевской Пруссіи. Умѣренные старались извинить самоволіе Пруссаковъ строгостью и тяжкими насиліями, употребленными противъ нихъ при исполненіи государственной экзекуціи; они совѣтовали дѣйствовать снисходительно, мягко. Крайніе колко упрекали ихъ, даже обзывали соучастниками преступленій и требовали примѣрнаго наказанія Пруссаковъ всею силою конфедераціи. Наконецъ нѣкоторые предлагали конституціонный путь: призвать на генеральный сеймъ представителей Пруссіи и обсудить дѣло сообща съ ними. Возобладало мнѣніе крайнихъ патріотовъ. Авторитетомъ сейма отъ Пруссаковъ потребовали возстановленія нарушеннаго порядка вещей подъ страхомъ наказанія, налагаемаго за сопротивленіе государственному постановленію. Но эта энергія была парализована характеристичною прибавкой. Исполненіе приговора отложили до конца избирательнаго сейма, потому что «Пруссаки не обратятъ вниманія на рѣшеніе конвокаціи и станутъ вооружаться въ то время, когда Польша, обуреваемая анархіей, не будетъ въ состояніи дать имъ серьёзнаго отпора [16])».

Конвокаціонный сеймъ увернулся такимъ образомъ отъ опасной прусской тяжбы, а изъ Литвы все еще никто не пріѣзжалъ.

Посольская изба снова требовала обсужденія избирательнаго термина. Сенатъ просилъ ее еще повременить немного, а между тѣмъ спѣшилъ занять ея досужее вниманіе какимъ-нибудь серьёзнымъ вопросомъ. Онъ предложилъ ей разсмотрѣть иностранныя дѣла, которыя, дѣйствительно, стояли на очереди.

Общегосударственный сеймъ долженъ былъ съ самаго начала обратить вниманіе на иностранныхъ пословъ, пребывавшихъ въ Рѣчи Посполитой. Самъ собою возникалъ вопросъ: не слѣдуетъ-ли допустить ихъ на это собраніе, которое могло-бы такимъ образомъ послужить всестороннею подготовкой къ трудному обряду избранія? Но его легче было поставить, чѣмъ рѣшить. Съ нимъ были связаны сословные и религіозные интересы, а стало-быть и интриги избирательныхъ партій. Панамъ, которые теперь вполнѣ поняли стремленіе шляхты законодательствовать въ Рѣчи Посполитой, хотѣлось выслушать иностранныхъ пословъ на конвокаціи: здѣсь они надѣялись скорѣе удержать за собою руководство умами при обсужденіи выгодъ отъ различныхъ кандидатовъ, чѣмъ на многолюдномъ избирательномъ сеймѣ, гдѣ нахлынувшая отовсюду меньшая братія сознаетъ свое державное значеніе. Но въ самомъ сенатѣ были противники этого взгляда: протестанты, съ Яномъ Фирлеемъ во главѣ, опасались интригъ Жана Монлюка, особенно кардинала Коммендоне, если допустить ихъ въ Варшаву въ столь опасное время, тѣмъ болѣе, что они уже замыслили провести здѣсь важное дѣло, прямо направленное противъ притязаній Рима. Конечно, мнѣніе протестантскихъ пановъ осталось бы безсильнымъ, еслибы за нихъ не стала, какъ одинъ человѣкъ, посольская изба. Подозрительная шляхта проникла замыслы пановъ и вознегодовала, поджигаемая Краковянами. На нее подѣйствовали еще интриги иностранныхъ агентовъ. Друзья цесаря, хорошо понимавшіе непопулярность своего дѣла въ средѣ шляхты, настаивали на невозможности огромной толпѣ выслушать и

разумно обсудить предложенія кандидатовъ. Противъ нихъ орудовали Шуаненъ, Базенъ и другіе Французы, отряженные въ Варшаву догадливымъ Монлюкомъ, «который все надѣялся привлечь шляхту своею рѣчью на избирательномъ сеймѣ». Они явились къ сенаторамъ съ письмами отъ епископа валансскаго; но, слѣдуя его внушенію, всего чаще бесѣдовали съ земскими послами. Они «много тутъ поработали», доказывая, что среди обширнаго, открытаго собранія не могутъ прокрасться обманъ и подкупъ Въ посольской избѣ образовалось единомысліе между протестантами и католиками, не замѣчавшими тайныхъ замысловъ Яна Фирлея и Жана Монлюка. Она рѣшительно объявила, что шляхта, которой принадлежитъ избраніе короля, должна сама, въ своемъ полномъ составѣ, выслушать иностранныхъ пословъ, а не узнавать объ ихъ предложеніяхъ черезъ сенаторскія записки. Сверхъ того она выставила свой обычный щитъ воеводскія инструкціи, въ которыхъ требуется лишь установленіе избирательнаго термина.

Сенатъ принужденъ былъ уступить. Иностранные послы остались въ прежнихъ мѣстахъ своего заключенія. Даже королевнѣ Аннѣ, пріѣхавшей въ Варшаву въ самомъ началѣ конвокаціи, приказано было удалиться мили за три отъ города [17]). Затѣмъ приступили къ разбору грамотъ, присланныхъ иностранными государями: нѣкоторыя изъ нихъ уже давно призывали къ себѣ вниманіе Рѣчи Посполитой. Султанъ и великій визирь обѣщали ей миръ и дружбу, но требовали за это выдачи Богдана молдавскаго и избранія въ польскіе короли лица, пріязненнаго Портѣ. Подобнаго же содержанія, съ прибавкою нѣкоторыхъ уже извѣстныхъ намъ частностей (стр. 45 и 257), были грамоты крымскаго хана и Ивоніи молдавскаго. Нѣмецкій императоръ выражалъ сенаторамъ свое удовольствіе за мѣры, принятыя ими относительно его пословъ. Послы шведскаго короля писали изъ Данцига, что, повинуясь кольскому постановленію, они не

смѣли до сихъ поръ тронуться изъ этого города внутрь страны. Они просили только извѣстить ихъ, когда сенату угодно будетъ выслушать ихъ лично, и доказывали, что ихъ король не чужой, а родной Польскому государству. Испанскій посолъ, прибывшій къ границамъ Польши въ январѣ, позже всѣхъ другихъ, просилъ изъ Оппельна допустить его на конвокацію заодно съ послами цесаря, съ которыми у него было общее дѣло. На всѣ эти миролюбивыя заявленія сенатъ отвѣчалъ въ томъ же духѣ, совѣтуя всѣмъ представить свои порученія на избирательный сеймъ, который одинъ имѣетъ право разсмотрѣть ихъ. Какъ въ содержаніи, такъ и въ формѣ этихъ отвѣтовъ замѣтны поспѣшность, канцелярство, простая очистка совѣсти.

Другимъ характеромъ были запечатлѣны длинныя грамоты брауншвейгская и прусская. Герцогиня Софья собственноручно написала панамъ строгіе упреки, проникнутые наставительнымъ тономъ. Благодаря ихъ за посланіе изъ Касокъ и восхваляя Ягеллоновъ, «наполнявшихъ всю Рѣчь Посполитую своими благодѣяніями», она указывала имъ на непристойные слухи за границей, будто Поляки не сожалѣютъ о кончинѣ ея брата, тогда какъ «по смерти стараго короля, отца нашего, великая скорбь всѣхъ чиновъ проявилась и въ одеждѣ и во многомъ другомъ». Горько жаловалась Софья и на печальное положеніе своей сестры, Анны. Она требовала позаботиться объ этой «добродѣтельной, убогой и осиротѣлой дѣвкѣ», которая не можетъ и не думаетъ вредить дѣламъ сената. «По крайней мѣрѣ, прибавляла она, не таскайте ее съ мѣста на мѣсто: а то, пожалуй, въ угоду кому-нибудь ей придется тронуться и изъ Варшавы». Энергическая герцогиня объявила, что сама явится на избирательный сеймъ. Варшавское собраніе отвѣчало ей кратко, но любезно и въ то же время послало приказъ великопольскимъ властямъ позаботиться о достойномъ пріемѣ ея. Герцогъ прусскій такъ выражался въ своемъ письмѣ. «Ни съ одного съѣзда

я не удостоился получить какой-нибудь оффиціальной бумажонки. Меня оттерли и отъ мѣста въ сенатѣ, которое принадлежало не только моему отцу, но даже и менѣе важному магистру прускаго ордена. Возможно-ли также не участвовать мнѣ въ избраніи короля? Лишенный этого права, я очутился бы въ положеніи гораздо худшемъ, чѣмъ положеніе любаго шляхтича въ Польшѣ, и сталъ бы точно невольникомъ не мною избраннаго короля. А это раздражило бы моихъ подданныхъ.» Сверхъ того герцогъ представилъ длинный перечень грабежей и разбоевъ, учиненныхъ въ его владѣніяхъ мазовецкою шляхтой, а въ послѣднее время и самимъ польскимъ государствомъ. Въ этомъ безконечномъ счетѣ стадъ угнаннаго скота, похищенныхъ ульевъ, выжженныхъ лѣсовъ, вырубленныхъ рощъ, въ любопытной жалобѣ на польскаго воеводу, который, чтобы покормить голодавшее въ Ливоніи войско, напалъ на замки прусскихъ бароновъ, перебилъ ихъ челядинцевъ и произвелъ грабежъ почти на 8 тысячъ флориновъ, краснорѣчиво сказывалась печальная участь вассаловъ Польши. Польскій сенатъ выразилъ удивленіе, какъ рѣшился герцогъ прусскій подпимать, и въ столь смутное время, старое, давно покончепное дѣло! На эти требованія, уже не разъ заявлявшіяся, польскіе короли всегда отвѣчали отказомъ. Впрочемъ паны предложили ему новый способъ рѣшенія исторической распри—третейскій судъ изъ сенаторовъ обоихъ государствъ. Въ случаѣ несогласія на эту сдѣлку, ему дозволялось прислать пословъ на избирательный сеймъ для обсужденія всѣхъ спорныхъ пунктовъ. Паны приняли также мѣры противъ виновниковъ грабежа въ Пруссіи и требовали того же отъ герцога [18]).

Не успѣла конвокація кое-какъ раздѣлаться съ иностранными дѣлами, какъ на ея судъ предсталъ тяжелый споръ съ самою опасною изъ непокорныхъ провинцій Рѣчи Посполитой. Петръ Зборовскій и Янъ Томицкій сообщили ей печальный разсказъ обо всемъ, что они вытерпѣли и узнали во время своего

оффиціальнаго путешествія въ Литву. Они заявили, что почти нечего и думать о прибытіи Литовцевъ въ Варшаву. Въ эту минуту пролетаетъ радостная вѣсть: наконецъ кто-то пріѣхалъ изъ Литвы. Но кто? Не законные представители Литвы явились на сеймъ Рѣчи Посполитой, а два неважныхъ сенатора, Остафій Воловичъ, каштелянъ троцкій, да Павелъ Пацъ, каштелянъ витебскій, и съ ними, какъ бы для почета, нѣсколько шляхтичей. Это были обычные соглядатаи изъ враждебнаго лагеря, высланные съѣздомъ литовскихъ вождей въ Вильнѣ, устроеннымъ незадолго до конвокаціи и не уступавшимъ по значенію касскому собранію. Эти депутаты-шпіоны должны были только прислушиваться и присматриваться ко всему, чтобы сообщить потомъ все нужное въ Вильнѣ, гдѣ Литовцы рѣшились собраться послѣ конвокаціи. Имъ не было дано полномочія соглашаться даже на пустяки. Имъ было поручено только отстаивать свою инструкцію. Этотъ любопытный документъ, дошедшій до насъ, отличается особенною энергіей и полнотою изложенія тѣхъ требованій и жалобъ Литвы, съ которыми мы уже не разъ встрѣчались въ нашемъ сочиненіи. Тутъ упомянуто все, что было высказано польскимъ посламъ въ Мсцибовѣ (стр. 176—179). Тутъ политическая щекотливость Литовцевъ выставила, рядомъ съ извѣстною фразой королевны Анны о литовскомъ «наслѣдствѣ», будто бы обидное выраженіе касскаго универсала: «коронные паны увѣдомляютъ симъ всѣ части королевства». Великое княжество Литовское, протестовали его повѣренные, не есть часть Польскаго королевства: и оно проситъ никогда не писать такъ». Касательно вопросовъ, для которыхъ составилась не признаваемая Литовцами конвокація, они категорически объявили сенату: «Избирательный сеймъ должно назначить въ Парчовѣ *) или близь него послѣ

*) *Парчовъ* находился между Люблиномъ и Брестъ-Литовскомъ, въ Люблинскомъ воеводствѣ, у границы между Польшею и Литвой. Онъ составлялъ центральный пунктъ для всей Рѣчи Посполитой.

Свѣтлаго Воскресенія. II, пока не будутъ удовлетворены всѣ наши требованія, мы будемъ уклоняться отъ избранія короля и отъ всякихъ рѣшеній». Сверхъ того Литовцы, какъ всегда, плакались на свою нищету и невозможность держаться противъ «столь хорошо приготовленнаго къ борьбѣ» врага, какъ московскій царь. Они извѣщали, что, пользуясь безкоролевьемъ, одна часть его войскъ уже осадила Ревель, а другая, ведомая имъ самимъ, стоитъ подъ Полоцкомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ пожары въ пограничныхъ селеніяхъ. Они совѣтовали польскимъ панамъ возможно скорѣе отправить къ нему пословъ.

Литовскіе депутаты, конечно, умолчали о своихъ собственныхъ сношеніяхъ съ Москвою и съ цесарскими агентами. Но столь важныхъ фактовъ нельзя было скрыть. Съ одной стороны Петръ Зборовскій разсказалъ о продѣлкахъ аббата Цира въ Литвѣ, съ другой противъ Литовцевъ выступилъ съ страшнымъ обвиненіемъ одинъ изъ ихъ заклятыхъ враговъ. Застарѣвшій въ средневѣковыхъ преданіяхъ феодалъ, гордый своимъ родствомъ съ литовскими великими князьями и заслугами своихъ предковъ предъ страной, Юрій Юрьевичъ, одинъ изъ послѣднихъ Олельковичей, князей слуцкихъ *), не могъ примириться съ ролью

*) Слуцкое княжество (въ нынѣшней минской губерніи) образовалось на зарѣ XV вѣка, когда старшій сынъ Ольгерда, великаго князя литовскаго, Владиміръ, изгнанный своимъ двоюроднымъ братомъ, Витовтомъ, изъ своего удѣла, Кіевскаго княжества, пріютился въ княжествѣ Копылѣ и построилъ Слуцкъ. Отъ его сына Александра или *Олелька*, вела свое происхожденіе фамилія князей *Олельковичей* Она была очень богата и сильна, могла выставить до десяти тысячъ войска. Какъ вассалъ родственнаго польско-литовскаго дома Ягеллоновъ, она употребляла свое могущество на пользу Рѣчи Посполитой и прославилась борьбою съ Татарами и Москвой. Ягеллоны, подчиняясь требованіямъ исторіи, платили имъ неблагодарностью. Они все болѣе и болѣе стѣсняли ихъ верховныя княжескія права: Сигизмундъ I отнялъ у нихъ даже мѣсто въ литовскомъ сенатѣ, которое они занимали со времени утраты Кіевскаго княжества. Этого-то сенаторскаго почета добивался въ 1572 году Юрій Юрьевичъ,

рядоваго литовскаго вельможи, на которую обрекли его могущественные Ягеллоны. Презирая пановъ своей земли, ненавидя ихъ главу, фамилію Ходкѣвичей, онъ ждалъ смерти Сигизмунда-Августа, чтобы развязаться съ Литвой и затеряться въ рядахъ чуждой, польской аристократіи. Онъ объявилъ теперь, что съ прекращеніемъ династіи Ягеллоновъ, этой единственной связи между нимъ и Литвою, считаетъ себя своеправнымъ (sui juris) и вручаетъ себя и свою землю Польскому королевству. Упрекнувъ Поляковъ въ томъ, что они совсѣмъ забыли про него и, сообщая о своихъ дѣлахъ Литовцамъ, ему не прислали ни одной политической бумаги, Олельковичъ потребовалъ себѣ мѣста въ сенатѣ Рѣчи Посполитой. Его прощальнымъ завѣтомъ ненавистной родинѣ былъ доносъ. Онъ прислалъ на конвокацію копію съ подписанной имъ же самимъ грамоты, которую свезъ Гарабурда Ивану Грозному (стр. 257 — 258), и живыми подробностями доказывалъ измѣну Литовцевъ. «Ихъ паны, писалъ онъ, закладываютъ королевскія земли; составляютъ съѣзды безъ вѣдома шляхты, безъ участія депутатовъ - наблюдателей отъ Польши; изготовляются къ войнѣ. Уже наточено оружіе; уже пушки положены въ телѣги.... Сенаторы! Прошу васъ, подумайте объ опасности, мнѣ угрожающей....»

Сенатъ встревожился. Онъ сталъ допрашивать агентовъ Литвы, которые сознались въ существованіи бумаги, врученной Гарабурдѣ, но поспѣшили вывернуться. Они заявили, что писали къ московскому царю, стоявшему у ихъ границъ, лишь

обнищавшій всѣми древними княжескими правами. Но это была излишняя забота. Самъ онъ умеръ, лѣтъ шесть спустя; а въ 1593 году, со смертію его брата, Семена, прекратился родъ Олельковичей *слуцкихъ*. Другая отрасль этого рода, Олельковичи, князья *копыльскіе*, вымерли еще раньше, въ первой половинѣ XVI вѣка. Пережившая всѣхъ ихъ, послѣдняя Олельковна принесла съ собою въ домъ Радзивиловъ, какъ приданое, когда-то независимыя и славныя княжества, слуцкое и копыльское. Эти земли составили часть новогродскаго воеводства.

съ цѣлію отклонить его нападеніе, но что нѣтъ Литовца, который не согласился бы скорѣе умереть, чѣмъ допустить расторженіе связи между королевствомъ и великимъ княжествомъ. Польскіе паны удовольствовались этимъ объясненіемъ и отвѣчали литовскимъ просьбою прибыть на избирательный сеймъ и обѣщаніемъ назначить поборъ» для защиты ихъ земли; а Юрію Олельковичу уступили старое почетное мѣсто слуцкихъ князей въ сенатѣ, рядомъ съ виленскимъ епископомъ. Но не такъ-то легко было совладать съ польскою шляхтой. Паны опасались, что она не пойметъ политической потребности мягко обращаться съ Литовцами, не проглотитъ ихъ пилюли такъ же хладнокровно, какъ они. Думали-было даже замять дѣло. Но послѣ долгихъ разсужденій нашли, что нельзя скрыть столь важное обстоятельство и рѣшились объявить его какъ можно осторожнѣе. Самъ Остафій Воловичъ да каштелянъ сандомірскій, Оссолинскій, были отряжены въ посольскую избу. Тамъ, устранивъ всѣхъ лишнихъ слушателей, они исполнили передъ земскими послами свое щекотливое порученіе съ просьбою не разглашать дѣла. Но разгоряченная шляхта тотчасъ вынесла соръ изъ своей избы, и вскорѣ изъ повѣта въ повѣтъ пронеслась страшная политическая сплетня, разрастаясь и все волнуя на своемъ пути. Польскій сенатъ могъ утѣшиться однимъ. Взбѣшенная слухами и коварнымъ поведеніемъ Литвы, этого главнаго своего врага, шляхта кіевской, волынской и подольской земель торжественно заявила, что ложны толки о ея единомысліи съ Литовцами; что она вѣчно останется въ лонѣ Польскаго королевства вопреки литовскимъ посягательствамъ на ея самостоятельность [19]).

Теперь, когда сенаторы уже не могли отговариваться отсутствіемъ Литовцевъ, посольская изба пуще прежняго закричала о немедленномъ назначеніи избирательнаго термина. Напрасно паны совѣтовали предварительно заняться программою избира-

тельнаго сейма. Руководимая упорными Краковянами шляхта, не слушая ихъ просьбъ и увѣщаній, заявила намѣреніе покинуть Варшаву. Она настояла на своемъ послѣ перебранокъ, длившихся нѣсколько дней. Тогда оказалось, что этотъ основный вопросъ конвокаціоннаго сейма гораздо труднѣе было рѣшить, чѣмъ думали.

Онъ былъ очень важенъ и сложенъ. Отъ него сильно зависѣло самое избраніе короля. На этомъ полѣ должны были сразиться провинціальные, сословные и религіозные интересы различныхъ частей Рѣчи Посполитой. Тутъ должны были принять участіе и избирательныя партіи и даже иностранная интрига. Всякій предчувствовалъ, что, какъ бы ни разрѣшился вопросъ о распредѣленіи избирательныхъ правъ, много будетъ значить, какъ велико окажется на сеймѣ число шляхты той или другой провинціи и насколько она будетъ подготовлена къ своей важной роли. Каждой изъ партій хотѣлось, конечно, устроить избраніе въ наиболѣе покорной ей мѣстности: дома и стѣны помогаютъ. Католики хлопотали о Варшавѣ, лежавшей въ центрѣ незапятнаннаго католицизма. Нищая мазовецкая шляхта, въ которой былъ вполнѣ увѣренъ Станиславъ Кариковскій съ своими друзьями, рада была прибѣжать въ сосѣдній городъ и не могла выбраться куда-нибудь подальше. Протестанты же съ Яномъ Фирлеемъ, сообразивъ, что изъ Малой Польши пріѣдетъ въ Варшаву немного шляхты изъ наиболѣе зажиточной, видѣли свою вѣрную гибель въ предложеніи католиковъ. Они требовали избранія въ Люблинѣ, составлявшемъ центръ протестантскаго населенія. Литовцамъ, безъ сомнѣнія, хотѣлось перетянуть дѣло куда-нибудь въ глубь великаго княжества. Но они не смѣли высказаться въ этомъ смыслѣ, помня противное постановленіе люблинскаго сейма [20]), и требовали по крайней мѣрѣ остановиться на Парчовѣ, ближайшемъ къ литовскимъ границамъ городѣ, который, дѣйствительно, служилъ средоточіемъ для всей

Рѣчи Посполитой. Эту опасную тяжбу рѣшила иностранная интрига. Проницательный Жанъ Монлюкъ, столь хорошо понявшій значеніе шляхты въ Польшѣ, уже успѣлъ такъ обработать великопольскую и особенно мазовецкую меньшую братію, что, съ своей точки зрѣнія, былъ не менѣе увѣренъ въ ней, чѣмъ самъ епископъ куявскій. Мы знаемъ, какое значеніе придавалъ онъ своей рѣчи на избирательномъ сеймѣ, этому послѣднему размаху руки мастера дѣла: а тутъ очень много значилъ составъ аудиторіи. И вотъ его агенты стали интриговать въ посольской избѣ и подлѣ нея, среди Мазовшанъ, въ пользу Варшавы. Ихъ поддержалъ Граціани, присланный на конвокацію кардиналомъ Коммендоне ратовать за выгоды католичества въ Польшѣ. Но самое важное, рѣшительное значеніе въ этой тяжбѣ городовъ имѣло поведеніе Петра Зборовскаго съ протестантами французской партіи. На этотъ разъ они пожертвовали интересами своихъ единовѣрцевъ—и Варшава была объявлена мѣстомъ избирательнаго сейма 1573 года. Позволимъ себѣ замѣтить, что въ этомъ случаѣ личные и мѣстные интересы, политическія интриги составляютъ внѣшній покровъ, изъ-подъ котораго просвѣчиваетъ неизбѣжный законъ историческаго развитія. Не даромъ уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ мысль Поляка влеклась къ Варшавѣ. Не даромъ послѣдній Ягеллонъ, на одномъ изъ послѣднихъ сеймовъ своего царствованія, завѣщалъ странѣ Варшаву, какъ *постоянное* поприще генеральныхъ сеймовъ. Столицею Польши непремѣнно должно было стать гнѣздо шляхетской демократіи, погубившей свою родину.

Тѣ же партіи боролись между собою и въ вопросѣ о времени избирательнаго сейма. Католики и друзья Франціи желали приблизить его возможно болѣе, чтобы ковать желѣзо, пока оно горячо. Протестанты старались затянуть дѣло, надѣясь, что время охладитъ пылкость шляхты по мѣрѣ того, какъ они будутъ разъяснять ей, какими опасностями грозитъ Польшѣ

избраніе принца, обагрившаго руки кровью своихъ подданныхъ. На сторонѣ первыхъ было много условій успѣха: почти не было Поляка, который не плакался-бы на пагубное продленіе безкоролевья. Зато у протестантовъ было два могучихъ союзника: съ одной стороны сама шляхта, которая желала устроить передъ избраніемъ свои сеймики, требовавшіе времени; съ другой упорная Литва. Ея представители объявили на конвокаціи, что ея граждане не тронутся съ своихъ мѣстъ до тѣхъ поръ, пока ихъ земля не будетъ обезпечена отъ вторженій московскаго царя, то-есть, пока не растаютъ болота и рѣки у ихъ восточныхъ границъ. Они требовали назначить избраніе не раньше Святой Недѣли и успѣли въ этомъ. Конвокація приняла 6-ое апрѣля днемъ открытія избирательнаго сейма [21]).

На слѣдующій день Жанъ Монлюкъ писалъ своему королю сущую правду: «Рѣшеніе сейма отчасти благопріятно, отчасти противно вамъ. Касательно мѣста избранія нельзя было сдѣлать ничего лучшаго для васъ; а время, назначенное для сейма, можетъ принести много вреда, ибо даетъ большой просторъ практикѣ интригановъ.» [22])

Посольская изба добилась наконецъ своего, хотя и поздно (настали уже 20-я числа января). Но какъ ни тяготились земскіе послы, такъ давно покинувшіе свои семьи, имъ нельзя было тотчасъ разъѣхаться. Назначеніемъ избирательнаго термина далеко не разрѣшались задачи конвокаціи. Самыя важныя дѣла были впереди. И, дѣйствительно, при очерченномъ нами положеніи Рѣчи Посполитой въ описываемое безкоролевье могъли конвокаціонный сеймъ, этотъ единственный правительственный органъ, которымъ благословило Провидѣніе Поляковъ, уклониться отъ всевозможныхъ внутреннихъ дѣлъ, требовавшихъ немедленнаго рѣшенія, безъкотораго подвергались сомнѣнію самый избирательный сеймъ и даже безопасность государства? Волей-неволей конвокація должена была принять на себя права и

обязанности верховной власти, даже болѣе всесторонней, чѣмъ власть польскаго короля: въ ней присутствовало могущество и короля и сейма. Самозванства тутъ не могло быть, если Поляки, вопреки своимъ старымъ законамъ, условились не считать самозванствомъ самое существованіе конвокаціи. Неудидительно, что первый подготовительный сеймъ въ Варшавѣ обратилъ весьма серьёзное вниманіе на государственныя нужды Рѣчи Посполитой и заставилъ молчать Краковянъ, которые, вообразивъ, что это паны хотятъ утвердить свое управленіе страной, кричали: «Нечего заботиться о деньгахъ и замкахъ! Свободы не купить на вѣсъ золота!» Онъ издалъ приказъ всѣмъ воеводствамъ, обличающій присутствіе политическаго смысла у его авторовъ. Вотъ его сущность. «По всеобщему согласію мы установили внутренній миръ, который долженъ прекратить всякое своеволіе, вражду, ссоры и распри, на вѣчную память потомству, въ примѣръ современникамъ. Всѣ по своимъ домамъ должны быть готовы къ выступленію въ походъ туда, гдѣ появится опасность, по первому призыву лицъ, выбранныхъ для этого въ каждомъ воеводствѣ Во время избирательнаго сейма повсюду содержать наемныя войска на недоимки, которыя подскарбій обязанъ немедленно взыскать при помощи назначаемой нынѣ коммиссіи изъ трехъ сенаторовъ и трехъ шляхтичей. Подскарбій представитъ ослушниковъ и казнокрадовъ, воспользававшихся смертью короля, на избирательный сеймъ, гдѣ ихъ будетъ судить коммиссія изъ 11 человѣкъ, которая выслушаетъ всякія заявленія, сдѣланныя въ свое время и безъ нарушенія порядка. Тамъ же разслѣдуется и дѣло о придворныхъ и королевскихъ суммахъ. Оба подскарбія, коронный и литовскій, вмѣстѣ съ особою депутаціей изъ сенаторовъ и шляхты, не замедлятъ отправиться въ Тыкочинъ. Тамъ они уплатятъ старое жалованье солдатамъ; наймутъ ихъ вновь, а равно и другихъ, тысячъ съ двадцать, и разставятъ ихъ по границамъ государства;

а Тыкочинъ, откуда нелегко вывезти казну, хорошенько укрѣпятъ. Чтобы еще лучше защитить Рѣчь Посполитую, соглашаемся на добровольный *поборъ*, подобный установленному на люблинскомъ сеймѣ. Съ Данцигцевъ взыскать сто тысячъ флориновъ, занятыхъ ими у Сигизмунда-Августа и теперь принадлежащихъ Рѣчи Посполитой.» [23])

Такимъ образомъ, хотя на бумагѣ, варшавская конвокація обезпечила внѣшнюю безопасность страны и ея финансы, этотъ нервъ государственнаго правленія. Но внутреннее спокойствіе и порядокъ среди безпокойныхъ гражданъ Рѣчи Посполитой оставался еще открытымъ вопросомъ. Назначеніе избирательнаго термина нисколько не устраняло его. Быть-можетъ, предчувствуя его глубокую важность, и сенатъ и посольская изба долго избѣгали его. Но созрѣвшая сила ищетъ исхода. Въ свои послѣдніе дни конвокаціонный сеймъ былъ принужденъ отвѣтить на требованія времени. Сами собою на его судъ внезапно предстали два величайшіе вопроса польской исторіи, сословный и религіозный.

Кто долженъ явиться въ Варшаву 6-го апрѣля и выбирать тамъ государя Рѣчи Посполитой? На этотъ основный вопросъ, какъ и на всѣ подобные, лѣнивые предки не завѣщали отвѣта Полякамъ описываемаго поколѣнія. Лишь въ концѣ царствованія Сигизмунда Августа, когда близкая опасность взглянула имъ прямо въ лицо, они начали-было подвигать его на своихъ сеймахъ да и то старались обойти назначеніемъ наслѣдника престола при жизни короля. [24]) Но смерть послѣдняго Ягеллона предупредила ихъ робкія попытки. Паны не могли забыть этой великой задачи, въ теченіе десятилѣтій смущавшей ихъ предшественниковъ. Они толковали о ней промежь себя, и роковое требованіе исторіи слышалось въ этихъ бесѣдахъ, касавшихся не формы, а *права* подачи голосовъ при избраніи. Пока духъ политическихъ партій не проникалъ въ ихъ среду, паны согласно

мечтали объ ограниченіи шляхты относительно этого права. Они отрицательно отвѣчали на два практическіе вопроса, къ которымъ сводился споръ: не должна-ли шляхта *вся* подавать свой голосъ при выборѣ короля, отвергнувъ представительную систему? Не долженъ-ли голосъ каждаго шляхтича быть равносиленъ голосу каждаго сенатора? Но на варшавской конвокаціи уже не было этого единодушія пановъ. Обольщенные Франціей, пришедшею сюда совершить свою миссію—ввести ядовитый *suffrage universel* въ разлагающееся государство, они продали свое сословное значеніе за мимолетный интересъ партій. Друзья Франціи, въ союзѣ съ врагами свободы совѣсти, стали въ ряды мужей, приближавшихъ погибель ихъ отечества. Забывая, что толпа, правившая ихъ страною на зарѣ ея исторіи, была мала и полудика; не сознавая, что новую силу должно вводить въ организмъ постепенно; не разсчитавъ наконецъ, что 40-50 тысячъ шляхты, которыя могутъ собраться на сеймъ, составятъ лишь четверть всего числа меньшей братіи,—они схватились за всеобщую подачу голосовъ. столь выгодную для нихъ въ *эту* минуту. Ихъ противникамъ оставалось одно средство. И вотъ Янъ Фирлей съ своею дружиной, уже проигравшій важную битву за мѣсто избранія, сталъ, въ разрѣзъ съ мыслію, руководившею имъ въ Кнышинѣ (стр. 109—110), за представительное начало. Но такъ страшенъ былъ этотъ основный вопросъ польской исторіи, что и самъ великій маршалокъ коронный и окружавшіе его важные магнаты лишь перешептывались между собою, боясь поднять его публично передъ посольскою избой. И не даромъ. Когда смѣлый Яковъ Понентовскій, виночерпій ленчицкій, въ качествѣ земскаго посла заговорилъ тамъ о немъ отъ себя и лишь для развѣдки умовъ, толпа дрогнула, зашумѣла—и среди нея возникъ страшный боецъ, съ которымъ не подъ-силу было бороться даже Яну Фирлею [25]).

Здѣсь мы встрѣчаемся съ послѣднимъ изъ историческихъ лицъ, сопровождавшихъ насъ въ теченіе нашего труда, съ Яномъ Замойскимъ, старостою белзскимъ.

Въ началѣ XV вѣка одинъ важный панъ, предки котораго издавна гнѣздились въ Ленчицѣ, перебрался изъ этого польскаго центра въ Червонную Русь и пріобрѣлъ тамъ имѣніе *Замосць* *). Но замокъ, вскормившій четыре поколѣнія знаменитой польской фамиліи, не надолго пріютилъ въ своихъ стѣнахъ интересующую насъ личность, прославившую его имя по всей Европѣ. Просвѣщенные родители рано отправили Яна Замойскаго на чужбину поучиться. И не ошиблись. Жаждавшій знанія юноша не промѣнялъ на блескъ манившаго его парижскаго двора тихаго свѣточа науки. Скоро «познавъ, что безъ нея нѣтъ ни добродѣтели, ни славы, что тамъ, гдѣ царствуетъ тьма, неосвѣщенная ея сіяніемъ, рушатся королевства, слабѣетъ мощь, дѣло обращается въ игралище счастія и самый почетъ становится бременемъ,» онъ «всецѣло предался наукѣ» [26]) и много лѣтъ вдохновенно трудился на благодатной умственной нивѣ Франціи и Италіи. Впослѣдствіи, поглощенный защитою отечества отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, онъ находилъ время бороться и съ невѣжествомъ. Рядъ сочиненій рознообразнѣйшаго содержанія ставитъ его въ число лучшихъ польскихъ литераторовъ: со времени его управленія государственная канцелярія Польши стала щеголять красотою своей латыни. И въ исторіи меценатства записано его имя, какъ основателя Замойской академіи, этой «милой его дочери». Мы думаемъ, что особенно своей любви къ просвѣтительнымъ началамъ обязанъ Янъ Замойскій своею громкою извѣстностью даже у потомства. Рѣдко встрѣчается въ исторіи личность, которая,

*) *Замосць*, близь истоковъ р. Вепря, причислялся къ Червонной Руси, именно къ Холмской землѣ, потомъ къ белзскому воеводству. Нынѣ онъ отнесенъ къ люблинской губерніи.

какъ онъ, до глубокой старости вносила бы эту любовь во всѣ свои поступки. Это было тѣмъ труднѣе для него, что, обильно надѣленный самыми многосторонними талантами, онъ, можно сказать, вращался во всѣхъ сферахъ польской жизни и почти вездѣ, какъ мастеръ и руководитель дѣла. До пророчества вѣрно понималъ онъ внѣшнее положеніе своей страны и былъ лучшимъ политическимъ совѣтчикомъ у лучшаго изъ польскихъ королей. Законодательство Польши несетъ на себѣ печать его умѣнья придать посильную форму даже хаосу. Его имя связано съ установленіемъ правильной судебной системы по воеводствамъ. Собственнымъ примѣромъ онъ подымалъ знамя мужественной и безкорыстной справедливости. Едва-ли не это знамя доставляло ему побѣды и на бранномъ полѣ. Войско, не страшившееся даже нѣмецкихъ рейтеровъ съ самимъ императоромъ въ челѣ, столько же трепетало, сколько и благоговѣло предъ Яномъ Замойскимъ. Оно видѣло не разъ, какъ за качанъ капусты, за улей пчелъ слетала голова съ плечъ солдата. Оно замѣчало, что онъ не по родству или своей прихоти, а по достоинству и заслугамъ возвышалъ своихъ сослуживцевъ, вѣрный польской поговоркѣ: «лучше оленье войско со львомъ во главѣ, чѣмъ наоборотъ.» Оно знало, что этотъ гетманъ, любя своихъ солдатъ, остороженъ и скупъ на людей. Иначе и не могъ поступать государственный мужъ, воспитанный не на одномъ пороховомъ дымѣ, какъ свидѣтельствуетъ его военное завѣщаніе [27]), въ которомъ блещетъ сознаніе связи ратнаго дѣла съ другими сторонами народной жизни.

Сила и обиліе талантовъ доставляли Яну Замойскому извѣстность въ Европѣ и высшіе государственные посты въ отечествѣ. Но они одни еще не объясняютъ той царственной популярности, какою только онъ изъ Поляковъ пользовался и въ родной странѣ и на чужбинѣ, при своей жизни и въ исторіи. Дѣло въ томъ, что непроницаема таинственная основа народнаго

характера. Даже наука путемъ тяжелыхъ усилій доискивается нѣкоторыхъ ея сторонъ. А для массы людей тутъ требуются откровенія. И ими не бѣдна исторія. На долю каждой націи она удѣляетъ частицу чарующей силы—и пораждается живая личность, проявляющая въ себѣ главныя душевныя свойства своихъ соплеменниковъ. Эти рѣдко возникающіе цари исторіи не всегда занимаютъ царское мѣсто. Въ Рѣчи Посполитой, не выработавшей прочныхъ государственныхъ формъ, такое значеніе принадлежало истому шляхтичу, Яну Замойскому.

Это былъ человѣкъ ума необыкновенно остраго, изобрѣтательнаго, діалектическаго, но не глубокаго. Онъ тщеславился тѣмъ, что могъ выиграть дѣло въ пользу обѣихъ тяжущихся сторонъ, могъ сегодня втоптать въ грязь Пяста, а завтра вознести его до трона. Такова же была и его рѣчь, бойкая блестящая, риторическая. Легкими и красивыми періодами извивалась она между суровымъ поученіемъ и свѣжими образами. Толпа рыдала, когда онъ описывалъ, какъ жена Поляка станетъ плакать и томиться въ рукахъ поганыхъ, а на краковскій престолъ возсядетъ оттоманскій драконъ и пожретъ пресловутую польскую вольность. Но еще убѣдительнѣе для толпы были его постунки, которыми обрисовывается идеалъ шляхетскаго рыцаря. Непреклонный и безстрашный, Янъ Замойскій былъ рѣшителенъ и находчивъ въ мирѣ, отваженъ и неутомимъ въ бою, заботливъ, почти нѣженъ съ побѣжденными. Гордый и самоувѣренный, онъ подсмѣивался надъ «скрытымъ ядомъ» своихъ враговъ и никогда не измѣнялъ благородной прямотѣ, нѣсколько наивной откровенности своихъ поступковъ. Но скромность не была его добродѣтелью. На своихъ-ли сеймахъ, въ бесѣдахъ-ли съ монархами онъ кичливо говаривалъ: «Имя мое извѣстно всему міру; мои дѣла благороднѣйшія.» Была только одна таинственная сила, предъ которою склонялся его *гоноръ*, это—вѣра предковъ. «Ужъ лучше вовсе не родиться, говорилъ

онъ, чѣмъ не быть католикомъ. А чтобы видѣть всѣхъ другихъ католиками, я бы отдалъ полжизни.» На своемъ вѣку онъ совершилъ не мало обращеній среди безхарактерной шляхты. Впрочемъ онъ «обрѣлъ сіе спасеніе, ища латынь.» А до того онъ пребывалъ въ протестантизмѣ, который оставилъ на немъ глубокіе слѣды. Замойскій былъ неизмѣннымъ стражемъ свободы совѣсти. «Скорѣй умру, восклицалъ онъ предъ лицомъ короля и сената, чѣмъ потерплю, чтобы хоть одинъ Полякъ былъ *принужденъ* къ принятію католицизма?» Всю свою жизнь онъ боролся противъ іезуитовъ, которыхъ вовсе не считалъ, подобно Стефану Баторію, учеными людьми, за что и удостоился отъ нихъ прозванія вожака «политическихъ» католиковъ. Полякъ попреимуществу, онъ не могъ имѣть другаго призванія, кромѣ истинно-польскаго. Унаслѣдовавъ отъ отца республиканскіе завѣты, онъ рано создалъ себѣ идеалъ всеобщаго равенства и безграничной свободы гражданъ. Но это былъ, конечно, узкій, *польскій* идеалъ. «Въ Польшѣ, объяснялъ Янъ Замойскій чужеземнымъ государямъ, нѣтъ кнутовъ и ликторовъ; я равенъ всѣмъ рыцарямъ, изъ которыхъ выходятъ короли; я доволенъ свободою польскаго шляхтича и отвергаю княжескіе титулы, недостойные обычаевъ нашей земли.» Но столь же ревностно, какъ отвергалъ магнатство, заботился онъ, чтобы его какъ-нибудь не приравняли къ хлопамъ»[28]). Это былъ царь шляхетства, на дворцѣ котораго, за́мкѣ Замосць, было вырѣзано: «Польша — звѣзда шляхетства и свободы». Между Замойскимъ и этимъ основнымъ элементомъ польской исторіи существовало какое-то родственное взаимнодѣйствіе. Онъ былъ передовымъ бойцомъ шляхты, истолкователемъ и двигателемъ ея интересовъ. Она поддерживала его всею силою своего историческаго превосходства, вручивъ ему самодержавную власть, повиновалась у Вислы его голосу, когда онъ долеталъ туда даже съ береговъ Сены; и на сеймахъ ея политическія симпатіи

блуждали безпорядочно, пока не начиналъ говорить ея рожденный вождь.

Оттѣнокъ веселости, добродушія, самодовольнаго спокойствія лежитъ на всѣхъ жизненныхъ шагахъ Яна Замойскаго. Ибо счастливъ дѣятель, которому суждено стоять въ главѣ исторической силы, направляющей судьбы народа, въ моментъ ея высшаго развитія. По всей Европѣ, гдѣ знали о существованіи Польши, носилось имя этого истаго шляхтича. Иностранные дворы ласкали этого «новаго Демосѳена, превосходнаго героя дѣлъ военныхъ и мирныхъ, жреца Феба и Марса.» Звѣзда учености того времени, Липсій называлъ его «равнымъ великимъ царямъ.» Знаменитая академія въ Падуѣ избрала его своимъ ректоромъ. А родная нація видѣла паденіе костелныхъ башенъ, блескъ необычайныхъ кометъ предъ его смертію. Полстолѣтія спустя, она избрала въ короли его правнука и въ наше время встрѣчаетъ букетами и привѣтствіями его отдаленнаго и ничтожнаго потомка. Самъ онъ не былъ королемъ Польши и не игралъ по произволу ея судьбой лишь потому, что не желалъ этого. Но человѣческое счастіе не должно подкупать безпристрастнаго суда потомства. Польская нація имѣетъ право гордиться Яномъ Замойскимъ, какъ олицетвореніемъ своихъ лучшихъ чертъ. Но исторія не приметъ этого доказательства въ пользу ея правъ на историческое существованіе. Если она и признаетъ его «геніемъ», то поверхностнымъ, «*польскимъ*» геніемъ, который въ увлеченіи абсолютизмомъ свободы и равенства утвердилъ силу, погубившую его страну, и, разбросавшись по всѣмъ сферамъ жизни, не внесъ ни одной лепты въ сокровищницу міровыхъ пріобрѣтеній. Этого представителя лучшихъ сторонъ польской націи она сравнитъ съ блестящимъ метеоромъ, который мелькнетъ красиво, кольнетъ глаза — и тотчасъ слѣдъ его простылъ.

Не даромъ въ описываемое время Янъ Замойскій дѣйствовалъ въ белзскомъ воеводствѣ. Проникнутое преданіями Мазовіи, оно было перепутьемъ, черезъ которое тогда шло польское вліяніе изъ этого гнѣзда шляхетства въ Волынскую и Кіевскую земли, только что присоединенныя къ Польшѣ. Увѣнчанный успѣхами среди меньшей братіи всѣхъ этихъ провинцій (стр. 161), староста белзскій прискакалъ на варшавскую конвокацію, чтобы и здѣсь доставить побѣду ея притязаніямъ. Изъ всѣхъ вопросовъ этого сейма именно съ сословнымъ связано его имя. Когда Яковъ Понентовскій тихонько заговорилъ объ избирательныхъ правахъ шляхты съ нѣкоторыми изъ ея представителей, Янъ Замойскій поднялся въ посольской избѣ, въ качествѣ земскаго посла, чтобы открыто поставить этотъ великій государственный вопросъ и рѣшить его немедленно. «Во всякой свободной республикѣ, загремѣлъ онъ, гдѣ господствуетъ равенство правъ для всѣхъ гражданъ, самымъ справедливымъ и обычнымъ условіемъ бываетъ всеобщее равенство относительно права голоса. Иначе и быть не можетъ. Гдѣ всѣ поголовно несутъ военную повинность ради защиты отечества, тамъ всѣ же должны и заслуживаютъ обладать правомъ голоса. Пора понять, что земскимъ посламъ можно поручать лишь обыкновенныя дѣла: тутъ еще можно исправить слѣдствія вредныхъ совѣтовъ и рѣшеній. Но что дѣлать, если они выберутъ дурнаго правителя? Именно въ видахъ упроченія власти короля и укрѣпленія покорности подданныхъ необходимо, чтобы его избирали всѣ, самолично. Тогда не на кого будетъ пенять въ случаѣ несчастнаго выбора: тогда нація безропотно вынесетъ самое дурное правленіе» [29]).

Знатокъ законовъ своей страны, Замойскій не ограничился логикой. Надѣясь на свою казуистическую діалектику, онъ осмѣлился выставить въ защиту своей мысли шаткій авторитетъ неясныхъ польскихъ статутовъ. Онъ обратился, конечно, къ

ближайшему времени, когда въ исторіи и правѣ Польши уже мелькали намеки на державное значеніе шляхты. Онъ указалъ именно на весьма любопытный фактъ избранія покойнаго короля. Въ 1530 году на обыкновенномъ сеймѣ въ Краковѣ былъ «избранъ скорѣе по Божественному устроенію, чѣмъ по намѣренію людей», то есть, просто былъ коронованъ на царство десятилѣтній мальчикъ подъ именемъ Сигизмунда II Августа [30]). Отецъ его, умный Сигизмундъ I, желавшій этимъ небывалымъ актомъ предохранить государство отъ анархіи безкоролевья по смерти своей, чувствовалъ однако опасность, которою угрожало такое наглое нарушеніе политическихъ обычаевъ Рѣчи Посполитой. И вотъ, на этомъ же сеймѣ, онъ издалъ два закона, которые подтвердилъ черезъ восемь лѣтъ, запрещавшіе подданнымъ повиноваться его сыну, пока онъ не возрастетъ и дѣйствительно не сядетъ на престолъ, обязавшись предварительно свято соблюдать права и вольности гражданъ. Не смѣя оправдывать свой поступокъ, старый Сигизмундъ торжественно благодарилъ своихъ подданныхъ за допущеніе этого произвола и объявилъ въ этихъ же законахъ, что признаетъ его «уклоненіемъ отъ *древняго обычая*», которое отнюдь не должно служить примѣромъ для будущаго. Къ несчастію для страны, онъ не ограничился однимъ отрицаніемъ значенія исключительнаго факта. Тутъ же онъ положительно опредѣлилъ «на вѣчныя времена» форму избранія польскихъ королей. «*Согласно съ древнимъ обычаемъ и съ общими статутами королевства*, сказано въ законахъ 1530 и 1538 годовъ, если умретъ король или съ нимъ что-нибудь случится, должно назначить избирательный сеймъ и во-время извѣстить о немъ всѣхъ членовъ и чиновъ государства, чтобы всякій, кому угодно, могъ прибыть на него. Самое избраніе должно быть свободное, такъ чтобы король былъ избранъ *по волѣ и согласію всѣхъ* сенаторовъ, прелатовъ, рыцарей и шляхтичей, которые участвуютъ

и присутствуютъ на этомъ сеймѣ» [31]). Ясно, что это постановленіе имѣло въ виду утвердить «древній обычай,» возникшій въ неблагопріятную для шляхты эпоху, когда никто не могъ и думать о всеобщей подачѣ голосовъ. Другая, сигизмундовско-шляхетская эпоха сказалась лишь въ роковомъ новомъ выраженіи, въ которое впервые облеклась тутъ старая мысль. На «волю и согласіе всѣхъ,» на «единодушные и равные голоса» участниковъ сейма торжественно указалъ Янъ Замойскій на первой польской конвокаціи [32])

Его слова упали на хорошо-подготовленную почву. Шляхта, которая по своимъ угламъ, на описанныхъ нами сеймикахъ, уже доходила до сознанія своего самодержавія, радостнымъ крикомъ привѣтствовала мысль своего вождя и съ этой минуты нарекла его «великимъ.» И столько побѣдоносной силы было въ ея порывѣ, что въ сенатѣ ни одинъ честный и мужественный голосъ не смѣлъ подняться противъ нея. Характеристично, что на этой же конвокаціи въ вопросѣ о свободѣ совѣсти противъ дерзкаго нововведенія нашелся, какъ мы увидимъ, протестъ и притомъ въ лицѣ ничтожнаго духомъ человѣка. Религіозный консерватизмъ въ Польшѣ былъ бодръ, самонадѣянъ, политическій—жалокъ, недовѣрчивъ. Сила одного, слабость другаго подавали взаимно руки, усердно работая на погибель отечества. Съ описываемой минуты основнымъ закономъ Рѣчи Посполитой стало-совершать многозначительный обрядъ избранія правителя страны не въ залѣ совѣщаній, тѣсной для свободъ польской шляхты, а, подобно доброй старинѣ, подъ открытымъ небомъ, «по-военному» [33]). Съ этихъ же поръ углублявшіеся до корня зла патріоты не переставали проклинать «великаго» шляхтича, пока не разрушили его дѣла на знаменитомъ майскомъ сеймѣ (1791 года) въ той же Варшавѣ, «наученные долгимъ и гибельнымъ опытомъ»....

На конвокаціи 1573 года всѣ могли радоваться хотя одному: хорошо-ли, дурно-ли, но страшный вопросъ, вокругъ котораго группировалась остальная жизнь Польши, былъ сданъ въ архивъ исторіи. Гора свалилась съ плечъ: основный принципъ былъ установленъ, и все, что на сеймикахъ этого безкоролевья смущало Поляковъ, теперь рѣшалось быстро и легко, почти само собою. Теперь уже нечего было размышлять о «быть или не быть» повѣтовыхъ сеймиковъ, о которыхъ не разъ заводилась рѣчь въ описываемое время. Кто бы осмѣлился оспаривать у шляхты это существенное орудіе успѣха, прямо вытекавшее изъ ея только что признаннаго верховнаго права? Объявляя о назначеніи сеймиковъ по воеводствамъ въ серединѣ Великаго Поста, сенаторы постарались лишь замаскировать ихъ важность, придавъ имъ финансовое значеніе. «Чтобы удобнѣе и вѣрнѣе собрать поборъ, говорилось въ постановленіи, назначаемъ повѣтовые сеймики, гдѣ должны быть выбраны и достойные сборщики этого налога.»

Теперь не трудно было установить и самую программу великаго обряда избранія короля, хотя при этомъ и возникали весьма важные вопросы, изъ за которыхъ Поляки спорили бы безъ конца въ предшествовавшіе дни. Такъ какъ программа должна была обнимать много мелкихъ частностей, то для ея выработки назначили коммиссію съ участіемъ Петра Зборовскаго и Яна Томицкаго. Но душею ея былъ Станиславъ Карнковскій. Въ столовой покойнаго короля, куда собрались члены коммиссіи, онъ говорилъ руководящія рѣчи по просьбѣ своихъ сотрудниковъ, а бойкій на письмо другъ его, Янъ Гербуртъ, начертывалъ по нимъ программу. Конечно, какой бы то ни былъ опредѣленный, узаконенный порядокъ лучше, чѣмъ полное его отсутствіе. Но, къ несчастію для Польши, ея первая попытка создать правильную форму избранія государя страдаетъ серьезными недостатками, опасными промахами. Иначе и быть не

могло. Роковымъ образомъ она вручила это важное дѣло узкой партіи, кружку епископа куявскаго, не обратившись къ содѣйствію шляхты, которой, быть можетъ, только въ этомъ случаѣ и суждено было подать благой совѣтъ. Въ посольской избѣ хранилась одна вѣрная мысль. Она принадлежала русскимъ воеводствамъ, политическій смыслъ которыхъ мы уже замѣтили выше. Въ инструкціи ихъ посламъ заключалось слѣдующее дальновидное указаніе: «На избирательномъ полѣ каждое воеводство, занявъ свое особенное мѣсто, письменно объявляетъ панамъ имена своихъ кандидатовъ и освѣдомляется у нихъ, кого желаютъ остальныя. Сенатъ, съ своей стороны, посылаетъ по одному депутату въ каждое воеводство для изъясненія выгоды указанныхъ кандидатовъ. Затѣмъ каждый шляхтичъ собственноручно пишетъ имя угоднаго ему кандидата: избранникомъ цѣлаго воеводства будетъ тотъ, кого пожелаетъ его большинство, то-есть, не менѣе двухъ третей. Всѣ воеводства такъ рѣшаютъ это дѣло въ одинъ день. Послѣ этого остается только сосчитать голоса всѣхъ воеводствъ: тотъ, кого желаетъ большинство ихъ, опять не менѣе двухъ третей, немедленно объявляется королемъ.» Инструкція прибавляла внушительно: «Конечно, такой порядокъ избранія можетъ имѣть силу лишь при согласіи всѣхъ воеводствъ и земель. Мы напомнимъ только, что на пётрковскомъ сеймѣ 1556 года земскіе послы составили обрядъ избранія короля и прочли его въ сенатѣ. Но то было время, когда добрые совѣты или вовсе не принимались, или не исполнялись: оттого и это дѣло было отложено до будущихъ дней. Но оно вызывало къ себѣ сочувствіе тогда, вызываетъ его и теперь: мы поручаемъ нашимъ посламъ согласиться насчетъ его съ прочими.» [34]).

Коммиссія варшавской конвокаціи не обратила вниманія ни на этотъ любопытный фактъ старины, ни на посольскую избу. Руководясь лишь логикою, она, въ концѣ концовъ, шла прямо

къ неизбѣжной политической нелѣпости. Обрядъ избранія, по ея программѣ, долженъ былъ начаться рѣчами пословъ отъ иностранныхъ кандидатовъ въ сенатѣ, куда допускаются депутаты отъ шляхты всѣхъ воеводствъ, «ибо невозможно, чтобы при такомъ обиліи избирателей каждый могъ услышать ораторовъ и чтобы не произошло безпорядковъ, унижающихъ достоинство и авторитетъ Рѣчи Посполитой.» Затѣмъ Станиславъ Карнковскій, старавшійся вездѣ дать исключительныя преимущества примасу, «устами котораго говоритъ Рѣчь Посполитая въ часы безкоролевья,» потребовалъ чтобы этотъ сановникъ «въ ясныхъ, всѣмъ понятныхъ словахъ» изложилъ, какъ имена кандидатовъ, такъ и выгоду каждаго изъ нихъ. Но коммиссія воспротивилась внести на избирательное поле этотъ новый источникъ смутъ. По предложенію Іеронима Оссолинскаго она постановила, что архіепископъ гнѣзненскій вмѣстѣ съ епископами, воеводами, каштелянами и шляхетскими депутатами разойдутся по наметамъ своихъ воеводствъ для сообщенія меньшей братіи всего, что̀ они слышали въ сенатѣ и что̀ у нихъ у самихъ на умѣ. Имѣя въ виду, что шляхта можетъ предлагать и новыхъ, не упомянутыхъ ими кандидатовъ, они всячески постараются возможно болѣе сократить число послѣднихъ. Получивъ наконецъ отъ каждаго воеводства запечатанныя записочки съ именами кандидатовъ, они совѣщаются между собою и, выбравъ двухъ-трехъ самыхъ выгодныхъ изъ нихъ, снова являются въ наметахъ для ходатайства въ ихъ пользу. Шляхта, съ клятвою поступать безпристрастно, приступаетъ къ подачѣ голосовъ.

Но какъ быть, если въ результатѣ ея сочувствіе раздѣлится между двумя-тремя именами, что̀ было неизбѣжно при требованіи единодушія? Коммиссія предвидѣла этотъ тревожный вопросъ. По совѣту Петра Зборовскаго она опредѣлила сдѣлать еще одну, отчаянную попытку для достиженія неуловимой «згоды». Въ указанномъ случаѣ выбирается, какъ изъ сената, такъ и изъ

посольской избы, нѣсколько лицъ, пользующихся особеннымъ всеобщимъ довѣріемъ. Послѣ строгой присяги и зрѣлаго обсужденія они, сами ничего не рѣшая, подаютъ воеводствамъ возможно-ясную записку о томъ, почему они считаютъ такого-то кандидата болѣе всѣхъ достойнымъ польской короны. А если избиратели, «руководясь лишь своимъ здравымъ умомъ, безъ упрямства и легкомыслія, безъ всякихъ криковъ и безпорядковъ,» и тогда не согласятся *всѣ* на признаніе *одного* изъ кандидатовъ? Что дѣлать въ столь важномъ и безвыходномъ положеніи? Не рѣшать же дѣла физическою силой, междуусобною свалкой! Ужъ лучше прибѣгнуть къ какой-нибудь нелѣпости. Одну изъ нихъ предложилъ епископъ куявскій, опять носившійся съ своимъ примасомъ. Онъ доказывалъ множествомъ способовъ, что лишь архіепископу гнѣзненскому приличествуетъ право соглашенія умовъ до тѣхъ поръ, пока всѣ не придутъ къ единомыслію. Но его сотоварищи благоразумно возстали противъ этой уловки, которая вручала примасу судьбы страны. Они поняли, что въ столь крайнемъ случаѣ ужъ лучше прибѣгнуть къ крайнему, необыкновенному средству, и постановили: «Тогда съ искренними молитвами предоставить это дѣло Богу: пусть Онъ соизволитъ собственноручно даровать намъ короля и добраго пастыря посредствомъ жребія, примѣры котораго мы видимъ у апостоловъ». Противъ этой игры въ судьбу отечества возсталъ Станиславъ Карнковскій. Освобожденный отъ задачи возвеличенія примаса, дѣло котораго здѣсь уже было проиграно, онъ вѣрно понялъ сущность вопроса и не пожалѣлъ ни своихъ познаній, ни своей логики для защиты будущаго страны «Помимо другихъ причинъ, говорилъ онъ, жребій негоденъ уже потому, что это необычайный и дерзкій способъ: прочтите о немъ у св. Ѳомы. Точно также нелѣпъ и другой способъ — избирать посредствомъ выкрикиванья: въ канонахъ справедливо сказано, что по крикамъ осудили и распяли

Христа Спасителя нашего. Вообще я не перестану утверждать, что выборомъ въ короли должны руководить не золото, желѣзо, жребій или крики, а справедливая оцѣнка, здравая мысль, общая польза.» Но эти совѣты запоздали. Коммиссія не отказалась отъ легкаго способа рѣшить великій вопросъ, столь счастливо открытаго ею. Тогда были опредѣлены прелюбопытныя подробности примѣненія жребія, которыя такъ мѣтко характеризуютъ націю, что составляютъ достояніе исторіи. Вотъ онѣ. «Если, напримѣръ, симпатіи націи раздѣлятся между четырьмя кандидатами, то должно привести дюжину пятилѣтнихъ дѣтей и кинуть между ними жребій. Избранное дитя тотчасъ отдѣляется отъ другихъ, чтобы никто не говорилъ съ нимъ. Сюда же призываются кандидаты, или ихъ послы, или, въ случаѣ ихъ отсутствія, знатныя лица, замѣняющія ихъ. Затѣмъ дѣлаютъ четыре одинаковыхъ билетика съ надписью на одномъ: *Тебѣ первое мѣсто при выборахъ*, на другомъ: *Тебѣ второе*, и т. д. Дитя раздаетъ кандидатамъ эти билетики, по которымъ ихъ и размѣщаютъ. Тогда дѣлаютъ еще четыре билетика, совершенно одинаковыхъ по размѣру, бумагѣ и письму, и въ виду всего собранія кладутъ ихъ въ ящичекъ къ дитяти. Въ трехъ изъ этихъ билетиковъ заключается: *Будь доволенъ твоимъ положеніемъ*! а въ четвертомъ: *Ты избранъ и поставленъ Богомъ въ короли сего Польскаго королевства*. Дитя вынимаетъ ихъ изъ ящика и по порядку раздаетъ кандидатамъ, которые, также начиная съ перваго, вскрываютъ ихъ и прочитываютъ.»

Опредѣливъ главныя условія обряда избранія, коммиссія съ замѣчательнымъ вниманіемъ вникла въ мелочи, отъ которыхъ много зависѣли внутреннее спокойствіе страны и самый исходъ сейма. Въ слѣдующихъ ея постановленіяхъ интересно обрисовывается положеніе Польши и настроеніе ея лучшихъ умовъ того времени. «Всякій, кому угодно, изъ шляхетства можетъ ѣхать

на *элекцію*, но не иначе, какъ съ строгимъ соблюденіемъ благочинія. Исполнители устроенной нами для обезпеченія земскаго мира конфедераціи должны слѣдить, чтобы и на пути, и на сеймѣ ни у кого не отнималось ничего насильно, никому не наносилось вреда и обидъ. Они же, а въ случаѣ ихъ небрежности избранныя для того здѣсь лица, прежде всего займутся на сеймѣ удовлетвореніемъ обиженныхъ и наказаніемъ виновныхъ. Каждый долженъ покупать себѣ жизненные припасы по добровольному торгу, ибо не слѣдъ угнетать народъ въ столь тяжелое время. Избраніе должно происходить любовно и спокойно, а не съ гвалтомъ и насиліемъ. Поэтому каждому позволяется быть лишь при обычномъ, всегда носимомъ оружіи, то-есть, при большихъ и малыхъ мечахъ и сабляхъ; но воспрещается являться на сеймъ въ военныхъ доспѣхахъ, съ разнаго рода другимъ оружіемъ, а пуще всего съ огнестрѣльнымъ *). Свита должна быть не многочисленна: у сенаторовъ по 50 коней, у земскихъ властей по 30, у шляхтичей по 20; меньше можно, а больше — ни въ какомъ случаѣ. Никому не дозволяется имѣть въ запасѣ солдатъ гдѣ-нибудь на сторонѣ: только въ мѣстѣ избранія можетъ быть при маршалкахъ по сту, при воеводахъ по десяти, при земскихъ властяхъ по шести и при шляхтичахъ по четыре солдата, но и то безъ военныхъ доспѣховъ, особенно безъ огнестрѣльнаго оружія. Иноземцы не допускаются въ свитахъ пановъ. Прибывъ къ избирательному полю, каждое воеводство располагается по окрестностямъ, на мѣстѣ, назначенномъ ему маршалками короннымъ и литовскимъ. А окрестная шляхта и другіе жители не должны отказывать въ помѣщеніи пріѣзжихъ по своимъ домамъ. Съ своей стороны, маршалки и

---

*) Мы отказываемся перевести употребленный здѣсь богатый запасъ военныхъ словъ столь „воинственной“ націи, какъ польская. Вотъ эти слова: *miecz*, *korda*, *szabla*, *koncerz*, *zbroja*, *pancerz*, *karacena*, *rusznica*, *hakownica*, *kusz*, *drzewo*, *tarcza*, *oszczep*, *strzelba*, *broń*.

старосты не будутъ взимать обычныхъ пошлинъ съ привозимыхъ товаровъ. Кто осмѣлится поступить вопреки опредѣленіямъ нашей конфедераціи, того считать врагомъ отечества и лишеннымъ голоса въ избраніи. Кто обнажитъ оружіе, тому руку долой, а кто ранитъ или убьетъ кого-нибудь — голову.» Столь же строгимъ и рѣшительнымъ характеромъ отличаются послѣднія слова манифеста объ избирательномъ сеймѣ, изданнаго конвокаціей 1573 года: «Сеймъ будетъ заниматься своими дѣлами, не поджидая опоздавшихъ къ его открытію, которые не должны отказываться отъ признанія его постановленій, ссылаясь на свое отсутствіе. А еслибы кто дошелъ до такой дерзости, что вздумалъ бы отдѣльно выбирать себѣ государя въ иное время и въ иномъ мѣстѣ или, хотя и здѣсь, но въ особомъ мѣстѣ или собраніи, противъ такого и ему подобныхъ, сколько бы ихъ ни было и къ какому бы чину, воеводству или къ какой бы землѣ они ни принадлежали, всѣ мы обязуемся возстать, какъ противъ открытыхъ общихъ враговъ короны и отечества, и разрушить ихъ злодѣйскія намѣренія.» [35]).

Цѣль первой конвокаціи въ Польшѣ, рѣшеніе избирательнаго вопроса, была теперь достигнута вполнѣ. Но собраніе еще работало наканунѣ своей смерти и — странно! — работало надъ трудомъ, обезсмертившимъ его, какъ событіе, открывающее новую эпоху. То было исполненное глубокаго трагизма религіозное дѣло. Въ эту эпоху перелома могъ-ли конвокаціонный сеймъ обойти его, хотя бы и не призванный къ тому закономъ? Ждетъ-ли жизнь въ заявленіи своихъ потребностей позволеній извнѣ? Могли-ли польскіе протестанты въ началѣ 1573 года уѣхать изъ Варшавы, не двинувъ пальцемъ въ пользу своихъ интересовъ? Въ это безкоролевье они уже сдѣлали нѣсколько уступокъ врагамъ. Они замѣчали, какъ у католиковъ росли силы, питаемыя французскою интригой. А здѣсь, на конвокаціи, передъ ихъ глазами разрушались даже ихъ надежды на будущее,

улыбавшіяся имъ вчера. Принятыя сеймомъ мѣсто избранія и всешляхетская подача голосовъ не оставляли сомнѣнія въ личности новаго короля Рѣчи Посполитой. Какъ! Знать, что надъ страною, гдѣ нововѣріе не исторгло еще у старины ни одного обезпеченія, гдѣ еще не была разорвана жестокая противоеретическая хартія Ягелла [36]), завтра будетъ носиться произволъ принца, покрытаго кровавою тѣнью Варѳоломеевской ночи,—знать это, и молчать, «ожидая участи Каспара Колиньи и столькихъ другихъ достойныхъ мужей»! [37]) Видя неизбѣжный успѣхъ кандидатуры Генриха анжуйскаго, протестанты должны были по крайней мѣрѣ оградить себя отъ его фанатическихъ безумствъ. Янъ Фирлей понялъ, что настало великое въ исторіи «теперь или никогда.» Онъ видѣлъ, что правъ былъ его врагъ, Станиславъ Карнковскій, когда возсталъ противъ намѣренія примаса устроить подлѣ конвокаціи синодъ и восклицалъ: «Намъ, безоружнымъ, разрозненнымъ и вялымъ, слѣдуетъ даже при вызовѣ воздержаться отъ битвы съ непріятелемъ, вооруженнымъ и единодушнымъ!» (стр. 152). Нововѣрцы, дѣйствительно, представляли на конвокаціи могучую, стройную, хорошо обученную дружину. Отъ нея здѣсь многое зависѣло. Руководимая сама своимъ краковскимъ воеводою, она лишила противниковъ вождей, устранивъ иностранныхъ пословъ. Католики боялись ея, раздѣляя упомянутое смущеніе съ епископомъ куявскимъ. Теперь или никогда — и великій маршалокъ коронный не ошибся.

Но столь важное и страстное дѣло нужно было вести умѣючи, съ политическимъ тактомъ. Янъ Фирлей былъ на лицо: съ свойственнымъ ему глубокомысліемъ онъ связалъ его съ самыми драгоцѣнными для каждаго Поляка національными интересами. По его внушенію протестанты подняли истинно-польскій вопросъ «объ исправленіи законодательства, о расширеніи и обезпеченіи вольностей гражданина Рѣчи Посполитой». Этотъ

вопросъ, уже не разъ возникавшій въ польской исторіи, въ описываемое безкоролевье ставили всѣ: и Великополяне съ Мазовшанами и Малополяне съ Русскими. Политическія собранія соперничали между собою въ памяти о немъ: Кнышинъ подражалъ Ловичу, Каски — Кнышину (стр. 89, 108, 148—149). Не болѣе-ли права имѣла варшавская конвокація позаботиться объ этомъ вопросѣ, даже рѣшить его окончательно? Эту мысль и развивали теперь протестанты, надѣясь «поправить законы» своего отечества, страдавшіе важнымъ пробѣломъ относительно новаго начала, внесеннаго въ жизнь Польши реформаціонною эпохой. Конечно, вождямъ католиковъ и французской партіи, увѣреннымъ въ выборѣ Генриха анжуйскаго, не желалось-бы стѣснять волю *этого* короля. Но за протестантовъ стояли свободолюбивые инстинкты націи, историческая потребность. Вотъ почему въ упомянутую нами программу избирательнаго сейма было внесено: «По выслушаніи рѣчей иностранныхъ пословъ (слѣдовательно, въ самомъ началѣ засѣданій) ничего не предпринимать до тѣхъ поръ, пока не совершится исправленіе законовъ и не устранятся ихъ нарушенія. Для необходимаго изученія этого дѣла назначаемъ особую коммиссію изъ воеводы ленчицкаго и подкоморія варшавскаго. Впрочемъ на избирательномъ сеймѣ каждое воеводство можетъ присоединить къ нимъ, кого угодно: точно также всякій воленъ вносить свои предложенія и высказывать свои замѣчанія. Король долженъ присягнуть въ признаніи этого исправленія законовъ. Только въ томъ случаѣ, когда не будетъ достигнуто всеобщаго согласія на этотъ счетъ, приступать къ избранію; но тотчасъ послѣ него, пока еще не разъѣхались члены сейма, должно опять приступить къ исправленію законовъ и покончить его» [38]).

Это постановленіе конвокаціи давало протестантамъ возможность хлопотать о пріобрѣтеніи необходимыхъ имъ правъ. Но это былъ еще слишкомъ сомнительный выигрышъ, вовсе не

соотвѣтствовавшій ихъ усиліямъ. Можно было почти навѣрное предсказать, что на избирательномъ сеймѣ *въ Варшавѣ* провалится всякое предложеніе въ пользу религіозной свободы, еслибы даже нашелся смѣльчакъ, который рѣшился бы выступить съ нимъ впередъ. Нужно было непремѣнно не позже, какъ на конвокаціи, добиться чего-нибудь положительнаго. Янъ Фирлей готовъ былъ на все, чтобы не упустить этого послѣдняго случая къ попыткѣ, отъ которой зависѣла вся судьба польскаго нововѣрія. Онъ пустилъ въ ходъ хитрую тактику политическаго вождя. День исчезалъ за днемъ. Вокругъ Яна Фирлея собирались главы протестантизма для тайныхъ совѣщаній. А онъ самъ молчалъ. Католики съ смущеніемъ замѣчали, что готовится что-то не доброе, и спѣшили разъѣхаться, поскорѣе кончить сеймъ, отнять поле у загадочныхъ замысловъ протестантскаго вождя. А Фирлею только того и нужно было. Вотъ уже многіе сенаторы, не говоря о проголодавшейся шляхтѣ, покинули Варшаву; вотъ уже администрація сейма сдѣлала приготовленія къ его формальному закрытію. Тутъ-то воевода краковскій съ своею дружиною вступилъ въ дѣло. Онъ напомнилъ членамъ конвокаціи про одно важное упущеніе, которое всякій долженъ былъ признать. Въ самомъ дѣлѣ, могъ-ли обойтись безъ пресловутой конфедераціи польскій сеймъ въ то время, какъ она была принята «по обычаю предковъ» почти всѣми сеймиками и съѣздами безкоролевья? Торжественнаго ручательства за внутреннее спокойствіе въ государствѣ, освященія миролюбивыхъ усилій сеймиковъ требовало историческое преданіе, требовала и вся страна устами своихъ земскихъ пословъ. Никто не осмѣлился противорѣчить вполнѣ законному и разумному предложенію великаго маршалка короннаго, тайныхъ замысловъ котораго никто и не проникалъ. 28 января явилась знаменитая *Всеобщая варшавская конфедерація*, то образецъ, то яблоко раздора для будущихъ поколѣній.

Въ большей своей части эта политическая хартія не представляетъ особенной важности и даже особеннаго интереса. Она, конечно, подражала безсмертной въ Польшѣ корчинской конфедераціи и отличалась отъ своихъ сестеръ, возникшихъ въ это же безкоролевье, преимущественно своимъ общимъ, не мѣстнымъ характеромъ. Она обязывала всѣхъ теперь «и въ будущемъ» возставать «на погибель» каждаго, кто осмѣлится пойти противъ ея требованій; «въ единой, нераздѣльной Рѣчи Посполитой не чинить никакого разрыва между собою, не допускать никакого расторженія; одной части безъ другихъ не выбирать себѣ короля; не признавать выбраннаго, пока онъ не присягнетъ въ соблюденіи всѣхъ нашихъ законовъ, постановленій и вольностей, какъ существующихъ, такъ и тѣхъ, которые будутъ предложены послѣ избранія, а равно и въ томъ, что ни подъ какимъ видомъ не потащитъ насъ за границы королевства безъ соизволенія сейма; сохранять спокойствіе, порядокъ, справедливость даже среди сильно враждующихъ свѣтскаго и духовнаго сословій; не производить никакого гвалта между другими и между собою, отправляясь на избраніе, пребывая тамъ и возвращаясь домой.» Какъ ни возставалъ Карнковскій противъ чрезвычайныхъ судовъ, этой новизны, которая «ведетъ къ разрушенію величія и власти короля, къ перемѣнѣ государственной формы, къ униженію сената», а главное «къ искорененію священнаго сословія», — конфедерація благоразумно не подчинилась запальчивости поборника привилегій духовенства. Она постановила, чтобы старосты «чинили судъ по старой формѣ лишь въ тѣхъ воеводствахъ, которыя не приняли или не примутъ исключительной формы на время безкоролевья» [39]).

Но среди десяти пунктовъ варшавской конфедераціи былъ одинъ, который обезсмертилъ ее, сообщивъ ей историческое значеніе. Янъ Фирлей, заручившись согласіемъ малопольскихъ

пословъ и протестантскихъ сенаторовъ, бросилъ скромную мысль о томъ, что внутренній миръ въ Рѣчи Посполитой всегда будетъ мечтой, пока не прекратится религіозная вражда, что поэтому должно немедленно обезпечить спокойствіе разновѣрцевъ какимъ-либо справедливымъ, благодушнымъ постановленіемъ. Столько разумности и простоты было въ этой мысли, такъ подходила она къ потребностямъ минуты, что даже католики приняли ее мирно, не подозрѣвая въ ней ничего зловреднаго для себя. Этого мало. Станиславъ Карнковскій былъ точно очарованъ: онъ охотно пошелъ представителемъ отъ духовенства въ коммиссію, составленную для осуществленія религіознаго мира изъ двухъ каштеляновъ, Оссолинскаго и Шафранца, съ обычною прибавкою нѣсколькихъ сенаторовъ и шляхтичей. Какая насмѣшка судьбы! Горячій боецъ за католическій абсолютизмъ въ Рѣчи Посполитой, Станиславъ Карнковскій, собственноручно вписалъ въ конфедерацію слѣдующія слова, которымъ предназначалось служить щитомъ для польскаго протестантизма [40]). «Поелику въ нашей Рѣчи Посполитой не мало разногласія относительно христіанской религіи, то, желая предупредить возникновеніе отсюда какой-нибудь вредной смуты, столь ясно замѣчаемой въ другихъ королевствахъ, мы всѣ единодушно, за себя и за все наше потомство, обязуемся присягой, словомъ, честью и совѣстью нашею: между всѣми нами, несогласными въ религіи *(dissidentes de religione)*, соблюдать миръ; изъ-за разныхъ вѣръ и церковныхъ перемѣнъ не проливать крови, не наказывать пенями, лишеніемъ чести и имущества, тюремнымъ заключеніемъ; отнюдь не содѣйствовать въ этомъ никакой власти, никакому правительственному лицу; напротивъ, еслибы даже кто-нибудь рѣшился изъ-за этого дѣла проливать кровь, хотя бы на основаніи какого-нибудь указа или судебнаго приговора, таковому всѣ мы обязуемся противодѣйствовать». Сверхъ того въ другомъ пунктѣ конфедераціи, гдѣ говорится о признаніи новаго короля лишь

съ условіемъ, чтобы онъ присягнулъ въ нерушимости польскихъ законовъ и вольностей, коммиссія прибавила: «А именно: онъ долженъ присягнуть въ сохраненіи всеобщаго мира среди разъединенныхъ и разнствующихъ между собою относительно вѣры и богопочитанія» [41]).

Но, къ прискорбію историка, этимъ не исчерпывался религіозный вопросъ въ варшавской конфедераціи. Ему не суждено было перейти къ потомству въ этой незапятнанной формѣ, облекавшей высокое начало справедливости и политическаго разума. Его чистоту затмилъ добавочный пунктъ, въ которомъ просвѣчиваетъ грустное сознаніе своего безсилія со стороны польскаго нововѣрія и его неустаннаго вождя. Янъ Фирлей, очевидно, сильно боялся поднять бурю противъ этого вѣнца своихъ долгихъ усилій. Онъ спѣшилъ, пока еще очарованіе не оставило католиковъ, нѣкоторыми уступками окончательно ослѣпить ихъ зоркость. И вотъ коммиссія вставила въ конфедерацію требованіе, чтобы «всѣ бенефиціи, состоящія въ распоряженіи короля въ силу его права патроната, прелатуры, архіепископства, епископства и всякія другія, по прежнему закону раздавались только духовенству римской церкви и природнымъ Полякамъ». Впрочемъ бенефиціи греческихъ церквей предоставлялось отдавать «людямъ той же греческой вѣры». Чтобы еще болѣе замаскировать свое задушевное дѣло и привлечь къ его защитѣ властолюбивыхъ гражданъ Рѣчи Посполитой, чтобы не испугать ихъ призракомъ дѣйствительной свободы для всего народа, нововѣрцы поспѣшили заявить свой консервативный образъ мыслей. Они написали въ конфедераціи тотчасъ послѣ знаменитаго пункта о свободѣ совѣсти: «Но во всякомъ случаѣ этою нашею конфедераціей мы отнюдь не ослабляемъ власти какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ пановъ надъ ихъ подданными и вовсе не нарушаемъ повиновенія подданныхъ ихъ панамъ. Напротивъ. Еслибы гдѣ-либо возникло таковое

своеволіе подъ предлогомъ религіи, то каждый панъ и теперь, какъ всегда бывало прежде, воленъ по своему разумѣнію наказывать своего непослушнаго подданнаго *tam in spiritualibus, quam in saecularibus*» [42]).

Вотъ все, что было сказано о религіи во всеобщей варшавской конфедераціи. Но этихъ немногихъ строкъ было довольно, чтобы современники назвали эту конфедерацію «религіозною», а потомство обратило на нее особенное вниманіе, какъ на важнѣйшее знаменіе новой исторіи Польши. Ихъ довольно, чтобы оцѣнить роль Поляковъ въ рѣшеніи общечеловѣческихъ задачъ. Въ бурную эпоху реформаціи дѣло совѣсти волновало весь Западъ Европы, и каждая нація приходила къ своеобразному взгляду на него. Этимъ надолго опредѣлялось будущее народовъ: великіе жизненные вопросы зрѣютъ медленно и вѣка тяжелыхъ испытаній ложатся между ихъ повѣрками. Печатью обоихъ началъ, общеисторическаго и національнаго, отмѣчена и судьба нравственной задачи въ Рѣчи Посполитой. Въ описываемую эпоху вездѣ разсчеты съ нею или пришли уже къ концу, или приближались къ нему: Поляки не могли откладывать дѣла, представленнаго временемъ на ихъ судъ, не могли уклониться отъ рѣшенія упомянутой задачи или хотя отъ попытки къ нему. Въ эту эпоху даже тамъ, гдѣ болѣе или менѣе искренно была признана святыня совѣсти, въ умахъ возникалъ страхъ предъ возможными слѣдствіями этого гигантскаго шага исторіи; и имъ спѣшили воспользоваться подорванныя въ своихъ основахъ феодальныя привилегіи, чтобы продлить свое жалкое существованіе. Поляки, эти вѣрные хранители средневѣковыхъ сословныхъ предразсудковъ видѣли, какъ пылало въ Шварцвальдѣ, отражаясь въ водахъ Рейна и Майна, пламя крестьянской войны, какъ тамъ и сямъ возникали, подъ фирмою религіозныхъ сектъ, зловѣщіе признаки разложенія общественнаго строя. Они не могли не задуматься надъ выводами, которые сдѣлаютъ

угнетенныя сословія изъ сознанія, что въ ихъ странѣ царствуетъ *духовное* освобожденіе человѣка. Поэтому пунктъ варшавской конфедераціи о «подданныхъ» не долженъ, служить укоромъ его авторамъ въ томъ, что они не предупредили вѣковой работы исторіи. Если припомнить, что въ странѣ, откуда раздалась проповѣдь о свободѣ совѣсти, тогда уже возобладало понятіе «cujus regio ejus religio» (чья земля, того и религія), то нельзя не отдать справедливости этому пункту хотя въ томъ, что, благодаря его неточности, въ немъ *нѣтъ прямаго* установленія этого права. А ниже мы увидимъ, что значительная часть Поляковъ требовала разъясненія дѣла именно въ смыслѣ полной свободы совѣсти и для крестьянъ. Наконецъ общій духъ эпохи проявился и въ огражденіи главныхъ правъ стараго религіознаго быта. Въ большей части западной Европы тяжба между двумя міровоззрѣніями завершилась сдѣлкой, взаимными уступками. Рѣшеніе варшавской конфедераціи относительно бенефицій невольно напоминаетъ, по своимъ цѣлямъ, знаменитое «reservatum ecclesiasticum» аугсбургскаго сейма. Бросающаяся въ глаза разница чисто мѣстнаго характера: Поляки справедливо признали фактическое господство обѣихъ религій въ Рѣчи Посполитой, и римско-католической и греко-восточной. И если, по своей неточности, этотъ пунктъ конфедераціи могъ сослужить здѣсь такую же печальную службу, какъ «reservatum ecclesiasticum» въ Германіи, то ниже мы увидимъ усилія націи разъяснить его немедленно.

Но вглядимся пристальнѣе въ польскій религіозный миръ — и передъ нами выступятъ національныя, мѣстныя черты, проявившіяся въ его формѣ и содержаніи не менѣе, чѣмъ въ окружавшихъ его условіяхъ. На Западѣ это великое событіе связано съ *царствованіями* и именами извѣстныхъ правителей: въ Польшѣ имъ прославлено *безкоролевье* 1573 года. Тамъ верховная власть облекала его въ обычную форму органическаго

закона: здѣсь сами граждане, по взаимному соглашенію, составляли договоръ въ видѣ конфедераціи, введенной предками для чрезвычайныхъ случаевъ. Съ этимъ тѣсно связано существенное различіе въ самомъ содержаніи. На Западѣ религіозный миръ былъ какъ бы точнымъ опредѣленіемъ различныхъ міровоззрѣній; имъ установлялись новыя вѣроисповѣданія и даже ихъ внутреннее отношеніе къ старому: въ Польшѣ онъ былъ просто политическимъ шагомъ гражданъ. Варшавская конфедерація заботилась только о томъ, чтобы вообще изъ-за религіи не страдали ихъ пресловутыя вольности. Въ самыхъ ея выраженіяхъ, скопированныхъ со словъ прежнихъ конфедерацій, просвѣчиваетъ взглядъ авторовъ на миръ религіозный, какъ на дополненіе къ земскому. Оттого они не сочли нужнымъ входить въ догматическія или иныя подробности. Оттого они объявили себя защитниками правъ и свободы всякаго гражданина, *къ какой бы религіи онъ ни принадлежалъ* [43]). Мы думаемъ, что этимъ отчасти объясняется такая замѣчательная вѣротерпимость Поляковъ, безпримѣрная въ Европѣ того времени, особенно если вспомнимъ германскій религіозный миръ, признавшій лишь аугсбургское исповѣданіе, который, конечно, не оставался безъ вліянія на Поляковъ [44]). Мы утверждаемъ, что этому взгляду Янъ Фирлей и его друзья обязаны тѣмъ, что Карнковскій участвовалъ въ составленіи варшавской конфедераціи и католики милостиво смотрѣли на нее, какъ на проявленіе братской любви, вожделѣнной для каждаго Поляка «згоды».

Такъ своеобразенъ былъ польскій религіозный миръ. Но еще разительнѣе отличается отъ его западныхъ собратій его судьба. Онъ какъ будто бы предназначенъ былъ послужить серьезнымъ доказательствомъ ходячей мысли о приложимости извѣстныхъ правилъ изъ частнаго быта къ жизни народовъ. Мы говоримъ: то прочно, что пріобрѣтено трудомъ и страданіями. Польская нація

не выстрадала успокоенія своей совѣсти. Религіозный миръ достался ей легко. Она не вынесла чужеземнаго ига свирѣпаго Филиппа испанскаго; ея память не была обременена мрачнымъ обликомъ Маріи Кровавой; у нея не было ни Варѳоломеевскихъ ночей, ни шмалькалденскихъ войнъ. Но зато прошли не сотни лѣтъ, а мѣсяцы—и религіознаго мира въ Польшѣ какъ не бывало. Передъ разгуломъ католическаго фанатизма, погубившаго страну, онъ исчезъ быстро и безслѣдно, какъ исчезаетъ легкій вѣтерокъ лѣтняго утра передъ знойнымъ солнцемъ. Это можно было предвидѣть тотчасъ же, не покидая конвокаціоннаго сейма. Вотъ что произошло здѣсь съ польскою религіозною конфедераціей.

Провозвѣстница любви и согласія, она возбудила сильное волненіе въ сенатѣ, какъ только была внесена въ него коммиссіей. Янъ Фирлей и Петръ Зборовскій, забывъ взаимную ненависть въ эту торжественную минуту, взялись горячо хлопотать за нее и среди пановъ, и среди земскихъ пословъ. Частію увлеченные сладкимъ голосомъ умиротворенія, частію ослѣпленные ловкою редакціей конфедераціи, усталые участники конвокаціоннаго сейма спѣшили скрѣпить ее своимъ согласіемъ. Она была одобрена всѣми свѣтскими сенаторами, какъ протестантами, такъ и католиками, и быстро покрылась подписями почти всѣхъ земскихъ пословъ [45]). Горячка рукоприкладства такъ овладѣла всѣми, что когда очередь дошла до духовенства, поколебалось и оно. Кое-кто изъ его рядовъ уже подписался. Самъ примасъ съ епископами хотѣли послѣдовать ихъ примѣру. Но, видно, руки дрогнули у нихъ, когда пришлось взяться за перо. Ихъ католическая совѣсть смутилась. Еще не понимая хорошенько дѣла, они почуяли что-то враждебное для себя въ братолюбивомъ тонѣ роковой хартіи свободы. Они ощутили то мучительное движеніе души, которое пронизываетъ человѣка въ минуту, предшествующую великому жизненному шагу. Говорить о всеобщей «сгодѣ» и мирѣ легко, пріятно, даже выгодно. Но каково

запечатлѣть собственною неопровержимою подписью бумагу, которая, *быть-можетъ*, грозитъ всему древнему строю отечества, основамъ католичества и государства, и вызоветъ громы Ватикана? Тутъ одного сомнѣнія было достаточно [46]). Епископы осторожно потребовали себѣ сколько-нибудь времени для ея внимательнаго разсмотрѣнія. Тогда противники сбросили маски, и борьба началась. Нововѣрцы перестали пѣть о любви и согласіи. Они шумно настаивали на немедленномъ обезпеченіи ихъ безопасности, грозясь, въ противномъ случаѣ, не допустить избирательнаго сейма. И Станиславъ Карнковскій вышелъ на старый путь изъ новой роли, которою увлекся-было на минуту. Все еще поддерживая, въ оправданіе своего промаха, идею мира и умѣренности, онъ уже доказывалъ и исторіей, и логикой, какъ «нечестива эта хартія, цѣль которой — искоренить древній порядокъ и христіанскую религію, исказить Рѣчь Посполитую и ввести безначаліе». Но это былъ не польскій сеймикъ. Да не прежній былъ и самъ Карнковскій. Разъ ошибшись, онъ уже не довѣрялъ себѣ. Страхъ проскользнулъ въ его колеблющейся рѣчи; рѣшимость въ этотъ же день бѣжать съ поля битвы зародилась въ его смущенной душѣ. Противники легко заставили его молчать своимъ дружнымъ крикомъ и шумомъ оружія. Онъ покинулъ сенатъ. За нимъ бросились въ испугѣ многіе епископы, которые уже не возвращались болѣе въ залу засѣданій и частію ускакали даже изъ Варшавы. Карнковскій нашелъ у себя на квартирѣ тревожную записочку въ десять строкъ отъ Граціани, который умолялъ его именемъ Бога не покидать Его святаго дѣла въ столь роковую минуту. Но было уже поздно. Епископъ куявскій помчался вонъ изъ города, гдѣ впервые въ своей жизни онъ потерпѣлъ такое жестокое пораженіе [47]).

А въ полуопустѣломъ сенатѣ все стихло. Настала торжественная минута заключенія драмы, зависѣвшаго отъ перваго духовнаго сановника Рѣчи Посполитой. Всѣ особенно напряженно

устремили свои взоры на примаса, шаткій характеръ котораго позволялъ ожидать отъ него, чего угодно. Яковъ Уханскій поднялся наконецъ, чтобы испросить себѣ два дня для размышленія и отдыха. Нововѣрцы, сильно надѣявшіеся на него, охотно согласились. Католики, которымъ одно сомнѣніе въ такомъ дѣлѣ казалось ересью, пришли въ отчаяніе. На закатѣ своихъ дней впервые пришлось Уханскому пережить минуты, отъ которыхъ сѣдѣютъ юныя головы. Ему не удалось-таки увернуться отъ рѣшенія страшнаго вопроса, на избѣжаніе котораго онъ потратилъ свои лучшія силы. Онъ понялъ, что это послѣдній серьезный поступокъ въ его жизни и сталъ готовиться къ нему, какъ къ смерти. Онъ выдерживалъ строгій постъ; щедрою рукой одарялъ нищихъ; возсылалъ моленія ко Всевышнему лично и черезъ священнослужителей и монахинь. Глубокая дума не отставала отъ него, и грозными видѣніями наполнялись его мучительныя ночи. Изнемогая въ душевной пыткѣ, жалкій старикъ по своему обычаю жаждалъ внѣшняго толчка. Въ его уединеніе проскользнулъ проворный итальянскій іезуитъ. Кардинала Коммендоне не пустили въ Варшаву: онъ прислалъ туда втораго себя, Антонія Граціани, съ записками и внушеніями къ католическимъ панамъ. Папскій сыщикъ познакомился съ конфедераціей, какъ только она была написана, и тотчасъ смекнулъ, что въ ней «подъ покровомъ словъ бездна яда», что «она требуетъ больше уступокъ, чѣмъ сколько сдѣлано ихъ въ Германіи, Франціи, даже въ самой Саксоніи». Онъ бросился къ епископамъ и католическимъ панамъ съ намеками на то, что каждое ихъ слово и движеніе немедленно будетъ извѣстно, кому слѣдуетъ.

На третій день Яковъ Уханскій медленною поступью, позже всѣхъ вступилъ въ сенатъ. Совершилось чудо. Карнковскій бѣжалъ съ поля битвы въ самую критическую минуту; а Уханскій былъ уже не знакомое намъ нравственное ничтожество. Съ

мужественною рѣшимостью покаянника онъ повѣдалъ изумленному собранію тайну своихъ мучительныхъ ночей. «Никто, заключилъ онъ, не согласится съ постановленіемъ, которое оскорбляетъ величіе Господа и Его святую волю, разрушаетъ основы государства, даетъ свободу убѣжденій даже какому-нибудь магометанину или эпикурейцу. Скорѣе отдамъ я десницу, если нужно, даже голову на отсѣченіе, чѣмъ подпишу подъ нимъ мое имя. И въ чемъ же истинное спасеніе и слава для старца, удрученнаго тяжестію лѣтъ, какъ не въ принятіи смерти за отечество, вѣру, святыню, религію?» Католики встрепенулись, стряхнули съ себя паническій страхъ передъ дружными нововѣрцами. Епископы послѣдовали за своимъ примасомъ; отказались отъ своихъ словъ даже тѣ, которые два дня тому назадъ подписали конфедерацію. Только одинъ устоялъ, какъ испытанный мужъ. То былъ епископъ краковскій и вицеканцлеръ, Францискъ Красинскій, образованный, остроумный, рѣшительный и характерный наредворецъ, другъ дѣтства Сигизмунда-Августа. Онъ не разъ совѣтовалъ покойному королю ввести религіозный миръ и уничтожить инквизицію, ибо чародѣйство уже исчезло съ лица земли. Онъ и теперь былъ едва-ли не самымъ вѣрнымъ другомъ Яна Фирлея и Малой Польши, не самымъ доступнымъ для диссидентовъ сановникомъ не только изъ духовенства, но и вообще изъ всѣхъ католиковъ. Ободренные Красинскимъ, нововѣрцы зашумѣли пуще прежняго. Среди нестройныхъ криковъ слышалось бряцанье оружія, носилась роковая угроза междуусобной войны. Какъ ни сопротивлялись католики, особенно примасъ, конфедерація была торжественно внесена въ городскія книги Варшавы, какъ государственная бумага. Но Уханскій преслѣдовалъ ее и тамъ. Онъ вписалъ рядомъ съ нею протестъ отъ имени всѣхъ пановъ и пословъ, не подписавшихъ ее, составленный весьма искусно. Въ немъ было заявлено горячее желаніе всеобщей «згоды», отвращеніе отъ пролитія братской крови.

Но именно изъ этого-то «самаго древняго» желанія онъ проклиналъ новую конфедерацію, противную первой (корчинской) и стремленіямъ предковъ. «Она пагубна, вредна и опасна не только для настоящаго времени, но и для будущаго. Она открываетъ двери въ Польшу многимъ другимъ гнуснымъ сектамъ (кромѣ уже существующихъ), какъ-то: адамитамъ, Туркамъ и прочимъ нелучшимъ. Она поможетъ людямъ впадать въ атеизмъ.» Чтобы подѣйствовать на властолюбивые инстинкты пановъ, особенно шляхты, протестъ даже искажалъ ея смыслъ. Онъ заботливо выставлялъ на видъ, что, «давая возможность даже лицамъ низшаго класа богохульствовать дерзновенно, конфедерація ниспровергаетъ всякую власть, исторгаетъ у дворянства его права и вольности, и, пожалуй, доведетъ нашихъ подданныхъ, подъ предлогомъ религіи, до такой смѣлости, что они возстанутъ противъ своихъ господъ, какъ случилось недавно въ Мюнстерѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Швейцаріи». Наконецъ, по словамъ протеста, эта бумага была незаконная, ибо ее написали нѣсколько сенаторовъ и земскихъ пословъ, якобы вопреки заявленіямъ остальной шляхты о томъ, что инструкціи ничего не дозволяютъ имъ обсуждать, кромѣ вопроса объ избирательномъ терминѣ [48]).

Поляки остались вѣрны себѣ и въ рѣшеніи великаго религіознаго вопроса. Какъ ни ясно былъ онъ поставленъ на варшавской конвокаціи, въ самую миролюбивую минуту описываемаго безкоролевья, онъ остался открытымъ. Католики смотрѣли на свое мимолетное увлеченіе братскою любовью, какъ на тяжкій грѣхъ и политическій промахъ; протестанты, можно было предполагать, не задумаются на избирательномъ полѣ предоставить судъ надъ нимъ жребію междуусобной войны. Какъ всѣ важныя дѣла въ исторіи «предковъ», конфедерація съ сосѣднимъ протестомъ осталась мучительною загадкой для потомковъ. Слѣды той и другаго проходятъ черезъ рядъ десятилѣтій. Протестанты

и православные съ такими вождями во главѣ, какъ Янъ Фирлей и князь Константинъ Острожскій, хлопочутъ привить къ жизни начала первой; католики подъ руководствомъ грубыхъ Мазовшанъ усиливаются затушить ихъ рѣзкими протестами. Эти спасительные слѣды варшавской конфедераціи заметала наконецъ буря іезуитскаго фанатизма, проложившаго дорогу къ безднѣ, которая поглотила Польское государство.

Таково содержаніе первой конвокаціи въ Рѣчи Посполитой. Ея важное историческое значеніе несомнѣнно. Не даромъ она послужила образцомъ для всѣхъ сеймовъ послѣдующаго времени, собиравшихся тотчасъ по смерти короля. Не даромъ потомки обращались къ ней за указаніями, какъ къ авторитету. Она, дѣйствительно, была спасительнымъ примѣромъ. Вопреки печальнымъ обычаямъ предшествовавшихъ сеймовъ, она не только поставила, но и рѣшила нѣкоторые изъ основныхъ вопросовъ польской государственной жизни. Здѣсь впервые былъ выработанъ обрядъ избранія короля. Здѣсь, благодаря «великому Поляку», тогда впервые возникшему, была измѣрена и признана сила шляхты. Здѣсь окончился опасный, томительный споръ о власти примаса. Здѣсь были положены послѣднія, едва не увѣнчавшіяся успѣхомъ усилія опредѣлить даже вѣроисповѣдныя отношенія, эту душу государствъ XVI вѣка. Словомъ, здѣсь глубже, чѣмъ когда-либо, были разслѣдованы главныя начала польскаго быта, провинціальное, сословное и религіозное. Для посторонняго изслѣдователя судебъ польской націи еще важнѣе и знаменательнѣе то, что эта конвокація и въ своемъ содержаніи, и въ формѣ носитъ на себѣ ясные слѣды великой переходной эпохи въ жизни Рѣчи Посполитой. Колоссальное нововведеніе сама по себѣ, она проявила стремленіе націи къ созданію новыхъ, порой даже излишнихъ формъ. Только маститый сенатъ твердо держался завѣтовъ старины, да ревнивое духовенство пыталось отстоять ихъ чистоту. Посольская изба,

то-есть шляхта, и диссиденты, — начала, внесшія въ Польшу новое направленіе, — работали надъ ихъ отмѣной. Въ лицѣ ихъ конвокація 1573 года подписывала приговоръ прошлому и начертывала путь будущему. Быть-можетъ, таинственная сила всеобщаго перелома давала себя чувствовать и въ смущеніи дѣйствующихъ лицъ, въ ихъ поступкахъ, обманывающихъ ожиданія пристальнаго наблюдателя.

Но не въ одной сущности историческихъ явленій лежитъ объясненіе судебъ націи. Основа всего, ея характеръ, обнаруживается также въ разбросанныхъ между ними житейскихъ мелочахъ. Съ этой точки зрѣнія первая конвокація въ Польшѣ представляетъ печальное двойственное зрѣлище. Тутъ съ сознаніемъ величія и серьезности минуты сплетается увлеченіе пустяками, замедлявшими ходъ дѣла. Тутъ рядомъ съ горячимъ желаніемъ единодушія, мира, порядка витаетъ духъ раздора, злобы, эгоизма. Тутъ были подняты ничтожные вопросы, или совсѣмъ неумѣстные, или служившіе лишь къ удовлетворенію празднаго любопытства, но раздражавшіе личную щекотливость согражданъ. Дѣтскою наивностью, но не дѣтскою злобой дышитъ цѣлый рядъ процессовъ, которые можно назвать запоздалымъ, безцѣльнымъ слѣдствіемъ надъ безвозвратно-протекшимъ. Много времени было потрачено на взаимные упреки въ сепаратизмѣ и недобросовѣстности, на безконечный вопросъ, кто виноватъ въ полугодичной проволочкѣ, на хвастовство собственными заслугами и придирки не только къ чужимъ поступкамъ, но даже къ словамъ, разносимымъ народною молвой, къ фразамъ, вырваннымъ изъ частнаго письма. Придворныхъ обвиняли въ ограбленіи дворца и даже въ смерти короля; придворные обвиняли въ томъ же камарилью, особенно Мишковъ, и въ увлеченіи долго занимали жадную до скандаловъ толпу пошлѣйшими подробностями о сношеніяхъ короля съ его «ясными соколами» [49]). Одни призывали къ суду королевскую канцелярію за бумаги,

уступавшія Швеціи ливонскія крѣпости; другіе—королевну Анну за политическія интриги. А Анна жаловалась то на пренебреженіе, то на вредныя государству предположенія нѣкоторыхъ пановъ. Каждый панъ видѣлъ въ своимъ товарищѣ соперника и сходился съ нимъ лишь въ презрѣніи къ шляхтѣ и въ желаніи обработать ее посвоему. А шляхта смотрѣла на сенатъ, какъ на скопище заговорщиковъ, посягающихъ на ея юныя права. Она выражала ему явное недовѣріе на каждомъ шагу и иногда отказывалась отъ участія въ дѣлахъ лишь потому, что ихъ начинали коварные паны. Борьба между протестантами и католиками, между Великою и Малою Польшами проходитъ красною нитью и здѣсь по всѣмъ вопросамъ, какъ въ описанное полугодіе. А Литва да иностранная интрига подливаютъ масла въ огонь.

Духъ розни, злобы, недовѣрія не миновалъ и главныхъ дѣятелей этой польской драмы: у нихъ онъ проявился особенно осязательно. Краковяне потребовали у Станислава Карнковскаго отчета въ выраженіи одного его частнаго письма: «Литва и Прусаки стоятъ за насъ, Великополянъ, и примаса» (стр. 133). Не сепаратизмъ-ли это, не государственная-ли измѣна? Сверхъ того они представили копію съ письма къ нему Петра Зборовскаго, изъ которой явствовало его намѣреніе короновать Анну (стр. 172). Они объясняли этотъ поступокъ епископа куявскаго желаніемъ угодить примасу, чтобы занять современемъ его мѣсто Карнковскій обрадовался этой мнимой связи съ интересами Великой Польши и приматства своего личнаго казуснаго дѣла, бодро выступилъ на средину залы и гордо потребовалъ прочесть свое письмо. Затѣмъ онъ воскликнулъ: «Черезъ это дѣло заблещетъ моя добродѣтель ярче прежняго!» и цѣлые полтора часа ловко доказывалъ превосходство своего сенатскаго взгляда на политику передъ шляхетскимъ. Мало того. Онъ воспользовался случаемъ снова воспѣть панегирикъ приматству. Этотъ общій вопросъ заинтересовалъ всѣхъ. Поднялся шумъ.

Въ споръ вступили двое воеводъ, сандомірскій, доказывавшій безполезность и даже вредъ власти примаса, и ленчицкій, горячо опровергавшій его. Распрю прекратили какіе-то досужіе господа, пустившіеся въ длинныя разсужденія о томъ, кто вообще виноватъ въ оттягиваніи избирательнаго сейма. Краковяне схватились за новую мысль и крикнули, что Карнковскій, какъ главный совѣтчикъ примаса, и тутъ не безъ грѣха. Подсудимый сталъ оправдываться, искусно заставляя Уханскаго своими отвѣтами на его вопросы принять на себя всю силу обвиненія. Но неизвѣстно, какъ вышелъ бы онъ изъ этого запальчиваго спора, еслибы его не прекратили два Великополянина ловкимъ маневромъ. Они торжественно изъявили передъ всѣми отъ имени своихъ воеводствъ благодарность панамъ Великой Польши за ихъ несогласіе съ постановленіями кнышинскаго съѣзда. Тогда Краковяне выразили свою благодарность сенаторамъ Малой Польши за ихъ поведеніе въ безкоролевье и опять взялись за подсудимаго, за его переписку съ воеводою сандомірскимъ. Карнковскій не могъ отказываться отъ факта. Напротивъ, онъ утверждалъ, что это его новая заслуга передъ страной, что онъ «не считаетъ шаткостью перемѣну мнѣній ради блага Рѣчи Посполитой». Онъ заключилъ обычною эффектною выходкой, свойственною польскимъ сеймамъ: «Кто знаетъ за мною какія-нибудь опасныя интриги, пусть выступитъ съ уликами! Окажись хоть ничтожнѣйшая изъ нихъ справедливою — пусть онъ утопитъ свой мечъ въ моей крови!» Въ залѣ раздался со всѣхъ сторонъ горячій возгласъ: «Да покараетъ Господь такого!» А Петръ Зборовскій давай пышно повѣствовать о добродѣтеляхъ епископа куявскаго.

Горячій до безтактности, воевода сандомірскій не ограничился заявленіемъ своей преданности вождю католицизма и Великой Польши. Онъ довершилъ свою измѣну Малой Польшѣ, обнаруживъ на глазахъ всей Рѣчи Посполитой смертельную вражду

къ Яну Фирлею. Дѣло было такъ. Литовцы рѣшились отомстить Полякамъ за подозрѣніе ихъ въ сношеніяхъ съ Москвою. Литовская шляхта распустила слухъ, будто нѣкоторые земскіе послы продались Франціи за 800 тысячъ злотыхъ. Тутъ, конечно, разумѣлись и паны, имена которыхъ не посмѣли прямо затронуть. Но виновные сами поспѣшили выдать себя. Весьма близкій къ Монлюку воевода сѣрадзскій, Альбертъ Ласкій, никѣмъ не прошенный, пустился доказывать, что не воспользовался ни грошемъ изъ этой суммы и «если получилъ знаки милости отъ французскаго двора, то за старыя услуги, оказанныя ему еще его отцомъ.» За нимъ вскочилъ Петръ Зборовскій, уколотый своею несовсѣмъ чистою совѣстью. Онъ думалъ съ одного удара поразить всѣхъ своихъ враговъ обычнымъ польскимъ пріемомъ: онъ потребовалъ имена сплетниковъ. Но онъ ошибся, забылъ, что въ той же залѣ сидѣлъ великій маршалокъ коронный. Янъ Фирлей заявилъ, что столь важное дѣло, какъ подкупъ земскихъ пословъ, необходимо строжайше разслѣдовать. При этомъ, желая опереться на шляхту, чтобы взвалить всю тяжесть французскаго золота на своего врага, онъ польстилъ ей и косвенно пустилъ стрѣлу въ противника. Зборовскій вскипѣлъ гнѣвомъ и накинулся уже прямо на Фирлея. Мгновенно государственное собраніе приняло зловѣщій видъ поля битвы. Другъ противъ друга стояли сильные враги, окруженные каждый своими соумышленниками, потрясающими оружіемъ. Кровопролитіе было отклонено лишь энергіей всѣми уважаемаго воеводы брестъ-куявскаго, Яна Служевскаго, который самоотверженно бросился между соперниковъ. Картина, въ которой двое изъ главныхъ вождей Польши несутся другъ на друга съ мечами, извлеченными изъ ихъ ноженъ Литвою, не лишена историческаго значенія [50]).

Такъ заботились на первой польской конвокаціи о всеобщей «сгодѣ» и братской любви, для упроченія которыхъ она состоялась.

Намъ остается бросить, за недостаткомъ мѣста, бѣглый взглядъ на то, какъ прививалась идея религіознаго мира и политическаго единодушія къ Полякамъ въ остальные дни безкоролевья, какъ провела Рѣчь Посполитая два мѣсяца ожиданій, остававшіеся до избирательнаго сейма. Этотъ обзоръ имѣетъ особенный интересъ. Польская нація проявляла себя тогда вполнѣ свободно. На границахъ было тихо. Иностранные враги какъ-бы дремали. Московскій царь былъ усыпленъ дружелюбіемъ Литовцевъ. Султанъ, занятый папскою лигой, выказывалъ расположеніе къ Польшѣ и удерживалъ Татаръ отъ ихъ обычныхъ наѣздовъ на Украйну.

Но, хотя страхъ передъ чужеземными арміями и не тревожилъ Рѣчи Посполитой, какъ въ 1572 году, она представляла и теперь знакомую намъ картину внутренняго смятенія и разлада. Съ первыхъ чиселъ марта, когда она снова покрылась множествомъ сеймиковъ, гдѣ земскіе послы давали отчетъ о видѣнномъ и слышанномъ ими въ Варшавѣ, она зашумѣла и всколебалась постарому. Нужды нѣтъ, что большинство сеймиковъ приняло постановленія конвокаціи. Почти вездѣ ихъ подвергали нѣкоторымъ измѣненіямъ, подчиняли извѣстнымъ условіямъ. Сверхъ того сеймики не ограничивались ихъ разсмотрѣніемъ. Они затрогивали и рѣшали вопросы, частію превышавшіе ихъ власть и права, частію служившіе поводомъ къ дальнѣйшимъ смутамъ.

Въ Шродѣ Великополяне энергически отвергли религіозную конфедерацію и разрѣшили ѣхать на выборы всей шляхтѣ, не ограничивая ее ни въ чемъ, ни въ выборѣ оружія, ни въ количествѣ свиты. Они постановили осудить на сеймѣ тѣхъ дерзкихъ, что протестовали на конвокаціи противъ значенія приматства; а посполитое рушенье подымать лишь въ томъ случаѣ, когда опасность будетъ грозить Великой Польшѣ. Они предписывали даже нѣкоторыя правила для избранія; требовали слѣдствія надъ придворными; распоряжались судьбою иностранныхъ

агентовъ и пословъ; отправили отъ себя посольство къ цесарю; объявили войну Пруссакамъ по дѣлу Пршіемскаго.

Мазовшане ознаменовали свой сеймикъ въ Варшавѣ горячими криками противъ нововѣрцевъ. Они внесли даже въ городскія книги рѣзкій до неприличія протестъ противъ религіозной конфедераціи, которая «подъ видомъ свободы совѣсти вноситъ великое распутство, безпорядокъ, нарушеніе спокойствія и законовъ, и установляетъ уголовный судъ не надъ злочинцемъ, а надъ его жертвою, чтобы она не смѣла плакаться и жаловаться» [51]).

Въ то же время сандомірская шляхта собралась въ Покршивницѣ по призыву Петра Зборовскаго, увѣщававшаго ее показать здѣсь, что «мы, какъ свободные люди, умѣемъ радѣть о себѣ безъ шума и конфузіи.» Она, дѣйствительно, выказала искреннее, серьёзное попеченіе о соблюденіи мира и законовъ. Охотно согласившись на поборъ, она установила строгія наказанія за недоимки и взялась ловить и отправлять на работы «всякихъ бездѣльниковъ, гулякъ и праздношатающихся, учиняющихъ грабежи подъ покровомъ нищенства, а равно и холоповъ, которые попадутся за милю отъ своего дома безъ отпусковъ, подписанныхъ ихъ панами или властями.» Но сандомірскіе шляхтичи были строги и къ себѣ самимъ. Они опредѣлили, чтобы всякій, кто не захочетъ ѣхать на выборы, не лежебочничалъ у себя дома, а отправлялся бы стеречь силезскія и подгорскія границы. Сверхъ того они проявили милостивую заботливость о своихъ подданныхъ, съ которою связывалось замѣчательно-внимательное отношеніе къ интересамъ своей религіи. Только въ одной Покршивницѣ религіозная конфедерація была разсмотрѣна во всей подробности, слово за словомъ. Здѣшній сеймикъ потребовалъ прибавить къ извѣстному пункту о правѣ помѣщиковъ надъ крестьянами (стр. 373—4) слѣдующее:

«tam *in bonis* spiritualibus quam in saecularibus *), а не въ дѣлахъ религіи (а nie o wiarę).» Тутъ же ради точности была помѣщена еще весьма важная прибавка: «Обще выраженное замѣчаніе о правѣ патроната должно касаться лишь королевской власти; то же должно разумѣть и о греческихъ церквахъ и религіяхъ.» Тою же обстоятельностью и тонкостью сужденія отличаются и заботы Сандомірянъ о своихъ вольностяхъ, какъ религіозныхъ, такъ и политическихъ. Опасаясь, какъ бы католики не замяли особнякомъ стоявшаго въ конфедераціи требованія, чтобы король присягнулъ въ соблюденіи религіознаго мира, они связали этотъ пунктъ съ предыдущимъ, внесли его въ разрядъ всѣхъ другихъ «правъ, привилегій и вольностей» гражданъ Рѣчи Посполитой **). При этомъ они отвергли рѣшеніе конвокаціи приступать къ избранію короля, если даже исправленіе законовъ и не состоится на сеймѣ въ первую недѣлю по его открытіи. Сандомірская шляхта не хотѣла подвергать риску свои права ни за какую цѣну [52]).

Другимъ, гораздо болѣе горячимъ и необычайнымъ характеромъ запечатлѣны совѣщанія краковской шляхты. Въ огромномъ числѣ стеклась она въ Прошовицы и наполнила костелъ. Сенаторовъ прибыло очень мало. Янъ Фирлей понялъ, что нелегко будетъ ему сдерживать эту буйную толпу. Онъ рѣшился съ самаго начала увѣщавать ее спокойно обсудить важныя дѣла. Онъ старался извинить отсутствіе пановъ и просилъ принять постановленія конвокаціи, особливо насчетъ побора, какъ нисколько не нарушающія вольностей шляхты. Краковскій городской

---

*) Какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ *имѣніяхъ*.

**) Вотъ этотъ параграфъ конфедераціи по покршивницкой редакціи, въ которомъ подчеркнутое вставлено Сандомірянами: „iż nam pierwey (король) prawa wszystkie, przywileie, y wolnosci nasze... poprzysiądz ma: *a między innemi* mianowicie to poprzysiądz etc. См. примѣч. 12 къ этой главѣ.

писарь громко прочелъ всѣ бумаги, изданныя въ Варшавѣ. Воевода снова просилъ не отвергать ихъ. Такую же рѣчь держалъ и каштелянъ равскій. Выбрали маршалка; онъ поручилъ отвѣчать на просьбу воеводы Станиславу Шафранцу, каштеляну бецкому. Но шляхта, негодуя на Великополянъ, которые, она слышала, обижали ея пословъ въ Варшавѣ, ждала первой удобной минуты, чтобы прорваться. Именемъ ея Шафранецъ, забывая порученіе маршалка, потребовалъ, чтобы прежде всего былъ выслушанъ отчетъ земскихъ пословъ. Янъ Фирлей зналъ, къ чему это ведетъ. Онъ сталъ убѣждать оставить этотъ вопросъ, какъ «излишнюю забаву»: и безъ нея дѣло ясно. Но шляхта зашумѣла, а земскіе послы сами порывались разсказать о своихъ подвигахъ. Воевода замолкъ. Выступили панъ староста Ташицкій и панъ судья Стршала. Они разжалобили всѣхъ разсказомъ о томъ, какъ на конвокаціи они «вынесли много колкостей.» Шляхта подняла крикъ и требовала именъ дерзкихъ обидчиковъ. Съ трудомъ удалось Фирлею и его друзьямъ обратить ея вниманіе на другіе предметы. Но она уже расходилась до того, что стала отвергать одно за другимъ постановленія конвокаціи, якобы имѣвшей право обсуждать лишь одинъ избирательный терминъ. Какой-то Юрій Іорданъ доказывалъ даже въ безконечной рѣчи, что «если нынѣ замолкли всѣ старыя законы», то тѣмъ паче нужно уничтожить, какъ беззаконныя, рѣшенія *всѣхъ* новыхъ собраній, не исключая и своего вислицкаго (стр. 156), созданныхъ панами въ это безкоролевье. Капризный шляхетскій духъ стремился погубить и тѣ немногія обезпеченія порядка, въ родѣ каптуровъ, которыя такъ мучительно были выработаны въ это полугодіе! Мало того. Протестантскій сеймикъ, хотя и не могъ не расхвалить религіозной конфедераціи, ворчалъ, зачѣмъ она была сочинена на этой незаконной конвокаціи. Тутъ онъ оказался консерваторомъ до смѣшнаго формализма. Конфедерацію онъ опредѣлилъ не признавать, а на

избирательномъ сеймѣ не приниматься ни за что, пока эта же самая конфедерація не будетъ утверждена всѣми: и ужъ тамъ написать ее на пергаменѣ, а не на бумагѣ! Быть-можетъ, для того-то Краковяне и объявили, что поѣдутъ на выборы, «какъ прилично рыцарямъ,» т. е. вооруженные, вопреки требованію конвокаціи, котораго не дали даже прочесть, заглушая его всеобщимъ ропотомъ. Но всего интереснѣе были долгія пренія о налогѣ. Помня только о себѣ, Краковяне почти единогласно возстали противъ него. Они разсуждали, какъ рыночныя торговки «Это все паны наваливаютъ на насъ, какъ на ословъ, а сами уклоняются отъ несенія тяжестей, хотя и владѣютъ разными староствами и королевскими имѣніями! Сколько денегъ осталось по смерти короля! Кто раскралъ ихъ? А мало-ли доходовъ съ соляныхъ копей, обработкѣ которыхъ такъ благопріятствовала нынѣшняя суровая зима! И развѣ мы не знаемъ, что прошлымъ лѣтомъ изъ Польши выгнано тысячъ тридцать воловъ: то-то, небось, злотыхъ съ нихъ получено! А выб-ремъ короля—онъ и сошлется на нашъ поборъ, скажетъ: и безъ меня нуженъ былъ поборъ, а вѣдь у меня есть и дворъ, и разныя королевскія потребности. Вотъ и станемъ мы вѣчными данниками (tributarii) короля.» Пылкій Шафранецъ воскликнулъ: «Скорѣе готовъ выстрадать, что угодно, чѣмъ согласиться на такое нарушеніе нашихъ правъ!» «Весь этотъ понедѣльникъ, говоритъ очевидецъ, съ ранняго утра непрерывно до поздней ночи потратили на упрямство и ссоры, ибо никто не отступалъ отъ своихъ мнѣній ни передъ какими доводами и внушеніями.» Между тѣмъ прибыла депутація отъ сѣрадзской шляхты съ извѣщеніемъ, что она отложила свой сеймикъ, чтобы испросить у Краковянъ денежной помощи въ дополненіе къ ея побору, который недостаточенъ для охраненія силезскихъ границъ. Въ то же время Янъ Фирлей, братъ его Николай да Андрей Зборовскій усердно доказывали, что поборъ ни мало не вредитъ закону и

вольностямъ шляхты: а еслибы и такъ, то плохой же законъ, изъ-за котораго всѣмъ придется погибнуть. На другой день, рано утромъ, Шафранецъ, вопреки обычаямъ сеймика, заговорилъ вторично. Онъ испугался упрека въ эгоизмѣ и жадности и, кинувъ на средину собранія большую золотую цѣпь, воскликнулъ: «Я готовъ тотчасъ же, не сходя съ мѣста, отдать на благо Рѣчи Посполитой не только этотъ поборъ, но и все мое достояніе!» «Приступили, говоритъ очевидецъ, къ собиранію голосовъ. Тутъ еще разъ шумно, безпорядочно порывался говорить то тотъ, то другой; одни бранили поборъ, другіе восхваляли его. Но послѣ словъ пана воеводы насчетъ того, что больше нечѣмъ заплатить войску, многіе ужъ не такъ упрямо стали защищать свои мнѣнія. Да не мало ихъ соглашалось съ самагб начала на поборъ, о которомъ вчера и слышать не хотѣли. Таковъ ужъ у насъ нравъ: мы сперва все цѣнимъ очень дорого, а потомъ отдаемъ ни за грошъ или даромъ. Такъ въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ ссоръ и непотребныхъ хлопотъ, безъ чего наши ничего не могутъ и не умѣютъ сдѣлать, соизволили поборъ, котораго иные и называть-то поборомъ не хотѣли: да другаго названія не придумали». Нечего и говорить, что присутствовавшіе на сеймикѣ Краковяне рѣшили это казусное дѣло лишь за себя: отсутствующимъ же предоставлялась полная свобода дѣйствій. Они умилостивились подъ конецъ до того, что рѣшили даже, выѣхавши на выборы вооруженными, остановиться на пути и, «если услышатъ, что другія воеводства ѣдутъ безъ оружія, то подумать, отослать домой свое оружіе или нѣтъ».

Противоположно Краковянамъ поступали Червонноруссы. Ихъ сеймикъ въ Вишнѣ выдѣляется изъ всѣхъ по спокойствію, хладнокровію, быстротѣ дѣйствій. Тутъ немедленно были приняты «согласно и твердо» всѣ постановленія конвокаціи; никто не долженъ былъ отговариваться незнаніемъ или отсутствіемъ. Тутъ снова высказалась разумная забота объ охраненіи границъ

и земскаго мира. Каптуровымъ судьямъ вмѣнялось въ обязанность быть строго справедливыми «ко всѣмъ безъ исключенія, къ великимъ и малымъ». Старостамъ предписывалось ловить въ Червонной Руси всѣхъ Цыганъ, бывшихъ здѣсь такою же язвою, какъ Евреи въ Литвѣ, гдѣ бы ихъ ни застали; и никто изъ шляхтичей, покровительствующихъ ихъ злодѣйствамъ, не долженъ защищать ихъ. Вспомнили даже о горожанахъ и обѣщали помогать имъ въ возстановленіи ихъ нарушенныхъ правъ [53]).

Тихо, келейно совѣщались въ эти дни вожди Литвы насчетъ постановленій варшавской конвокаціи. Быть можетъ, никогда такъ не нуждались они въ тайнѣ и быстротѣ дѣйствій. Они переживали критическій моментъ въ исторіи своей страны, незнакомый ихъ предшественникамъ. Никогда еще Литва не была въ такомъ напряженномъ состояніи, предвѣщавшемъ ту внутреннюю бурю, слѣды которой проходятъ черезъ рядъ столѣтій. Повсюду пробиралась коварная интрига съ своими спутниками, вѣроломствомъ и насиліемъ, подтачивая старыя политическія связи. Нестройность овладѣла землей, отличавшеюся доселѣ своимъ спокойствіемъ и порядкомъ. Объ ней всего лучше свидѣтельствовала лихорадочная хлопотливость главнаго дѣятеля Литвы, Яна Ходкѣвича. Не зная отдыха и усталости, носился онъ изъ края въ край по своей родинѣ; но его неподкупный дозоръ всюду поддерживалъ колеблющійся порядокъ лишь на мгновеніе, лишь на его глазахъ. Сидитъ онъ въ глубинѣ великаго княжества — тамъ затишье, и спокоенъ великій маршалокъ литовскій; но не спокоенъ администраторъ Ливоніи. Эту окраину терзаютъ внутренніе враги, не говоря уже про внѣшнихъ. Тутъ никто знать не хочетъ никакихъ властей. Какой-то «ксендзъ-аббатъ» разъѣзжаетъ по странѣ и проповѣдью о былой свободѣ и независимости подымаетъ мѣстное населеніе противъ ига Литвы и ея Сципіона. А туземцы и безъ того волновались. Разсѣянные среди нихъ литовско-польскіе гарнизоны,

видя въ нихъ своихъ данниковъ, грабили мирныхъ жителей, стекавшихся въ ихъ крѣпостцы въ надеждѣ найти защиту отъ внѣшняго врага. Несчастные не разъ слезно жаловались въ Вильнѣ, прося о сохраненіи своихъ древнихъ правъ; но литовскіе паны отвѣчали на это лишь лестными обѣщаніями да отеческими внушеніями. Но вотъ Ливонцы замѣтили, что ихъ господа сами безсильны, что не только ихъ, но даже и королевскихъ приказаній не слушаются ихъ слуги. Сигизмундъ-Августъ отдалъ, напримѣръ, румборское староство по смерти Николая Зборовскаго Андрею Сапѣгѣ, а какой-то наемникъ покойнаго засѣлъ въ зàмкѣ съ вооруженною челядью, и ничѣмъ нельзя было выжить его оттуда. Ливонцы также стали сами обороняться отъ своихъ защитниковъ. То и дѣло кидались они въ рукопашныя схватки съ неродными гарнизонами.

Налетитъ сюда, какъ грозная туча, Янъ Ходкѣвичъ — Литва зашумѣла, затряслась въ небываломъ разстройствѣ. Подначальные смѣются надъ его повелѣніями. Онъ требуетъ строго расправляться съ Евреями, а какой-нибудь панъ староста норовитъ наоборотъ. «Положимъ, пишетъ ему вѣрный слуга изъ Ковна, баба съ возу — конямъ легче. Но это похоже на униженіе вашей власти. Точно въ Литвѣ два правительства и два дѣйствія.» Это бы еще ничего, не такъ страшно. Но заныли сердца у Яна Іеронимовича и Сиротки Радзивила, когда они невольно замѣтили таинственную связь между явленіями, угрожавшими всѣмъ вождямъ Литвы, а вмѣстѣ съ ними и всему будущему ихъ отечества. Именно въ эти дни раскрылся смыслъ тѣхъ неожиданныхъ и, повидимому, случайныхъ затрудненій, которыя встрѣчали тогда литовскихъ пановъ и въ Польшѣ, и на родинѣ. Литовская земля покрылась измѣнниками и заговорщиками. Они дѣйствовали, какъ новички въ дѣлѣ, страстно, поспѣшно, заимствуя орудія изъ арсенала іезуитскаго катихизиса. Они разсѣивали коварные слухи насчетъ вождей страны, особенно

Ходкѣвича, который «ходилъ-де къ Улѣ, пять тысячъ людей потерялъ». А между тѣмъ наушничали и имъ одному на другаго, стараясь перессорить Радзивиловъ съ Ходкѣвичами. Юрій Олельковичъ Слуцкій набивался въ дружбу къ епископу виленскому, а тайкомъ сносился съ воеводою кіевскимъ, «злоумышляя противъ него и Яна Іеронимовича, какъ противъ людей, на которыхъ теперь лежитъ вся тяжесть дѣлъ», по выраженію Спротки. Въ это же время литовскіе паны жаловались польскимъ, что «писаній ихъ не принимаютъ и не слушаются на сеймикахъ по воеводствамъ», что меньшая братія «возносится надъ всѣми другими чинами, *чего прежде никогда не бывало*». Этого мало. Литовскіе шляхтичи грозно спрашивали у польскихъ сенаторовъ на конвокаціи, «почему - это они прислали приглашеніе только панамъ, а не всему рыцарству?» Мы уже видѣли, какъ они «сильно поднялись тутъ, по свидѣтельству Коммендоне, изъ-подъ власти своихъ пановъ и заговорили противъ нихъ очень жестко (aspramente) и открыто». Кровавымъ замысломъ вторили изъ глубины Литвы рыцари своимъ депутатамъ. Объяснилось, зачѣмъ злой Янъ Глѣбовичъ собиралъ шайку головорѣзовъ (стр. 261). Письма очевидцевъ событій свидѣтельствуютъ, что подсиживанье Гарабурды было только предлогомъ: «Глѣбовичъ хотѣлъ имѣть въ готовности шляхту и своихъ подданныхъ, помышляя о горлахъ важнѣйшихъ литовскихъ пановъ.» Такъ проявлялась созрѣвавшая въ Литвѣ новая историческая сила. Ея источникъ и причины, почему она развилась именно теперь, ясны. Въ исторіи мало найдется явленій, столь важныхъ и въ то же время столь же простыхъ. Разстройство въ Литвѣ, подъемъ ея шляхты, нарушеніе всего ея прежняго быта, все это открылось въ описываемое безкоролевье, то-есть, тотчасъ послѣ Люблинской уніи. Съ этихъ поръ интриги и вліяніе Поляковъ энергически распространяются къ востоку отъ Вислы и Буга. Мы видѣли, какъ поступали польскіе паны. Станиславъ

Карнковскій предательски помогалъ Аннѣ Ягелловнѣ захватить древнія литовскія вотчины. Петръ Зборовскій, связанный родственными узами съ Вильной, клялся Литовцамъ возвратить Волынь и Подляхію лишь съ тѣмъ, чтобы потомъ дѣйствовать противъ нихъ. Припомнимъ, что торжественно заявляли эти земли на конвокаціи и какъ Юрій Олельковичъ публично продавалъ здѣсь Полякамъ свою родину за мѣсто въ сенатѣ. А про поступки литовской младшей братіи проницательный итальянскій кардиналъ прямо говоритъ, что она дѣйствовала «по примѣру польской шляхты».

Вожди Литвы теряли голову. На ихъ глазахъ къ внутреннему разладу въ великомъ княжествѣ присоединялись еще удары внѣшнихъ враговъ. Мы видѣли (стр. 181—182, 344), какъ съ сѣвера и востока насѣдали на него Шведъ и Московскій въ концѣ 1572 и въ началѣ 1573 годовъ. Теперь, въ началѣ февраля, Янъ Іеронимовичъ еще сильнѣе забилъ тревогу по всей Рѣчи Посполитой. Отъ него полетѣли письма къ примасу, сенаторамъ, польскимъ сеймикамъ. Онъ просилъ ихъ «поскорѣе пересылать эти письма къ другимъ, чтобы не винили его, если помощь опоздаетъ, и государству будетъ нанесенъ вредъ». Изъ этихъ повѣстокъ явствовало, что Московскій оказывалъ блестящіе успѣхи въ Ливоніи, «въ землѣ, объ охраненіи которой ничего не постановили на конвокаціи.» Иванъ Грозный, дѣйствительно, пришелъ съ огромными полчищами. Лучшая въ цѣломъ краѣ шведская крѣпость, Бѣлый Камень, не выдержала и шести дней осады. Одинъ плѣнникъ увѣрялъ, что царь стягиваетъ еще болѣе могучее войско у Пскова, чтобы идти на Татаръ подъ Оку. Но литовскій Сципіонъ, этотъ старый воробей, пояснялъ Полякамъ: «Московскій по обыкновенію пуститъ молву къ Татарамъ, а самъ бросится куда-нибудь въ другое мѣсто, по всей вѣроятности, на насъ». Вдобавокъ ко всему этому изъ глубины Литвы партія, враждебная панамъ, Глѣбовичи съ вооруженною

шайкой спѣшили подать руку царю, съ которымъ были въ тайныхъ сношеніяхъ.

Въ эту-то тяжкую минуту пришли неспокойныя вѣсти отъ западныхъ враговъ, Поляковъ. Литовскіе каштеляны, Воловичъ и Пацъ, привезли изъ Варшавы грамоту конвокаціоннаго сейма съ объяснительнымъ письмомъ сенаторовъ. Поляки не внимали требованіямъ Литвы. Они сдѣлали ей лишь пустыя уступки. Признали за нею право чеканить свою монету да контроль надъ Тыкочиномъ. Обѣщали заставить королевскую канцелярію «не отступать отъ обычныхъ титуловъ, не называть великаго княжества *частью* Польскаго королевства». Заявили, что «эти конвокаціи имъ самимъ не нравятся и они не станутъ безъ нужды устраивать ихъ». Даже похвалили Ходкѣвича за то, что онъ самовольно не отдавалъ Шведу крѣпостей, проданныхъ ему покойнымъ королемъ. Но сущность дѣла была или прямо отвергнута, или замаскирована Поляками. Они наотрѣзъ отказались измѣнить избирательный терминъ. Споръ о земляхъ, отнятыхъ у Литвы, откладывали до того времени, когда «все успокоится: безъ короля какъ разсуждать о нихъ»? А между тѣмъ они требовали, чтобы доходы съ нихъ покуда оставались въ ихъ рукахъ «ради уніи и пріязни между Польшею и Литвой».

Съ необыкновенною даже для этихъ практическихъ людей быстротой собрались вожди Литвы въ Вильнѣ, чтобы обсудить постановленія конвокаціи. Они боялись, какъ бы шляхта не предупредила ихъ, не потребовала назначенныхъ въ Варшавѣ сеймиковъ. Они старались также опередить польскіе сеймики, желая извѣстить ихъ о своихъ рѣшеніяхъ и объ успѣхахъ Московскаго. Виленскій съѣздъ отвергъ избирательный терминъ, принятый въ Варшавѣ, и требовалъ выборовъ «поближе къ Вильнѣ, въ Ливѣ*), пожалуй, хоть и въ назначенный день, если

*) *Ливъ* или *Ливо* лежалъ въ мазовецкомъ воеводствѣ, между Варшавой и Тыкочиномъ.

ужъ нельзя его измѣнить». Онъ объяснялъ это такъ. «Въ нашемъ краѣ вооружаются люди, особенно расположенные къ царю и не повинующіеся намъ. Подумайте, поѣдутъ-ли они на выборы? А если нѣтъ, то возможно-ли намъ удаляться отъ нихъ на большое разстояніе? Вѣдь намъ придется зорко наблюдать за Вильной и другими мѣстами, гдѣ останутся эти господа во время сейма». Литовцы впрочемъ соглашались въ крайнемъ случаѣ прибыть въ Варшаву, но уже заранѣе обѣщали опоздать на цѣлую недѣлю. Да и за это требовали большой платы. «Намъ нельзя, говорили они, держаться противъ врага безъ отторгнутыхъ у насъ земель: просимъ васъ рѣшить это побратски на своихъ сеймикахъ *теперь же, до выборовъ*». А виноваты-ли они въ сношеніяхъ съ Москвою, въ этомъ хорошо оправдаетъ ихъ на сеймѣ самъ Гарабурда [54]).

Такъ готовилась къ избранію своего короля Рѣчь Посполитая на своихъ разноголосныхъ сеймикахъ и съѣздахъ. Но этимъ далеко не исчерпывалось все, что занимало ея вниманіе въ полные значенія два мѣсяца ожиданій. Тогда же дозрѣвали двѣ великія силы, преслѣдовавшія ее во все безкоролевье, религіозный вопросъ и иностранная интрига.

Варшавская конфедерація имѣла рѣшительное значеніе въ религіозной исторіи Польши. Полувѣковая борьба впервые приняла опредѣленную форму. Вопросъ выяснился и былъ поставленъ открыто. Иновѣріе было признано передъ лицомъ всего государства, такъ-сказать, воюющею, равноправною, а не мятежною стороной. Но въ то же время онъ далеко не былъ поконченъ. На конвокаціи была сдѣлана лишь первая, несмѣлая попытка, открывавшая широкій путь для сдѣлокъ и переговоровъ. Конфедерація неизбѣжно усиливала всеобщій разладъ, распаляла старую борьбу, которая была доселѣ лишь домашнимъ, малозамѣтнымъ эпизодомъ народной жизни. Она даже не всѣмъ диссидентамъ нравилась: одни считали ее слишкомъ ненадежною охраной

свободы совѣсти; другіе поддавались коварнымъ внушеніямъ касательно ея соціальнаго вреда. Это, конечно, не мѣшало ей быть знаменемъ, вокругъ котораго группировались иновѣрцы. Но въ томъ-то и бѣда, что они становились теперь смѣлѣе, веселѣе шли въ бой. «Они старались, по выраженію Кромера, чтобы конфедерація оставалась неизмѣнною или чтобы король былъ изъ ихъ партіи.» Тихо, почти безъ словъ собирались силы иновѣрцевъ, чтобы отстаивать на выборахъ свое знамя: Янъ Фирлей любилъ дѣлать, а не говорить. Не такъ поступали католики. Врядъ-ли когда-нибудь они такъ сильно волновались и шумѣли. Примѣръ Мазовшанъ показываетъ намъ, какъ горячилась ихъ шляхта. Еще болѣе энергіи проявило католическое духовенство. Пылкое увѣщаніе Кромера «быть бдительными, единодушными, покинуть ссоры и зависть, ибо здѣсь уступить значитъ побѣдить и прославиться даже въ потомствѣ», ни къ чему не послужило. Оживленная, дружественная переписка завязалась между польскими іерархами. Станиславъ Карнковскій старался оправдать свое поведеніе на конвокаціи и въ отвѣтъ ему со всѣхъ сторонъ Польши, отъ протестантскаго юга до католическаго сѣвера, встревоженное католичество слало сочувственные отзывы, забвеніе ошибокъ, просьбы не оставлять руководства старою церковью. Въ немъ видѣли какую-то жертву страданій за святое дѣло; его приравнивали къ Ильѣ, Даніилу и тремъ отрокамъ въ пещи. Осыпали похвалами и Якова Уханскаго за его блестящій дебютъ. Станиславъ Гозій торжественно снималъ съ него подозрѣніе передъ лицомъ кардиналовъ и поручалъ ему дѣло Божіе, указывая даже на небесную славу, снисканную «его преславнымъ голосомъ, звуки котораго были услышаны даже въ Римѣ». Самъ папа удостоилъ старика одобренія за мужественную стойкость въ борьбѣ съ «заговоромъ служителей сатаны»[55]). А Франциску Красинскому не давали покоя проклятія папистовъ. Полное желчи, колкостей, раздраженія

письмо къ нему Гозія прекрасно характеризуетъ сильный подъемъ духа въ польскомъ католичествѣ того времени [56]). Эта свѣжая струя возрожденія съ его юношескимъ пыломъ и невоздержностью не менѣе замѣтна и въ другихъ, даже немного позднѣйшихъ письмахъ знаменитаго кардинала о конфедераціи, а равно и въ перепискѣ Кромера [57]). Она наконецъ проходитъ черезъ цѣлый рядъ возникшихъ тогда памфлетовъ противъ варшавской хартіи религіозной свободы. И кто же были ихъ авторы? Самъ кардиналъ Коммендоне да королевскій секретарь, Соликовскій. Они хватались за слабую струну Поляка, за его страхъ передъ хорошо знакомою ему анархіей. Они доказывали, что при полной свободѣ совѣсти все придетъ въ разладъ и Рѣчь Посполитая окончательно развалится. «Паписть одинъ, говорили они, а васъ не вѣсть сколько! Тутъ лютеранинъ и конфессіонистъ, кальвинистъ и безистъ, анабаптистъ и алькоранистъ, тридеистъ, бидеистъ и монодеистъ, адамитъ и либертинъ, даже атеистъ и нигилистъ,—словомъ, всякіе устроители гибельнаго и мятежнаго заговора немногихъ противъ всѣхъ». Они рисовали въ перспективѣ ожидающую Польшу судьбу Запада, который «весь, за исключеніемъ Италіи, Испаніи и Баваріи, изнемогаетъ подъ кровавою работой Карлштадтовъ, Мюнцеровъ, Жижекъ, Прокоповъ и имъ подобныхъ чудовищъ» [58]).

Религіозная конфедерація была вопросомъ дня въ эти два мѣсяца ожиданій. О ней шумѣли на всѣхъ политическихъ собраніяхъ. Ею была занята частная переписка Поляковъ. Она проникала во всѣ каналы общественнаго мнѣнія въ странѣ. Ея именемъ оглашались стѣны Ватикана. И не даромъ. Она породила на этотъ разъ, не говоря о будущемъ, два важныя явленія въ исторіи. Она сомкнула польскихъ католиковъ и протестантовъ въ два тѣсные, опредѣленные круга и тѣмъ сильно приблизила желанный исходъ безкоролевья. Она даровала Риму католическую *партію* въ Польшѣ, гдѣ дотолѣ были лишь *католики* [59]), а Рѣчи Посполитой—короля.

Что религіозная конфедерація сильно способствовала упрощенію избирательнаго вопроса, понятно само собою. Факты окончательно доказываютъ, что въ два мѣсяца ожиданій кандидатуры на польскій престолъ вышли изъ запутанности и построились такъ правильно, что будущее уже не было загадкой. Могущество католическаго большинства ясно проявилось въ паденіи всего, не только вреднаго, но даже мало выгоднаго для интересовъ старой религіи. Безсиліе протестантовъ было несомнѣнно. У нихъ не было выдающагося, безспорнаго кандидата. Они колебались, бросались то къ Шведу, то къ цесарю, цѣплялись даже за мысль о Пястѣ, въ котораго вѣрили едва-ли не менѣе всѣхъ. Очевидно, въ горячкѣ отчаянія они старались уже не столько выбрать *своего* короля, сколько отдѣлаться отъ строго-католическаго. Протестанты были гораздо опаснѣе въ отрицательномъ смыслѣ, въ противодѣйствіи католикамъ, чѣмъ въ положительномъ, въ защитѣ собственныхъ интересовъ. Всякій чуялъ, что почва уходитъ у нихъ изъ-подъ ногъ. Оттого-то въ началѣ 1573 года всѣ кандидаты, сколько-нибудь непріятные католикамъ, падали окончательно и быстро. Любопытно, что они, какъ разстроенная армія, вредили сами себѣ гораздо болѣе, чѣмъ ихъ враги. Шведъ вполнѣ «потерялъ свой кредитъ» на конвокаціи, гдѣ изловили его агента съ позорными для нѣкоторыхъ польскихъ и литовскихъ пановъ документами. Чья-то предусмотрительная рука задушила и повѣсила несчастнаго въ тюрьмѣ, прежде чѣмъ съ него сняли допросъ. Въ числѣ прочихъ бумагъ была и записочка отъ сестры къ Аннѣ Ягелловнѣ, на которую теперь Поляки вознегодовали еще болѣе. Тогда же она разбила свою послѣднюю надежду на престолъ. Янъ Ходкѣвичъ предложилъ-было ей услуги вмѣстѣ съ своею рукой, но она отвѣчала, что не намѣрена опозорить себя бракомъ съ своимъ вассаломъ. Пястовцы совсѣмъ замолкли. «Они не смѣли интриговать открыто, завидуя другъ

другу, особенно боясь шляхты». У Ивана Грознаго уже не было друзей въ Польшѣ, съ тѣхъ поръ какъ разнесся слухъ о его отреченіи въ пользу сына цесаря. Литовскіе паны также потеряли надежду на примиреніе съ нимъ въ виду новаго опустошенія Ливоніи его войсками. Они до того отшатнулись теперь отъ него, что папскій легатъ вообразилъ, будто вообще «ихъ кажущееся единодушіе (intelligenza) съ Московскимъ было искусственно». «Ему благопріятствовали въ это время, по словамъ французскаго агента, развѣ только тѣ Литовцы, которые слѣдовали въ религіи греческимъ обрядамъ». Не лучше было и его другу, цесарю. Его опоры въ Польшѣ разрушались. Коммендоне не хотѣлъ поддерживать его. Радзивилъ и Ходкѣвичъ уже склонялись къ Франціи. Ласкій совсѣмъ покинулъ его дѣло. А главный его ходатай, энергическій и неподкупный воевода познанскій, Гурка, именно теперь умеръ. Всякій новый шагъ самого цесаря обращался ему же во вредъ. Такъ, благодаря Варѳоломеевской ночи, онъ внезапно былъ польщенъ небывалымъ сочувствіемъ нѣмецкихъ князей. Они обѣщали ему даже завоевать польскій тронъ для его сына, а въ случаѣ неудачи не пропускать Генриха анжуйскаго въ Польшу. Но слѣдствія этого неожиданнаго счастія были печальны для цесаря. Поляки съ ужасомъ узнали о сборѣ войскъ нѣмецкими князьями, которые, по обычаю, и не пошли бы далѣе въ своей помощи императору. А Максимиліанъ II до того возгордился, что уже на конвокаціи грозилъ отхватить Пруссію у Рѣчи Посполитой. Поляки окончательно вознегодовали и навѣки отреклись отъ него. Гораздо опаснѣе были для нихъ полчища султана, который уже подымалъ своихъ вассаловъ, перекопскаго хана и валашскаго господаря для противодѣйствія замысламъ цесаря въ Рѣчи Посполитой. И въ это-то время Янъ Костка возмутилъ все государство, разославъ по всѣмъ сеймикамъ извѣстія о поимкѣ аббата Цира и о томъ, что какія-то важныя особы требуютъ его

освобожденія. Карнковскій совѣтовалъ «хорошенько беречь такую пташку съ такими перышками». Ее, конечно, хотѣли показать на сеймѣ для пущаго возбужденія гнѣва шляхты, поголовное участіе которой въ выборахъ и безъ того считалось гибельнымъ для Австріи [60]).

Чѣмъ безнадежнѣе становились всѣ другія кандидатуры, тѣмъ прочнѣе укрѣплялась французская. Въ два мѣсяца ожиданій она работала не менѣе горячо, чѣмъ въ 1572 году. Теперь точно также, какъ тогда, она была обязана своими успѣхами главнымъ образомъ ловкимъ, неутомимымъ дипломатамъ своего двора. Попрежнему особенно отличались они въ Турціи, Германіи и въ самой Польшѣ. Франсуа де-Ноайлю правительство опять поручило почти-неразрѣшимую задачу склонить къ его поддержкѣ султана, у котораго въ то же время ему хотѣлось отнять Молдавію. Напрасно несчастный посолъ въ началѣ 1573 года утѣшалъ Екатерину Медичи извѣстіемъ, что «султанъ посылаетъ въ Польшу важное лицо съ цѣлью дѣйствовать тамъ согласно съ вашими депешами». Въ мартѣ онъ уже готовъ былъ «лопнуть съ досады» отъ понятной неуступчивости Порты. «Я уже все употребилъ въ дѣло, писалъ онъ въ Парижъ, и сладкое, и горькое; я довелъ наконецъ визиря до того, что у него не осталось ничего, кромѣ страха разорвать сношенія съ моимъ королемъ». А толку все не было-бы никакого, еслибы не помогла вѣсть о вторженіи Московскаго въ Литву и даже о взятіи имъ Вильны. Диванъ рѣшилъ немедленно послать чауша въ Польшу и объявить ей войну, если она вздумаетъ выбрать Московскаго. Ноайлю сказали, что это посольство будетъ хлопотать въ пользу Генриха. Но депешъ ему не показали и даже не позволили его агенту сопровождать чауша. Акскій епископъ догадался, что «депеши содержатъ въ себѣ не то, о чемъ ему говорили, и скорѣе предназначены повредить, чѣмъ помочь имъ». Онъ успѣлъ, за неимѣніемъ шифра, написать Монлюку записочку объ этомъ

на гасконскомъ нарѣчіи. Онъ совѣтовалъ ему «извлечь изъ отказа и недовѣрія Турокъ болѣе вѣрную пользу, чѣмъ изъ ихъ покровительства: избраніе Генриха было-бы для Поляковъ самымъ надежнымъ средствомъ взнуздать этихъ господъ». Ноайль не ошибался. Порта не замедлила объясниться. Какой-то молоденькій шляхтичъ, изучавшій тамъ турецкій языкъ, котораго Ноайль «долго прикармливалъ, ласкалъ и привязалъ къ французскому двору», заговорилъ съ визиремъ о своемъ намѣреніи высказаться въ диванѣ въ пользу Генриха Но визирь прямо объявилъ ему, что «султанъ отнюдь не желаетъ избранія Генриха, *точно также какъ и Московскаго, этого главнаго врага Турокъ* на сухомъ пути». Мы увидимъ, какіе коварные совѣты подавала Порта Полякамъ на избирательномъ сеймѣ.

Нелегко было въ эти дни и Шомбергу. Ему пришлось работать едвали не болѣе всѣхъ. У него на плечахъ лежалъ общеевропейскій вопросъ, соперничество Франціи съ Германіей. Онъ долженъ былъ возстановить связи съ нѣмецкими князьями, порванныя Варѳоломеевскою ночью, да сверхъ того убѣдить ихъ написать къ своимъ единовѣрцамъ въ Польшѣ что-нибудь въ пользу Генриха анжуйскаго. Дѣло было весьма трудное. Князья по обыкновенію перессорились между собою. Нѣкоторые изъ нихъ уже «заставили французскаго короля проглотить пилюлю», то-есть, обѣщали свою помощь Эрнесту австрійскому. Но Шомбергъ не смутился. Онъ проповѣдывалъ имъ, будто еще при жизни Сигизмунда-Августа Поляки хотѣли выдать Анну Ягелловну за герцога анжуйскаго. Онъ увѣрялъ ихъ, что «успѣхъ Франціи послужилъ бы въ этомъ случаѣ къ великой выгодѣ всего христіанства и нѣмецкихъ князей». Къ одному изъ нихъ онъ отправлялся самъ, къ другому посылалъ тайное письмо или надежнаго человѣка. Онъ ручался всѣмъ за безопасность гугенотовъ и за вознагражденіе пострадавшихъ. Нѣкоторымъ обѣщалъ собакъ, лошадей. А Екатерину Медичи убѣждалъ «не щадить

денегъ для вѣрнаго плода и ковать желѣзо, пока оно горячо». Вскорѣ Шомбергъ уже праздновалъ побѣду. Князья ручались за исполненіе принцемъ Оранскимъ возникшаго тогда франко-голландскаго проекта, по которому Голландія и Зеландія отходили къ Франціи, если послѣдняя подниметъ оружіе противъ Испаніи. Затѣмъ они стали милостивѣе къ кандидатурѣ Генриха анжуйскаго въ Польшѣ. А ландграфъ гессенскій, «въ сердцѣ котораго былъ запечатлѣнъ цвѣтъ лиліи», даже за обѣдомъ только и толковалъ что про торжественный пріемъ, которымъ почтятъ въ Германіи польскаго короля. Въ то же время Шомбергъ не переставалъ всячески помогать Жану Монлюку. Онъ отыскивалъ преданныхъ людей, выгодныя сочиненія и отправлялъ ихъ въ Польшу для разъясненія тамъ необыкновенно-дружелюбныхъ отношеній, будто-бы господствующихъ между парижскимъ дворомъ и гугенотами.

Это было весьма кстати. Въ Польшѣ у Франціи было еще не мало враговъ. Испанскій посолъ, донъ Педро Фассардо, повинуясь политикѣ своего короля, главнаго соперника Франціи въ общеевропейскихъ вопросахъ, неотступно слѣдовалъ за цесаріанцами, съ ними обѣдалъ и почти жилъ. Они то вмѣстѣ и измышляли всякаго рода затрудненія для Генриха анжуйскаго. Отъ нихъ-то и разошлось по всей Рѣчи Посполитой подложное письмо кардинала Лотарингскаго къ Коммендоне, въ которомъ онъ убѣждалъ легата стать за Генриха, готоваго даже учинить Варѳоломеевскую ночь въ Польшѣ, еслибы потребовалось. Здѣсь была сфабрикована и молва о томъ, что Карлъ IX извинялся передъ цесаремъ въ отправленіи сюда Монлюка: онъ-де не зналъ, что императоръ желаетъ польскаго трона для своего сына. Ѣдкіе памфлеты распространялъ горячій епископъ фюнфкирхенскій, Андрей Дудитъ, недавно перешедшій въ протестантизмъ. А между тѣмъ изъ Парижа мало оказывали помощи епископу валанскому. У скупой Екатерины Медичи, любившей ограничиваться

обѣщаніями, онъ никакъ не могъ допроситься новой высылки хорошей суммы денегъ и даже золотыхъ медалей съ изображеніемъ Генриха. Французское правительство было гораздо богаче дипломатами, чѣмъ монетой. Въ описываемое время въ Польшу прибыли три новыхъ его агента. Одинъ изъ нихъ былъ Ланссакъ, весьма близкая къ герцогу анжуйскому придворная креатура, пышная, разъѣзжавшая въ великолѣпныхъ экипажахъ, образованная и болтавшая на многихъ языкахъ. Его прислали, хотя и поздно, по просьбѣ самого Монлюка для оправданія на конвокаціи французскаго правительства въ злодѣйствахъ Варѳоломеевской ночи. Другой былъ Жиль де-Ноайль, аббатъ ильскій, братъ Франсуа де-Ноайля, замѣнившій его потомъ въ Константинополѣ. Его отправили вскорѣ послѣ Монлюка, котораго считали погибшимъ въ Германіи. Поэтому-то онъ пробрался въ Польшу черезъ Италію, Венецію и Вѣну, гдѣ скрывался у Вулкоба, чтобы избѣжать «возраставшей ненависти и ярости Нѣмцевъ противъ Французовъ». Ноайлю да знакомому намъ Баланьи, вторично явившемуся тогда въ Польшѣ, поручено было «распространить и обогатить» обѣщанія Генриха Полякамъ, вручить Петру Зборовскому письма отъ короля и отъ герцога анжуйскаго и «вписать, что̀ потребуется, въ бланки, подписанныя королемъ для воеводъ и другихъ». Мы знаемъ характеръ Жана Монлюка и потому соглашаемся съ историкомъ де-Ту, что онъ страшно обидѣлся появленіемъ этихъ похитителей его славы. Они, правда, чуть не испортили дѣла, возбудивъ новыя подозрѣнія въ Полякахъ.

Монлюкъ, дѣйствительно, не нуждался въ помощникахъ. Его энергія не ослабѣвала. Онъ не пропускалъ ни малѣйшаго случая развивать свою колоссальную интригу. Мы уже видѣли (стр. 340), какъ дѣйствовали его агенты на конвокаціи. Когда, подъ вліяніемъ одного воеводы, тамъ вспомнили-было Варѳоломеевскую ночь, онъ немедленно прислалъ опроверженіе.

Воевода замолчалъ, а памфлетъ Монлюка шляхта расхватала въ тысячѣ экземпляровъ. Когда же его перевели на польскій языкъ, онъ разошелся по всѣмъ закоулкамъ Польши. Послѣ конвокаціи всѣ собрались въ Конинѣ и отсюда по всей Рѣчи Посполитой распространились письма, оправданія, обѣщанія Французовъ и на латинскомъ, и на польскомъ языкахъ. Отсюда же поскакали, куда слѣдуетъ, аббаты, іезуиты, друзья и слуги епископа валансскаго. Одинъ колесилъ по имѣніямъ великопольскихъ пановъ, воеводы сѣрадзскаго, епископа познанскаго, маршалка надворнаго. Другой странствовалъ по Малой Польшѣ и заглядывалъ на дворъ не только къ Зборовскимъ и Оссолинскимъ, но даже къ Николаю Мелецкому и самому Яну Фирлею. У этого мастера дѣла даже вредное обращалось въ полезное. Пріѣдутъ-ли молодые Радзивилы, свѣженькіе, прямо изъ Лейпцига, съ юношескимъ пыломъ негодованія на авторовъ Варѳоломеевской ночи и съ любовью къ Москвѣ: Французы тотчасъ навѣстятъ ихъ, навяжутся въ провожатые по странѣ и очаруютъ безвозвратно. Чуть не изобьютъ Монлюка развеселые шляхтичи, ковыляющіе съ какой-нибудь пирушки, а онъ хитростью спасаетъ ихъ отъ правительства, расходившагося въ своей вѣжливости до того, что казнь ихъ казалась неизбѣжною.

И не даромъ Монлюкъ «исписалъ въ это полугодіе десять стопъ бумаги и перенесъ труды, которыхъ не зналъ уже сорокъ лѣтъ». Твердая надежда осѣняла его и Французовъ наканунѣ избирательнаго сейма. Онъ отправлялъ своему двору замѣчанія о Рѣчи Посполитой, о ея конституціи, о способѣ управленія ею, географическія карты ея земель. Вулкобъ писалъ изъ Вѣны Карлу IX, что положеніе ихъ дѣла въ Польшѣ лучше всѣхъ другихъ. А пылкому Шомбергу уже представлялась картина коронованія Генриха въ Краковѣ и «немедленнаго вторженія Французовъ въ Московію». Епископу валансскому оставалось сдѣлать послѣдній взмахъ руки мастера, приготовить рѣчь для

сейма. Тяжки были для него послѣдніе дни. Онъ зналъ, что «въ демократическихъ государствахъ краснорѣчіе важнѣе всѣхъ другихъ талантовъ», что Полякъ въ отдѣльности и Полякъ въ толпѣ вовсе не одно и то же. Онъ зналъ еще, что цесарскій посолъ, Чехъ, обратится къ Полякамъ съ родною имъ славянскою рѣчью. Наконецъ для Монлюка важно было имѣть много экземпляровъ своей рѣчи. А тутъ пришлось отвѣчать на самый ядовитый пасквиль, пущенный врагами передъ открытіемъ сейма. Монлюкъ по обыкновенію горячился, выходилъ изъ себя, кричалъ: «я съ ума сойду, а если ужъ сошелъ, то взбѣшусь!» Но въ это же время онъ отдолбилъ наизусть латинскій текстъ своей рѣчи; выписалъ Соликовскаго для перевода ея на польскій языкъ. А въ Краковѣ въ восемь дней тайкомъ отъ всѣхъ Шуаненъ отпечаталъ ее на двухъ языкахъ въ 1500 экземплярахъ: у соперниковъ было не болѣе двухъ-трехъ десятковъ.

Въ эти же послѣдніе дни исторія дала Монлюку новую могучую союзницу, на которую онъ мало разсчитывалъ. То была великая религіозная сила. Кардиналъ Коммендоне наконецъ тронулся съ мѣста. Мы видѣли, какъ долго онъ выжидалъ и колебался, какъ медленно зрѣла въ немъ рѣшимость. Признанный всѣми ходатай цесаря, онъ давно уже велъ себя какъ-то странно. Правда, онъ молчалъ, но уже не шевелилъ пальцемъ въ пользу Эрнеста, не мѣшалъ успѣхамъ Франціи, не спускалъ глазъ съ Петра Зборовскаго, который, очевидно, сильно интересовалъ его. Перемѣна въ легатѣ была уже такъ замѣтна, что Максимиліанъ II не разъ обращался къ папѣ съ просьбою сдѣлать ему надлежащее внушеніе. Жанъ Монлюкъ, съ своей стороны, поступалъ необыкновенно ловко. Онъ обманулъ Поляковъ, перехитрилъ и самого проницательнаго легата. Сначала, пока его дѣло было шатко, онъ «какъ-будто и не зналъ, что кардиналъ въ Польшѣ». Онъ боялся связать его прямымъ заявленіемъ въ пользу цесаря, которымъ долженъ былъ тогда отвѣтить ему

Коммендоне, согласно съ своими поступками и съ требованіями папы. Онъ опасался также возстановить противъ себя польскихъ протестантовъ: и безъ того въ упомянутомъ подложномъ письмѣ говорилось, что св. отецъ благословляетъ Генриха на повтореніе Варѳоломеевской ночи у береговъ Вислы. Только передъ самыми выборами пробрался въ Сулейовъ изъ Конина деканъ де-Ди. Тогда же Коммендоне вышелъ наконецъ изъ бездѣйствія. Онъ видѣлъ, какъ «еретики свирѣпо грозились, что скорѣе умрутъ, чѣмъ допустятъ сеймъ, если католики не согласятся на конфедерацію». Онъ замѣтилъ, что «дѣло цесаря было расшатано до корней и уничижено, а за Генриха стоятъ почти всѣ, особенно католики, которымъ тяжко не повиноваться легату». Тогда-то онъ понялъ, что «опасно навлекать на себя неудовольствіе толпы: вѣдь куда вѣтеръ гонитъ ее, туда же слѣдуютъ и намѣренія вождей». Тогда-то онъ созналъ, что «обязанность легата папы, этого *отца всѣхъ христіанскихъ государей*, посадить на престолъ *католическаго* короля» и содрогнулся при мысли, что еретики могли провести своего кандидата, пользуясь раздоромъ между Генрихомъ и Эрнестомъ. Заботливый кормчій, Коммендоне, замѣтивъ перемѣну вѣтра, «убралъ паруса», выражаясь языкомъ его вѣрнаго слуги. Онъ раньше всѣхъ прискакалъ въ Варшаву на сеймъ, созвалъ къ себѣ епископовъ и вождей католицизма, и обрадовалъ ихъ объявленіемъ своего рѣшенія. Когда вслѣдъ затѣмъ сунулись-было къ нему цесарскіе послы, онъ сухо замѣтилъ имъ: «уже поздно!» [61]).

Изслѣдователь, озирающій широкое поприще народной жизни въ перспективѣ вѣковъ, спокойно останавливается на этой страницѣ польской исторіи. Но у современниковъ, охваченныхъ анархіею интересовъ минуты, не то лежало на сердцѣ. Послѣ долгаго, печальнаго опыта они не смѣли ввѣряться надеждѣ на тихій исходъ завтрашняго дня. Епископъ познанскій говорилъ

Жилю Ноайлю наканунѣ выборовъ: «Сильно боюсь я, чтобы не произошло смутъ на этой элекціи. Сейчасъ вотъ открылось, какая бездна интригъ развивается соперниками-кандидатами, и какъ всякій изъ нихъ хватается за всевозможныя средства, чтобы разрушить замыслы противника». Тогда же Коммендоне писалъ въ Римъ: «Не думаю, чтобы избраніе состоялось. Смута, порожденная конфедераціей; своеволіе, неизбѣжное въ огромной вооруженной толпѣ (плоха надежда найти въ ней что-нибудь опредѣленное, вѣрное!); раздоръ и сила здѣшнихъ партій;—по всему этому я предвижу великую опасность. Будетъ выбранъ не одинъ король. Литовцы произведутъ избраніе отдѣльно отъ Поляковъ; а изъ Поляковъ одни выберутъ Эрнеста, другіе Генриха. Этотъ расколъ откроетъ Московскому путь къ захвату большей части Литвы; а въ Польшу враги императора могутъ призвать къ себѣ на подмогу Турка» [62])....

ГЛАВА VII.

Избирательный сеймъ 1573 года. Генрихъ анжуйскій — король польскій.

Въ юной, бѣдной Варшавѣ, еще не готовой къ великой роли, которую спѣшила возложить на нее исторія, кипѣла работа. По заказу пановъ принаряжались гостинницы, очищались лучшіе дома. Для соединенія города съ деревушкой Камень на правомъ берегу Вислы, гдѣ лежало поле избранія, кое какъ додѣлывали прочный, красивый мостъ на 15 устояхъ, по три тысячи злотыхъ каждый, изъ цѣльныхъ деревъ далекихъ гродненскихъ лѣсовъ. Онъ былъ гордостью Поляковъ и славой Сигизмунда-Августа, который на смертномъ одрѣ завѣщалъ Аннѣ Ягелловнѣ довершить этотъ памятникъ литовской династіи въ Польшѣ. Не только въ Варшавѣ, но и въ окрестныхъ деревняхъ дѣлали огромные запасы овса, сѣна, мяса, рыбы, вина: ихъ хватило бы мѣсяца на полтора для ста тысячъ всадниковъ. Приготовленія не были напрасны. Въ первые дни апрѣля здѣсь стало необыкновенно шумно, людно. Сюда стекались самые разнообразные гости. Пріѣхали пышные иностранные посланники, папскій легатъ, блестящіе паны съ своими густыми свитами. Поджидали даже герцогиню Брауншвейгскую, которая была уже въ дорогѣ. Тамъ и сямъ мелькали разряженные депутаты отъ городовъ Львова, Кракова, Познани, Данцига, Торна, Эльбинга. Но эти необыкновенные посѣтители польскихъ сеймовъ исчезали въ пестрыхъ толпахъ шляхты съ ея челядинца-

ми, нахлынувшихъ отовсюду. Правда, въ эту жестокую и долгую зиму меньшая братія поискормилась, пообнищала: изъ ожидаемыхъ ста тысячъ явилась лишь половина. Зато это были наиболѣе зажиточные и самовольные изъ рыцарей. Среди нихъ красовалось тысячъ десять самыхъ жалкихъ оборванцевъ, которые примаршировали пѣшкомъ изъ сосѣдней Мазовіи, кормились подачкой съ панскихъ кухонь и были такъ сильны въ политикѣ, что Эрнеста называли *Рдестомъ*, а Анжуйскаго — *Гавеньскимъ* *). Мазовшане были тѣ отчаянные фанатики, отъ которыхъ зависѣло избраніе. За исключеніемъ этихъ молодцовъ, у которыхъ ничего не было, кромѣ горла и дубинокъ, вся шляхта и свита пановъ были вооружены съ ногъ до головы мечами, копьями, ружьями, стрѣлами. А нѣкоторые изъ пановъ приволокли даже пушки и «образовали изъ стоянокъ своихъ воеводствъ настоящія крѣпости». Казалось, здѣсь хотятъ дѣйствовать оружіемъ, а не голосами, завоевать чужое государство, а не вручить свое избраннику. Толпы раскинулись по обѣимъ берегамъ Вислы, по окрестнымъ деревнямъ мили на три вокругъ Варшавы, даже расположились бивуаками по полямъ. Къ нимъ чуть-свѣтъ устремлялись воеводы, квартировавшіе въ Варшавѣ, и, развернувъ хоругви, торжественно, «какъ въ церковной процессіи», вели ихъ на поле избранія. Это поле походило на лагерь. Оно было усѣяно, по приказанію маршалка коронпаго, 32 наметами для совѣщаній шляхты каждаго воеводства отдѣльно. Среди нихъ издали бросалась въ глаза одна великолѣпная круглая палатка. Высокая, словно домъ, тысячъ на шесть человѣкъ, она повисла на одномъ огромномъ столбѣ. Съ четырехъ сторонъ къ ней примыкали четыре небольшихъ намета, соединенные между собою оградой. Внутри палатки, шагахъ въ двадцати отъ столба, были устроены мѣста какъ для сенаторовъ, такъ и для депутатовъ

*) *Gawenski* вмѣсто *Andegawenski* — анжуйскій.

земскихъ пословъ. Но это не лишало и остальныхъ шляхтичей права входа въ палатку, которая каждый день была биткомъ набита народомъ. Здѣсь должна была господствовать торжественная тишина: это была истинная сцена для избирательной драмы. Всѣ, даже иностранцы, дивились этой по-царски убранной палаткѣ сената, именуемой *шопою*. Всѣ знали, что ее соорудилъ изъ наслѣдія элегантнѣйшаго Поляка, Сигизмунда-Августа, Янъ Фирлей, который поражалъ взоры всѣхъ и собою, и своею роскошною свитой.

До открытія сейма оставалось нѣсколько дней. Иностранцы интриговали. Коммендоне исповѣдывался въ своихъ замыслахъ передъ епископами. Паны совѣщались между собою. Шляхта готовилась къ великому обряду, какъ средневѣковые короли къ возложенію на себя короны, строгимъ постомъ и горячею молитвой. Всѣ поджидали запоздавшихъ, особенно Литовцевъ. Настало 5-е апрѣля, воскресенье. Храмъ св. Яна въ Варшавѣ переполнился благоговѣйными слушателями напутственнаго богослуженія. Отсюда сенаторы отправились въ зàмокъ для предварительныхъ совѣщаній. Тамъ рѣшено было завтра же начать сеймъ чтеніемъ по воеводствамъ программы избранія, начертанной конвокаціей; а для опоздавшихъ вести дневникъ въ каждомъ воеводствѣ. На другой день всѣ заняли свои мѣста въ шопѣ и по наметамъ. Шляхта спокойно выслушала программу сейма и, согласно съ нею, выбрала депутатовъ въ шопу, по десяти отъ каждаго воеводства. При этомъ оказалось, что по числу голосовъ познанское и калишское воеводства составляли рѣзкій контрастъ съ цѣлою тьмою Мазовшанъ: въ ихъ палаткахъ «едва нашлось по десятку шляхтичей, такъ что всѣ были депутатами и некому было слушать ихъ отчетовъ». Не то было въ сенатѣ. Тамъ сильно шумѣли. Протестанты чуяли неминучую бѣду и еще сильнѣе, чѣмъ на конвокаціи, спѣшили оградить свою свободу. Они потребовали прежде всего исправленія

законовъ и утвержденія варшавской конфедераціи. Католики, ссылаясь на рѣшенія конвокаціи, не хотѣли и слышать объ этомъ. Они то кричали о вредѣ конфедераціи, заявляя тутъ же свою готовность «скорѣе умереть, чѣмъ допустить междуусобную войну»; то указывали на интриги кандидатовъ, которые не замедлятъ воспользоваться отсрочкою избранія. Нѣкоторые иностранные агенты, дѣйствительно, были бы рады этому, но только не Французы. Монлюку, увѣренному въ Мазовшанахъ, хотѣлось, чтобы *его* вопросъ былъ покончен возможно скорѣе, пока не разбѣжалась его голодная армія. А до счастія *Польши* ему не было дѣла. Оно даже стояло ему поперекъ дороги: онъ не безъ основанія боялся, что «исправленіе законовъ» обратится у Поляковъ въ ограниченіе власти ихъ будущаго короля. Вотъ почему онъ «старался изо всѣхъ силъ устранить всѣ препятствія къ немедленному избранію, внушая, что отсрочка его будетъ очень неудобна для шляхты: замѣшкавшись здѣсь, что для нея сопряжено съ большими издержками и неудобствами, она соскучится и, пожалуй, по своимъ домашнимъ дѣламъ, принуждена будетъ удалиться до выборовъ къ крайнему своему прискорбію, потративъ время и деньги». Конечно, Монлюкъ успѣлъ настроить и ревнивую къ своимъ правамъ, подозрительную меньшую братію. Протестанты должны были уступить, но зато подняли другой важный вопросъ. Они потребовали, чтобы иностранные послы, исполнивъ свои порученія, тотчасъ удалились за предѣлы государства, во избѣжаніе ихъ вліянія на избраніе короля. Католики отвѣчали на это встрѣчнымъ предложеніемъ или всѣхъ пословъ оставить въ Варшавѣ, или выслать въ ближайшіе города «тѣхъ, которые домогаются короны». Ясно было, что имъ хотѣлось, во что бы то ни стало, удержать при себѣ папскаго легата. Протестанты ворчали, что это значитъ «оставить орла, парящаго надъ курами, то-есть, епископами, которые страха ради подчинятся вѣтру, дующему изъ

Италіи». Но мнѣніе католиковъ восторжествовало и на этотъ разъ. А приступать къ дѣлу все еще нельзя было. Спрашивалось, въ какомъ порядкѣ должны говорить иностранные послы передъ лицомъ Рѣчи Посполитой, не выработавшей никакихъ церемоніаловъ?

Съ самаго пріѣзда иностранныхъ пословъ въ Варшаву объ этомъ уже шла любопытная перебранка, въ которой отразилась наставшая тогда эпоха исторической тяжбы между Испаніей и Франціей за первенство въ Европѣ. Испанецъ донъ-Фассардо требовалъ во всемъ преимуществъ своему королю передъ французскимъ. Онъ доказывалъ, что это предписываютъ и старый обычай, и честь Филиппа II; къ тому же у него одно дѣло съ послами императора, рядомъ съ которыми онъ и долженъ идти. Монлюкъ возражалъ, что въ Римѣ и Венеціи думаютъ иначе; что его короля называютъ «христіаннѣйшимъ», а испанскаго только «католическимъ»; и если при Карлѣ V первенствовала Испанія, то лишь потому, что онъ былъ въ то же время императоромъ. Боясь унизиться, противники не пошли даже въ храмъ передъ открытіемъ сейма, ожидая рѣшенія ихъ спора сенатомъ. Паны постановили, чтобы за папскимъ легатомъ и цесарскимъ посломъ слѣдовалъ Монлюкъ и потомъ уже Фассардо, ссылаясь на польскій обычай соблюдать между послами очередь по времени ихъ пріѣзда. Но всѣ видѣли въ этомъ намекъ на исходъ избранія: всѣ знали, что такого обычая не существовало, да паны и сами допустили потомъ въ шопу перваго, «какъ своего человѣка, какъ Поляка», посла герцога прусскаго, пріѣхавшаго позже всѣхъ другихъ. А кичливый испанскій грандъ разобидѣлся до того, что послалъ въ сенатъ свои бумаги вмѣстѣ съ жалобой, а самъ ни разу и не заглянулъ туда. Такъ, въ самыхъ пустыхъ, повидимому, формахъ, проявляется борьба историческихъ силъ. И, кому извѣстны поступки элегантныхъ представителей передовыхъ націй въ Европѣ въ описываемое

время, тотъ не припишетъ грубаго поведенія московскаго гонца въ Вѣнѣ варварству его народа [1]).

На слѣдующій день первымъ изъ иностранцевъ вступилъ въ сенатъ Ахаиій Дона, посолъ герцога прусскаго, съ своими сотоварищами. Онъ представилъ грамоту своего государя къ чинамъ Рѣчи Посполитой, схожую съ поданною имъ на конвокаціи. Разница состояла лишь въ преизобиліи доказательствъ въ пользу правъ герцога на избраніе польскаго короля, почерпнутыхъ изъ исторіи и статутовъ, да въ опроверженіи того, что говорилось въ Польшѣ противъ него даже «въ бесѣдахъ частныхъ людей». Сверхъ того Дона въ длиннѣйшей рѣчи требовалъ, чтобы герцога допустили подать голосъ «если не въ сенатѣ, то хотя въ рыцарскомъ чинѣ, такъ какъ онъ теперь уже на пути въ Варшаву: не то онъ станетъ помышлять о такомъ королѣ, котораго выберетъ себѣ самъ». Отвѣтъ былъ краткокъ: «герцогу дадимъ знать черезъ нашего посла, ѣхать-ли ему сюда». Но лаконизму рѣшенія предшествовалъ полонизмъ обсужденія. Шумные споры не прекращались до заката солнца, и только тогда «многіе замѣтили, что тутъ дѣла идутъ глупѣе, чѣмъ ожидали». Впрочемъ, не добившись никакого толку, сенатъ поручилъ Яну Замойскому изложить доводы противныхъ сторонъ. Дней десять спустя, порученіе было исполнено. У враговъ герцога оказалось гораздо болѣе доказательствъ, чѣмъ у друзей. Они отвергали всякую связь между правами его и гроссмейстеровъ Тевтонскаго ордена, который погибъ со всѣми своими привилегіями и трактатами. Къ тому же «Поляки по старому обычаю не допускаютъ наслѣдственности ни въ чемъ, даже въ королевской и въ какой бы то ни было правительственной власти. Они также споконъ-вѣка держатся обычая не допускать въ раду чужеземцевъ и членовъ царствующихъ домовъ, даже дѣтей своихъ королей. Своимъ блескомъ и могуществомъ герцогъ можетъ устрашить мелкихъ избирателей, нарушить свободу

голоса». Наконецъ герцогъ прусскій считается вассаломъ маркграфа бранденбургскаго, котораго, стало-быть, также нужно допустить къ выборамъ. А бранденбургскій домъ родня австрійскому, баварскому, саксонскому домамъ. Всѣ эти доводы превозмогли. Уже по окончаніи избранія Поляки составили отвѣтную грамоту герцогу, въ которой было сказано: «мы теперь такъ заняты, что отлагаемъ разсмотрѣніе вашихъ правъ до болѣе свободнаго времени».

Какъ только вышелъ Ахацій Дона, въ шопу впустили еще двухъ «своихъ людей». То были литовскіе гонцы, Мацкѣвичъ и Островскій. Они прискакали дня въ три изъ Бѣльска, гдѣ съ разныхъ концовъ Литвы собирались по условію ея представители для поѣздки въ Варшаву. Они вручили радамъ короннымъ письмо отъ своихъ пановъ. Въ немъ говорилось: «Не смотря на нарушеніе нашихъ правъ и выгодъ и на необязательность для насъ варшавскихъ постановленій, мы, единственно изъ братской любви къ Рѣчи Посполитой, рѣшились пріѣхать на выборы. Но вотъ уже 2-е апрѣля, а многіе изъ нашего рыцарства еще не прибыли на сборный пунктъ, Бѣльскъ: дороги-то у насъ больно плохи, всюду снѣга да вода. Они просятъ насъ обождать ихъ здѣсь; а мы просимъ васъ не начинать избранія до нашего пріѣзда. Просимъ также, чтобы не вышло чего дурнаго отъ васъ тѣмъ панамъ и рыцарямъ Подляхской земли, которые, имѣя осѣдлости въ Литвѣ, ѣдутъ вмѣстѣ съ нами». Поляки тотчасъ же смѣло отвѣчали Литовцамъ, что въ силу закона они не станутъ никого дожидаться, «во избѣжаніе волненій и даже междуусобія».

Теперь только сеймъ могъ обратиться къ чужимъ людямъ. На другое же утро торжественная депутація изъ трехъ епископовъ и трехъ свѣтскихъ сенаторовъ пригласила папскаго легата на поле избранія. Два маршалка, Фирлей и Ходкѣвичъ, подхватили его при выходѣ изъ экипажа и, предшествуя ему,

какъ королю, съ своими жезлами, провели его сквозь толпу въ шопу. На порогѣ кинулись ему навстрѣчу паны. Шляхта нахлынула подъ наметъ. Коммендоне занялъ первое мѣсто, между примасомъ и епископомъ краковскимъ, прочелъ посланіе папы и принялся изъяснять его въ длинной рѣчи. Онъ говорилъ великолѣпнымъ языкомъ, какъ настоящій ораторъ, но іезуитскій, полный мертваго паѳоса, извлекаемаго изъ логическихъ построеній и схоластическаго подбора текстовъ. Лесть польской свободѣ плохо прикрывала наготу средневѣковаго міровоззрѣнія папства, по которому одинъ католицизмъ съ его пастырями «сохраняетъ народы отъ самой гибельной изъ тираній, отъ господства многихъ». Особенно возсталъ кардиналъ противъ такой тираніи въ дѣлѣ совѣсти. Угрожая словами апостола: «Аще же другъ друга узрызаете и снѣдаете, блюдитеся, да не другъ отъ друга истреблени будете», онъ рѣзко поносилъ варшавскую конфедерацію и высокомѣрно требовалъ ея уничтоженія. Тутъ протестанты взволновались. Не выдержалъ даже тотъ изъ нихъ, кто наиболѣе способствовалъ воцаренію католика въ Польшѣ. Забывая международныя приличія, Петръ Зборовскій вскочилъ съ своего кресла и воскликнулъ: «Ты забываешься, папскій легатъ! Ты берешь на себя роль совѣтчика и сенатора. Просимъ предоставить намъ самимъ размышлять о томъ, что̀ полезно, что̀ вредно для нашей Рѣчи Посполитой, и не вмѣшиваться въ наши дѣла съ такимъ любопытствомъ, какое неприлично чужестранцу». Католическіе паны вскочили съ своихъ мѣстъ. Янъ Ходкѣвичъ и Альбертъ Ласкій выступили впередъ, схватившись за рукояти мечей. Шляхта изрыгала проклятія и угрозы еретикамъ, заглушая голоса нѣкоторыхъ воеводъ, призывавшихъ къ молчанію. Бурю укротилъ самъ Коммендоне. Съ невозмутимымъ спокойствіемъ, даже не измѣнившись въ лицѣ, онъ кроткимъ жестомъ пригласилъ всѣхъ сѣсть и съ лукавою улыбкой замѣтилъ Зборовскому: «Я знаю и себя, и свой долгъ;

я дѣлаю именно то, что ты мнѣ совѣтуешь. Какъ папа заботится не объ одномъ вашемъ престолѣ, но вообще о счастіи Рѣчи Посполитой, такъ и я говорю не съ однимъ тобою, а со всѣми вами. Помни, что если я не сенаторъ, то и ты не сенатъ». Водворилась тишина. Кардиналъ докончилъ свою рѣчь, и уже никто не прерывалъ его, когда онъ совѣтовалъ, чтобы надъ необъятнымъ пространствомъ отъ Балтики до Эвксина и отъ Одера до Днѣпра носилась единая воля короля-католика. Онъ не назвалъ имени папскаго кліента, но обѣщалъ наставить его на путь истины. Паны столпились у столба и послѣ краткаго совѣщанія примасъ выразилъ отъ имени Рѣчи Посполитой благодарность папѣ за его попеченія о ней и ея желаніе служить оплотомъ христіанской религіи противъ варваровъ. Кардиналъ удалился. Весь сенатъ торжественно провожалъ его Толпа шляхты тѣснилась съ благоговѣніемъ на его пути. Не видно было лишь Петра Зборовскаго съ нововѣрцами. Зато на нихъ накинулись теперь католики. Только ночь развела враговъ

Утромъ въ шопу вступили послы цесаря. Розенбергъ сказалъ много вѣрнаго и привлекательнаго для Поляковъ. У Нѣмецкой имперіи и у Рѣчи Посполитой одни и тѣ же враги. Султанъ станетъ въ дружественныя отношенія къ Кракову, какъ только увидитъ его тѣсную связь съ Вѣною. Старые опасные споры между двумя державами изъ-за Пруссіи и Ливоніи разрѣшатся сами собою съ избраніемъ Эрнеста. Императоръ выгодно покончитъ и дѣло о нарвской навигаціи, согласившись съ датскимъ королемъ; возстановитъ полезный союзъ 70-ти приморскихъ городовъ и вручитъ Полякамъ господство надъ моремъ. Онъ отвоюетъ у Москвитянъ всѣ земли, захваченныя ими у Польши, и заставитъ Испанію удовлетворить ее въ тяжбѣ за герцогство Баръ. Шляхту примутъ на службу въ имперіи и даже въ Испаніи; болѣе сотни ея дѣтей будетъ воспитываться въ высшихъ школахъ Германіи, Италіи и Франціи; даже разрѣшатъ безпошлинный

вывозъ въ Польшу венгерскихъ винъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвели слѣдующія слова Розенберга, которымъ вѣрилъ всякій, кто зналъ Максимиліана II: «Во всей священной Римской имперіи, во всѣхъ своихъ государствахъ и земляхъ, нашъ государь всегда старался поддержать миръ и согласіе, доставить всѣмъ равенство передъ Богомъ и закономъ. Онъ на дѣлѣ уже не разъ доказалъ, какъ должно искоренять религіозные раздоры умѣренностью, терпимостью и благодушіемъ, безъ волненій и кровопролитія». Точно также были важны и соблазнительны исключительныя отношенія между Австріей и Польшей. «Кому неизвѣстны, говорилъ ораторъ, древнія связи между Польшей, Венгріей и Богеміей? Не было-ли у нихъ не разъ общихъ правителей? По преданію польская и чешская націи пошли отъ одного корня. И теперь видно поразительное сходство между ними въ правахъ, языкѣ, бытѣ и поступкахъ; въ ихъ отношеніяхъ царствуетъ та глубокая любовь, при которой именуются *братьями* люди, подчиненные различнымъ правительствамъ». Еще болѣе блистательнымъ доказательствомъ этой истины былъ самъ Розенбергъ. Онъ не погнался за латынью, а говорилъ почешски—и польскій сеймъ понималъ его. Но Поляки не хотѣли и слышать о *Нѣмцѣ* на ихъ престолѣ и съ бо̀льшимъ вниманіемъ относились къ кандидатурѣ самого Розенберга, невыгоднаго и недостойнаго чужеземца, но *Славянина*. Если прибавить, что его рѣчь, сказанная невнятно, была суха и вяла, то насъ не удивитъ равнодушіе къ цесарю, оставшееся послѣ нея въ сердцахъ у Поляковъ. Она развѣ тѣмъ нѣсколько помогла ему, что надѣлала много хлопотъ Жану Монлюку. Розенбергъ, говоря вообще о пригодномъ для Польши королѣ, искусно провелъ безыменную, но ясную параллель между Эрнестомъ и французскимъ принцомъ, намекнувъ даже, что отъ правителей Нѣмецкой имперіи зависитъ пропустить въ Краковъ или нѣтъ «какого-нибудь отдаленнаго»

избранника. Мало того. Онъ какъ-то познакомился съ тайнымъ договоромъ между епископомъ валансскимъ и Петромъ Зборовскимъ и помѣстилъ въ своей рѣчи главные его соблазны. Монлюку оставалось по крайней мѣрѣ узнать доводы соперника, чтобы опровергнуть ихъ въ сенатѣ. И тутъ неудача. Паны позвали его тотчасъ по уходѣ Розенберга. Но Французъ не сдался. Онъ вдругъ заболѣлъ, да такъ, что сколько ни ходили къ нему сенаторы, а должны были отложить его дѣло до слѣдующаго дня. Между тѣмъ друзья достали ему рѣчь Розенберга, и онъ всю ночь, не смыкая глазъ, передѣлывалъ и заучивалъ цѣлыхъ пять страницъ.

Утромъ Монлюкъ явился въ шопу съ почетомъ и блескомъ, въ сопровожденіи своихъ товарищей, Ноайля, Ланссака и другихъ. Его рѣчь была однимъ изъ самыхъ важныхъ и блестящихъ событій сейма. Она имѣла несомнѣнныя преимущества передъ всѣми другими рѣчами и вѣнчала славу оратора. Конечно, съ точки зрѣнія вѣчныхъ законовъ искусства и нравственности она пошла и отвратительна. Но нашъ приговоръ основывается на историческомъ взглядѣ. Въ томъ-то и состояло значеніе этого наглаго умственнаго и нравственнаго кривлянья, этого жалкаго набора напыщенныхъ словъ, что въ немъ и въ его успѣхѣ проявились свойства эпохи и двухъ націй, психологически родственныхъ между собою. Только французскій краснобай могъ выступить съ такою колоссальною ложью, съ такимъ безстыднымъ самохвальствомъ, съ такою приторною лестью, облеченными то въ изящныя сентенціи для пановъ, то въ балаганную тривіальность для шляхты. И только польскую аудиторію съ ея невѣжествомъ и душевною дряхлостью можно было такъ ловко поддѣть блестящимъ обманомъ и вызвать среди нея взрывъ рукоплесканій, вмѣсто проклятій оскорбленнаго національнаго достоинства. Рѣчь Жана Монлюка напоминала письмо, которымъ онъ извѣщалъ пановъ о своемъ пріѣздѣ въ ихъ

государство. Онъ видѣлъ въ Польшѣ «благороднѣйшую крѣпость и охрану, какъ-бы всесвѣтный дворецъ изгнанной отовсюду свободы, которая, не находя себѣ нигдѣ мѣста, пріютилась и уцѣлѣла здѣсь, и Поляки бережно передаютъ ее по наслѣдству въ то время, какъ другіе народы утратили ее и лежатъ распростертые на землѣ точно бездушныя тѣла». Польскіе сеймы недоступны подкупамъ и потому передъ ними блѣднѣетъ слава древней Римской республики. Польская «сгода», эта мать и стражъ свободы, неимовѣрна: она «словно пальцемъ указываетъ Полякамъ избранника и ставитъ его у всѣхъ передъ глазами». Ихъ счастіе неизмѣримо: что ни выборъ, то сказочный богатырь, низлагающій самыхъ сильныхъ враговъ. Европа видитъ «особенную милость Бога въ томъ, что Онъ сохранилъ Польшу, какъ крѣпкій оплотъ и надежную ограду, которыя выдерживаютъ, останавливаютъ и отражаютъ усилія и нападенія варварскихъ, страшно суровыхъ и свирѣпыхъ народовъ; сохранилъ, какъ неприступную крѣпость для прикрытія и защиты остальнаго христіанства. Вотъ почему польскія дѣла пользуются особеннымъ уваженіемъ и сочувствіемъ всѣхъ христіанскихъ государей». Полякамъ не занимать-стать храбрости, мощи, дивныхъ подвиговъ. У нихъ не хватаетъ только писателей для прославленія ихъ великихъ дѣлъ. Зато чужіе историки свидѣтельствуютъ о томъ, какъ они, вытѣснивъ Римлянъ, владѣли Истріей, Иллиріей, Далмаціей, Кроаціей, Мейссеномъ, Венгріей, Чехіей, Русью и большею частью Германіи. Съ такою знаменитою націей не можетъ равняться никакая другая. Одна только французская весьма схожа съ нею по военной доблести и славѣ, по отмѣнности дворянства и силѣ рыцарства, по вѣжливости и общительности: оттого-то только между ними и существуютъ особенное «сліяніе сердецъ» и постоянныя дружескія сношенія. Во Франціи такая же равноправность, какъ и въ Польшѣ, благодаря парламентамъ, одинаково судящимъ «и короля, и бѣдняка,

не говоря уже про дворянина». Франція распространила свое могущество въ теченіе 2000 лѣтъ по малой Азіи и Европѣ. Она дала свое имя азіатской Галатіи, итальянской Галліи, Португаліи, Цельтиберіи, испанской Галиціи, англійской Корнугаліи, нѣмецкой Вестфаліи. Она владѣла при Карлѣ Великомъ Испанцами, Нѣмцами, Чехами, Венграми и всѣми Итальянцами. Она снабжала королями Испанію, Англію, Неаполь, Венгрію, самое Польшу, Сирію, Палестину, Іерусалимъ и Кипръ. Ея всадниковъ восхваляютъ Плутархъ, Аппіанъ, Поливій и другіе. Вотъ уже двѣсти лѣтъ, какъ французскій король занимаетъ первое мѣсто между всѣми королями, сколько ихъ ни-на-есть на свѣтѣ. А домъ Валуа царствуетъ уже шестьсотъ лѣтъ и успѣлъ оказать помощь всѣмъ народамъ, кромѣ польскаго. И къ этому-то дому принадлежитъ Генрихъ преславный, у котораго «есть рѣшительно все, необходимое для хорошаго и счастливаго царствованія». Ему недостаетъ только знанія польскаго языка. Но это вздоръ. «Рѣчь нужна епископамъ, проповѣдникамъ да стряпчимъ. Короли же дѣйствуютъ головой, а не ногами, умомъ, разсудкомъ и властью, а не языкомъ. Да Генрихъ въ какой-нибудь годъ выучится по польски! Вѣдь былъ же одинъ Французъ, который, проживъ три года въ Польшѣ, написалъ польскую грамматику!» Чтобы лучше оттѣнить своего героя, Монлюкъ выставилъ демоническій обликъ грознаго царя. «Московскій, сказалъ онъ, насильно и несправедливо забираетъ чужое добро; удручаетъ народы набѣгами, пожарами, грабежомъ; выгоняетъ законныхъ государей изъ ихъ вѣковыхъ наслѣдій; ради своей выгоды или забавы изобрѣтаетъ новыя пытки и жестокости, чтобы убивать и мучить невинныхъ. Всѣ его рѣшенія и помыслы направлены къ одному: какъ бы подавить государственное дѣло, ограбить права народовъ, угнетать своихъ подданныхъ самыми тяжкими налогами и поборами. Вотъ вамъ истинный тиранъ, вся жизнь котораго осквернена и запятнана

убійствами, насиліями, грабежомъ и тому подобными общественными преступленіями»! Но въ глазахъ большинства Поляковъ страшное кровавое пятно лежало и на Генрихѣ съ его родичами. Монлюкъ чувствовалъ необходимость кинуть какую-нибудь приманку и польскому нововѣрію. Онъ многословно оправдывалъ свое правительство въ преступленіяхъ Варѳоломеевской ночи. Но эта часть его рѣчи слабѣе остальныхъ. Онъ началъ-было доказывать 12-лѣтнюю милость Карла IX къ гугенотамъ; потомъ вдругъ сознался, что послѣднія событія, дѣйствительно, нелестны для него; но вѣдь «есть много разныхъ *обстоятельствъ*, которыя часто насильно отвлекаютъ королей отъ ихъ намѣреній». Къ тому же «справедливо-ли обзывать всегда добродушнаго и милостиваго короля тираномъ, измѣнникомъ, Фараономъ, за одну *ошибку*, за одинъ *случай*»? Тутъ слѣдуетъ указаніе на поступокъ Ѳеодосія Великаго въ Ѳессалоникѣ. Затѣмъ Карлъ IX опять становится невиннымъ: рѣзня учинена то «мясниками и подлою чернью, которая всегда дѣйствуетъ злобно въ быстрыхъ и внезапныхъ смутахъ», то «настояніемъ всѣхъ князей и могущественнаго парижскаго парламента». Невинность Генриха ораторъ доказывалъ его же письмомъ и горячимъ желаніемъ царствовать въ Польшѣ. «Принцъ, твердившій, что и за 50 тысячъ милліоновъ годоваго дохода не разстался бы съ польскою короной, сообразилъ бы вредъ парижской рѣзни и отложилъ бы ее до конца избранія». Гораздо важнѣе была похвала Монлюка религіозной конфедераціи и увѣреніе, что герцогъ анжуйскій *ни въ какомъ случаѣ* не подыметъ религіозной войны въ Польшѣ, какъ ради собственнаго интереса и своей чести, такъ и по своему безсилію: «онъ пріѣдетъ изъ далекихъ краевъ безъ людей, безъ солдатъ и наемниковъ». Но самая увлекательная сторона французскаго краснобайства состояла въ цѣнѣ, которую предлагала Франція на этомъ публичномъ торгѣ за польскую корону. Полякамъ

представлялось, какъ Карлъ IX помогалъ имъ завоевывать Москву и пріобрѣсти «кое-что», то-есть Молдавію, отъ Порты; заводилъ флотъ на Балтикѣ; ставилъ польскую торговлю на одну ногу съ своею и во Франціи, и въ Средиземномъ морѣ; какъ Генрихъ, кромѣ войска, доблести, развитія просвѣщенія, приносилъ деньжонки для уплаты долговъ нищей Рѣчи Посполитой и жертвовалъ ей изъ своихъ доходовъ ежегодно 450,000 злотыхъ. Намекая на коварство цесаря, Монлюкъ ручался, что его принцу легко добраться до Польши. «Французы, воскликнулъ онъ, съумѣютъ проложить себѣ путь. Есть у нихъ галеры, ходящія противъ вѣтра; готовы пушки и воины. Черезъ 30 дней со дня извѣщенія Генрихъ приплыветъ къ Данцигу и, если понадобится, послѣ перваго привѣтствія вамъ прямо двинется въ Ливонію. Если-же вы не вѣрите намъ, то мы, забывая наше посольское достоинство, идемъ въ вашъ за́мокъ подъ арестъ». Въ заключеніе своей рѣчи епископъ валансскій вызвалъ изъ вѣковой могилы тѣнь польско-венгерскаго короля Людовика изъ фамиліи герцоговъ анжуйскихъ просить Поляковъ объ избраніи ея родственника.

Историкъ не можетъ равнодушно сказать, что Французъ просто заврался, увлекшись фразами. Это была сознательная ложь, ибо авторъ ея заявилъ между прочимъ: «Я рѣшился не прибѣгать ни къ обману, надувательству и вымысламъ, ни къ клеветѣ, просьбамъ, пасквилямъ или неисполнимымъ обѣщаніямъ. Какъ Французъ, стало-быть человѣкъ искренній, простой и открытый, я положилъ говорить напрямки, правдиво и чистосердечно». Но Поляки съ наслажденіемъ слушали эту рѣчь, хотя она и длилась битыхъ три часа. А по окончаніи ея вокругъ шопы поднялся радостный крикъ, загудѣли рукоплесканія. По наметамъ разнеслась даже вѣсть, что само Провидѣніе раздѣляетъ всеобщій восторгъ. Жаворонокъ, вопреки своему обычаю садиться на землю, примостился на шпицѣ шопы и прослушалъ

всю рѣчь Монлюка. А когда говорили другіе послы, шляхта замѣтила, что по полю раздавались хрюканье кабана и свистъ зайца; при Шведахъ же сама шопа свалилась. Шуаненъ утверждаетъ, что еслибы выборъ былъ произведенъ тотчасъ же, то ни одинъ голосъ не поднялся бы противъ Генриха [2]). Но до избранія оставался еще цѣлый мѣсяцъ, полный весьма важныхъ событій. Прежде всего нужно было выслушать остальныхъ иностранныхъ пословъ. На другой же день послѣ Монлюка послали за представителемъ Іоанна III шведскаго.

Шведская рѣчь была контрастомъ французской. Сухая, дѣловая, она не только была далека отъ гасконадъ, но лишь слегка затрогивала вопросъ о королевской кандидатурѣ и ея выгодахъ, указывая на сильный флотъ, металлическіе рудники да на полную свободу Іоанна III отъ духа тираніи, какъ въ отношеніи политическомъ, такъ и въ религіозномъ. Нищій сравнительно съ Французомъ Шведъ обратилъ болѣе вниманія на деньги. Онъ требовалъ у Поляковъ уплаты долга да выдачи наслѣдства и приданаго своей королевы, завѣщанныхъ ей ея расточительнымъ братомъ. Затѣмъ, намекая на золотыя горы, которыя только что посулилъ Монлюкъ, онъ высказалъ увѣренность въ безкорыстіи Поляковъ и прибавилъ: «Да что такое деньги? Самая пустая и непостоянная вещь! Онѣ ускользаютъ изъ рукъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Мой король предлагаетъ вамъ гораздо болѣе: онъ отдаетъ то, что для него всего дороже послѣ Бога—себя самого». Но главное и самое живое содержаніе шведской рѣчи составлялъ московскій вопросъ, эта историческая тяжба между двумя возникавшими великими державами на сѣверѣ Европы. «Союзъ Швеціи и Польши, говорилось въ ней, самое благородное и священное дѣло. Стоитъ только вспомнить про Московскаго, этого гордаго, коварнаго врага, этого лживаго, нечестиваго, безчеловѣчнаго тирана, про его стремленія, направленныя на погибель сосѣднихъ государствъ и народовъ!

Если малымъ государствамъ отдѣльно не выдержать напора большаго, то въ соединеніи они разрушатъ его силы, уже подорванныя тиранствомъ, сосущимъ собственную кровь. Вотъ почему Швеція не согласилась на мирныя предложенія Московскаго. Она проникла въ его дерзкіе замыслы, въ его ковы, прикрытые личиной дружбы. Она съ негодованіемъ читала брань и клеветы на Польшу, вкравшіяся въ эти предложенія, направленныя къ разъединенію враговъ. Да кто же не знакомъ съ вѣроломствомъ и коварствомъ этого свирѣпаго непріятеля? Кто не знаетъ, какъ этотъ ничтожный, темный народъ возросъ на счетъ другихъ народовъ, имъ покоренныхъ? Не пользуется-ли его царь всякимъ случаемъ, чтобы удовлетворить своимъ тиранскимъ похотямъ, расширить предѣлы своего варварскаго царства»? Мѣсяцъ спустя, по рукамъ Поляковъ была пущена болѣе обстоятельная записка о шведскихъ предложеніяхъ, и въ ней насъ снова поражаетъ московскій вопросъ, покрывающій все съ своего перваго плана. «Нарвская навигація, доказывала она, которую можетъ прекратить только Швеція, погубитъ Польшу, Литву, Пруссію и Ливонію, ибо иностранные купцы, минуя порты Рѣчи Посполитой, провозятъ самые дорогіе товары, даже серебро, прямо въ Нарву, къ неукротимому, извѣчному врагу христіанства. И вотъ польскіе товары залеживаются, падаютъ въ цѣнѣ, сгниваютъ, а непріятель богатѣетъ и набирается силъ». Шведъ не остановился впрочемъ на одной Балтикѣ. Надежда на соединеніе съ Польшей распаляла его воображеніе. «Тогда, мечталъ онъ, легко будетъ лишить Московскаго всей Ливоніи и всѣхъ его земель до самаго Восточнаго моря; возвратить Польшѣ все отнятое имъ путемъ обмана и коварства; далеко, сколько душѣ угодно, раздвигать въ глубь его земли польско-литовскіе предѣлы». Подъ конецъ сейма, устрашенные слухомъ о быстромъ разъѣздѣ пановъ, шведскіе послы подали сенату записку, повторявшую ихъ требованія: и въ ней звучитъ все та же

пѣсня про Московскаго, единоборство съ которымъ было не подъ силу Шведу.

Послѣ такихъ-то рѣчей въ шопу вступилъ человѣкъ, только что удостоившійся лицезрѣнія неприступнаго царя. Гарабурда сообщилъ уже извѣстныя намъ свѣдѣнія о переговорахъ съ Иваномъ IV (стр. 257—261). Теперь Поляки узнали оффиціальнымъ путемъ высокомѣріе ужаснаго тирана, который не удостоилъ ихъ даже обмана и обольщеній, не снарядилъ блестящаго посольства къ нимъ, не прислалъ даже простаго гонца съ какою-нибудь грамотой, и нехотя говорилъ съ литовскимъ писаремъ о *своей* кандидатурѣ. Гораздо опредѣленнѣе выразилъ онъ свой взглядъ на *другихъ* кандидатовъ, свое расположеніе къ цесарю и непріязнь къ Франціи. Гордымъ искателямъ короля разсказъ Гарабурды показался оскорбленіемъ, и съ этой минуты Иванъ IV окончательно сошелъ съ польской исторической сцены. Тѣмъ болѣе простора давалъ онъ остальнымъ главнымъ кандидатамъ, о которыхъ всего болѣе говорили въ шопѣ. Сюда, дѣйствительно, нахлынули теперь оффиціальные друзья Германіи и Франціи.

За Эрнеста австрійскаго рядомъ съ Московскимъ царемъ стала, конечно, вся многоглавая Римско-нѣмецкая имперія. Грамоты ея курфирстовъ, архіепископовъ майнцскаго, кельнскаго, трирскаго, герцога саксонскаго, маркграфа бранденбургскаго, пфальцграфа рейнскаго, были наполнены восхваленіями его качествъ и доказательствами, сколько друзей пріобрѣтетъ Польша съ его воцареніемъ. Цѣлая армія народовъ, управляемыхъ Габсбургами, начиная съ Испанцевъ и кончая Бельгійцами, раскроетъ ей свои объятія! Нѣсколько другимъ характеромъ отличалась грамота чиновъ Богеміи. Въ ней указывалось на вѣротерпимость Эрнеста, особенно на всестороннее сходство и родство между Чехами и Поляками, государства которыхъ основаны «двумя братьями при лучшихъ предзнаменованіяхъ, чѣмъ тѣ, что окружали дѣло

Ромула и Рема». Мало того. За нѣмецкую кандидатуру подала голосъ даже южная европейская украйна, Седмиградія, важная по своему географическому положенію. Скромный Стефанъ Баторій, не предчувствуя своего великаго значенія для Польши, на этотъ разъ предлагалъ ей себя во имя своей вѣрности католицизму и единства судебъ и характера венгерской и польской націй только въ томъ случаѣ, если не будетъ избранъ сынъ цесаря, которому онъ готовъ былъ помогать всѣми силами. За французскаго принца явился ходатайствовать посланный воеводы молдавскаго. Онъ представилъ грамоты отъ своего повелителя и отъ великаго визиря, которыя отечески призывали Поляковъ къ единодушію и требовали выбора или Пяста, или Генриха анжуйскаго. Правда, вслѣдъ затѣмъ намѣренія Порты измѣнились. Она уже снаряжала торжественное посольство въ двадцать лошадей, съ грамотой, въ которой «всеусерднѣйше» совѣтовала избрать или Якова Уханскаго, или Яна Фирлея, или Юрія Ясловецкаго. «Если же, прибавляли султанъ и великій визирь, вы выберете непріязненнаго намъ чужеземца, если поступите противъ нашей воли, то мы не обратимъ вниманія ни на какіе ваши доводы и извиненія». Но посолъ опоздалъ. Онъ прибылъ въ Варшаву, дня четыре спустя послѣ выборовъ, и, по настоянію Монлюка, былъ выслушанъ лишь черезъ недѣлю, когда все уже было кончено [3]).

Такъ, въ теченіе недѣли, завершилось первое дѣйствіе описываемой избирательной драмы. Оно весьма поучительно, ибо даетъ историку надежный ключъ къ уразумѣнію сложныхъ политическихъ интересовъ не только Польши, но и всей Европы того времени. Здѣсь эти интересы сами выступаютъ объяснителями событій. Въ новорожденной Варшавѣ, которой впослѣдствіи суждено было служить почвою, гдѣ долго сталкивались стремленія Востока и Запада Европы, теперь говорили сами за себя полныя надеждъ на будущее народныя силы Россіи и Швеціи, Германіи

и Франціи. Подлѣ нихъ выступалъ великій общій интересъ, религія. Символъ польской національности, Пястъ, былъ едва замѣтенъ въ тѣни задняго плана, какъ подставной король. Послѣ онъ выдвинется впередъ, но лишь на минуту, и жалка будетъ его роль.

Впрочемъ вопросъ объ иностранныхъ послахъ еще цѣлыхъ двѣ недѣли смущалъ сеймъ. Какъ только они исполнили свои порученія, снова возникъ споръ о дальнѣйшей ихъ судьбѣ. Янъ Фирлей опять сталъ доказывать необходимость удаленія ихъ изъ государства на время выборовъ. Особенно возставалъ онъ противъ присутствія Коммендоне, какъ лица, не имѣвшаго никакихъ правъ на это, ибо въ Польшѣ пребывалъ тогда нунцій, игравшій роль папскаго посла. Страшно встревожился Монлюкъ, разослалъ своихъ Французовъ къ панамъ для вразумленія ихъ. Сенаторы заспорили-было съ воеводою краковскимъ, но онъ обѣщалъ уступить скорѣе въ чемъ-нибудь другомъ, чѣмъ въ этомъ. Пришлось согласиться съ его непреклонною волей, съ силою его доводовъ. Канцлеру приказано было изготовить отвѣты посламъ, выпроваживаемымъ во-свояси. Тогда Монлюкъ потребовалъ исключенія въ свою пользу: другіе-де могутъ дня въ два возвратиться сюда изъ своихъ государствъ, а моя земля очень далеко. Ничего не вышло. Но вотъ ловкій интриганъ подавилъ главную пружину своей интриги. Онъ шепнулъ шляхтѣ — и та привалила въ шопу съ криками, что постановленіе сенаторовъ несправедливо и жестоко, что она порицаетъ своихъ депутатовъ, согласившихся съ нимъ безъ ея вѣдома. Нищіе Мазовшане заявили даже, что готовы принять въ свою землю Французовъ и тамъ содержать ихъ. Сенатъ, конечно, послушался. Вышелъ новый приказъ иностраннымъ посламъ: или ѣхать домой, или оставаться въ назначенныхъ мѣстахъ. Шляхта и этимъ не удовольствовалась. Такъ какъ Нѣмцы были удалены отъ Варшавы на 12 миль, Шведы лишь на 5, а Французы на 15,

то она ворчала, что все это продѣлки Яна Фирлея. Это распоряженіе, дѣйствительно, принадлежало ему, какъ маршалку коронному.

Передъ отъѣздомъ пословъ призывали съ обычнымъ церемоніаломъ въ шопу для выслушанія отвѣтовъ. Эти отвѣты были однообразны и не имѣли никакого значенія. Они были переполнены любезностями и благодарностью; все, не относившееся къ избранію, отлагалось до другаго времени; а самое избраніе представлялось дѣломъ Провидѣнія. Но послы не ограничивались ролью слушателей. Они старались въ послѣдній разъ подставить другъ другу ногу. Розенбергъ убѣдительно просилъ Поляковъ остерегаться государей, дружащихся съ язычниками. Приверженцы Франціи смутились; но ихъ выручилъ Монлюкъ. Когда онъ, ничего не подозрѣвая, приближался къ шопѣ, пріятели тайкомъ выбѣжали къ нему навстрѣчу. И вотъ онъ направилъ свою вторую рѣчь противъ этого скандала. Слушатели крайне изумились; шляхта благоговѣйно заговорила о новомъ знакѣ сочувствія Небесной силы къ французскому епископу. Насталъ день отъѣзда пословъ. Но ни одинъ не двигался съ мѣста; всѣ перекорялись между собою. Шляхта волновалась, видя неисполненіе сеймоваго приказа. Янъ Фирлей принужденъ былъ сурово напомнить посламъ объ ихъ долгѣ. Но они лишь тогда выбрались изъ Варшавы, когда имъ велѣли выѣхать всѣмъ въ одинъ день. Цесарскій посолъ поселился въ Ловичѣ, французскій въ Плоцкѣ, шведскій въ Закрочинѣ. Остальные отправились, по требованію сената, домой. Поднялся и Коммендоне, добровольно, не дожидаясь рѣшенія своей участи, о которой опять горячо заспорили въ шопѣ. Тамъ много шумѣли и насчетъ отвѣта на его рѣчь. Епископы хотѣли заявить, что королемъ можетъ быть избранъ лишь тотъ, кто подчиняется (subjectus) апостолическому *престолу*, или папѣ. Но шляхетскіе депутаты настояли на замѣнѣ *престола* словомъ *вѣра*, чтобы не подумали,

будто польскій король подданный папы. Съ этимъ успокоительнымъ отвѣтомъ кардиналъ удалился въ Скерневицу, находившуюся въ двухъ дняхъ пути отъ Варшавы. Впрочемъ онъ оставилъ на сеймѣ свои очи и уши въ лицѣ своего расторопнаго Граціани.

Оставила свои слѣды въ Варшавѣ и иностранная интрига. Ея главные дѣятели не даромъ прожили тамъ почти цѣлый апрѣль. Это время было заключеніемъ тѣхъ событій, которымъ мы посвятили двѣ главы. Тутъ были сдѣланы послѣдніе шаги въ игрѣ кандидатовъ на польскій престолъ; тутъ окончательно распредѣлились между ними голоса избирателей. Изъ массы соискателей польскаго трона теперь уже осталось съ Пястомъ только четыре. Вопросъ уяснялся еще болѣе оттого, что они были далеко неравносильны. Протестанты сами подрывали свое значеніе, раздѣляясь между цесаремъ, Шведомъ и Пястомъ. Правда, легко могло случиться, что двѣ послѣднія партіи, чувствуя свое ничтожество, примкнутъ къ вѣротерпимому Максимиліану II. На это даже надѣялся Розенбергъ; это имѣлъ въ виду и Монлюкъ. Но, кромѣ того, что и эта коалиціонная партія была-бы менѣе католическо-французской, сліянія не произошло. Несчастія преслѣдовали императора до самаго конца. Его послы продолжали вести себя нелѣпо, точно сговорились. Высокомѣрные баричи, они кутили въ Варшавѣ на самую аристократическую ногу. Не проходило дня безъ шумнаго, роскошнаго банкета у нихъ для пановъ. Бѣлоручки, они и не думали приглашать грязноватую шляхту, которая отвѣчала имъ все возрастающимъ негодованіемъ и подозрѣніемъ, что они хотятъ получить польскую корону изъ рукъ ненавистныхъ сенаторовъ Ихъ помощники поступали не лучше. Многаго ожидали отъ испанскаго посла, который везъ кучу денегъ «на барабаны и бубны», какъ выражались Французы. И что же? Донъ Фассардо отомстилъ Монлюку тѣмъ, что ни разу не явился въ сенатъ и возвратился вспять. А 40,000 талеровъ прибыли изъ Мадрида

къ границамъ Польши, когда уже совершилось избраніе. Между тѣмъ молва о нихъ распространилась повсюду и подогрѣла всеобщее раздраженіе противъ цесаріанцевъ, которое достигло крайней степени, когда Янъ Костка доставилъ на сеймъ аббата Цира съ его чемоданомъ и здѣсь прочли хранившіяся въ немъ бумаги. Когда такимъ образомъ безпрерывно ослабѣвали всѣ другія партіи, французская на просторѣ, крѣпла подъ искусною, неутомимою рукой епископа валансскаго.

Жанъ Монлюкъ прекрасно воспользовался своимъ пребываніемъ въ Варшавѣ. Только что описанные успѣхи его въ сенатѣ были лишь завершеніемъ цѣлаго ряда блестящихъ побѣдъ. Онъ завоевалъ себѣ здѣсь славу героя лжи, интригъ и обольщеній. Не зная усталости ни днемъ, ни ночью, онъ мѣтко поражалъ своихъ враговъ, которые успѣвали также причинять ему немало горя. Вдругъ по наметамъ забьютъ тревогу: пришли новыя ужасныя подробности о Варѳоломеевской ночи. Или пронесется молва о нищетѣ французской казны, объ испытаніяхъ Монлюка на пути въ Польшу, не получавшаго жалованья. Какой-то Полякъ служившій въ рейтерахъ, помогавшихъ гугенотамъ, расхаживая по палаткамъ, читалъ даже реестръ несмѣтныхъ долговъ Карла IX и требовалъ чтобы арестовали Монлюка, будто-бы задолжавшаго ему. Нето подымется крикъ о богатствѣ Генриха, который задумалъ купить себѣ престолъ. Уже толковали о его письменныхъ обязательствахъ уплатить извѣстныя суммы нѣкоторымъ панамъ и шляхтичамъ, всего на 200,000 дукатовъ; о выдачѣ 100,000 наличными Ходкѣвичу и Радзивилу; о ежегодномъ доходѣ въ 12,000, обѣщанномъ кардиналу Коммендоне. И такія лица, какъ примасъ, отвѣчая на запросы своихъ согражданъ, поддерживали эти слухи. Агенты императора не давали покоя Монлюку. Однажды, спасаясь отъ преслѣдованій челяди Розенберга, влетѣлъ къ нему юноша, назвавшійся племянникомъ Яна Фирлея, и предложилъ свои услуги:

оказалось, что это былъ шпіонъ, подосланный самими цесаріанцами. Еще больше хлопотъ надѣлалъ епископу валансскому гонецъ Ивоніи. Турецко-молдавская рекомендація Генриха, хотя и условная, произвела очень дурное впечатлѣніе и на пановъ, и на шляхту, какъ предполагалъ Франсуа де-Ноайль. Монлюкъ немедленно разослалъ по наметамъ своихъ агентовъ, и ужъ чего только они не врали! Нѣтъ-то въ Стамбулѣ французскаго посла; и грамота-то султана поддѣльна: нѣтъ при ней золотой печати и шолковой или парчевой сумки; да и переводъ-то ея не на константинопольской бумагѣ, стало-быть, сфабрикованъ въ Яссахъ или Польшѣ. Всѣ эти доводы такъ сильно подѣйствовали, что никто не обратилъ вниманія на переводъ, и онъ поспѣшилъ куда-то затеряться безслѣдно. Но опаснѣе всего для Монлюка было, конечно, мужественное противодѣйствіе Яна Фирлея. Этотъ вождь враговъ Франціи не ограничился изгнаніемъ иностранныхъ пословъ изъ Варшавы. Онъ предложилъ въ шопѣ выпроводить также тысячи три-четыре Мазовшанъ, чтобы ослабить несправедливое численное превосходство шляхты этой провинціи, которой ничего не стоило придти на сеймъ. Когда это предложеніе провалилось подъ страхомъ междуусобія, воевода краковскій внесъ еще одно: не приступать къ выборамъ, пока не будетъ оконченъ пересмотръ законовъ, начатый на конвокаціи. Конечно, онъ преимущественно имѣлъ въ виду утвержденіе религіозной конфедераціи. Нововѣрцы категорически заявили, что не дозволятъ избирать короля, пока имъ не обезпечатъ свободы совѣсти, пока сенатъ и шляхта не подпишутъ конфедераціи. Католики съ своей стороны горячились и кричали, что скорѣе умрутъ, чѣмъ допустятъ разновѣріе въ Польшѣ. Монлюкъ, опасаясь, чтобы споръ не довелъ до разрыва сейма, который онъ успѣлъ уже направить въ свою пользу, выбивался изъ силъ для примиренія враждующихъ. Онъ убѣждалъ католиковъ сдѣлать нѣкоторыя уступки, выказать дружелюбіе; а протестантамъ совѣтовалъ довольствоваться конфедераціей, представляя

ее вполнѣ достаточною для огражденія ихъ свободы. Ему удалось на нѣкоторое время заглушить этотъ страшный вопросъ.

А между тѣмъ епископъ валансскій не терялъ ни минуты. Не было силы, интереса, значительной личности, которыхъ онъ не затронулъ - бы. Подсмѣиваясь надъ цесарскими агентами, онъ велъ самый скромный образъ жизни. Ни одного шумнаго банкета не было устроено въ его квартирѣ. Онъ дозволялъ только своей свитѣ открыто забавляться «игрою въ мячъ, вольтижерствомъ и фехтованьемъ», что̀ привлекало къ нимъ на дворъ молодыхъ паненковъ, изумлявшихся ихъ ловкости. Но, избѣгая самъ встрѣчъ съ панами, онъ не переставалъ обольщать ихъ черезъ своихъ агентовъ, обѣщая имъ все, чѣмъ они интересовались, даже письменно ручаясь въ уплатѣ жалованья строптивымъ польскимъ наемникамъ *до пріѣзда Генриха*. Особеннаго вниманія Монлюкъ попрежнему удостоивалъ шляхту. Для нея-то онъ заставилъ Соликовскаго немедленно перевести на польскій языкъ прибавки къ своей рѣчи, вынужденныя словами Розенберга. Двадцать борзописцевъ просидѣли трое сутокъ, не смыкая глазъ, и никому не было отказа въ этой рѣчи. Жадная до новостей меньшая братія собиралась по всему полю кучками человѣкъ въ пятьдесятъ вокругъ бойкихъ чтецовъ Въ тоже время по наметамъ былъ пущенъ лестный для Генриха реестръ всѣхъ выгодъ и невыгодъ каждаго кандидата. И вотъ къ Монлюку нахлынула отовсюду шляхта съ привѣтствіями и дружескою болтовней. Приходили съ раскаяніемъ даже вчерашніе враги; увлеклась и свита враждебныхъ Франціи кіевскихъ и литовскихъ пановъ, сдружившаяся съ Мазовшанами. Старикъ чутъ не заболѣлъ отъ этихъ визитовъ и наконецъ раздѣлилъ съ двумя товарищами долгъ оставаться дома для пріема гостей. И какъ же былъ обласканъ каждый шляхтичъ! Сколько было расточено нѣжной заботливости даже о желудкахъ голодныхъ Мазовшанъ! Епископъ валансскій заискалъ на всякій случай и у ничтожной королевны Анны.

Онъ далъ ей письменное ручательство въ томъ, что Генрихъ влюбленъ въ нее, въ это олицетвореніе «столькихъ добродѣтелей и чистоты нравовъ», и женится на ней немедленно.

Наконецъ, какъ ни упорствовали до послѣднихъ дней вожди Литвы и бывшихъ ея провинцій, Монлюку удалось сломить и ихъ, хотя съ большимъ трудомъ и за дорогую цѣну. Послѣ долгихъ переговоровъ, послѣ томительнаго торга и не безъ участія Коммендоне Сиротка Радзивилъ и Янъ Ходкѣвичъ продали ему голосъ Литвы. Но не золото было платою, а письменное обязательство французскаго уполномоченнаго въ соблюденіи его государемъ слѣдующихъ условій. «Все отнятое у Литвы Москвитянами возвращается ей и прежнимъ владѣльцамъ. Точно также безусловно отдаются ей захваченныя у нея Польшею земли волынская, кіевская и брацлавская; а изъ Подляхіи Литва уступаетъ Польшѣ ради братства часть по рѣчку Нуржецъ. Не только всѣ литовскіе власти, законы и привилегіи остаются неприкосновенными, но и генеральные сеймы должны быть, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ: въ послѣднемъ случаѣ литовскія дѣла занимаютъ первое мѣсто. Всѣ должности въ великомъ княжествѣ, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, поручаются только туземцамъ. Всѣ литовскіе князья остаются въ своемъ прежнемъ, извѣчномъ положеніи. Ливонія ни въ какомъ случаѣ не отрывается отъ Литвы». Этотъ государственный актъ неизбѣжно вызывалъ другой, касающійся литовскихъ земель, теперь снова присоединяемыхъ отъ Польши къ великому княжеству. «Послѣ различныхъ бесѣдъ съ лицами, имѣющими большое вліяніе на шляхту и поселянъ упомянутыхъ земель», Монлюкъ не замедлилъ письменно пообѣщать Константину Острожскому и Павлу Сапѣгѣ — воеводѣ и каштеляну кіевскимъ, Вишневецкому, Загоровскому и Богушу—воеводѣ, каштеляну и старостѣ брацлавскимъ, и многимъ другимъ слѣдующее: «Волынь, Кіевъ и Брацлавъ отнынѣ уже никогда не будутъ

отрываемы отъ Литвы, но съ условіемъ, чтобы и у нихъ соблюдалось все обѣщанное ей Сверхъ того здѣсь должно нерушимо сохраняться прежнее положеніе греческой религіи, а въ церковные іерархи, то-есть во *владыки*, должны поставляться по преимуществу лица, отличающіяся, по свидѣтельству туземныхъ пановъ, доброкачественностью, ученостью, безупречною жизнію».

Теперь Монлюку оставалось только склонить на свою сторону нововѣрцевъ. Онъ дерзнулъ и на это, вѣроятно, надѣясь на письменныя обязательства, данныя имъ Петру Зборовскому вскорѣ по пріѣздѣ въ Польшу. Баланьи ухаживалъ за Яномъ Служевскимъ и Станиславомъ Шафранцемъ; Базенъ былъ посланъ къ Яну Фирлею и Николаю Мелецкому, чтобы, «если не пріобрѣсти, то хотя смягчить ихъ». Мелецкій потомъ самъ прибылъ къ Монлюку и былъ очарованъ имъ. Фирлей сначала прислалъ своего брата, а затѣмъ явился и самъ для личныхъ переговоровъ. Его присутствіе у заклятаго врага, его вопросы объ ожидаемомъ поведеніи Генриха въ Польшѣ, наконецъ его согласіе стать на сторону Французовъ, если не пройдетъ его собственный кандидатъ,— все это неопровержимо доказывало, что побѣда на выборахъ уже обезпечена за сыномъ Екатерины Медичи. Цесарскіе агенты слышали, какъ Поляки, даже ихъ вчерашніе друзья, говорили: «Французъ рожденъ для насъ, намъ предназначенъ». А Монлюкомъ овладѣло чувство спокойствія и самодовольства. Ему теперь не нуженъ былъ и бойкій Шуаненъ. Онъ отправилъ его въ Парижъ заранѣе провозгласить побѣду словами: «изъ двѣнадцати клѣтокъ шахматной доски девять уже занято нами» [4]).

Если иностранная интрига столь неутомимо довершала теперь свою работу, то могъ-ли бездѣйствовать цѣлый мѣсяцъ избирательный сеймъ? Ему было завѣщано такъ много дѣла и всею исторіей Польши, и политическими собраніями описываемаго безкоролевья. Рядомъ съ иностранною интригой, его волновало

множество внутреннихъ вопросовъ, которые волей-неволей онъ долженъ былъ рѣшить безотлагательно. Къ нему, къ этому желанному представителю полной верховной власти, сходилось на судъ, отъ него требовало отвѣта все созданное безпорядками послѣдняго царствованія и безкоролевья. Всякій мелкій, провинціальный и даже личный, интересъ старался воспользоваться этими послѣдними днями крайняго безсилія государства. Мы уже видѣли, сколько хлопотъ надѣлалъ сейму герцогъ прусскій. Для рѣшенія его тяжбы назначили даже особую коммиссію. Она смѣло отказала ему. Но тотчасъ же по наметамъ пробѣжалъ страшный слухъ о томъ, что герцогъ идетъ въ Варшаву съ хорошею кавалеріей: и долго легковѣрная меньшая братія не могла успокоиться. А между тѣмъ явились послы отъ прусской шляхты съ жалобами на жестокости и злоупотребленія воеводы хельминскаго. Эта новая причина распри между Поляками и Пруссаками возникла въ ту минуту, когда еще горѣли старыя раны, нанесенныя ими другъ другу: дѣло Пршіемскаго появилось на сеймѣ со всѣми своими зловѣщими подробностями. За прусскимъ вопросомъ слѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, частію дѣйствительно провинціальныхъ, частію добивавшихся этого значенія. Герцогъ курляндскій также требовалъ себѣ мѣста въ сенатѣ и возобновленія обветшалыхъ правъ и договоровъ своей земли съ Польшей. Онъ даже бралъ на себя роль наставника; совѣтовалъ Полякамъ утвердить навѣки всѣ права и льготы отдѣльныхъ членовъ государства; внушалъ имъ, не увлекаясь пустяками, сосредоточить свое вниманіе на защитѣ сѣверо-восточныхъ предѣловъ Рѣчи Посполитой отъ Московскаго. «Смотрите, пророчествовалъ онъ, чтобы сей лютѣйшій врагъ не занесъ своей ноги далеко вглубь нашей страны. Не пришлось-бы намъ съ нашимъ обычнымъ запаздываніемъ въ замыслахъ и поступкахъ запирать хлѣвы, когда уже исчезнетъ стадо, прикрывать колодезь, когда въ немъ уже утонетъ дитя».

Гордые послы изъ Митабіи были уполномочены трижды протестовать противъ избранія короля, если имъ не дадутъ мѣста въ сенатѣ. Не менѣе опасный голосъ доносился и съ другаго прибрежья Балтійскаго моря, изъ Штеттина. Поморскіе князья доказывали историческую связь своихъ земель съ Польшею и въ свою очередь домогались сенаторскаго кресла. Они подкрѣпляли свои притязанія старою пѣснію, требованіемъ уплаты долга Сигизмунда-Августа или назначенія поручителей, которые должны содержаться подъ стражею у заимодавцевъ. Въ противномъ случаѣ князья грозились, что ихъ раздраженная шляхта учинитъ разбои въ сосѣднихъ польскихъ владѣніяхъ. Сверхъ того они требовали права свободнаго плаванія по р. Вартѣ и точнаго опредѣленія границъ между Помераніей и Польшей. Софья, герцогиня брауншвейгская, настаивала на немедленномъ исполненіи завѣщанія покойнаго короля и вмѣстѣ съ своею сестрой, королевой шведскою, протестовала противъ беззаконной растраты тыкочинской казны, которой осмѣлились коснуться до вскрытія завѣщанія Сигизмунда-Августа. Наконецъ даже герцогъ голштинскій набивался, конечно, не даромъ на родство съ Рѣчью Посполитой. Его нелѣпо-краснорѣчивый посолъ, напомнивъ, что онъ происходитъ по женской линіи отъ Ягеллоновъ, сравнилъ Польшу съ Греціей, Ивана Грознаго съ Даріемъ, а своего государя съ самимъ Александромъ Македонскимъ и обѣщалъ, что этотъ новый герой защититъ Поляковъ отъ варварства Скиѳовъ, если только они отдадутъ ему Ливонію въ вассальное владѣніе. Но всѣ эти отчасти даже смѣшныя притязанія были ничтожны въ сравненіи съ тѣми опасностями, которыя грозили Рѣчи Посполитой съ ея восточной и юго-восточной окраинъ [5]).

Недѣли двѣ спустя по открытіи сейма, подлетѣла къ наметамъ блестящая кавалькада, вооруженная съ ногъ до головы, будто ища битвы. То были Литовцы, во главѣ которыхъ красовались Янъ Ходкѣвичъ, Николай Радзивилъ—воевода виленскій,

князь Стефанъ Збаражскій — воевода троцкій, и Остафій Воловичъ. Вопль негодованія и отчаянія раздался въ шопѣ, и изъ нея вышли парламентеры къ всадникамъ съ требованіемъ не подавать дурнаго примѣра, не нарушать мирнаго характера сейма, а подчиниться постановленію конвокаціи. Въ противномъ случаѣ Поляки грозились выставить съ своей стороны вооруженный отрядъ. Литовцы отвѣчали, что помнятъ свой долгъ и сознаютъ свое достоинство, но не смѣютъ стать безоружными среди толпы своихъ заклятыхъ враговъ, которые могутъ здѣсь исполнить свои коварные, доселѣ неудачные замыслы. Они были правы. Не говоря уже про непріязненныхъ имъ Поляковъ, только что выслушавшихъ отчеты конвокаціи и Гарабурду, тутъ можно было замѣтить Яна Глѣбовича и Юрія Олельковича. Впрочемъ, перемолвившись между собою, вожди Литвы великодушно согласились, «цѣня счастіе Рѣчи Посполитой выше собственной жизни», сбросить съ себя оружіе. Но зато они не отказались отъ своихъ историческихъ задачъ. Явившись въ шопу, они, послѣ перваго привѣта сенаторамъ, тотчасъ выставили, какъ необходимое условіе избранія, требованія, только что изложенныя нами въ декларацiи Монлюка. Польша попрежнему отвѣчала рѣзкимъ отказомъ, ссылаясь на Люблинскую унію и тѣмъ предрѣшая вопросъ, который тутъ же опредѣлила «разсмотрѣть передъ лицомъ новаго короля и всей Рѣчи Посполитой».

Въ это же самое время немало тревоги надѣлалъ князь слуцкій. Получивъ отъ конвокаціи кресло въ сенатѣ, онъ прислалъ въ началѣ сейма грамоту съ извиненіемъ въ томъ, что распутица и нездоровье не позволяютъ ему прибыть къ сроку въ Варшаву. Затѣмъ, почти въ одно время съ Литовцами, онъ явился сюда съ большою свитой, хорошо вооруженный. Но ему нелегко было пробраться къ креслу, которое онъ считалъ безспорно своимъ. На конвокаціи его тяжба прошла безъ затрудненій

лишь потому, что тамъ не было его главныхъ враговъ, Литовцевъ. Теперь же они горячо возстали противъ его мнимыхъ правъ. Янъ Ходкѣвичъ дерзнулъ даже обвинить его въ подлогѣ. Онъ выразился о письменномъ постановленіи конвокаціи, какъ о документѣ, который былъ тайкомъ сфабрикованъ за извѣстную мзду. Польскіе паны, а также и всѣ воеводства, ревнивыя къ своимъ правамъ, рады были загладить ошибку конвокаціи и поддержали Литовцевъ. Юрію Олельковичу объявили, что не можетъ быть и рѣчи о наслѣдственности сенаторскаго достоинства въ государствѣ, гдѣ ненаслѣдственна даже королевская власть; что слуцкій князь не считается сенаторомъ даже въ Литвѣ, ибо у него нѣтъ кресла на гродненскомъ сеймѣ. За нимъ признали только право подавать голосъ вмѣстѣ съ шляхтою новогродскаго воеводства, къ которому причислялась его земля. Неудавшійся сенаторъ гнѣвно отъѣхалъ съ избирательнаго поля съ своею свитой и сторожилъ неподалеку. Еще не разъ старался онъ пробраться въ шопу, конечно, лишь для увеличенія своего позора. А когда началось избраніе, онъ двинулся къ Камню съ значительнымъ отрядомъ войска. Но страстный Олельковичъ не взвѣсилъ своихъ силъ. Радзивилъ и Ходкѣвичъ съ своими соратниками бросились къ оружію и приготовились достойно принять его. Ему пришлось окончательно смириться.

Но ничтожный литовскій князекъ, превращавшійся въ польскаго шляхтича, могъ произвести лишь мимолетное волненіе на сеймѣ. Его жалкая личность блѣднѣла передъ дѣйствительною силой, нахлынувшею въ Варшаву съ юго-востока, которая глубоко потрясла избирателей и долго сковывала ихъ паническимъ страхомъ. Наемныя войска, обносившіяся и проголодавшіяся, уже давно не получая ни жалованья, ни точнаго отвѣта на свои жалобы, потеряли терпѣніе. Самыя важныя изъ нихъ по числу, опытности и занимаемымъ ими постамъ, защитники подольскихъ и русскихъ границъ, рѣшились на шагъ тѣмъ

болѣе страшный, что его никто не ожидалъ. Какъ ни отговаривалъ ихъ Юрій Ясловецкій, они пришли подъ Варшаву и расположились въ двухъ миляхъ отъ нея. Казалось, преторіанцы были на лицо: недоставало только деспота. Войска, понимавшія политику лишь въ смыслѣ золота, за которое они продали себя, играли сеймомъ, какъ куклой. Цѣлыя двѣ недѣли они прерывали ходъ его занятій. Шляхта трепетала отъ ихъ угрозы разгромить государственныя имущества и, ища виновниковъ столь печальной участи страны, по обыкновенію, напала на нелѣпыя подозрѣнія. Она то кричала, что французскій посолъ поджигалъ войско въ своихъ интересахъ, то приписывала все интригамъ пановъ, будто-бы желавшихъ затянуть избраніе, надѣясь на ея отъѣздъ. А между тѣмъ съ юго-востока все чаще и чаще приходили страшныя вѣсти. Пользуясь беззащитностью границъ, росли орды Татаръ и разсыпались по раздольнымъ украинскимъ степямъ. Несчастные жители тѣхъ мѣстъ умоляли сеймъ удовлетворить войска и немедленно выслать ихъ на прежніе сторожевые посты.

Ясно было, что Рѣчь Посполитая могла шутить со всякими другими кредиторами, кромѣ войска. Въ шопѣ задумались объ этомъ тотчасъ по выслушаніи иностранныхъ пословъ. Осмотрѣли казну — ни злотаго. Немедленно снарядили *депутатовъ* *) для изслѣдованія государственныхъ финансовъ: четырехъ сенаторовъ да по шляхтичу изъ каждаго воеводства. Такъ какъ назначеннаго на содержаніе войска сбора съ государственныхъ имуществъ, именуемаго *квартой*, очевидно, не хватилобы на удовлетвореніе наемниковъ, то вскорѣ всѣ убѣдились въ неизбѣжности чрезвычайныхъ финансовыхъ мѣръ. Въ шопѣ одинъ каштелянъ предложилъ весьма простой и смѣлый планъ: собрать съ владѣльцевъ государственныхъ имуществъ доходы,

---

*) Такъ назывались на польскихъ сеймахъ всякія коммиссіи.

уплачиваемые ими королю, ибо «Рѣчь Посполитая имѣетъ полное право на доходы своихъ королей». Къ тому же заключенію пришли и депутаты. Но противъ него, конечно, поднялись горой лица, заинтересованныя въ дѣлѣ, которыя разлакомились во время безкоролевья отправлять въ собственный карманъ деньги, шедшія обыкновенно «на столъ короля». Когда сеймъ, имѣвшій власть наказать ихъ отобраніемъ доходныхъ статей или лишеніемъ голоса на выборахъ, началъ строго настаивать, они, ко всеобщему изумленію, чуть не всѣ представили доказательства, что владѣютъ государственными землями на правѣ пожизненной свободы отъ требуемыхъ взносовъ. Они совѣтовали лучше удовлетворить войска посредствомъ чрезвычайнаго налога на всѣ воеводства. Но это *право пожизненности* было весьма сомнительно. Многіе тотчасъ замѣтили, что еслибы король въ самомъ дѣлѣ былъ такъ щедръ, то ему нечего было-бы ѣсть. А смѣлый каштелянъ каменецкій, Іеронимъ Сѣнявскій, прямо обвинилъ ихъ въ подлогѣ. «Тотчасъ по смерти короля, заявилъ онъ, намекая на продѣлки камарильи, попалась мнѣ его печать. На ней не было и слѣда королевскаго герба: такъ она истерлась. Такъ вотъ когда понатворили этихъ правъ»! Но это обвиненіе нужно было еще доказать. А между тѣмъ многіе даже не понимали смысла закона и спрашивали: къ кому относится слово «пожизненность», къ владѣльцу или къ королю? Сеймъ долженъ былъ замолчать и отложить разрѣшеніе законодательнаго сомнѣнія до новаго сейма съ участіемъ короля [6]).

Но войско, которому не было дѣла до юридическихъ понятій Поляковъ, продолжало шумѣть и потрясать оружіемъ. Тогда сеймъ, по предложенію финансовой коммиссіи, опредѣлилъ доставить къ Троицыну дню во Львовъ: упомянутую кварту, отъ которой, видно, не смѣли отказаться владѣльцы государственныхъ имуществъ; налоги съ Пруссіи; недоимки, которыми всегда щеголяла Польша, вообразившая, что въ эпоху безкоролевья ихъ легче

собрать, чѣмъ при королѣ; наконецъ доходы съ староствъ, соляныхъ копей и лѣсовъ. Но напрасно трудились польскіе финансисты. Ихъ жалкое правительство несло достойную кару: войско, обманутое уже дважды, при Сигизмундѣ-Августѣ и въ безкоролевье, не довѣряло ему. Оно выставило позорное, небывалое условіе, чтобы извѣстное число избранныхъ имъ пановъ и шляхтичей поручилось въ уплатѣ ему 130,000 злотыхъ. Въ шопѣ испугались опасныхъ послѣдствій этого государственнаго скандала. А тѣмъ временемъ указанные войскомъ поручители запропастились куда-то, сберегая свои карманы. Пришлось идти на сдѣлку. Суровые кредиторы согласились принять въ уплату только кварту, какъ наиболѣе надежный и опредѣленный доходъ. Должница, Рѣчь Посполитая, признала за ними право грабить ея имущества въ случаѣ неустойки. Этого мало. Кредиторы, кажется, лучше нея самой знали ея финансы. Сообразивъ, что въ квартѣ не достанетъ 10,000 злотыхъ, они поразили всѣхъ своею изобрѣтательностью и знаніемъ кладовыхъ государства. Они явились къ Аннѣ Ягелловнѣ съ просьбой выдать имъ эту сумму изъ серебра, хранящагося въ Тыкочинѣ. Какъ ни тяжко было польскому правительству, какъ ни стыдилось оно иностранцевъ, а принуждено было уступить. Одержавъ надъ нимъ такую блестящую побѣду, войско потянулось на свои покинутые посты, на борьбу съ Татарами. Но на сеймѣ долго еще не прекращалось волненіе. Великополяне напали на Яна Фирлея за то, что онъ ловко включилъ наемниковъ, охранявшихъ границы Малой Польши, въ число украинскихъ счастливцевъ, получившихъ тыкочинское серебро. Его упрекали чуть не въ мошенничествѣ на томъ основаніи, что Малая Польша должна сама содержать, какъ хочетъ, своихъ защитниковъ. Этого мало. Когда беззаботные наемники весело удалялись съ набитыми карманами съ поля избранія, за ними оставался мрачный слѣдъ. Съ ихъ дѣломъ связанъ самый жалкій, самый прискорбный эпизодъ этого сейма.

Уже почти годъ волновавшіе всѣхъ слухи о разграбленіи государственной казны подтвердились ея ревизіей. Финансовая коммиссія указала сверхъ того на множество злоупотребленій, обогащавшихъ частныхъ лицъ насчетъ королевскихъ доходовъ. Крикъ негодованія раздался по наметамъ. Шляхта рада была даже затянуть избраніе, лишь бы дать исходъ своей застарѣлой злобѣ на верховную власть и ея соумышленниковъ, пановъ, и достойно завершить позорное дѣло, заглохшее на конвокаціи. Ея дѣтскому уму казалось, что здѣсь лежалъ корень всѣхъ несчастій Рѣчи Посполитой, и она бросилась къ шопѣ съ требованіемъ немедленно допросить и наказать грабителей, «особенно *придворныхъ*». Возникла еще коммиссія: «депутаты для изслѣдованія злоупотребленій, учиненныхъ, какъ при жизни Сигизмунда-Августа, такъ и по его смерти». Представители отъ каждаго воеводства да четыре сенатора, въ томъ числѣ Петръ Зборовскій, засѣли въ особомъ наметѣ. Напрасно шляхта предосуждала придворныхъ. Они заговорили на допросѣ тономъ обвинителей и доказали, что источникъ зла былъ не въ нихъ, а въ камарильѣ, состоявшей изъ любовницъ короля и ихъ родни и предводительствуемой братьями Мнишками, Николаемъ и Юріемъ. Дѣло было ясно, какъ день. Но на польскомъ сеймѣ приговоръ постановляла не справедливость, а интрига. Незадолго передъ тѣмъ сестра Мнишковъ, богатѣйшая изъ польскихъ вдовъ, отдала свою руку не одному изъ страстно желавшихъ ея Зборовскихъ, а великому маршалку коронному. Стало-быть, теперь тяжба шла не между зломъ и правдой, а между Зборовскими и Яномъ Фирлеемъ. Вотъ почему Мнишки, окруженные сильною партіей, выступили передъ коммиссіей съ наглостью, равною ихъ подлости. Вотъ почему ихъ адвокатъ не счелъ нужнымъ даже защищать ихъ. Онъ высокомѣрно спросилъ только: «Ужъ не вздумаютъ-ли депутаты покарать *польскихъ шляхтичей*»? и дерзко прибавилъ: «Да, вѣдь, не одни Мнишки

повергли государство въ анархію: найдется много пановъ и шляхты, приложившихъ тутъ свои руки. А впрочемъ, пока настанетъ *законный* судъ, пусть пожалуютъ сюда придворные, пришедшіе свидѣтельствовать противъ нихъ!» Придворные смутились. Они робко стали поддерживать свои обвиненія и то лишь тогда, когда пылкій Зборовскій, забывъ свою роль слѣдователя, началъ поносить Мнишковъ. Друзья ихъ отвѣчали бранью. Поднялся страшный гвалтъ. Канцлеръ коронный, Дембинскій, думалъ разнять враговъ шуточкой: «Есть о чемъ спорить! Если Мнишки и виноваты, то великъ-ли ихъ грѣхъ? На то и лакеи, чтобы провожать дамъ и обтирать имъ башмачки». Мнишковцы разозлились еще больше и такъ напали на несчастныхъ слѣдователей, что тѣ поспѣшили прекратить свои засѣданія и разбрелись отчитываться по наметамъ. Придворные протестовали въ шопѣ противъ безплодности процесса. А Мнишки все не унимались. Видя, какъ ихъ партія растетъ съ каждымъ днемъ, замѣчая въ своихъ рядахъ даже многихъ сенаторовъ, они уже требовали теперь, чтобы ихъ очистили отъ обвиненія и наказали придворныхъ. И такую пріобрѣли они силу, что никто не обратилъ вниманія даже на слезную жалобу Анны Ягелловны, которая, какъ жертва камарильи, призывала передъ лицомъ сената гнѣвъ Божій на головы ея оскорбителей и расхитителей ея наслѣдства. Коронная рада объявила, что она, какъ некомпетентная рѣшить столь важное дѣло, отлагаетъ его до обычнаго королевскаго суда. Да и то еще многіе паны сожалѣли о «бѣдняжкахъ Мнишкахъ, которымъ приходится такъ долго лежать въ разсолѣ». Придворные, униженные нравственно, «замолчали, объятые печалью и скорбью», говоритъ очевидецъ событій.

Такъ остановилось это грустное дѣло на томъ, съ чего началось, безъ всякаго практическаго результата, кромѣ проволочки времени. Но оно какъ будто нарочно явилось тутъ, чтобы свидѣтельствовать о характерѣ сейма передъ судомъ гораздо

болѣе важнымъ, чѣмъ судъ польскихъ пановъ. Оно доказываетъ потомству, какая судьба постигала въ Рѣчи Посполитой государственные вопросы. Они запутывались въ сѣтяхъ мелкихъ, личныхъ интригъ, при которыхъ самые отвратительные преступники выходили сухими изъ кругомъ облѣпившей ихъ грязи. Они обращались, благодаря наивной откровенности шляхетской демократіи, въ колоссальный скандалъ, клеймившій страну позоромъ передъ лицомъ всей Европы. Слѣдствіе о «злоупотребленіяхъ» превратилось въ публичный судъ надъ совѣстью короля, кости котораго почти годъ гнили въ непогребенномъ гробу. И къ чему же оно привело? Лишь къ разоблаченію грязныхъ подробностей, оскорблявшихъ чувство стыда, вѣры и патріотизма, отъ которыхъ умоляли уволить сами свидѣтели, которыя вызвали у одного изъ депутатовъ, Оржельскаго, слѣдующее горькое признаніе: «Я не даромъ записываю объ этомъ недостойномъ предметѣ. Пусть узнаетъ потомство, чѣмъ занимались его предки въ преславномъ собраніи и чего достигли. Передъ цѣлымъ свѣтомъ были вскрыты воровство, распутство и ужасная смерть короля, вскрыты какъ будто съ цѣлью насмѣяться и потомъ бросить» [7]).

Лучшіе изъ Поляковъ имѣли полное право назвать какою-то печальною насмѣшкой этотъ неумѣстный и безплодный судъ надъ своимъ прошедшимъ. Его нельзя оправдать ничѣмъ, даже бездѣльемъ. Напротивъ. Кромѣ избранія, кромѣ описанныхъ иностранныхъ и внутреннихъ вопросовъ, у сейма было много дѣла и какого великаго историческаго значенія! Ему предстояло рѣшить наконецъ, во что бы то ни стало, основные вопросы, волновавшіе страну въ это безкоролевье, безъ которыхъ немыслимо было дальнѣйшее существованіе Рѣчи Посполитой. По знакомому намъ свойству польской націи ничего не рѣшать точно, окончательно, на первомъ планѣ стоялъ опять злосчастный избирательный вопросъ. Какъ ни обстоятельно былъ онъ

опредѣленъ программой конвокаціи, никто однако не считалъ его сданнымъ въ архивъ. Если сеймики подвергали эту программу измѣненіямъ, какъ имъ заблагоразсудилось, то еще болѣе правъ имѣлъ на это сеймъ. Дѣйствительно, вслѣдъ за рѣчами иностранныхъ пословъ, когда всѣ ожидали немедленнаго открытія выборовъ, по наметамъ поднялись шумные толки о достоинствахъ конвокаціонной программы. Они отразились тотчасъ же въ шопѣ, гдѣ приняли, конечно, жгучій, сословный характеръ. Нѣкоторые сенаторы, указывая на затруднительность и опасность всеобщей подачи голосовъ, требовали избранія посредствомъ депутатовъ отъ шляхты. Нашлись даже смѣльчаки, которые высказали старый, давно забытый взглядъ, что меньшая братія просто не имѣетъ права участвовать въ этомъ обрядѣ. Шляхта разозлилась, заслышавъ такія рѣчи, забушевала, какъ море, и стала замышлять, какъ-бы ограничить даже ту долю вліянія на выборы, которая была предоставлена панамъ на конвокаціи. Въ шопѣ стали за нее католическіе и французолюбивые сенаторы. Имъ удалось устрашить товарищей воспоминаніемъ о пѣтушьей войнѣ, предвѣщаніемъ, что шляхта заставитъ сенатъ признать *ея* короля и тѣмъ окончательно подорветъ его значеніе. Кое-какъ споръ былъ рѣшенъ, и всѣ согласились назначить коммиссію для пересмотра конвокаціонной программы. 15-го апрѣля она составилась. Довольно сказать, что тутъ засѣдало по десяти шляхтичей изъ каждаго воеводства, что ими руководилъ самъ Янъ Замойскій, чтобы не сомнѣваться въ результатѣ. Коммиссія навѣки учредила всеобщую подачу голосовъ. Затѣмъ она легко приняла всѣ прочія постановленія конвокаціи. Только жребій возбудилъ споръ. Большинство горячо отвергало этотъ «слѣпой способъ рѣшенія дѣлъ, требующихъ разума и совѣщаній, который ставитъ на одну доску неравныхъ кандидатовъ». Даже защитники его указывали на него, лишь какъ на «послѣднее» средство.

Жребій былъ отвергнутъ. Впрочемъ мы увидимъ, что незавидна была и судьба остальныхъ пунктовъ избирательной программы. Поляки не устояли противъ искушенія хотя на практикѣ рѣшить посвоему уже рѣшенное ими въ теоріи. Мы можемъ замѣтить только, что и обрядовыя мелочи, и самая коммиссія децемвировъ не составляли важной серьозной части занятій сейма. Его великое историческое значеніе лежитъ въ обсужденіи гораздо болѣе существенныхъ вопросовъ.

Не даромъ конвокація требовала, чтобы сеймъ, по выслушаніи иностранныхъ пословъ, прежде всего занялся исправленіемъ законовъ. Не даромъ уже два раза подымался споръ объ этомъ на сеймѣ: примиреніе партій, котораго достигъ Жанъ Монлюкъ, было, конечно, мимолетное. Иначе и быть не могло. Результатъ избранія уже былъ очевиденъ: оно представлялось каждому лишь пустымъ обрядомъ. Борьба историческихъ силъ, въ которой лежитъ все значеніе сейма, должна была завершиться именно *до* этого обряда. Вотъ почему апрѣль прошелъ въ мучительныхъ волненіяхъ, окружавшихъ законодательный и тѣсно связанный съ нимъ религіозный вопросы. Вотъ почему въ этой сценѣ избирательной драмы сгруппировались главные герои нашего труда. Съ одной стороны подлѣ единственнаго измѣнившаго Риму епископа, Франциска Красинскаго, стояли, рука въ руку, злѣйшіе враги, Янъ Фирлей и Петръ Зборовскій; съ другой— іезуитъ Карнковскій и упрямецъ Уханскій. Всякое государство, твердили протестанты опирается не на личность короля, а на порядокъ, законы и учрежденія. Безкоролевье, вредно для другихъ, а для Поляковъ полезно, ибо имъ необходимо пріумножить въ это время свои вольности въ виду зла, свившаго себѣ гнѣздо при Сигизмундѣ-Августѣ. Король долженъ обязаться сохранять не скаредную, но всестороннюю свободу, и прежде всего религіозную. Католики доказывали противное. Все дѣло въ личности короля, кричали они. Если онъ безсовѣстенъ и вѣроломенъ, то будетъ

злоупотреблять властью, хотя бы написали тысячу законовъ. Въ этомъ старомъ спорѣ протестанты сначала преодолѣли. За нихъ стояли свободолюбивые инстинкты націи и потребности времени. Такъ ясна была необходимость уступокъ, единомыслія, посильнаго уравненія правъ враждующихъ сторонъ, что даже среди папистовъ зародилось что-то въ родѣ умѣренной партіи. Часть духовенства склонялась къ признанію конфедераціи, если ей будетъ обезпечена вся прежняя сумма церковныхъ доходовъ. Иные соглашались дать свободу только аугсбургскому исповѣданію. Не обошлось, конечно, и безъ истинно-польскихъ проектовъ, напримѣръ: допустить лютеранизмъ только для шляхетскаго сословія, строго воспрещая его всѣмъ остальнымъ. Правда, какъ всегда, умѣренныя предложенія не достигли цѣли. Нововѣрцы пуще прежняго настаивали на безусловной свободѣ совѣсти. Волынь требовала распространенія конфедераціи и на грековосточную церковь. Католическіе фанатики, устами Якова Уханскаго, наотрѣзъ объявили, что *всякая* вѣра, кромѣ римской, ничто иное, какъ ересь, расколъ. Но теперь борьба не могла уже окончиться двусмысленно, какъ на конвокаціи. Отъ ея исхода зависѣло самое избраніе. Нововѣрцы одолѣли. 20-го апрѣля была назначена коммиссія для исправленія законовъ изъ нѣсколькихъ пановъ и шляхтичей.

Но это было мимолетное затишье, предвѣщавшее бурю. Побѣжденные католики, эти мнимые охранители трона и алтаря, взялись за послѣднее, революціонное средство. Ихъ соблазняла толпа неразумной шляхты, которая понимала одинъ только законъ — свои будничныя нужды, и злилась на острочку избранія. Они знали, что стоило только мигнуть ей — и свобода совѣсти, судьба государства, его устройство, все рухнетъ въ одинъ мигъ. По наметамъ сталъ ходить слухъ, что Янъ Фирлей нарочно затягиваетъ дѣло, надѣясь на удаленіе меньшей братіи до избранія. Не стерпѣли оборванцы Мазовшане. Еще

не успѣла коммиссія окончить свое третье засѣданіе, какъ они налетѣли на шопу, а за ними Плочане, Добржинцы, да кое-кто изъ Литовцевъ. Требуютъ немедленныхъ выборовъ, ибо только за тѣмъ и прибыли они сюда. Сенаторы отвѣчали, что дѣло еще не кончено, и просили осьмидневной отсрочки. Рыцари поворчали, послали депутатовъ въ коммиссію посмотрѣть, что она натворила, и сообщить свои замѣчанія и разошлись. Тогда зашумѣли о томъ же Познанцы и Калишане. Къ нимъ выбѣжалъ изъ коммиссіи каштелянъ гнѣзненскій, Янъ Томицкій, съ черновою исправленныхъ законовъ въ рукѣ и увѣрилъ ихъ, что завтра все будетъ готово. На другой день, 24 апрѣля, они поняли обманъ, и въ обоихъ воеводствахъ завязался горячій споръ между Томицкимъ и маршалкомъ надворнымъ, Андреемъ Опалинскимъ, о томъ, слѣдуетъ-ли допускать дальнѣйшую отсрочку избранія? Рѣшились пойти на сдѣлку: пересмотрѣть не все законодательство, а только пункты, относящіеся къ королевской власти, которые и исправить въ смыслѣ ея ограниченія. Два дня спустя, шопа была полна пановъ и шляхты. Вдругъ снова прибѣжали Мазовшане съ своими друзьями и пуще прежняго кричали: «избирать немедленно, бросивъ всѣ другія дѣла»! Яковъ Уханскій заявилъ то же требованіе, но боязливо, безъ подобающей торжественности. Католики рукоплескали; нововѣрцы, особенно Малополяне, гнѣвно возражали. Новая сдѣлка. Постановили въ одно и то же время приступить къ выборамъ и продолжать исправленіе законовъ касательно власти короля. Но и этимъ не удовольствовались. На слѣдующій день, 28 апрѣля, опять завязался тотъ же споръ, и онъ былъ дольше и серьёзнѣе всѣхъ словопреній по этому вопросу, хотя и возникъ уже послѣ его рѣшенія. Здѣсь-то были высказаны мысли, сгруппированныя нами выше и изложенныя преимущественно Томицкимъ и Опалинскимъ. Здѣсь откровенно и горячо въ третій разъ заговорили о религіозной конфедераціи. Правда, рѣшеніе,

принятое наканунѣ, не было измѣнено. Но католики расходились до того, что впервые сдѣлали заявленіе, повергшее всѣхъ въ ужасъ и чуть не разогнавшее сеймъ. Посланный Мазовшанами Коссобуцкій заключилъ свою длинную и искусную рѣчь въ пользу католицизма словами: «Если сенатъ, бросивъ всѣ другія дѣла, не займется тотчасъ же выборами, то шляхта, имѣя въ виду, что Рѣчь Посполитая не можетъ долѣе оставаться безъ правителя, сама позаботится о благѣ страны и поставитъ короля силою, волненіемъ и крикомъ». Нововѣрцы всполошились. Впервые отчаяніе разстроило образцовую дисциплину въ ихъ рядахъ. Нѣкоторые изъ нихъ вышли изъ повиновенія Яну Фирлею и рѣшились отвѣчать на угрозы враговъ крайнею мѣрой, насиліемъ.

Казалось, оправдывалась пущенная католиками клевета, будто нововѣрцы умышленно длятъ сеймъ и «всего болѣе желаютъ сорвать его». Всю послѣднюю апрѣльскую ночь горячій протестантъ, Станиславъ Шафранецъ, не спалъ напролетъ. Онъ ходилъ изъ намета въ наметъ по стану Литовцевъ, повидался почти со всѣми ихъ вождями. Онъ убѣждалъ каждаго въ необходимости сорвать сеймъ, чтобы предупредить междуусобіе, которое не замедлитъ разразиться, такъ какъ нѣтъ надежды на утвержденіе конфедераціи, безъ чего нововѣрцы не допустятъ воцаренія въ Польшѣ какого бы то ни было католика. Слова Шафранца упали на подготовленную почву. Дѣловымъ Литовцамъ уже надоѣли безплодныя польскія словопренія. Ихъ тревожили продѣлки Юрія Олельковича. Къ тому же, въ виду упорства и единодушія протестантовъ, они теряли надежду поддержать въ эту минуту свое католическое знамя. А наканунѣ они выслушали въ шопѣ докладъ какого-то шляхтича, прискакавшаго изъ Седмиградіи. Онъ сообщилъ за вѣрное, что тамошній воевода получилъ приказъ отъ султана приготовиться къ вторженію въ Польшу, и что онъ видѣлъ подобное же предписаніе

отъ Порты татарскому хану. Затѣмъ пришли письма изъ Литвы съ ужасными вѣстями: «Сынъ Ивана Грознаго подступилъ съ войскомъ къ Полоцку; слѣдомъ за нимъ идетъ самъ царь промышлять надъ нами. А мы сидимъ безъ помощи: каждый изъ насъ весь погрузился въ интриги этого избранія»! На слѣдующій день вожди Литвы спозаранку держали таинственный совѣтъ. Рѣшили предварительно снестись съ папскимъ легатомъ. Янъ Ходкѣвичъ поскакалъ въ Скерневицу. Коммендоне горячо возсталъ противъ его плана сорвать сеймъ. Онъ настращалъ его всѣми ужасами анархіи и подчиненія Польши пястовцамъ и чужеземцамъ, если избраніе не совершится тотчасъ же. «Поляковъ, говорилъ онъ, никакъ не соберешь въ другой разъ на сеймъ. А тѣперь очень легко выбрать короля католика. Епископы и Мазовшане держатся твердо. Стоитъ только вамъ примкнуть къ нимъ—и мы такъ стѣснимъ избраніе, что не дадимъ вздохнуть еретикамъ. Касательно королевской присяги, т. е. религіозной конфедераціи, можно внушить имъ, что нельзя довѣрять королю, признающему всѣ секты, да невозможно въ одно и то же время обязывать его присягой съ религіозною цѣлью и лишать его всякой религіи, вынудивъ у него признаніе всевозможныхъ сектъ и богохульствъ. Спросите-ка еретиковъ, желающихъ предоставить каждому полную свободу, возможно-ли лишать ея короля? Ну, а если онъ скажетъ, что на этомъ основаніи присоединяется къ сектѣ, которая не признаетъ обязательствъ присяги»? Впрочемъ Коммендоне вообще совѣтовалъ отнюдь не вступать въ споры, а усмирять ихъ и дѣлать свое дѣло спокойно, но неуклонно. Янъ Іеронимовичъ поспѣшилъ къ своимъ и ночью успѣлъ устроить новое совѣщаніе. Литва рѣшила не покидать сейма [8]).

Планъ нетерпѣливаго Шафранца былъ разрушенъ, и къ счастью для нововѣрцевъ, которые не менѣе кардинала боялись сорванія сейма. Ихъ воплощенная мысль, Янъ Фирлей слѣдо-

валъ совсѣмъ другой системѣ. Онъ видѣлъ, какъ стройны ряды его арміи; какъ искренно поддерживалъ его злѣйшій его врагъ, Петръ Зборовскій; какъ еще мужественно вѣренъ себѣ былъ епископъ краковскій; какъ наконецъ свободолюбивая нація еще находилась подъ обаяніемъ возвѣщеннаго имъ увеличенія вольностей. И какъ патріотъ, и какъ протестантъ, онъ дорожилъ своимъ роднымъ дѣтищемъ, работою коммиссіи, и рѣшился, во что бы то ни стало, вынести его на своихъ плечахъ именно теперь, ибо другой, болѣе удобной минуты онъ не предвидѣлъ ни въ своей жизни, ни въ исторіи Польши. Вотъ почему онъ торопилъ коммиссію, а между тѣмъ упорно задерживалъ выборы, не внимая сыпавшимся на него отовсюду клеветамъ и поношеніямъ, не страшась безсмысленныхъ криковъ толпы оборванцевъ. 1-ое мая принесло ему награду: въ его рукахъ было новое, исправленное законодательство Польши, знаменитыя *Генриловы Статьи*, Articuli Henriciani.

Генриховы Статьи, какъ видно уже изъ исторіи ихъ происхожденія, касались лишь одного вопроса въ государственномъ правѣ, верховной власти. Вотъ какую организацію принимала она въ Рѣчи Посполитой. Король не назначаетъ себѣ преемника ни самъ, ни черезъ выборы, ни какимъ либо инымъ способомъ, «дабы свободное и нерушимое избраніе правителя послѣ его смерти сохранилось за государственными чинами. Поэтому онъ лишается и обычнаго доселѣ въ Польшѣ титула: *наслѣдственный*». Казалось-бы, при этомъ условіи семейныя дѣла дворца теряютъ интересъ для націи. Но Статьи признали ихъ «гораздо болѣе публичными, чѣмъ частными» и поставили бракъ короля въ полную зависимость отъ сената. Законодательная власть сосредоточивается въ сеймахъ, которые король созываетъ не рѣже одного раза въ два года, а при нуждѣ и чаще. Они продолжаются отнюдь не болѣе шести недѣль. Королю предоставляется рѣшающій голосъ лишь въ томъ случаѣ, когда, «при

такомъ огромномъ количествѣ сенаторовъ, какъ въ Польшѣ», между ними возникнетъ непримиримый споръ. Но даже и тутъ ему не дозволялось «рѣшать что-либо по своему личному замыслу и вліянію». На него возлагалась неблагодарная обязанность всячески склонять всѣхъ къ единомыслію. Только при неудачѣ онъ наконецъ высказываетъ свое мнѣніе, да и то лишь о дѣлахъ, не подлежащихъ обычному расмотрѣнію сейма. Но тутъ королю предоставлялся хотя условный просторъ въ государственныхъ вопросахъ низшаго значенія. Исполнительная же и судебная власти его были вполнѣ стѣснены Статьями. Король не можетъ безъ согласія сенаторовъ ни сноситься съ иностранными державами, ни набирать войска. Посполитое рушенье назначаетъ сеймъ и то не болѣе, какъ на двѣ недѣли, по истеченіи которыхъ всякій шляхтичъ воленъ возвратиться домой. Притомъ королю строго запрещается просьбами, деньгами или инымъ способомъ склонять шляхту къ выступленію за предѣлы государства. На это требуется особое полномочіе отъ сейма да сверхъ того «свободное согласіе самой шляхты». Въ такомъ случаѣ каждому шляхтичу дается, непремѣнно до выступленія въ походъ, по пяти гривенъ *), за что онъ обязывается воевать не болѣе четверти года и не иначе, какъ стадообразно, въ своей шляхетской толпѣ: королю не дозволялось дѣлить это воинство ни на большія, ни на малыя части. Въ мирное время король состоитъ подъ опекою 16 *депутатовъ*, выбираемыхъ на каждомъ сеймѣ изъ сенаторовъ всѣхъ частей государства **). Они поочередно (каждое полугодіе четверо: епископъ, воевода и два каштеляна) всегда находятся при особѣ короля и даютъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ ближайшему сейму. Безъ ихъ вѣдома и

---

*) *Гривна* равняется нынѣшнимъ 7 или 8 рублямъ сер.

**) Если вѣрить *Новайлю* (II, 340), Янъ Замойскій требовалъ даже, хотя и неудачно, чтобы въ числѣ этихъ депутатовъ были и шляхтичи.

согласія король не рѣшаетъ никакихъ государственныхъ дѣлъ, не говоря уже про тѣ, которыя подлежатъ обсужденію сейма. Впрочемъ эти депутаты не имѣютъ никакихъ преимуществъ передъ остальными сенаторами, которые вольны проживать во дворцѣ, сколько угодно, и подавать свои совѣты королю. А при нуждѣ король, слѣдуя древнему обычаю, обращается ко всѣмъ имъ письменно. Онъ обязывается употреблять на всѣхъ публичныхъ бумагахъ только одну большую государственную печать, хранимую канцлерами. Въ судебномъ отношеніи король лишался всякаго значенія. Его принудили радоваться тому, что нѣкоторыя провинціи завели у себя во время безкоролевья собственные суды и тѣмъ «избавили его особу отъ долга правосудія». И прочимъ провинціямъ предоставлялось полное право послѣдовать ихъ примѣру; а отъ земель, гдѣ дѣйствовалъ литовскій статутъ, этого даже требовали безотлагательно. Послѣ всего этого нечего и говорить, что королю строго запрещалось установлять налоги, пошлины, монополіи безъ соизволенія сейма, хотя его и обязывали во время похода содержать на свой счетъ все необходимое для войны, отъ пороха до лазутчика. Онъ заранѣе отказывался и отъ всякихъ правъ на имѣнія или доходы пановъ и шляхты, пользовавшихся доселѣ щедротами дворца. Наконецъ, по второй изъ 18-ти Статей, король долженъ былъ «вѣчно соблюдать особенную конфедерацію, составленную ради религіознаго мира нѣкоторыми жителями Польскаго государства». Въ заключеніи этой замѣчательной хартіи король клянется такъ: «Въ случаѣ же, если мы (чего Боже сохрани!) не выполнимъ этихъ статей, или условій, или учинимъ что-либо вопреки имъ, законамъ и вольностямъ, то всѣхъ жителей королевства и великаго княжества объявляемъ свободными отъ должнаго намъ повиновенія и вѣрности».

Вотъ сущность пресловутыхъ Генриховыхъ Статей, стоящихъ въ ряду тѣхъ фактовъ всемірной исторіи, въ которыхъ

столь же ясно проявляется творчество народовъ, какъ въ личностяхъ, подобныхъ Яну Замойскому. Понять такой фактъ значитъ понять націю и ея судьбу. Оттого-то неудивительно, что изслѣдователи польской исторіи считали удобнымъ сопоставлять Генриховы Статьи съ подобнымъ же явленіемъ въ жизни англійскаго народа. Они нерѣдко сравнивали ихъ съ Великою Хартіей. Разберемъ это сравненіе. Есть сходство въ судьбѣ этихъ явленій. Оба они представляютъ первую попытку формулировать и возвести въ законъ стремленіе ограничить верховную власть. Оба такъ полно рѣшаютъ вопросъ, что въ потомствѣ играютъ роль непогрѣшимаго завѣта старины, источника политической жизни. Ихъ обязывался признавать каждый король, и только вѣрностью имъ держался онъ на тронѣ. Когда въ Польшѣ, на сеймѣ 1626 года, какой-то смѣльчакъ намекнулъ на необходимость назначить преемника Сигизмунду III еще при его жизни, всѣ пришли въ ярость и потребовали наказанія преступника. Осужденіе Великой Хартіи и теперь оскорбитъ національную гордость Британца. Но здѣсь оканчивается блѣдное сходство разсматриваемыхъ явленій и начинается рѣзко различіе. Въ то время, какъ англійская нація и доселѣ благоговѣйно чтитъ свою Хартію, польская, въ лицѣ своихъ лучшихъ патріотовъ, съ негодованіемъ разорвала свои Статьи наканунѣ своей смерти и изъ-за гроба все еще шлетъ имъ свои проклятія. Причина этого лежитъ въ различной сущности явленій. Статьи страдаютъ пагубною односторонностью, отъ которой свободна Хартія. Совершенно ошибаются тѣ, которые видятъ въ Статьяхъ договорное начало. Договоръ предполагаетъ не только двѣ стороны, но и взаимныя обязательства. Такъ и было въ Хартіи, носящей на себѣ глубокіе слѣды феодальной эпохи: ее можно назвать ограниченіемъ обязанностей подданныхъ относительно своего государя. Соблюдать ее присягали, какъ король, такъ и бароны. Статьи же содержатъ въ себѣ

лишь ограниченіе правъ короля и ни слова не упоминаютъ объ обязательствахъ подданныхъ въ отношеніи къ нему. Далѣе, изъ кого тутъ состоятъ стороны? Это вопросъ неизмѣримой важности въ исторіи. Въ Англіи противъ короля мы видимъ всѣхъ бароновъ, большихъ и малыхъ, и «общину всей земли», то-есть населеніе графствъ и городовъ, низшіе классы; въ Польшѣ—только пановъ и шляхту, то-есть высшее, привилегированное сословіе. Тамъ верхній слой общества обезпечиваетъ за низшими тѣ же преимущества, какими воспользовался самъ; здѣсь онъ не проявляетъ даже сознанія о простомъ ихъ существованіи. Оттого въ Англіи Хартія послужила залогомъ примиренія между сословіями, даже между саксонскою и норманскою національностями; она втягивала всѣ части народа въ одно великое дѣло самобытнаго развитія, и съ тѣхъ поръ низшіе классы поддерживали равновѣсіе силъ въ государствѣ, становясь то за привилегированное сословіе, то за короля. Въ Польшѣ Статьи дали безграничный просторъ черезчуръ ревнивымъ къ свободѣ панамъ и шляхтѣ, которые не подѣлились съ массою народа своею побѣдой надъ верховною властью. Онѣ окончательно закрѣпощали эту жалкую массу, пресмыкавшуюся въ сумеркахъ будничной жизни, и отстраняли ее отъ свѣтлыхъ дней историческаго развитія.

Оставимъ же историческое сравненіе тамъ, гдѣ его не можетъ быть. Идея Генриховыхъ Статей не ограниченіе, а искорененіе королевской власти. Съ большимъ трудомъ, послѣ долгихъ споровъ, согласилась законодательная коммиссія удержать необходимые аттрибуты призрака этой власти, придворные чины и титулы, глубоко оскорблявшіе чувство равенства шляхетской демократіи. И когда же проявилась эта идея! Не въ началѣ XIII вѣка, какъ въ Англіи, гдѣ лежалъ тогда на народѣ всею своею тяжестью страшный деспотизмъ королей «желѣзнаго» норманскаго отродья; а въ концѣ XVI-го, когда верховная власть въ Польшѣ

была и безъ того уже подорвана въ своемъ основаніи. Окончательно ослабляя ее въ эту эпоху, когда ея звѣзда во всемъ блескѣ всходила въ Европѣ, и среди неподготовленнаго народа раздѣляя ея достояніе между паномъ и шляхтичемъ, Польша дѣлала страшный историческій скачекъ черезъ цѣлую ступень развитія, послѣ котораго еще двухвѣковое ея существованіе не изумляетъ лишь того, кому извѣстна слабость историческихъ силъ, призванныхъ къ раздѣлу ея промотаннаго наслѣдства. Послѣ тяжкихъ опытовъ она силилась возвратить изгнанный ею монархизмъ, тогда какъ на Западѣ республиканскія теоріи открыли небывалую войну съ нимъ. Исторія отвѣтила ей тогда: «поздно!» Въ 1573 году она имѣла такое же право сказать ей: «рано!» Стало-быть, Генриховы Статьи—краеугольный камень не политической свободы націи, а ея политическаго закрѣпощенія и изнеможенія. Если прибавить къ этому, что въ нихъ рельефно выступаетъ напоминающая Востокъ роскошь пана и шляхтича, построенная на нищетѣ народа, страстность увлеченія, тупая *односторонность*, то нельзя не признать ихъ явленіемъ истинно-польскимъ. Напрасно говорятъ намъ, что это дѣло партіи. Нѣтъ, въ Статьяхъ вѣетъ тотъ же оригинальный духъ Польши, который поражаетъ изслѣдователя въ памфлетахъ описываемаго времени; въ нихъ высказываются требованія ея исторіи, понятныя читателю, вникнувшему во введеніе къ нашему труду; въ нихъ отражается даже колоссальный польскій скандалъ—позорная жизнь послѣдняго Ягеллона и подлая работа камарильи. Мы убѣждены, что точно такимъ же характеромъ и значеніемъ была-бы запечатлѣна въ исторіи эта ступень политическаго развитія Польши, еслибы даже законодательная коммиссія работала въ ту минуту, когда нація наслаждалась спокойствіемъ, тишиною, досугомъ [9]).

Но, какъ бы ни былъ строгъ приговоръ исторіи надъ Генриховыми Статьями, никто не отниметъ у нихъ значенія одного изъ

важнѣйшихъ явленій польской жизни; никто не лишитъ славы дѣятеля, имя котораго связано съ ними. Безспорно, имъ невозникнуть бы безъ дружныхъ усилій протестантовъ, руководимыхъ мыслію Яна Фирлея. Когда ихъ доставили воеводѣ краковскому, онъ вздохнулъ свободно. Съ этимъ сокровищемъ въ рукахъ, онъ уже не боялся напора толпы, которая на другой же день, 2-го мая, въ субботу, сдѣлала послѣднее отчаянное нападеніе на шопу. Мазовшане и Плочане яростно закричали, что если въ понедѣльникъ не будетъ выборовъ, то они удалятся и сами позаботятся о королѣ. Католики, съ Яковомъ Уханскимъ и Станиславомъ Карнковскимъ во главѣ, энергически поддерживали ихъ. Самуилъ Зборовскій даже воскликнулъ: «я и много другихъ, мы будемъ стоять за примаса, не щадя жизни!» Но вотъ пришли запоздавшіе Янъ Фирлей и Петръ Зборовскій съ дружиною своихъ единомышленниковъ и потребовали прежде всего разсмотрѣнія Генриховыхъ Статей. Страшный шумъ подняли противныя стороны. Этимъ ловко воспользовался смѣлый и догадливый Францискъ Красинскій. Онъ выхватилъ бумагу изъ рукъ Яна Фирлея и крикнулъ, указывая на нее: «Тутъ есть вещи, которыя легко рѣшить!» Затѣмъ онъ быстро прочелъ первую статью, уничтожавшую наслѣдственность королевской власти. Всѣ бросили споры и съ восторгомъ приняли ее. Послѣ этого уже нельзя было отказываться отъ обсужденія остальныхъ пунктовъ. Красинскому неловко было самому прочесть вторую статью, о религіозной конфедераціи Онъ передалъ бумагу канцлеру — и начался бой, сопровождаемый такимъ гвалтомъ, что ораторамъ трудно было заставить слушать себя. Карнковскій обрадовался случаю сорвать зло на этой конфедераціи, такъ ловко одурачившей его на конвокаціонномъ сеймѣ. Онъ пространно доказывалъ, что это «заговоръ» *), раскрывающій двери всякимъ

*) Игра словъ: *confoederatio*, *conspiratio*.

безбожіямъ, узаконяющій атеизмъ; что король, признавъ его, можетъ пристать къ сектѣ, отвергающей присягу, и самовольничать, сколько ему угодно. И какая была бы страшная несправедливость относительно духовенства, еслибы у него отняли всѣ доходы, имущества, заведенія, право погребенія и тому подобные сборы! Воевода ленчицкій, Янъ Сѣраковскій, напрямикъ отрѣзалъ, что духовенство не только не хочетъ, но не можетъ утвердить конфедерацію. Когда пришлось въ-чистую рѣшать великій вопросъ, умѣренной партіи въ этомъ сословіи какъ не бывало. Отъ его единодушія смутился даже неустрашимый Красинскій: онъ заявилъ, что одобритъ статью, если сдѣлаютъ то же и другіе. Но вотъ встрепенулись Янъ Фирлей и Петръ Зборовскій. «Не безбожію, а миру, говорили они, отворяетъ двери конфедерація. Не доходы у духовенства, не первенство у римской церкви отнимаетъ она, а ограждаетъ Рѣчь Посполитую отъ кровавыхъ междуусобій, ужасныхъ злодѣйствъ. Она спасаетъ ее также отъ посрамленія преслѣдовать христіанъ некатоликовъ въ то время, какъ дается свобода Туркамъ, Татарамъ, Армянамъ, Грекамъ, Жидамъ». Особенно краснорѣчивъ былъ воевода сандомірскій, указавшій на погибель, ожидающую страну, въ которой еще живутъ древніе драконовскіе законы противъ некатоликовъ. Потрясающее впечатлѣніе произвела прочтенная имъ жестокая велюнская конституція 1424 года. Растрогались даже католики. Одинъ изъ нихъ, краковскій каштелянъ, Себастіанъ Мелецкій, замѣтивъ, что ереси, гнѣздящіяся во всей Европѣ, неизбѣжное зло, предложилъ, чтобы всѣ подписали конфедерацію ради братства и мира. Около полсотни католическихъ пановъ частію согласились съ нимъ, частію безусловно высказались за свободу совѣсти; лишь съ дюжину устояло на сторонѣ фанатическихъ епископовъ. Зато низшее духовенство, гнѣзненскій, краковскій и другіе капитулы немедленно внесли протестъ противъ второй статьи. Ихъ примѣру послѣдовала

католическая шляхта, предводимая всею массою Мазовшанъ. Снова шумъ и перебранка. Улучивъ болѣе спокойную минуту, Янъ Фирлей предложилъ, чтобы эту «вполнѣ необходимую для общаго блага» конфедерацію подписали лишь тѣ, которые нуждаются въ ней. Яковъ Уханскій съ негодованіемъ возсталъ противъ такого опаснаго нарушенія старыхъ сеймовыхъ обычаевъ. Тогда протестанты измѣняютъ тактику, обращаются отъ безплоднаго настоящаго къ будущему. Они формулируютъ королевскую присягу, въ которую вставляютъ статью о религіозномъ мирѣ. И это отвергается съ шумомъ и гамомъ. Приступили къ чтенію остальныхъ статей, которые были частію немедленно приняты, частію отложены до окончанія выборовъ. Такимъ образомъ вопросъ о Генриховыхъ Статьяхъ былъ рѣшенъ попольски. Янъ Фирлей объявилъ, что завтра, въ качествѣ великаго маршалка коронпаго, прикажетъ всѣмъ избирателямъ готовиться къ наступившему великому обряду.

Апрѣль истекъ. Прелюдія къ пьесѣ была разыграна. Вопросы, явившіеся несвоевременно и неумѣстно, были сданы въ архивъ исторіи, не принеся дѣятелямъ ни плодовъ, ни славы, ни успокоенія. Смущены и усталы были избиратели. На полѣ избранія все было нестройно, зловѣще въ этотъ томительный мѣсяцъ. Почти по всѣмъ наметамъ то-и дѣло вспыхивала личная, сословная или племенная вражда. Чуть не каждый день приносилъ новое горе. Вчера встревожилъ всѣхъ шумъ въ станѣ Великополянъ: сильно поссорились два каштеляна, Янъ Томицкій и Андрей Гурка. Сегодня едва розняли двухъ Литовцевъ: Янъ Ходкѣвичъ и Остафій Воловичъ бросились другъ на друга съ оружіемъ въ рукахъ. Вслѣдъ затѣмъ оба сцѣпились съ Юріемъ Олельковичемъ, и только появленіе торжественной депутаціи отъ сената предупредило кровопролитіе. Протестанты ежеминутно ждали, что вотъ-вотъ дубинки Мазовшанъ пойдутъ въ дѣло. Католики трепетали отъ слуховъ, что Янъ Фирлей

подвезъ изъ Липовца къ Варшавѣ 17 пушекъ и держитъ наготовѣ двѣ сотни стрѣльцовъ. Вечеркомъ у наметовъ шляхта перешептывалась о какихъ-то таинственныхъ знаменіяхъ. Въ свѣтлое утро, вишь ты, въ глубинѣ свода небеснаго долго-долго парило четверо орловъ. Бурною ночью свирѣпый вихрь опустошилъ поле; пало много наметовъ, въ числѣ нихъ сама шопа. Въ такой-то средѣ разъѣзжали 3-го мая возные Яна Фирлея, возвѣщая открытіе избранія на завтра. День былъ воскресный. Глубокая радость проникла въ сердца Поляковъ, вздохнувшихъ наконецъ свободно. Всю эту ночь напролетъ по полю перекликались тамъ и сямъ задорные бубны. До разсвѣта слышались выстрѣлы пушекъ, мортиръ и ружей. То не кровь лилась: то сказывался буйный шляхетскій восторгъ [10]).

Въ первый майскій понедѣльникъ все поле между Варшавой и деревушкой Камнемъ покрылось тревожною толпой избирателей въ ихъ полномъ составѣ. Безъ всякаго общаго торжества всѣ воеводства разошлись по своимъ наметамъ, съ своими сенаторами во главѣ. Епископы призвали благословеніе Божіе на великій подвигъ. Шляхта пала на колѣна, проливая слезы. Надъ полемъ задрожали звуки десятковъ тысячъ голосовъ, протягивавшихъ величественное Veni Creatur Spiritus. Затѣмъ приступили къ дѣлу [11]). Прежде всего депутаты отъ шляхты, сидѣвшіе въ шопѣ при рѣчахъ иностранныхъ пословъ, отдали отчетъ въ слышанномъ ими. Изъ ихъ разсказа узнали, кто истинные кандидаты на польскій престолъ. Ихъ было четыре: Генрихъ, Эрнестъ, Іоаннъ III шведскій и таинственный Пястъ. Открылась подача голосовъ. Маршалокъ вееводства собиралъ ихъ попорядку, начиная съ сенаторовъ и земскихъ чиновъ, оканчивая ничтожнѣйшимъ шляхтичемъ. Этимъ воеводства занимались цѣлые три дня. Иначе и быть не могло. Каждому избирателю предоставлялось право поддерживать свой голосъ объяснительною рѣчью, а равно и перемѣнить рѣшеніе,

пока не прекратились совѣщанія. Борьба партій, подчасъ даже личныхъ интересовъ не замедлила проявиться и при этомъ удобномъ случаѣ. Такъ въ малопольскихъ наметахъ долго спорили друзья Франціи и Швеціи, съ Петромъ Зборовскимъ и Яномъ Фирлеемъ во главѣ. Если у Мазовшанъ и ихъ сосѣдей вопросъ былъ рѣшенъ немедленно въ пользу Генриха, то и здѣсь одна сильная личность надѣлала-было много хлопотъ своимъ упорствомъ. Епископъ плоцкій, Петръ Мышковскій, неподкупная, мужественная душа, не испугался толпы. Онъ счелъ долгомъ протестовать за Эрнеста, которому всегда оставался вѣренъ, впрочемъ не назвавъ его. Раздраженные слушатели требовали имени. Ораторъ просилъ ихъ доказать, что они убѣждаются сущностью дѣла, а не названіями, и колко осмѣялъ велерѣчивость и безстыдство французскихъ прельщеній. При новыхъ крикахъ онъ уступилъ, и шляхта вышла изъ себя. «Лучше, вопіяла она, нашъ Генрихъ нищій, чѣмъ всякій другой, хотя бы осыпанный золотомъ!» Всѣ отшатнулись отъ Мышковскаго, даже его родственники и челядинцы. Но онъ остался твердъ, какъ скала, и одинъ среди этой французской арміи отдалъ свой голосъ Нѣмцу.

Нигдѣ не было такъ шумно и безтолково, какъ у Великополянъ. Познанскому воеводству было не до выборовъ. Въ немъ вспыхнула старая провинціальная вражда, споръ съ Малою Польшей за первенство. За недавнею смертью его воеводы, Луки Гурки, этотъ важный постъ оставался не занятымъ, ибо безъ короля не могло произойти никакого назначенія на государственныя должности. Но Познанцы понимали только одно: этотъ несчастный случай унижаетъ ихъ, наноситъ ущербъ ихъ привилегіямъ. «Вѣдь у нашего воеводы, роптали они, не менѣе важное мѣсто въ сенатѣ, чѣмъ у краковскаго! Онъ при коронаціи несетъ передъ королемъ золотую державу. Неужели же мы должны и теперь отказаться отъ этого дорогаго права? Довольно

того, что по странному стеченію обстоятельствъ нашего воеводы не было ни при заключеніи литовской уніи, ни при вассальной присягѣ герцога прусскаго». Рѣшились немедленно избрать себѣ воеводу. И эту высокую честь, какъ ни отговаривался, принужденъ былъ принять дряхлый каштелянъ познанскій, Петръ Чарнковскій. Тотъ же провинціальный духъ привелъ Якова Уханскаго къ нелѣпому и неумѣстному поступку. Носясь съ своимъ приматствомъ, онъ ни съ того ни съ сего давай доказывать Великополянамъ выписками изъ древнихъ законовъ исключительное право архіепископа гнѣзненскаго открывать избраніе. Къ счастію, никто не обратилъ вниманія на его краснорѣчіе. Но затѣмъ, ко всеобщему изумленію, вдругъ появились депутаты отъ познанскаго и гнѣзненскаго костеловъ. Они потребовали права голоса для низшаго духовенства, которое, по ихъ доводамъ, принадлежало къ шляхетскому сословію. По своему общественному положенію это была, дѣйствительно, духовная шляхта, надъ которою возносились духовные паны, епископы, засѣдавшіе въ сенатѣ. На этотъ разъ ревнивая къ своимъ правамъ свѣтская меньшая братія выпроводила свою соперницу ни съ чѣмъ, на томъ основаніи, что низшее духовенство не имѣетъ вотчинъ, подчинено своимъ епископамъ, служитъ имъ и церквямъ, а не Рѣчи Посполитой. Наконецъ приступили къ подачѣ голосовъ. Новая бѣда. Яковъ Уханскій, которому, конечно, принадлежало тутъ право первенства, по обыкновенію, запуталъ дѣло. Онъ предложилъ своей паствѣ четырехъ извѣстныхъ намъ кандидатовъ, а самъ высказался чрезвычайно уклончиво, стараясь, какъ всегда, сохранить за собою возможность отступленія: «Что бы тамъ ни говорили про сына цесаря, а я не исключаю его изъ числа кандидатовъ, особенно если Литва дѣйствительно нуждается въ иностранной поддержкѣ противъ нападеній Москвитянъ. Впрочемъ, если Литва не такъ нуждается въ чужой помощи, и если ея мужи сами

считаютъ себя въ силахъ выдержать борьбу, то я желалъ-бы удержать за собою право болѣе полнаго выраженія моего мнѣнія». Слушатели взволновались, зароптали. Только два брата Конарскихъ, епископъ и каштелянъ, осмѣлились послѣдовать за примасомъ, подать голосъ въ пользу Эрнеста. Всѣ прочіе, чтобы какъ-нибудь доѣхать бѣднаго старика, накинулись на него съ нелѣпыми упреками въ томъ, что онъ перемѣшалъ иноземныхъ кандидатовъ съ Пястомъ, предложивъ выбрать разомъ всѣхъ четырехъ.

Чтобы понять это странное негодованіе Великополянъ, нужно замѣтить, что здѣсь, въ этой попреимуществу шляхетской средѣ, было истинное гнѣздо приверженцевъ Пяста. Здѣсь они казались такими сильными и единодушными, что противники вѣрили страшному слуху, ходившему по наметамъ, будто пястовцы, среди которыхъ было множество нововѣрцевъ, условились поднять бунтъ и среди всеобщаго смятенія провозгласить королемъ своего вождя, главу лютеранизма въ Польшѣ, чрезвычайно популярнаго Станислава Шафранца, каштеляна бецкаго[12]). Во всякомъ случаѣ пястовцы лишь у Великополянъ могли съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ состязаться съ могущественною арміей французолюбцевъ. Имъ хотѣлось отдѣлить своего кандидата отъ прочихъ, выставить его одного, какъ *родака* (туземца) противъ *чужака*. При такой постановкѣ партій всѣ другіе кандидаты не имѣли никакого значенія у Великополянъ. Если человѣкъ пять, въ томъ числѣ нашъ драгоцѣнный свидѣтель, Оржельскій, подали голоса за Шведа, Станиславъ Чарнковскій — за Анну Ягелловну, Станиславъ графъ Гурка — за Розенберга, какой-то Вавршинецъ Слупскій — за Ивана Грознаго, то въ этомъ сказывалось лишь сильное развитіе въ Польшѣ личнаго начала. Истинный же бой кипѣлъ между Пястомъ и Генрихомъ. Остроумный Андрей Гроденьскій отъ души казнилъ Французовъ, наобѣщавшихъ всего, и неба, и земли, и моря; не пощадилъ онъ и соотечественниковъ, которыхъ упрекалъ «въ изумительномъ

легковѣріи, въ ослѣпленіи, въ примѣрномъ безразсудствѣ». Но онъ «говорилъ глухимъ»: у Генриха было немало друзей. Къ нему тянули воевода калишскій, семь каштеляновъ и большинство шляхты. Однако Пястъ, сторону котораго держало остальное рыцарство, предводимое тремя каштелянами, нѣсколькими старостами, судьями и хорунжими, не сдавался безъ борьбы. Въ дѣло вступилъ истинный вождь и глашатай его партіи, Янъ Томицкій. Онъ засыпалъ слушателей кучею примѣровъ не только изъ отечественной, но даже изъ ветхозавѣтной исторіи. «Полнымъ несходствомъ польскихъ законовъ, обычаевъ, военныхъ пріемовъ съ иностранными» онъ доказывалъ «необходимость» короля-туземца, знатока мѣстнаго быта. Онъ смѣло раскрылъ опасность отъ выжиданія пріѣзда заморскаго короля и небывалый позоръ Польши, повинующейся совѣтамъ Турка и даже грубаго Валаха. Длинно-длинно отвѣчалъ ему Опалинскій. Законы Моисея, сказалъ онъ, можно примѣнять только ко временамъ дохристіанскимъ, когда Израиль былъ единственнымъ Божіимъ народомъ. Исторія Польши говоритъ въ пользу короля-иноземца. Смерть Владислава Чешскаго опечалила Поляковъ гораздо болѣе, чѣмъ кончина Сигизмунда-Августа. Людовикъ Венгерскій далъ имъ больше правъ, чѣмъ кто-либо изъ королей родаковъ. Да и много-ли было богатырей между ними? Не пагубны-ли были для Польши царствованія Лешковъ I и II, Попела и другихъ? Пусть каждый Полякъ очень свободенъ; но каждый-ли можетъ быть королемъ? Пусть Поляки хорошіе люди; но развѣ это все-равно, что хорошіе короли? Напротивъ. Опасно возноситься изъ ничтожества на столь высокую чреду. Какъ разъ закружится голова, и явится вредный деспотъ. А между тѣмъ иностранные государи оскорбятся появленіемъ среди нихъ выскочки, человѣка нищаго, подлаго рода и сочтутъ это за вызовъ со стороны Поляковъ. Кристофъ Зборовскій высказалъ въ

видѣ аксіомы мысль, что при родакѣ не будетъ никакого управленія страною: будетъ только вѣчная анархія.

Но напрасно враги такъ напрягали свои силы, чтобы убить Пяста; напрасно такъ боялись его, такъ довѣряли зловѣщимъ слухамъ. У его приверженцевъ не было никакихъ энергическихъ замысловъ. Они даже не съумѣли устранить его прирожденный порокъ, губившій его и безъ враговъ. Бѣда состояла въ томъ, что имя Пястъ было нарицательное, выражавшее отвлеченное понятіе. А въ исторіи мыслимы только явленія во плоти; въ жизни требуется личность, представительница извѣстнаго начала Но легко-ли было отыскать ее въ данномъ случаѣ, особенно въ Польшѣ? Кто рѣшился-бы здѣсь произнести имя туземца, достойнаго короны, который не былъ-бы или его родственникомъ, или пріятелемъ, или по крайней мѣрѣ его единомышленникомъ? Кто дерзнулъ-бы среди разгула шляхетскаго равенства признать себя кандидатомъ на важнѣйшій престолъ въ цѣломъ мірѣ, по мнѣнію Поляковъ? Пястовцы уклонялись отъ рѣшенія этого щекотливаго вопроса. Видя ихъ смущеніе, враги оправились и тѣмъ настойчивѣе требовали отвѣта, чѣмъ упорнѣе они молчали. Вмѣсто робкаго шопота о бунтѣ и Шафранцѣ, тамъ и сямъ уже слышались язвительные намеки. «Эти господа, ворчали французолюбцы, просто хотятъ или затянуть дѣло, или провести подъ шумокъ Эрнеста, для котораго Пястъ служитъ лишь ширмою». Но пястовцы твердо держались принятаго ими сначала плана отдѣлить туземнаго претендента на польскій престолъ отъ всѣхъ иностранныхъ. Они доказывали необходимость рѣшить прежде всего, какая изъ этихъ двухъ комбинацій выгоднѣе для Польши, за родака или за чужака подавать голосъ? Въ этихъ шумныхъ пререканіяхъ безплодно проходилъ уже третій день. «Болѣе ссорясь между собою, чѣмъ обсуждая вопросъ о кандидатахъ», говоритъ очевидецъ, Великополяне никакъ не могли составить списокъ своихъ кандидатовъ,

требуемый программою избранія. А между тѣмъ другія воеводства не дремали. Уже повсюду были составлены списки, и копіи съ нихъ ходили изъ намета въ наметъ. Паны окончивъ свои обязанности у шляхты, уже покинули ее и условились завтра, 7-го мая, собраться въ шопѣ и открыть тамъ прерванныя засѣданія сената. Накапунѣ неготовые къ этому Великополяне приняли наконецъ слѣдующее рѣшеніе: просить сенатъ о выясненіи общаго вопроса, поставленнаго пястовцами. Впрочемъ они на этомъ не успокоились. Рано утромъ пястовцы, видя что всѣ воеводства идутъ къ шопѣ съ опредѣленными именами, и, быть можетъ, желая также сдѣлать пробу, которая, какъ не занесенная въ списокъ, ни къ чему не обязывала, давай на скорую руку выбирать кандидатовъ изъ туземцевъ. Опытъ оказался весьма полезнымъ для нихъ. Они сами ужаснулись передъ чудовищнымъ результатомъ. Ихъ вождь, Янъ Томицкій, вмѣсто того, чтобы подать разумный примѣръ, первый разразился семью Пястами, среди которыхъ красовались имена Яна Ходкѣвича, Николая Радзивила, Петра Зборовскаго, Юрія Ясловецкаго. Прочіе не отстали отъ него въ благородномъ соревнованіи. «Когда каждый началъ высчитывать имена Пястовъ, замѣчаетъ очевидецъ, то показалось, будто изъ нихъ образовалось цѣлое огромное войско»!

И такъ 7 мая Великополяне пришли къ шопѣ съ пустыми руками. Въ то же время сюда прибыли, все со списками, депутаты отъ остальныхъ воеводствъ, которымъ поручено было, не вдаваясь ни въ какіе разговоры, только передать канцлеру бумаги и выслушать, что̀ будутъ говорить паны. За ними ввалилось множество шляхты. Замѣтивъ страшную тѣсноту, Янъ Фирлей занялся установленіемъ порядка. Депутатамъ онъ указалъ мѣста позади ихъ воеводъ. Такъ образовался подлѣ сенаторскихъ креселъ второй кругъ. Третій составила безличная толпа меньшей братіи, сколько могло ея тутъ помѣститься.

Настала торжественная минута, когда должны были раскрыться желанія избирателей. Глубокое молчаніе воцарилось въ шопѣ. Слѣдуя обычаю, Краковяне первые безмолвно подали свой списокъ коронному канцлеру, Валентину Дембинскому. Рядомъ стоятъ Великополяне. Но ихъ руки неподвижны. Канцлеръ требуетъ у нихъ бумаги. Тутъ держитъ рѣчь староста радзѣевскій, Рафаилъ Лещинскій, одна изъ самыхъ страстныхъ и непреклонныхъ натуръ описываемаго безкоролевья.

Онъ принадлежалъ къ той фамиліи, про которую говорили: «кто не знаетъ ея, тотъ не знаетъ Польши». Въ его жилахъ текла чешская кровь: онъ былъ родственникъ знакомаго намъ Перштейна. Лещинскій промѣнялъ воеводство на староство, желая перейти изъ сенаторскаго чина въ шляхетскій, и передъ лицомъ сейма совѣтовалъ королю быть деспотомъ, чтобы сломить могущество пановъ. Одинъ изъ первыхъ открытыхъ протестантовъ, онъ въ толпѣ католиковъ не преклонялъ передъ плащаницей своей гордой головы, не снималъ своей шляхетской шапочки. За свою неподкупную честность, за истинно-патріотическіе подвиги онъ не хотѣлъ наградъ, которыя насильно навязывалъ ему цѣнитель людей, Стефанъ Баторій. Но онъ не отказывался отъ такихъ опасныхъ почестей, какъ представленіе своего государя передъ лицомъ Ивана Грознаго.

Лещинскій заявилъ, что у Великополянъ нѣтъ списка и не по ихъ винѣ: они не могли приступить къ выборамъ, когда еще не рѣшенъ вопросъ, за кого подавать голосъ: за Пяста или за иноземца. Онъ просилъ объясненій и немедленно получилъ ихъ, только не отъ сената, а отъ своего сосѣда. Одинъ изъ краковскихъ депутатовъ, Андрей Зборовскій, замѣтилъ, играя на слабой польской стрункѣ, что было-бы ни съ чѣмъ несообразно, еслибы на «свободной элекціи» всякій не былъ воленъ избирать, кого ему угодно. Возражая на это, Великополяне раскрыли, чѣмъ они страдали: «Иначе мы никакъ не дойдемъ

до возможно меньшаго числа именъ, какъ требуетъ программа конвокаціи: *Пястъ*, вѣдь, относится къ безконечному числу людей». Затѣмъ они поспѣшили заявить свою готовность, «уступая всеобщему желанію», немедленно составить списокъ и вышли изъ шопы. Ихъ гордость могла отчасти удовлетвориться тѣмъ, что у нихъ нашлись подражатели. Сѣрадзяне и Сандоміряне обратились къ сенату съ тѣмъ же самымъ вопросомъ и принуждены были также выйти. За ними послѣдовали Краковяне, въ спискѣ которыхъ стояло тоже нарицательное имя Пяста.

Дѣло снова разстраивалось, затягивалось. Всѣ обвиняли въ этомъ Великополянъ. И справедливо. Другія воеводства, вышедшія съ ними изъ сената, быстро поправили свои ошибки. Краковяне выбрали въ туземные короли Яна Костку, каштеляна данцигскаго; Сандоміряне—Яна Томицкаго; сѣрадзяне—своего воеводу, Альберта Ласкаго. А у Великополянъ, которые, надѣясь на быструю развязку, даже не пошли въ свои наметы, а собрались въ кучку подлѣ шопы, царствовалъ разладъ пуще прежняго. Смущеніе пястовцевъ проявлялось ясно. Они спѣшили внести въ свой списокъ наиболѣе извѣстныя и важныя имена, жертвуя для этого даже своими симпатіями. Кромѣ того они прибавляли, что въ случаѣ устраненія Пяста сохраняютъ за собою право избранія иностранца. Ихъ враги подливали масла въ огонь. Французолюбцы, съ Зборовскими и Опалинскимъ во главѣ, прибѣгнули къ весьма искусному маневру. Прокричавъ, что не менѣе другихъ имѣютъ право назвать Пяста, они, подъ видомъ «сорванія маски» съ противниковъ, постарались записать возможно болѣе самыхъ жалкихъ именъ. Янъ Зборовскій принесъ цѣлую кучу своихъ родственниковъ и пріятелей. И вотъ въ спискѣ стало красоваться 32 самыхъ разнохарактерныхъ Пяста, начиная съ Анны Ягелловны, герцога Прусскаго и Чеха Розенберга и кончая ничтожнѣйшими шляхтичами, имена которыхъ не произносились далѣе ихъ околотка. Этотъ списокъ

возбудилъ новый шумъ и брань: пястовцамъ не хотѣлось предста вить его въ шопу въ столь жалкомъ видѣ. Проругались вплоть до заката солнца, «не рѣшивъ ничего доподлинно». На утро та же исторія. Пястовцы условились непремѣнно сократить свой списокъ. Противники требовали или не трогать его, или совсѣмъ уничтожить. Разошлись на двѣ стороны, принимая грозное положеніе. Кое-какъ, почти насильно, согласились наконецъ пястовцы не измѣнять списка. Зато Великополяне вздумали перенести свои распри въ шопу. Они поручили своимъ восьми депутатамъ попарно защищать тамъ Пяста, Генриха, Эрнеста и Шведа.

Во все это время смущеннымъ пястовцамъ вновь пришлось выдержать цѣлый градъ оскорбленій и поношеній. Побѣдоносные противники громко уличали ихъ въ корыстныхъ замыслахъ, въ замаскированныхъ связяхъ съ иностранными принцами. Два каштеляна, Янъ Томицкій и Андрей Гурка, до того были потрясены этою наглостью, что расплакались и, поднявъ по два пальца, клялись, что они невинны и что Пястъ самый выгодный кандидатъ. Этого мало. Казалось, сама судьба рѣшилась преслѣдовать несчастныхъ пястовцевъ Именно въ эту минуту на избирательномъ полѣ давалось даровое комическое представленіе, не лишенное нѣкотораго историческаго интереса. Оно носило народный характеръ. Дѣйствующими лицами въ немъ были челядинцы пановъ. У всякаго народа свои забавы, свои герои юмора и комизма, свои Петрушки, Арлекины, Гансвурсты. Польская прислуга играла отъ скуки въ избирательный сеймъ Среди обоза изъ множества лошадей и телѣгъ съ съѣстными припасами она выбрала четырехъ соискателей престола, устроила шопу, все, какъ слѣдуетъ. Но выборы у нея пошли даже хуже, чѣмъ у господъ, которымъ она подражала. Въ пылу борьбы партій австрійскій эрцгерцогъ былъ избитъ, а шведскій король обращенъ въ бѣгство. Судьба Пяста была еще печальнѣе. Враги

его бросились на телѣгу великопольскаго старосты, разломали ее, добыли ступицу колеса, имѣвшую несчастіе называться *пястою* (piasta), зажгли ее и давай носиться съ нею по полю, горланя: «Пястъ сожженъ»! Гвалтъ и крики о пожарѣ разнеслись повсюду. Выскочили сенаторы изъ шопы, но цѣлый день не могли унять разгулявшуюся челядь. А тѣмъ временемъ у Великополянъ пястовцамъ не давали проходу. «Видите-ли, смѣялись имъ подъ носъ, это горитъ цѣлый возъ съ Пястами! Не троньте же ихъ, бѣдняжекъ, дайте имъ покой»!

Такъ въ площадной холопской забавѣ, которой вторили гордая шляхта и блестящее панство, погибалъ Пястъ, символъ польской національности. Теперь довольно было легкаго толчка, чтобы совсѣмъ свести его съ исторической сцены, на которой онъ появился въ столь позорной роли. Это исполнилъ знаменитый представитель польской націи, исполнилъ торжественно, передъ лицомъ всей Рѣчи Посполитой въ шопѣ, куда пора заглянуть и намъ.

Здѣсь уже давно тревожно поджидали безпокойныхъ Великополянъ, остановившихъ весь сеймъ. Когда они вошли, канцлеръ, сломавъ печати на спискахъ воеводствъ, началъ читать ихъ. Результатъ выборовъ не обманулъ всеобщихъ ожиданій. Про Эрнеста австрійскаго нечего и говорить. За него единодушно стали двѣ окраины государства, кіевское воеводство да прусскіе города. Притомъ первое заранѣе соглашалось и на того, кого изберутъ «другіе», то-есть большинство. А Пруссаки потерпѣли полное фіаско. Депутаты отъ Данцига, замѣтивъ рѣшительное паденіе нѣмецкаго кандидата, заявили, что имъ приказано въ крайнемъ случаѣ подать голосъ за Ивана Грознаго или Пяста, но отнюдь не за Генриха; и просили отсрочки, чтобы снестись съ своими довѣрителями. Поджигаемые друзьями Франціи, Поляки запылали гнѣвомъ на этихъ торгашей, «дерзающихъ выбирать имъ короля въ своей ратушѣ», и выгнали

ихъ вонъ. Тутъ струсилъ и Яковъ Уханскій и поспѣшилъ отказаться отъ Эрнеста. Послѣ этого уже не имѣли никакого значенія нѣсколько голосовъ, поданныхъ за него наметахъ въ восьми, и даже большинство краковскаго, люблинскаго и сѣрадзскаго воеводствъ. Немного завиднѣе была судьба Шведа. Онъ нигдѣ не пріобрѣлъ единодушнаго выбора. Изъ десяти воеводствъ, упоминавшихъ его въ числѣ другихъ кандидатовъ, большинство стояло за него въ пяти, именно: въ русскомъ, подольскомъ, сандомірскомъ, познанскомъ и калишскомъ. Самое распредѣленіе голосовъ по воеводствамъ указываетъ, что Шведа придерживались нововѣрцы. Но, къ несчастію для него, эта партія разбила свои силы. Иные изъ его друзей охотно шли въ лагерь пястовцевъ, гдѣ ихъ интересы были въ безопасности; другіе вообще не придавали особеннаго значенія личности избираемаго и все свое вниманіе устремляли на утвержденіе религіозной конфедераціи.

Истиннымъ героемъ списковъ былъ Генрихъ анжуйскій. Нищіе Мазовшане и Плочане, которымъ Французы положили въ это время по два гроша на брата въ день, подали голоса за него одного. Также поступили Подляхія и Добржинская земля. Въ восьми воеводствахъ, лежавшихъ въ Пруссіи, Мазовіи и Куявіи, въ Великой и даже Малой Польшахъ, онъ пріобрѣлъ большинство. Мало того. За исключеніемъ кіевскаго, всѣ прочія воеводства даже враждебныя Франціи, записали его имя въ числѣ другихъ именъ. И многія заранѣе отказывались въ его пользу отъ болѣе любезныхъ имъ кандидатовъ, если всѣ выберутъ его. И такъ уже списки ясно доказывали, что Генрихъ гораздо сильнѣе своихъ соперниковъ. А кто еще сомнѣвался въ этомъ, тому стоило только выдти изъ шопы и окинуть взглядомъ избирательное поле, чтобы убѣдиться. Французолюбіе, обуявшее шляхту, проявлялось тутъ полно и наглядно. Здѣсь имя Генриха уже слилось съ понятіемъ о счастіи Рѣчи Посполитой и не

сходило съ устъ толпы. Когда въ шопѣ упоминали про Карла IX или Генриха, въ полѣ меньшая братія неистово кричала: «Француза! Француза! И никого болѣе не хотимъ!» При этомъ тамъ и сямъ проливали слезы, бряцали оружіемъ, изрыгали проклятія противникамъ герцога анжуйскаго. И на многихъ копьяхъ уже красовались французскія лиліи, по которымъ можно было различить «своихъ» въ случаѣ свалки. То была торжественная минута, когда подъ тяжкимъ давленіемъ принуждены были рѣшиться даже неподвижные, колеблющіеся и боязливые. Всѣ друзья католицизма, но не Франціи, склонились къ ней. И совершилось два великихъ обращенія. Въ ея объятія бросился Яковъ Уханскій со всѣмъ беззавѣтнымъ пыломъ, что̀ овладѣвалъ имъ всегда послѣ долгой нерѣшительности. Побрелъ по теченію и мужественный защитникъ варшавской конфедераціи, Францискъ Красинскій. Не устояли и люди отъ которыхъ зависѣла судьба Рѣчи Посполитой въ это мгновеніе. Янъ Ходкѣвичъ и Николай Радзивилъ, воевода виленскій, до сихъ поръ все прислушивались молча. Не желая высказаться, даже когда до нихъ дошла очередь, они заявили, что согласятся съ большинствомъ. Но у нихъ потребовали прямаго отвѣта. Тогда они возразили, что имъ необходимо выдти къ своимъ поговорить, и оставили шопу. Черезъ четверть часа литовское совѣщаніе уже окончилось. Радзивилъ, обращаясь къ сенаторамъ, провозгласилъ: «По порученію литовскихъ чиновъ вы услышите отъ Ходкѣвича, что̀ единодушно принято ими по общему совѣту касательно избранія новаго короля.» Встаетъ Янъ Іеронимовичъ. «Ради счастія, выгодъ и спасенія всей Рѣчи Посполитой, произноситъ онъ, мы такъ опредѣлили послѣ точнаго и зрѣлаго размышленія по единодушному согласію въ силу важнѣйшихъ, великихъ причинъ: если герцогъ анжуйскій уступитъ намъ религіозную свободу, защититъ насъ отъ Московскаго, женится на королевнѣ Аннѣ, обяжется свято, нерушимо сохранять наши

вольности и льготы, а равно и свободу избранія; если сверхъ того выборъ будетъ единодушенъ и согласенъ (помимо всего другаго, особенно важно то, что Турокъ возрадовался-бы распрямъ между Поляками и воспользовался-бы ими), то мы избираемъ его въ наши короли и считаемъ и признаемъ его таковымъ». Восторженно вскрикнула окрестъ стоящая толпа; съ души ея скатилось тяжелое бремя: О избранные и могучіе мужи литовскіе! Онъ воцарится у васъ! А мы готовы пролить нашу кровь, положить нашу жизнь за васъ!» Не даромъ такъ радовались друзья Франціи. Голосъ Ходкѣвича былъ голосомъ девяти литовскихъ воеводствъ, Волыни и Брацлава. Теперь за Генриха уже открыто стояло 22 воеводства и одна земля противъ десяти воеводствъ [13].

А между тѣмъ былъ нанесенъ послѣдній, смертельный ударъ главному врагу Генриха, Пясту. Онъ былъ записанъ, въ числѣ другихъ кандидатовъ, въ восьми воеводствахъ: краковскомъ и сандомірскомъ, брестъ-куявскомъ и иновлоцлавскомъ, познанскомъ, калишскомъ и сѣрадзскомъ, наконецъ въ белзскомъ, гдѣ, не ограничиваясь нарицательнымъ именемъ, сразу выбрали воеводу подольскаго, популярнаго Николая Мелецкаго. Еще важнѣе было то, что имя Пяста начинало служить ядромъ коаліціи всѣхъ нововѣрцевъ, не исключая приверженцевъ Шведа, и всѣхъ враговъ Франціи. Его доканали, конечно, его первые друзья, мастера на медвѣжьи услуги. Великополяне, сначала явившіеся въ шопу съ пустыми руками, теперь привалили сюда чуть не съ полсотнею кандидатовъ. У нихъ однихъ рядомъ съ именами Шведа, Эрнеста и Генриха красовалось въ спискѣ имя Ивана Грознаго. У нихъ однихъ былъ еще извѣстный намъ богатый запасъ Пястовъ. По мѣрѣ того, какъ читалась ихъ хартія, слушателями овладѣвали изумленіе, потомъ задорный смѣхъ, перешедшій подъ конецъ въ продолжительный всеобщій хохотъ. Какъ нарочно, не безъ вины французолюбца Андрея Опалинскаго,

списокъ замыкало неизвѣстное имя какого-то нищаго шляхтича Слупскаго, по прозванію *Бандура*. Съ этой минуты «Пястъ съ бандурой» сталъ гулять по избирательному полю, а потомъ занялъ достойное мѣсто въ ряду незабвенныхъ народныхъ поговорокъ [14]).

Но и этимъ не завершилась судьба Пяста. По прочтеніи всѣхъ списковъ настала тяжелая минута нерѣшительности. Друзья Франціи старались поднять шумъ и немедленно покончить съ избраніемъ, такъ какъ ясно было, что громадное большинство на сторонѣ Генриха, и оттягиваніе дѣла могло только повредить ихъ блестящему успѣху. Ихъ противники желали какъ-нибудь отдалить страшную минуту своего полнаго пораженія, но не имѣли наготовѣ хорошаго предлога. Очевидно, всѣ забыли про конвокаціонную программу, требовавшую единогласія и предлагавшую въ противномъ случаѣ средство къ его достиженію (стр. 363—364). Всѣмъ было неловко. Никто не зналъ, что дѣлать дальше. Тамъ и сямъ толковали, не пора-ли сенаторамъ подавать свои голоса Но паны, сознавая свой долгъ, всячески старались сократить число кандидатовъ хотя до двухъ. Наконецъ «послѣ многихъ и длинныхъ разсужденій» собраніе было выведено изъ тяжелаго положенія великимъ маршалкомъ короннымъ. Янъ Фирлей сталъ одушевленно доказывать, что выборы необходимо производить съ спокойнымъ духомъ, вполнѣ взвѣсивъ достоинства кандидатовъ, и предложилъ прибѣгнуть къ средству, пригодность котораго доказали въ древности Греки и Римляне, а въ новое время— Венеціанцы: назначить адвокатовъ каждому соискателю престола [15]). Всѣ радостно ухватились за эту мысль и тотчасъ выбрали трехъ защитниковъ, съ Петромъ Мышковскимъ во главѣ, для Эрнеста; трехъ для Іоанна III, въ томъ числѣ Яна Фирлея и Николая Мелецкаго; Карнковскаго, Петра Зборовскаго и Яна Костку для Генриха; Яна Томицкаго и воеводу иновлоцлавскаго

для Пяста. Въ эту-то минуту важную услугу оказалъ смущеннымъ сенаторамъ находчивый Янъ Замойскій. Этотъ вождь шляхты ни на мгновеніе не отставалъ отъ нея. Въ началѣ безкоролевья онъ вмѣстѣ съ нею сочувствовалъ Ивану Грозному; въ концѣ раздѣлялъ ея привязанность къ Генриху анжуйскому. Внезапно, какъ-бы по вдохновенію поднялся онъ теперь, чтобы совсѣмъ убрать съ исторической сцены многострадательнаго Пяста. «Съ Пястами, заявилъ онъ, нужно поступить также, какъ съ прочими кандидатами. Пусть они изложатъ намъ всѣ выгоды, которыя можетъ ожидать отъ нихъ Рѣчь Посполитая, и затѣмъ уйдутъ съ поля, чтобы дать свободу избирателямъ и не слышать критики, которой подвергнутъ ихъ при обсужденіи дѣла». Конечно, Пясты прятались другъ за друга и торжественно заявили, что отказываются отъ своихъ кандидатуръ. Одинъ изъ нихъ, наивный воевода калишскій, Каспаръ Зебржидовскій, вообразивъ, что его и впрямь считали достойнымъ короны, даже раскланялся передъ собраніемъ и, отъ души благодаря его за предложенную честь, просилъ уволить его и «не сердиться за отказъ отъ мѣста, къ которому у него нѣтъ призванія». Сенатъ возблагодарилъ Пястовъ за ихъ патріотическое самоотверженіе. «Такъ, говоритъ очевидецъ, часа въ три уходили Пяста, хотя и были такіе, что не желали схоронить его такъ скоро, не попробовавъ воскресить», хотя вождь его партіи, Янъ Томицкій, даже отступая, злобно ворчалъ, что враги не убѣдили его, а только перекричали.

Кончина Пяста имѣла рѣшительное значеніе. Она не только приближала исходъ сейма сокращеніемъ числа кандидатовъ, но вполнѣ обезпечивала выборъ Генриха. Какъ электричество, пробѣжало убѣжденіе въ этомъ по всему собранію. Враги Франціи, всѣ нововѣрцы, увлекаемые страхомъ, какъ-бы инстинктивно схватились именно въ это мгновеніе за свое послѣднее оружіе. Улучивъ минуту, когда еще не началось новое дѣйствіе

избирательной драмы, преніе адвокатовъ, Николай Мелецкій попр силъ слова. Среди глубокаго молчанія онъ началъ доказывать особенно серьезно и торжественно, что, «пока прибудетъ новый король», Рѣчь Посполитая подвергнется страшной опасности, если Поляки тотчасъ послѣ выборовъ разъѣдутся по домамъ, не установивъ всего необходимаго для ихъ спокойствія и свободы. «Есть предметы, замѣтилъ онъ, даже болѣе важные, чѣмъ самое избраніе, таковы: узда, сдерживающая короля отъ обычныхъ похотей и вредныхъ привычекъ самовластья; конфедерація, вносящая религіозный миръ между диссидентами; форма постоянныхъ судовъ; оборона государства, на которое разозлятся неудачные кандидаты, оборона съ трехъ сторонъ: отъ Москвы, отъ Валахіи, Татаріи и Венгріи, отъ Римскаго цесарства и Нѣмцевъ». Эта рѣчь, въ которой разбитые нововѣрцы пытались оборониться отъ Франціи своею драгоцѣнною конфедераціей, была пройдена молчаніемъ, какъ опасное яблоко раздора. Поспѣшили приступить къ исполненію дальнѣйшей программы сейма. Въ тотъ же день, 8 мая, успѣли сказать свои рѣчи защитники Эрнеста и Генриха.

Первый говорилъ Петръ Мышковскій съ своими помощниками. Едва онъ раскрылъ ротъ, какъ шляхта подняла страшный шумъ, крича: «Француза, Француза»! Рѣдкое слово оратора можно было разслышать. Впрочемъ ему приходилось лишь перефразировать рѣчь Розенберга. Новаго тутъ было только то, что онъ показалъ слушателямъ портретъ Эрнеста въ доказательство его прекрасныхъ душевныхъ свойствъ. Не могло быть ничего интереснаго и въ рѣчахъ адвокатовъ герцога анжуйскаго. Только въ словахъ Петра Зборовскаго замѣтны, какъ всегда, проблески истиннаго краснорѣчія, теплота и картинность. Недуренъ вышелъ у него рыцарственный Генрихъ, влекомый жаждою славы изъ роднаго гнѣзда за тридевять земель, къ многочисленному и отмѣнному народу, душа котораго чуть-

ли не съ самаго рожденія слилась съ душею Франціи. Жалокъ показался слушателямъ Іоаннъ Заполья, колѣнопреклоненный передъ султаномъ. участь котораго ораторъ предвѣщалъ Польшѣ, если она свяжется съ цесаремъ. Страшенъ былъ указанный имъ въ перспективѣ кровавый призракъ междуусобія: изъ его словъ явствовало, что французская партія низачто не отступитъ отъ своего рѣшенія. Рѣчь Карнковскаго соперничала съ рѣчью Монлюка по внѣшнему изяществу и искусственности. Но она была ужасно растянута, бездушна, съ избитымъ содержаніемъ, пропитана педантизмомъ, черпающимъ доводы не только изъ ветхозавѣтной и античной исторіи, но даже и изъ филологіи [16]). Впрочемъ все это не помѣшало ей достигнуть цѣли. Шляхта, хранившая гробовое молчаніе во все продолженіе рѣчи, по окончаніи ея разразилась рукоплесканіями и веселымъ крикомъ: «Француза, Француза, и никого болѣе»! А когда говорили Петръ Зборовскій и Янъ Костка она не спускала глазъ съ епископа куявскаго. И каждый разъ, какъ онъ отиралъ себѣ платкомъ лобъ или губы, она то одобрительно вскрикивала, то хлопала въ ладоши. Этотъ шумъ и гамъ полудикой, но хорошо вымуштрованной вожаками толпы дѣйствовалъ на трусливыхъ и колеблющихся лучше всякихъ убѣжденій. Нѣмецкая партія теперь окончательно погибла. Нѣкоторые изъ нея перешли во французскій лагерь; другіе примкнули къ Шведу, который одинъ оставался на избирательной сценѣ подлѣ Генриха. Но, чѣмъ болѣе упрощалось дѣло, тѣмъ становилось опаснѣе Іоаннъ III обращался въ знамя польскаго иновѣрія, вокругъ котораго все плотнѣе и гуще собиралась армія, враждебная Франціи и Риму. Іоаннъ III и Генрихъ—это были уже вывѣски великихъ историческихъ силъ, борьба которыхъ составляла содержаніе польской жизни въ эту важную минуту. Оттого-то ни въ одномъ эпизодѣ описываемаго безкоролевья не было столько потрясающей страсти и торжественнаго величія, какъ въ этой полити-

ческой битвѣ, гдѣ участвовали лучшія силы Рѣчи Посполитой: съ одной стороны Карнковскій, Ходкѣвичъ, Петръ Зборовскій, съ другой—Николай Мелецкій и Янъ Фирлей.

Былъ канунъ Троицына дня, 9 мая, когда главный адвокатъ Шведа поднялся съ своего маршальскаго кресла. Трудно было говорить свою рѣчь Яну Фирлею. Толпа хотѣла съ самаго начала заглушить его гнѣвными криками и потомъ не переставала пользоваться своимъ правомъ невѣжества и физической силы. Когда ораторъ, въ подтвержденіе своихъ доводовъ, приступилъ-было къ чтенію нѣкоторыхъ важныхъ бумагъ, она, не понимая, къ чему-это онъ то говоритъ, то читаетъ, подняла такой гвалтъ, что онъ принужденъ былъ бросить документы. Воевода краковскій поспѣшилъ перейти къ основному, великому вопросу въ польской исторіи. Онъ пророчески указалъ на неизбѣжность роковаго для Польши развитія Московскаго царства, если его не задержитъ Швеція. Онъ высказалъ твердое убѣжденіе, что при соединеніи Шведовъ, опытныхъ въ бояхъ съ Москвитянами, и Поляковъ несомнѣнно рухнетъ это царство, наводящее ужасъ. Второй адвокатъ Іоанна III, Николай Мелецкій, недолго останавливался на исчерпанномъ предметѣ. Онъ посвятилъ свою рѣчь идеѣ, слившейся съ его существованіемъ. И сегодня, какъ вчера, онъ горячо ратовалъ за предварительное обезпеченіе правъ Поляка, безопасности страны, особенно за водвореніе религіознаго мира, за утвержденіе варшавской конфедераціи.

Адвокаты окончили свое дѣло. Снова настала тяжелая минута нерѣшимости. Не знали, что̀ предпринять далѣе. Кое-кто изъ пановъ, пользуясь замѣшательствомъ, сунулся-было въ непрошенные адвокаты на томъ основаніи, что польскій гражданинъ въ правѣ говорить, гдѣ угодно, и что̀ угодно; но принужденъ былъ усѣсться, ворча. Шляхта кричала, что ничего больше не хочетъ слушать, и требовала провозглашенія короля: мало-ли

времени потрачено даромъ и безъ того! Наканунѣ подобною же минутой всеобщаго гвалта и смушенія прекрасно воспользовался Янъ Замойскій, чтобы доканать Пяста. Теперь за эту роль взялся литовскій Сципіонъ, чтобы убить Шведа и тѣмъ сразу рѣшить томительный вопросъ о выборѣ короля. Поразительна была рѣчь этого оратора-солдата, сына дремучихъ лѣсовъ. Она обжигала слушателей неподдѣльнымъ пыломъ, вызваннымъ личною ненавистью, оскорбленнымъ человѣческимъ достоинствомъ. Другъ Яна Фирлея, Іоаннъ III на своей свадьбѣ наругался надъ Ходкѣвичемъ, мужемъ сестры Зборовскихъ. Вотъ какъ подымалъ теперь Янъ Іеронимовичъ давно брошенную ему перчатку.

«Посмотрите, Поляки, на кого вамъ указываютъ, какъ на человѣка, достойнаго вашего престола! Шведскій король измѣнникъ, вѣроломецъ. Онъ обманулъ своего брата и тиранитъ его незаконно, захвативъ у него тронъ. А только этотъ братъ и одерживалъ, бывало, блестящія побѣды надъ Датскимъ. Самъ же онъ въ глаза не видалъ ни одной битвы, и теперь вотъ шведскія войска въ Ливоніи постоянно терпятъ по его милости недостатокъ и пораженія. Онъ, какъ сталъ королемъ, такъ еле-еле раза два въ годъ покажется на свѣтъ Божій. Сидитъ себѣ у домашняго очага, въ четырехъ стѣнахъ. Храпитъ себѣ среди бѣлаго дня; а встанетъ—битыхъ два часа расчесываетъ свою бородищу да волосы. Затѣмъ идетъ завтракать; а на королевскомъ-то столѣ, вмѣсто изысканнѣйшихъ блюдъ, лежатъ внутренности скотовъ, очищенныя предварительно отъ гадостей. Покушаетъ и опять заляжетъ спать на нѣсколько часовъ. Проснется, пойдетъ шляться по заднему двору, нетó по саду. Вотъ вамъ жизнь этого человѣка, у котораго нѣтъ и слѣда мысли или разсудка. Этотъ недостатокъ ясно видѣнъ и въ его письмахъ къ Сигизмунду-Августу. Тутъ нипричемъ и его знаніе языковъ, которое не дастъ свѣтлаго разума, коли его нѣтъ.

Нечего также говорить и объ его управленіи страной. Это тиранъ самовластный. Онъ вырѣзалъ у себя всѣхъ сенаторовъ и всю шляхту, кромѣ одного графа да нѣсколькихъ рыцарей. Теперь и самъ онъ темнаго рода, и вокругъ него одна чернь да холопство. Словомъ, это такое управленіе, что еслибы не жена, то подданные давно или убили-бы его, или выгнали-бы его вонъ. Оттого-то не надѣйтесь на соединеніе Швеціи съ Польшей: ступи онъ только ногой изъ своего государства—и подданные ужъ никогда не пустятъ его назадъ. Не соблазняйтесь, Поляки, также и шведскими деньгами. Тамошній король страшно скупъ, терпѣть не можетъ платить жалованье солдатамъ; а ужъ если нельзя—норовитъ отдѣлаться фальшивою монетой. Да и страна-то та ужасно убога; а пресловутые серебряные рудники въ полномъ упадкѣ. Въ казнѣ же ни злотаго. Вотъ этимъ посламъ, что̀ теперь у васъ, нечего было дать на дорогу: нарочно собиралъ для нихъ деньги по всему своему государству, отнимая половину у каждаго подданнаго. Этотъ недостойный сынъ растранжирилъ все, что отецъ пріобрѣлъ тяжкимъ трудомъ, сколачивая гроши посредствомъ торговли масломъ, сыромъ, молокомъ, желѣзомъ да волами. Что онъ долги-то намъ проститъ, такъ еще надо спросить, какіе это долги? Приданое за своею женой онъ взялъ такое, что хоть бы и за цесарскою дочерью. Да не онъ-ли еще долженъ Полякамъ, если взять въ разсчетъ, что по его винѣ много польскихъ укрѣпленій перешло къ Московскому? И, повѣрьте, Москва въ будущую же зиму все заберетъ у него, если вы не посадите его на свой престолъ. Да и на морѣ-то его владычество уже сильно подрываетъ Датскій. А Полякамъ, въ виду безсмертной славы, пріобрѣтенной Московскимъ черезъ войну съ Сигизмундомъ-Августомъ, необходимъ такой король, который преславно возвратилъ-бы отнятыя имъ земли. Вмѣсто того, глядите, Шведъ принесетъ вамъ интриги и ковы, играющіе у него первую роль, да еще, пожалуй, тамошній пагубный порядокъ

престолонаслѣдія не только по мужской, но и по женской линіи. Во всякомъ случаѣ у васъ легко можетъ водвориться страшно опасный тріумвиратъ сестеръ: шведской королевы, инфантки Анны Ягелловны и герцогини брауншвейгской. Наконецъ укажу на толки, будто Іоаннъ III знаетъ вашъ языкъ. Да, конечно, два-три слова онъ можетъ сказать попольски. А его расположеніе къ Полякамъ можетъ засвидѣтельствовать вамъ Соликовскій, который вмѣстѣ съ Кромеромъ былъ посланъ въ Штеттинъ года два тому назадъ для примиренія Іоанна III съ Датскимъ. Онъ обращался съ ними хуже, чѣмъ съ собаками. Не такъ-ли, панъ секретарь королевскій» [17])?

Дмитрій Соликовскій подтвердилъ слова Ходкѣвича. За нимъ поднялся знатокъ балтійскихъ водъ, Янъ Костка, чтобы побить Іоанна III и на морѣ, которое сильно занимало каждаго Поляка. «Напрасно, замѣтилъ онъ, панъ староста жмудскій приписалъ Шведу владычество на Балтикѣ. Мореходство — мое дѣло, и я могу васъ увѣрить, что тутъ господинъ не Шведъ, а Датскій, который одинъ только и можетъ задерживать или пропускать данцигскіе корабли. Швеція же такъ малолюдна, что во время войны у нея не хватило солдатъ для флота; а набраннаго въ Финляндіи холопства едва достало на управленіе судами. Къ тому же это такой холодный, суровый край, что лишь въ маѣ еле-еле могутъ выйти корабли изъ Стокгольма въ Данцигъ; а на возвратнотъ пути нерѣдко ихъ уже застигаютъ морозы и бури». Не выдержалъ и Карнковскій. Онъ сообщилъ свой разговоръ съ Сигизмундомъ-Августомъ, утверждавшимъ, что Шведъ не расположенъ къ нему, а жена его вывезла изъ Польши тысячъ триста злотыхъ — больше, чѣмъ досталось другимъ сестрамъ. Онъ прибавилъ еще, на основаніи шведскаго историка Олафа, что Швеція не разъ подпадала подъ иго Датчанъ и потому питаетъ къ нимъ неискоренимую ненависть.

Изъявленіями восторга вторила толпа этимъ самоувѣреннымъ поношеніямъ Шведа. Много колебавшихся перешло съ его стороны въ лагерь Француза. Лишь кое-гдѣ слышался слабый ропотъ его друзей, исчезавшій безслѣдно среди шума огромнаго большинства. Только одинъ Николай Мелецкій, ненавидѣвшій всею душою Яна Іеронимовича, дерзнулъ продолжать битву. «Не ты-ли самъ, крикнулъ онъ ему, не далѣе, какъ вчера, превозносилъ до небесъ Іоанна III и хлопоталъ за него изо всѣхъ силъ? А теперь ужъ измѣнилъ ему! Но я разобью всѣ твои доводы»! Однако это ему не удалось. Наэлектризованная шляхта, которую вдобавокъ Карнковскій все науськивалъ «держаться одного», заглушила его криками: «Не Шведъ, а Французъ, Французъ будетъ у насъ! Да здравствуетъ Французъ! Вотъ нашъ король»! Да и самъ ораторъ ронялъ свое дѣло запальчивостью. Онъ разгнѣвалъ толпу презрительнымъ замѣчаніемъ, что его принуждаютъ поступать вопреки его желанію, что этотъ сеймъ носитъ насильственный, плачевный характеръ. Къ счастію, на выручку къ взбѣшенному Мелецкому явился сдержанный Янъ Фирлей. Когда ихъ стали увѣщевать уступить всеобщей волѣ, онъ пристыдилъ враговъ словами: «Мало-ли здѣсь сторонниковъ Пяста и Эрнеста, а ихъ не считаютъ вредными! Только меня съ товарищемъ уличаютъ въ дерзости»! Между тѣмъ друзья Франціи начали толковать, что пора уже прекратить всѣ эти безплодные споры, объявивъ королемъ того, за кого высказалось столь значительное *большинство*. Но воевода краковскій уже успѣлъ обдумать положеніе своей партіи. «Это было бы, замѣтилъ онъ, нарушеніемъ и свободы выборовъ, и рѣшеній конвокаціи. Но, такъ какъ мы не можемъ постановлять ничего новаго безъ другихъ нашихъ братій, оставшихся въ своихъ воеводствахъ, то разойдемтесь снова по наметамъ, разскажемъ, что слышали здѣсь, и съ Божіей помощью постараемся достигнуть всеобщей сгоды». Противники горячо

возстали противъ этого, видя тутъ со стороны иновѣрцевъ новую уловку оттянуть, а, пожалуй, и совсѣмъ сорвать сеймъ. Карнковскій усовѣщевалъ всѣхъ немедленно прийти къ единодушному рѣшенію. Онъ забылъ, что у Фирлея за словомъ всегда слѣдовало дѣло. Въ эту самую минуту воевода краковскій вышелъ изъ шопы. За нимъ послѣдовали кое-кто изъ сенаторовъ, Краковяне съ Сандомірянами, Русскіе съ Подолянами да Познанцы. Остались только завѣдомые друзья Генриха. Но побѣда вождя нововѣрія была мимолетна. Многіе изъ увлеченныхъ его геройствомъ, въ числѣ первыхъ Русскіе и Подоляне, одумались и быстро возвратились въ шопу, объявляя себя за Француза. Пока прочіе безплодно препирались, Янъ Фирлей послалъ въ шопу сказать, чтобы тамъ не рѣшались безъ нихъ на слишкомъ важный шагъ.

Въ шопѣ царствовало тревожное, но тщетное ожиданіе. Кое-кто, правда, возвратился туда, но безърѣшенія, а главное, безъ великаго маршалка короннаго. Солнце заходило. Тѣни ложились на полѣ. Мрачно становилось и на душѣ у друзей Франціи. Съ смущеніемъ и безпокойствомъ озирались и перешептывались въ шопѣ. Вѣдь завтра воскресенье. Неужели и вправду дать оттянуть на цѣлый день столь хлопотливое дѣло, такъ ловко подведенное къ концу? Развѣ не значило это почти совсѣмъ погубить его? Но вотъ всталъ слабый старикъ, въ чувствѣ страха черпавшій духъ отваги. Подстрекаемый присутствующими, Яковъ Уханскій рѣшился пренебречь обычаями и законами страны, *объявить* короля, котораго долженъ былъ *обнародовать* Янъ Фирлей. Къ счастію, на этотъ разъ его спасла отъ безумнаго поступка сильная рука [18]).

Въ душѣ Петра Зборовскаго уже не было борьбы, мучившей его во все безкоролевье. Теперь дѣло упростилось. Увлекавшая его въ лагерь католиковъ симпатія къ Франціи была уже удовлетворена. Окончивъ одну службу, которую онъ несъ заодно съ

Кариковскимъ, Зборовскій съ свойственною ему страстью и энергіей схватился за другую, родившую его съ Фирлеемъ. По мѣрѣ того, какъ силы воеводы краковскаго слабѣли въ неровной борьбѣ съ католичествомъ, на первый планъ выдвигался воевода сандомірскій въ качествѣ вождя нововѣрія. Съ этой минуты и до конца избирательной драмы онъ окруженъ блескомъ этой благодарной исторической роли. И не даромъ. Онъ, казалось, хотѣлъ сразу загладить позоръ своего временнаго сообщничества съ католиками подвигами, превосходившими самыя смѣлыя ожиданія протестантовъ и замыслы самого Фирлея. Ужъ не разъ онъ преслѣдовалъ Моплюка своими требованіями относительно религіозной свободы. Теперь онъ увѣнчалъ ихъ замѣчательнымъ документомъ, который и былъ привезенъ въ Плоцкъ, къ ужасу епископа валансскаго, спокойно выжидавшаго тамъ несомнѣннаго результата выборовъ. Это было ходатайство отъ имени всѣхъ польскихъ протестантовъ передъ Карломъ IX, а не Генрихомъ, въ пользу гражданъ Франціи, а не Рѣчи Посполитой. Его содержаніе, возносящее Зборовскаго на высоту европейскаго историческаго дѣятеля, вѣрно оцѣнившаго связь событій на двухъ концахъ континента, было таково: «Христіаннѣйшій король предаетъ забвенію все проистекшее изъ смятенія, учиненнаго междуусобными войнами. Исповѣдникамъ реформатской вѣры онъ предоставляетъ свободу мирно жить во всей Франціи, не преслѣдуя ихъ изъ-за религіи и не принуждая къ принятію католичества. Желающимъ выселиться дозволяется продать свои имѣнія и увезти съ собою выручку, въ противномъ случаѣ получать съ нихъ ежегодные доходы сполна, безъ обмана. Всякой имѣетъ право возвратиться на родину, причемъ ему отдаются всѣ прежнія имѣнія, санъ и почести. Король, не смотря на свои эдикты, на рѣшенія государственнаго совѣта или приговоры судей, возстановляетъ во всѣхъ имущественныхъ и личныхъ правахъ тѣхъ лицъ съ ихъ потомствомъ,

которыя были осуждены по поводу заговора, якобы задуманнаго въ Парижѣ въ августѣ 1572 года. А дѣтямъ убитыхъ во время рѣзни въ Парижѣ и потомъ въ разныхъ городахъ Франціи разъяреннымъ, безумнымъ народомъ, выдается сумма, равная продажной стоимости должностей, занимаемыхъ тогда ихъ родителями. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ удержалась доселѣ реформатская вѣра, король дозволяетъ ея безпрепятственное исповѣданіе и освобождаетъ жителей отъ всякихъ гарнизоновъ. Онъ назначаетъ строгое слѣдствіе и наказываетъ тѣхъ, которые произвели убійства вопреки его эдиктамъ. Наконецъ онъ предоставляетъ реформатамъ въ каждой провинціи извѣстное мѣсто для богослуженія, крещенія дѣтей и совершенія браковъ». Жутко было Монлюку читать эту необыкновенную бумагу, которая ложилась поперекъ его повидимому вполнѣ расчищеннаго пути. Впрочемъ онъ скоро оправился и подписалъ ее, сдѣлавъ лишь одно замѣчаніе: «Что касается до послѣдняго пункта, то обѣщаемъ только всячески просить герцога анжуйскаго, чтобы онъ выхлопоталъ это у короля». Хитрый епископъ совершенно вѣрно сообразилъ, что Карлъ IX отречется отъ документа, въ силу котораго Нантскій эдиктъ, прославившій Генриха IV на весь міръ, явился-бы цѣлымъ поколѣніемъ раньше [19]).

Этой-то подписи Монлюка и поджидалъ теперь Петръ Зборовскій. Ему хотѣлось также выиграть время, чтобы помочь польскимъ нововѣрцамъ въ огражденіи религіозной свободы. Онъ бросился къ Уханскому и указалъ ему на ночь, спускавшуюся надъ наметами, на пустыя мѣста многихъ законныхъ избирателей [20]). Уханскій тотчасъ замолкъ. Всѣ печально разошлись по домамъ. Избирательное поле погрузилось въ сонъ. Только на двухъ точкахъ его кипѣла еще жизнь. Въ шопѣ Карнковскій, Петръ Зборовскій и Альбертъ Ласкій наскоро снаряжали гонца въ Плоцкъ. Они призывали Монлюка для «болѣе точнаго и яснаго» обсужденія обѣщаній Генриха [21]). А тамъ, гдѣ только

что собирались измѣнившія - было Французу воеводства, одиноко стоялъ Янъ Фирлей. Два сильные голоса боролись въ его душѣ. Одинъ повелѣвалъ не оставлять безъ всякихъ обезпеченій нововѣрцевъ въ эту роковую для нихъ минуту. И передъ Фирлеемъ вставали тѣни жертвъ Варѳоломеевской ночи. Другой умолялъ пощадить Польшу, не подавать руки Нѣмцамъ, уже подходившимъ къ ея границамъ, не поджигать своихъ пушекъ. И среди ночной тьмы передъ Фирлеемъ открывалась родная земля, обагренная кровью ея собственныхъ сыновъ. Быть-можетъ, ему представлялось въ перспективѣ вѣковъ и славное отшествіе Римлянъ на Священную гору. Онъ рѣшился. Въ слѣдующую же ночь, послѣ самаго мрачнаго изъ всѣхъ Троицыныхъ дней въ Польшѣ, проведеннаго въ молитвѣ, въ подвластныхъ Фирлею наметахъ сначала послышался какой-то странный шумъ, потомъ вдругъ настала зловѣщая мертвая тишина.

Съ разсвѣтомъ Духова дня, 11 мая, все объяснилось. Избирательное поле рано зашевелилось и загудѣло. Но въ станѣ Яна Фирлея тишина не нарушалась Наметы были пусты. Вождь отвелъ свою дружину на часъ пути къ востоку отъ Камня, въ деревушку Грохово. Подлѣ него стояло нѣсколько воеводъ (иновлоцлавскій, равскій и др.) и каштеляновъ (краковскій, медзирѣцкій и др.), въ томъ числѣ братья Мелецкіе, Янъ Томицкій, Станиславъ Шафранецъ, графы Гурки. Былъ тутъ и неугомонный Юрій Олельковичъ и воевода кіевскій, князь Константинъ Острожскій. Ихъ окружала кучка шляхты разныхъ воеводствъ, особенно краковскаго, сандомірскаго и познанскаго. Здѣсь скопилось все враждебное католичеству, Франціи и Литвѣ. Друзья Пяста, Эрнеста, Іоанна III, забывъ свои старые счеты, слились въ твердомъ намѣреніи дать отпоръ своему общему врагу. Полное единодушіе съ его спутниками, тишиной и порядкомъ, придавало этому маленькому лагерю характеръ могучей, непобѣдимой нравственной силы. Онъ и былъ таковъ. Въ немъ не

замѣтно было кровавыхъ приготовленій. Все дышало миролюбіемъ, серьёзною мыслію, рѣшимостью, убѣжденіемъ. Да, жребій былъ брошенъ; но Янъ Фирлей не хотѣлъ положить свой мечъ на вѣсы судебъ своего отечества. Онъ надѣялся спасти ему свободу совѣсти страдательнымъ сопротивленіемъ. Онъ отвелъ свою армію подъ Грохово лишь для того, чтобы спокойно вести упорные переговоры, не опасаясь взрыва ярости противниковъ, стоящихъ лицомъ къ лицу другъ передъ другомъ.

Но не такъ поняли поступокъ великаго маршалка подъ Камнемъ. Здѣсь царствовали горячность, шумъ, смятеніе. Всѣ вѣрили молвѣ, что «дьяволъ наконецъ насѣялъ плевелъ». Его пріятель, воевода краковскій, рѣшился на кровавое дѣло. Онъ уже разставилъ пушки въ сосѣднемъ лѣсу и снарядилъ къ бою отрядъ кавалеріи. Съ толпою легкихъ Мазовшанъ во главѣ, шляхта бросилась къ шопѣ, пестрѣя самымъ разнообразнымъ вооруженіемъ. Навстрѣчу къ ней вышли Ходкѣвичъ, Радзивилъ, Ласкій, трое Зборовскихъ: вотъ и командиры. Они, дѣйствительно, поспѣшили привести это самозванное войско въ надлежащій порядокъ. Окруженные богатыми свитами пановъ, въ боевыхъ доспѣхахъ скакали они передъ толпой, перекидываясь распоряженіями. Толпа была раздѣлена на три корпуса: одинъ подъ начальствомъ Ходкѣвича, другой — Ласкаго, третій — Кристофа Зборовскаго. Вожди украсили свои головы девизомъ Франціи, сосновыми вѣтвями, — и мигомъ была опустошена сосѣдняя рощица: всѣ копья, шапки, конскія узды покрылись зеленью, перемѣшанною мѣстами съ «лилейнымъ» цвѣтомъ платковъ. Эту армію поставили полумѣсяцемъ вокругъ шопы. Янъ Іеронимовичъ подкатилъ къ ней свои тяжелыя мѣдныя пушки, направивъ ихъ на Грохово. Тутъ вожди поручили войско своимъ адъютантамъ, Яну Зборовскому и Латальскому, а сами скрылись въ шопѣ.

Послѣ краткаго совѣшанія они согласились вступить въ переговоры съ Гроховомъ. Снарядили депутацію изъ протестантовъ, воеводы ленчицкаго и двухъ каштеляновъ, Іеронима Оссолинскаго, одного изъ авторовъ варшавской конфедераціи, и Яна Костки. Къ нимъ присоединился изъ духовенства имѣвшій наиболѣе правъ на посредничество Францискъ Красинскій. Депутація явилась подъ Гроховомъ съ предложеніемъ немедленно возвратиться на поле или потерять право голоса, ибо рѣшеніе политическихъ вопросовъ, конечно, принадлежитъ большинству, а не меньшинству. Ей отвѣчали: «Мы сами безмѣрно жаждемъ согласія и желаемъ, чтобы столь важное дѣло, отъ котораго зависитъ спасеніе или погибель Рѣчи Посполитой, было рѣшено единодушно. Но противная сторона, тѣмъ болѣе страшная, что она многочисленна и хорошо вооружена, сначала позволила-было намъ говорить свободно; а потомъ, когда выборы подходили къ концу, лишила насъ свободы голоса, сговорившись выбрать короля не посредствомъ убѣжденія, а насиліемъ и криками. Наконецъ она дошла до того, что извѣстная особа, сидящая подлѣ воеводы сандомірскаго, коварно махнула своею шапочкой, и по этому условному знаку всѣ подняли шумъ и ропотъ. Не очевидно-ли, что наши враги борются не только посредствомъ насилія, но и посредствомъ хитрости. Мы рѣшились удалиться только для того, чтобы сохранить дорогую свободу и законность выборовъ. А вы безъ нашего вѣдома ужъ послали за представителями Франціи.» Затѣмъ Фирлей попытался пустить въ ходъ послѣднее средство, чтобы отдалить страшную минуту всеобщаго признанія Генриха. Онъ замѣтилъ, что избранія отнюдь нельзя считать оконченнымъ, такъ какъ еще не установилось требуемое *единодушіе*. Необходимо воспользоваться всѣми способами, указанными конвокаціей, чтобы достигнуть его. Онъ прочелъ послѣднія статьи варшавской программы и замѣтилъ, что нарушеніе ихъ оскорбило-бы не только всѣхъ участниковъ конвокаціи,

но также цесаря и другихъ кандидатовъ. Съ этимъ отвѣтомъ депутація поскакала домой. А между тѣмъ подъ Гроховомъ не дремали. Фирлей имѣлъ въ виду своимъ предложеніемъ лишь выиграть время и установить переговоры. Онъ предчувствовалъ, что противники не согласятся подвергнуть свое дѣло риску, продолжая избраніе. И вотъ въ его кружкѣ спѣшили начертать ультиматумъ, который составлялъ настоящую цѣль ихъ отшествія съ поля. Этотъ ультиматумъ былъ ничто иное, какъ знаменитыя Генриховы Статьи — истинная душа всѣхъ поступковъ воеводы краковскаго и его партіи на избирательномъ сеймѣ 1573 года. Янъ Фирлей рѣшился немедленно отправить ихъ къ Камню и не отступать отъ этого знамени низачто на свѣтѣ.

Вѣсти, доставленныя депутаціей, произвели потрясающее впечатлѣніе въ шопѣ. Миролюбіе, патріотизмъ, спокойствіе гроховцевъ заставили сенаторовъ задуматься тѣмъ болѣе, что ихъ окружали совсѣмъ иныя явленія. Какъ нарочно, въ эту минуту влетѣлъ къ нимъ Янъ Зборовскій. На его лицѣ былъ написанъ ужасъ. «Ради бога, умолялъ онъ, сегодня же кончайте избраніе. Напираютъ они, наши младшіе братья, у самаго входа и теряютъ всякое терпѣніе. Я боюсь, что они вломятся къ вамъ и разстроютъ засѣданіе». У сенаторовъ шевельнулась совѣсть. Они стали спрашивать другъ у друга: да тѣ-ли виноваты, въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ несчастіи? Не были-ли они, дѣйствительно, обижены здѣсь? Съ своей стороны протестанты, которыхъ не мало осталось подъ Камнемъ, съ Петромъ Зборовскимъ во главѣ, обрадовались случаю помочь своимъ единовѣрцамъ въ ихъ общемъ дорогомъ интересѣ. Такъ образовалась примиряющая среда, которой предстояло бороться съ фанатизмомъ и безтактностью шляхты. Нѣкоторые изъ пановъ, особенно Оссолинскій, съ радостью предложили взять на себя трудную роль посредниковъ. Вотъ почему въ шопѣ немедленно признали, что

отошедшіе были оскорблены, ибо послѣ рѣчей адвокатовъ Ходкѣвичу дали говорить, а Мелецкаго перекричали. Многіе согласились также съ умѣстностью предложенія Яна Фирлея и даже приказали еще разъ прочесть программу конвокаціи. Но умѣренность не была тутъ въ почетѣ. Вскочилъ Янъ Іеронимовичъ и воскликнулъ: «Съ этою бумагой и тогда не всѣ согласились. Да объ этомъ слѣдовало-бы раньше разсуждать. А что касается до Генриха, то онъ уже признанъ огромнымъ большинствомъ голосовъ, слѣдовательно о другихъ соискателяхъ не можетъ быть и рѣчи». Шляхта вторила ему нещаднымъ воплемъ: «Француза! Никого, кромѣ Француза»!

Въ эту минуту весьма кстати пріѣхали парламентеры изъ Грохова. То были братья Гурки, Шафранецъ и нѣсколько старшинъ, посланные Яномъ Фирлеемъ съ послѣднимъ словомъ. Андрей Гурка держалъ рѣчь о томъ, что ихъ товарищи вовсе не думаютъ спорить объ особѣ короля и согласны признать герцога анжуйскаго; но требуютъ, чтобы предварительно были составлены условія его воцаренія и была утверждена варшавская конфедераціи. Сверхъ того необходимо разсмотрѣть, какого рода полномочія у французскихъ пословъ, и если они удовлетворительны, то заставить ихъ клятвенно поручиться въ томъ, что Генрихъ дважды присягнетъ въ соблюденіи помянутыхъ условій, сначала въ Парижѣ, потомъ въ Польшѣ при коронованіи. Шумный ропотъ въ шопѣ былъ отвѣтомъ на эти рѣчи. Но вотъ всталъ Петръ Зборовскій—и водворилась мертвая тишина. Онъ обратился къ гроховцамъ отъ имени «всѣхъ» съ торжественною благодарностью за братскую любовь и за прекрасную мысль объ условіяхъ воцаренія Генриха. Такъ какъ большинство, замѣтилъ онъ, намѣрено разъѣхаться тотчасъ послѣ избранія, то необходимо немедленно заняться начертаніемъ этихъ условій. Гроховцы отвѣчали, что они уже составлены, и предложили съѣздить за ними. Зборовскій согласился и, указывая на нетерпѣніе

шляхты, только-что требовавшей окончанія сейма, просилъ ихъ немедленно возвратиться на поле со всѣми ихъ товарищами.

Вечернимъ сумракомъ покрывалось бурное поле, когда со стороны Грохова вновь показалась кавалькада. Но, увы! это поднялся не весь лагерь Яна Фирлея. Это была опять депутація, съ графомъ Андреемъ Гуркою во главѣ, съ знаменитыми Статьями въ рукахъ. Бѣшеная шляхта встрѣтила гостей гнѣвными криками и угрозами. Съ жалобою на свѣжее оскорбленіе вступили они въ шопу. Петръ Зборовскій просилъ ихъ извинить столь понятное нетерпѣніе меньшей братіи. Гроховцы вручили сенату бумагу, сопровождая ее такою же рѣчью, какъ и при своемъ первомъ появленіи. Но въ это мгновеніе внезапно произошло великое событіе. Послѣдніе лучи догоравшаго дня, подстрекательства сосѣднихъ сенаторовъ, ежеминутные крики за шопой: «Генрихъ! Французъ!»—всѣ эти впечетлѣнія стѣснились въ душѣ Якова Уханскаго, и онъ потерялъ власть надъ собою. Какъ только ораторы промолвили, что ихъ сторона согласна на избраніе герцога анжуйскаго, онъ невольно вскочилъ съ своего кресла и, прерывая ихъ, спросилъ: «Всѣ ли вы, гроховцы, согласны на это?»—Всѣ, былъ отвѣтъ, но лишь съ условіемъ, чтобы предварительно были исполнены наши требованія. Въ это мгновеніе въ шопѣ раздалось отовсюду: «всѣ! всѣ!» И по полю загудѣло изъ конца въ конецъ: «всѣ! всѣ!»

«А если всѣ, то провозглашаю Генриха анжуйскаго королемъ Рѣчи Посполитой!» брякнулъ примасъ, какъ-бы не замѣчая ни послѣднихъ словъ отвѣта гроховцевъ, ни безтолковаго шума господствовавшаго во всѣхъ углахъ шопы.

«Да здравствуетъ Французъ, избранный король польскій!» загремѣло по всему избирательному полю и отозвалось въ Гроховѣ. Крики радости, звуки бубновъ и трубъ перемѣшались съ пушечными и ружейными выстрѣлами, которымъ вторило эхо

въ окрестныхъ лѣсахъ. Не только на полѣ, но даже въ сосѣднихъ деревняхъ и на улицахъ Варшавы сіяющія лица поздравляли другъ друга съ королемъ и молились о его здравіи и скорѣйшемъ прибытіи.

Рѣшительный шагъ, къ которому съ трепетомъ готовилась Рѣчь Посполитая цѣлыхъ десять мѣсяцевъ, былъ сдѣланъ. Но какъ? Вопреки обычаямъ и законамъ страны, безъ участія пресловутой польской сгоды, посредствомъ сомнительной власти примаса, слабѣйшимъ изъ государственныхъ мужей Польши. Онъ былъ сдѣланъ почти безсознательно. Яковъ Уханскій, въ кои - то - вѣки въ своей жизни проронившій роковое слово, дивился и ужасался вызванной имъ бурѣ. Въ ту самую минуту, когда избирательное поле предавалось разгулу радости, въ шопѣ происходила мрачная и нелѣпая сцена, предвѣстница кровавой развязки. Когда друзья Франціи заключили провозглашеніе Генриха криками: «аминь», гроховцы вскипѣли негодованіемъ. Андрей Гурка воскликнулъ, что это безпримѣрная выходка, что ни одинъ архіепископъ не прибѣгалъ къ такому странному способу объявленія короля. «Кто далъ тебѣ право такъ поступать?» заключилъ онъ, насѣдая на Уханскаго.

— Я сдѣлалъ это по желанію всѣхъ хорошихъ людей, отвѣчалъ смущенный старикъ, надѣясь на всеобщую поддержку.

«Какъ же это по желанію *всѣхъ*? Мы съ товарищами тоже хорошіе люди, однако не принимаемъ твоего объявленія, ибо оно незаконно.

Тутъ вмѣшались Петръ Зборовскій съ Яномъ Сѣраковскимъ, воеводою ленчицкимъ: «Мы вовсе не желали этого и не требовали отъ примаса!» Остальные онѣмѣли отъ неожиданной ссоры и хранили молчаніе въ отвѣтъ на умоляющіе взоры старика.

«Такъ нѣтъ же мнѣ дѣла до вашей милости!» огрызнулся онъ на Зборовскаго.

— И мнѣ нѣтъ дѣла до тебя! И знать-то я тебя не хочу! отплатилъ ему воевода сандомірскій.

Всеобщая суматоха. Гурка хотѣлъ еще что-то сказать Уханскому и кричалъ, махая ему рукой: «ксендзъ! ксендзъ!» Но старикъ закусилъ удила: изъ его устъ снова вылетѣло имя Генриха. Гроховцы кинулись къ выходу. Тогда паны загородили имъ дорогу, прося ихъ успокоиться и не обращать вниманія на примаса, который «дважды глупъ, ибо старъ» [22]). Они сдались наконецъ, когда Петръ Зборовскій сказалъ цѣлую рѣчь, весьма важную, служившую какъ-бы прямымъ отголоскомъ мысли Яна Фирлея. Смыслъ ея былъ таковъ: «Конечно, не слѣдовало спѣшить провозглашеніемъ короля, но не подобаетъ и отступать отъ него, когда оно уже совершилось. Гроховцамъ же нѣтъ причины гнѣваться. Тутъ нѣтъ ничего противнаго ихъ желаніямъ. Это, вѣдь, простое *провозглашеніе*, не имѣющее значенія до его *обнародованія*, которое состоится лишь въ томъ случаѣ, если французскіе послы и ихъ государь исполнятъ всѣ требуемыя отъ нихъ *условія*. Да еслибы даже совершилось и обнародованіе, то и тогда избранника еще нельзя считать королемъ. У насъ есть не одинъ примѣръ, что избранники польскаго народа утрачивали престолъ при нарушеніи нашихъ правъ и своей присяги». На этихъ *условіяхъ*, ограждавшихъ свободу гражданъ предъ грядущимъ носителемъ верховной власти въ Польшѣ, все успокоилось въ мятежной шопѣ. Всѣ согласились немедленно разсмотрѣть гроховскій ультиматумъ, который и былъ прочитанъ, благодаря отсутствію шляхты: пріобрѣвъ любезнаго ей короля, она ничего больше не хотѣла знать и разбрелась по полю для торжества и веселья. Но сама природа, казалось, завидовала наступающей польской згодѣ. Становилось уже совсѣмъ темно. Произошло замѣшательство. Затѣмъ раздались крики: «обсужденіе условій до завтра!» — и всѣ бросились вонъ изъ шопы. Гроховская депутація поплелась во-свояси [23]).

Но сеймъ не кончился. Онъ тянулся еще три мучительныхъ дня, едва-ли не самыхъ важныхъ въ исторіи Польши описываемаго времени. Въ эти три дня рѣшалась судьба тѣхъ великихъ вопросовъ, въ которыхъ заключается смыслъ изслѣдуемой нами эпохи и которые должны были лечь въ основаніе преобразованнаго Польскаго государства. Въ двухъ сенатахъ, подъ Гроховомъ и у Камня, раздѣленныхъ полуопустѣвшимъ полемъ избранія, по которому взадъ и впередъ сновали гонцы, раздавались послѣдніе споры объ *условіяхъ* воцаренія уже выбраннаго короля. Эти условія, которыя потомки должны были копировать при каждомъ новомъ выборѣ государя, состояли изъ трехъ элементовъ. Первый составляли Генриховы Статьи. На нихъ легко могли сойтись всѣ: онѣ были скоро приняты и подписаны безъ протестовъ и исключеній. Зато много хлопотъ надѣлалъ второй элементъ—религіозная конфедерація. Гроховцы не довольствовались однимъ упоминаніемъ о ней въ числѣ прочихъ условій избранія. Они требовали, чтобы она была утверждена, какъ отдѣльный, самостоятельный документъ. Два дня промучились съ нею. Подъ Камнемъ духовенство попрежнему не хотѣло и слышать о ней, доказывая, что она вредитъ римскому престолу, съ которымъ оно связано присягою. Одинъ Францискъ Красинскій благородно выдержалъ характеръ до конца, подписавъ ее и теперь, какъ на конвокаціи. Свѣтскіе же паны оказались сговорчивѣе прежняго. Среди нихъ осталось не мало протестантовъ, на которыхъ вліялъ Петръ Зборовскій. Къ тому же послѣ скандала, учиненнаго Уханскимъ 11-го мая, ихъ католическій фанатизмъ простылъ. Многіе охотно приняли конфедерацію тотчасъ же, другіе присоединились потомъ. Сенаторы скрѣпили ее своими печатями. Подписались даже представители шляхты. Этого мало. Когда приступили къ составленію листа, по которому долженъ былъ присягать король, нововѣрцы настояли на внесеніи въ него слѣдующихъ словъ: «Буду соблюдать

миръ между несогласными въ вѣрѣ и не позволю ни себѣ, ни моимъ служителямъ, ниже какому-нибудь чину (намекъ на духовенство) преслѣдовать кого-либо по поводу религіи» [24]). Уханскій съ епископами и нѣсколько фанатическихъ пановъ, съ Ласкимъ и Радзивиломъ въ главѣ, принуждены были на этотъ разъ затаить свое негодованіе въ виду царствующей всюду терпимости.

Третій элементъ условій воцаренія Генриха не представлялъ никакихъ затрудненій. Это былъ перечень всѣхъ обѣщаній, которыхъ надавалъ Полякамъ Монлюкъ и въ частныхъ бумагахъ, и особенно въ своей оффиціальной рѣчи на сеймѣ. Они льстили всѣмъ и не затрогивали никого. Вотъ ихъ любопытная сущность: «Между Польшей и Франціей долженъ быть заключенъ вѣчный союзъ. При нападеніи врага на Польшу Генрихъ помогаетъ ей славною гасконскою пѣхотой, а по желанію сейма — также нѣмецкою кавалеріей или деньгами. (Польша въ свою очередь помогаетъ французскому королю своею кавалеріей, и тогда онъ содержитъ ее на свой счетъ). Для борьбы съ Московскимъ онъ присылаетъ немедленно четыре тысячи отборной гасконской пѣхоты, обязуясь давать ей жалованье въ теченіе полугода, а если она потребуется еще на полгода, то онъ думаетъ, что братъ не откажется содержать ее въ этотъ срокъ. Въ обезпеченіе этихъ уплатъ Генрихъ отказывается отъ королевскихъ доходовъ въ Польшѣ. Онъ обязуется также содержать на свой счетъ достаточный флотъ, который охранялъ-бы польскіе берега и порты, прекратилъ-бы нарвскую навигацію, господствовалъ-бы на морѣ. Польскимъ купцамъ отводятся удобныя складочныя мѣста въ одномъ изъ портовъ Франціи и предоставляется, наравнѣ съ ея подданными, свобода торговли въ этой странѣ, въ Александріи и въ новыхъ земляхъ. Генрихъ обязуется ежегодно давать Рѣчи Посполитой на ея потребности 450 тысячъ флориновъ, приносимыхъ его имѣніями во Франціи, а также уплатить

ея государственный долгъ въ два раза, одну половину немедленно, а другую черезъ два года. Онъ приведетъ въ цвѣтущее состояніе краковскую академію, снабдивъ ее иноземными ученѣйшими мужами, которыхъ будетъ содержать на свой счетъ. На свои же деньги онъ помѣститъ сто шляхетскихъ юношей въ эту или даже и въ парижскую академію для обученія частію наукамъ, частію военному дѣлу и придворной службѣ. Онъ обѣщается раздавать имѣнія, должности и почести только Полякамъ; Французовъ же привезетъ самое ограниченное число, необходимое для домашней услуги, да и тѣхъ поскорѣе отправитъ обратно. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Польшу король вступитъ въ бракъ съ королевною Анной, чтобы уже вмѣстѣ съ нею короноваться на слѣдующій же день. Наконецъ передъ своею коронаціей Генрихъ присягнетъ въ соблюденіи всѣхъ законовъ, правъ, вольностей, льготъ и привилегій, какъ древнихъ, такъ и освященныхъ всеобщимъ согласіемъ *теперь, во время избранія короля*» [25]).

Таковъ пресловутый *Договоръ*, *Pacta Conventa*, не рѣдко смѣшиваемый съ Генриховыми Статьями. Но между ними громадная разница; ихъ слабо связываетъ лишь послѣдній параграфъ перваго документа. Статьи вскрываютъ передъ изслѣдователемъ основные мотивы польской націи, освѣщаютъ глубокія общія причины ея судебъ. Договоръ прекрасно рисуетъ статистику Польши во второй половинѣ XVI вѣка — государства обширнаго, благодатнаго, напичканнаго вольностями привилегированныхъ сословій, но нищаго, безъ войска и флота, безъ денегъ и торговли, безъ самостоятельной науки и вѣры гражданъ въ свои силы. Статьи имѣютъ вѣчное значеніе въ исторіи Польши, которая погибла, не умѣя уничтожить ихъ. Договоръ съ его узкимъ, спеціальнымъ содержаніемъ не хваталъ дальше своего времени. Онъ былъ-бы забытъ, какъ только прошла въ немъ нужда, еслибы одно обстоятельство не наложило на него печати безсмертія. Онъ былъ *первымъ*. Его никогда не

копировали такъ рабски, какъ Статьи, но онъ послужилъ образцемъ и эрою для цѣлаго ряда послѣдующихъ торговъ между шляхтою и избирательною верховною властью въ Польшѣ.

Въ четвергъ, 14 мая, въ шопѣ все было готово. Всѣ условія избранія, а также присяга французскихъ пословъ и короля были переписаны на бѣло, подписаны и снабжены печатями. Къ гроховцамъ отправили депутацію, съ Оссолинскимъ и Красинскимъ во главѣ, просить ихъ непремѣнно пріѣхать завтра же утромъ для окончательнаго рѣшенія вопроса сообща. Вѣроятно, для ускоренія дѣла, которое слѣдовало завершить церковною службой, мѣстомъ свиданія назначалось не поле, а варшавскій замокъ. Этотъ призывъ былъ въ свою очередь ультиматумомъ большинства, которое грозило меньшинству «кончить начатое и безъ него», если оно не перестанетъ упорствовать. Увы! Сверхъ всякаго чаянія, депутація возвратилась съ зловѣщимъ отвѣтомъ: гроховцы ропщутъ и колеблются. Въ эти минуты таинственный, невѣдомый историку переворотъ совершался въ душѣ Яна Фирлея. Кольнулъ-ли его повелительный тонъ большинства, опирающагося на безсмысленную толпу оборванцевъ, или прожгло его воспоминаніе объ Осѣкѣ, о тщетѣ замысловъ его гордаго ума, которому не разъ повиновалась вся Польша; тяжко-ли ему было сдаваться еще разъ врагамъ, или предстала ему горькая доля отечества подъ игомъ Француза-фанатика, котораго онъ боялся, не смотря на всѣ свои конфедераціи и Статьи: ясно одно. Фирлей понялъ, что судьба Польши выбилась изъ-подъ его вліянія. Онъ терялъ власть надъ собою. Имъ овладѣвало отчаяніе. Завидѣвъ, что тамъ и сямъ разъѣзжаются съ поля участники долгой борьбы, онъ махнулъ рукою и собрался бѣжать отъ своего позора. Къ счастію, тутъ случился его другъ, Францискъ Красинскій: онъ удержалъ его. Тогда Фирлей сталъ выказывать упрямство, придирчивость. То онъ говорилъ депутаціи отъ шопы, что не признаетъ

провозглашенія, на которое имѣютъ право только маршалки, и требовалъ, чтобы объявили поступокъ Уханскаго незаконнымъ. То выставлялъ необходимость предварительно хорошенько разсмотрѣть полномочія французскихъ пословъ и заставить ихъ немедленно подтвердить *все* именемъ Генриха. Наконецъ онъ наотрѣзъ отказался пріѣхать въ варшавскій зàмокъ, такъ какъ «это дѣло должно окончиться тамъ же, гдѣ и началось», то-есть на избирательномъ полѣ.

Быть-можетъ, такъ ни къ чему и не привели-бы эти трехдневные переговоры, еслибы не взялись за дѣло два искусные іерарха. Коммендоне прислалъ своего Граціани, который выбивался изъ силъ, склоняя къ умѣренности такихъ ярыхъ католиковъ, какъ Ласкій, Ходкѣвичъ, Радзивилъ. А Монлюкъ не замедлилъ и самъ явиться въ Варшаву въ сопровожденіи де-Ноайля и Ланссака по первому призыву, осыпаемый привѣтствіями и рукоплесканіями толпы. Въ тотъ же день, вечеромъ, въ Грохово прискакалъ Базенъ и пробесѣдовалъ тамъ всю ночь. Затѣмъ онъ пріѣзжалъ туда еще два раза и уладилъ споръ такъ: провозглашеніе примаса признается простымъ выраженіемъ воли присутствовавшихъ въ шопѣ, дѣйствительное же объявленіе короля послѣдуетъ обычнымъ порядкомъ, черезъ маршалковъ. Въ то же время епископъ валансскій урезонивалъ своихъ друзей, согласно съ требованіемъ Фирлея окончить дѣло на полѣ, а не въ зàмкѣ. Нѣкоторые были не прочь отъ этого. Но большинство, особенно Уханскій, низачто не хотѣло подчиниться «предписаніямъ» враговъ. А между тѣмъ настала назначенная для соединенія противныхъ сторонъ пятница, 15 мая.

Въ этотъ вожделѣнный день поле украсилось новымъ наметомъ для французскихъ пословъ. То былъ намекъ на дѣйствительное окончаніе безконечнаго избранія. Но съ самаго начала оказалось, что это былъ не болѣе, какъ намекъ. Пріѣхали гроховцы. А ихъ противники все-таки собрались въ варшавскомъ

замкѣ. Фирлей объявилъ, что не двинется съ мѣста ни подъ какимъ видомъ. Тогда только большинство уступило, и въ шопѣ открылось правильное засѣданіе сената въ полномъ его составѣ. Прежде всего снарядили депутацію въ Варшаву къ французскимъ посламъ, чтобы предложить имъ для подписи всѣ условія воцаренія Генриха и затѣмъ привезти ихъ на поле для присяги. Въ ней участвовали между прочими Янъ Фирлей, Петръ Зборовскій, Янъ Томицкій, Радзивилъ и по одному представителю отъ шляхты каждаго воеводства. Тутъ-то описываемое безкоролевье постигло новое, послѣднее несчастіе. Возникъ опасный, еще нетронутый вопросъ, согласятся-ли послы? Открылись долгіе, томительные переговоры, настоящій публичный торгъ. Горько стало Монлюку, когда депутація попросила его «объяснить содержаніе его сеймовой рѣчи». Ему пришлось теперь расплачиваться за всевозможныя обѣщанія, которыя онъ такъ щедро разсыпалъ вправо и влѣво вотъ уже восьмой мѣсяцъ. Онъ рѣшился отнѣкиваться безъ зазрѣнія совѣсти. А заносчивымъ Полякамъ, которые, благодаря своей сгодѣ, чувствовали теперь себя въ силѣ, хотѣлось подороже продать свой тронъ. Депутація начала съ забавной и совсѣмъ неумѣстной подозрительности. Дай ей полномочія *всѣхъ* пословъ: а у Ланссака ихъ не было. Покажи ей даже инструкціи, ибо въ вѣрительной грамотѣ она видѣла фразу: «согласно съ нашими инструкціями». Монлюкъ прочелъ ей лекцію объ азбукѣ дипломатіи. Но вслѣдъ затѣмъ ему плохо пришлось отъ этихъ школьниковъ. Они представили ему *Договоръ*, объясняя, что онъ начертанъ на основаніи его рѣчи. Монлюкъ заметался, выражалъ крайнее недоумѣніе, потиралъ себѣ лобъ и твердилъ, что никакъ не припомнитъ, когда-это онъ надавалъ такихъ обѣщаній. Тутъ подскочилъ къ нему энергическій Янъ Томицкій и такъ строго напомнилъ ему, что онъ наконецъ подписался подъ всѣми пунктами, за исключеніемъ того, въ которомъ

говорилось о бракѣ Генриха съ Анною Ягелловной[26]). Было уже очень поздно. Депутація заночевала въ Варшавѣ и рано утромъ явилась къ епископу валансскому докончить торгъ. Въ этотъ день на вѣсахъ исторіи лежали съ одной стороны безграничная польская вольность, съ другой безграничный французскій деспотизмъ: спорили о Генриховыхъ Статьяхъ. Монлюкъ пытался отдѣлаться тѣмъ, что въ его инструкціи ничего не сказано про это, ибо Генрихъ не могъ предвидѣть ничего подобнаго. Но, замѣтивъ, что тутъ упорство немыслимо, онъ около полудня подписалъ и эту хартію, хотя «чуть не умеръ съ тоски».

Депутація возвратилась на поле съ радостною вѣстью. За нею прибыли послы и помѣстились въ приготовленномъ для нихъ наметѣ. Отсюда ихъ торжественно ввели въ шопу. При ихъ появленіи всѣ поднялись и пропустили ихъ къ кресламъ, что стояли подлѣ примаса. Съ минуту посидѣли въ глубокомъ молчаніи. Затѣмъ всталъ Уханскій и обратился къ посламъ съ краткою рѣчью, призывая ихъ къ налою, на средину палатки. Окруженные повскакавшими съ своихъ мѣстъ панами, Французы преклонили колѣна и повторяли за Красинскимъ присягу въ томъ, что Генрихъ точно также присягнетъ въ принятіи и соблюденіи всѣхъ «уговоровъ, условій, соглашеній и статей», подписанныхъ ими. Обрядъ кончился. Паны хотѣли встать. Но ихъ останавливаетъ Янъ Фирлей: у него въ рукахъ еще какая-то присяга. Они колеблются, глубоко смущенные, и готовы протестовать. Но, замѣтивъ повелительное выраженіе на лицахъ большинства пановъ, повторяютъ за великимъ маршалкомъ: «Главнымъ образомъ и особенно клянемся въ томъ, что избранный король присягнетъ въ исполненіи всего написаннаго въ грамотѣ о соблюденіи мира между различными религіями, которую представятъ ему на коронаціонномъ сеймѣ маршалокъ и канцлеръ коронные»[27]). Французы выдержали свою роль. Но Поляки не могли мирно пропустить даже этой величавой минуты въ своей

исторіи. Между епископами произошло смятеніе. Уханскій крикнулъ: «Не дозволяю этой конфедераціи!» Но его запоздалый голосъ остался безъ отзыва. Когда пословъ повели къ ихъ кресламъ, старикъ попытался еще разъ заворчать. Онъ присталъ къ Фирлею: докажи ему, кто долженъ обнародовать короля. примасъ или маршалокъ коронный? Но тотъ не обратилъ вниманія на его задорный вызовъ и, вставъ съ своего мѣста, громко спросилъ: «Всѣ-ли согласны на избраніе польскимъ королемъ Генриха, герцога анжуйскаго, брата французскаго короля?» «Всѣ! всѣ!» весело раздалось отовсюду. Маршалокъ коронный произнесъ обычную формулу провозглашенія польскаго короля. «Аминь!» подтвердила толпа. То же повторили стоявшіе подлѣ него маршалокъ великій литовскій, Ходкѣвичъ, и маршалокъ надворный, Опалинскій. «Аминь!» отвѣчала и имъ Рѣчь Посполитая. Но эти торжественные клики, въ которыхъ проявилась наконецъ неуловимая польская сгода, налегли всею своею тяжестью на основную пружину дѣйствій несчастнаго Уханскаго. Онъ подскочилъ на своемъ мѣстѣ, испустивъ отчаянный вопль: «Не теперь же, не теперь обнародованъ король, а ужъ давно!» «Теперь!» крикнула повелительно толпа; и голоса всѣхъ слились въ торжественныхъ звукахъ *Te Deum'a*.

Встрепенулось избирательное поле. Шляхта радостно окружила Французовъ. На всемъ пути до города она сопровождала ихъ ружейною и пушечною стрѣльбой, благодарственными гимнами и веселыми кликами. Ей отвѣчала юная столица Польши, Варшава. Тамъ звонили во всѣ колокола; въ главномъ соборѣ уже гудѣлъ органъ. Легкія тѣни наступающей майской ночи разстилались по землѣ. Но сквозь нихъ въ соборѣ еще можно было различить не только праздничныя ризы примаса, но и слезы радости на глазахъ католиковъ и суровое спокойствіе на лицахъ протестантовъ, которые, явившись сюда по просьбѣ Монлюка и согражданъ, неподвижно стояли въ храмѣ враговъ,

служа живою эмблемой дѣйствительной сгоды [28]). А тамъ, въ открытомъ полѣ, столкнулись два запоздалые шляхтича, два заклятыхъ врага. Яростно бросились они другъ на друга съ обнаженными саблями—и вдругъ точно окаменѣли. «Ну, еслибы не такое время, желѣзо сейчасъ положило-бы конецъ нашей распрѣ!» произнесли они въ одинъ голосъ и повернули въ разныя стороны [29])

«Словно въ тріумфѣ», говоритъ очевидецъ, разъѣзжалась шляхта по домамъ въ воскресенье. Только ея депутаты да сенаторы еще работали въ варшавскомъ замкѣ. Сверхъ ожиданія, имъ пришлось провозиться до четверга. Они начали съ составленія декрета объ избраніи Генриха по проекту Яна Замойскаго, который списалъ его съ манифеста о воцареніи Сигизмунда I, прибавивъ изъ одного закона 1430 года статью о поголовномъ возстаніи противъ всякаго, кто воспротивится этому выбору. Въ этомъ документѣ было упомянуто, что Генрихъ станетъ польскимъ королемъ лишь въ томъ случаѣ, если исполнитъ всѣ свои обѣщанія и утвердитъ всѣ законы и вольности Поляковъ, какъ древніе, такъ и созданные во время безкоролевья. Затѣмъ сенатъ обратился къ внутреннему устройству страны до прибытія ея далекаго избранника. Нѣсколько универсаловъ, изданныхъ съ этою цѣлью, прекрасно рисуютъ жалкое положеніе государства, которое мы старались раскрыть передъ читателемъ во всемъ предыдущемъ изложеніи. Прежде всего спѣшили наполнить пустую казну посредствомъ точно такого же побора, какой былъ установленъ на люблинскомъ сеймѣ 1569 года. Правда, эта разумная мѣра, хотя и принятая «по обычаю предковъ», возбудила негодованіе гражданъ, любившихъ получать отъ своего государства побольше, а ему давать поменьше. Къ несчастію, было къ чему придраться. Сенаторы, зная характеръ своихъ соотечественниковъ, чтобы принудить ихъ къ налогу, помѣтили универсалъ 7-мъ мая, когда сеймъ былъ въ полномъ

составѣ. Какъ дерзаютъ паны, это ничтожное «меньшинство», презирать волю «всѣхъ?» кричала шляхта. Но государственная потребность была такъ сильна и очевидна, что все-таки Полякамъ пришлось внести поборъ къ 8-му іюля. Эти доходы сенаторы назначили на защиту всѣхъ опасныхъ границъ страны, отъ Ливоніи до Силезіи. Вздохнули наконецъ свободно Ходкѣвичъ, Ясловецкій и Фирлей съ Петромъ Зборовскимъ! А для обезпеченія земскаго мира утверждены были каптуровые суды во всѣхъ земляхъ Рѣчи Посполитой. Такъ какъ безкоролевье окончилось съ минуты выбора короля, то до прибытія Генриха необходимо было устроить временное правительство. Званіемъ регента былъ облеченъ, конечно, примасъ. Но это былъ великій нуль, окруженный почетомъ. Вся власть была у поставленныхъ подлѣ него представителей главныхъ частей государства. То были: Янъ Фирлей съ Петромъ Зборовскимъ, Карнковскій съ двумя великопольскими воеводами, да Ходкѣвичъ съ Николаемъ Радзивиломъ и Воловичемъ. Срокомъ этому правительству былъ назначенъ коронаціонный сеймъ, 4 октября, передъ которымъ созывались повѣтовые сеймики на 1 сентября. Ихъ приглашали выслать на коронаціонный сеймъ земскихъ пословъ для выслушанія присяги короля и изданія важнѣйшихъ законовъ касательно обороны страны и судебной реформы. Наставалъ покой и для костей Сигизмунда - Августа: сенатъ призывалъ хорунжіевъ всѣхъ повѣтовъ къ исполненію ихъ печальной обязанности при погребеніи за недѣлю до коронованія новаго короля [30]).

Какъ ни серьёзны были всѣ эти работы, но онѣ были легки и пріятны сравнительно съ тѣмъ, что пришлось испытать панамъ при рѣшеніи вопросовъ, касавшихся Франціи. Какъ видно, Монлюкъ еще не считалъ ихъ оконченными. Съ нимъ опять возникли препирательства и торгъ. Когда ему поднесли для подписи копію съ Статей и Договора, которую польское посольство

должно было представить Генриху, онъ поднялъ крикъ о подлогѣ. Дѣйствительно, у сенаторовъ оказались *всѣ* условія, а онъ отвергъ одно изъ нихъ — о бракѣ короля съ Анною Ягелловной. Паны, изъ которыхъ многіе не участвовали въ переговорахъ 15 мая, смутились. Секретарь сейма ссылался на канцлера. Канцлеръ отпирался. Монлюкъ обрадовался случаю вообще опротестовать несносныя условія, дать возможность герцогу анжуйскому совсѣмъ обойти ихъ. Но паны не считали себя въ правѣ законодательствовать безъ сейма и пригрозили не отправлять посольства въ Парижъ. Тогда устроилась сдѣлка. Поляки вычеркнули изъ *Договора* спорный пунктъ, а Французы, проломавшись три дня, подписали отдѣльную бумагу, обязывавшую Генриха «исполнить эту статью, которая заключалась въ числѣ другихъ» [31]).

Теперь только герцога анжуйскаго можно было назвать дѣйствительнымъ королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ. Рѣчь Посполитая готовилась къ пріему своего избранника. Не зная, какимъ путемъ ему угодно будетъ добраться до нея, она приняла мѣры для встрѣчи его и на сушѣ, и на морѣ. Пяти епископамъ и тремъ воеводамъ поручили поджидать его въ Данцигѣ. Къ цесарю и курфирстамъ бранденбургскому и саксонскому отправили грамоты съ просьбою о свободномъ пропускѣ его черезъ ихъ владѣнія. Наконецъ выбрали счастливцевъ, которымъ суждено было первымъ привѣтствовать Генриха въ Парижѣ. То было блестящее посольство изъ 8 пановъ и 5 шляхтичей, въ числѣ которыхъ были наши знакомцы: Ласкій, Томицкій, Андрей Гурка, Сиротка Радзивилъ и Янъ Замойскій. Посламъ дозволялось, не считая прислуги, имѣть въ своей свитѣ: епископу 12 человѣкъ, воеводѣ 10, каштелянамъ по 8, шляхтичамъ по 4. А передъ ними полетѣли во Францію провозвѣстники ихъ прибытія, двое придворныхъ. Но оффиціальнымъ курьерамъ не угоняться было за частными, которыхъ посылалъ

туда истинный виновникъ избранія Генриха, Петръ Зборовскій. Впрочемъ и этихъ послѣднихъ, и Красовскаго, и даже Шуанена, снова скакавшаго въ Парижъ съ письмомъ отъ Монлюка, опередилъ іезуитъ-Полякъ, высланный горячимъ Шомбергомъ къ мадамъ де-Вильпаризи. Мадамъ, ни слова не говоря, потащила его въ кабинетъ къ Екатеринѣ Медичи. «Привѣтствую васъ, мать нашего польскаго короля!» радостно воскликнула она, склоняясь передъ королевой, которая залилась слезами. Но эта чадолюбивая мать и ея сыновья-короли уже давно, еще изъ Плоцка, получили письмо отъ Монлюка, который изумлялся, какъ-это ему, «маленькому спутнику» королевскаго величія, «болѣзненному, слабому, почти похороненному» старику, Господь судилъ соединить свое имя съ «величайшимъ изъ чудесъ, совершившися въ христіанскомъ мірѣ за послѣднія сто лѣтъ», и просилъ одной только милости—почтить его названіемъ «счастливаго посланника»[32]).

Въ эти самыя минуты совсѣмъ иное чувство все болѣе и болѣе овладѣвало увлекающимися, непостоянными Поляками. Быстро исчезало ихъ радостное изумленіе передъ *безкровнымъ* избраніемъ короля [33]). Его мѣсто заступили сомнѣніе, страхъ, наконецъ сожалѣніе и раскаяніе. Поведеніе Монлюка при подписаніи условій; его отвѣтъ Литовцамъ, требовавшимъ обѣщанныхъ денегъ для найма войскъ, что эти деньги перехвачены цесаремъ въ Нюренбергѣ; слухи, будто Генрихъ намѣренъ попирать все, въ чемъ присягнули его послы: все это «озаботило и опечалило» даже лучшихъ друзей Франціи. А впереди, въ близкомъ будущемъ, стоялъ кровавый призракъ междуусобій. Намекъ на нихъ явился немедленно послѣ избранія. Уханскій не могъ простить воеводѣ краковскому протестанской прибавки къ присягѣ Французовъ. Онъ сочинилъ у публичнаго нотаріуса протестъ, по которому выходило, что присяга была насильственнымъ дѣломъ Яна Фирлея, что духовенство лишь по

принужденію и изъ миролюбія допустило ее, что крики недовольныхъ даже не дали прочесть ее всю. Протестъ подписали епископы, Ласкій, Радзивилъ и кое-кто изъ шляхты. Пововѣрцы поняли, какая печальная судьба ожидаетъ ихъ при авторѣ Варѳоломеевской ночи. Фирлей въ отчаяніи хотѣлъ тутъ же отвѣчать на вызовъ примаса чисто-польскою выходкой. Онъ собрался бѣжать, не снабдивъ своею важною подписью и печатью манифеста объ избраніи Генриха. Католики схватились-было за насильственныя средства. Но Монлюкъ спасъ погибавшее дѣло. Онъ изловилъ великаго маршалка, когда тотъ уже садился въ возокъ и любезностями убѣдилъ его остаться. Но это было только начало исторіи: она окончилась зловѣще въ Краковѣ. Великополяне отправили туда Андрея Зборовскаго съ отрядомъ войска чтобы занять замокъ, подчиненный Фирлею. Хозяинъ взбѣсился при появленіи этихъ небывалыхъ гостей. Въ храмѣ, гдѣ встрѣтились враги, произошло смятеніе, которое съ трудомъ могли подавить. Это столкновеніе историческихъ силъ немедленно отдалось во всемъ государствѣ. Ссоры, упреки, пасквили стали возникать повсюду [34]).

Смутно было на душѣ у Поляка отъ этихъ тяжелыхъ впечатлѣній. А судьбѣ все еще было мало. Ужасные слухи доносились до него изъ-за границъ государства. Будущій король Франціи на польскомъ престолѣ! Эта вѣсть глубоко встревожила всю Европу съ ея началомъ политическаго равновѣсія. Цесарь и Московскій тѣснѣе, чѣмъ когда-либо, примкнули другъ къ другу. Австрія и Германія, папа и Испанія, Швеція и Данія вооружались, разставляли войска на сушѣ, протягивали цѣпи черезъ проливы, чтобы арестовать Генриха на пути къ его обширному королевству [35]) Протестанты, предводимые Англіей, зашевелились повсюду, въ самой Франціи. Проницательнѣйшіе изъ парижскихъ дипломатовъ въ ужасѣ умоляли свое правительство немедленно послѣдовать совѣту мудрыхъ Венеціанцевъ, вполнѣ

примириться съ гугенотами и покинуть осаду Ла-Рошели [36]). Во всей христіанской Европѣ только одна сила поднялась на защиту Французовъ и Поляковъ — мусульманство. Султанъ прислалъ въ Варшаву утѣшительную грамоту съ извѣщеніемъ, что уже приказано крымскому хану, Девлетъ-Гирею, «беречь» Рѣчь Посполитую до пріѣзда ея избранника. А въ Средиземномъ морѣ появился его флотъ, какъ толковали, съ тѣмъ, чтобы отвоевать для Генриха у Испанцевъ герцогство Баръ. Но это была сила коварная. Политики утверждали, что именно въ это время Порта рѣшилась подписать Польшѣ такой же смертный приговоръ, какой постигъ Грецію и Трансильванію [37]).

Послѣ цѣлаго года мученій и заботъ, описанныхъ въ нашей книгѣ, на душѣ у Поляка было такъ же смутно, какъ и въ минуту смерти послѣдняго Ягеллона. И не даромъ. Царствованіе короля, съ котораго начинается эпоха *избирательной* монархіи въ Рѣчи Посполитой, отмѣчено въ исторіи слѣдующими краснорѣчивыми датами. 2-го декабря Генрихъ покинулъ Францію; 26 января 1574 года онъ ступилъ на польскую землю; 21 февраля короновался; 18 іюня избранникъ Поляковъ бѣжалъ отъ своихъ подданныхъ, ночью, тайкомъ, какъ тать, бѣжалъ безъ оглядки, такъ что едва не завязъ въ одномъ топкомъ польскомъ болотѣ.

Цѣль нашего труда достигнута, если возможно-полное и безпристрастное изложеніе, которое мы постоянно имѣли въ виду, послужитъ отечественному обществу поводомъ къ уясненію истиннаго *польскаго вопроса,* поставленнаго въ свое время исторіей, а не корыстными уловками западныхъ дипломатовъ. Эта важная цѣль была указана намъ не нашею самонадѣянностью, а нашимъ выборомъ. Безкоролевье 1572—1573

годовъ, когда зрѣлыя историческія силы поворачивали націю на новый путь, это — зеркало, въ которомъ отражаются не только прошлыя, но и будущія судьбы Поляковъ. До самой своей кончины ихъ государство стояло въ семьѣ своихъ собратій колоссальнымъ анахронизмомъ съ рѣзкимъ сословнымъ раздѣленіемъ, съ угнетеніемъ низшихъ классовъ привелигированными деспотами, жизнь которыхъ проходила въ исканіи идеала безграничной свободы Вѣчно мучась сознаніемъ своихъ недостатковъ, Поляки не перестаютъ испускать вопли объ «исправленіи»; а между тѣмъ поколѣніе за поколѣніемъ заѣдается нравственною немощью, страхомъ передъ настоящимъ дѣломъ, неспособностью къ жизненному подвигу. Въ мысляхъ и на словахъ у нихъ истинный и самый лучшій Западъ; на дѣлѣ — глухой Востокъ. Очевидно, задача вѣрно копировать и даже превосходить Европу была не по плечу Поляку. Онъ безплодно изнемогъ въ гамлетовской борьбѣ, въ разладѣ между мыслью и поступкомъ, который глубоко прошелъ по всѣмъ сторонамъ его жизни. Отвлеченный злымъ рокомъ туда, гдѣ безполезны были его слабыя силы, онъ съ каждымъ своимъ шагомъ удалялся отъ настоящей своей задачи, отъ своего славянскаго призванія. А между тѣмъ жизнь не дремала. Возросъ русскій народъ въ мѣру борьбы съ Нѣмцами, и исторія влагаетъ въ его руки многострадательное славянское знамя, символъ широкаго будущаго. Не здѣсь-ли искать смысла ея суроваго приговора, навѣки вычеркнувшаго Поляка изъ списка ея гражданъ? Не здѣсь-ли таится источникъ того грустнаго оттѣнка, покрывающаго судьбы Польши, на который обыкновенно указываютъ намъ, особенно когда говорятъ о ея паденіи?

ПРИМѢЧАНІЯ.

КЪ ГЛАВѢ I-й.

[1]) *Volumina legum*, przedruk zbioru praw staraniem XX. Pijarów przez Iozafata *Ohryzko*. Petersburg. 1859. II, 101.

[2]) Heidenstein: *Rer. Polon. ab excessu Sig. Aug.* libri XII. Francof. ad Moen. 1672 p. 5. Слова Коммендоне и Соликовскаго, *Eichhorn:* Stanislaus Hosius. Mainz. 1855. II, 425, примѣч. 7.

[3]) *Rozmova senatora koronnego z szlachcicem.* у Broel-Plater'a: *Zbiòr pamietników do dziejów Polskich.* Warszawa. 1858, II. p. 117, 122.

[4]) *Odpowiedz Dworu Kr. I. M. Rad. Coron. y Urzędn starz. Nadworn.*, въ рукописи Имп. публ. библ. fol. 26 sqq.

[5]) Сигизмундъ-Августъ родился въ 1519 году. Онъ былъ женатъ три раза. Въ 1544 году онъ вступилъ въ бракъ съ Елизаветой, одною изъ одиннадцати дочерей императора Фердинанда I, которая умерла на другой годъ, не оставивъ дѣтей. Въ 1550 г. была коронована Варвара, дочь Юрія Радзивила, каштеляна виленскаго и гетмана великаго короннаго, вдова Станислава Гастольда, воеводы троцкаго. Она умерла въ слѣдующемъ же году, также бездѣтною. На сестрѣ своей первой супруги, Екатеринѣ, вдовѣ Франциска Гонзаго, герцога мантуанскаго, Сигизмундъ-Августъ женился въ 1553 году. Если вѣрить Граціани (*De vita I. F. Commendoni.* Patavii. 1685. p. 205), она, желая удержать подлѣ себя нетерпѣвшаго ее мужа, вознамѣрилась даже выдать чужое дитя за свое. Но результатомъ этихъ ухищреній былъ ея отъѣздъ на родину въ 1565 г., гдѣ она поселилась въ Ланцѣ, какъ простая женщина.

[6]) Gratiani: *De vita Comm.*, p. 202, 326. Orzelski: *Bezkrólewie* (przełoż. Spasowicz). Petersb. i Mohilef. 1856. I, 3.

[7]) Grat: *Vita Comm*, p. 324—326. Heidenst. p. 3.

[8]) *Eichhorn*: Stanislaus Hosius. II, 422, прим. 2.

[9]) Broel-Plater. II. 32.

[10]) ....niektóry ludzi udali się na to rzemiosło, które rufiaństwem albo zwodnictwem zowią. *Broel-Plat.* II, 43.

[11]) Broel-Plater, III, 191; II, 31.

[12]) Heidenstein: p. 4. Gratiani: *Vita Commend.*, 3, 328 sq. Eichhorn, II. 424, прим. 3,

[13]) См. показаніе Станислава Чарнотульскаго при слѣдствіи о придворныхъ злоупотребленіяхъ, произведенномъ на избирательномъ сеймѣ 1573 года. Orzelski: I. 71—74.

[14]) Heidenstein: p. 4—5.

[15]) *Rzecz Dworu* etc. Broel-Prater: II. 42—46. *Rzecz jednego Dworzanina*, Broel-Plater III, 190—192. Orzelski: I. 7, 66, 70. Въ изображенной картинѣ краски дѣйствительности такъ ярки, что мы ограничимся лишь слѣдующимъ замѣчаніемъ. Во всей европейской исторіи можно найдти только одно подобное явленіе. Оно возникло въ мрачную эпоху, передъ крестовыми походами, среди свирѣпаго, разбойничьяго племени. Подробности о смерти Вильгельма-Завоевателя см. у Ордерика Виталія: *Hist. de Normandie*, publ. par Guizot. Caen. 1826 III, 214—216.

[16]) См. письмо Николая Кристофа Радзивила Сиротки къ дядѣ, отъ 15-го іюля 1572 года. Оно находится въ *Архивѣ Радзивиловъ*, въ Императорской публичной библіотекѣ.

[17]) См. предыдущую сноску. Orzelski. I, 25, 65 *sq.* Broel-Plater. III, 5. Heidenst. p. 8. Fredro: *Gestor pōpuli Pol. sub Henr. Val. Dantisci.* 1660 p. 17.

[18]) Письмо Ник. Кр. Радз. къ дядѣ отъ 29-го іюля 1572 г. *Арх. Радз.* въ Имп. публ. библ.

[19]) Gratiani: *De scriptis invita Minerva.* Florentiae. 1745. II, 185—186. Broel-Plater II, 74. Orzelski: I, 3. Heidenst. p. II.

[20]) Grat. *De scriptis*, II, 185 sq.

[21]) *Odpowiedz Dworu I. M Padom Koronn.na napominanie ich etc.* Рукоп. Импер. публ. библ. *fol.* 26

[22]) *Rozmova Kruswicka* у Br.-Pl. II, 68.

[23]) *Rozmova senatora kor. z szlachcicem*, у Broel-Plater II, 123 sq.

[24]) Orzel. I, 3. Broel Plat. II. 46—47. Stan. Carncovius: *Illustrium virorum epistolae.* Crac, 1578, въ изд. Длугоша Huyssen'a Lips. 1712. p. 1767. Fredro, 64. Eichhorn, II, 426 sq. — *Де-Ту* (Historiarum sui temporis, lib. LIII) разсказываетъ, что въ сентабрѣ 1572 года папа, получивъ извѣстіе о Варѳоломеевской ночи, пришелъ въ изумительный восторгъ и объявилъ юбилей во всемъ христіанскомъ мірѣ, поводомъ къ которому, между прочимъ, было выставлено; ,,pro regno Polonico preces conciperentur, ut is eligatur rex, qui Catholicae Romanae relligioni tuendae ac propagandae serio et ex animo Studeat".

[25]) Heidenst. p. 2.

[26]) См. записку шведскихъ пословъ, поданную польскому сенату во время избирательнаго сейма 1573 года. Она помѣщена въ рукописи Импер. публ. библ. Broel-Plater, III, 5. Orzelski, I 62.

[27]) См. грамоты герцоговъ поморскихъ и Софьи брауншвейгской, предъявленныя на избирательномъ сеймѣ 1573 года. Рукопись Императорской публичной библіотеки.

[28]) Соловьевъ: *Исторія Россіи*, VI, 268.

[29]) Gratiani: *Vita Comm.* p. 336.

[30]) Для предыдущаго очерка см. Палаузова: *Румынскія господарства Валахія и Молдавія.* Спб. 1859. Kogalnitchan: *Histoire de la Dacie, des Valaques transdanubiens et de la Valachie.* Nouv. éd. Berl. 1854. Rogalski: *Dzieje Księzdtw Nad-Dunajskich.* Warsz. 1861 - 1862.

[31]) Обычное выраженіе польскихъ историковъ: St. Orichovii *Rer. Polon. ab exc. Sig. I annal.*, въ изданіи Длугоша Huyssen'a, II, 1623.

[32]) Dogiel: *Codex diplomaticus.* Vilnae. 1758. I, pass.

[33]) Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи. I, 183.

[34]) Длугошъ у Huyssen'a, *p.* 543—557. 562 sq. Miechov. *Chron. Pol.* lib 4. Orich. p. 1555.

[35]) Карамзинъ, VIII. примѣч. 129. Палаузовъ (p. 83), слѣдуя Энгелю, который основывался на рукописи библіотеки Оссолинскихъ.

[36]) Такъ называетъ его Орѣховскій, p. 1555—1562. У Гурницкаго (*Dzieje w coronie polskiej. Ostrow.* 1855, p. 40—41) является имя Александръ. Это разногласіе объясняется тѣмъ. что Петрашко, женившись на сестрѣ погибшаго Стефана. Локсандрѣ (Александрѣ). принялъ ея имя.

[37]) Такъ называютъ его Ласицкій (*Historia de ingressu Polon. in Valachiam*) и Горецкій (*Descriptio belli Ivoniae cum Selymo Turcarum imper.*). Когальничанъ (p. 129) зоветъ Яковомъ Гераклидомъ. Гурницкій (p.127) именуетъ его „какимъ-то деспотомъ, какъ говорятъ, не то Грекомъ съ Кипра, не то Словакомъ изъ Дубровника". *Бѣльскій* (Kronika Polska, 1597, fol. 609), говоритъ, что онъ „называлъ себя деспотомъ острова Самоса, зналъ языки итальянскій, нѣмецкій, греческій, латинскій и другіе, и принадлежалъ къ евангелической вѣрѣ". Истинное имя этого пройдохи – Яковъ Василаки. Самъ онъ называлъ себя Деспотомъ Гераклидомъ. Это былъ Грекъ, уроженецъ острова Крита. Подробности объ этомъ интересномъ Критянинѣ, заимствованныя у Истванфи, Соммера и Граціани, см. у Палаузова, стр. 86—97.

[38]) Dogiel: *Codex diplomatiqus,* Wilnae 1758, I, 620. У Ласицкаго ошибочно сказано 24,000 всадниковъ.

[39]) Lasicius (у Твагнина: *Rer. Polon.* III, 431); Gorecius (ibid 459), Pastorii: *Florus Polonicus*, Gedani et Francof. 1679, p. 225 —Fredro; p. 155.—*Bielski*, fol. 644.

[40]) Гурницкій 134. *Bielski*, fol. 644 sqq.

[41]) *Grat.* De vita Commend. p. 332 sq.

[42]) *Lib legat.*, № XXI, f. 217—222, въ Моск. главн. архивѣ мин. ин. дѣлъ.

[43]) Турецкія дѣла *Коронной Метрики*, связки 10 и 11, въ Моск. арх. мин. ин. дѣлъ.

[44]) Турецкія дѣли *Коронной Метрики*, связка 10 отъ 1568 года, если вѣрить помѣткѣ на переводѣ. Оригинала не сохранилось.

[45]) Тамъ же, связка II. Грамоты получены въ Варшавѣ въ іюнѣ 1572 года.

[46]) Orzelski, I, 122, 136

[47]) Pastor ; 228. Hammer (*Gesch. des Osman. Reiches.* Pesth. 1834, II, 429), на основаніи венгерскаго историка, Истванфи, говоритъ, что Иванъ Грозный, подозрѣвая Богдана въ склонности къ протестантизму (?), велѣлъ зашить его въ мѣшокъ и бросить въ воду. Нашъ разсказъ о походѣ Н. Мелецкаго съ Богданомъ основанъ, въ своихъ подробностяхъ, на сочиненіи современника событій, Яна Ласицкаго: *De ingressu Pol. in Val. cum Bogdano voivoda.* Оно издано, благодаря графу Андрею Гуркѣ, во Франкфуртѣ, въ 1578 г. (у Гвагнина p. 429—448). Янъ Ласицкій, бѣдный, но ученый шляхтичъ, почти всю жизнь провелъ съ своими богатыми учениками. Кротовскими. Съ ними совершилъ и многолѣтнее путешествіе по Европѣ. При Стефанѣ Баторіи нѣкоторое время отправлялъ посольскую службу при различныхъ европейскихъ дворахъ. Въ чужихъ краяхъ онъ сталъ кальвинистомъ, другомъ Теодора Безы и заклятымъ врагомъ извѣстныхъ іезуитовъ. Скарги и Поссевина. Умеръ въ началѣ XVII вѣка. Его простой, правдивый разсказъ проникнутъ патріотизмомъ, кальвинскимъ міросозерцаніемъ (см. объясненіе неудачи Поляковъ въ Молдавіи) и политическимъ смысломъ (см. разсужденія о значеніи Валахіи, Татаръ и Днѣпра съ Днѣстромъ).

[48]) Требованія Ивоніи видны изъ отвѣта ему кнышинскихъ пановъ, помѣщеннаго въ рукописи Имп. публ. библ., f. 54—55

[49]) *Грамота молдавскаго господаря къ чинамъ Польскаго государства* отъ 16-го октября 1572 года, въ рукоп Имп. публ. библ., p. 197—198.

[50]) De Thou, I, 54. Zinkeisen. *Gesch. des Osman. Reiches.* Gotha, 1854. II, 932. Hammer, II, 420 sqq.

[51]) Röppel und Caro: *Geschichte Polens.* Gotha. 1840—1863. II, 450.

[52]) Завѣщаніе Сигизмунда-Августа находится въ рукописи Имп. публ. библ, fol. 1 sqq.

[53]) Тамъ же fol. 26—28.

[54]) Stan. Carncovius: *De primatu senatorio Regni Poloniae. Pozn.* 1593 p. 12—13, 26—27.

[55]) Stan. Krzystyanowicz (*Status Regni Pol. descriptio*), писавшій въ самомъ началѣ XVII вѣка, уже догматически излагаетъ обязанности примаса во время безкоролевья.

[56]) *St. Carnc.* De prim. p. 4—5, 25 sqq. Cf. законъ Казиміра Ягеллона 1451 года, утверждающій права архіепископа гнѣзненскаго, *Vol. leg.* I, 77 sqq.

[57]) St. Carnc. De prim, p. 20. Когда піаристы собирали польскіе законы (1732—1782), этого закона уже не существовало. Онъ утратился, раздѣливъ судьбу многихъ другихъ частей польскаго государственнаго права.

[58]) См. письмо Гозія къ кардиналу Фарнезе у *Theiner'a*, II, 646.

[59]) Stan. *Carncovii*: Illustrium virorum epistolae. p. 1786.

[60]) *Heidenst.* 52. *Fantasticus ardelio ac hypocrita*, pestis perniciesque Ecclesiae: *Vita Petri Kmithae* въ изданіи Длугоша *Huyssen'a*, 1712, II, p. 1615.

[61]) Письма Як. Уханскаго и Стан. Карнковскаго къ Ник. Кр. Радзивилу отъ 7-го іюля 1572 года. *Архивъ Радзивиловъ* въ рукоп. Имп публ. библ. Пол IV. № 187. Fol.

[62]) Письма Н. Кр. Радзивила къ дядѣ отъ 15-го, 18-го и 29-го іюля 1572 года *Арх. Радз* въ рукоп. Имп. публ. библ.

[63]) Грамоты Софьи брауншвейгской къ сенаторамъ Рѣчи Посполитой, въ рукоп. Императорской публичной библіотеки. Carncov. *Epist* p. 1631.

[64]) Письмо Ст. Карнковскаго къ сенаторамъ Великой Польши, отъ 3-го декабря 1572 года, въ рукоп. Императорской публичной библіотеки, f. 110.

[65]) Н. Кр. Радзивилъ къ дядѣ отъ 15-го іюля 1572 г. *Архивъ Радзивиловъ* въ Императорской публичной библіотекѣ.

[66]) *Jan Krasiński*: Polska w wieku XVI oraz materialy do panowania Henryka Walezyusza, przetłumaczone przez Stan. *Budzińskiego*. Warszawa. 1852, p. 171.

[67]) Всѣ описанныя подробности взяты изъ писемъ Н. Кр. Радзивила къ дядѣ отъ 15-го и 18-го іюля 1572 г. *Арх. Радз.* въ Имп. публ. библ.

КЪ ГЛАВѢ II-й.

---

[1]) Дѣло объ убійствѣ Ваповскаго описано у *Orzel.* I, 221-245, и *Heidenst.* p. 53 sq.

[2]) Mart. Bielski: *Kronika Polska* 1597, fol. 795.

[3]) *Belski*, fol. 619 sq.—Chr. *Hartknoch:* Preussische Kirchen-Historia. Frankf. am M. u. Lpz. 1686, p. 415.

[4]) Carnc. *Epist.* p. 1700, 1809. Весьма дѣятельная переписка между Зборовскимъ и Карнковскимъ шла въ теченіе всего декабря 1572 года и содержитъ въ себѣ характерныя черты польскаго пана, нарисованныя самимъ воеводой сандомірскимъ. Она помѣщена въ рукоп. Имп. публ. библ., f. 112—118.

[5]) Письмо Яна Ходкѣвича къ Стан. Карнковскому, отъ 31-го августа 1572 года. Рукоп. Имп. публ. библ., f, 56 sq.

[6]) Grat. *Vita Comm*, p. 357 sqq.

[7]) Universal Woew. Sandom. do Riczerstwa, отъ 11 іюля 1572 года Рукоп. Имп. публ. библ. f. 23—25.

[8]) Gratiani: *Vita Commend*, 375.—Heidenst. 6.

[9]) *Opatrzenie pokoiu pospolitego przez Rady koronne, ktòre się byly ziachaly po smierci krolewskiey do Krakowa*, въ рукописи Имп. публ. библ., f. 142.

[10]) Образецъ таксы представляетъ любопытный документъ, составленный Яномъ Фирлеемъ въ 1573 году. Онъ помѣщенъ у Niemcewicza: *Sbiór pamiętnikòw o dawnej Polszcze.* Lipsk. 1839. III, 323—341.

[11]) *Opatrsz. pok. pospol.* въ рукоп. Имп. пуб. библ. f. 142 sq. *Przepis listu z ziazdu Crac. do pan. Rad.-Opatrzenie Podgorskich y Szląskich granic przez Rady ziazdu Krakowskiego*, въ рукоп. Имп. публ. библ. fol. 143 sqq. *Univ. woew. Crac. do chlachty ziemie Crac. z ziazdu Cracowsk. dany*, въ рук. Имп. пуб. библ. стр. 38—39.

[12]) Отъ сенаторовъ, собравшихся у тѣла короля, онъ прямо *требовалъ* подождать Малополянъ, которые рѣшать тамъ вопросъ 10-го августа сообща съ панами другихъ частей Рѣчи Посполитой, *имѣющими* прибыть въ Кнышинъ къ тому же сроку. Exempl. litèr. ex. conv. Crac. ad Sen. R. Knischini degentes dat. въ рукоп. Имп. публ. библ. fol. 39 sqq.

[13]) *Vol. leg;* I, 254.

[14]) У береговъ Вислы, между Плоцкомъ и Бромбергомъ, въ Крусвицѣ появилось, вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства въ Польшѣ, одно изъ древнѣйшихъ епископствъ. Лѣтъ двѣсти спустя, оно было перенесено изъ Крусвицы во Влоцлавъ, лежавшій у Вислы, въ болотистой и безлѣсной мѣстности. По имени воеводства, къ которому принадлежалъ Влоцлавъ, его епископы обыкновенно назывались куявскими. Ихъ эпархія была очень обширна. Она обнимала брестъ-куявское и иновлоцлавское воеводства, лембургское и бытомское староства, да еще Помереллію (польскую Померанію, или Западную Пруссію) съ Данцигомъ. Этому соотвѣтствовало значеніе епископа куявскаго въ польской іерархіи. Въ 1576 году ему было дано первое мѣсто послѣ примаса: за отсутствіемъ послѣдняго, Станиславъ Карниковскій короновалъ Стефана Баторія. Впрочемъ, это право епископа куявскаго не было внесено въ книгу органическихъ законовъ страны и имъ рѣдко пользовались.

[15]) *Carnc.* Epist. p. 1792 sq.-*Orzelski;* I, 188.

[16]) *Carnc.* Epist. p. 1834, 1846, 1850 sq.

[17]) *Carnc.* Epist. p. 30, 1757, 1763, 1780, 1834; praef. ad Epist.

[18]) Коммендоне къ Карниковскому въ *Carnc.* Epist. p. 1682 Кромеръ къ Карниковскому *Carnc.* Epist. p. 1697, 1704.

[19]) Carnc. *Epist.* p. 1675, 1832.

[20]) Carnc. *Epist.* 1817 sq. Збигнѣвъ Олѣсницкій созвалъ сенатъ къ себѣ въ Ловичъ тотчасъ по смерти Казиміра III. Онъ умеръ въ 1493 году: *Sarnicii* Annales въ Гюйсенов. изд. Длугоша II, 1187.

[21]) *Heidenst.* p. 10.—*Orzelski*, I, 3 sq. Важная опасность для Великой Польши предстояла со стороны мятежной Пруссіи. Ловицкій съѣздъ приказалъ данцигскому каштеляну содержать тамъ войска въ боевомъ порядкѣ. Отвѣтомъ было введеніе въ Пруссію нѣсколькихъ тысячъ пѣхоты и конницы подъ начальствомъ извѣстнаго Эрнеста Вейгера.

[22]) *Opatrzenie porządku y pokoiu pospolitego przez Rady koronne w Łowiczu uczynione*, въ рукоп. Имп. публ. библ., f. 146.—*Bielski*, f. 652.—*Heidenst*, p. 6.

[23]) *Письмо отъ радъ коронныхъ изъ Ловича въ Литву*, въ рукоп. Имп. пуб. библ. fol. 149 sqq.

[24]) *Opatrz. porządku* etc. въ рукоп. Имп. публ. библ. f. 146.

[25]) Переписка Сиротки Радзивила съ дядею, въ *Радзив. архив*, въ Имп. пуб. библ. fol. 149 sqq.

[26]) S. Starovolscii: *Sarmatiae bellatores.* 1613. p. 175 sq.

[27]) Письмо Стан. Карниковскаго къ Коммендоне, Carnc. *Epist.* p. 1773 sq.

[28]) Письма Сиротки Радзивила къ дядѣ отъ 15-го, 18-го и 29-го іюня 1572 года. *Арх. Радзив.* въ Имп. пуб. библ.

[29]) Тамъ же.

[30]) Carnc. *Epist.* p. 1774.

[31]) *Heidenst.* 7.—*Bielski*, 652.

[32]) Инструкція посольства изъ Ловича въ Литву, въ рукоп. Имп. публ библ.—*Orzelski*, I, 5,

[33]) *Odpis na listh Malopolanow X. Arcibiskupa Gniezn.* (Ловичь. 27 іюля) въ рукоп. Имп. публ. библ., f. 36—38.—*Opathrz. porządku* etc., тамъ же, f. 146.

[34]) *Fredro*, p.13

[35]) Litt. a senat. Majoris Polon. ex conv. Chrosslin. ad Min. Pol. senat. dat., въ рукоп. Имп. публ библ., f. 48—52. Дата и подписи на этомъ письмѣ были: Dan z Chroszlina, dnia XIIII miesziącza szerpnia, r. 1572; Jac. Uchanski, Stan· Karnkowski, Alb. Sobieiuski, Łuk. Grabia z Gorkj, Olbr. Laski, Jan z Służewa, Jan z Krotoszyna, Jan Szyrakowski, Arn. Uchanski, Stan Wysoczki, Stan Kryski.—*Orzelski*, I, 6.

[36]) *Heidenst.* 7. Къ сожалѣнію, мы не нашли ни универсала этого сеймика, ни подробныхъ указаній на его занятія, которыя были весьма важны, судя по ходу дѣлъ и по ихъ результатамъ.

[37]) *Письмо Як. Ухинскаго къ сенаторамъ Малой Польши* въ рукоп. Имп. публ библ. f. 37.—*Orzelski*, I, 6. *Heidenst.* 7.

[38]) *Martinus Cromerus Stanislao Carncovio* отъ 12 августа 1572 года. Carnc. *Epist.*p. 1699.

[39]) *Heidenst.* 7.—*Orzelski* I, 6.

[40]) *Heidenstein*, 7. — *Orzelski*, I, 6—7. — *Broel-Plater*, II. 68. — *Bielski*, 653.

[41]) Постановленія Кнышинскаго съѣзда помѣщены въ рук. Имп. публ. библ., f 152—157.—*Bielski*, 653.

[42]) Таковъ, напримѣръ, отвѣтъ ихъ Молдавскому господарю. См тамъ же.

[43]) На это обстоятельство вѣрно указалъ *Пилинскій* (*Das poln. Interregnum*, p. 35), опираясь на хронику Варшевицкаго.

[44]) Рукоп. Имп. публ библ., f. 153.

[45]) *Письма Яна Ходкѣвича къ Стан. Карнковскому и Стан. Карнковскаго къ Петру Зборовскому*, въ рукоп Имп. публ. библ. f. 26 и 65.—*Heidenst.* 9.

[46]) Starovol: *Sarm. bellat.* p. 192.

[47]) *Письмо анонима къ Яну Іеронимовичу* изъ Ковна отъ 17 января 1573 года, въ *Сапѣжинскомъ архивѣ*, въ Имп. публ. библ. (Пол. fol. IV № 188). — *Письмо Ивана Баки къ Ходкѣевичу* изъ Копыси отъ 17 февраля 1573 года, тамъ же (Пол. fol. IV, № 189).

[48]) Такъ было рѣшено въ Кнышинѣ. Рукоп. Имп. публ. библ. fol. 152 sqq.—*Bielski*, 653. — *Heidenst.* 8.

[49]) *Litt. capit. Samog. ad episc. Vladisl.* изъ Кнышина отъ 31 августа 1572 года, въ рукоп Имп. публ. библ, f. 56 sqq.

[50]) *Письмо Якова Уханскаго къ Яну Фирлею* изъ Хрослина отъ 18 сентября 1572 года, въ рукоп. Имп. публ. библ., f. 63 sq. *Heidenstein*, 8.

[51]) См. любопытное письмо Николая Коссобуцкаго къ Стан. Карнковскому. Carnc. *Epist.* p. 1836—1843.

[52]) Gratiani: *De vita Commend.*, p. 362. Также отзывался о немъ кардиналъ Гозій въ своихъ письмахъ.

[53]) *Litt. ab episc. Vladisl. ad P. Zborov.* отъ 21 сентября 1572 года., въ рукоп Имп. публ. библ., f. 64 sqq.—*Heidenst.* 9.

[54]) Carnc. *Epist.* p. 1742.

[55]) Carnc. *Epist.* p. 1842.—Orzelski, I, 9.

[56]) *Orzel.* I, 7.

[57]) *Lit. ab episc. Vlad. ad P. Zbor.* отъ 21 сент. 1572 г., въ рукоп. Имп. пуб. библ. fol. 64 sqq.

[58]) *Orzel.* I, 9—10.— *Heidenst.* 9.—*Fredro*, 14—16.

[59]) *Orzel.* I,8.

[60]) *Lit. ab episc. Vlad. ad P. Zbor.* отъ 21-го сент. 1572 г., въ рукоп. Имп. публ. библ. fol. 64 sqq.—*Orzelski*, I, 8.

[61]) *Litt. Archiep. Gniezn. ad Palat. Crac.* изъ Хрослина отъ 18-го сентября 1572 года, въ рукоп. Имп. публ. библ. fol. 63 sq.—*Litt. Lithuan. ad Archiep Gniezn.* изъ Вильны отъ 1-го октября, тамъ же, f. 69 sqq.—*Heidenst. p.* 9.—

[62]) *Orzelski*, I, 12.—*Heidenst. p.* 11.

[63]) Этимъ письмомъ пользовался *Пилинскій*: Das poln. Interregnum, p. 39.

[64]) *Heidenst. p.* 10.—*Pilinski*, *p.* 39, на основаніи письма П. Зборовскаго къ каштелянамъ сандомірскаго воеводства.

[65]) *Bielski*, 652.

КЪ ГЛАВѢ III-й.

---

[1]) *Universales litterae Palat. Sendom. ad Nobilitatemtotius terrae Sendomiriensis datae*, отъ 13-го сентября 1572 года, въ рук. Имп. пуб. библ. fol. 61 sqq.

[2]) *Univ. lit. Pal. Send.* отъ 28 сентября, тамъ же. fol. 68 sq.

[3]) *Literae a Lithuanicis Proceribus ad Polonos datae*, отъ 25 сент. 1572 года изъ Рудниковъ; въ рукоп. Имп. публ. библ. f. 66 sqq.—*Heidenst.* 9—10.

[4]) *Lit. ab episc. Vlad. ad P. Zbor.* отъ 21 сент. въ рукоп. Имп. публ. библ. fol. 64 sqq. — *Broel-Plater*, III, 6.

[5]) *Lit. ad Majoris Pol. consil. ex conv. Ossiec.*, въ рукоп. Имп. публ. библ. f. 72—75.—*Nieme.* I, 102.—*Heidenstein*, 10.

[6]) *Broel*—Plater, III, 7.

[7]) *Lit. Lithuan. ad Archiepisc. Gnezn.* отъ 1 октября 1572 года, въ рукоп. Имп. публ. библ. f. 69—72.—*Broel*—*Plater*, III, 7.—*Heidenst.* 11.

[8]) О занятіяхъ неудачнаго съѣзда въ Волѣ сохранился *Dyaryusz*, находящійся въ рукоп. Имп. публ. библ. (f. 75 sqq) и напечатанный у *Nieme.* I. 102—116.—*Heidenstein*, 11.

[9]) Николай Коссобуцкій къ Стан. Карнковскому отъ 1 декабря 1572 года. Carne. *Epist.* p 1842.

[10]) Для кольскаго сеймика см. *Opathrzenie pokoiu y bespieczenstva pospolitego przez Rady y Rycerstvo Wielkiey Polşki w Kole nczynione*, въ рукоп. Имп. публ. библ. f. 157 sqq.—*Orzel.* I, 12—16 —*Bielski*, 653 sq.

[11]) Предыдущій разсказъ основанъ на *Lit. Pal. Sendom. ad nobil. pal. sui*, въ рукопи. Имп. публ. библ. f. 105 sq. — *Heidenstein*, 11. — *Orzelski*, I, 14, 17.

[12]) О съѣздѣ въ Каскахъ см. его универсалъ въ рукоп. Имп. публ. библ. f. 161.—*Orzel.*, I, 17—19.—*Bielski*, 654 sq.—*Heidenst.* 14 sq.—*Fredro* (17) не называетъ имени съѣзда, но описываетъ его постановленія.

[13]) *Litt. ab episc. Vladisl. ad Palat. Crac.* отъ 15-го ноября 1572 г., въ рукоп. Имп. публ. библ., f. 102 sq.

[14]) *Ab episc. Cuiav. ad nobil. Mazov.* отъ 20-го ноября 1572 г., въ рукоп. Имп. публ. библ. f. 107 sqq. Это письмо напечатано съ выпусками въ Carne. *Epist.* p. 1833 sq.—

[15]) Собственныя слова Якова Уханскаго въ письмѣ къ Стан. Карнковскому отъ 4 ноября 1572 г. Carnc. *Epist* p. 1734.

[16]) Carnc *Epist.* p. 1735 sq., 1763.

[17]) Рейма нъ въ своей статьѣ объ избраніи польскаго короля въ 1573 году (въ *Hist. Zeitschr.* Зибеля, 1864, Heft I), основываясь на Pogiani *Epist.* (IV, 185), говоритъ, что папскій легатъ хотѣлъ воспользоваться синодомъ съ цѣлію подольше остаться въ Польшѣ и привести епископовъ къ соглашенію насчетъ выбора короля.

[18]) *Lit a P. Zbor. ad Stan. Carnc*, въ рукоп. Имп. публ. библ. f. 115, безъ даты, но, очевидно, относящееся ко второй половинѣ ноября 1572 года.

[19]) *Orzelski*, I, 24—27.

[20]) *Универсалъ сеймика въ Полянцѣ* 4-го ноября 1572 года, въ рукоп. Имп. публ. библ. f. 100—102.

[21]) Постановленія вислицкаго сеймика, а также *Instructia i Articuly* его посламъ помѣщены въ рукоп. Имп. публ. библ. f. 120—126.—Cf. *Bielski*, 657; *Heidenst.* p. 17.

[22]) *Instructia Lubiel. woew.* въ рукоп. Имп. публ. библ. f 126 sq.

[23]) *Confoederatia albo Kaptur zieme Chelmskiey po szmerczi Krolewskiey uczyniony*, въ рукоп. Имп. публ. библ. f 29 sq.

[24]) *Heidenst.* p. 16—17. «.. quae (Volhinia et Kyovia) cum nondum satis cum Regno coaluissent, decretis Polonicis accipiendis, eo arctius jam cum regno conjungi videbatur».—*Orzel.* I, 5.

[25]) *Confoederatio terrarum Russiae et Podoliae in Gliniany post mortem regis facta*, въ рукоп. Имп. публ. библ. f. 44—46.—Cf. *Fredro*, p. 11—12.

[26]) *Confoeder. terrae Sandomiriensis in Conventu Koprzywniensi, XI die mensis Septembris celebrato, facta*, въ рукоп. Имп. публ. библ. 59 sq.

[27]) Важнѣйшіе изъ польскихъ историковъ, описывавшихъ событія по смерти Сигизмунда-Августа, очевидно не имѣли подъ руками точнаго списка постановленій вишенскаго сеймика. Мѣсто сеймика обозначено у нихъ вѣрно; но относительно времени они впали въ заблужденіе. *Heidenstein* принимаетъ 16 октября, *Orzelski*—17-ое. Изъ ихъ суммарнаго изложенія занятій сеймика видно, что они говорятъ именно о сеймикѣ, описываемомъ нами на основаніи полнаго списка постановленій. Трудно рѣшить, почему они отнесли къ октябрю сеймикъ, въ которомъ трактовалось, между прочимъ, о касскомъ съѣздѣ?

[28]) *Инструкція посламъ на конвокацію отъ всѣхъ земель русскихъ*, въ рукоп. Имп. публ. библ. f 128—132.—*Heidenst.* p. 17.—*Orzel. I*, 16.

[29]) Въ памфлетѣ указано, по хроникѣ *Мѣховиты*, на воцареніе Яна Альберта, который прислалъ изъ Кракова войско на избирательный сеймъ въ Пётрковѣ.

[30]) Памфлетъ безъ заглавія и датъ помѣщенъ въ рукоп. Имп. публ. библ. стр. 260—266. Мы старались передать его такъ, чтобы читатель получилъ понятіе о польскомъ литературномъ языкѣ того времени, испещренномъ латинскими фразами и безконечными повтореніями.

[31]) Переписка между Петромъ Зборовскимъ и Станиславомъ Карнковскимъ помѣщена въ рукоп. Имп. публ. библ., стр. 112—118.

[32]) Письма Сиротки Радзивила къ дядѣ отъ 15-го и 18-го іюля 1572 года. *Арх. Радзив.* въ Имп. публ. библ.

[33]) *Письмо Петра Зборовскаго къ Станиславу Карнковскому*, въ рукоп. Имп. публ. библ. p. 112 sq.

[34]) Постановленія мсцибовскаго съѣзда видны изъ *Грамоты отъ радъ литовскихъ къ радамъ короннымъ, данной воеводѣ сандомірскому и пану гнѣзненскому.* Она помѣчена такъ: «Мсцибовъ. 7-го декабря. Радзивилъ воевода виленскій, Ходкѣвичъ, Іеронимъ и Остафій Воловичи» Она помѣщена въ рукоп. Имп. публ. библ. f. 169. — *Отчетъ Петра Зборовскаго и Яна Томицкаго варшавской конвокаціи. Broel-Plater*, III, 1—4. Cf. *Bielski*, p. 656; *Hiedenst.* p. 16.

[35]) *Orzelski*, I, 26 sq. —*Heidenst.* p. 17.

[36]) *Донесенія, присланныя на конвокацію подольскими войсками* (Мартиновъ, 31-го декабря 1572 года), *воеводою кіевскимъ* (Кіевъ, 26-го декабря), *воеводою русскимъ* (Мартиновъ, 1-го января 1573 года; Гусятинъ, 19-го января), *ротмистромъ тыкочинскаго замка* (Тыкочинъ, 19-го января). Всѣ они помѣщены въ рукоп. Имп. публ. библ., f. 200 sqq.

[37]) *Иванъ Бака къ Яну Ходкѣвичу* (Копысь, 17-го февраля 1573 года) въ Имп. публ. библ. (Пол. F. IV. 189). *Ходкѣвичъ къ Карнковскому и къ радамъ короннымъ* въ рукоп. Имп. публ. библ. f. 57 и 67.—*Ходкѣвичъ къ радамъ короннымъ* отъ 9-го января 1573 года, тамъ же, f. 196 sq.

[38]) Въ рукоп. Имп. публ. библ. f. 101.

КЪ ГЛАВѢ IV-й.

---

[1]) *Грамота султана къ польскимъ сенаторамъ* отъ 23 ноября 1572 года; *записка Махметъ-паши* отъ 20 ноября, въ рукоп. Имп. публ. библ. *f.* 244 *sqq.*

[2]) *Дѣла датскія* № 2, въ Моск. арх. мин. ин. дѣлъ.

[3]) *Гиндели* (Geschichte der Böhmischen Brüder. 2-te Ausgabe. Prag. 1861—1862, II, 3—5) такъ говоритъ о склонности Максимиліана II къ протестантизму: „Особенно открыто и рѣшительно выказался онъ протестантомъ въ домѣ своего отца. Съ 1555 года, въ теченіе четырехъ лѣтъ, онъ подчинялся вліянію проповѣдника Пфаузера. Впослѣдствіи извѣстный кардиналъ Гозій взялся возвратить принца католической церкви. Говорятъ, ему удалось. Максимиліанъ далъ столь успокоительныя объясненія, что папа не противился его избранію въ римскіе короли.... Говорятъ, что Гозій особенно подѣйствовалъ на него указаніемъ на тысячесторонній расколъ въ протестантскомъ лагерѣ".

[4]) *Ranke:* Historisch-politische Zeitschrift. Band I. — *Gindely:* Gesch. der Böhm. Brüder. I, 380; II, 3—6.

[5]) Такъ говорилъ подскарбій коронный, Іеронимъ Буженскій, французскому посланнику въ Польшѣ въ то время. *Mémoires de Jean Choisnin*, въ *Coll. univers. des mém. rel. a l'hist. de France* (Londres, 1789), LIV, 273.

[6]) Безыменный авторъ писалъ «не изъ угожденія кому-либо или подозрѣнія, но, свидѣтель Богъ, изъ глубокой и чистой любви къ своей бѣдной матери (Рѣчи Посполитой)». Его посланіе раздѣляется на двѣ части. Первая называется „Указаніе выгодъ, которыя могли-бы проистечь изъ принятія Московскаго на польскій престолъ". Вторая—„Невыгоды, которыя Польша могла-бы навлечь на себя (Боже избави!) принятіемъ въ короли кого-либо изъ западныхъ государей". Этотъ чрезвычайно-любопытный памфлетъ напечатанъ у *Broel-Plater'a* III, 40—57.

[7]) „Il Moscovito non ha punto minor parte di qualsi voglia altro, poiche pare anco, che tutta la plebe lo desideri", говоритъ Джироламо

Липпомано, венеціанскій посолъ при польскомъ королѣ Генрихѣ, въ 1575 году. Turgen. *Hist. Russ. monim.* I, 271. Мы думаемъ, что, говоря о настроеніи народныхъ массъ, историку позволительно не стѣсняться двумя-тремя годами разницы въ свидѣтельствахъ. Къ тому же, другія свѣдѣнія въ этой реляціи Липпомано, кажется, прямо взяты изъ источника, относящагося къ 1572 году. Ср. сноску 14 этой главы.

[8]) Памфлетъ калишскаго шляхтича, *Broel-Plater*, III, 40 и 53.

[9]) Шуаненъ (*Mémoires*, p. 248) указываетъ на агитацію въ пользу Москвы одного воеводы, «homme qui, pour sa vertu et grande modestie, a beaucoup de crédit.» Къ сожалѣнію, онъ скрылъ имя этого друга Москвы. *Pilinski* (p. 54, примѣч. 26) приводитъ слѣдующія слова Гейденштейна изъ его *Vita Joannis Zamoscii*, хранящейся въ библіотекѣ Оссолинскихъ: «Zamoscius eo animo ad comitia venerat, ut pro Moscho laboraret».

[10]) *Discorso sopra la nuova elettione da farsi del Re di Polonia, scr. nel 1572 dal abbate Giovannini*, у *Turgen.* I, 233.—Вотъ чрезвычайно любопытныя подробности, сообщенныя г. *Гиндели* (Geschichte der Böhmischen Brüder, II, 89—90 и 474) о сношеніяхъ Чешскихъ братьевъ въ Польшѣ съ Иваномъ Грознымъ. „Около времени собранія сандомірскаго синода, или немного позже польскій король отправилъ съ политическою цѣлью посольство въ Москву. Оно состояло изъ воеводы иновлоцлавскаго, Ивана Кротовскаго, Рафаила Лещинскаго, Николая Тальвоша и Андрея Ивановича. Первые два принадлежали къ Единству (то-есть къ числу признававшихъ соединеніе протестантскихъ сектъ). Они взяли съ собою Рокиту въ качествѣ духовнаго совѣтника. Старшины поручили ему позаботиться объ обращеніи царя. Дѣйствительно, онъ добился аудіенціи у Ивана Васильевича, который предложилъ ему десять вопросовъ: 1. Кто ты? 2. Чему учишь своихъ приверженцевъ? 3. Какъ учишь объ оправданіи? 4. Оправдываетъ-ли одна любовь въ Богу? 5. Признаешь-ли ученіе Мартина Лютера, который отпалъ отъ старой церкви? 6. Кто призвалъ тебя въ церковному служенію, когда ты оставилъ старую церковь? 7. Что ты думаешь о постахъ? 8. Какъ вы молитесь? 9. Почему вы не почитаете иконъ? 10. Какое ваше ученіе о бракѣ священниковъ и о безбрачіи? Рокита отвѣтилъ на всѣ эти вопросы, какъ умѣлъ. Но всѣ его усилія привлечь царя остались тщетными, какъ легко было угадать. Онъ получилъ отвѣтъ на свои объясненія, а при прощаньи, въ подарокъ за поднесенное имъ исповѣданіе Братьевъ, письменное изложеніе русской вѣры въ дорогомъ золотомъ переплетѣ, украшенномъ жемчугомъ“. Эти свѣдѣнія Гиндели заимствовалъ изъ рукописи, хранящейся въ польской Лиссѣ: *Odpowiedz na pytanie wielkego hospodara Moskiewskiego na pismie podana.* Онъ утверждаетъ, что авторъ ея самъ Рокита и выражаетъ

надежду на ея опубликованіе, такъ какъ одинъ славянскій ученый списалъ ее. Сверхъ того разсказъ Гиндели опирается на рукописи Геррнгутскаго архива и на свидѣтельствѣ Славаты, не лишенномъ нѣкоторыхъ прибавокъ.

[11]) *Discorso dal abbate Giovannini*, у *Turgen.* I, 233.—*Relaz. di Polonia del Gir. Lippomano*, 1575: ibid. p. 271. — *Cifra del Card. Commendone*, 12 sett. 1572: ibid p. 224. Послѣ всего вышеизложеннаго, для насъ удивительно удивленіе, съ которымъ западные историки относятся къ выгоднымъ условіямъ московской кандидатуры въ началѣ описываемаго безкоролевья. Поверхностно судитъ, но сдержанно говоритъ о нихъ *Рейманнъ* (*Hist. Zeitschr.*, XI, 89). Столь же поверхностно судитъ, но болѣе откровенно высказываются польскій и французскій историки. *Пилинскому* (54 — 55), имѣющему въ виду характеръ Ивана IV (онъ называетъ его, конечно, Иваномъ II), «in dem sich alle in den Annalen des römischen Kaiserreichs und der orientalischen Despotien zerstreuten Züge einer echten Tyrannennatur zu einem entsetzlichen Gesammtbild vereinigen», пристрастіе Поляковъ къ царю кажется «seltsam, ja fast empörend.» Онъ даже безъ всякой критики принимаетъ мнѣніе *папскаго* агента *Граціани* (De vita Commendoni, p. 386): „hunc (Moschum) vota magis, quam studia hominum expetebant". *Noailles* (*Henri de Valois*, II, 73) ограничивается наивнымъ замѣчаніемъ: «Un fait singulier, c'est que la candidature d'Ivan trouva des défenseurs.» Или польская нація XVI вѣка гораздо яснѣе понимала свои интересы, чѣмъ эти историки, или послѣдніе, отказываясь отъ своего долга, не хотятъ видѣть причинъ историческихъ явленій.

[12]) *Turgen.* I, 271.

[13]) *Дѣла датскія*, № 2, въ Моск. арх. мин. ин. дѣлъ.—Мы съ удивленіемъ встрѣтили въ столь серьёзномъ авторѣ, какъ *Пилинскій* (p. 57), неосновательное мнѣніе, будто «Lostrennungsgelüste(!)» были только у нѣкоторыхъ литовскихъ пановъ, да и тѣ значили не болѣе, какъ «Scheinmanöver»; а «niedere Ritterschaft wollte davon nichts wissen». Къ сожалѣнію, этотъ взглядъ перешелъ и къ *Рейманну* (Zybel: *Hist. Zeitschr.* Band XI, p. 89). Пилинскаго лишь отчасти оправдываетъ «Mangel ausführlicher und eingehender Nachrichten», который замѣтенъ и въ томъ, что онъ, очевидно, не знакомъ даже съ изданіемъ *Тургенева*. Два источника, на которые ссылается авторъ, врядъ-ли даютъ поводъ къ выводамъ, имъ сдѣланнымъ. Одинъ изъ нихъ (Krótka summa wszystkich spraw tempore interregni w Polszcze, рукоп.), по всей вѣроятности, принадлежитъ къ числу памфлетовъ, которыхъ тогда много издавали агенты кандидатовъ, враждебныхъ Москвѣ. Другой же (грамота Ивана IV къ польскимъ чинамъ отъ 15 іюля 1573 года, рукоп.), конечно, составленъ

въ обычномъ духѣ московской дипломатіи того времени, которая, въ оправданіе царя, вяло дѣйствовавшаго въ избирательной интригѣ 1572 года, сваливала всю вину на самихъ Литовцевъ.

[14]) *Pokaz. pozytk. etc.*, *Broel-Plater*, III, 41 sqq.—*Lippomano* и *Giovannini* у Turgen. I, 232 sq. 270 sq. Любопытно, что реляція Липпомано поразительно сходна съ памфлетомъ шляхтича (*Pokaz. pozytk etc.*). Она составляетъ какъ бы извлеченіе изъ него. Быть-можетъ, онъ дѣйствительно послужилъ источникомъ свѣдѣній о Польшѣ для Италіанца. Во всякомъ случаѣ это обстоятельство доказываетъ, что общественное мнѣніе въ Польшѣ въ 1575 году не измѣнилось сравнительно съ 1572 годомъ.

[15]) *Pokaz. pozytk. etc.*, *Broel-Plater*, III, 45—47;—*Discorso dal Giovannini*, Turgen. I, 233.—*Lippomano* у Turgen. I, 271.

[16]) *Univ. Woew. Sandom. do Rycerstwa W-wa Sandom.*, отъ 11 іюля 1572 года, въ рукоп. Имп. публ. библ.,f. 24.

[17]) *Orzelski*, I, 17.

[18]) Ranke: *Fürsten und Völker von Süd-Europa*, v. 2—4.

[19]) Письмо Борромео къ Гозію отъ имени папы: Theiner, Vetera monumenta Poloniae, II, 707.—Niemcewicz: Zbiór pamitnieków o dawnej Polszcze, III, 6 sqq.

[20]) Въ анонимной венеціанской реляціи, описывающей папскую курію 1570-хъ годовъ, сказано о Коммендоне: «Ha la virtù, la bonta, l'esperienza con infinito giudicio». Она помѣщена у *Ранке* (Anhang zu den Fürsten und Völker von Süd-Europa, p. 88 sp.), который довѣряетъ ей.

[21]) «..... bontà, grandezza dell'animo, prudentia, eloquentia, theologia», изъ *Discorso over ritratto della corte di Roma di mons. ill. Commendone all ill. s. Savorgnano*, у *Ранке*: Anhang zu den Fürsten und Völker von Süd-Europa, p. 93 sq.

[22]) Коммендоне отвергъ заводскихъ коней, дорогія блюда, наполненныя червонцами, и часы искусной нѣмецкой работы, присланные ему курфюрстомъ бранденбургскимъ, Іоахимомъ. Онъ не принялъ даже пенсіи, предложенной ему Сигизмундомъ-Августомъ. Онъ отправилъ къ хозяину тяжелые серебряные сосуды, присланные ему Яковомъ Уханскимъ. Мы думаемъ, что къ послѣднему относятся слова *Граціани* (De vita Comm. p. 485): «Usus (Коммендоне) in itinere hospitio est Archiepiscopi cujusdam, fortunae viri amplissimae, et copiis, et opibus magnis praediti, sed qui senserat se Commendono suspectum, quod parum sincera fide Catholicae religionis partes tueri, conjunctius et amantius cum haereticis vivere, quam Archiepiscopum deceret dicere-

tur». По поводу безкорыстія Коммендоне Граціани дѣлаетъ любопытную замѣтку (De vita Comm. p. 488): «Иностранцы дивились такой воздержности, ибо *наши* не безъ основанія славились у нихъ корыстолюбіемъ, низкою и грязною жадностью».

[23]) Такъ случилось, напримѣръ, на сенаторскомъ съѣздѣ въ Парчовѣ (весною 1564 года), гдѣ Коммендоне защищалъ постановленія Тридентскаго собора. Eichhorn: Stanislaus Hosius, II, 220.

[24]) Чрезвычайно богатый и живой, но, конечно, требующій критики матеріалъ для характеристики кардинала Коммендоне представляетъ сочиненіе его секретаря Граціани: *De vita Commendoni*. Оно было издано въ Павіи въ 1685 году во второй разъ. Первое изданіе, сдѣланное въ Парижѣ лѣтъ за 16 предъ тѣмъ, все разошлось въ непродолжительное время.

[25]) Письмо Петра Мышковскаго къ Гозію. *Eichhorn:* Stanislaus Hosius, II, 209.—*Gratiani:* De vita Comm., l. II, c. VI.

[26]) Эдиктъ 1557 года строго запрещалъ всякія религіозныя нововведенія; но онъ не былъ ни обнародованъ, ни исполняемъ.

[27]) *Gratiani:* De vita Comm. l. II, c. XII.—*Письмо Цира къ Гастальду*, въ рукоп. Имп. публ. библ., f. 58.—Плодомъ этой рекогносцировки были драгоцѣнныя этнографическія и географическія наблюденія, необходимыя и при изученіи русской исторіи. Они разбросаны въ сочиненіяхъ Граціани, который повсюду сопровождалъ кардинала, особенно въ его *De scriptis invita Minerva*. Florent. 1745.

[28]) Онъ рисовалъ предъ нею богатую дѣвственную почву южныхъ провинцій и совѣтовалъ оживить тамъ коммерческіе обороты, которые извивались бы вокругъ большаго города на Днѣстрѣ. Подъ вліяніемъ этого смѣлаго краснорѣчія нація забывала даже голосъ дѣйствительности, который устами воеводы подольскаго говорилъ, что Днѣстръ—рѣка не судоходная.

[29]) *Gratiani:* De vita Commendoni, lib. II.—*Eichhorn*: Stanislaus Hosius, II, 208—256, на основаніи писемъ многихъ католиковъ и самого Коммендоне къ Гозію.

[30]) *Theiner:* Vetera monumenta Poloniae, II, 723 sq.

[31]) При вышеуказанномъ описаніи жалкаго положенія католицизма въ Рѣчи Посполитой Руджіери доносилъ въ Римъ: „ересь падаетъ, при мнѣ десять тысячъ еретиковъ возвратились въ лоно католической церкви". *Niemcewicz*, III, 6 sqq.

[32]) У *Эйхгорна* (II, 422) разсказанъ, на основаніи переписки Гозія, инквизиціонный судъ надъ однимъ Итальянцемъ, который оказался виновнымъ въ педерастіи и раскрылъ много грязныхъ тайнъ про польскій дворъ, про своихъ друзей, Сигизмунда-Августа и Портико.

[33]) Онъ увѣрялъ, что положеніе двора совсѣмъ измѣнилось и онъ сталъ чуть не вполнѣ католическимъ. «Поляки же, прибавлялъ онъ, которые уже такъ много воспользовались добротою короля и все еще держатъ себя предъ нимъ въ положеніи tacita rebellio o dizubedientia, откроютъ, наконецъ, ему глаза и заставятъ удивляться плодамъ дѣятельности этихъ новыхъ пророковъ.» *Theiner*, II, 770 sq.—Въ то же время Сигизмундъ-Августъ утѣшилъ папу письмомъ, въ которомъ высказывалось полное смиреніе и желаніе раскрыть свою совѣсть предъ нимъ. *Тамъ же*, 751.

[34]) Eichhorn: Stan. Hosius, II, 342. Авторъ пользовался въ этомъ случаѣ письмами Гозія, относящимися ко второй половинѣ 1568 г.

[35]) Максимиліанъ II обѣщалъ приступить къ союзу противъ мусульманъ, но условно: ,,Sed, говоритъ Граціани, cum unus maxime hostium injuriae pateret, ne quavis ante in se ingrueret, quam instructum bellum esset, cupere, ut priusquam consilia emanarent, promerent foederati, quae quantaque sibi auxilia missuri essent, ut sciret quarum fiducia virium in eam aleam esset descensurus. *De vita Commendoni*, p. 39.—Уклончивость императора въ этомъ случаѣ подтверждается депешею Вулкоба, бывшаго тогда французскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ. На нее ссылается *Noailles*: Henri de Valois et la Pologne en 1572, II, 81.

[36]) *Carncovii* Epistolae, при изданіи Длугоша *Huyssen'a*, II 1683, 1747, 1771, 1793.—По перепискѣ Гозія, *Eichhorn:* Stan. Hosius, II, 411—423.— *Valer. Krasinski:* Geschichte der Reformation in Polen. Nach dem englisch. von *Lindau*. Abschnitt 8.

[37]) *Eichhorn:* Stan. Hosius, II, 425, по письмамъ Карниковскаго и Гозія.

[38]) *Gratiani:* De vita Commendoni, 332.

[39]) Изъ письма Альберта Ласкаго къ Стан. Карниковскому; *Carncovii* Epistolae, p. 1742.

[40]) Письмо Портико къ Гозію. *Eichhorn* Stan. Hosius, II, 347, 417.—*Gratiani*: De vita Commendoni, p. 363.

[41]) Всѣ подробности этихъ переговоровъ заимствованы нами у *Gratiani*: De vita Commendoni, p. 360 — 370.

[42]) *Eichhorn:* Stan. Hosius, II, 427. — *Gratiani:* De vita Commendoni, 350 sq.

[43]) Занятія краковскаго съѣзда въ рукописи Имп. пуб. библ. f. 34.—*Gratiani*: De vita Commendoni, 374 *sqq.*—*Heidenstein*, *II.*—*Orzelski*, *I*, 11.

[44]) *Gratiani*: De vita Commendoni, p. 377.—*Heidenstein*, 11—12.—*Orzelski*, I 11.

[45]). См. письмо великопольскихъ пановъ къ малопольскимъ отъ 14 августа 1572 года, въ рукописи Имп. пуб. библ. f. 51 sq.

[46]) Напримѣръ, вѣсти о конвокаціи, какъ видно изъ его письма къ Стан. Карнковскому, помѣщеннаго въ *Carnkovii* Epistolae p. 1686, ep. XLIII.

[47]) Николай Кристофъ Радзивилъ къ воеводѣ виленскому отъ 15 іюля 1572 года. *Архивъ Радзивиловъ* въ Имп. пуб. библ.

[48]) Послѣдній король Чешскаго королевства, Людовикъ I, былъ соединенъ кардиналомъ-архіепископомъ гранскимъ съ внучкою императора Максимиліана I, Маріей, которая послѣ гибели несчастнаго Людовика I, служила своему брату, Карлу V, въ качествѣ нидерландской намѣстницы и умерла въ Италіи, сохраняя глубокую привязанность къ памяти любимаго мужа, не остывшую въ теченіе болѣе тридцатилѣтней разлуки. На этомъ же конгрессѣ Максимиліанъ I обязался женить на сестрѣ Людовика I, Аннѣ, одного изъ своихъ внуковъ, «а въ случаѣ, если ни одинъ изъ нихъ не захочетъ взять ее, жениться на ней самому, въ теченіе года и трехъ мѣсяцевъ». Черезъ восемь мѣсяцевъ внукъ императора, эрцгерцогъ Фердинандъ, инфантъ испанскій, призналъ себя будущимъ мужемъ своей невѣсты, Анны, уже коронованной на вѣнскомъ конгрессѣ чешскою королевой. *Franz Palacky:* Geschichte von Böhmen, V. Band, II. Abth. Prag, 1867, pp. 333—336.

[49]) *František Palacky:* Dějiny národu Českého. Dilu III, častka 1, w Praze, 1850, pp. 145—146; dilu III, častka 2, 1851, p. 248.

[50]) Приводимъ интересное выраженіе чешскихъ національныхъ стремленій, по смерти императора Сигизмунда (1437 г.), заключающееся въ современномъ памфлетѣ: «Čechowé měliby se pilně warowati a we wši snažnosti wistrihati, aby we zpráwu ciziho jazyka a zwáště německého neupadli; nebo jakož kroniky české swědčí, ten jazyk jest nejlélějši ku porażeni jazyka českeho a slowanskeho, se wši pilnosti wždy o to pracuje, a rozličnými obyčeji a lstmi wždycky usiluje, kterakby ty jazyky zhladiti mohl..... Měliby těhdy Čechowé, (dí dale) nemohauli ze swého jazyka pána méti, na jiný slowanský jazyk, nebo na jiný kterýkoli pod nebem k ěstanský pomysliti, ačby bohatý nebyl, a jeho sobě za pána wziti; neb jich jazyk a jich swobody pod králem každeho jazyka, kromě německého, lépe stanau». *Frant. Palacky*: Dějiny národu Českého, dilu III, častka 2, p. 407—408.

[51]) *Franz Palacky:* Geschichte von Böhmen, V. Band, II. Abth., pp. 293, 333, 359 sqq.

[52]) Слова *Бѣльскаго*: Kronika polska, fol. 597 sq.

[53]) *Bielski*; Kronika polska, fol. 626.

[54]) *Gratiani*; De vita Commendoni, 326 sq.

[55]) *Heidenstein*: Rer. Polon. p. 3.

[56]) *Gratiani:* De vita Commendoni, p. 372 sqq.

[57]) Ник. Крист. Радзивилъ къ своему дядѣ отъ 29 іюля 1572 года. *Архивъ Радзивиловъ* въ Имп. публ. библ.

[58]) *Gratiani:* De vita Commendoni, p. 378—381.—*Orzelski I*, 10. Обращикъ писемъ цесаря къ важнымъ польскимъ и литовскимъ панамъ помѣщенъ у *Niemcewicza.* (письмо къ Ник. Крист. Радзивилу) и въ *Carncovii* Epistolae (письмо къ Стан. Карнковскому), p. 1709 sq.

[59]) Письмо Якова Уханскаго къ малопольскимъ панамъ отъ 14 августа 1572 года, въ рукописи Имп. публ. библ. fol. 52.—Итальянское письмо Цира къ Гастальду отъ 30 августа въ польскихъ переводѣ, тамъ же, fol. 57 sq.—*Jean Choisnin*: Mémoires, въ Collection universelle, etc. t. LIV, p. 199.

[60]) Образецъ писемъ Максимиліана II помѣщенъ въ рукописи Имп. публ. библ. (fol. 47 sqq) подъ именемъ *Exemplum litterarum singulatim ad nonnullos Regni Proceres a Romanorum Imperatore datarum*, (in civitate nostra Vienna Austriae, 21 Julij, an. 1572).—*Heidenstein*, p 12.

[61]) *Choisnin*, p. 247.—*Orzelski I*, 17.—*J. D Sulikovii* Commentarius brevis rerum Polonicarum a morte Sigismundi Augusti, Dantisci. 1647, p. 5.

[62]) *Письмо коронныхъ сенаторовъ къ императорскимъ посламъ* отъ 24 октября 1572 года, въ рукописи Имп. публ. библ. fol. 92.

[63]) *Lit. a senatoribus Majoris Poloniae ex conv. Chrosslinensi ad Minoris Poloniae senatores dat.* отъ 14 августа 1572 года; въ рукописи Имп. публ. библ. fol. 50 sqq.

[64]) Разсказъ объ императорскихъ послахъ составленъ главнымъ образомъ на основаніи универсала Петра Зборовскаго къ своей шляхтѣ отъ 13 сентября 1572 года (въ рукописи Имп. публ. библ. fol. 61) и переписки Розенберга и Перштейна съ малопольскими панами (тамъ же, fol. 85—97). Эта переписка разъясняетъ нѣсколько темный и неточный разсказъ *Гейденштейна* (p. 12).— Cf *Niemcewicz*, I, 103—111.

[65])*Bielski*: Kronika polska, fol. 653.—*Heidenstein*, p. 8.

[66]) *Ник. Крист. Радзивилъ къ дядѣ* отъ 18 іюня 1572 года, въ *Архивѣ Радзивиловъ.—Инструкція королевны Анны ея послу* на съѣздѣ въ Каскахъ, въ рукописи Имп. публ. биб. fol. 104 sq.—*Bielski*, 653. — *Heidenstein*, p. 8.

[67]) *Епископы куявскій и холмскій къ великопольскимъ панамъ* изъ Литвы, въ рукописи Имп. публ. биб. fol. 109 sq. — *Sprawa panow Lubielskiego y Zarnowskiego*, тамъ же, fol. 78 sq. — *Письмо Анны Ягелловны къ сенаторамъ* въ Осѣкѣ, у *Niemcewicza*, I, 113—116.

[68]) *Cifra del Cardinal Commendone Legato in Polonia*, 12 settembre 1572, *у Тургенева* Historia Russiae monimenta, I 224.

[69]) *Cifra del Card. Commendone*, 12 sett. 1572, *у Тургенева* Hist. Russ. monim. I, 224—225.— *Рейманнъ* (Hist. Zeitschrift *Зибеля*, 1864, Heft I, 75—77), на основаніи писемъ Коммендоне, помѣщенныхъ въ *Epistolae Pogiani*.

[70]) *Письма Стан. Карнковскаго къ воеводѣ смоленскому и къ старостѣ жмудскому*, упоминаемыя въ его письмѣ къ Петру Зборовскому, въ рукописи Имп. публ. библ., fol. 115 sq.—*Broel-Plater*, *III*, 5—33.—*Jana Krasińskiego* Polska w XVI wieku, przetł. przez *Stan. Budzinskiego*, p. 221.

[71]) Петръ Зборовскій къ Стан. Карнковскому въ декабрѣ 1572 года, въ рукописи Имп. публ. библ. fol 112—115.—Сиротка Радзивилъ къ дядѣ отъ 15 іюля, въ *Архивѣ Радзивиловъ*.

[72]) *Sprawa panow Lubielskiego y Żarnowskiego Castellanow, ktorzy od panow rad Maley Polski z ziazdu Oszieckiego byli poslani do krolewny y do poslow czessarskich*, въ рукописи Имп. публ. библ. fol. 78 sqq. Она напеч. у *Niemcewicza I*, 106—113.—*Heidenstein*, p. 10—11, 13.

[73]) *Litterae ab oratoribus Rom. Imper. ad Minoris Poloniae consiliarios datae*, въ рукописи Имп. публ. библ. fol. 85 sqq. — *Heidenstein*, p, 14. — *Dyaryusz* варшавскаго съѣзда 9 октября 1572 года, въ рукописи Имп. публ. библ. fol 75 sqq. Cf. *Niemcewiez*. I, 102 sqq.

[74]) *Постановленіе касскаго съѣзда* въ рукописи Имп. публ. библ. fol. 161 sq. — *Heidenstein*, p. 15. — Litterae Imp. Rom. ad ordines Regni Polon., въ рукописи Имп. публ. библ. fol. 119.

[75]) *Меморіалъ, данный Розенбергомъ и Перштейномъ Циру для его переговоровъ съ инфантою*, въ рукописи Имп. публ. библ. fol. 98 sqq.

[76]) *Litterae episc. Cujav. et Chelm. ex Lomza ad senat. Regni in Majori Polon.*, въ рукописи Имп. публ. библ. fol. 109.—*Переписка Стан. Карнковскаго съ Петромъ Зборовскимъ*, тамъ же, fol. 112—115. — *Епископъ куявскій къ воеводѣ краковскому* отъ 15 ноября 1572 года, тамъ же, fol. 102. sq.—*Анонимъ къ Яну Ходкѣвичу* отъ 18 и 19 января 1573 года (Пол. fol. IV, № 188, въ Имп. публ. библ.). —*Choisnin*, p. 248 sq.—*Orzelski* I, 41.—*Heidenstein*, p. 18.—*Broel-Plater*, III, 9—11, 33.

[77]) *List C. S. A. D. F. S. przeciw zdaniu czyjemuś o wyborze kròla*, *Broel-Plater*, *II*, 34—37.

[78]) «Li Alemani..,. che sino a questa ora si dice che anno speso da sesanta milia talari per fare lor pratiche che ancho per lor spese (et sono in questo regno da quatre cento inbasatori chi agenti).... » *Письмо Яна Красовскаго къ Екатеринѣ Медичи* отъ 12 ноября 1572 года, въ Documents et pièces justificatives къ сочиненію *Ноайля* Henri de Valois, III. 216.

[79]) «Gens barbara et gens inepta.... Barbarzinski naród Polaców tak jest chciwy, że w niczem inem jedno in adulationibus et muneribus zawsze się kochają; ad quos caesarea majestas suos legatos cum muneribus misit; qui licet suas libertates futiles defendunt, facile tamen suis muneribus feram naturam eorum placabit». *Choisnin*, p. 256. — *Broel-Plater* II, 68; III, 52.

[80]) *Heidenstein*, p. 12.—*Orzelski*, I, 118 — 119.

[81]) *Odpowiedz na list poprzedzający* (см. сноску 77) *za księciem andegawenskim*; *Rozmowa kruswicka: Broel-Plater*, II, 37 — 42, 67—76.—Pozytki z wziecia Moskiewskiego etc.; Niekorzysci z przyecia ktorego z panow zachodnich: *Brol-Plater*, III 42 — 53.— *Pilinski* (p. 46), который видѣлъ много подобныхъ памфлетовъ въ рукописяхъ, бывшихъ у него подъ руками.—*Heidenstein*, p. 14.

[82]) *Gratiani*: De vita Commendoni, 378—380.

[83]) „Aleć się ja barzo boją, aby nam rzeczy mialy iść praktykami dobrze, gdyż Polacy barzo abhorrent a Domo Austriaca, podobno przyjdzie armis rem experiri.“ Николай Кристофъ Радзивилъ дядѣ отъ 29 іюля 1572 года, въ *Архивѣ Радзивиловъ*.

КЪ ГЛАВѢ V-й.

---

[1]) *Извѣтъ плѣнника,* въ *Польскихъ дѣлахъ* (связка 1) Московскаго архива мин иност. дѣлъ.

[2]) Два года спустя, воевода минскій, Янъ Глѣбовичъ, зять воеводы иновлоцлавскаго, съ радостью бросился въ объятія Ивана IV, какъ только получилъ отъ него письменное удостовѣреніе въ его «милости.» Изъ его-то отвѣта на ласковое письмо царя, который онъ просилъ разорвать или сжечь (въ немъ были разоблачены тайны нѣкоторыхъ лицъ; онъ помѣщенъ въ *Польскихъ дѣлахъ*, связка 1), мы взяли извѣстія объ отношеніяхъ пановъ Рѣчи Посполитой къ Москвѣ во время «первой элекціи.» Къ несчастію, изъ отвѣта Ивана IV на письмо Яна Глѣбовича сохранилось только начало, содержащее его дословное изложеніе.

[3]) *Письмо литовскихъ пановъ къ польскимъ* отъ 25 сент. 1572 года, въ рукописи Имп. публ. библ., fol 67 sq.—*Turgenevii* Hist. Russ. monim., I 225—228.

[4]) Грамоту литовскихъ пановъ къ Ивану IV, помѣченную 27-мъ сент. 1572, видѣлъ въ спискѣ *Пилинскій:* Das polnische Interregnum, p. 56.

[5]) Разсказъ о посольствѣ Ѳедора Воропая составленъ нами на основаніи Голицинской выписки (*Польскія дѣла*, №2 въ Моск. арх. мин. ин. дѣлъ) и Альбертрандіева списка, напечатаннаго, съ прибавкою нѣкоторыхъ интересныхъ подробностей, у *Тургенева Hist. Russ. monim.*, I, 229-232. Ср. *Соловьева* Исторію Россіи, VI, 315 sqq. Къ сожалѣнію, въ обоихъ спискахъ не обращено вниманія на точность датъ. Въ Голицинскомъ поставленъ лишь 7081 (1573) годъ, то-есть время пріема Воропая въ Москвѣ; въ Альбертрандіевомъ—1572 годъ,—время отправленія гонца въ Москву. Въ какомъ мѣсяцѣ и откуда именно былъ онъ посланъ, неизвѣстно. Но у Голицина сохранились имена пославшихъ Воропая. На основаніи отчасти этихъ именъ, отчасти постановленій инышинскаго съѣзда и общаго хода дѣлъ, мы принимаемъ за авторовъ посольства инышинскихъ пановъ.

[6]) Эта грамота напечатана у *Broel-Plater'a* (III, 20 *sq.*) и помѣчена 27 октября 1572 года, причемъ сказано, что при ней только семь печатей. Въ одномъ реестрѣ посольскихъ дѣлъ, хранящемся въ Моск. Арх. мин. иностр. дѣлъ (подъ названіемъ: *Переписная первая книга всѣхъ дѣлъ посольскаго приказа, учиненная окольничимъ княземъ Мезецкимъ и дьякомъ Даниловымъ* 1614), сказано, что грамота составлена объ Рождествѣ и снабжена 14 печатями. Такъ какъ подъ грамотой находится 12 подписей, то мы должны принять и такое же число печатей.

[7]) *Письма Коммендоне* отъ 1 и 30 января 1573 года, *у Тургенева* Hist. Russ. monin. I, 233, 235. — *Broel-Plater*, III, 11.—*Письмо воеводы русскаго къ радамъ коронным*ъ съ тайною при немъ записочкой, изъ Гусятина отъ 19 января 1573 года, въ рукописи Имп. публ. библ.

[8]) См. рѣчь Павла Магнуса, посла императора Максимиліана II въ Москвѣ. *Датск. дѣла*, № 2, въ Московскомъ архивѣ мин. ин. дѣлъ.

[9]) *Broel-Plater*, III, 11. — *Choisnin*, p. 248.

[10]) Впослѣдствіи въ Польшѣ обращали особенное вниманіе на эту фразу, выводя изъ нея заключеніе, что царь совсѣмъ не хотѣлъ согласиться на выборъ своего сына. См. реляцію Липпомано, венеціанскаго посла въ Польшѣ при Генрихѣ анжуйскомъ, *у Тургенева* Hist. Russ. monim., I 270 sq.

[11]) Въ статейныхъ спискахъ не сохранилось посольства Гарабурды. Оно напечатано у *Тургенева* Histor. Russ. monim. I, 237—242, и почти слово-въ-слово, лишь съ прибавкою многихъ ошибокъ, иногда искажающихъ смыслъ и доказывающихъ крайнюю небрежность редакціи, у *Broel-Plater'a* III, 58—65. — Cf. *Heidestein*, 27. *Соловьевъ*: Исторія Россіи, VI, 321 sqq.

[12]) *Письмо Ивана Баки къ Яну Ходкѣвичу* изъ Копыси отъ 17 февраля 1573 года, въ рукописи Имп. публ. библ., польск., fol., IV № 189.

[13]) *Письмо Николая Кристофа Радзивила къ дядѣ* отъ 15 іюля 1572 года, въ *Архивѣ Радзивил.* въ Имп. публ. библ.

[14]) *Cifra del Card. Commendone* I di Maggio 1573, у *Тургенева* Hist. Russ. monim., I, 243.

[15]) *Дѣла польскія* № 10, въ Моск. архивѣ мин. иностр. дѣлъ.

[16]) *Письмо Сиротки Радзивила къ дядѣ* отъ 15 іюля 1572 года, въ *Архивѣ Радзивил.* въ Имп. публ. библ.

[17]) *Cifra del Card. Commendone* 15 di Febbraro 1573, у *Тургенева* Hist. Russ. monim. I, 236.

[18]) *Rozmowa kruświcka* у *Broel-Plater'* a, II, 74—75.

[19]) *Theiner:* Monumenta historica Poloniae, II, 754—756. — *Vigenère:* La description de Poloigne (*Noailles*: Henri de Valois, II, 71). — *Sol. Henning:* Liffländische, Churländische Chronica, mit einer Vorrede Davidis *Chytraei.* Rostock. 1590.

[20]) *Lett. del Nunzio apostol. Dal Portico* (*Turgenevii:* Histor. Russiae monim. I, 222.

[21]) *Mémoires de Jean Choisnin* (Collection univers. des mémoires particuliers, relatifs à l'histoire de France. Londres. 1789. LIV, 262 sq).

[22]) Весьма любопытныя данныя для характеристики Екатерины Медичи заключаются въ донесеніяхъ иностранныхъ пословъ во Франціи. *Walsingham:* Mémoires et instructions pour les ambassadeurs. Amsterdam. 1700, p. 276 и др. — *Tommaseo:* Relations des ambassadeurs vénitiens. Paris. 1838; I, 424—428, 434, 548—552; II, 44, 154 sqq., 242.—*Alberi:* Relazioni degli ambasciatori veneti. Ихъ сокращеніе—*Baschet:* Diplomatie venitienne au XVI siècle. — Замѣчательная по глубинѣ психологическаго анализа характеристика Екатерины Медичи, по сознанію самихъ французскихъ историковъ (*H. Martin:* Histoire de France. 4-me édit. Paris. 1857. IX, 287), принадлежитъ Ранке: Französische Geschichte. 2-te Auflage. Stuttgart. 1856. I, 305—313. Прекрасный примѣръ политической безтактности Екатерины Медичи представляетъ ея письмо къ Елизаветѣ англійской отъ 5-го іюня 1572 года, на которое обратилъ вниманіе *Michelet:* Histoire de France. 2-me édit. Paris. 1858. IX, 399. — Cf. *Mémoires de Marguerite de Valois,* publ. par Lalanne, p. 20.

[23]) Амбуазскій эдиктъ 1563 года, заключившій первую религіозную войну, былъ принятъ парижскимъ парламентомъ „въ черныхъ одеждахъ". Многіе провинціальные парламенты вовсе отвергли его. Въ Гвіени и Лангедокѣ Блезъ Монлюкъ образовалъ лигу противъ «еретиковъ»; то же устроилъ Таваннъ въ Бургундіи (см. мемуары того и другаго въ собраніи мемуаровъ *Мишо* и *Пужула,* т. VII и VIII. *Thuani* Hist. lib. XXXV). Послѣ „малаго" лонжюмоскаго мира 1568 года, завершившаго вторую религіозную войну, преслѣдованія гугенотовъ продолжались повсюду „просто съ яростію", по выраженію Венеціанца Корреро (*Ranke.* I, 276). Наконецъ, какъ трудно было устроить сенъ-жерменскій миръ 1570 года, видно изъ того, что Карлъ IX гордился имъ, называя его „своимъ"; да и значеніе его состояло въ фактическомъ разрѣшеніи протестантамъ имѣть собственное оружіе, *защищаться* самимъ при безсиліи правительства.

[24]) 17 января 1562 года, по мысли канцлера л'Опиталя, собраніе членовъ частнаго совѣта и восьми парламентовъ королевства издало замѣчательный „январскій" вѣротерпимый эдиктъ, первый публичный актъ,

которымъ признавалось существованіе и извѣстная доля свободы „новой религіи" (*Polenz:* Geschichte des franz. Calvinismus. Gotha. 1859. B. II). Но этотъ эдиктъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе со стороны парижскаго парламента, населеній Прованса и Бургуніи и даже самихъ гугенотовъ. Въ мартѣ совершилась бойня въ Васси — сигналъ къ начатію цѣлаго ряда религіозныхъ войнъ.

[25]) Въ донесеніяхъ венеціанскихъ пословъ разбросано много весьма мѣтко схваченныхъ чертъ національнаго французскаго характера. Особенно интересна въ этомъ отношеніи довольно-полная характеристика Суріано, венеціанскаго посланника въ Парижѣ въ 1561 году: *Tommaseo*, I, 498—500. То же говоритъ *Макіавель* въ своихъ „Ritratti delle cose di Francia".

[26]) Исторія и значеніе собраній государственныхъ чиновъ и парламентовъ во Франціи полно и прекрасно изложено у *Rathéry:* Histoire des états généraux de France. Paris 1845. Cf. *Am. Thierry* въ Mémoires de l'Acad. des sciences morales et polit. T. V, 1847.

[27]) Роль королевскихъ совѣтовъ, именно частнаго совѣта, впервые точно и убѣдительно объяснена Шарьеромъ, ученымъ издателемъ одной изъ серій „Коллекціи неизданныхъ документовъ для исторіи Франціи", уже болѣе 30 лѣтъ составляемой въ Парижѣ, при пособіи министерства народнаго просвѣщенія. *Charrière:* Négociations de la France dans le Levant. Paris. 1853. III, Introduction. Ср. донесенія Венеціанцевъ, Барбаро и Суріано, а также выдержки изъ сочиненія Макіавеля у *Tommaseo*, I, 512; II, 28—30. Много интересныхъ указаній о томъ же предметѣ разбросано также въ мемуарахъ современниковъ.

[28]) *Tommaseo*, I, 447. Мы затрудняемся указать здѣсь факты, крупные и мелкіе, на которыхъ основывается наше изложеніе. Цѣлая масса ихъ разбросана почти по всѣмъ страницамъ изданій дипломатическихъ актовъ, касающихся Франціи, особенно у *Шарьера, Томмазео, Уэльсингема.* — Какую важность имѣлъ союзъ Франціи съ Турціей уже при Франциснѣ I и какое значеніе Французы придавали внѣшней политикѣ этого государя, перешедшей въ преданіе, хорошо видно изъ совѣтовъ, которые подавалъ (въ 1569—1570 годахъ) Екатеринѣ Медичи Поль-де-Фуа, французскій посланникъ въ Венеціи. *Charrière,* IV, appendice.

[29]) *Motley:* The rise of the Dutch republic. Leipzig. 1858, v. II, part III, ch. I—IV. — Для характеристики состоянія Нидерландовъ въ описываемое время интересна бесѣда Людовика Нассаускаго съ англійскимъ посланникомъ въ Парижѣ. — *Walsingham*, p. 138—140. — Cf. ibid. 26—28. — *Charrière*, III, pass., особенно 105—206. — *Hammer,* II, 400 sqq. — Исторія лиги выясняется изъ документовъ, помѣщенныхъ у Шарьера, III, 153 sqq. — *Ranke:* Franz. Geschichte. I, 288.— *Char-*

rière: Negot. de la France dans le Levant. III, 20—47. — *Zinkeisen:* Geschichte des osmanischen Reiches. Gotha. 1854. II, 923 sqq.

[30]) *Thuani* Histor. lib. XLIV, въ парижскомъ изданіи 1609 года, pars III, t. III, 122—123. — *Martin,* IX, 273.

[31]) *Mémoires de Marguerite de Valois*, publ. par *Lalanne.* Paris. 1858, p. 24. — *Charrière*, III, introduction. — *Ranke:* Franz. Geschichte, I, 299. — Монморанси помогали также устройству брака Генриха анжуйскаго и Елизаветы англійской и союза между Англіей и Франціей. — *Walsingham*, 107, 218.

[32]) *Tommaseo*, I, 392 sqq, 402 sqq., 496, 504 sqq., 558; II, 10 sq., 66, 148. На стр. 130: „Soleva esser chiamato il re di Francia re delle bestie, volendo dire che governava facilmento li suoi popoli come se fossero state pecore". — *Noailles* (I, 18—19) приводитъ интересную выдержку изъ записки Колиньи, представленной королю. — Cf. *Thuani* Histor. l. LI, t. VIII, p. 57—91. — Какъ серьезно смотрѣлъ на свою задачу Колиньи, сходясь тутъ со взглядомъ государственныхъ людей Англіи, ясно видно изъ его разговора съ Уэльсингемомъ и изъ письма послѣдняго къ Лейчестеру отъ 10 августа 1572 года. *Walsingham*, 275—276.

[33]) *Mémoires de la vie du maréchal de Vieilleville*, ch. XXV, въ собраніи мемуаровъ *Петито* t. XXVIII. — *Charrière*, II, 619; III, 14, 109, 170, 228 sq., 295 sqq.—У *Уэльсингема* (стр. 59 sqq.) виденъ весь ходъ вопроса о бракѣ Генриха анжуйскаго и Елизаветы англійской, а также интриги Испаніи и Гизовъ противъ него. Испаніей была недовольна тогда даже Екатерина Медичи (стр. 137, 155), что̀ подтверждается и документами, помѣщенными въ 3 томѣ изданія *Шаррьера.* Значеніе, которое придавала Англія союзу съ Франціей, хорошо выразилось въ донесеніи Уэльсингема Лейчестеру отъ 3-го августа 1571 (стр. 136) и въ инструкціи первому.—Для враждебныхъ Испаніи переговоровъ между Нидерландами, Франціей и Англіей въ высшей степени важны письма Уэльсингема къ лордамъ Борлею и Лейчестеру отъ 12 августа 1571 года (стр. 138—144); для союза между Франціей и Англіей — стрр. 177 sqq., 193 sqq., 231 sqq. — О бракѣ герцога алансонскаго и Елизаветы англійской впервые заговорила Екатерина Медичи въ мартѣ 1572 года; ея интересная бесѣда съ англійскими агентами помѣщена у Уэльсингема, p. 225—229. — Касательно посольства Шомберга, у *Ноайля* (III, 286—289) помѣщены чрезвычайно интересные документы: инструкція ему отъ 10 августа 1572 года и его письмо къ королевѣ-матери отъ 29 августа того же года.

[34]) *Charrière.* III, 105—192. — У *Ноайля*-же (I, 9) есть любопытная выдержка изъ письма французскаго короля къ его посланнику въ

Константинополѣ отъ 11 мая 1572 года. Изъ письма этого агента къ Карлу IX (*Noailles*, I, 65) видно содержаніе договора между Турціей и Франціей. — *Walsingham*, 260 sqq.

[35]) Ch. III, 109 sq., 229.

[36]) *Thuani* Histor. lib. XLIV, LIII. — *Charrière*, III, 17, 18, 86, 321, 325. — *Martin*, IX, 285, 291, 295. — *Ranke:* Franz. Geschichte, I, 303. — *Hammer*, II, 375.

[37]) Такъ, напримѣръ, у *Догеля* (Codex diplomaticus. Wilnae. 1758, IV, 447—452) мы встрѣтили договоръ Людовика XII съ Яномъ Альбертомъ. Имъ подтверждались старые подобные же договоры и устанавливался „вѣчный" союзъ противъ Турокъ и другихъ враговъ, настоящихъ и будущихъ.

[38]) Донесеніе Микіэля, венеціанскаго посла во Франціи въ 1561 году: „Non passando (между королями польскимъ и французскимъ) altri officii che di amorevolezze e di complimenti, secondo l'occasioni che occorreno, non può esser altro che amicizia e buona intelligenzia". *Tommaseo*, I, 448.

[39]) Не лишенное интереса для характеристики Яна Красовскаго, его итальянское письмо къ Екатеринѣ Медичи отъ 12 ноября 1572 года помѣщено въ числѣ документовъ у *Ноайля*, III, 216 sq.

[40]) *Charrière*, III, 72—78, 300 sq. — *Thuani* Histor. lib. LIII.

[41]) *Walsingham*, p. 5. — *Thuani* Histor. lib LIII . — *Tommaseo*, I, 422, 542. — *Charrière*, III, 169. — *Choisnin*, 187 sq. — *Noailles*, I, 41—50, 76. — *Mémoires de Marguerite de Valois*, p. 13—15, 18. Хроника *de Vigenere*, отрывки изъ которой переведены у *Нѣмцевича:* Zbiór pamiętników, III, 21.

[42]) *Charrière*, III, 286. Выше, на страницахъ 39—44, мы объяснили отношенія, въ которыхъ находились тогда между собою Польша и Турція. Нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія къ нашему разсказу заключаются у *Шарьера*, III, 286—302.

[43]) Письмо Шомберга къ герцогу анжуйскому отъ 29 августа 1572 г. *Noailles*, III, 292.

[44]) *Choisnin*, 189—197. — Lettre missive contenant la description du Royaume de Pologne, въ Mélanges histor. par *Camusar* (примѣч. къ мемуарамъ Шуанена, p. 423 sq.). — *Gratiani:* De vita Commendoni, p. 390 sq.

[45]) *Thuani* Hist. l. LIII, 193 sq. — *Choisnin*, 198—207. — *Gratiani:* De vita Commendoni, p. 391.

[46]) Articles sur lesquels leurs majestez résoudront, si leur plaist, le sieur de Schomberg (9 августа 1572); Schomberg au duc d'Anjou (29 авг. 1572). *Noailles*, III, 285, 290 sqq.

[47]) *Gratiani:* De vita Commendoni, p. 391 sq.

[48]) *Charrière*, III, 78, 291 sqq., 321 sq. — 4-го сентября 1572 года епископъ аксій доносилъ Генриху анжуйскому о новой причинѣ разрыва между Польшей и Турціей, которая прекрасно характеризуетъ взаимныя отношенія этихъ государствъ въ описываемое время. „Польскій посланникъ, писалъ онъ, увѣдомилъ меня о необычайной обидѣ, нанесенной ему вчера визиремъ, которая сильно изумила меня. Въ его присутствіи была дана пощечина одному польскому дворянину, а его самого кавасы (capisis ou portiers) весьма грубо вывели за руки изъ аудіенцъ-залы, осыпая такими непристойными словами, что стыдно было даже самимъ визирскимъ. Затѣмъ его посадили подъ стражу". *Charrière*, III, 301 sq.

[49]) *Charrière*, III, 304—308.

[50]) *Choisnin*, p. 215: „La difficulté fut sur le choix de ceux qui devoient estre envoyez. Bien recognoissoient leurs Majestez, qu'il falloit que ce fust un homme de robe longue, et qui sçeust, comme l'on dit, *aller et parler*. Car puisqu'il falloit demander le Royaume à cinquante ou cent mil Gentilhommes, ils ne pouvoient estre gaignez que par oraisons publiques et autres discours, semez par le pays, et en langue cogneuë et entenduë par la pluspart des Eslecteurs".

[51]) Мы характеризовали Блеза Монлюка главнымъ образомъ на основаніи его драгоцѣнныхъ въ этомъ отношеніи записокъ: *Commentaires de Blaise de Montluc*, въ Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France, par *Michaud et Poujoulat*. Paris. 1838. VII, pass. Выраженія, отмѣченныя у насъ ковычками, принадлежатъ самому Блезу Монлюку.

[52]) *Comment. de Blaise de Montluc*, 4, 22, 31 sqq. — Двѣ оправдательныя записки Жана Монлюка по поводу его поступковъ въ Константинополѣ въ 1545 году, составленныя для Франциска I и для кардинала де-Турнонъ, помѣщены у *Шарьера*, I, 596—620. — Тамъ же, I, 327—329, напечатано весьма интересное письмо его къ кардиналу дю-Беллэ, въ которомъ подробно описывается его дерзкое дипломатическое путешествіе изъ Рима въ Тунисъ къ Барбароссѣ. — Рѣчь Жана Монлюка въ венеціанскомъ сенатѣ, помѣщенная во французскомъ переводѣ въ „Комментаріяхъ" его брата (p. 31—36), теперь напечатана въ итальянскомъ подлинникѣ въ *Papiers d'état de Granvelle*. — Для характеристики Жана Монлюка чрезвычайно важны донесенія *перваго* посла нѣмецкой имперіи въ Константинополѣ, Вельтвика, Карлу V (*Correspondenz des Kaisers Karl V*, выдержки у *Шарьера*, I, 580 sqq.) и два письма, отъ Красовскаго къ Екатеринѣ Медичи и отъ Монлюка къ Брюляру, напечатанныя въ III томѣ сочиненія *Ноайля* (стр. 216—218). — *Lettres de Mar-*

gueritte d'Angoulème, soeur de François I, Reine de Navarre, publ. par *Génin*. Paris. 1841. — *C. Schmidt:* Gérard Roussel. Strasbourg. 1845. — *Polenz*, B. I. — *Mémoires de Marguerite de Valois*, p. 6—7.— *Choisnin*, 204.

[53]) *Choisnin*, p. 215. — *Gratiani:* De vita Commendoni, p. 390 sq.— Полномочія и инструкціи, данныя Монлюку, помѣщены у *Ноайля*, III, 3—9. Они отчасти были напечатаны раньше въ *Revue rétrospective* и у *Шарьера*, III, 306 sq.

[54]) У Французовъ того времени было свѣжо воспоминаніе объ ужасной судьбѣ дипломатовъ, принадлежавшихъ не далѣе, какъ къ предшествовавшему поколѣнію. Въ 1541 году ихъ послы, Цезарь Фрегозъ и Антуанъ де-Ренконъ, отправленные въ Венецію и Стамбулъ съ весьма важными порученіями (дѣло шло о закрѣпленіи союза между Франціей, Турціей и Венеціей противъ Габсбурговъ), были разбойнически умерщвлены на рѣкѣ Пошайкой убійцъ, подосланныхъ Карломъ V. Самого Жана Монлюка держали въ Портѣ въ 1545 году, какъ плѣнника, а не какъ посла. *Mémoires de Martin du Bellay*, IX. — Письма епископа Монпелье къ Франциску I, у *Шарьера*, I, 493 sqq. — *Rapport de Jean de Montluc sur son ambassade*, тамъ же, стр. 597.

[55]) *Choisnin*, 218—227. — *Charrière*, III, 306. — *Thuani* Histor. l. LIII, 195 sq. — У *Шуанена* (226—229) приведены письма короля, Генриха анжуйскаго и Екатерины Медичи къ Монлюку, полныя соболѣзнованій и похвалъ ему по этому случаю.

[56]) Весьма интересныя подробности о путешествіи Монлюка черезъ Германію, опущенныя нами, читатель найдетъ въ запискахъ *Шуанена*, 229—241. — *Thuani*, ubi supra.

[57]) Это замѣчательное письмо Монлюка напечатано во французскомъ переводѣ въ *Mémoires de l'Estat de France sous Charles* IX, откуда заимствовалъ его *Ноайль* (II, 64—65). Латинскій текстъ его помѣщенъ у Оржельскаго. — *Choisnin*, 242. — *Fredro*, 50. — *Thuani* Hist. lib. LIII, 196 sq.

[58]) Это передѣланное, впрочемъ немного, письмо напечатано съ польскимъ переводомъ у *Broel-Plater:* III, 12—18; также при мемуарахъ Шуанена въ собраніи *Мишо* и *Пужуля*. — *Heidenstein*, 15. — Эта передѣлка письма, очевидно, смутила Реймана, который не обратилъ на нее вниманія: *Зибеля* Histor. Zeitschrift, 1864, I Heft; p. 82; Anmerk.

[59]) *Письмо Яна Красовскаго къ Екатеринѣ Медичи*. Noailles, III, 216. — *Постановленія касскаго съѣзда* въ рукоп. Имп. публ. библ. f. 161.

[60]) Шомбергъ писалъ герцогу анжуйскому между прочимъ: „Le roy de Suède promet de vouloir incorporer sa part de la Livonie et

aultres pays, où le roy de Dennemarck prétend quelque droit..... roy de Sweden, lequel seul vous peult nuire et qui fournist bonne somme de deniers à ceux de son party..... Il est à présumer, si quelqu' un ne vient à la traverse, que les Polonnais esliront le Muscovite". *Noailles*, III, 291—292, 297.

[61]) *Orzelski*: Bezkrólewie, I, 23.

[62]) Епископъ аксвій былъ сильно смущенъ извѣстіемъ о варѳоломеевской ночи, застигшемъ его на пути изъ Константинополя. Онъ испугался измѣненій во внѣшней французской политикѣ. Отправивъ коротенькое письмо къ Карлу IX, онъ вступилъ въ подробную переписку съ Екатериною Медичи, какъ съ главою государства. Вотъ какъ писалъ онъ ей между прочимъ: „d'autant que j'ay sceu ce qui estoit advenu à Paris le XXIV-e d'aoust dernier et craignant que cela n'ayt apporté quelque changement aux affaires de ma légation, j'ay prié mon cousin M-r de Montagnac d'aller devers vos maj-ez (Здѣсь разумѣются Екатерина Медичи и Генрихъ анжуйскій) et prendre son adresse à vous pour sçavoir ce qu'il aura à dire et à faire en sa charge, et s'en revenir résollu par vostre oracle. Car ayant eu la pratique et administration de l'estat de France depuis treize ou quatorze ans en ça, comme vous avez, c'est à V. M. de commander ce que l'on a à faire". *Charrière*, III, 315. — Англійскій посланникъ въ Парижѣ, Уэльсингэмъ, писалъ въ донесеніи своему правительству: «Le Roi, la Reine Mère, et Monsieur ont leur conseil à part: mais on ne communique jamais rien au Roi, que la matière n'ait été debatuë entre la Reine Mère et Monsieur, le Duc de Nevers et Tavannes. Le Duc de Nevers est presque tous les jours en conférence avec le Prince, le Nonce, l'Ambassadeur d'Espagne, et Jean Michal Ambassadeur extraordinaire de Venise. Ce qui se traite entr'eux est un secret impénétrable.... Si nous ne coupons le mal par la racine, je crains fort qu'on ne nous fasse déjeuner d'une saint Barthélémie ou qu'on ne nous régale *à la Florentine*. C'est ainsi qu'on apelle le massacre qui s'est fait ici.... Monsieur, quoi que je n'aye point d'ordre exprès de sa Majesté, de communiquer au Roi et à la Reine Mère la réponse qui a été faite aux propositions de leur Ambassadeur, j'ai néanmoins jugé à propos d'en entretenir la Reine Mère qui le tient le timon des afaires". *Walsingham*, 303, 314, 326.

[63]) Письма Карла IX къ дю-Феррье и Франсуа до-Ноайлю, *Charrière*, III, 309 sqq., 339 sqq. — *Walsingham*, 283 sqq. — *Martin*, IX, 312 sqq.

[64]) *Walsingham*, 285. — Французскій посланникъ въ Вѣнѣ, Вулкобъ, къ Карлу IX, изъ Пресбурга отъ 26 сент. 1572 года: *Noailles*, III,

213—215. Шомбергъ къ Екатеринѣ Медичи, герцогу анжуйскому и де-Лиможу, изъ Ратенау и Дрездена отъ 9 октября, 7 и 8 ноября 1572 года: *ibid*, III, 294—304.

[65]) Епископъ аксскій королевѣ-матери, Генриху анжуйскому и де Сому, изъ Рагузы въ концѣ 1572 и въ началѣ 1573 годовъ: *Charrière*, III, 315—324.

[66]) *Choisnin*, 214, 253.

[67]) Шомбергъ къ Генриху анжуйскому, изъ Дрездена отъ 7 ноября 1572 года: *Noailles*, III, 299. — Карликъ Красовскій къ Екатеринѣ Медичи, изъ Конина отъ 12 ноября: *ibid*, III, 216. — *Noailles*, II, 157 sqq, отчасти на основаніи *Les Histoires du sieur d'Aubigné*.—*Choisnin*, 257, 269. — *Thuani* Hist. lib. LV, 388. Де-Ту (LVI, 489) говоритъ даже, что нѣкоторые Поляки были очевидцами ужасовъ варѳоломеевской ночи: „... rem per se gravem et odiosam artificiose exaggerantibus competitorum legatis, nec non Polonis quibusdam, qui tunc Lutetia erant, et devitato periculo vix domum incolumes interim reversi fuerânt".

[68]) Вулкобъ къ Карлу IX; Красовскій къ Екатеринѣ Медичи: *Noailles*, III, 215—216.

[69]) Дю-Феррье къ Карлу IX, изъ Венеціи отъ 24 января 1573 года. *Chariére*, III, 343. *Choisnin*, 269.

[70]) *Broel-Plater*: Zbiór pamiętników, II, 34—37, 96—101; III, 44—55.

[71]) *Choisnin*, 204, 258—261, 275.

[72]) Красовскій къ Екатеринѣ Медичи: *Noailles*, III, 216 – Жанъ Монлюкъ къ Брюляру отъ 20 ноября 1572 года и 20 января 1573-го, *ibid*, III, 218, 223 sq.

[73]) Екатерина Медичи и герцогъ анжуйскій къ Шомбергу отъ 13 сент. 1572 года: *Noailles*, III, 293 sq.—*Walsingham*, 286, et pass.—*Charrière*, III, 326 sqq.—*Ranke*: Franz. Geschichte, I, 329 sqq.—*Martin*: Hist. de France, IX. 344 sqq. — Въ интересномъ письмѣ Селима II къ Карлу IX, поясненномъ письмомъ Могаммета Соколлы, заключалось между прочимъ слѣдующее: „Et che per tanto con uno nostro buono capitano, segondo il solito antico, vi si debbino mandare dui cento galere, che ai principi di giugno siano alla volta di Tolone; et che, fino à tanto, che non resterete di guerregiare in el detto nemico paese, ogni anno vi si debbino mandare le dette dui cento gallere, le quali siano per ajutare e favorire detta guerra... E che subito che si potrá, da una parte la M-à V-a et da una parte i detti principi di Allemagna, e della parte di Fiandra laditta regina d'Ingliterra movendo guerra ai danni del nimico si solliciterá. Fino a tanto che

con sincerità saranno vostri amici, e che della M-à V-a intenderemo la sua sadifatione, e a tali vostri amici noi sempre saremo loro amico in modo che sotto la vostra umbra saranno sighuri, etc". *Charrière*, III, 313 sq.

[74]) Карлъ IX къ аксному епископу отъ 30-го ноября 1572 года: *Charrière*, III, 339—348.

[75]) Вулкобъ писалъ Карлу IX изъ Пресбурга отъ 26 сентября 1572 года: «Lundy dernier un gentilhomme du pays de Slesie, voysin de la frontière de Pologne, nommé Sigismond de Curzbach, me veint trouver en mon logis de bon matin, et me dit comme je pouvois avoir entendu que Monseigneur vostre frère avoit esté nommé par aucuns palatins de Pologne pour estre eslu leur roy, et que il y en avoit plusieurs qui le desiraient, mais que les bruits de ce qui est advenu en France venoient bien mal à propos, d'autant qu'il y aurait beaucoup des dits sénateurs et autres seigneurs du pays qui en seroient scandalisés, estant plusieurs entre eulx protestans pour me prier de luy dire ce qui en estoit. Il ne m'a failly à luy faire entendre comme tout s'estoit passé, suivant ce que dessus, nommemant comme Vostre Majesté n'entendoit en rien rompre son édict de pacification, chose qu'il fut bien ayse de sçavoir; et me dist qu'il s'en voulait partir de là à deux ou trois jours pour aller en sa maison, où il pensait, qu'il trouverait des lettres au quelque personnage de la part de Vostre Majesté, et qu'il avoit grande espérance pour Monseigneur pourvu qu'on solicitast». *Noailles*, III, 215. — 31-го октября того же года Вулкобъ такъ извѣщалъ Карла IX о положеніи дѣлъ въ Польшѣ: «Pour ce qui est des choses de Pologne, il y a quatre sortes de discordes et différents principaux qui retardent fort l'élection du roy du dict pays, qui sont: de ceux de Lithuanie avec les Polonois; de la Pologne majeure avec la mineure, des barons avec le reste de la noblesse, et des catholiques avec les protestans. Et autre que chacune de ces parties est ainsi discordante avec sa contraire, encore chascun à part n'est en soy pas bien d'accord, ainsi que l'empereur disait naguères . . . . Les seigneurs du pays estoient en délibération de renvoyer les ambassadeurs qui résidoient auprès du feu roy; et quant a ceux qui estaient venuz depuis sa mort qu'ils voulaient bien ouir un chascun d'eux au commencement de la diète générale et puis les renvoyer hors du roy-me avant que de commencer de procéder à la susdite eslection. Il y en avoit un du G. S. qui exhortoit les dits seig-rs d'eslire un d'entre eux, leur promettant là dessus toute aide et faveur de la part de son maistre». *Charrière*, III, 339—340.

[76]) Переписка Шомберга съ герцогомъ анжуйскимъ и Екатериною Медичи: *Noailles*, III, 297—304.

[77]) *Choisnin*, 266. — У *Ноайля* (III, 218—222) напечатано весьма любопытное письмо Монлюка въ Карлу IX, отъ 22 января 1573 года, въ которомъ онъ учитъ своего короля, какія письма писать ему на-показъ Полякамъ. Тутъ внушаются и лесть «этой націи, желающей почета», и помѣтки заднимъ числомъ, и проч.

[78]) Мемуаръ, составленный Карломъ IX для епископа акскаго 17 декабря 1572 года. Отсюда видно, какъ хорошо Жанъ Монлюкъ понималъ Поляковъ: „l'Evesque de Valence a cogneu que ne leur en estant parlé avec toute douceur, les dits Polonnois, qui sont fort courageux et ne veulent estre conduits par braverie, seroient par tel moyen plus tost refroidiz qu'eschauffez à favoriser mondit seigneur (Генрихъ) en ladite élection, pour la recommandation dudit Grand Seigneur (султанъ)». *Charrière*, III, 346—347.

[79]) Этотъ списокъ, составленный въ декабрѣ 1572 года, помѣщенъ у *Шарьера*, III, 347—348.

[80]) *Choisnin*, 253, 257.—Красовскій къ Екатеринѣ Медичи: *Noailles*, III, 216—217. — Памфлетъ Жана Монлюка, въ латинскомъ подлинникѣ хранится среди корреспонденціи аббата Ноайля въ Парижѣ, въ историческомъ архивѣ Военнаго Депо. Его французскій переводъ помѣщенъ въ *Mémoires de l'Estat de France sous Charles IX*. Выдержки отсюда приведены у *Ноайля*, II, 128—129, 143—144.

[81]) Оффиціальное оправданіе варѳоломеевской ночи установилось, дня три спустя послѣ нея, какъ видно изъ депеши Карла IX къ де-ла-Мотъ-Фенелону, французскому посланнику въ Англіи, и изъ письма Вулкоба къ Карлу IX отъ 26 сентября. *Correspondance diplomatique de la Mothe Fénelon* (у *Ноайля*, II, 137—138); *Vulcob au roi* (*Noailles*, III, 213). Это оправданіе было разослано къ представителямъ Франціи въ Англіи, Германіи и Австріи. Въ Польшу оно не было отправлено, вѣроятно (въ чемъ мы согласны съ *Ноайлемъ*, II, 141), изъ боязни подвергнуть его опасной публичной критикѣ на сеймѣ. Монлюку пришлось распространять его путемъ памфлетовъ.

[82]) *Choisnin*, 267—268, 271. Особенно помогли Монлюку своими памфлетами Пьеръ Шарпантье, юрисконсультъ и псевдо-протестантъ, писавшій по приказанію Карла IX (см. отзывы о немъ противныхъ сторонъ: Монлюка—въ письмѣ къ Карлу IX, *Noailles*, III, 221, и Уэльсингэма, *Walsingham*, 360), и Пибракъ, одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ писателей „которому, говорили тогда, дворъ хорошо заплатилъ за эту услугу. Какъ Монлюкъ дорожилъ перомъ послѣдняго, видно изъ его письма къ королю: *Noailles*, III, 220 sq.

[83]) Относящіеся сюда памфлеты занимаютъ не послѣднее мѣсто въ библіографіи Струвія, которая не исчерпываетъ ихъ числа: *Struvii* Bibliotheca historica selecta, Ienae, 1740, 378 sq.—*Choisnin*, pass.—*Broel-Plater*, pass.—*Mém de l'Estat de France.* — *Thuani* Hist. lib LIII, 199 sqq.—*Noailles*, II, 156 sqq.

[84]) *Choisnin*, 268 sqq. Памфлеты, напечатанные у *Broel-Plater*'а, II, 38, 51—103.

[85]) Между Поляками находились до того любопытные, что имъ хотѣлось лично и на мѣстѣ освѣдомиться о главныхъ кандидатахъ на польскій престолъ. Шуаненъ разсказываетъ слѣдующее (p. 278—9): «Montluc fut visité par un Gentil-homme, apellé le sieur Martin Dobory, parent du Palatin de Lublin, qui pour lors venoit de Vienne, et s'estait trouvé au couronnement du Roy de Hongrie. Et dist, que voyant la contention qui estait entre les Gentil-hommes du pays pour l'élection de leur Roy, dont les uns disoient beaucoup de bien de l'Archiduc Ernest, les autres et en plus grand nombre parloient fort gratieusement du très illustre Duc d'Anjou..... et bien que ledict sieur Evesque y eust respondu suffisamment: toutefois la passion estait peult-estre cause qu'aucuns ne pouvoient comprendre la vérité. Voyant donc cette contention, luy comme amateur de sa patrie estait résolu de s'en venir en France. Et comme il avoit veu l'Archiduc Ernest, il verrait aussi ledict sieur Duc d'Anjou, et s'éclaircirait du bien et du mal». Монлюкъ превознесъ до небесъ это намѣреніе любопытнаго шляхтича и не только посовѣтовалъ ему ѣхать въ Парижъ, но далъ ему въ провожатые одного изъ своихъ агентовъ, дю Белле, конечно, съ шпіонскою цѣлію. Этотъ Добори былъ, по всей вѣроятности, одинъ изъ тѣхъ двухъ Поляковъ, которые прибыли съ дю-Белле во Францію въ мартѣ 1573 года. Они надѣлали не мало хлопотъ парижскому двору. Шомбергъ писалъ о нихъ Екатеринѣ Медичи изъ Туля отъ 2 марта 1573 года: «Le rapport qu'ils feront aux palatins de Pologne de l'estat de la France les fera foudre la résolution du faict de l'election; Votre Majesté sçaura bien le faire gaigner, et sur toutes choses gardés vous bien que personne parle à eulx qui vous puisse faire des mauvais offices, fondés sur ce qu'est advenu dernièrement en France; ou que quelqu'un de ceux leur communique, que pour leur intérest particulier voudroient ceste entreprince rompue. Il faudra faire traiter les dits Paulognoys honorablement et libéralement, c'est ce que demande ceste nation. Et fera on beaucoup si le roy et V. M. et principalement Monseigneur leur font quelque honeste présent et principalement au susdict conte». Вслѣдъ затѣмъ Брюляръ отправлялъ изъ Фонтенебло письмо за письмомъ къ Генриху ан-

жуйскому, убѣжая его отъ себя и отъ Екатерины Медичи въ своихъ рѣчахъ съ „польскимъ дворяниномъ“, который ищетъ свиданія съ нимъ, сообразоваться съ прилагаемыми посылками. А эти посылки были: послѣдняя депеша Жана Монлюка отъ 5-го февраля съ отвѣтомъ на нее королевы-матери да нимъ же составленная новая записка о томъ, какъ нужно говорить съ Поляками „о случившемся въ Парижѣ“. Карлъ IX, съ своей стороны писалъ брату слѣдующее, чтобы «приготовить его къ пріему» одного изъ двухъ Поляковъ, прибывшихъ во Францію: „Surtout il faudra prendre garde qu'il ne communique avecques beaucoup de gens, le dépescher incontinant et ne le retenir longuement pardelà afin que les uns et les autres qui ont mauvaise volonté, ne le puissent alhéner. Je le feray accompaigner de quelqu'un qui sera accort et fidelle, lequel aura charge de ne l'abandonner aucunement et l'observer, et je vous escriray par luy ce que j'auray appris d'eulx“. *Noailles*, III, 224—226, 309

[86]) Красовскій къ Екатеринѣ Медичи: *Noailles*, III, 217.—*Choisnin*, 266—285,—*Orzelski*, I, 23—24.

[87]) *Choisnin*, 260—282. — Монлюкъ къ королю отъ 22 января 1573 года: *Noailles*, III, 219.

[88]) Изданные теперь французскіе дипломатическіе акты вполнѣ выясняютъ политику Изабеллы, матери и опекунши Сигизмунда Запольи. Напрасно нѣмецкій императоръ, Фердинандъ I, сильно желавшій пріобрѣсти Трансильванію, пользуясь малолѣтствомъ Сигизмунда увѣрялъ султана, будто „его *принуждаетъ* къ этому сама королева Изабелла, которая безпрестанно убѣждаетъ и заставляетъ его взять это государство, даже угрожая пожаловаться на него всѣмъ остальнымъ христіанскимъ принцамъ, если онъ не освободитъ ее отъ рукъ Турокъ, этихъ, по ея словамъ, собакъ и невѣрныхъ“ (Письмо французскаго посла въ Турціи, Кодиньяка, къ Генриху II, отъ 20 мая 1555 года. *Charrière*, II, 336). Въ Портѣ хорошо знали, что въ этихъ фразахъ «нѣтъ ничего вѣроятнаго» и что «бумага все терпитъ». Кодиньякъ доносилъ своему двору, что главное желаніе Изабеллы — посадить своего сына на польскій престолъ. Поэтому она „открыто внушаетъ ему презрѣніе ко всей этой венгерской націи и отвлекаетъ его отъ ея дѣлъ, все толкуя ему про Польшу“. И воевода краковскій уже ручался ей въ письмѣ, что по смерти польскаго короля его преемникомъ будетъ непремѣнно избранъ ея сынъ, благодаря содѣйствію воеводы виленскаго (*ibid.* 357, 368).

[89]) Франсуа де-Ноайль писалъ герцогу анжуйскому изъ Гагузы отъ 13 января 1573 года: «Ce tonnerre (военныя приготовленія Турокъ) menace la Polongne ou la Transilvanie, pour la facile conqueste de l'un, à présent que le pays est sans chef et les principaux

d'icelluy tous divisez; et se vanger de ceux qui, alliez avec l'ancien vaivoda de Bolgdavie (Богданъ), ont favory ses dernières armes pour se remettre dans la forteresse de Cocin (Хотинъ). Et quand à la Transilvanie j'entends que le s-r Begue, qui fust exclus de l'élection, remue toujours quelque chose pour esmouvoir le pays contre le nouveau roy." *Charrière*, III, 325. — Кардиналъ Рамбулье, французскій посолъ въ Римѣ, доносилъ Карлу IX отъ 7 мая 1571 года: „Il y en a qui ont opinion que depuis la mort du Transilvain, l'empereur y entreroit fort volontiers, ou pour le moings qu'il désireroit bien qu'elle (la ligue) ne fust poinct du tout rompue, affin que, soubz la réputation et apparence d'une ligue, il peult mieulx accommoder ses affaires en Transilvanye, ce que les deportementz de son ambassadeur qu'il a icy me font aisément croire." *Ibid.*, III, 148–149

[80]) Политическая связь между Венгріей, Трансильваніей и Франціей началась даже раньше связи Франціи съ Портой. Приготовляясь къ походу противъ Карла V, окончившемуся его плѣненіемъ, Францискъ I отправилъ посольство въ Польшу и Венгрію съ цѣлію поднять ихъ противъ Австріи, еще не думая о союзѣ съ Турками, который прямѣе велъ къ этой цѣли. Послѣ катастрофы при Могачѣ Францискъ I, въ спорѣ за венгерское престолонаслѣдіе, рѣшительно сталъ на сторону Іоанна Запольи и Турокъ противъ Фердинанда, эрцгерцога австрійскаго, въ чемъ соглашались съ нимъ и Англія и Венеція. Онъ дѣятельно хлопоталъ за Заполью даже у Сигизмунда I польскаго, дяди погибшаго при Могачѣ Людовика II. (Письмо Сигизмунда I въ Франциску I 1524 года. *Charrière*, I, 149–151). За все свое усердіе онъ былъ отлично вознагражденъ: въ 1528 году Іоаннъ Заполья заключилъ съ нимъ договоръ, которымъ передавалъ, послѣ своей смерти, венгерскую корону второму сыну Франциска, Генриху, герцогу орлеанскому. (Этотъ договоръ впервые напечатанъ у *Шарьера*, I, 162–169. Въ 1540 году венгерскіе вельможи сами просили у султана позволенія выбрать себѣ въ короли герцога орлеанскаго и „никого болѣе" въ случаѣ смерти дитяти Іоанна Запольи. *Ibid.*, I, 460). Въ то же время Францискъ I готовъ былъ отъ всей души женить Заполью на Француженкѣ (Его письмо къ І. Запольѣ 1526 года; *ibid.* 155–158), о чемъ просилъ его самъ венгерскій король (*Mémoires de M. du Bellay*, IV, 97). Въ 1557 году Изабелла венгерская вступила въ переговоры съ Генрихомъ II о бракѣ своего сына съ Француженкой. (Письма французскаго посланника въ Стамбулѣ, де-ла-Виня, къ Генриху II и Генриха II къ де-ла-Виню. *Charrière*, II, 418, 422). Сигизмундъ Заполья, плохо поддерживаемый Франціей и стѣсняемый требованіями Турціи, рѣшился наконецъ, вопреки ненависти Мадьяръ къ Нѣмцамъ, измѣнить внѣшнюю по-

литику Венгріи, которая становилась уже традиціонною. Онъ тайкомъ заключилъ съ Максимиліаномъ II наступательный и оборонительный союзъ противъ Порты. Но это было наканунѣ его смерти, снова направившей венгерскую политику на старый путь, съ котораго она уже почти не сходила въ теченіе цѣлаго столѣтія. Стефанъ Баторій, тотчасъ послѣ своего избранія, просилъ Карла IX и султана устроить его бракъ съ какою-нибудь Француженкой. Карлъ IX не замедлилъ порекомендовать ему «la damoiselle de Chasteauneuf, l'une des plus honnestes, belle et vertueuses damoiselles qui se prisse voir». *Charrière*, III, 148, 325.

[91]) Litterae ab ill-mo Principe Ioanne Georgio Marchione Brandenb. ad ordines R. Poloniae missae, datae Custini, 24 sept. 1572. *Рукопись Имп. публ. библ.*, f. 165 Это письмо оканчивалось такою угрозой на случай, если Поляки не дадутъ герцогу прусскому должнаго мѣста въ сенатѣ: „.... ne nobis ex hac inter vos a paucis mota controversia in eo quod ex pactionibus, quas cum Poloniae Regno habemus, aliquid praejudicii fiat».

[92]) *Gratiani*: De vita Commendoni, p. 387.—Неосторожно кинутому здѣсь намеку на продажность Яна Фирлея нельзя придавать никакого значенія. Не говоря про личныя свойства воеводы краковскаго ни одно современное свидѣтельство не подтверждаетъ этого показанія, уже потому шаткаго, что оно принадлежитъ заклятому врагу протестантовъ и находится въ сочиненіи, гораздо болѣе похожемъ на памфлетъ, чѣмъ на историческій трудъ. Изъ позднѣйшихъ историковъ этотъ намекъ рѣшились заимствовать у Граціани лишь католики, компилировавшіе его сочиненіе, какъ, напримѣръ, *De la Bizardière*: Historie der Polnischen Wahl-Tage. Aus d. franz. Stockholm, 1733, p. 8—9. - Вѣроятно, и *Шуаненъ* (p. 249) главнымъ образомъ имѣлъ въ виду Яна Фирлея, приписывая однако ему совсѣмъ другія побужденія: „Son (герцога прусскаго) fait estoit porté par de grands personnages, qui par ce moyen pensoient faire le bien de leur pays".—Шомбергъ къ Генриху анжуйскому, изъ Касселя отъ 29 августа 1572 года. *Noailles*, III, 2[01].

[93]) См. весьма характеристичную для автора инструкцію, составленную герцогомъ прусскимъ своему посольству отправленному на конвокаціонный сеймъ. *Рукопись Имп. публ, библ.* f. 186—190. — *Датскія дѣла*, въ Моск. архивѣ мин. ин. дѣлъ, № 2.—*Choisnin*, 248 249.—*Gratiani*: De vita Commendoni, p. 388. — *Orzelski*, I, 10. *Broel-Plater*, II 77.

[94]) Шомбергъ къ Генриху анжуйскому отъ 29 августа и 7 ноября 1572 года. *Noailles*, III, 291, 297: „Les estats de son royaume ne le permetteront jamais et s'il s'y joue de le vouloir faire, ils lâcheront son frère prisonnier et le remetteront á la couronne en

jetant celuy-cy dehors“.—Literae a Suecorum rege ad ordines R. Poloniae, отъ 4 августа 1572 года: *ibid*, III, 173.—*Gratiani*: De vita Commendoni, p. 387.—*Choisnin*, 248.

[95]) Lit. a Suecorum rege ad ord. R. Pol. *Noailles*, III, 173.—*Carncovii* Epistolae, p. 1729.—Lit. a Suec. rege ad ord. R. Pol. отъ 6 августа 1572. *Рукопись имп. публ. библ.*—Письмо Сиротки Радзивила къ дядѣ отъ 15 іюля 1572 года, въ *Архивѣ Радзивиловъ* въ Имп. публ. библ.—*Heidenstein*, 28.—Rozmowa kruświcka: *Broel-Plater*, II, 77.

[96]) *Gratiani*: De vita Commendoni, 394—396.—*Choisnin*, 250.

[97]) Rozmowa Kruświcka: *Broel-Platur*, II, 63—83.—*Gratiani*: De vita Commendoni, p. 397.

[98]) *Heidenstein*, 28.—*Gratiani*: De vita Commendoni, p. 396.

[99]) Cifra del Cardinal Commendone Legato in Polonia 1 di Gennaro 1573: *Turgenevii* Hist. Russiae monimenta, I, 233—234.—Rozmowa Kruświcka: *Broel-Plater*, II, 64.

[100]) Stanislao Carncovio Nic. Kossobucius, Zenibog, 1 decembris 1572: *Carncovii* Epistolae, p. 1836 sqq.

КЪ ГЛАВѢ VI-й.

[1]) *Stanislai Sarnicii* Annales въ Гюйссеновомъ изданіи Длугоша, II, 1190.

[2]) Это неточное названіе «созывающаго» сейма, приличное каждому генеральному сейму, осталось съ 1573 года попреимуществу за сеймомъ, слѣдующимъ непосредственно послѣ смерти короля. Съ этихъ поръ конвокація всегда происходила въ Варшавѣ, что, ровно черезъ сто лѣтъ, подтвердилъ даже законъ, требовавшій только, чтобы всякій третій генеральный сеймъ устраивался непремѣнно въ Гроднѣ. На ней предсѣдательствовалъ примасъ въ креслѣ посреди залы, надъ которымъ шляхта никакъ не позволяла ставить балдахинъ. Посольскою избой руководилъ маршалокъ, объ избраніи котораго заявлялось сенату чрезъ особую депутацію, причемъ шляхта требовала, чтобы она сидѣла, а не стояла въ сенатѣ. Послѣдній, въ свою очередь, отправлялъ въ посольскую избу избранныхъ изъ Малой и Великой Польши и Литвы депутатовъ просить ее соединиться съ сенатомъ. Для скорѣйшаго хода дѣлъ обыкновенно обѣ избы не разлучались до конца сейма. Въ польскихъ законахъ никогда не было опредѣлено, сколько времени должна длиться конвокація. Въ созывающемъ универсалѣ примаса обыкновенно указывалось на возможно скорѣйшее ея окончаніе, а въ 1696 году даже на двѣ недѣли ея существованія. Но эта же конвокація 1696 года продлилась гораздо болѣе и, когда нѣкоторые просили позаняться еще нѣсколько времени, одинъ изъ пословъ „не позволилъ“ — и конвокаціонный сеймъ впервые былъ сорванъ. Кромѣ назначенія избирательнаго термина, на конвокаціи обыкновенно разсматривали множество дѣлъ, рѣшеніе которыхъ нельзя было отложить безъ ущерба для благосостоянія и безопасности страны, такъ что тутъ государственные чины пользовались не меньшею властію, чѣмъ на всякомъ другомъ сеймѣ при жизни короля. Конвокація выслушивала иностранныхъ пословъ, отвѣчала на грамоты ихъ монарховъ и отправляла своихъ пословъ къ заграничнымъ дворамъ. Она назначала коммиссаровъ для завѣдыванія казначействомъ и государственными дохо-

дами (кромѣ королевскихъ). Она даже принимала присягу отъ сенаторовъ, только что назначенныхъ покойнымъ королемъ и не успѣвшихъ совершить этого обряда: и при этомъ шляхта старалась иногда показать свою силу, не допуская къ присягѣ непріятныхъ ей лицъ. Конвокація выбирала также помощниковъ примасу на время безкоролевья, которые собственно и завѣдывали дѣлами страны. Впрочемъ примасу предоставлялись лишь второстепенныя дѣла: важныя же конвокація или рѣшала сама или весьма часто откладывала до избирательнаго сейма. Такъ жалобы на нарушенія частныхъ и общественныхъ правъ (exorbitancye) обыкновенно предоставлялись избирательному сейму съ тѣмъ, чтобы онъ занялся рѣшеніемъ ихъ прежде всѣхъ другихъ дѣлъ и непремѣнно прежде избранія короля. — *Lengnich*, II, 3; въ пол. перев. p. 36—41. — *Harthnoch*, 289—292.

[3]) Присутствіе въ посольской избѣ незваныхъ гостей изъ шляхты несомнѣнно доказывается замѣчаніемъ, брошеннымъ вскользь у *Гейденштейна* (p 18): «.... ad eos (nuncios) allegati (сенаторы) cum aliis omnibus remotis, ipsis tantum nunciis secretissime placaque exposuissent».

[4]) Такъ обыкновенно поступала шляхта въ своей сеймовой практикѣ до этого времени. Такъ поступила она и теперь, что доказывается и источниками и документами. Въ инструкціи посламъ краковскаго и сандомирскаго воеводствъ сказано: «A mimo to (что обозначено въ инструкціи), aby się I. M. Panowie bracia nasi, ni w co innego nie wdawali, y lehmościów prożbami swemi, a trzebali, protestacyami do tego przywodzil». Инструкція посламъ отъ шляхты всѣхъ русскихъ земель начиналась такъ: «Którym to poslom zamierzona moc dawamy, aby na tey konwokacyi inszego nic nie sprawowali ani wnaszali, ieno to co tu iest niżey opisano». Только въ люблинской инструкціи встрѣчаемъ позволеніе посламъ согласиться съ другими товарищами касательно дѣлъ, не упомянутыхъ въ ней. См. рукопись Имп. публ. библ. f. 124—132. Другихъ инструкцій мы не нашли въ этой рукописи. Но точно также не имѣлъ ихъ подъ рукою и *Новайль*, помѣстившій въ приложеніяхъ къ своему сочиненію (III, 229—240) только три, указанныя нами. Тѣмъ болѣе непонятенъ, даже съ точки зрѣнія тенденціозной, источникъ слѣдующаго ложнаго его сужденія (II, 190): «.... l'assemblée (конвокація) avait sa pleine liberté d'action, car les instructions des diétines, généralement assez vagues ou se contredisant entre elles, ne pouvaient lier les députés; la plupart etaient même investis de pouvoirs illimités».

[5]) *Carncovii* Epistolae, p. 1830.

[6]) *Heidenstein*, p. 17.—Въ Рѣчи Посполитой строго соблюдался обычай избранія *маршалка посольской избы* и чередованія между ея главными частями въ этомъ отношеніи. Сеймъ, на которомъ былъ коронованъ Генрихъ анжуйскій, уже поспѣшилъ загладить нарушеніе этого обычая, которое позволила себѣ конвокація 1573 года (*Heidenst.* p 53, 56). И съ той поры во главѣ посольской избы всегда стоялъ маршалокъ. Особенно Литовцы дорожили соблюденіемъ тутъ очереди. Когда въ 1696 году референдарій Щука предложилъ или вовсе обойтись безъ маршалка, или избрать его по общему согласію всей посольской избы, не обращая вниманія на очередь, они главнымъ образомъ воспротивились этому и старый обычай былъ спасенъ. Въ 1699 году онъ былъ утвержденъ закономъ, требовавшимъ, чтобы всегда на первомъ сеймѣ „маршалковалъ" Великополянинъ, на второмъ Малополянинъ, на третьемъ (непремѣнно въ Гроднѣ) Литовецъ. Не мудрено, что этому званію придавалось такое большое значеніе. Маршалокъ посольской избы былъ душею сеймовыхъ засѣданій. Отъ его направленія и ловкости зависѣлъ въ значительной мѣрѣ самый сеймъ. Онъ предлагалъ посламъ вопросы для обсужденія, узнавалъ ихъ желанія, разрѣшалъ имъ говорить, усмирялъ спорящихъ и строптивыхъ, прекращалъ шумъ и крики ударомъ своего жезла въ землю и приказаніемъ замолчать, а упорныхъ подзывалъ къ себѣ и поднятіемъ надъ ними жезла отдавалъ ихъ подъ судъ всей избы. Понятно, какую услугу онъ могъ оказывать и шляхтѣ, и королю, и что значило, чью сторону онъ держитъ. Оттого онъ нерѣдко, кромѣ обычнаго жалованья (отъ 40 до 60 тысячъ злотыхъ), получалъ въ награду участки изъ королевскихъ имѣній и даже званіе сенатора. Впрочемъ въ сенатѣ маршалокъ посольской избы и безъ того занималъ почетное мѣсто. Онъ засѣдалъ тамъ на низкомъ обитомъ краснымъ сукномъ стулѣ, который, хотя и былъ безъ ручекъ и спинки, зато выдвигался изъ рядовъ сенаторскихъ креселъ даже болѣе, чѣмъ кресла маршалковъ великихъ короннаго и литовскаго. Только свой жезлъ онъ отдавалъ кому-нибудь, входя въ залу сената, и его держали вдали, позади земскихъ пословъ, которые обыкновенно располагались за креслами придворныхъ членовъ.—*Lengnich*, II, 3; IV, 2 (въ пол перев. стрр. 36—37, 349—356).—*Hartknoch*, II, 285.

[7]) На этомъ, дѣйствительно, особенно настаивали инструкціи земскихъ пословъ. Прямое указаніе на это находимъ также у *Шуанена* (p. 287), *Бѣльскаго* (I. 663), въ отчетѣ краковскихъ пословъ о варшавской конвокаціи (*Broel-Plater*, III, 31 sqq.), въ донесеніи Вулкоба Карлу IX (*Noailles*, III, 264).

[8]) Этотъ важный фактъ доказывается, кромѣ общаго хода дѣлъ на конвокаціи, отчетомъ о ней Краковянъ (*Broel-Plater*, III, 31—35) и *Гейденштейномъ* (p. 19).

[9]) Отчетъ Краковянъ (*Broel-Plater*, III, 31). Самая рѣчь шляхты, конечно, не существовала въ той формѣ, въ какой она приведена у *Фредро*, (p. 28—29). Въ документахъ, доступныхъ намъ, ея не сохранилось. У точнаго и правдиваго *Гейденштейна* содержаніе спора изложено иначе, чѣмъ у Фредро. У послѣдняго эта рѣчь—обращикъ подражанія источникамъ классической древности и блестящихъ риторическихъ измышленій, проходящихъ по всему его сочиненію.

[10]) Протестація ссылалась именно на законъ Казиміра III относительно кардинальскаго достоинства (составленный на піотрковскомъ сеймѣ 1451 года), въ которомъ, дѣйствительно, ни разу не упомянуто: „примасъ королевства", а говорится лишь объ „архіепископѣ гнѣзненскомъ" или о „Primates sedis Metropolitanae Gnesnensis" (*Vol. leg.* I, 77—78). О другомъ законѣ, принадлежащемъ королю Александру и не сохранившемся до нашего времени въ протестаціи сказано такъ: „Isz w Przywileju Krolia Alexandra mianuje I. M. Xiedza Arcibiskupa Gniezn. na iednem mieyscu, a z poczatku, *Primatem Regni*, a potem kiedy iusz inseruje Decret oycza swego, thedy go mianuje *Primatem Sedis ejusdem*. Thedysmy nigdy inaczey u sziebie takiego Primastwa nie rozumieli, iedno tak, iako verba Privilegii sonant; tho iesth że Primas I. M. bycz raczy Sedis Gnesnensis".

[11]) *Protestatio Varschaviae in Convocatione a quibusdam nunciis terrestribus contra autoritatem Primatis Regni facta*, въ рукописи Имп. публ. библ. f. 271—273. (Cf. *Bielski*, 663.—*Heidenstein*, p. 19.) Она напечатана у *Broel-Plater*'а (III, 37—40) съ поразительною небрежностію, свойственною этому издателю Тутъ встрѣчаются опущенія словъ, нарушающія всякій смыслъ; вмѣсто „Leszka króla" стоитъ «laska króla»; вмѣсто яснаго права примаса «na króla siem skladacz»; явилось таинственное „na króla się składać"; и костницкій соборъ, вѣроятно, по прихоти наборщика, отнесенъ къ 1477 году.

[12]) *Бѣльскій* (f. 664—667), съ любовью изложившій защиту Якова Уханскаго во всѣхъ подробностяхъ, такъ выражаетъ это любопытное притязаніе польскаго примаса: „Wielki Kazimirz w Przywileiu swym na ugodę około dziesięcin miedzy Arcybiskupem y Szlachtą Wielgopolską danym, zowie Arcybiskupa *pierwsze* Xiąże: co więtsza aniżby go zwal Primas, bo iuż ten tytul to iest pierwsze Xiąże nie może się na rzeczy kościelne sciągać, iedno na rzeczy swieckie, y do R. P. Swieckiey ten tytul należy, w ktorey są Senatorowie iako Xiążeta insze, a on miedzy nimi iako Xiąże pierwsze".

[13]) *Bielski*, 664 sqq.—*Heidenstein*, 19—21.

[14]) *Heidenstein*, 21.

[15]) Изъ собственнаго письма Стан. Карнковскаго къ Яну Гербурту: *Carncovii* Epistole, p. 1830.

[16]) *Heidenstein*, 17.

[17]) *Choisnin*, 285—288. — *Gratiani*: De vita Commendoni, 399 sq.—*Charrière*, III, 350.

[18]) *Choisnin*, 285.—*Gratiani*, 399 sq.— Записка объ убыткахъ подданныхъ герцога прусскаго помѣщена въ рукописи Имп. публ. библ. f. 190 sq.

[19]) Грамота князя слуцкаго и отвѣтъ ему конвокаціи находятся въ рукописи Имп. публ. библ. с. 176 180.—Отчетъ Петра Зборовскаго и Яна Томицкаго, представленный конвакаціонному сейму: *Broel-Plater*, III, 1—4. Cf. *ibid.*, 20—21.—*Bielski*, 657—660.—*Heidenstein*, 18—19.—*Choisnin*, 289.—Инструкція Воловичу и Пацу, отъ 3 января, помѣщена въ рукописи Имп. публ. библ., f. 176—180.

[20]) «Mieysce Seymom Walnym Koronnym w Polszcze, iako ie składać mamy, tak iuz Warszawę na to naznaczamy: wszakże gdzieby *casus* iaki przypadł znaczny, żeby tam złozon y trzyman bydź nie mogł, wolno Nam będzie, za dołozeniem y radą Panow Rad oboyga narodu, tam go złozyć, gdzieby *commodius* bydź mogło w Polszcze». *Vol. leg.* II. 92—93.

[21]) *Edictum s. proclamatio electionis* въ рукописи Имп. публ. библ. f. 238 (*Noailles*, III, 244).—Cf. *Bielski*, 667.—*Heidenstein*, 18, 22.—*Gratiani*, 398. — *Lelewel*: Considérations sur l'état politique de l'ancienne Pologne, § 64. — *Пилинскій* (66—67) не понялъ значенія избирательнаго времени и потому здѣсь его изложеніе смутно и рѣшеніе конвокаціи оцѣнено имъ невѣрно.—Касательно времени открытія избирательнаго сейма документы рѣшаютъ въ пользу *шестаго* апрѣля споръ между 5, 6 и 7 числами, которыя доселѣ принимались различными авторами.

[22]) Монлюкъ писалъ Карлу IX отъ 22 января 1573 года (Noailles, III, 217 sq.) „La résolution de la diette vous est partie favorable et partie contraire, car pour le lieu de l'élection l'on ne pouvoit mieux faire pour vous qu'ils ont fait, car ce sera à Varsovie, qui est le chef du pays de Mazovie, lequel pays est du tout à vostre dévotion, qui a esté gaigné par les moyens que vous a dict Balagny, qui despuis ont estez bien suiviz et continuez; et à ce jour là conviendra toute la noblesse dudict pays qui est fort grande pour la commodité qu'ils auront de n'aller pas loing de leur mayson: le terme de l'élection remys au cinquième d'avril nous pourrait apporter beaucoup. de mal pour le loisir que l'on donne aux brigueurs de faire leurs pratiques". То же самое говоритъ *Шуаненъ* (p. 290) о мѣстѣ избранія: „L'article fust grandement en nostre faveur, parce que la Noblesse de Mazowie qui n'est pas moindre de trente ou quarante mil Gen-

tilshommes, monstroit de vouloir plustost favoriser nostre party, que nul des autres, et qui pouvoit avec grande commodité venir à ladicte Diette, et s'en retourner quand bon lui sembleroit".

[23]) *Artikuly, dobro R. P. opatrzuiąc i porządek do elekcyi nowego króla czyniąc, w Warszawie na zgromadzeniu pospolitem zezwoleniem przez wszystkie stany panstwa zgodnie uczynione*, въ рукописи Имп. публ. библ.—Cf. *Broel-Plater*, III, 25—27.—Переводъ этого документа на французскій языкъ, заимствованный изъ корреспод нціи Ноайля (она хранится въ историческомъ архивѣ Военнаго Депо въ Парижѣ), помѣщенъ у *Ноайля* (III, 244—247).—*Orzelski*, I, 29—30. — *Bielski*, 667 sq.—*Отъ чиновъ королевства данцигскому сенату*, въ рукописи Имп. публ. библ.—*Heidenstein*, 22—23.—*Carncovii* Epist. p. 1831.—Отчетъ Краковянъ: *Broel-Plater*, III 33.

[24]) *Heidenstein*, 5.—*Lengnich*, I, 2 (въ пол. перев. стрр. 44—45).—*S. Hüppe*. Verfassung der Republik Polen. Berlin, 1867, p. 99—100.

[25]) *Heidenstein*, 22.

[26]) Iana Zamoyskiego przy założeniu akademji Zamoyskiej do Polaków odezwa, у *Нѣмцевича*, IV, 92 sqq.

[27]) Rada sprawy wojennej przez Iana Zamoyskiego spisana: *Broel-Plater*, II, 223—246.

[28]) Рѣчь Яна Замойскаго на сеймѣ 1597 года, у *Вишневскаго*: Historya literatury polskiej, IX, 442—444.—Письмо Павла Уханскаго къ Яну Замойскому отъ 15 мая 1584 года: *Broel-Plater*, II, 208 sq. — *Niesiecki*: Herbarz, X, 65 и др.—Рѣчь Замойскаго на сеймѣ 1585 года по поводу суда надъ Самуиломъ Зборовскимъ: *Broel-Plater*, 176, 180.—Письмо Фирлея, каштеляна войницкаго, къ своему сыну: *Niemcewicz*, IV, 95—107.—*Stan. Krzystyanowicz*: Regni Poloniae descriptio (въ эльзевир. изд.: Respublica s. status R. Pol. etc. Lugd. Batav. 1627, p. 18—20). — На основаніи всего упомянутаго, мы считаемъ совершенно ошибочнымъ приложеніе вообще очень мрачнаго взгляда *Пилинскаго* на Поляковъ и ихъ исторію къ характеристикѣ Яна Замойскаго, котораго онъ упрекаетъ (p. 70) въ сознательномъ „пожертвованіи истиннымъ интересомъ, истинною независимостію своего сословія собственному желанію популярничать».

[29]) *Heidenstein*, 22. — *Fredro*, 33.

[30]) *Бѣльскій* такъ разсказываетъ объ этомъ фактѣ (fol. 561): «Do Krakowa sie też wiele Panow na Koronacyą ziechało. Był Albrycht Xiąże Pruskie, y Wilhelm Margrabia brat iego, Arcybiskup, y dziewięc Biskupow, Pan Krakowski, Woiewod czternascie, Kasztellanów ośmnaście, Sufragani dwa, y Opatow sześć, byli y Poslowie od wszytkich Woiewodztw y od wiela miast, także barzo wiele

Szlachty. Dnia naznaczonego Zygmunt Wtory na Krolestwo Polskie pomazan y koronowan w dziesiąci lat, w Krakowie w kościele S. Stan. Koronatorem iego był Ian Laski Arcybiskup Gnieźnieński».

[31]) Въ законѣ 1530 года между прочимъ сказано: Nos Sigismundus, manifestum facimus per praesentes universis, quia licet mos fuerit antiquus Regni nostri, ut decedentibus Regibus et Regno vacante, Domini Consiliarij status utriusque capto invicem mutuo consilio, Conventum electionis Generalem statuerent; et illum omnibus membris et Ordinibus Regni pro tempore denuntiarent, ut unusquisque qui vellet ad illum venire posset, qua tamen in eligendo... Filio nostro charissimo mos ipse praetermissus fuit, non data opera, sed quod Nobis viventibus, et Regno nondum vacante magisque Divina ordinatione, quam humano consilio, electio ipsa Majestatis suae contigit, considerantes tantam omnium subditorum nostorum erga Nos... observantiam, ut hanc ipsam electionem filij nostri Serenissimi, utcunque praeter veterem consvetudinem factam, approbaverint et gratam habuerint, nolentesque ut per hujusmodi electionem, aliquid in posterum mori antiquo derogaretur: decernimus, ut deinceps quotiescunque... electionem quomodocunque celebrari contigerit, Domini Consiliarij ordinis utriusque antequam ad electionem procedant prius juxta veterem consvetudinem Conventum electionis Generalem statuant; et ipsum universis regnicolis et dominis in tempore declarent, ac electionem in eodem Conventu, juxta veterem consvetudinem celebrent». А въ законѣ 1538 года мы читаемъ: „aeviternis temporibus observandum: ut si quid de Rege Poloniae factum sit, eumque ex vita excedere contigerit, secundum veterem morem consvetudinemque et statuta Regni generalia, Comitia Regni edicantur, ad novum Regem eligendum; fiatque electio Regis libera, ita, ut ex omnium Regni Senatorum, Consiliariorumque Praelatorum, Baronum, Militum, Nobilium, quicunque Comitia ista obierint, eisque interfuerint, consensu et voluntate, novus Rex eligatur et denuncietur". *Vol. legum*, I, 245, 254.

[32]) *Heidenstein*, p. 22. — Точно также, какъ Янъ Замойскій, вождь политической партіи, понялъ эти законы и новѣйшій историкъ описываемаго безкоролевья, *Ноайль* (II, 185 sq): „...le roi Sigismond I publia deux édits consécutifs, en 1530 et en 1538. Il y était formellement déclaré que toute la noblesse devait prendre part à l'élection. Les expressions étaient, on le voit, d'une précision inattaquable, et la Convocation de Varsovie, en appelant toute la noblesse à l'élection, ne fit qu'appliquer le droit écrit".

[33]) *Heidenstein*, 22.—*Fredro*, 33.

[34]) *Artikuły, dobro R. P. opatrzuiąc* etc. въ рукописи Имп. публ. библ. - *Инструкція посламъ на конвокацію отъ рыцарства всѣхъ земель русскихъ*, тамъ же (*Noailles*, III. 237 sq).

[35]) *Articuły, dobro R. P. opatrzuiąc* etc., въ рукописи Имп. публ. библ.—*Edictum s. publicatio electionis*, тамъ же.—*Petit mémoire sur la manière dont doit se faire l'élection*, у *Ноайля*, III, 277 sq.—*Carncovii* Epistolae, p. 1830 sq.—*Heidenstein*, 23.—*Orzelski*, I. 31 sq.—

[36]) Вотъ сущность этого закона, проникнутаго характеромъ среднихъ вѣковъ (данъ въ Велюнѣ въ 1424 году): „... sub dissimulatione praeterere non debemus imo arcemur Divinae legis perpetuis institutis, pestiferos haeretigorum errores, quos in Dei contemptum et in Chrichianae fidei detrimentum et enervationem politiaeque jacturam, iniqua perversorum corda conflaverunt, etiamsi quaecunque oporteret Nos subire pericula, a finibus nostris propulsare, et in gladio deijcere, ut qui censura ecclesiae non terrentur, humana severitate mulctentur..... Quicunque in Regno nostro Poloniae et Terris Nobis subjectis haereticus, aut haeresi infectus vel suspectus de eadem, fautor eorum vel director repertus fuerit, per Nostros Capitaneos etc., *velut Regiae Majestatis offensor* capiatur, et juxta exigentiam excessus sui puniatur..... Omnia bona ipsorum (еретиковъ) mobilia et immobilia in quibuscunque rebus consistentia publicentur thesauro Nostro confiscanda, prolesque eorum tam masculina, quam faeminea omni careat successione perpetuo et honore, nec unquam ad aliquas assumatur dignitates vel honores, sed cum patribus et progenitoribus suis semper maneat infamis: nec de caetero gaudeat aliquo privilegio nobilitatis vel decore". *Vol. legum*, I, 38.

[37]) *Gratiani*: De vita Commendoni, p. 401.—*Heidenstein*, p. 21.

[38]) *Articuły, dobro R. P. opatrzuiąc* etc., въ рукописи Имп. публ. библ. (*Broel-Plater* III, 29).

[39]) *Gratiani*: De vita Commendoni, p. 400.—*Confoederatio generalis warsariensis* помѣщена въ *Vol. legum*, II, 124 sq.—*Carncovii* Epistolae, p. 1832.—По поводу варшавской конфедераціи, Рейманъ (*Зибеля* Hist. Zeitschr., 1864, I, Heft, p. 96) впалъ въ фактическую ошибку. Заявляя, что она, какъ и многія, ей подобныя, составлена по образцу корчинской 1438 года, онъ говоритъ: «Сколько мнѣ извѣстно, во время междуцарствія ни разу не упоминалась всеобщая конфедераціи 1382 года». Это невѣрно. Кольскій сеймикъ, напримѣръ, прямо ссылается на нее. Впрочемъ, какъ въ этой, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ ошибкахъ, Реймана извиняетъ скудость источниковъ. Пользуясь почти исключительно изданными матеріалами, онъ не могъ знать подлинныхъ постановленій Кольскаго сеймика, а равно и многаго другаго.

40) Конечно, Станиславъ Карнковскій впослѣдствіи старался увѣрять всѣхъ въ своемъ энергическомъ противодѣйствіи столь постыдному для него дѣлу (*Carnc.* Epist. p. 1832). Но противъ него свидѣтельствуютъ въ этомъ случаѣ и послѣдующіе факты, и такіе авторитеты, какъ *Гейденштейнъ* (p. 21), *Оржельскій* (I, 276) и, наконецъ, онъ самъ. Въ томъ же письмѣ къ Гербурту, на которое мы сейчасъ сослались, онъ прибѣгаетъ къ недомолвкамъ и полуоправданіямъ, доказывающимъ его соучастіе въ составленіи конфедераціи. Смыслъ этого письма нельзя переиначить никакими натяжками, какъ это дѣлаетъ *Пилинскій* (p. 77—78 Anm.). Самые поступки епископа куявскаго подтверждаютъ нашъ взглядъ. Не онъ, а Уханскій особенно энергично возражалъ противъ религіозной конфедераціи. Онъ же покинулъ ее на произволъ судьбы. Даже послѣ конвокаціи его одолѣвали сомнѣнія насчетъ религіознаго мира, который увлекалъ его надеждами на успокоеніе страны въ пору безкоролевья: онъ просилъ Кромера изложить ему свое мнѣніе объ этомъ предметѣ (*Carnc.* Epist. 1702). Мы думаемъ, что къ числу этого рода поступковъ епископа куявскаго слѣдуетъ отнести и его важное, столь часто цитуемое нами письмо къ своему однокашнику и сподвижнику, Гербурту (*Carnc.* Epist. 1829 sqq.) Это ничто иное, какъ самооправданіе въ виду распространившихся по странѣ подозрѣній въ чистотѣ его намѣреній, въ правильности его воззрѣній. Все это самооправданіе, которое Карнковскій просилъ Гербурта принять за программу своихъ защитительныхъ рѣчей, направлено къ тому, чтобы выставить себя государственнымъ мужемъ *католическаго* завала Неужели этотъ документъ написанъ для нововѣрцевъ? И потребовался-ли бы онъ, еслибы *другъ* не сомнѣвался ни въ одномъ жизненномъ шагѣ его автора? Замѣчательное въ этомъ отношеніи письмо Кромера къ Карнковскому отъ 17 февраля (*Carnc.* Epist. 1701 sqq.) проникнуто горькимъ сознаніемъ того, что на конвокаціи совершены важныя ошибки, которыя нужно поскорѣе „исправить", и что въ этомъ отчасти виноватъ именно самъ епископъ куявскій. — Что касается до свидѣтельства *Граціани*, то напрасно *Пилинскій* его молчаніе приводитъ въ доказательство неучастія Карнковскаго въ составленіи конфедераціи. Наоборотъ, Граціани, всегда старающійся скрывать неудачи католицизма, съ умысломъ умолчалъ о промахѣ вѣрнаго служителя папы. Иначе была-бы совершенно непонятна его записочка къ Карнковскому, по всей вѣроятности, отъ 29 января (*Carnc.* Epist. 1751), въ которой онъ настойчиво объясняетъ ему „ядовитое" значеніе религіозной конфедераціи и убѣждаетъ его отстаивать дѣло старой церкви. Выраженіе Граціани: haereticі ipsi foederis hujus formulam conscripserunt (*Vita Commendoni*, p. 400) не должно смущать насъ. Это обычный литературный пріемъ кардинальскаго секретаря, особенно умѣстный въ главѣ подъ названіемъ: *De impia haereticorum*

fraude, quam confoederationem ipsi appellarunt. Наконецъ, при такомъ взглядѣ на дѣло, похвалы Карнковскому за поведеніе на конвокаціи со стороны католическихъ властей и друзей получаютъ нѣсколько иное значеніе, чѣмъ то, которое придалъ имъ Пилинскій. Кто же изъ ревнителей католичества не зналъ, какъ благонадеженъ епископъ куявскій? Кто изъ нихъ не слѣдилъ съ радостію за его подвигами, которыми онъ тотчасъ послѣ конвокаціи спѣшилъ искупить свою ошибку? Въ эту пору, когда нововѣріе, казалось, шло въ полной побѣдѣ, не слѣдовало-ли имъ поддержать своего главнаго бойца въ Польшѣ, прямо заявить, что ихъ довѣріе къ нему не поколеблено? И возможно-ли было не наградить сочувственными адресами Станислава Карнковского, когда приходилось осыпать похвалами Якова Уханскаго?

41) „Aiż Rzeczypospolitey naszey iest *dissidium* niemale *in causa religionis christianae*, zabiegaiąc temu, aby się z tey przyczyny między ludzmi sedycya iaka szkodliwa nie wszczęła, ktorą po inszych Krolestwach iasnie widzimy, obiecuiemy to sobie spolnie, *pro nobis, et successoribus nostris, in perpetuum, sub vinculo juramenti, fide, honore, et conscientijs nostris*, iż ktorzy iestesmy *dissidentes de religione* pokoy między sobą zachowac dla rozney wiary y odmiany, w kościelech, krwie nie przelewac, ani się penowac, *confiscatione bonorum*, poczciwością, *carceribus et exilio*, y zwierzchności żadney, ani urzędowi, do takowego progressu żadnym sposobem niepomogac: y owszem gdzieby ią kto przelewac chciał *ex ista caus* zastawiac się oto wszyscy będziem powinni chocbyteż za pretextem dekretu abo za postępkiem iakim sądowym. kto to czynic chciał... A mianowicie to poprzysiądz, pokoy pospolity między rozerwanemi y rożnymi ludźmi w wierze y nabożeństwie zachowywać.“

42) „Wszakze przez tę Konfederacyą naszę zwierzchnosci zadney nad poddanymi ich, tak panow duchownych, iako y świeckich, nie deroguiemy, y posluszeństwa zadnego poddanych przeciwko panom ich nie psuiemy, y owszem iesliby takowa licencya gdzie była *sub praetextu religionis* tedy iako zawsze było, będzie wolnó y teraz każdemu panu poddanego swego nieposlusznego, *tam in spiritualibus, quam in saecularibus*, podług rozumienia swego skarac. Aby wszytkie *beneficia iuris patronatus Regis, Praelaturarum ecclesiasticarum*, iako Arcybiskupstw, Biskupstw y inszych wszelakich beneficyi, były dawane nie inszym, iedno Rzymskiego kosciola klerykom, *indigenis Polonis, juxta statutum.* A *beneficia* kosciolow Greckich, ludziom teyze Greckiey wiary dawane bydz maią“. Извиняемся передъ читателями въ тяжѣломъ переводѣ этого затруднительнаго мѣста. Важность каждаго слова въ немъ требовала почти подстрочнаго изложенія. Послѣднюю

фразу мы совсѣмъ отказались передать на родномъ языкѣ, не отыскавъ въ немъ выраженія съ тѣмъ двусмысленнымъ оттѣнкомъ, который заключается въ текстѣ. А между тѣмъ въ этомъ оттѣнкѣ все дѣло: онъ придалъ всему пункту то огромное значеніе, которое тревожило современниковъ и послужило поводомъ къ спору между учеными. до сихъ поръ всѣ ученые подразумѣвали при прилагательныхъ „tam in spiritualibus, quam in saecularibus" существительное *rebus* и видѣли въ варшавской конфедераціи государственный актъ, даровавшій помѣщикамъ ничѣмъ не обузданную власть надъ своими крестьянами *даже въ религіозныхъ дѣлахъ*. Отсюда понятна та патріотическая грусть польскихъ изслѣдователей родной старины, которая сопровождаетъ ихъ строгій судъ надъ знаменитою конфедераціей 1573 года. *Лелевель*: „Cette declaration n'était pas sans de graves conséquances. Le maître absolu.... disposant de la conscience de ses sujets, leur impose une autre doctrine, les tenant assujettis á la glèbe." *Красинскій*: „This wise act (конфедерація) was, however, disgraced by an article wich insured to the landowners a perfect authority over their subjects, even in matters of religion.... the article wich confirmed and extended the power of the landowners over the peasants may be considered as the most deplorable event in the Polish history." *Пилинскій* называетъ эту вставку въ конфедерацію „печальнымъ" фактомъ, который „объясняется, но не оправдывается" господствовавшими въ томъ вѣкѣ понятіями, ибо „kann man nicht leugnen, dass damit das Verhältniss des hörigen Bauers zum adeligen Herrn um einen Grad drückender und unleidlicher wurde".

Но въ настоящее время явился Французъ, питающій въ своей груди едвали не болѣе польскія чувства, чѣмъ сами Поляки, чтобы утѣшить послѣднихъ. *Ноайль* берется очистить память ихъ предковъ отъ тяжкаго промаха, оплакиваемаго потомками. Онъ доказываетъ (II, 218—223), что введеніе „столь чудовищнаго злоупотребленія помѣщичьимъ правомъ вовсе не согласно со всѣми поступками и убѣжденіями польскихъ нововѣрцевъ", забывая, что конфедерацію составляли не одни они. Онъ увѣряетъ, что „a l'égard des paysans, les confédérés ont simplement maintenu le *statu quo*, sans aborder la question des rapports legaux entre paysans et seigneurs au sujet de la liberté de conscience, et la confédération de Varsovie s'est bornée à déclarer: qu'il n'était pas permis d'invoquer le prétexte de la religion pour branler l'autorité que la loi civile reconnaissait aux seigneurs sur leurs sujets." Взглядъ Ноайля вытекаетъ изъ толкованія спорнаго мѣста: „tam in spirit., quam in saecul.", при которомъ онъ подразумѣваетъ существительное *bonis*. Онъ оправдываетъ свое предположеніе цѣлымъ рядомъ филологическихъ и

историческихъ данныхъ (II, 219—224, примѣч.). Нѣкоторыя заслуживаютъ полнаго вниманія и составляютъ украшеніе критической стороны, вообще довольно слабой въ трудѣ Ноайля. При всемъ этомъ они не убѣждаютъ насъ, тѣмъ болѣе, что отчасти говорятъ не за автора, а противъ него. Такъ, напримѣръ, сандомірскій сеймикъ, слѣдовавшій за конвокаціей, не потребовалъ бы внесенія въ текстъ религіозной конфедераціи слова *bonis*, еслибы оно подразумѣвалось само собою. Молчаніе современныхъ событію историковъ объ отношеніи низшихъ классовъ къ конфедераціи, а равно и поднятіе этого вопроса на избирательномъ сеймѣ можно съ одинаковымъ правомъ толковать въ ту и другую сторону. Яковъ Уханскій въ своемъ протестѣ могъ съ умысломъ, для возбужденія католиковъ и пановъ, придать слишкомъ демократическій смыслъ неяснымъ словамъ документа. Что же касается до тогдашнихъ французскихъ переводовъ варшавской конфедераціи, то они имѣютъ гораздо менѣе значенія, чѣмъ кажется Ноайлю. Въ нихъ вовсе обойдено двусмысленное выраженіе. Фразами: „seigneurs tant spirituels que séculiers (или temporels)“ въ нихъ передается не оно, а стоящее выше въ этомъ пунктѣ документа выраженіе: „zwierzchności nad poddannymi ich, tak panow duchownych, iako y swieckich“.

Наконецъ, Ноайль, въ доказательство гуманныхъ стремленій польскихъ протестантовъ, приводитъ рѣшеніе ихъ синода въ томъ же году, требовавшее, чтобы помѣщики представляли себя на мѣстѣ крестьянъ и обращались съ ними по предписаніямъ христіанской любви. Но онъ, вопреки первому долгу историка, не обратилъ вниманія на время и мѣсто событія. Этотъ синодъ всѣхъ протестантскихъ церквей состоялся 14 сентября, т. е. въ то время, когда дѣло польскихъ нововѣрцевъ было уже проиграно, въ тотъ самый день когда въ Парижѣ Генрихъ анжуйскій, присягая въ качествѣ польскаго короля, допустилъ протестъ противъ религіознаго мира (*Heidenstein*, 40—41). Тогда нововѣрцамъ въ Польшѣ приходилось хвататься за послѣднія средства, не пренебречь даже сочувствіемъ народныхъ массъ. Но если даже признать несвойственный вообще XVI вѣку столь широкій либерализмъ протестантскихъ *пановъ*, то не должно упускать изъ виду, что этотъ синодъ былъ въ Краковѣ и состоялъ изъ однихъ протестантовъ. Конечно, въ январѣ и въ Варшавѣ, притомъ въ коммиссіи изъ равнаго числа католиковъ и протестантовъ, послѣдніе не могли хлопотать о такомъ полномъ осуществленіи своихъ идеальныхъ стремленій. Имъ приходилось дѣлать мелкія уступки, чтобы спасти главное. Такъ какъ ихъ паны и ихъ шляхта ничего не теряли въ религіозномъ отношеніи даже при усиленіи вообще власти привилегированныхъ сословій, то не должны ли были они съ радостію согласиться на неопредѣленное выраженіе, составляющее предметъ нашихъ разсужденій? Добавьте его

словами *bonis* или *rebus*—протестантскіе авторы конфедераціи ничего не теряли. Прибавимъ къ этому упомянутое сомнѣніе сандомірскаго сеймика и свидѣтельство филологіи о возможности хотя и не равноправности (какъ думаетъ Ноайль) обоихъ существительныхъ въ этомъ случаѣ—и вопросъ рѣшается такъ, какъ его рѣшали сами современники, т. е. ни въ пользу польскихъ историковъ, ни въ пользу ихъ полонофильствующаго собрата. Спорную латинскую фразу *можно* толковать такъ, какъ толкуетъ ее Ноайль, но *не должно*. Вотъ почему ее обходили современные событію переводчики; вотъ почему и мы отказываемся передать ее на родномъ языкѣ.

43) Въ описываемое время *диссидентами* назывались въ Польшѣ вообще всѣ исповѣдники *различныхъ* религій. Граціани (въ своемъ письмѣ къ Станиславу Карнковскому: (*Carnc.* Epist. 1751) прямо считаетъ варшавскую конфедерацію нравственною язвою, между прочимъ потому, что посредствомъ нея „*omnes sectas* cum Catholica religione confundunt et exaequant.“ Гораздо позднѣе диссидентами стали называть здѣсь всѣхъ, не принадлежащихъ къ римско-католической вѣрѣ

44) *Heidenstein*, 21.—*L. Ranke*: Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. 3 Ausg. 1852. V. 279 sqq. — *Красинскій* (p. 165 нѣм. перевода) даже называетъ варшавскую конфедерацію прямымъ подражаніемъ аугсбургскому миру, утверждая, что въ той и другомъ ничего не сказано объ обезпеченіи или защитѣ религіозной свободы, о вѣротерпимости: все дѣло было лишь въ pax dissidentium.

45) *Heidenstein*, 21: „(formula confaederationis) a Senatorii ordinis utriusque partis hominibus publice vix non omnibus probata, a plerisque etiam qui legati tum e Palatinatibus erant subscripta fuit.“ — Въ письмѣ Кромера къ Карнковскому отъ 17 февраля 1573 года (*Carnc.* Epist. 1701) находимъ весьма важное подтвержденіе словъ Гайденштейна: „reclamantibus *nonnullis* senatorii Ordinis viris, profanis fuxta atque ecclesiasticis, et nunciis nobilitatis.“ Въ виду этихъ свидѣтельствъ изъ которыхъ одно принадлежитъ современному столбу польскаго католицизма, извѣстія католическихъ тенденціозныхъ историковъ имѣютъ значеніе лишь настолько, насколько они характеризуютъ ихъ самихъ. *Граціани*, напр., говоритъ (De vita Commend. p. 400) глухо, что конфедерацію подписали лишь „aliqui“; а *Соликовскій* (Comment. brevis rerum polonic. p. 10)—„Catholici seculares paucissimi“.

46) *Heidenstein*, 21. — Въ письмѣ Гозія къ Франциску Красинскому прямо сказано: „R. D. archiepiscopus et ejus collegae, priusquam rem diligentius expendissent, non alieni fuerint a subscriptione“. (*Noailles*, III, 262).

[47]) *Gratiani*: De vita Commendoni, 401.—Письмо Карнковскаго въ Гербурту въ *Carnc.* Epist. p. 1832.—Записка Граціани къ Карнковскому, *тамъ же*, p. 1751.—Бѣгство Карнковскаго изъ Варшавы хорошо доказано *Рейманомъ* (въ Hist. Zeitschr. *Зибеля* за 1864 годъ, I Heft, p. 100. Anm.). Особенно ясно говоритъ объ этомъ Кромеръ въ своемъ письмѣ къ епископу куявскому отъ 18 февраля 1573 года: «Vellem autem in religionis quoque rebus similem (т. е. удачный) eventum consilia D. V. R. habuissent. Et *habuissent fortassis si actioni illi ea praesto ad extremum fuisset.* Nam si *remoto duce*, tam naviter se tamen gesserunt in certamine plerique centuriones et milites, ut non tam darent manus quam cederent tempori; quid factum esset si quis eis animum simul et consilium addidisset? *Dux et autor nobis defuit ad victoriam*» (*Carnc.* Epist. 1701).

[48]) *Gratiani*: De vita Commendoni, 401—406.—Записки Граціани къ Карнковскому: *Carnc.* Epist. 1751.—*Heidenstein*, 21.—*Sulikovius*: Commentarius brevis, p. 47.—*Эйнгорнъ* (Stan. Hosius. II, 432), на основаніи писемъ Петра Костки къ Кромеру отъ 31 января, 9 и 19 февраля 1573 года.—Письмо Гозія къ Франц. Красинскому у *Поайля*. III, 257 sqq.—Замѣчательно, какъ искажаются причины событій въ глазахъ даже компетентныхъ судей, если они находятся вдали отъ исторической сцены. Кардиналъ Гозій вообще мало довѣрялъ высшему духовенству въ Польшѣ, въ рядахъ котораго были такія личности, какъ Уханскій и Красинскій. Онъ былъ всегда пристрастенъ къ вѣрной его приказаніямъ массѣ низшаго духовенства. И вотъ въ своемъ лѣтнемъ уединеніи, въ монастырѣ св. Бенедикта въ Субіако, онъ пришелъ къ ни на чемъ не основанному убѣжденію относительно мотивовъ Уханскаго и епископовъ на варшавской конвокаціи: въ упомянутомъ письмѣ къ Красинскому онъ говоритъ, что эти сановники измѣнили свое благопріятное мнѣніе о конфедераціи „postea quam cum inferioris ordinis sacerdotibus (quod utinam frequentius fieret!) deliberatio suscepta, et quam esset hoc enorme flagitium ostensum illis fuit.“ Впослѣдствіи онъ высказывалъ увѣренность, что и на избирательномъ сеймѣ низшее духовенство оказало особенную заслугу, поддерживая епископовъ: *Exemplum liter. Card. Hosii ad quaedam Capitula in Polonia datarum* (Subiaci, 17 Julii 1573), въ рукописи Имп. публ. библ., f. 565—567.—Конечно, у католическихъ писателей, всегда связывающихъ свое дѣло съ волею Бога, причины событій черезчуръ обобщаются. *Граціани* (De vita Comm., 403) говоритъ о поступкѣ примаса: „Adeo nostrae mentes in manu sitae sunt Dei... nunquam non ejus sanctissimo numine ad cognitionem sui illustrantur.“ *Солиньякъ* (Allgem. Gesch. von Polen. Halle 1765. II, 229) называетъ этотъ поступокъ «eine Art von göttlicher Eingebung».

[49]) *Orzelski*, I, 32 sqq.—*Broel-Plater*, III, 33.—Рѣчь королевскаго секретаря, Соликовскаго, въ защиту придворныхъ, нѣсколько уясняющая это скандалезное дѣло, помѣщена у *Вишневскаго:* Hist. liter. Polskiej, IX, 434 sqq.—Cf. *Niemcewicz*, I, 116.—*Broel-Plater*, II, 42 sqq.

[50]) *Broel-Plater*, III, 4 — 11, 33 — 35. — *Choisnin*, 290 — 292. — *Thuanus*, l. LVI, p. 491 sq. Онъ ошибочно вмѣсто воеводы краковскаго говоритъ о каштелянѣ краковскомъ.

[51]) Занятія трехдневнаго шродскаго сеймика подробно описаны *Оржельскимъ* (I, 35 — 39) котораго подтверждаетъ и документъ, найденный нами въ рукописи Имп. публ. библ. (fol. 279 sqq.).—*Бѣльскій* (p. 668) сообщаетъ нѣскольско свѣдѣній, частію не вполнѣ согласныхъ съ Оржельскимъ, частію даже противорѣчащихъ ему. Мы принимаемъ свидѣтельство Оржельскаго, какъ сходное съ документомъ и принадлежащее человѣку, который самъ участвовалъ въ шродскомъ сеймикѣ и внимательно наблюдалъ за нимъ, имѣя въ виду сообщить о немъ потомству. — *Протестація мазовецкаго рыцарства* помѣщена въ рукописи Имп. публ. библ. (fol. 277 sq.) и у *Ноайля* (III, 256 sq.). Ноайль нѣсколько исказилъ ея текстъ, быть-можетъ, изъ желанія прикрыть передъ судомъ исторіи неприличіе, до котораго способна была доходить въ своемъ гнѣвѣ нищая, грубая мазовецкая шляхта. Въ слѣдующемъ выраженіи у него пропущены слова, отмѣченныя курсивомъ: „..za tą wolnoscią *albo* wiar *obczowania* y dzierzenia o Bogu wielka rozpusta nieswornosc y wzruszenie pokoiu, y praw zniszczenie przyischy musiało.“

[52]) *Универсалъ воеводы сандомірскаго къ своей шляхтѣ,* отъ 10 февр. 1573 года, въ рукописи Имп. публ. библ., fol. 267. — *Declaratio Confoederationis generalis Varsav. a Congregatione Sandomiriensi in Pokrzywnica facta*, въ рукоп. Имп. публ. библ. (Cf. *Broel-Plater*, III, 66 sqq.) — Тамъ же помѣщенъ поборовый универсалъ сандомірской земли.—Въ прибавкѣ о правѣ патроната у *Broel-Plater'a* (III, 67) говорится: „Zeby Generalitas jurium patronatus nie sciągala się jedno na królestwo: wszędy też etc.“ Издатель ошибся. Въ читанномъ нами документѣ сказано: „Zeby generaliter Juspatronatus nie szcziągalo się *iedno* na królewskie *wszędy:* tesz etc.“; очевидно, здѣсь *wszędy* стоитъ вмѣсто *urzędy*.

[53]) Прекрасное, подробнѣйшее описаніе сеймика въ Прошовицахъ, составленное, какъ видно, однимъ изъ его участниковъ, помѣщено въ рукоп. Имп. публ. библ. (fol. 286 sqq.) и у *Ноайля* (III, 266—274). Вѣроятно, имъ пользовался и *Гейденштейнъ* (p. 23). А *Бѣльскій* (p. 668—607) несомнѣнно почти списалъ его въ своей хроникѣ. — Постановленія вишенскаго сеймика напечатаны у *Broel-Plater'a* (III, 35—37) и *Ноайля* (III, 275 sq.).

[54]) *Сиротка Радзивилъ къ дядѣ* (31 янв. 1573), въ Имп. публ. библ. (Радзивил. арх.). — *Анонимъ къ Ходкѣвичу* (19 янв.), тамъ же (пол., fol., IV, № 188).— *Иванъ Бака къ Ходкѣвичу* (17 февр.), тамъ же (пол., fol., IV, 189). - *Ходкѣвичъ къ радамъ коронными* отъ 9 янв. и 7 февр., въ рукописи Имп. публ. библ. f. 197, 254 sq. — Отвѣтъ литовской рады (31 дек. 1572) на петицію рыцарскаго чина и жителей задвинскаго герцогства Ливоніи: *Dogiel*, Codex diplomaticus, V, 294 sq.—Вѣстовой списокъ моск. посланца, Булгакова, о литовскихъ дѣлахъ, (1570 г.), въ *Актахъ, относ. къ исторіи Зап. Россіи*, изд. Археогр. коммиссій, III, 1848. — *Cifra dal Card. Commendone* (15 февр. 1573), у *Тургенева*: Hist. Russ. monim. I, 236. — *Петръ Зборовскій къ Стан. Карнковскому* (14 дек. 1572), въ рукописи Имп. публ библ. fol. 117 и у *Ноайля*, III, 151.—*Отвѣтъ и письма радъ коронныхъ Литовцамъ* (29 и 30 янв. 1573), въ рукописи Имп. публ. библ. fol. 181 - 185. — *Литовскіе сенаторы къ польскимъ* отъ 21 февр. 1573 года, тамъ же, fol. 270 sqq. — Ср. *Heidenstein*, 23, и *Bielski*, 670 sq.

[55]) „Fra la Nobilità e refutata (конфедерація) anco da molti eretici", писалъ Коммендоне въ Римъ: *Тургеневъ*, I, 236. — Кромеръ къ Карнковскому, отъ 4 апрѣля 1573 года: *Carnc.* Epist. 1704.—Капитулъ краковской церкви къ Карнковскому, отъ 6 марта 1573 г., *тамъ же*, 1747 sq.—Гозій къ Красинскому: *Noailles*, III, 262.—О другомъ письмѣ Гозія говоритъ *Эйлгорнъ*: Card. Hosius, II, 432. — *Theiner*: Ann. eccles. I, 137.

[56]) Въ этомъ любопытномъ письмѣ (*Noailles*, III, 257 — 264) Гозій называетъ евангеликовъ „Cacangelici", служителями „diaboli Cacangelis", „Eigenvillici" (отъ нѣм. *eigenwillig*); Кальвина и Безу – „идоламп", ихъ религію — „nefaria conjuratio vel conspiratio, Biesia wiarka (diabolica fidicula), Augustana perfidia", и ставитъ ее на одну доску съ исламомъ и почитаніемъ Ваала; требованія польскихъ нововѣрцевъ — „absurda, impia, cum ipsa ratione pugnantia". Всякое ихъ движеніе въ его глазахъ есть ничто иное, какъ „audacia, impudentia, stupor, mirabilia, perduellio, parricidium." Гозій угрожалъ несчастному епископу тѣмъ, что понимаетъ ихъ замыселъ „regem in prandio devorare"; требовалъ отъ него немедленнаго раскаянія въ грѣхѣ, безъ всякихъ объясненій. и указывалъ ему въ перспективѣ милости и дары „не только небеснаго, но и земнаго царя". Кардиналъ не сомнѣвался, что земной царь въ Польшѣ будетъ „qualem optamus, christianus, catholicus, et orthodoxus, qui Christum aperte confiteri, et ejus perduelles haereticos *quibus modis merentur* tractare non dubitabit".

[57]) Гозій написалъ (изъ Субіако, 17 іюля 1573 г.) нѣкоторымъ польскимъ капитуламъ пастырское увѣщаніе, въ которомъ дѣло нововѣрцевъ приравнивается ко всякаго рода уголовнымъ преступленіямъ. „Cur говоритъ онъ, eadem ratione non providerunt (haeretici), ut homicidia, urta, latrocinia, sacrilegia, patrare cuiquam libere permitteretur, quae quamvis gravia sint crimina, tamen cum haeresi collata: festucae sunt cum trabe comparata? Sed hoc est istorum hominum summum studium, qui se praecciderunt a Christi corpore Ecclesia, Regnum ut faciant absque lege, absque Rege, absque sacerdotio, absque Deo..., ut illud (Christi corpus mysticum Ecclesiam) per nefarium scelus in tot particulas lacerent, et omnem latronum immanitatem immanitate sua superent.“ Рукопись Имп. публ. библ. fol. 565—567.—Въ весьма характеристическомъ письмѣ къ Карниковскому отъ 17 февр. 1573 г., на которое мы уже не разъ ссылались, Кромеръ, вообще любившій игру словъ, называетъ теологовъ „mataeologi“, основателей сектъ—„concionatores seu potius concitatores“, конфедерацію—„diffoederatio, при которой non solum vocitemur, sed re ipsa quoque simus Sporades“. По его мнѣнію, „еретики Babylonem certe aedificant confusionis et omnis impietatis asylum.“ *Carnc.* Epistolae, 1702 sq.

[58]) *Gratiani* De vita Commend., 406. — Памфлетъ *Соликовскаго*, подъ именемъ: De Confoederatione Varsav. in causa religionis Christ. et patriae salutis cupida sententia, помѣщенъ въ рукописи Имп. публ. библ. fol. 267—271. Онъ напечатанъ съ пол. перев. у *Broel-Plater'a*, II, 83—96. Вотъ мѣсто изъ него, прекрасно характеризующее литературные пріемы іезуита XVI вѣка: „Salus Reipublicae nulla est, ubi nulla pax; pax nulla, ubi nulla justitia; justitia nulla, ubi leges nullae; nullae leges, ubi nulla religio; religio nulla, ubi vivitur ut lubet; ivitur ut lubet, ubi creditur ut lubet; creditur ut lubet, ubi est confoederatio ad credendum ut lubet; ergo ubi est confoederatio ad credendum ut lubet, ibi salus nulla, sed praesens calamitas et proximus interitus, imo Respublica nulla, sed confusum chaos et miseriarum abyssus“. — *Rozmowa kruswicka y Broel-Plater'a*, II, 69—72. Тутъ, между прочимъ, такъ живописуются ужасы конфедераціи: „Będzie Boga oburzenie, powie (еретикъ), że ja tak wierzę; będzie rebellis, mówiąc, ze nie mam króla, jedno cierniową koroną koronowanego; ukradnie mi co, abo mi się do żony poneci: to jest moje sanctorum communio; naſaje mi, powie: proximum corrigo; rzecze dalej: soror mea, spiritus meus concupiscit carnem tuam, — tak ja wierzę. Coż mu będzie rzec?“—*Carnc.* Epist. 1702.

[59]) Эта вѣрная мысль и мѣткое выраженіе принадлежатъ *Рейману* (въ журналѣ *Зибеля* за 1864 годъ, Heft. I, p. 103).

[60]) *Gratiani*: De vita Comm. 394—397.—*Charrière*, III, 319, 343, 350, 371 sq.—*Noailles*, III, 222, 265 sq.—*Тургеневъ*, I, 236, 243.—*Choisnin*, 292 sq.—*De-Thou*, 492 sq.—Изъ письма Вулкоба къ Карлу IX отъ 29 апрѣля 1573 г. (*Noailles*, III, 421) и изъ разсказа *de-Ty* (384 sq.) оказывается, что нѣмецкіе князья съ императоромъ условились подступить къ границамъ Польши во время избирательнаго сейма, на которомъ они постараются произвести междуусобіе, а герцогъ прусскій съ своими 2 тыс. рейтаровъ двинется въ самую Варшаву. Въ случаѣ успѣха союзники должны были такъ раздѣлить добычу: цесарю—польскій тронъ, часть Ливоніи и Данцигъ еще съ нѣсколькими прусскими городами: герцогу саксонскому - сосѣднюю съ нимъ часть Силезіи, герцогу прусскому—королевскую Пруссію.—Еписк. куявскій къ каштеляну данцигскому, отъ 4 февр. 1573 г., и два письма Костки къ пол. сенату отъ 5 и 13 февр., въ рукописи Имп. публ. библ.—Dyariusz крак. сеймика въ Прошовицахъ тамъ же.—Ср. *Noailles*, III, 208 sq.—*Heidenstein*, 23.—*Orzelski*, I, 36.

[61]) *Charrière*, III, 357—382.—Весьма интересная переписка французскихъ агентовъ между собою и съ ихъ правительствомъ, относящаяся къ этому времени, находится у *Ноайля*, III, 17—20, 24—25, 219—222, 241—243, 255 sq., 308—331.—О пребываніи Ноайля въ Вѣнѣ см. у *Ноайля* (III, 255), читавшаго неизданное донесеніе Коррера, венеціанскаго посланника въ Вѣнѣ, венеціанскому сенату. — *Charrière*, III, 349—352, 385 sq.—*De-Thou*, 383—389, 494 sq.—*Choisnin*, 288—316.—*Gratiani*: De vita Commendoni, 406—409.— Сличеніе письма Шомберга къ Екатеринѣ Медичи (*Noailles*, III, 310—313) съ разсказомъ де-Ту (p. 384) касательно франко-голландскаго проекта весьма поучительно. Оно прекрасно характеризуетъ послѣдняго, какъ историка, и опредѣляетъ значеніе его сочиненія для историческихъ изслѣдованій.—О памфлетахъ Дудита, признававшаго за Поляками „просто безумную любовь къ Французамъ“, говоритъ *Рейманъ* (въ журналѣ Зибеля за 1864 г., Heft. I, 105), читавшій его письма, хранящіяся въ Редигеровой библіотекѣ въ Бреславлѣ.—*Theiner*: Ann. eccles., I, 39, 126.

[62]) Ноайль къ Карлу IX отъ 17 марта 1573 г., у *Ноайля*, III, 242.—Citra dal Card. Comm. 15 di febbr. 1573, у *Тургенева*, I, 236 sq.—Дю Феррье Карлу IX отъ 17 февраля: *Charrière*, III, 360.

КЪ ГЛАВѢ VII-й.

[1]) *Choisnin*, 316—325.—*Gratiani*: De vita Commendoni. 410 sq.—Карнковскій къ Кромеру отъ 21 сентября 1573 года: *Carnc.* Epist. p. 1821.—Извлеченія изъ двухъ дневниковъ сейма, у *Шарьера* (III, 383) и *Broel-Plater*'a (III, 70 sq. 138).—*Orzelski*, I, 39 sq.. 51.—*Heidenstein*, 23 sq.—*Bielski*, p. 671, 697. — Разсказъ *де-Ту* (p. 496—498) составленъ на основаніи мемуаровъ Шуанена.—Поведеніе московскаго гонца въ Вѣнѣ, Константина Скобельцына. описано какъ имъ самимъ, такъ и цесарскими послами, Вестфаломъ и Магнусомъ, въ *Датскихъ дѣлахъ*, № 2 (Моск. архивъ мин. иностр. дѣлъ). Ср. *Соловьева:* Исторія Россіи, VI, 336 слѣд.

[2]) Грамота герцога прусскаго помѣщена въ рукописи Имп. публ. библ. (*Noailles*, III, 341 sq).—Отвѣтъ на нее отъ 8 мая, тамъ же.—Legatio a duce Prussiae ad ord. Regni Pol., у *Ноайля*, III, 342—361.—Письмо радъ литовскихъ къ радамъ коронным ъ (изъ Бѣльска, 2 апрѣля) и инструкція. данная Мацкѣвичу и Островскому. помѣщены въ рукописи Имп. публ. библ.—Тамъ же находится и польскій отвѣтъ Литовцамъ, отъ 7-го апрѣля.—Рѣчь Коммендоне весьма добросовѣстно напечатана у *Грациани* (De scriptis, II, 314 sqq.) и съ польскимъ переводомъ у *Broel-Plater*'a, III, 72—91. Она помѣщена также цѣликомъ у *Оржельскаго*, I, 41 sqq.—Посланіе папы отъ 30 іюля 1572 года и отвѣтъ на него отъ 21 апрѣля 1573 г. находятся въ рукописи Имп. публ. биб.—Посл. къ Галат., V, 15.—Рѣчь императорскихъ пословъ напечатана на польскомъ и латинскомъ языкахъ у *Broel-Plater*'a. III, 92—112. (Ср. тамъ же, 187 sq).—Рѣчь Монлюка въ оригиналѣ помѣщена у *Догеля*, I, въ польскомъ переводѣ у *Br.-Plater*'a, III, 113—138 (Ср. тамъ же, 187); выдержки изъ современнаго французскаго перевода у *Ноайля* II, 272 sqq.—Грамоты польскимъ чинамъ отъ императора (отъ 2 августа 1572 г.) и короля французскаго (отъ 15 августа), имѣющія лишь оффиціальное значеніе, помѣщены въ рукописи Имп. публ. библ. — *Gratiani*: De vita Commendoni, 413—416.—*Choisnin*, 326—334.—*Orzelski*, I 41 64, 81 sqq.—*Heidenstein*, 24—26.—*Bielski*, 672—691.—*Broel-Plater*, III, 71 sqq.—*Charrière*, III, 383.—*De-Thou*, 498—505.

[3]) Рѣчь шведскаго посла съ польскимъ переводомъ напечаталъ *Broel-Plater*, III, 139—167. Выдержка изъ нея, касающаяся Россіи, взятая изъ дневника сейма 1573 года, веденнаго Даніиломъ Принцемъ, помѣщена у *Тургенева*, I, 245—247. — Записка о шведскихъ предложеніяхъ отъ 5 мая, у *Br.-Pl.*, III, 168—175.—Записка шведскихъ пословъ, поданная сенату 18 мая, а равно грамота Іоанна III къ польскимъ чинамъ (отъ 4 августа 1572 г.) и записка его жены (отъ 7 сентября), полная попеченій о королевнѣ Аннѣ и о завѣщаніи Сигизмунда-Августа, находится въ рукописи Имп. публ. библ.—Всѣ грамоты курфирстовъ къ польскимъ чинамъ отъ разныхъ чиселъ (съ 24 декабря 1572 до 17 марта 1573 года) помѣщены тамъ же. — Въ той же рукописи находится письмо къ польскимъ панамъ воеводы молдавскаго отъ 10 февраля. При немъ тайная записочка съ просьбою довѣрять ея подателю вполнѣ: „что нужно, будетъ объявлено черезъ него султану, а что не нужно, будетъ сохранено въ тайнѣ.“ Любопытны совѣты и самая ихъ форма знакомаго намъ Ивоніи, въ которыхъ просвѣчиваетъ предчувствіе жестокой участи, уже подготовлявшейся тогда для него въ Портѣ. „Мы знаемъ, писалъ онъ панамъ, что вы, милостивые государи, люди мудрые и не нуждаетесь въ нашемъ совѣтѣ ибо нашъ валашскій народъ простакъ изъ простаковъ среди всѣхъ другихъ народовъ. Но христіане должны помогать другъ другу совѣтомъ въ дѣлѣ христіанства. Я же знакомъ съ дѣлами многихъ народовъ. Да вы и сами хорошо понимаете, что гдѣ нѣтъ религіи, тамъ нѣтъ и страха Божія. А человѣкъ ужъ таковъ, что устраивается, какъ ему заблагоразсудится. И только въ тяжелыя минуты онъ придерживается религіи, а въ счастіи считаетъ добродѣтелью строптивость и т. под. пороки. А потому напоминаемъ вамъ по-пріятельски: будьте единомысленны и не связывайтесь съ врагами христіанства. Врагъ выказывается снаружи чистымъ и правдивымъ, а внутри полонъ горчайшаго яда Онъ радъ, когда между христіанами проливается кровь. И многое еще могъ бы я сказать и объяснить вамъ да страшусь даже стѣнъ собственнаго жилища. Поэтому прошу васъ поддержать единодушіе между нами, христіанами. Постарайтесь припомнить, какъ погибали древнія государства отъ междуусобій. Не даромъ мы знаемъ слово Божіе: omne Regnum in se ipso divisum desolabitur.“ Здѣсь же приложено письмо великаго визиря, Махметъ-баши, о которомъ упоминалъ Франсуа де-Ноайль. — Рѣчь посла воеводы седмиградскаго Георгія Бландраты, напечатана у *Broel-Plater'a*, III, 176—183.— Грамоты султана и Мехмета-баши, привезенныя чаушомъ Ахметомъ, помѣщены въ рукописи Имп. публ. библ.—Тамъ же и отвѣтъ на нихъ (отъ 19 мая), въ которомъ выражено что турецкое посольство, хотя и запоздалое, не излишне: оно увидитъ, что выборъ произошелъ единодушно.— Любопытно, что, какъ видно изъ письма Франсуа де-Ноайля къ Карлу IX

(отъ 4 іюня 1573 года), Поляки извѣщали Порту о своемъ рѣшеніи „не выбирать Генриха анжуйскаго, согласно съ требованіемъ султана заявленнымъ чаушомъ", а великій визирь замышлялъ посадить на польскій тронъ „своего близкаго родственника (Славянина?)", какого-то „воеводу Константина *Potovichi* (Потоцкаго?)". *Charrière*, III. 387—392. — *Choisnin*, 381 sqq.—*Noailles*, III, 384 sq.

[4]) Отвѣты чиновъ Рѣчи Посполитой иностраннымъ посламъ находятся въ рукописи Имп. публ. библ. — Вторая рѣчь Монлюка помѣщена у *Оржельскаго*, I, 96 — 99. — Декларацiи Монлюка относительно королевны Анны (отъ 18 апрѣля), Литвы (отъ 26 апрѣля) и Волыни, Кіева и Брацлава (отъ 30 апрѣля) напечатаны, по рукописямъ Британскаго музея и библіотеки Чарторыйскаго, у *Ноайля*, III, 398—404.—*Choisnin*, 317—364.—*Gratiani:* De vita Commend. p. 416.—*Orzelski*, I, 89 sq., 103.—*Bielski*, 675.—*Broel-Plater*, III, 188 sq. — *Noailles*, III, 374, 386, 402. На основаніи письма Дудита къ Крато, отъ 29 апрѣля, *Рейманъ* (*Zybel:* Hist. Zeitschr. 1864, II, 114. — Желающіе познакомиться съ весьма любопытнымъ реестромъ выгодъ и невыгодъ каждаго кандидата, сочиненнымъ Монлюкомъ, найдутъ его при II томѣ сочиненія *Ноайля*.

[5]) Грамота герцога курляндскаго, изъ Митавы отъ 26 марта, и отвѣтъ на нее, въ рукописи Имп. публ. библ. — Тамъ же грамоты Софьи брауншвейгской (отъ 25 января и 5 марта) и герцоговъ поморскихъ (отъ 4 апрѣля), съ отвѣтами на нихъ. Содержаніе грамоты поморскихъ князей изложено также у *Оржельскаго*, I, 104 sq. — Тамъ же грамота слуцкаго князя (отъ 28 марта). — Рѣчь голштинскаго посла, хранящаяся въ библіотекѣ Чарторыйскаго въ Парижѣ, изложена нами на основаніи *Ноайля*, II, 293.

[6]) Въ примѣчаніи на стр. 157 мы указали на источники королевскихъ доходовъ, *имущества королевскаго стола, или экономіи*, опредѣленные при Сигизмундѣ III. До этого времени королю принадлежало право (сначала полное, потомъ ограниченное шляхтою) распоряжаться всѣми государственными имуществами, которыми была усѣяна Рѣчь Посполитая. Они поэтому и назывались имѣніями королевскими, *królewszczyzny*, и дѣлились на *Starostwa*, Tenuty, или *dzierżawy* и *Wójtostwa*, или *Sołtystwa*. Король раздавалъ ихъ, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ условій (напримѣръ, непремѣнно туземцамъ и шляхтичамъ), за извѣстную сумму ежегоднаго взноса, которую употреблялъ на себя, „на свой столъ". Съ 1562 года, благодаря заботѣ Сигизмунда-Августа, четверть этого дохода, *кварта*, шла на потребности государства, именно на содержаніе войска, *квартіановъ*. Король могъ отдавать эти земли въ пользованіе даромъ за какія-нибудь заслуги и даже пожизненно (*dożywocie, jus communicativum*, обыкновенно до смерти землевладѣльца).

Во второй половинѣ XVII вѣка, какъ дальнѣйшее развитіе кварты, короли начинаютъ раздавать государственныя земли войскамъ въ пользованіе на извѣстный срокъ, обыкновенно отъ сентября до декабря. Эти мѣсяцы назывались „солдатскими". *Lengnich*, II, 10 — 11; IV, 11. — *Huppe*: Verfassung der Republ. Polen, 302 sqq.

[7]) *Orzelski*, I, 51 — 103. Онъ помѣстилъ здѣсь всю рѣчь свою на сеймѣ по дѣлу о придворныхъ.—*Broel-Plater*, III, 189—192.—*Heidenstein*, 27.

[8]) Вопросъ объ избирательной программѣ хорошо изложенъ у *Пилинскаго* (96 sq.), который пользовался, между прочимъ, *Гейденштейновою* Vita J. Zamoscii.—*Orzelski*, I, 78, sq., 95—103.—*Choisnin*, 358 sq.—Въ изложеніи дѣйствительно темной исторіи исправленія законовъ на сеймѣ весьма аккуратный *Рейманъ* спутался въ подробностяхъ. На стр. 113 коммиссія представляетъ у него въ сенатъ, на четвертый день послѣ открытія своихъ засѣданій, проектъ новаго законодательства. А на 117 стр. само собою появляется исправленіе незамѣченной ошибки: коммиссія оканчиваетъ свое дѣло 1-го мая. — *Ноайль* (II, 302), вѣроятно, желая внести нѣкоторый порядокъ въ сеймовую путаницу, самовольно „организуетъ" шляхту, не понявъ значенія коммиссіи децемвировъ. У него изъ шляхты образуется что-то въ родѣ низшей палаты парламента. Ничего подобнаго не говорятъ источники и не допускаетъ дальнѣйшій ходъ дѣлъ. Къ чести Ноайля нужно сказать, что онъ уклонился въ этомъ случаѣ отъ ссылки на источники.—*Heidenstein*, 27.—Cifra del Card. Commendone, 1 di Maggio 1573, у *Тургенева*, I, 243 sq.

[9]) Articuli Henriciani помѣщены на польскомъ и латинскомъ языкахъ въ рукописи Имп. публ. библ. Они напечатаны полатыни (по рукописи архива château de Maintenon) у *Ноайля*, III, 437—443. Они вошли въ польскомъ переводѣ въ условія, подписанныя Стефаномъ Баторіемъ при вступленіи на польскій престолъ, 8 февраля 1576 года: *Volumina legum*, II, 150—152. — Въ связкахъ Моск. архива мин. ин. дѣлъ находится переводъ Генриховыхъ Статей съ нѣкоторыми сокращеніями. Статья 9-ая (о раздачѣ коронныхъ и придворныхъ должностей заслуженнымъ людямъ „обоихъ народовъ", а отнюдь не чужеземцамъ) совсѣмъ выпущена.—Наиболѣе глубокій взглядъ на значеніе Генриховыхъ Статей принадлежитъ *Пилинскому* (97 — 111). Но онъ же высказалъ мысль объ исправленіи законодательства, какъ о дѣлѣ партіи, перешедшую отъ него и къ Ноайлю, который вообще придерживается его въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Впрочемъ рядомъ съ этою мыслію Пилинскій выражаетъ другую, справедливую и стоящую въ разрѣзъ съ первою. Онъ говоритъ, что въ Генриховыхъ Статьяхъ проявились взгляды и желанія тогдашняго общества, сохраненные многочисленными памфлетами, и мастерски очерченные

имъ. Эту мысль вполнѣ подтверждаютъ и тѣ памфлеты, съ которыми удалось познакомиться намъ. Тутъ же Пилинскій совершенно вѣрно обращаетъ вниманіе на свидѣтельство *Гейденштейна* (p. 27) о томъ, что часть коммиссіи настаивала на внесеніе въ Статьи полнаго текста закона Александра 1501 года, служащаго исходною точкою для всѣхъ остальныхъ Pacta conventa. Кое-что изъ этого закона и было-таки взято въ Статьи.— *Fredro*, p. 64—66.—Текстъ Великой Хартіи помѣщенъ въ исторіи Англіи *Лаппенберга и Паули* (III Th.). Ея анализъ см. у *Гнейста*: Das heutige engl. Verfassungs—und Verwaltungsrecht, I, 85—91.— *Piasecius*: Chronica, 459.—Cf. *Hartknoch*, II, 247.

[10]) *Orzelski*, I. 51, 78, 89, 105—107.—*Choisnin*, 364.—*Gratiani*: De vita Commendoni, 416—418.—*Carncovii* Epist. p. 1764.—Прекрасный и самый полный разсказъ о разсмотрѣніи Генриховыхъ Статей въ шопѣ находится у *Реймана* (p. 117 — 119), который пользовался, кромѣ Оржельскаго, интереснымъ письмомъ Якова Уханскаго, помѣщеннымъ у *Тейнера*, I, 140. — Велюньская конституція противъ еретиковъ (1424 г.) помѣщена въ *Vol. leg.* I, 38. Ср. примѣчаніе 36-е къ VI главѣ.

[11]) Вторая, майская половина сейма 1573 года, занятая собственно обрядомъ избранія, особенно счастлива относительно источниковъ, которые изображаютъ ее такъ ясно, полно и съ такими характеристическими подробностями, что почти не оставляютъ желать ничего болѣе. Они даже внушаютъ намъ смѣлость думать, что послѣ основаннаго на нихъ нашего разсказа новое изслѣдованіе этого момента польской исторіи было бы неблагодарнымъ трудомъ. Эти источники — все свидѣтельства очевидцевъ и даже участниковъ событій, тѣмъ болѣе драгоцѣнныя, что ихъ авторы принадлежатъ къ различнымъ партіямъ. Не говоримъ про *Шуанена* и *Граціани*, которые внимательно записывали майскія событія, хотя по самому своему отношенію къ нимъ не разъ впадали въ неточность или умышленное искаженіе. Но разсказъ *Оржельскаго* отличается въ этомъ случаѣ особенною ясностію, точностію и снабженъ подробностями, подмѣченными съ любовью къ дѣлу. А описаніе весьма важной дѣятельности Великополянъ, среди которыхъ онъ самъ имѣлъ голосъ, составляетъ вообще перлъ современной мемуаристики. Превосходно дополняетъ Оржельскаго веденный изо дня въ день *Dyarysz elekcyi Henryka króla* (напечатанъ по списку библіотеки Чарторыйскаго у *Ноайля*, III, 372—386), весьма точный и подробный, страдающій ошибками только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ неизвѣстнаго автора увлекаетъ черезчуръ ясная ненависть къ Франціи и любовь къ цесарю и протестантамъ. Но какъ бы нарочно для исправленія этихъ, впрочемъ неважныхъ, погрѣшностей сохранилось два письма человѣка противоположныхъ воззрѣній, *Станислава Карнковскаго*. Одно изъ нихъ (*Epistolae*, p. 1764 sq.), къ кардиналу Гозію, небольшое, но

зато написанное подъ впечатлѣніемъ минуты, во время сейма, вѣроятно, 15 мая. Другое (р. 1821—1828), къ Мартину Кромеру, отъ 21 сентября 1573 года, чрезвычайно длинно и обстоятельно разсказываетъ эти событія въ видѣ добавленій и объясненій къ *Комментарію* объ этомъ безкоролевьи, который онъ посылалъ польскому историку для просмотра. Наконецъ, хорошимъ руководителемъ служитъ другой уже не разъ помогшій намъ дневникъ сейма, напечатанный въ III томѣ собранія *Broel-Plater'a*. Не менѣе враждебный къ Франціи, чѣмъ вышеупомянутый *Dyaryusz*, онъ не высказываетъ особеннаго пристрастія къ другимъ партіямъ и представляетъ дѣло съ рѣдкою въ польскихъ источникахъ объективностью. По характерности, точности и замѣчательной полнотѣ нѣкоторыхъ подробностей (напр. Грохова) онъ можетъ выгодно соперничать съ самимъ Оржельскимъ. Нигдѣ въ своихъ разсказахъ о польскихъ событіяхъ *Де-Ту* не слѣдовалъ такъ рабски Шуанену, очевидно, не имѣя подъ руками никакихъ другихъ источниковъ. Всѣ, даже самыя грубыя ошибки Шуанена онъ тщательно сохранилъ тутъ въ своей исторіи.

[12]) Записанную *Гейденштейномъ* (р. 28) молву о планѣ протестантовъ провозгласить королемъ Шафранца *Красинскій* (Gesch. der Reform. in Polen, bearb. v. *Lindau*, p. 169) принялъ за фактъ, не имѣя никакихъ другихъ указаній въ источникахъ. Оттого-то такъ натянуто у него произвольное толкованіе неудачи ихъ замысла. Онъ представляетъ, будто Томицкій и Мелецкій, имѣвшіе за собою сочувствіе шляхты, испугались грознаго сопротивленія пановъ, которое не замедлило-бы разразиться.

[13]) Само собою разумѣется, что числовыя данныя о голосахъ, полученныхъ Генрихомъ, предлагаемыя *Шуаненомъ* (р. 367) и *Карнковскимъ* (Epist. p. 1821 и 1822), указаны частію приблизительно, по соображенію, частію пристрастно. Къ тому же важны голоса воеводствъ, а не отдѣльныхъ шляхтичей. Щепетильность *Реймана* (Hist. Zeitschr. 1864, I, 120 sq.) въ этомъ случаѣ можно объяснить лишь увлеченіемъ мелкою критикой, которое вообще свойственно ему.

[14]) Для всего предыдущаго разсказа объ обрядѣ избранія см. *Orzelski*, I, 108—122.—*Noailles*, III 372—375.—*Broel-Plater*, III, 193 sqq.—*Carncovii* Epistolae, 1764, 1821 sq. — *Choisnin*, 364—367.—*Gratiani*: De vita Commendoni, 419—422. —*Heidenstein*, 28.—*Orichovii* Annalis V (въ *Гюйсеновомъ* изданіи Длугоша II, 1538 sq.).

[15]) Этотъ поступокъ Яна Фирлея отчетливо, согласно съ его характеромъ и съ обстоятельствами, разсказанъ въ *Dyaryusz'ѣ* (*Noailles*, III, 375). Если въ другомъ дневникѣ сейма (*Broel-Plater*, III, 194) онъ приписанъ епископу куявскому, то мы считаемъ это за погрѣшность, естественную при быстромъ и суммарномъ записываніи не только того, что

слышалъ самъ авторъ, но и того, что передано ему другими. Кромѣ того, что такое предложеніе было въ интересахъ нововѣрцевъ и вредно для друзей Франціи, въ этомъ удостовѣряетъ насъ самъ Стан. Карнковскій. Судя по его перепискѣ, этого друга Генриха, который въ этотъ самый день писалъ ему вмѣстѣ съ Албертомъ Ласкимъ о томъ, что онъ, можно сказать, уже выбранъ (Epist. 1793 sq.), скорѣе можно упрекнуть въ хвастовствѣ, чѣмъ въ излишней скромности. Ужъ онъ нигдѣ не забудетъ выставить себя, какъ политическаго мужа, отъ котораго зависѣла чуть не вся судьба государства. А между тѣмъ, раскрывая своему пріятелю, Кромеру, подробности избранія съ ихъ мотивами, онъ весьма объективно выражается о разсматриваемомъ фактѣ (Epist. p. 1822). Мало того. Онъ счелъ нужнымъ высказать свое мнѣніе о немъ, стараясь доказать, что онъ не только не повредилъ, но даже помогъ французской кандидатурѣ: „Ego autem id factum esse reor, ad amplificandam et eo magis illustrandam Regis electi laudem et gloriam etc.“

[16]) Рѣчи адвокатовъ изложены у *Оржельскаго* (I, 123 sqq.) и *Пасторія* (Flor. Polon., 234 sqq.). Рѣчь Карнковскаго цѣликомъ напечатана у *Ноайля* (III, 387), гдѣ она занимаетъ 11 страницъ мелкаго шрифта.

[17]) *Orzelski*, I, 128—135.—*Gratiani*, 423 sq;—*Noailles*, III, 376—381.—*Heidenstein*, 27 sq. — Рѣчь Ходкѣвича мы старались передать въ самомъ близкомъ, почти подстрочномъ переводѣ, на основаніи ея двухъ весьма сходныхъ изложеній, помѣщенныхъ у *Оржельскаго* и въ *Dyaryuszъ*.

[18]) *Orzelski*, I, 135 sq. — *Broel-Plater*, III, 195 sq. — *Noailles*, III, 381.

[19]) Postulata quorundam haereticorum Polonorum a Gallis legatis, подписанныя Монлюкомъ и Ланссакомъ, помѣщены въ рукоп. Имп. публ. библ. Дата—Плоцкъ, 4 (ошибка, вмѣсто 14) мая. Этотъ документъ напечатанъ съ неважными измѣненіями у *Ноайля* (III. 409 sqq.) по рукописи парижской импер. библ. *Пилинскій* нашелъ его въ рукописи библіотеки Тарновскихъ въ замкѣ Дзиковѣ (въ Галиціи), *Рейманъ* у *Тейнера* (Ann. eccles. I, 143). Отвѣтомъ на эти требованія были два любопытные документа, найденные нами въ рукописи Имп. публ. библіотеки: 1) Письмо Генриха къ Петру Зборовскому (изъ лагеря подъ ла-Рошелью, въ іюлѣ 1573 года), въ которомъ онъ ручается въ сохраненіи религіознаго мира. Оно служитъ новымъ важнымъ доказательствомъ того, что требованія составлены Зборовскимъ, а не Фирлеемъ, какъ утверждаетъ *Красинскій*, котораго мѣтко опровергаетъ *Пилинскій* (стр. 126, прим. 24), на основаніи самихъ Postulata. 2) Письмо гугенотовъ къ

польскимъ протестантамъ, къ сожалѣнію. безъ даты.—*De-Thou*, LVI, p. 508; LVII. p 529 sq.—

[20]) *Бѣльскій* и *Соликовскій* приписываютъ этотъ поступокъ Николаю Мелецкому, вопреки и здравому смыслу, и фактамъ. Очевидно, ихъ католическое чувство не могло примириться съ столь великою измѣной вождя французской партіи. Они предпочли правдѣ свое желаніе взвалить это ужасное, по ихъ мнѣнію, преступленіе на плечи одному изъ главъ нововѣрія. Что касается до помѣщеннаго у Шуанена и Гейденштейна извѣстія, будто примасъ дѣйствительно провозгласилъ Генриха королемъ 9-го мая, то это просто ошибка, понятная у Шуанена бывшаго тогда уже въ Парижѣ, и рѣшительно необъяснимая у точнаго и свѣдущаго Гейденштейна. Наши главные источники, Оржельскій (I, 135 sq.) и оба дневника, частію изображаютъ этотъ моментъ точно и ясно, частію молчатъ не менѣе краснорѣчиво. Но важнѣе всего стараніе Карниковскаго *объяснить* (въ не разъ упомянутыхъ двухъ его письмахъ: Epist. p. 1765, 1823) *изувачу* Якова Уханскаго, конечно такъ, чтобы вполнѣ замаскировать протестантскіе мотивы поступка Петра Зборовскаго, имя котораго онъ даже не упоминаетъ. У него эта сцена происходитъ какъ-бы между своими, между вполнѣ единомышленными людьми.

[21]) Litterae ab ordinibus Pol. ad legatos Chr. Gall. Regis Ploscum missae (отъ 10 мая), въ рукописи Имп. публ. библ. Ср. *Noailles*. III. 404.

[22]) Эта сцена прекрасно, со всѣми чертами дѣйствительности записана у весьма точнаго наблюдателя событій, составившаго *Дневникъ* сейма. Къ сожалѣнію, и здѣсь издатель, *Broel-Plater* (III, 198), не могъ обойтись безъ очевидныхъ ошибокъ, происшедшихъ отъ небрежности. Такъ въ словахъ, которыми паны обругали своего примаса, встрѣчаемъ „chłopię" вмѣсто „głupię".

[23]) Весь разсказъ о гроховцахъ основанъ на *Оржельскомъ* (I, 137—141) *Дневникѣ* (*Broel-Plater*, III, 196—198), *Dyaryuszѣ* (*Noailles*, III, 381—384), *Граціани* (424—426), *Бѣльскомъ* (696 sq.). *Dyaryusz* представляетъ тутъ нѣкоторыя затрудненія. Только въ немъ указано на первое условіе, предложенное Фирлеемъ въ переговорахъ съ католиками. Это условіе (о дальнѣйшемъ соблюденіи избирательной программы) такъ естественно и его обсужденіе въ шопѣ разсказано такъ согласно съ обстоятельствами и характерами, что отвергнуть его нельзя, не смотря на молчаніе другихъ очевидцевъ событій. Но зато все, происходившее 11-го мая, въ немъ ошибочно, растянуто на два дня, 11 и 12 мая. Отсюда произошли нѣкоторыя несообразности. Такъ *послѣ ухода* гроховцевъ примасъ провозглашаетъ Генриха, и вдругъ, неизвѣстно какъ, возникаетъ Гурка для перебранки съ нимъ. Къ числу этихъ несообразностей, легко

устраняемыхъ свидѣтельствами другихъ очевидцевъ, принадлежитъ и минутное появленіе въ шопѣ самого Фирлея изъ-подъ Грохова, роль котораго потомъ, очевидно, переходитъ къ Гуркѣ, явившемуся, чтобы замѣнить его, какъ Deus ex machina.—*P. Mathieu*: Hist. de Charles IX (*Choisnin*, 365 sq.).—*Carncovii* Epist. p. 1823.

[24]) Составленный на этомъ сеймѣ 16 мая присяжный листъ Генриха помѣщенъ въ рукописи Имп. публ. библ. Онъ напечатанъ съ польскимъ переводомъ у *Broel-Plater*'а (III, 230 sqq.), также у *Dumont*'а (V, 1) и въ *Vol. legum* (II, 134 sq.). Вотъ какъ сказано въ немъ о религіозномъ мирѣ: „Pacem et tranquillitatem inter dissidentes de religione tuebor, manutenebo, nec ullo modo vel jurisdictione nostra, vel *officiorum nostrorum et Statuum quorumvis* authoritate quempiam afflici, opprimique causa religionis permittam, nec ipsa afficiam, nec opprimam."—Ср. *Orzelski*, I, 142.

[25]) *Pacta Conventa* находятся въ рукописи Имп. публ. библ. въ томъ видѣ (съ датою: 16 мая) какъ они были подписаны французскими послами и какъ вошли въ *Vol. legum* (II. 133 sq.). *Broel-Plater* (III, 220—228) напечаталъ ихъ (съ польскимъ переводомъ) вполнѣ, какъ они были поданы Монлюку, то-есть со включеніемъ статьи о бракѣ Генриха съ Анной. Изъ этого послѣдняго обстоятельства слѣдуетъ, что издатель и здѣсь сдѣлалъ промахъ: у него стоитъ дата (16 мая), которая могла только по ошибкѣ попасть въ неутвержденный списокъ Договора. *Pacta Conventa* сильно интересовали, какъ Поляковъ, такъ и ихъ сосѣдей. У польскихъ историковъ они записаны аккуратно почти у всѣхъ. Въ связкахъ Моск. архива мин. ин. дѣлъ есть нѣсколько ихъ изложеній. Одно изъ нихъ представляетъ нѣсколько важныхъ добавленій: 1, „На люди рыцерские заслуженые доброе бачене мѣти обѣцует яко рыцерски пан." 2, „От Московского хочетъ всео добрать что побрал и до славы першеи военнои Поляковъ привести кдыж есть пан валечны сроженя а ростропны цвиченя". 3, „Если Турок по смерти королевича Угорского давал королю змерлому семиградцкую землю тогдыж и теперь ему лутше побереживать надобет пріязни французской латвеи бо ссобою дал молвити около волоскои земли а еще лутчеи кгды тые оба королевства злучено будет тогды на обое болши оглядатися". 4, „ Татарам нетолко упоминки давать але на съѣзды их задержати засмовою стурком обецует и тоѣ на себѣ берет азачасом поля дикие мѣсты моцными и кгородами осажати будет оттатаров покой постановивши". 5, „Скоролем швицким естли королевство полское мает якую змову давную або теперь учиненную той хочет держати болѣ знем мает здавна пріязни бо захованє". Весьма любопытно выражена тутъ статья о морскомъ плаваніи. „Было бы, сказано въ ней между прочимъ, то ему (Генриху) залосно яко валечному пану вкоролевстве

такъ много моря маючи не меги моци брати на море лѣпшеи инших кроликов дацкого и шветцского и обецует маючи морского змиряля для славы рыцерскои привлацить можность и панство морское зачимся взмогают королевства и мѣста чего естя дотул могучи уживать не умѣли".

[26]) Несогласіе французскихъ пословъ мы считаемъ несомнѣннымъ фактомъ, хотя въ нашихъ источникахъ нигдѣ прямо не сказано этого. Готъ основанія нашего убѣжденія. У насъ подъ рукою есть документъ съ самымъ полнымъ изложеніемъ всѣхъ условій, которыя требовали поясненій или вызывали споры: въ нихъ нѣтъ ни слова о королевнѣ Аннѣ. Стало-быть, Поляки не ставили ея брака въ число *неизбѣжныхъ* условій. Изъ этого же документа видно, что Французами не было отвергнуто *безусловно* ни одно изъ предложеній Поляковъ. Слѣдовательно, выраженіе *Шуанена* (379): „enfin (паны) corrigèrent un article qui estoit le plus important" относится къ статьѣ, не помѣщенной въ документѣ. Что Французы, хорошо понимавшіе своего Генриха, считали эту статью весьма важною, въ этомъ нѣтъ ничего страннаго. Необыкновенное упорство Генриха отстоять свое сердце передъ старою дѣвой доказало впослѣдствіи, что они были вполнѣ правы. Еще важнѣе слѣдующія два обстоятельства. 1, Въ Договорѣ, напечатанномъ въ *Vol. legum* нѣтъ этой статьи. Нѣтъ ея также ни въ рукописи Имп. публ. библ., ни въ связкахъ Моск. архива мин. ин. дѣлъ, ни у *Бѣльскаго* (697 sq.), *Гейденштейна* (29 sq.) и *Фредра* (82—84), которые аккуратно занесли Договоръ въ свои сочиненія. 2, Еслибы эта статья была въ договорѣ, то не потребовалось бы особеннаго объявленія со стороны Монлюка, Ланссака и Ноайля объ этомъ обязательствѣ Генриха, подписаннаго въ Варшавѣ *21-го* мая (*Noailles*, III, 412 sq.—*Theiner* Ann. eccles. I, 144).—Весьма любопытный документъ, упомянутый нами выше, изъ котораго видны самые переговоры о Договорѣ, помѣщенъ въ рукописи Имп. публ. библ., а также у *Ноайля* (III, 405—409). Въ немъ заключаются, между прочимъ, слѣдующія характеристическія поясненія Монлюка. „Генрихъ уплачиваетъ издержки, которыя сдѣлаетъ польская казна для защиты границъ Польши и Литвы *до его пріѣзда*. Если въ Ливоніи или гдѣ-либо устроится для нашихъ купцовъ складочное мѣсто товаровъ (emporium), которые теперь собираются въ Нарвѣ, то король постарается, чтобы къ нему приходили купцы наши и прочихъ союзныхъ съ нимъ христіанскихъ государей". О Московскомъ сказано: „Optat rex quam primum ad vos venerit, bellum illi inferre, atque eum ita propellere, et fines vestros munire, ut non posthac sit illi facile justo exercitu vos invadere". Гасконцы названы тутъ „людьми, которыхъ нельзя ни минуты держать въ праздности, развѣ только съ условіемъ, чтобы имъ, какъ, бывало, римскимъ солдатамъ, дать клочекъ земли, устроить изъ нихъ колонію для удержанія

варваровъ отъ вторженій". „Пріупавшую" краковскую академію Генрихъ обѣщаетъ сдѣлать „совершенною", снабдивъ ее „не только славными докторами и спеціалистами по гражданскому праву и медицинѣ, но и другими учеными мужами, могущими наставить во всякаго рода наукахъ и правахъ особенно тѣхъ польскихъ юношей, которые не имѣютъ средствъ къ посѣщенію Франціи и Италіи. Краковская коллегія, сверхъ того, будетъ устроена по образцу парижскихъ".—О торговлѣ всего болѣе распространялись Французы въ своихъ объясненіяхъ. Они соблазняли Поляковъ слѣдующими произведеніями своей страны, „безъ которыхъ почти не могутъ обойтись другіе народы". Вино изобильное, разнообразное и настоящее, тогда какъ „достовѣрно извѣстно, что всѣ привозимыя въ Польшу вина испорчены и поддѣланы" Соль, безъ которой не могутъ обойтись ни Шотландія съ Англіей, ни Бельгія съ Даніей (у *Ноайля* „Dacia"!) и Швеціей, ни даже „славные приморскіе города," такъ что всегда въ маѣ болѣе двухъ тысячъ судовъ стекается за солью у Аквитаніи. Правда, въ Польшѣ много своей соли; но не бѣдна ею и Германія, которая не можетъ однако обойтись безъ французской. Изъ Франціи вывозится множество шафрана, масла, всякаго рода суконныхъ и шерстяныхъ матерій. Много золота стекается во Францію за ту выгоднѣйшую траву, которою красятъ сукна въ разные цвѣта. Тамъ также добываютъ яркую красную краску изъ зеленаго высушеннаго плода, какъ и въ Венгріи. Есть и еще много другихъ товаровъ, о которыхъ слѣдуетъ хорошенько переговорить съ купцами. Въ свою очередь, послы Карла IX требовали, чтобы польскіе купцы продавали французскимъ „за умѣренную цѣну" предметы торговли, которыми изобилуетъ ихъ страна, особенно воскъ, медъ, шерсть (у *Ноайля* „cineribus" вм. „crinibus!"), кожу и мѣхъ.

27) Присяга французскихъ пословъ помѣщена въ рукописи Имп. публ. библ. и напечатана у *Ноайля*, (III, 411 sq.) на франц. языкѣ; *Broel-Plater* (III, 229 sq.) напечаталъ ее съ переводомъ на польскій. *Эйхгорнъ* (Card. Hosius, II, 435) говоритъ, что она хранится въ епископскомъ архивѣ во Фрауенбургѣ.

28) Для всего предыдущаго разсказа: *Grzelski*, I, 146 sq. — *Broel-Plater*, III, 198—200.—*Choisnin*. 368 sqq.—*Gratiani*, 426.

29) Этотъ чрезвычайно характеристическій случай записанъ *Карнковскимъ* (*Epist.* p. 1825). Моментъ, въ который онъ совершился, не указанъ прямо; но нѣкоторыя слова и фразы позволяютъ воспользоваться имъ такъ, какъ воспользовались мы.

30) Декретъ объ избраніи Генриха см. въ рукописи Имп. публ. библ. и у *Ноайля*, III, 413 sqq.—*Heidenstein*, 30. — Универсалы къ народу (отъ 19 и 20 мая), объявляющіе избраніе Генриха, назначающіе сеймъ съ сеймиками и проч., находятся въ рукописи Имп. публ. библ. и въ

Vol. legum, II, 130—132. — Въ рукоп. Имп. публ. библ. вшитъ современный печатный универсалъ поборовый (дата—7 мая). Онъ напечатанъ въ *Vol. legum*, II, 126—130.—*Orzelski*, I, 147 sqq.

[31]) См. выше, примѣчаніе 26.—*Choisnin*, 378 sqq.

[32]) Письмо Генриха къ П. Зборовскому изъ ла-Рошели отъ 9 іюля, въ рукоп. Имп. публ. библ. и у *Тейнера* (Ann. eccles. I, 146), съ датою: 5 іюня.—*Orzelski*, I, 151.—*Heidenstein*, 31. — Выдержка изъ письма къ Жилю Ноайлю у *Ноайля*, II, 346. — Въ изданіи, которымъ мы пользовались, къ мемуарамъ *Шуанена* (433—439) приложены письма Монлюка къ Карлу IX, королевѣ-матери и „польскому королю", всѣ изъ Плоцка отъ 10 мая.

[33]) Жиль де-Ноайль писалъ къ дю-Ферье изъ Варшавы отъ 23 мая 1573 года, что выборъ Генриха по всеобщему согласію „est une chose miraculeuse et toute de Dieu, veu que les plus sages et anciens nobles de ce pays ne pensoient pas qu'une si grande assemblée se peust si heureusement accorder et despartir sans quelque grande division". *Charrière*, III, 391 sq. — Письмо Карнковскаго къ Кромеру (Epist. 1822 sqq.) все проникнуто этимъ чувствомъ.

[34]) *Noailles*, III, 386.—*Heidenstein*, 31. — *Charrière*, III, 392.— Протестъ Уханскаго съ друзьями вошелъ въ подтвержденіе его Генрихомъ въ Парижѣ 10 сентября, напечатанное у *Ноайля*, III, 466 sq. — Онъ находится также (съ датою: 16 мая) у *Дамалевича:* Series Archiep. Gnesnensium.—*Heidenstein*. 31, 39.—*Theiner*: Ann. eccles. I, 381.— *Пилинскій* (126) пользовался въ этомъ случаѣ рукописнымъ дневникомъ французскаго посольства, веденнымъ Андреемъ Гуркою.—*Choisnin*, 380 sq. — Шомбергъ писалъ въ Екатеринѣ Медичи, нѣсколько времени спустя, что Ласкій и Радзивилъ уже указываютъ на весьма важное обстоятельство: „assavoir le commencement de quelque rébellion de pardelà... Ils m'ont dict que la source provenoit de l'impression qu'on avoit donnée à la noblesse de pardelà, que le roy de Poulogne auroit infiniment détesté les conditions auxquelles m. de Valence auroit juré au nom de Sa M., voire jusques à les fouler des pieds". *Noailles*, III, 499.

[35]) Въ *Датскихъ дѣлахъ* Моск. архива мин. ин. дѣлъ (№ 2, стр. 27—37) разсказывается, какъ въ іюлѣ 7081 (1573) года пріѣхалъ къ Ивану IV „цысаря человѣкъ Магнусъ Павлусъ". Этотъ Магнусъ сообщилъ царю, что еще въ бытность его дома, когда избраніе Генриха не было извѣстно, „уложено у цысаря и у всѣх поморских князей: толко францовсково королевича захотят взяти ляхи и литва и цысарю и всѣмъ поморским князем того беречи накрепко, чтоб кор-ча франц. не пропустить на кор. польское и в. кн. литовское для тово что он турскому

салтану друг великой. И толко он будет на корунѣ пол. и в. кн. литовском и съ турским у них будет одиночество и то крестьянству будет квеликои невзгодѣ и кпогубленю. А то подлинно вѣдомо, что цысарь фр-во кор-ча по своей землѣ однолично не пропустит. А болшая ему тѣснота итти дорогою по дацкои землѣ на зунт и цысарь писал и кдатцкому чтоб он по своеи землѣ фр. кор-ча зунтом однолично не пропустил. И у дацково поперег зунта у самово устя стоит готов корабль воинскои и чепми передернут а толко государь велит от себя о том отписати кдацкому и то добрѣж добро. А оприч ему цысяревы земли и дацково короля инуды никуды проитти нелзѣ". (Великій визирь думалъ иначе: онъ предлагалъ Генриху ѣхать черезъ Марсель и Константинополь. *Charrière*, III, 395, 404). Далѣе Магнусъ разсказывалъ: „А цысарь (с) поморскими князями сьѣхався уложил и утвердил чтоб не пропустити фр-во на к. пол. и в. кн. лит. И собрали до ста тысяч а велели тово стеречи чтоб фр. не проѣхал. Пруской князь со всею прускою землею и со гданском от коруны польские отступил къ цысарю. И нѣчто откоруны пол. и в. к. лит. поидут кфранц. королю послы или король поидет на гданеск и прускіи князь послов лит. по своеи землѣ кфр. кор-чу и к-ча фр-во однолично не пропустит на гданеск"—(у *Соловьева*, VI, 335 слѣд., изложено только начало этого посольства цесаря).—*Charrière*, III, 392, 395, 399, 403, 417.

[36]) Дю-Феррье писалъ Карлу IX изъ Венеціи отъ 21 мая: „Ces s-rs désirent plus que jamais la tranquillité de vostre r-me, et disent que sans cela le fruit de ladite élection ne sera si grand.., et espèrent que cette élection servira.... aussy pour vous inciter à tolérer pour quelque temps cette différence de religion". Въ то же время онъ внушалъ Екатеринѣ Медичи: „...s'il luy (Dieu) plaist pacifier vostre r-me comme plusieurs espèrent que cette heureuse nouvelle (избраніе Генриха) en sera les moyens, V. M. laissera à la postérité la plus belle histoire de soy que royne ait jamais fait".—*Charrière*, III, 393, 397; ср. 399, 402, 418.

[37]) Селимъ II писалъ польскимъ чинамъ отъ 1 іюля, между прочимъ: „E verso al famoso signore, al Gran Han dei Tartari, Devlet Chiereitta, li debbiamo comandare che dando un buono capitano al esercito dei Tartari, che al presente è in ordine, debbino andare sopra a i Moschoviti, ne avete ricercato.... E circhà il guardare e conservare il vostro paese ongni vostra forsa spenderete, tenerete l'ochio et l'orechie attente che, si della parte di Moschovia vorranno al vostro paese far danno alcuno, mandarete uno vostro huomo al sopraditto Gran Han a domandare aiuto". *Charrière*, III, 403 sq.; также 417 sq.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Объ источникахъ и литературѣ польскаго безкоролевья 1572—1573 годовъ.

Всякій, кому приходилось поработать надъ исторіей Европы второй половины XVI вѣка, обильной книгами, записками, письмами, памфлетами участниковъ событій, согласится, что этотъ отдѣлъ науки можетъ похвалиться рѣдкимъ богатствомъ источниковъ. То же самое можно сказать объ этой эпохѣ и въ исторіи Польши. Предметъ нашей книги служитъ однимъ изъ лучшихъ доказательствъ. Безкоролевье 1572—1573 годовъ было-бы хорошо извѣстно потомству, еслибы даже объ немъ сохранились записки одного *Святослава Оржельскаго,* старосты радзѣёвскаго Этотъ драгоцѣнный свидѣтель былъ образованнымъ шляхтичемъ, учился въ нѣсколькихъ университетахъ въ Германіи, гдѣ и обратился въ лютеранизмъ. Пылкій, правдивый, чуждый духу партій, Оржельскій казнитъ одинаково смѣло и прямо всѣхъ, даже своихъ „ближайшихъ пріятелей". Оттого кругъ его политическихъ убѣжденій рисуется слабѣе, чѣмъ у другихъ современныхъ ему писателей. Правда, въ это безкоролевье, когда онъ, 23-лѣтній юноша, кажется, впервые выступаетъ постояннымъ дѣятелемъ на сеймикахъ и сеймахъ, въ немъ можно замѣтить извѣстное направленіе. Онъ заклятой врагъ пановъ, примаса, камарильи; заботится о шляхетской свободѣ и тщательно слѣдитъ за тѣмъ, какъ бы королевская власть не обратилась въ „безграничную тиранію, благодаря гибкости и уступчивости Поляковъ". Но въ то же время сильно и часто достается отъ него и гибельной шляхтѣ. А впослѣдствіи ея нелѣпости и примѣръ Баторія совсѣмъ перетянули его на сторону королевской власти. Онъ сталъ за нее въ борьбѣ

ся съ „роскошничаньемъ въ свободѣ“, такъ что земскіе послы уже бранили его на сеймахъ. Зато, какъ ясна и неизмѣнна основа міровоззрѣнія Оржельскаго! Вездѣ онъ видитъ оскорбленіе высокаго идеала жизни, который свято хранится въ глубинѣ его неподкупно-нравственной природы. Онъ не вѣритъ людямъ, особенно Полякамъ съ ихъ „французскимъ легкомысліемъ и легковѣріемъ“. Онъ изумляется существованію столь „необычайной“ республики раздоровъ, какъ Польша, исторія которой истинная „трагикомедія“, выступающая передъ нимъ даже изъ-подъ самой блестящей внѣшности. Вотъ почему, составляя одинъ изъ драгоцѣнныхъ источниковъ польской исторіи по точности и правдивости извѣстій, онъ остается страстнымъ, бранчивымъ мемуаристомъ-сатирикомъ. Вотъ почему, вопреки своему философскому пониманію жизни, какъ вѣчнаго видоизмѣненія, развитія, онъ горько плачетъ о добромъ старомъ времени. Отсюда вытекаетъ и объясненіе особенностей Оржельскаго, какъ писателя. Онъ внимателенъ къ мелочамъ, прямо или какъ контрастъ относящимся къ его идеалу, и пропускаетъ важное. Опасаясь лжи, онъ черпаетъ свои свѣдѣнія лишь изъ документовъ и личнаго опыта. Оттого подробнѣй всего у него дѣла Великополянъ, къ которымъ онъ самъ принадлежалъ. И всѣ документы, бывшіе у насъ подъ руками, громко свидѣтельствуютъ о достовѣрности его разсказовъ до самаго незначительнаго имени. Такимъ образомъ онъ далекъ отъ полноты, но его самобытная, глубокая односторонность драгоцѣнна. Система у него хронологическая. Это почти лѣтописецъ, который собираетъ въ кучу все интересное, подходящее подъ одно число. Но рядомъ у него замѣтна попытка освободиться отъ этого завѣта старины; иногда онъ забѣгаетъ впередъ, улавливаетъ причинную связь разнородныхъ событій *).

Оржельскій протестантъ. Онъ не упускаетъ изъ виду интересовъ нововѣрія въ Польшѣ и служитъ надежнымъ руково-

---

*) Его сочиненіе (Interregni Poloniae libri VIII), обнимающее время отъ смерти Сигизмунда-Августа до войны Баторія съ Данцигомъ (1577), доселѣ не издано. Оно находится въ двухъ спискахъ въ публичной библіотекѣ въ Петербургѣ. Обстоятельства не позволили намъ прочесть ихъ, къ великому нашему прискорбію, тѣмъ болѣе что мы должны были довольствоваться весьма небрежнымъ переводомъ ихъ на польскій языкъ, изданнымъ Вл. *Спасовичемъ* въ 1856 году.

дителемъ въ ихъ пониманіи, которому сильно вредятъ смутныя, уродливыя объясненія католическихъ писателей. Зато эти писатели, которыми богато безкоролевье 1572—1573 годовъ, въ свою очередь дополняютъ старосту радзѣёвскаго. Правда, они весьма опасны. Каждый фактъ добывается у нихъ съ бою, путемъ критики. Но ихъ нерѣдко наивныя пристрастія, похвальба и ложь помогаютъ уясненію дѣла и раскрываютъ драгоцѣнныя подробности. Этого нельзя сказать только объ одномъ изъ нихъ, о *Дмитріи Соликовскомъ.* Его Commentarius brevis о событіяхъ 1572—1589 годовъ не только кратокъ, но и совсѣмъ безполезенъ. Онъ тщательно скрылъ все, что зналъ по личному опыту (а онъ зналъ очень много!), и старался выставить лишь свое благоговѣніе къ католицизму да къ Ст. Карнковскому. Оттого всѣ событія получаютъ у него совершенно превратный видъ и самую жалкую связь. Карнковскій оказывается устроителемъ сейма и всѣхъ важныхъ дѣлъ, покровителемъ Генриха анжуйскаго. Даже Як. Уханскій всячески выгораживается, причемъ авторъ невольно впадаетъ въ противорѣчія (ср. стр. 51 съ слѣд.). А объ Янѣ Фирлеѣ упоминается лишь одинъ разъ и то съ цѣлью бросить на него тѣнь.—Гораздо важнѣе трудъ *Антонія Граціани* (De vita Commendoni). Это тоже поэма, герой которой патронъ и начальникъ автора, Коммендоне. Свое благоговѣніе къ нему Граціани доказалъ даже всею своею жизнію. Но это весьма ловкій, интересный и драгоцѣнный для историка панегирикъ. Граціани былъ очень образованный іезуитъ, хорошо знакомый съ писателями древности. Печать классицизма видна, какъ въ его наклонности къ риторству, такъ и въ слогѣ и даже въ языкѣ. Она сообщаетъ нѣкоторую особенность и его строго-католическому взгляду. Граціани, работавшій въ эпоху возрожденія католичества, вполнѣ надѣялся на его воскресшія силы. Въ немъ нѣтъ и тѣни сомнѣнія или страха. Въ его душѣ царствуетъ спокойная самоувѣренность, сдерживающая его пристрастія въ границахъ приличія и серьёзности. Оттого онъ старается превознесть своего кардинала не столько приторною похвалой, сколько ловкою группировкою вокругъ него самыхъ важныхъ событій. Онъ предпочитаетъ лучше умалчивать о невыгодныхъ фактахъ, чѣмъ уродовать ихъ; а все выгодное разсказано у него безъ прибавленій, правдиво. Еще болѣе значенія придаютъ ему природная живость и своего рода

наивность. Часто онъ какъ-бы невольно записываетъ такія подробности, отъ которыхъ не поздоровится любому католику. и даже посредствомъ похвалъ рисуетъ мѣткія характеристики своихъ сотоварищей. Эти свойства еще болѣе замѣтны въ другомъ его крайне-интересномъ сочиненіи (De scriptis invita Minerva). куда вошло цѣликомъ многое изъ „Жизни Комм." Весьма прискорбно. что утраченъ еще цѣлый рядъ важныхъ трудовъ этого автора.—Французская интрига, играюшая одну изъ первыхъ ролей въ описываемое безкоролевье, была-бы для насъ блѣднымъ призракомъ безъ записокъ секретаря ея героя. *Жана Шуанена.* Его разсказы до того времени, когда онъ былъ отправленъ своимъ патрономъ въ Парижъ, безцѣнны. Они чрезвычайно полны и отчетливы. Авторъ хорошо зналъ среду, въ которой ему пришлось дѣйствовать, и силы, ворочавшія ею. Онъ не могъ пропустить ни малѣйшей подробности, потому что былъ влюбленъ въ дѣло, успѣхъ котораго бросалъ лучъ славы и на него. Онъ вѣрилъ, какъ въ генія интригъ. въ своего начальника. Конечно, съ нимъ нельзя совѣтоваться насчетъ внутреннихъ дѣлъ Польши, но все, что относится къ иностранному вмѣшательству, онъ сообщаетъ вѣрно, подробно, съ болтливостью и веселымъ нахальствомъ Француза. Отъ него не ускользнуло значеніе нововѣрія и Яна Фирлея и онъ не скрылъ его.

Весьма богато также избранное нами время документальными свидѣтельствами. уясняющими дѣло съ разныхъ сторонъ. На первомъ планѣ стоятъ „Письма знаменитыхъ людей" (Epistolae virorum illustrium). изданныя *Стан. Карнковскимъ.* Это собраніе, за и ключеніемъ нѣкоторыхъ писемъ (особенно королей), помѣщенныхъ издателемъ изъ тщеславія, весьма важно. Правда. изъ сличенія съ нѣсколькими письмами, которыя намъ удалось найти въ рукописяхъ, оказывается, что издатель выпускалъ не только нѣкоторыя имена (своихъ враговъ) и рѣзкія выраженія, но иногда и цѣлыя мысли. Но значеніе сборника не много пострадало отъ этого. Онъ уясняетъ сущность дѣла, ибо проникнутъ однимъ главнымъ интересомъ, связывавшимъ тогда событія, въ средоточіи которыхъ стоялъ издатель. Сверхъ того, вопреки односторонней и поверхностной точкѣ зрѣнія, лежащей въ основаніи большей части нашихъ источниковъ, сборникъ изобилуетъ драгоцѣнными указаніями на характеры дѣятелей, на мотивы

ихъ поступковъ. Тутъ встрѣчаются также факты, или уничтожающіе всякое сомнѣніе при повѣркѣ событій, или даже такіе, которые нигдѣ не встрѣчаются. (Карнковскій въ Радзѣёвѣ и Колѣ; сношенія его съ Генрихомъ чрезъ Коссобуцкаго и др.). „Письма" отличаются шероховатымъ, тяжелымъ, но правильнымъ и безыскусственнымъ языкомъ, причемъ среди всеобщаго однообразія замѣтно выдается оригинальный слогъ Кромера.—Два тома (2-й и 3-й) собранія памятниковъ польской исторіи *Брёль-Платера* (Zbiór pamiętników etc.) служатъ необходимымъ матеріаломъ, освѣщающимъ предметъ съ новыхъ, весьма важныхъ для историка сторонъ. Здѣсь помѣщенъ цѣлый рядъ разнообразныхъ памфлетовъ и записокъ въ видѣ дневниковъ, характеризующихъ нѣкоторые сеймики и отчасти оба сейма. Это—обширное поприще для наблюденій надъ шляхетскою средой. Здѣсь являются друзья Франціи, Москвы и цесаря, протестанты и католики, крайніе и умѣренные либералы. Передъ нами живое шляхетство съ его идеалами и недостатками; видно даже, какъ въ его умѣ созрѣваетъ мысль о необходимости *встмъ* явиться на избраніе. 3-й томъ, хотя весь посвященъ безкоролевью, но гораздо менѣе интересенъ, чѣмъ 2-й. Какъ видно изъ подбора статей, онъ составленъ какимъ-то врагомъ Генриха анжуйскаго, Малополяниномъ, кажется, именно Краковяниномъ, противникомъ Зборовскихъ, другомъ Яна Фирлея. Онъ пропустилъ множество бумагъ, бывшихъ у него подъ руками. Извѣстія о двухъ сеймахъ и о дѣлахъ въ Червонной Руси, при всей ихъ краткости, безцѣнны. Безъ нихъ многое было-бы непонятно въ поступкахъ французской партіи и примаса. Но, къ сожалѣнію, издатель черезчуръ благоговѣйно отнесся къ своей рукописи. Онъ помѣстилъ ее всю. Оттого главное мѣсто заняли документы отчасти неважные, отчасти уже изданные. Мало того. Онъ, какъ кажется, старался сохранить даже всѣ ошибки рукописи, доходящія порой до безсмыслицы, если только онѣ не зависѣли отъ его способа чтенія памятниковъ родной старины. Сличеніе съ нѣкоторыми статьями, найденными нами въ петербургскихъ рукописяхъ, вполнѣ убѣдило насъ въ крайней небрежности редакціи. Издатель не потрудился даже провѣрить свои сокровища съ уже изданными документами (напр. посольство Гарабурды у *Тургенева*).—Наконецъ, неблагодарно было-бы съ нашей стороны не упомянуть объ образцовомъ изданіи памятниковъ

дипломатическихъ сношеній Франціи съ Востокомъ (Négoc. de la Fr. dans le Levant), сдѣланномъ *Шарьеромъ*. Въ немъ посвящено польскому вопросу въ XVI вѣкѣ множество драгоцѣнныхъ страницъ, объясненныхъ сводомъ другихъ подходящихъ документовъ съ талантомъ и добросовѣстностью, свойственными этому ученому издателю. Безъ труда Шарьера побужденія Франціи, ея отношенія къ Польшѣ, отчасти даже ея избирательная интрига были-бы иногда непостижимы.

Но, конечно, рукописныя сокровища, на которыя мы разсчитывали при выборѣ предмета нашего труда интересовали насъ болѣе, чѣмъ изданныя. Надежда не обманула насъ. Правда, Московскій архивъ мин. ин. дѣлъ представилъ для насъ мало интереснаго. Въ статейныхъ спискахъ, столбцахъ и связкахъ нашлось нѣсколько почти все подтвердительныхъ извѣстій, относящихся если не къ избраннымъ нами годамъ, то къ сосѣднимъ. Но и тѣмъ по большой части уже воспользовалась въ послѣднее время русская историческая наука. Важнѣе былъ для насъ весьма мало извѣстный польскій архивъ. Мы воспользовались имъ, хотя при его неполнотѣ и односторонности добыча, конечно, не могла быть значительна. Зато насъ хорошо вознаградилъ рукописный отдѣлъ Импер. публичной библіотеки въ Петербургѣ. Здѣсь хранится чрезвычайно важный и обширный (болѣе 600 fol.) сборникъ актовъ, относящихся ко времени отъ смерти Сигизмунда-Августа до коронаціи Генриха (Лат. F. VI, 33). Онъ представляетъ большую часть событій, изложенныхъ въ нашей книгѣ. Особенно драгоцѣненъ его первый отдѣлъ, до избирательнаго сейма, который именно бѣденъ во всѣхъ другихъ источникахъ. Цѣлый рядъ постановленій и дневниковъ сеймиковъ и съѣздовъ переписка между послѣдними и главными дѣятелями, универсалы и протестаціи отдѣльныхъ земель — все это превосходно объясняетъ нѣсколько запутанную первую часть описываемаго безкоролевья. Судя по правописанію, очень давно вышедшему изъ употребленія, и по нѣкоторымъ мелочамъ, сборникъ составленъ вскорѣ послѣ событій, къ которымъ онъ относится. Мы постоянно ссылались на него, какъ на „рук. Имп. публ. библ.“ — Этого мало. Въ этой же библіотекѣ мы нашли нѣсколько весьма интересныхъ рукописей (въ спискахъ не ранѣе XVIII вѣка, небрежныхъ, безграмотныхъ и съ пропусками неразобранныхъ мѣстъ) изъ фамильныхъ архивовъ Радзивиловъ (Пол.

F. IV, №№ 184, 185, 187) и Сапѣгъ (№№ 181, 188, 189). Въ числѣ нихъ есть переписка участниковъ событій, Сиротки Радзивила, его дяди и Яна Ходкѣвича, бросающая свѣтъ на многія частности и лица, изъ которой нѣсколько извлеченій читатель найдетъ въ послѣдующихъ приложеніяхъ. Еще нѣсколько рукописей тѣхъ же архивовъ, относящихся къ изслѣдуемому времени и просмотрѣнныхъ нами, имѣютъ мало значенія.

Изъ старинныхъ историковъ, касавшихся безкоролевья 1572—1573 годовъ, два имѣютъ важное значеніе, ибо подходятъ скорѣе къ составителямъ документальныхъ сборниковъ, чѣмъ къ изслѣдователямъ. Одинъ—*Бѣльскій*, писатель конца XVI вѣка, „Хроника" котораго носитъ вполнѣ лѣтописный характеръ. Односторонняя хронологическая связь, изложеніе словами актовъ, краткость и точность—вотъ его отличительныя черты. Понятно, что онъ пропускаетъ много важнаго и свято сохраняетъ мелочи, имѣющія внѣшнее, условное значеніе. Другой—*Гейденштейнъ*, того же времени (писалъ при Сигизмундѣ III, какъ видно изъ его собственныхъ словъ, p. 8). Онъ очень напоминаетъ Бѣльскаго по пріемамъ. У него также господствуютъ хронологическая связь, сухость, простота, условность содержанія, отсутствіе экономіи въ трудѣ. Слогъ спокойный, краткій, небрежный. Но онъ несравненно полнѣе Бѣльскаго; запасъ его матеріаловъ гораздо богаче, хотя среди нихъ и преобладаютъ великопольскіе. Ему извѣстны имя и возрастъ какого-нибудь ничтожнаго гонца, числа мѣсяца, разстоянія и всякая мелочь обстановки. И чѣмъ далѣе онъ подвигается въ разсказѣ, тѣмъ становится полнѣе. И чѣмъ чаще провѣрять его документами, тѣмъ болѣе онъ выигрываетъ. При всей поразительной сдержанности, холодности, въ трудѣ Гейденштейна уже проглядываетъ личность автора, какъ-бы нехотя, случайно. Это честный, серьёзный человѣкъ, хорошо знающій людей, къ характерамъ которыхъ онъ иногда прибѣгаетъ за объясненіемъ событій. Это другъ католицизма, Як. Уханскаго, Замойскихъ и Великой Польши, врагъ Яна Фирлея, Монлюка и Малой Польши. Это патріотъ консерваторъ, хорошо понимающій шляхту, выставляющій дурныя стороны политической и религіозной свободы. Онъ не прощаетъ ошибокъ панамъ, но всего болѣе ропщетъ на младшую братію, и для него описываемое безкоролевье уже стало добрымъ старымъ временемъ. —

Противоположность Гейденштейну представляетъ историкъ XVII вѣка, *Фредро*. Это беззавѣтный республиканецъ, горячій другъ шляхты, противникъ короля, пановъ, всякаго правительства. Въ его шляхетскомъ патріотизмѣ, въ его заносчивой самоувѣренности и любви къ красному словцу, въ его строгомъ католицизмѣ проглядываетъ новая эпоха въ исторіи Польши. Онъ воспѣваетъ республиканское равенство, хотя и знаетъ его неудобства, доходя въ своемъ паѳосѣ почти до поэзіи. Онъ стоитъ за право примаса, ненавидя Якова Уханскаго. Онъ, конечно, тоже плачетъ о золотой старинѣ, но лишь потому, что тогда не было сепаратизма: а „при единствѣ, хотя и нѣтъ короля, но сохраняется его сила". Этотъ внутренній разладъ заставляетъ его отчаяваться въ долгой будущности горячо любимаго отечества. Фредро противоположенъ Гейденштейну и какъ писатель. Это философъ, моралистъ и политикъ, полный огня и воображенія, которыми нерѣдко увлекается. Онъ располагаетъ событія по своему замыслу, указывая ихъ причины, разсуждаетъ. Живая природа автора, его стремленіе къ художественности блещутъ въ каждой строчкѣ. Но рядомъ выступаетъ и слабая сторона Фредра. Онъ говоритъ порой очень общо о важныхъ событіяхъ, спутывая и переставляя ихъ; дѣлаетъ одностороннюю выборку изъ документовъ, влагаетъ въ уста своихъ героевъ искаженныя или и вовсе сочиненныя рѣчи, до которыхъ онъ большой охотникъ. Онъ пристрастенъ къ Французамъ. Всѣ другіе народы онъ нетерпитъ столько же, сколько обожаетъ своихъ Поляковъ. Безъ провѣрки нельзя взять у него ни одного извѣстія. Если разсказъ Гейденштейна только эскизъ картины, то у Фредра лишь ея колоритъ, притомъ эффектный. Но сила Фредра заключается въ богатыхъ источникахъ, которыми онъ пользовался и которые иногда приводитъ цѣликомъ. Вообще для пониманія обоихъ историковъ можно порекомендовать ихъ сличеніе: у нихъ есть много мѣстъ весьма поучительныхъ въ этомъ смыслѣ (напр. рѣчь Коммендоне на сеймѣ).

Предметъ нашего труда не подвергался спеціальной ученой обработкѣ до нашего времени. Сочиненія XVII и XVIII вѣковъ, посвященныя польской исторіи (*Hartknoch*, *Pastorius*, *Jolli*, *Bizardière*, *Böhmius*, *Massuet*, *Solignac* и др.), касаются его лишь мимоходомъ (отъ 7 до 60 стр.), черпая свои свѣдѣнія, какъ оказывается изъ сличенія, частію другъ у

друга, частію у Бѣльскаго, Гейденштейна, Фредро, Соликовскаго, Граціани, Шуанена, да у полулѣтописца, полукомпилятора конца XVI вѣка, *Гвагнина*. Впрочемъ позднѣйшія изъ нихъ, начиная почти съ половины XVIII вѣка, нѣсколько расширяютъ свой разсказъ и обращаютъ уже нѣкоторое вниманіе на внутреннія дѣла въ Польшѣ (напр. на сеймики). Это видно даже въ учебникахъ (ср. *Stolterfoth* и *Waga*, у котораго изложеніе этого безкоролевья даже отступаетъ отъ требованій учебника въ ущербъ остальному). Тоже самое должно сказать и о позднѣйшей исторіи Польши продолжателя Нарушевича, *Морачевскаго*. Лишь около десяти лѣтъ тому назадъ наука обратила серьёзное вниманіе на безкоролевье 1572—1573 годовъ, и съ тѣхъ поръ это вниманіе возрастало все болѣе и болѣе. *Эйхгорнъ* въ своемъ сочиненіи о кардиналѣ Гозіѣ (Stan. Hosius, 1855, II, B. III, Кар. II), посвятилъ упомянутому безкоролевью цѣлую длинную главу, тѣмъ болѣе важную, что она основана преимущественно на перепискѣ тогдашняго польскаго духовенства и на неизданныхъ документахъ епископскаго и капитулскаго архивовъ во Фрауенбургѣ. Конечно, какъ эти источники, такъ и крайне-католическая точка зрѣнія автора (онъ видитъ свою публику только въ духовенствѣ), и задача сочинить панегирикъ Гозію, его „духовному отцу", лишаютъ трудъ Эйхгорна должнаго значенія. Это сборникъ интересныхъ, но одностороннихъ свѣдѣній, дѣлающій честь замѣчательному трудолюбію сочинителя. Къ счастію, эти свѣдѣнія, хотя и ставятся въ ложномъ свѣтѣ, но не искажаются.

Въ 1861 году въ Гейдельбергѣ вышла маленькая, но прекрасная книжка *Пилинскаго*, вся посвященная описываемому безкоролевью (Das polnische Interregnum von 1572—1573). Она написана даровитымъ ученымъ и, не смотря на его молодость, не обнаруживаетъ слѣдовъ неопытной руки. Основный взглядъ автора, отчетливо выраженный въ первой (вступительной) главѣ, вѣренъ и глубокъ. Изложеніе, при всей его сжатости, ясно и основательно. Авторъ иногда сообщаетъ новыя свѣдѣнія, чаще исправляетъ или очищаетъ отъ сомнѣній извѣстія писателей конца XVI и начала XVII вѣка, которыми пользовались обыкновенно позднѣйшіе историки. Этимъ онъ обязанъ своему знакомству съ рукописными сокровищами двухъ польскихъ библіотекъ въ Галиціи, графовъ Тарновскихъ и Оссолинскихъ. Особенно помогла ему

послѣдняя, въ которой находится много памфлетовъ (отчасти напечатанныхъ во II томѣ сборника Платера) и документовъ (частію встрѣченныхъ нами въ Имп. публ. библ.), относящихся къ описываемому времени. Весьма жаль только, что Пилинскій, кажется, не придавалъ серьёзнаго значенія своей работѣ. Онъ, какъ видно, спѣшилъ и умышленно ограничивалъ себя. Оттого онъ больше намекаетъ на свѣдѣнія, почерпнутыя имъ изъ рукописей, чѣмъ дѣлится ими съ читателемъ. Иногда онъ доходитъ до такой суммарности, что воспроизводитъ лишь ткань событій и даже спутываетъ ихъ, не заботясь о критикѣ (напр. стр. 37, 104 и слѣдд.). На отношенія Польши къ иностраннымъ державамъ обращено мало вниманія. Авторъ не разсмотрѣлъ даже нѣкоторыхъ документовъ, касающихся этого вопроса и изданныхъ въ свѣтъ (напр. сборникъ Тургенева). Вообще характеристическія черты времени и націи у него пропали. Сохранился одинъ ловко составленный и умно объясненный скелетъ политическихъ событій, служащій относительно фактовъ какъ-бы дополненіемъ труда Гейденштейна.—Устранить отчасти эту односторонность взялся, въ 1864 году, *Рейманъ*, посвятившій „Избранію короля въ Польшѣ въ 1573 году" большую статью въ историческомъ журналѣ *Зибеля*. Онъ исключительно слѣдитъ за религіознымъ вопросомъ въ Рѣчи Посполитой, за дѣятельностью Рима въ этомъ уголкѣ Европы. Его трудъ — добавленіе къ исторіи возрожденія католицизма. Согласно съ своею цѣлью, Рейманъ также одностороненъ. Онъ касается политическихъ частностей лишь тамъ, гдѣ нужно дополнить или поправить Пилинскаго, постоянно бывшаго у него подъ руками. При этомъ, не обладая запасомъ рукописныхъ документовъ, доступныхъ Пилинскому, онъ иногда доходитъ до увлеченія въ мелкой критикѣ, иногда вводится въ заблужденіе своими соображеніями. Вообще новаго у него весьма мало. Редигеровская библіотека въ Бреславлѣ не доставила ему ничего важнаго. За то онъ тщательно воспользовался всѣми изданными матеріалами. Изданія Тургенева, Шарьера, Альбери, Дюмона не только оживили его дѣловое изложеніе, но заставили его, вопреки его задачѣ, выдвинуть впередъ внѣшнюю политику, забытую Пилинскимъ. Къ тому же Рейманъ не упускаетъ изъ виду и исторіи соприкосновенныхъ государствъ, совѣтуется, напр., не только съ Германомъ, но и съ Карамзинымъ.

Когда часть нашей книги уже была отпечатана, мы познакомились съ только-что вышедшимъ тогда сочиненіемъ маркиза де-*Ноайля* (Henri de Valois et la Pologne en 1572). Оно состоитъ изъ трехъ объемистыхъ томовъ, роскошно изданныхъ. Изъ нихъ только одинъ послѣдній, содержащій въ себѣ документы, имѣетъ весьма важное научное значеніе. Большая часть ихъ, впрочемъ, относится къ исторіи Франціи, порою даже вовсе не касается Польши, и извлечена изъ парижскихъ публичныхъ и частныхъ библіотекъ да изъ архивовъ военнаго депо. При этомъ издатель нерѣдко сталкивается съ опередившимъ его по времени Шарльеромъ. Интересные бумаги, показанныя Ноайлю Арманомъ Баше, извѣстнымъ издателемъ памятниковъ венеціанской дипломатіи. Но самый важный отдѣлъ 3-го тома составляетъ взятое изъ рукописей библіотеки Владислава Чарторыйскаго, въ особенности же изъ замѣчательнаго сборника документовъ по польской исторіи (Teka Naruszewicza), составленнаго, по порученію Станислава-Августа, Адамомъ Нарушевичемъ. А ему были открыты не только польско-литовскіе архивы, какъ придворному историку, но и ватиканская библіотека, какъ іезуиту-епископу. Изданныя (и, за немногими исключеніями, хорошо) Ноайлемъ сокровища библіотеки Чарторыйскаго почти исключительно ничто иное, какъ рукописи Имп. публ. библ., послужившія основою для нашего труда, и мы сами имѣли въ виду напечатать нѣкоторыя изъ нихъ. Къ сожалѣнію, чѣмъ важнѣе 3-й томъ сочиненія Ноайля, тѣмъ невыгоднѣе рекомендуетъ онъ остальные два, особенно 1-й. Это растолстѣвшій отъ перепечатокъ изъ 3-го тома памфлетъ, направленный руками „святыхъ мучениковъ свободы“ противъ „варварской“ націи и какихъ-то „оффиціальныхъ русскихъ историковъ“, къ которымъ, вѣроятно, не причисляется Карамзинъ, этотъ единственный источникъ свѣдѣній автора о Россіи, безжалостно имъ эксплуатируемый. Если, согласно съ заглавіемъ книги, выкинуть изъ нея балластъ, то-есть все относящееся къ Франціи или недостойное науки, то передъ нами явится жиденькій томикъ съ сухимъ, порой невѣрнымъ разсказомъ, котораго не въ силахъ оживить польскій патріотизмъ французскаго маркиза, хотя-бы и потомка замѣчательныхъ дипломатовъ, знакомыхъ читателю нашей книги.

Слѣдующія за симъ приложенія составляютъ, по недостатку мѣста, самый краткій выборъ изъ многихъ интересныхъ

неизданныхъ документовъ, списанныхъ нами въ Имп. публ. библіотекѣ съ различныхъ рукописей (2-е изъ Пол. F. IV. № 184; 3-е изъ № 187; 4—8 изъ № 185; 10-е изъ № 189; 11-е изъ № 40; 9-е и 12-е изъ Лат. F. VI. 33). Мы сохраняемъ правописаніе подлинниковъ, исправляя его лишь тамъ, гдѣ его особенности принадлежатъ не XVI вѣку, а произволу безграмотнаго переписчика, фантазіи котораго нерѣдко представляютъ серьёзныя затрудненія, а въ собственныхъ именахъ сплошь и рядомъ.

---

2. Краковское духовенство къ Николаю Кристофу Радзивилу.

Służby nasze powolne w łaskę W. M. pilnie zaleciwszy od Pana Boga wszego dobrego W. M. uprzejmie życzymy.

Miłościwy Panie nam osobliwie łaskawy! Znając wielką być tych czasów portrzebę, a starając się pilnie, ile z nas być mogło, aby wiara święta chrześciańska, wespołek z stanem duchownym, szwanku a upadku jakiego (czego Boże nie daj!) na tym niniejszym Sejmie nie wzięła; zdała się nam być potrzeba, abyśmy na ten Sejm Warszawski, tak jako inne głowne w Koronie kościoły, bracię też naszę z pośrodku naszego posłali. Jakożeśmy wyprawili X. Scibora Krzycowskiego (sic) i X. Stanisława Krasińskiego, Kanoniki Krakowskie, żądając i z pilnością prosząc W. M. zato, abyś W. M., jako Chrześciański Senator, sługa milego Boga, i wierna rada pańska, raczył tak u braciej naszej spólnej, iako i u Króla Jego Mości, pana naszego. czynić pilne staranie, aby wiara swięta i stan duchowny żadnej w prawach i wolnościach swoich klęski, abo jakiego skądkolwiek uszczerbienia nie wziął, któreby nie tylko jemu teraz, ale i wszem osobam Koronnym. ze wszytką tą naszą patrią, na potem szkodzić mogło. Znamy to po inszych państwach Chrześciańskich, że takowe stanu duchownego uciśnienie pewne wszędzie rostargnienie z sobą przywiodło; za czem zgasła miłość, zgasła zgoda, zgasł pokoj miedzy ludźmi, a prawie jedna ręka jakoby drugę rękę uciąła. Dał nam Pan Bóg

takowe przygody na przykład, abyśmy się karali, a innych ludzi ciężki upadek brali na swę naukę; o czem skromnie na ten czas pisać musimy, puszczając ostatek na dobre W. M-ci baczenie. — Tego jednak bądź W. M. pewien o nas wszytkich, że nie tylko my naszą powolnoscią i służbami, ale i Pan Bóg łaską swą to pilne staranie W. M-ci płacić będzie. A co nasi posłowie z W. M-ą o rzeczach tych mówić będą, prosimy abyś W. M. im we wszytkiem wiarę dać, a do tego radą i staraniem pomagać raczył, jakoby tak wiara święta, jako i wolności kościelne i swobody stanu naszego w cale zachowane być mogły.

Zalecamy się łasce W. M-ci życząc W. M-ci powtóre zdrowia dobrego i szczęsliwości wszelakich.

Cracoviae, die X *Martij*. A° 1572.

W. Pańskiej Mości służebnicy powolni
Xięża, Prałaci, Kanonici i wszytka
Kapituła Kościoła Krakowskiego.

---

3. Яковъ Уханскій и Станиславъ Карнковскій къ Николаю Кристофу Радзивилу.

Panie miły marszałku przyjacielu nasz osobliwie miły!

Po winszowaniu zdrowia i wszego dobrego W. M-ci od Pana Boga.

Acz w tem nic nie wątpimy że każdy z W. M-ow, którzy tam na ten czas przy Królu Jego Mości być raczycie, przestrzegacie tego, jakoby Król J. M. w tej chorobie swej każdy wczas mieć mógł, i w tem żebyście W. M. radzi J. K. M. dobrze zdrowego widzieli, iako też i my o to Pana Boga prosimy.—Ale jeśliby Pan Bóg nas pokarać smiercią Króla J. M. raczył, której daj Panie Boże długo nam czekać; tedy też w tem nic nie wątpimy że W. M., jako inszym Ich M-m Panom Radam, tak też i nam nie omieszkacie tego oznajmić, a wszytke rzeczy tak opatrzyć, jakoby wszytko w cale a w pokoju zjazdu naszego spólnego doczekało; a

wszyscy da-li-bóg zawżdy we wszystkiem będziem strzedz praw, wolności i swobod naszych spólnych.—Z czem etc.

Dan z Lowicza. 7 *Julij* 1572.

Jakob Arcibiskup Gnieznienski.

Stanisław Karnkowski Biskup Kujawski.

---

4. Николай Кристофъ Радзивилъ къ своему дядѣ, воеводѣ виленскому.

Jaśnie Oswiecone Xiąże, Panie

Stryju i dobrodzieju moj miłościwy!

Jedno że pacholę moje miało wsiadać do W. X. Mości, przyjachal Fiedorek, przez którego to do W. X. Mości piszę, com przez swego miał dać znać, a to napierwej żeśmy dziś podpisali listy do W. Mościow Panow Rad Litewskich, namawiając abyście W. M. tam do Knyszyna przyjechali, a *de modo et loco electionis,* także o opatrzeniu granic i o pogrzebie mówili, gdyż niektórzy Panowie Polscy maią się tam zjachać, a mianowicie Xiądz Arcibiskup, który iuż i dla gospod posłał. Więc nie wiem co W. X. M. i z drugiemi Pany będziesz raczył uczynić, jeśli tam W. M. będziecie raczyli przyjachać, czyli nie; jeśli też *hanc provinciam legationis* komu zlecić? Jakoż (*salvo meliori judicio* W. X. M-ci któremu Pan Bog wiele dał) trzeba będzie *cauté* w tem postępować, abyśmy im *in hac prima fronte* zaraz nie pokazali że się dismembrujem od Korony gdziebyście W. M. ani przyjachać, ani posłać nie chcieli. Druga, też teraz czas jest upomnienia u Panów braciey i lepszej uniej, i..... *) z Podlasiem.—Nie trzeba nam tak prosto przyjachawszy wdać się we wszystko *sponte et ultro,* nie obwarowawszy dostatecznie rzeczy naszych etc.

Przeto W. X. M. mego miłościwego Pana pokornie proszę, abyśmi W. X. M. raczył dać znać co będziesz miał wolą uczynić, bobych ja też owdzie nie rad długo popasał, a to

---

*) Здѣсь переписчикъ пропустилъ по неразборчивости оригинала, конечно, слѣдующія слова: „Kijowa, Wołynia, Bracławia.“

przeto że jest *communis vox*, gdy się ich więcej zjedzie, aby iaka *seditio* nie urosła; bo i teraz w Lowiczu nie mało się Panów do Arcybiskupa zjechało, a iako słyszę barzo mało *concordant*, a między naszemi Pany Dworzany są niektórzy *factiosi*, których się przez list mianować nie godzi.—Jako się dają rozumieć nie dadzą sobie rękawa urwać (слѣдуетъ фраза, непонятная вслѣдствіе пропуска въ срединѣ ея); bo i onye nam urzędnikom opowiedzieli się, że się z ciałem ruszyć nie chcą, na ostatek i nie wydać jeśli im zasłużonego nie popłaciwszy i na nowe nie dadzą, co ledwie dwiema kroć sto tysięcy odprawićby się mogło; a wszyscy nie widzimy skąd tak wielka *summa* mogłaby się rychło do Knyszyna zebrać, gdyż do tego czasu o żadnych peniądzach nieboszczyka Króla nie możem się dowiedzieć, chyba o sedmidziesiąt tysięcy i dwoch czerwonych złotych, skąd pilniejby odprawować Turki niż Dwór, a też te peniądze Królewskiej Jej Mości z drugiemi ruchomemi rzeczami....

Jam iedno czekał którego Pana Marszałka Polskiego abych był teraz do W. X. M-ci jechał. I tak jeśli W. X. M. a ni Panowie Litewscy nie będą w Knyszynie, wierę i Marszałka nie czekawszy nie wiem bych do W. X. Mości nie bieżał dla pilnych potrzeb, a mianowicie dla owych w którycheście W. X. M. z Panem Starostą Zmojdzkim do mnie list posłali, abych go był rogatemu bieretowi oddał; bo widzi mi się, że teraz wszystko inaczej musi iść, niżeście się W. M. owdzie zezwolili, nie (z) strony any nie z tego domu, iedno aby ieden nam obiema rozkazywać a inszemi kondyciami; bo nie mało owdzie ze mną mòvia ten co z W. X. Mością (w) Wilnie będąc też o temże mòwił, który nadzieją największą w samej osobie W. X. Mości pokłada, czego żadną miarą przez list nie śmiem pisać, bo snać ze już po drogach na wielu miejscach pilnują na listy w Polsce, o toż się boję by się to do Litwy nie przeniosło, przeto proszę, racz mi W. X. M. dać znać co będę miał czynić.

Miałem list od Pana Starosty Zmojdzkiego, w którym do mnie pisze że prosto chce do W. X. M-ci jechać i prawie *pendere ex arbitrio* W. X. M-ci, pomniąc co iest między nami.—Widzę że z łaski Bożej dobrze, prze Pana Boga raczcie się W. X. M. zgadzać boć wszystko gładziej pojdzie etc.

Kniaziu Wiośniowieckiemu Jędrzejowi chocia był Król J. M. dał Wojewodztwo Wołyńskie, przyczemem i ja sam był gdy Królowi nieboszczykowi dziękował, Xiądz Krakowski po śmierci Królewskiej dał mu Bracławskie, a Koreckiemu Wołyńskie *propria sua autoritate*, i nie mało rozdał a prawie wszystkie wakancie po śmierci Królewskiej pod podpisem swoim.—Widzę iako Infuły dostał barzo się zmienił, a snać i Litwa nie takiego przyjaciela będzie z niego miała iako się pokazywał. Przeto i o to i o insze rzeczy mam wolą z nim expostulować, bo ze mną *confidenter* mawia etc.

Po śmierci Królewskiej był nie mały *murmur* przeciwko Panu Mikołajowi Mniszkowi, iako to u naszych obyczaj że ich mierzy na kogo Pan łaskaw; a iz też i w głas niektórzy kazali się na to, aby mu byli co wynędzili, jam go z Dworu wziął do swej gospody, gdyż na ten czas i brata iego Pana Krajczego nie było; tak-że do tego czasu przy mnie jest, aż jutro dopiero wyjeżdza z bratem, bo już za-się przyjechał z Lukowa; i nie miło wielom było żem go do siebie przyjął boby mu byli pewnie co wyrządzili, iedno że z łaski Bożej mogę się tem pochlubić wszystek Dwór na mie łaskaw i wszelaką uczciwość i posłuszeństwo mi czynią, dali mu pokoj.—A ma-li się prawda rzeć, mają ci za swe od nieboszczyka Króla, którzy nań poduszczwali drugich, i śmieli to niektórzy mówić że z okna skrzynki latały z pieniądzmi, ale pokaże się to wkrótce że nic nie winien, i iuż wiele ich co tego żalują że tak byli przywiedzeni *in hanc opinionem*, i że tak nań się byli zbuntowali.—On W. X. M-ci pokornie dziękuje za miłościwe ofiarowanie, a póki żyw odsługować W. X. M-ci i domowi Radziwiłowskiemu chce etc.

Królewna Jejmość, ta się dobrze ma z frasunku tak iz kilka razy omdlała tego dnia, którego jej przyszła nowina o śmierci Królewskiej, i co dzień miała wyjechać z Piaseczna, to aż jutro wyjedzie prosto do Lomży; tam chce czekać zdania i rady Waszych Mości iako Panów Rad, co dalej będzie miała czynić.—Ma ją Xiądz Arcybiskup prowodzić aż do Lomży, a potém chce z inszemi Pany do ciała przyjechać.

Widzę że coś nie do końca *abhorrent* wiele ich *a domo Austriaca*, a wierę będzie-li wział Królewnę pojąć, nie

wiem by nie poszło jako wianki wił.—Ja jeśliby mu tez miał radzić, wierę bych mu nie odradzał bo chocia nie prawie młoda, ale jednak jeszcze jest w tych leciech ze jest *spes prolis*, a Królestwo nie leda-co *cum omnibus adjacentibus*.—Wszakże co dalej będzie nie omieszkam daź znać W. X. M-ci.

Natenczas J. M. Pan Trocki i P. Wojna troche odjechali, ale przede mną przy J. M-ci Panu Trockim spominał że listy na ty chłopy w Barcach chce W. X. M-ci nie mieszkając dostatecznie posłać, i tak rzekł że W. X. M. żadnej trudności w tém nie będziesz miał, bo powiada że się wszystko wedle potrzeby i dostatecznie sprawiło. — Wszakże skoro przyjadą nie omieszkam sollicitować, aby to W. X. M. bez omieszkania doszło, mają za-się za kilka dni być nazad etc.

O Panu W-dzie Sieradzkim coś mi W. X. M. pisał mam na dobrej pieczy, jedno że nie wiemy, gdzie się obraca. Jedni powiadają że miał być w Lowiczu na tym zjezdzie; drudzy żeby miał mieć nieco ludzi a praktykować o Cesarskiego syna; gdzieby praktyka słowki nie poszła aby się było do czego inszego chwycić. — Wszakże i o tém co się pewnego wywiem dam W. X. M-ci znać etc.

Dziś trzeci dzien przyjechał do Knyszyna Pan Wojewoda nowy Lubelski P. Maciejowski Starosta Spiski, i tak mniemam że doczeka inszych Panów etc.

Wczoram się dowiedział *per tertias personas* że Biskup Krakowski pisał do Woiewody Krakowskiego, aby nie kontradykował *Domui Austriacae*, mianując że mało nie wszyscy są *affecti*, a tak lepiej żeby się z drugiemi zgadzał, a Boże daj, to wżdymby ten lepszy, ktory z dziadów i z pradziadów Panem, a niżli, czego Boże uchowaj, by nam miał albo Zawój, albo Kołpak Moskiewski roskazywać. Jakoż prze-Bóg raczcie W. M. w czas Moskiewskiemu zabiegać, boć ten nie będzie chciał gruszki w popiele zaspać etc.

O Xiążęciu Pruskim niektórzy barzo szepcą mianując go być dobrym Xiążęciem, jakoż jest. — Ale insza być dobrym Xiążęciem, a insza dobrym Królem, bo daleko stąd do owąd, a też *experientia* u niego mała rzeczy tych, z jakiemi nam Króla potrzeba etc.

O Króliu Szwedzkim mało mówią, bo wiedzą jaki sam jest, a synowi siedm liat, a nam trzeba Pana coby we zbroi na konia usiadł etc.

Są też niektórzy co barzo Piastem allegują, ale insze w ten czas czasy byly; a też jako to wiem że się Polak barzo by nie rad kłaniał Litwinowi, tak też Litwin Polakowi; więc na to podobno nie przyjdzie, a też Boże uchowaj, aby przychodzić miało. — Nie było nic Polskiej krwie w Panie naszym, iedna się Litewska z Włoską zmieszała, a jedno iż Polska edukacia przystąpiła, duże Litwa to na siebie czuje i czuć będzie, jeśli Boże zmiłowanie nie przystąpi, a za dali-Bóg będzie wżdym kiedy dobrze, gdy jedno zgoda przystąpi. Jakoż racz W. X. M. wiedzieć żeć aż to nie może być, abyśmy wspomniawszy żeśmy jednego Pana mieli nie mieli śmierci jego żałować; ale dziwna rzecz ze żaden z serca nie żałuje, i tak się coś zda; a drudzy wierę *palam* mówią że to ku lepszemu Pan Bóg uczynił. — I ma-li się prawda rzeć barzo mało tam znać z postawy ludzkiej że Król umarł. Panie Boże racz ku wszystkiemu dobremu to przywieść etc.

Za tę miłościwę radę i roskazanie W. X. M-ci swemu mościwemu Panu pokornie dziękuję, i list do Xiędza Makowieckiego (sic) piszę; a jako czemem jest, to wyznawam żem jest za miłościwą łaską i staraniem ojcowskiem W. X. M-ci; tak i to wiem że W. X. M. z miłościwej łaski raczy obmyślić i Xiędzu Makowieckiemu perswadować, aby mi w tém żadnej molestiej nie czynił; za co ja pókim żyw W. X. M-ci uniżenie odsługować będę. A Boże daj to, abych cokolwiek będę miał, abych to wszystko służąc W. X. M-ci tam obrócił coby było sławą W. X. M-ci jako mego miłościwego Pana etc.

Listy do W. X. M-ci pisane w tym fascykule posyłam W. X. M-ci, będziesz-li raczył na nie odpisać ja odeślę etc.

A z tém wieczne służby swe zalecam miłościwej łasce W. X. M-ci, a pokornie proszę, abych mogł rychło wiedzieć co mi W. X. M. każesz czynić, gdyż owdzie w Knyszynie jedno na roskazanie W. X. M-ci czekać będę. Tegom do W. X. M. przepomniał pisać żeśmy w Tykocinie wszystko popieczętowali i tameśmy zostawili Pana Zebrzydowskiego i Pana Dzierzka.—Sprzęt ten jest wielki jako W. X. M. raczysz wiedzieć, ale gdy przyjdzie długi płacic nie wiele go zostanie, gdyż Korona w to spiewać nie chce, a to przeto że są długi *privatae*, ktorych jako milion naliczono. Co jedno na jego fraszki wyszło, a na żadną potrzebę Rze-

czypospolitej. — Otoż jeśli Królewna jako Exekutorka będzie płaciła długi, wierę jej nie wiele zostanie; chyba coś drudzy mówią żeby potajemnie w Tykocinie miało być dwakroć sto tysięcy czerwonych złotych, o których co chowali żaden nam sprawy nie może dać chyba tak ludzie mówią etc.

Ceremonie wszystkie ty się uczciwie około ciała odprawiły. Jako przy Koronacii tak było przy umarłym, i teraz wszystko uczciwie a porządnie się odprawuje.

Iterum atque iterum służby swe najniższe w laskę, W. Xiążęcej Mości zalecam.

Dan z Knyszyna 15 *Julii* 1572.

W. X. M-ci mego mościwego Pona *servitor perpetuus.*

Mikołaj Chrisztof Radziwił.

---

5. Отъ того же къ тому же.

Miłościwy Panie Woewoda etc.

Racz W. X. M. wiedzieć że Jego Mość Pan Podczaszy wczorajszego dnia do Knyszyna przyjechał jakom przedtem do W. X. M-ci pisał. Jedno J. M. Xiędza Krakowskiego a Pana Chełminskiego Jego Mość został; bo Pan Trocki trochie odjechał; wszakże dziś ma pewnie być nazad pospołu z Panem Kamienieckim. — Królewna Jej Mość jeszcze nie wyjechała z Piaseczna prze zle zdrowie i prze niedostatek peniądzy.—Także owdzie jako możemy tak się na peniądze zbieramy, a ona snać chce prosto do ciała jechać; i wczora list pisała do nas opowiedając testament, ktory Jej Król Jego Mość na odjezdnem dał, przytem abyśmy się ni-nac nie skwapiali. Takze i czynim; nie zginie nic jedno ta trocha co z Tykocina wzięto do ciała. Za tydzien spodziewamy się jej w Knyszynie. — Co dalej będzie nie omieszkam W. X. M. dać znać etc.

By był Jego M. Pan Podczaszy do Knyszyna przyjechał, niz Pan W-da Lubelski odjechał, bez mała w nadzieję łaski W. X. M-ci prosilibychmy byli I. M. Pana Podczaszego, aby

się był z strony Litewskiej do Lowicza przejezdził, aby panowie Bracia widzieli że my nie tylko abyśmy mieli Unią targac, ale jeszcze ją potwierdzamy, a dawamy znać o niebezpieczenstwach, które i Polsce tak jako Litwie zaszkodzić mogą: i bez mała by nie dobrze (*salvo meliori juditio* W. X. M-ci), abyście W. M. kogo do Ich Mości posłali: bo bez mała oni jeszcze tej opiniej że my barzobyśmy w Litwie Moskwicinom radzi etc.—Z tem etc.

Dan z Knyszyna 18 *Julij* 1572.

Nadto o czem Jego Mość Pan Marszałek W. Mości dał znać, natenczas nie mogłem się nic więcej w Knyszynie wywiedzieć.—Wszakże ponowili się co takiego, o czemby W. M-ci trzeba wiedzieć, nie omieszkam W. M-ci memu miłościwemu panu dać znać, i sam się ku W. M. memu miłośiwemu panu nie omieszkam pospieszyć, byle mię jedno z owąd prędko odprawiono. Ale w pieniądzach W. M. nie miejcie żadnej nadzieje, abyście je W. M. z owąd mieć mogli, bo tam barzo na to naczekają że ich nie wiele po Panie naszym ostało; a y tey trochy ruszyć ni nać nie smieją bez wiadomości wszystkich W. M-ci Panów Rad etc.

M. Chr. Radziwił etc.

Co się Słuszki dotycze, prosze pokornie W. X. M., abyś W. X. M. nie raczył mu wiary dawać we wszystkiem, co o mnie mówi; bo ja to dali-Bóg przed W. X. M-cią pokażę że on uczciwszy osobę W. X. M-ci obchodził się ze mną jako łotr; a tego nigdy nie dowiedzie, aby go urzędnicy moi krzywdić mieli.—Ale dali-Bóg, gdy się z nim jadę pokazawszy mu to prawdą żem mu niewinien, czem inszem pokażę mu to że mię nie przystojnie poczciwego człowieka sławił i w xięgi wpisował jakobych ja wsi jego miał palić; ale o tém dosyć.

Mik. Chr. Radziwił etc.

---

6. Отъ того же къ тому же.

Jaśnie Oświecone Xiąże Panie
Stryju Dobrodzieju mój miłościwy!

Jego M. Pan Starosta Zmojdzki 28 *Iulii* przyjechał do Knyszyna, a barzo potrzebnie; bo tam o naszę skórę litewską idzie.—Daje się W. X. M-ci wszystko od Jego M-ci dostatecznie znać, jako panowie Polacy powarowali. Jeśli sami między sobą będą się nie zgadzać, jeszcze dobra nasza; ale barzo się boję że z nami coś chcą bryszkować, a co wiedzieć jeśli nie to, aby nas od elekciej exkludowali.—Acz nie rozumiem by y to do końca ganić; zwłaszcza za tem coś W. X. M. do rąk pana Starosty Zmojdzkiego, także moich, posłał membrany do posła Cesarskiego: aleć się nic miłościwy Panie nie omieszkało rogatym biretem, bo jeszcze do tego czasu w Krakowie jest, a poseł tejże godziny, gdy Król umarł, o wszystkiem dał sprawę Cesarzowi dostateczną, tak iż *nihil est in mora* gdy ktemu łaska Boża przystąpi etc. Aleć się ja barzo boję, aby nam rzeczy miały iść praktykami dobrze, gdyż Polacy barzo *abhorrent a Domo Austriaca*, podobno przyjdzie *armis rem experiri*, i stamtąd; i jeśli już my *constantes in eo proposito* od nas także; bo im dłużej w długą pojdzie, tem nam więtsza bieda; bo panowie Polacy jeszcze nie spią w swych rzeczach.—Wszakże owdzie z Jego M-ą panem Starostą Zmojdzkim *pro posse nostro* o wszystkiem traktować będziem społem, coby było *cum bono patriae nostrae*; aby wżdym kiedy z rąk Faraonowych wyszedłszy, mogliśmy, *in terra promissa*, w spokojnej ojczyznie żywotów naszych dokonać, co Panie Boże racz dać etc.

Pan Woewoda Podlaski spodziewam się że będzie wolał być *legitimus filius* ojczyzny swej, niżli *(salva reverentia) spurio* tej nowej polskiej; a na wszystkiem przestanie co mu W. M. radzicie; jedno że teraz chce dobywać Brańska pod panem Chełmińskim. A ma-li się prawda rzeć szkoda Prusaków gniewać, bo iż im Polacy za żywe zabili, mało nie tak jako nam wierę bez mała. Jakoż pan Chełmiński *aperté* o tem ze mną mówił, dali by się przywieść i pewnie dadzą że nam *utraque fortunam* pomogą; a może to stać za

rożany wianek pod tym czasem etc. Dobrzeby abyście go W. M. i w tem napomnieli, aby temu dał pokój. Jeśli ma na to prawo, gdy da Bóg Pana obierzem, nie będzie taki, aby miał *tribuere unicuique*.... dali-Bóg *venalia* ustaną, które po tenczas były.

Królewna tu tam miała przyjechać, ale ją panowie z Lowicza obrócili do Płocka; aleć nie trzeba się bać *de ipsius regimine*, bo barzo się na to ludzie wzdrygają i z tych jej teraźniejszych postępkôw, a też świeża pamięć co płeć białejgłowy uczyniła Węgrom, i nam męska.... Toby radze widzieli, jeśli jest *possibile*, aby za tego szła kogo za Pana obierzem etc.

Iże panowie Grekowie *molliuntur* przeciwko W. X. M., dobrze *suctum* W. X. M. raczysz mieć; przodkiem niewinność, a potem że z nimi zrównasz, bo żaden z nas nie będzie takim ktoby *pro libertate patriae* i gardła nie dał.—Ale jeśli może być bez tego odpuść W. X. M. że jako głupi wyrwę się przed swaty; dobrzeby abyś W. X. M. z tym Słuckim raczył jako tako się pogodzić, a na tenczas na jednim wózku jeżdżąc swoje mieć na pieczy, abyśmy tam więcej *terrori* mogli być swoim panom bratom, boć to ich przedsięwzięcie, aby nas roztargnęli i z szlachtą i pany między pany.—Wiem to pewnie że W. X. M. z Słuckim nie masz zajścia z strony priwaty swej, ale *ex parte publica;* teraz przyszedł taki czas, że wszystko *silet*.—Już teraz i sobie źle uczyniwszy wierę by z nim *eo tantum tempore*, gdy niemoże być dalej, pojednać się; gdy jako ja mam sprawę od Pana Starosty Zmojdzkiego, on barzo rad; bo też nie bohater rad swemu pokojowi. — Prze Bóg proszę W. X. M. odpuść że nazbyt z brzegow wylewam; czynię to stąd że wiem że panowie Polacy praktykują.—W. X. M. jako mądry racz czynić co rozumiesz i co chcesz etc.

Krótce natenczas W. X. M-ci będę pisał z strony tego że W. X. M-ci raczył do mnie pisać, żem ja W. X. M-ci nie dufał się zwierzyć około Szawl, które mi Król J. M. w Warszawie dał; gdyż dali-Bóg *coram latius* i o inszych rzeczach z W. X. M-ą będę mówił. — Tego jedno dotknę, żem ja tego nigdy nie dzierzał o W. X. M-ci, i nigdym w tem nie wątpił, abyśmi W. X. M. Szawl zajrzyć miał, gdym to widział, żeć W. X. M. mnie, nad zasługi me przeciwko sobie, wszystkiego dobrego życzyć raczył; i

pewnie nikomu innemu nad W. X. M. tego radniej bych się był nie zwierzył, jako W. X. M-ci, by mię był J. K. M. rękodaniem swem nie obowiązał, abych tego nikomu nie powiadał, i mianował W. X. M.—Co dlaczego uczynił, potem, po odjachaniu W. X. M-ci, zwierzył mi się tego. Jakoż i innych wiele rzeczy *plusquam confidentissime* począł J. K. M. ze mną konferować, które, iż wiele ich dotykało się familiej naszej, pewnie bych ja był W. X. M-ci rad je oznajmił, i dla tego abyś W. X. M. wiedział, i potem abych ja, jako *in arduis*, od W. X. M-ci *consilium* mógł mieć by zawsze rękodanie i *mille obsecrationes* nieboszczyka Króla do tego nie przystępowali, abych ich i ojcu, gdyby zmartwychwstał, nie powiadał, aż gdyby mi tego dozwolił.—Wierzę że W. X. M. za złe mi mieć nie raczysz, żem to musiał dzierżyć com obiecał, póki był żyw; gdy umarł, cokolwiek ze mną mówił, W. X. M., do pierwszego da Bóg ujrzenia, wszystko ode mnie będziesz wiedział. — Wieremci o to nie stał, aby był Król Jego M. ze mną o wielu miał konferować, bo i *autoritas* moja tego *non patiebatur*, anim się do tego cisnął; ale gdy to ze mną począł mówić, com widział być potrzebnego, nie raz, ani dziesięć, ale sto prosiłem go, aby był mógł z W. X. M-ą o tem mówić; nigdy mi tego dozwolić nie chciał; aż gdy mię teraz z Knyszyna miał do W. X. M-ci odprawić, dopiero chciał mi dać przy instrukciej swej *absolutam potestatem* z W. X. M-ą mówić, czem iz (sic) Bóg, *fato infelici*, zabieżał, próżno ja się purguję przed W. X. M-ą, żem z strony swej nie winien, gdym był mało nie jako *maximo juramento* obowiązan, abych do czasu, i przed W. X. M-ą, i przed każdym był taił, między któremi i Szawle Były etc.

Czuję się ja miłościwy panie, że ja będąc najmniejszim sługą W. X. M-ci, jestem też i krwią W. X. M-ci powinien; nie tylko Szawl, tego małego a marnego dobrego mienia, które tu zostanie, ale poczciwości a sławy swej, która *in saecula permanet*, powinienem się W. X. M-ci, jako ojcu i dobrodziejowi swemu zwierzyć, by była to *obligacia* nie przystąpiła, której, Bóg świadek, nie dla żadnej ambiciej zamilczywałem, bo mi tego *natura* nie dała, ale dla tego, jakom to już W. X. M-ci wypisał.—Proszę pokornie, abych *in sinistra opinione* u W. X. M-ci nie był etc.

Nie wiem kto W. X. M-ci dał sprawę, abych ja miał z Knyszyna do Białej chcieć jechać, ale iz mię ostrzegano że i Gnoiński i Kiszka chcieli mi w imienie wtargnąć, *palam* protestowałem się, że gdyby mię to potkało, musiał bych był od ciała Króla Jego M-ci odjechać a swojego bronić; nie wiem by mi to W. X. M. za złe raczył mieć, gdyżem ja jedno *propulsare*, a nie *inferre injuriam* chciał; a druga żem to wspominał, by mi mogło było czasu.... chciałem był na Białę do Wilna na podwodach (chocia nie - w - drogę) jechać, ale jakom tam potrzeby nie miał, by nie Gnoińsky a Kiszka, takem się nigdy *absolute* do Białej niegotował. — Musiał ktoś więcej o mnie roznieść nie potrzebnie niżlim ja i w myśli nie miał.—Wszakżem zawsze do W. X. M-ci pisał o naukę prosząc com uszynić miał; i teraz toż czynią i pokornie proszę, abych od W. X. M-ci wiedzieć mogł będziesz-li W. X. M. sam raczył być; gdyż bych ja barzo rad z W. X. M-ą się widział, i do Wilna pojadę, gdzie W. X. M. tu nie biędziesz; jedno o to proszę abych mógł z łaski W. X. M-ci rychło a pewnie wiedzieć etc. — Zatem etc.

Dan z Knyszyna. 29 *Iulij*. 1572.

Mik. Chr. Radziwił.

---

7. Отъ того же къ тому же.

Miłościwy Panie!

Jego M. pan Starosta Zmojdzki posyła do W. X. M-ci z niektóremi rzeczami, które mnie głupiemu się zda potrzebują pilnego oka, zwłaszcza około W. M-ci, bo ja Chlebowiczowi za złe nie mam, że to zbroiwszy przeciwko ojczyznie, a stawszy się zdrajcą jej, będzie o gardłach W. M-ci myślił przedniejszych Panów. Przeto dla Boga, miłościwy Panie, racz się W. M. mieć w ostrożnośoi. A iż jeszcze jakimsi spiskiem grozi, jeśli jest ten co w Rudnikach W. M. się spisowali, wierę nie wadziłoby go zdrapać. Wszak w kim cnota będzie się do tego znał co jest z dobrem ojczyzny etc. Zjechania tego W. M-ci z W-dą Kijowskim

trzeba pilnie postrzegać, bo to tam jedna *liga* z Słuckim, a oni *extrema tentabunt* aby W. M. a Jego M. Pana Star. Zmojdzkiego sprządnąć, jako tych, na których teraz *summa rei* etc.

A o jechaniu do Wilna Jego M. Pan Starosta sollicituje, jakoż jeszcze tego potrzeba abyście W. X. M. w kupie, a wżdym przy stolicy Xięstwa Litewskiego byli, bo i wiadomość do W. M-ci trudno prędko przychodzić ma. A także dobrze abyście się W. M. rychło raczyli zjechać etc. Mnie W. M. mój miłościwy Pan nie racz mieć za złe że tak sollicituję bo *necessitas frangit legem* etc. Z tem etc.

Dan z Klecka, *ult. Januar.* 1573.

Mik. Chr. Radziwił.

---

8. Отъ того же къ тому же.

Mogę to łatwo rozumieć, że to moje często pisanie jest *molestum* W. M-ci, jako temu, który masz co z sobą czynić; ale aby jako tako na mnie nie zostało teraz znowu drugie pisanie, które mi Jego M. Pan Hetman Dworny posłał, do W. X. M-ci posyłam. Boję się że tego pisania tak często będzie od Starost pogranicznych, że się okladcą uszy Panów Polaków, a o obronie nie postanowią w tym czasie według starej przypowieści: *omnia speranda, nihil timendum.* Acz rozumiem że uchowa nas ówdzie Pan Bóg, bo jeszcze daleko; przyjdzie-li też co, postaram się da-li Bóg o to że mię żaden żywo na Wilnie nie weźmie. Wszakże W. X. M-ci daję znać o wszystkiem; rozumieszli W. X. M. że to pisanie tych Starost pogranicznych jest *alicujus valoris,* aby się *periculo* zabiegało? Jeśli nie, w imie Boże mnie nie tęskno w Wilnie (z) strony rozkazania W. X. M-ci żem został; ale bych był wiedział że tak Pan Podskarbi miał odjechać, wierę bych był W. X. M. prosił, aby inszego było na to cwiczeni · w Wilnie zostawiono, a nie mnie; bo tam nie tylko kopy, ale i grosza powiadają panowie urzędnicy skarbni że nie masz, tak iż listy jedno ja muszę rozsyłać, a ono Pan Podskarbi mógł kogo inszego posztarszem zostawić w Wilnie, a nie mnie.—I teraz za temi nowinami wedle konstytuciej sejmiku terazniejszego Wileńskiego za namową

niektórych Panów urzędników przy Jego M-ci Xiędzu Biskupie Wileńskim rospisaliśmy listy w powiaty, aby byli wszystky pogotowiu, a za oznajmieniem Jego M-ci Pana Hetmana Dwornego, aby do Jego M-ci jechali.—Do tego czasu nie są posłane, bo nie masz czém odprawować, a też podobno i nie usłuchają.— Proszę pokornie racz W. X. M. Pana Podskarbiego napomnieć, aby wżdym inakszy porządek około tego skarbu tam był w niebytności Jego M-ci, bo każdy powiada że go Pan Podskarbi nie zostawił dla wydawania pieniądzy; więc nie wiem dla czego etc.

Jeśli już co jest pewniego o Panu nowym, pzoszę abych od W. X. M-ci wiedzieć mógł, bo już tam niektórzy z Warszawy przyjechali powiadając, że i po obwołaniu Pana i po *Te Deum laudamus* wyjechali; ja do tego czasu nic nie wiem. Przeto jeszcze niczemu nie wierzę. Z tém etc.

Dan z Wilna. 23 *Maij* 1573.

Mik. Chr. Radziwił.

---

9. Litterae capitanei Samogitiae ad episcopum Vladislaviae,

ex quibus multa cum de ratione temporis illius tum etiam consiliis et animis quorundam Senatorum, ac etiam de aliis rebus ad Rempublicam pertinentibus cognosci possunt.

Reverendissime in Christo Pater et Domine, Domine et Patrone observandissime!

Ja tego dlugo nie uzaluję, zem sam do tego Kniszina przyjechal, czom byl *ea intentione* udzialal, zem rozumial przynamniej iednego z v. m-czi panow wielkiej Polski thu zastacz, y ktemu pana Woiewodę Sendomierskiego, *in quo* ze nas *spes fefellit,* a może rzecz wszytkich, *male in hoc ominor Reipublicae.* Tam dzywne interlocutorie miedzy nami byly po thy wszytkie czassy. *Tempus et locum electionis* toszmy namawili liedwie, bo *privata quadam autoritas* więczey szię ukrzepiala nisz *publicum* szię szukalo. Nas Litwy byla thu *intentio,* aby v. m-cziam panom wielkiej Polski folguiącz, siem mogl bycz w Lomzie, alie *alteri parti nequaquam* widzialo szię tho:

et ut aperte loquar, iako rozumiem, ięli przodkowacz. Jako widzę, bodaj iedno iakiej taiemniej ligi nie bylo, ze w tym Lublinie wszem na glowie koly cziossacz będą chcziecz. *Inter alia* tho mi szię nie podobalo, ze tesz y zolnierze proszącz zaplaty, y uskarzaiącz szię na zeszle konie, iednak przy Hetmanie na Electyą iachacz chczą, ktorey gromadzie z małej Polski isz szię snadnie do Lublina zbieracz, laczwie baczicz mozem. Na Tykoczyn barzo tam panem Ploczkiem mierzą, chczącz przy niem miecz *gubernacula* zamku tego, a ten *quarum partium sit* laczwie wiedziecz.

O poselstwach dzywnych do krolewny dzywne mamy sluchy, a prawie tak *impudenter in media luce* Piastem szię chcze bycz komusz, *invitis etiam diis*. Jakosz pieknie iusz sukienkę temu (sic) przykrawal, gdy tam króla J. M-czi Drabanczy z halabarty go pothkali y prowadzyli; potym przymuiącz Posla woloskiego, iednemu tylko przyjaszń od Hospodara powiadano, a nam wszem panom Radom od niego klaniano szię. Owa *omnes ejus et amicorum gestus, verba et circumstantiae* takuchne iakoby rzekly: Owocz pan daliej (g)o nie szukajczie. *Mirum dictu* ze y panowie Herbortowie mu zabiegaian *cum sint catholicj*. Bo tam *aperté* znacz *in omnibus factionem haereticam, tam in Religione, quam in Republica. Architector defuit* pan Sendomiersky, ktory tam czosz z nowej boczkj zaczyna. – *Dii faxint meliora*.– Prze Bog, prze Bog mieyczie szię v. m. na pieczy, bo mozeczie v. m. *multum patriam ab hac tyrannide iuuare*. Nasz Lithwę będzieczie v. m. miecz zyczliwe y chentliwe do spolnego dobrego R. P. *Sed ne quid nimis*. Prze Bog za rowno w tey mathkj niech bywamy powazani: *ante omnia autem* staraymy szię zebysmy mieli pana Catholica. Okrom Moskiewskiego na kazdogom gotow zezwolicz przy v. m-cze panie moiem. Jedno proszę *aperté aperté* odkrymi v. m. *suam sententiam*, bocz prozno okolo chodzycz muszym w brod czy ktorzy dobrze R. P. mysliem y w Boga dobrze wierzem; *ne postea sera sint nostra consilia*, bocz *adversa pars* dobrze o sobie czuie y w tym tho znacz, ze w Cracowskiey i Sendomierskiey ziemi ieden Rothmistrz, ani sprawcza nad tymi ludzmi nie iesth, ktore tam *nescio in quem usum* przymuią. I nimasz tam miedzy nimi zadnego, ktoryby nie byl haeretik albo powinny tego dobrego pana. *Inter alia privatim* mego urzędu Jnflandskiego

pericula v. m-czi oznaymuię, ze krol szweczky, maiancz listy z Cancellariey krolia Jego M-czi szeszczy zamkow szię u mnie domaga, *bonis primum verbis*, alie ma przy tym *vires* wielkie: patrzze v. m. *in quibus extremis* ia *versor*, ieszliby zamkj odeydą. *Actum est de tota Livonia*. A bronicz y czlowieka iednego na tho nimam okrom 200 koni zolnierzow. Proszę radzćzie v. m. o tym wszyszczy: *Ne haec pars Reipubl. detrimentum patiatur*. A za tym me sluzby etc.

Dan z Kniszina *ultima Augusti*.

V. m-czi zyczliwy sluga Jan Chodkiewicz.

---

10. Отъ Ивана Бакп къ Яну Ходкѣвичу.

Raczył W. M. do mnie rozkazać pisać, abym ia ustawicznie wiadomość Smoleńską miał około poslańca W. M-ci Pana Haraburdy. Jakoż ia tego postrzegaiąc, abym ni wczem W. M-ci woli i rozkazaniu W. M-ci nie wystąpił, z wielką pilnoscią oto się staram i skoro pan Haraburda za graniczę poszedł po kilka czlowieka ustawicznie na odmianę w Smoleńsku mam. Oczem W. M-ci daię wiadomość iż mam wiadomość od tych poslańców moich z zagranicza, że Pana Haraburdę nieco było pozadzierzało za Smoleńskiem. A to dla tey przyczyny, izby od Kniazia Wielkiego nauka była gdzieby się z nim obrócić mieli; i skoro wiadomość od Kn. Wielk. przyszła do Smoleńska zarazem wszelakich stacyi iemu sowito i więcey przybawiono, jakoż Moskwa sami to powiadaią, iż wszelakim posłom przedtym takowey wczesności niebywało; gdyż i tych czasów niedawnych w-da Smoleński Piotr Wasielewicz Morozow do mnie przysyłał posłańca swoiego w niektórych żalobach z listem swoim, który ia list dla lepsziego wyrazumienia ku W. M-ci posyłam; ja poslańcza iego maiąc przy sobie przez cztery dni ustawicznie poięci zniegom wyrozumiał, iż Pan Haraburda miał być bez żadnego omieszkania odprawion i powiedział, iz do tych czasow iuz u Kn. Wielk., i tego żem Moskala upewnił przekupiwszy iego, coby się tam naipierwey i naipewniey ponowiło mami dać znać. Oczym ia W. M-ci nieomieszkam dać znać jako od tego Moskala tak też i od tych szpiegow moich których tam mam.

Oznajmuię W. M-ci iż urzędnik Pana Chlebowicza Dubrowieński około tego ma pilnośc, iakoby Pana Haraburdę usczihać miał, gdy nazad pojedzie i tę sławę puściwszy między szlachtę i poddanych Pana swoiego, jakobym ia miał pod niem Dubrownę ubieżeć i na W. M. dzierzeć, a to nie dla czego inszego tego nie uczynił jedno iżby tak wszystkę szlachtę i poddanych w gotowośći miał i chociażby Panu Haraburdzie nic nie uczynił, iedno przed się chcąc to z siebie pokazać że rozkazaniu pana swoiego dosyć czynił. A widzę przed się iego Mość pan Filon iako wierny, a poczciwy, a uprzeymy przyiaciel W. M-ci oto się tak z wielkiem usiłowaniem stara, jakoby Pan Hlebowicz ze wszystką radą swoią we błocie został, a temu umysłu swoiemu dosyć nieuczynił, i gdzie ktemu przyjdzie, iż Pan Haraburda odtąd nazad odprawion będzie, Jego M. Pan Filon sam chce go na granicy potkać, o którem staraniu J. M. Pana Filonowym godzi się W. M-ci łaskawym pisaniem swym podziękować. A my sludzy W. M-ci Pan Jundził i ia najmniejszy sługa W. M-ci, nieomieszkamy też do tey potrzeby tamże przybyć i to czynic, co poczciwym sługom W. M-ci będzie przynależało.

(Далѣе слѣдуетъ рекомендація пана Щуки, помѣщика у русской границы, въ качествѣ шпіона, и жалоба на недостатокъ оборонительныхъ средствъ въ Копыси).

Dan z Kopysi, 17 lutego, 1573.

W. M-ci najniższy sługa Jwan Baka.

---

11. Отъ Яна Ходкѣвича къ Подскарбію.

Wielmozny Milosciwy Panie Podskarbi,
Panie a przyiaczielu mnie laskawy!

Enumerować *pericula* R. P. przed W. M. Panem moim rozumjem bicz *superuacaneum*, bo W. M. bendancz Senatorem a przednim Urzednikiem Coronnym na pamienczi miecz raczysz, co sie na Seimye Electyei *luce clarius* W. M. wszem sstrony W. X. L-go pokazalo w iakim niebespieczenstwie iest *praesens status* R. P., a zwlaszcza sstrony naszei od

thego nieprzyiaciela prawie dziedzicznego W. X. L-go Xiendza Moskiewskiego. W czim W. M. wszyszczi, czuiancz sie w braczkiei powinnosczi ku nam y wiedzanć dobrze, iako wielkie oszarpanie stalo sie przez pana naszego w Litwie, iżbysmy sie thesz thym nabarzei wznosicz chczieli, thedy niethilko thak poteznemu, alie dobrze lekszemu nieprziacielowj odporu trudno dacz mamy. Przetho W. M. widzancz zesczie *nos Consilio et armis* obnazily atholi thak za spolną radą thesczie nam obronę dacz raczyli. Ze W. M. miloscziwy panie Podskarbi na zolnierze moie do renku pana Stabnowskiego prawie *in*.... (неразборчиво) mial dacz trzidziesczi thisienczi zlothych, a drugie thile do pana Podskarbiego Litewskiego, czimesczie W. M. Litwy y Inflanth oganiac rozkazali. Czo acz za dobrego rzandu aniegdy bendanczei R. P. Litewskiei ledwie thakim malym pocztem strasz Litewska upotrzowana bywala. Alie isz oni wienczei wiklekthacz niemogli musielismy nathim przestacz, a do thak malego woiska z uchwaly seymowei postanowionego *suplere numerum* ossobami naszemy thich, którziby bili chentny niebicz pod opatrowaniem thyranna thego. Iam thak rozumial, ze postanowienia W. M. Seimowi bili przed thim *oracilla* (sic) *Apolinis*, a czo sie nanym postanowilo *sacrosanctum* mialo tho bicz, wszakze wthei swey odprawie wszitko *secus* widze. Abowiem niewiem komu tho przipysacz, iesli samey nielascze W. M-ci ktoreiem nigdy nicz zlego niezadzialal, a pogotowiu wszitka Litwa; iesli thisz the obiethnicze W. M. staly sie *tantum sub colore*, abisczie iedno W. M. nas Litwę (z) seimu zbili, pieknemi dziely *et pollicitis quibusquisque dives esse potest*, a dzialali czego co do thei dobrej owszem R. P. thego nierozumyem. Alie gdzie iusz czego Boże uchowai thak bi bicz mialo niewydzialbim nieforthunnyeiszich ludzi na wszem swieczie nad nas ubogą Litwę, ktorych obnaziwszi w Lublinie *Consilio et armis* theras na Electiey, gdzie sie skuthek wszitkiey laski y bratherstwa pokazacz mial, thak nas na picze wistawicz, a moge bespiecznie rzecz poczciwosczіami, gardly y maietnosczią naszą iako pilą gracz. Ziczilbim ieszczie abisczie com na kogo innego thy obrone y sluzbe zolnierską przelozicz raczil, nisz na mye y I. M. pana Hethmana dwornego, a ossobliwie na mye, bom sie.... (неразборчиво) thei sluzby podial nizliby kiedy *hostis et aemulus* mial sie thim kiedy czieszicz, ze sie thego podial czemus dosicz nieczinil. O lascze W. M. dobrze ia sobie tusze, gdizem

sie zmlodosczi u W. M. zaslugowal, okrom kiedy *Religio* cauzowala. Alie i thego nietusze, gdizebmy spolnie Catholica Pana obrali; przetho nieprzicziţaiancz thedo nikomu iedno niesczesczіu a *fatis aduersis*, ze thak snacz iusz nieiako ludzie, alie iako bestie pogniącz i do rąk thyranskich dostacz sie mamy. *Hoc quo possum* na then czas et *patriam charissimam et famam ac existimationem meam ab iniuria vindico*, protestuiancz sie *solenniter*, iako przed Maiestatem Bozym thak przed R. P. wszitką y przed W. M. wielkim Senatorem y urzednikiem, czemu proszę, abismy W. M. bil napothim swiadkiem, ze klękcze blagam, upominam a thego proszę, czo my na seimie obiccano y obwarowano, chczancz sie thim do gardla nieprziacielowi bronicz y bendancz gotow umrzecz dla R. P. y oiczizny swą, alie za thak krothkim wieczіu przimierza, do ktorego thilko od iutra dnia dwie niedzieli, a gdzie ieszcze do thego przistampilo, ze nam thich pieniendzi na zolnierze niedano, prawie wyglandam jako.... (неразборчиво) *Interitum patriae*. W czim aby zadna ronia na mnie niezostawala *negligentiae* albo iakiego sploszenia sluzbie R. P., a na mye iaki upad albo kleska za thak zgnielemi sprawamy przisziа, aby tho na mnye y na poczciwosczi moiey niezostawalo, *iterum atque iterum solenniter* protestuie, chczancz *ex debito viri et Senatoris boni pro persona mea* thilie dla oiczizny czinicz, ilie mnie czleku poczciwemu y ryczerskiemu nalezecz y przistacz bendzie, pieczentuiącz raczei krwią swą *libertatem suam et patriam* nisz *iugo seruitutis colla submittere*. Alie kriew nasza boday na thego duszi zatraczenni zostala, kto nas zawiodl y thakiemy sprawami wychowathemi *internecionem* thak cznego narodu Litewskiego umislil; moze iednak bicz thego pewien, ze *ultrix manus Dej* niewinney krwie *et non servat foederis ac iuramenti nobis* (sic). Iesli Litwa po Niemen zginie, pewnie isz za Wislą dothknie. A thak *desuper abundant*, prosze moznali rzecz a iesth W. M. *cordi*, izbi thensam krai ubogi niezaginial, racz W. M. Pana Pissarza sthim, czo iesth na seimye postanowiono, czo narichley stą zupelną summan thrzidziestą thisienczi do mnie odprawowacz, aby sie wzdi nam mogli iako thako ludzie zebracz a odpor nieprziaczielowi dacz. Sthim sie W. M. lascze pilnie swego M. pana zalecam.

Dan z Rozank, 14 *Iunij* 1573.

Chodkiewicz.

---

12. Exemplum litterarum ab haereticis Gallis ad Polonos haereticos datarum.

Cupimus fratres omnes charissimos nostro omnium nomine plurimum salvere. Quibus ingentes gratias agimus de tanta in Gallicas omnes Ecclesias afflictissimos benevolentia, vehementer precantes, ut in ea perpetuo perseuerant; quemadmodum et nos vicissim pro Christianis Polonicis Ecclesiis Deum Optimum Maximum assidue precare non desinimus. — Rogamus eosdem fratres, ut Illustres et Generosos Dominos Christianarum Polonicarum Ecclesiarum patronos humiliter nostro nomine salutent: pro quibus etiam preces fundere non desistimus, ut sanctum suum spiritum, tam necessario tempore ipsis largiatur, et potentissimum Poloniae Regnum, tum aduersus vim omnem hostilem, tum etiam inprimis contra omnem Satanae Antichristi versutiam protegat. Commendamus eisdem Illustribus et Generosis Dominis, tot nobilium procerum et reliquorum fratrum consiliis Antichristi in Gallia pro Christi nomine interfectorum existimationem, quam pseudo episcopus ille apostata tam falso et impudenter laedere ausus est, cuius improbi hominis columniosae et mendatissimae assertiones non aliunde melius, quam ex ipsis Regiis litteris et aliorum de hoc ipso facto scriptis Regis voluntate in Gallia, quibus convinci possunt, ut suo ipsorum testimonio periniusti homines redarguantur.—Quod ad rem ipsam attinet, valde quidem optaremus illa posse impetrari, quae a Rege Gallo postulare instituerunt, ut hac ratione utrique Regno et quidem inprimis gloriae Dei Opt. Max. consuleretur. Sed nihil tale, immo contraria omnia ab iis expectanda sunt, quibus semel constitum et irrevocabiliter decretum est, sui ipsius potius ruina et excidio patriam obruere, quam pati, ut regnum Dei obtineat. Neque id vero isti apostatae ignotum est, qui certe non eo consilio haec proponit, quasi illa impetrari ulla ex parte possint, sed duntaxat, ut hoc obiecto fumo, abrumpat aliorum competitorum conatus et quoquomodo efficiat, ut sui domini ratio istis Comitiis habeatur. — Denique ut abiecto isto impedimento, dum res prorogatur, aditum aliquem novis artibus et technis sibi patefaciat. Itaque fortassis eo usque devenietur, ut istorum quoque impetrandorum spes fiat. Verum hoc sciant

fratres: tum demum istis maxime diffidendum esse, quum omnia promittunt, quibuscunque verbis et cautionibus utantur. — Quam grave sit nobis ista scribere, potest satis intelligi. Sed absit, ut eos nobiscum decipi patiamur. Quid amplius etiam, si quid ipsorum re ipsa genti Gallicae intercedentibus illis praestaretur; absit tamen a veris et sinceris Gallis, ut sua commoda ex aliorum excidio comparare velint.

Haec semel intelligentibus et patriae amantibus dixisse sufficiat. Dominus Deus consilia omnia Polonicae gentis dirigat et suos inprimis adversus huiusmodi principem tueatur.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ПРЕДИСЛОВІЕ V

ВВЕДЕНІЕ.

Основныя начала польской исторіи. Значеніе въ ней XI столѣтія. VII
Двухвѣковая эпоха бѣдствій. Раздробленіе государства. Монголы. Литва. Нѣмцы. IX
Возрожденіе Польши. Вѣкъ Казиміра Великаго. Подъемъ шляхты. Сближеніе съ Литвой XII
Значеніе XV вѣка въ польской исторіи. Система государствъ средней Европы. Фанатизмъ. Паны. Развитіе шляхты. . . . XVI
Реформаціонная эпоха. Религіозный переворотъ. Культурное значеніе новыхъ началъ. Характеристика двухъ Сигизмундовъ. XXI
Племенная и провинціальная рознь. Люблинская унія. Борьба сословій. Могущество шляхты. Сеймики. Паденіе королевской власти. Разочарованіе современниковъ. XXIX

ГЛАВА I.

СОСТОЯНІЕ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ ПРИ КОНЧИНѢ СИГИЗМУНДА-АВГУСТА. ПОЛЬСКІЙ ПРИМАСЪ.

Послѣднія минуты Сигизмунда-Августа. Царство камарильи . . . 3
Безпорядки при кончинѣ короля. Государственные финансы . . . 8
Матеріальное и нравственное состояніе Рѣчи Посполитой. . . . 13
Отношенія Польши къ ея окраинамъ и къ иностраннымъ державамъ. 19
Румынскій вопросъ въ исторіи Польши и Турціи. Ивонія. Юрій Ясловецкій. Николай Мелецкій 26
Задачи безкоролевья. Завѣщаніе Сигизмунда-Августа 45
Значеніе примаса въ Польшѣ. Яковъ Уханскій 50
Замыслы Якова Уханскаго. Королевна Анна Ягелловна 55

ГЛАВА II.

ВНУТРЕННЯЯ ИНТРИГА. БОРЬБА ДВУХЪ ПОЛЬШЪ

Тревога среди пановъ и шляхты. Петръ Зборовскій и его братья. Ихъ планы 63
Малая Польша. Янъ Фирлей. Краковскій съѣздъ 72
Великая Польша. Станиславъ Карнковскій. Ловицкій съѣздъ. Шляхетскій вопросъ. 84
Литовскій вопросъ. Сиротка Радзивилъ. Политика Литовцевъ. . . 91
Начало борьбы двухъ Польшъ. Янъ Дмитрій Соликовскій. Вопросъ о сеймикахъ. Отвѣтъ Литвы на призывъ обѣихъ Польшъ . . 98
Кнышинскій съѣздъ. Поведеніе Литовцевъ. Янъ Ходкѣвичъ. Измѣна Петра Зборовскаго Малой Польшѣ. 106
Волненія шляхты въ Великой Польшѣ. Ея сеймики. Николай Коссобуцкій и Петръ Мышковскій. Поступки примаса. Съѣздъ въ Радзѣёвѣ. 116

ГЛАВА III.

ВНУТРЕННЯЯ ИНТРИГА. ПОЛЬСКОЕ СОГЛАСІЕ.

Неудачи Малой Польши. Роли Яна Фирлея въ Осѣкѣ, Яв. Уханскаго въ Волѣ и Стан. Карнковскаго въ Колѣ. 131
Кольскій сеймикъ. Какъ достигается согласіе въ Польшѣ? Съѣздъ въ Каскахъ. Назначеніе конвокаціоннаго сейма. 138
Противоположныя дѣйствія Уханскаго и Карнковскаго. Сеймики въ концѣ 1572 года. Великополяне, Мазовшане и Малополяне. . 150
Холмъ, Белзъ, Кіевъ и Волынь. Червонная Русь. Ея интересы. Ея сеймики 159
Ненависть между шляхтой и панствомъ. Защита сенаторовъ. Ссора и примиреніе Карнковскаго съ Петромъ Зборовскимъ 168
Жалобы и требованія Литвы. Съѣздъ въ Мсцибовѣ. Настроеніе Пруссаковъ. Дѣло Пршіемскаго. Опасное внѣшнее положеніе Рѣчи Посполитой. 175

ГЛАВА IV.

ЧУЖЕЗЕМНАЯ ИНТРИГА. КАНДИДАТЫ НА ПОЛЬСКІЙ ПРЕСТОЛЪ.

Европейское положеніе Польши. Отношеніе Поляковъ къ австрійской и московской кандидатурамъ. Нѣмецкій императоръ Максимиліанъ II. 183
Значеніе религіознаго начала въ вопросѣ о польскомъ престолѣ. Возрожденіе католицизма. Папа Григорій XIII. Кардиналъ Комендоне. Состояніе католичества въ Польшѣ. 195

Планъ Коммендоне. Альбертъ Ласкій. Янъ Ходкѣвичъ и Сиротка Радзивилъ въ союзѣ съ кардиналомъ. Отъѣздъ Коммендоне. Погоня за нимъ малопольскихъ депутатовъ 206
Успѣхи австрійской кандидатуры. Европейское значеніе Австріи. Ея отношенія къ Польшѣ. Агенты нѣмецкаго императора въ Рѣчи Посполитой. Гастальдъ и аббатъ Циръ. Граціани въ Вѣнѣ . . 214
Посольство императора. Розенбергъ и Перштейнъ. Положеніе Анны Ягелловны. Ея кандидатура 224
Цесарскіе послы у Великополянъ. Циръ въ Литвѣ. Неудачи императора. Памфлеты противъ него. 235

ГЛАВА V.

ЧУЖЕЗЕМНАЯ ИНТРИГА. МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО И ФРАНЦІЯ.

Историческое значеніе Москвы. Ея отношенія къ Польшѣ. Иванъ Грозный. Пересылки между Москвой, Литвой и Польшей. Ѳедоръ Воропай и отвѣтъ ему царя 245
Успѣхи московской кандидатуры. Переговоры Михаила Гарабурды съ Иваномъ Грознымъ. Поворотъ общественнаго мнѣнія въ Польшѣ и Литвѣ противъ царя 256
Историческое значеніе Франціи. Екатерина Медичи. Внутренняя и внѣшняя политика страны. Карлъ IX. Адмиралъ Колиньи и его система. 266
Отношенія Франціи къ Польшѣ. Карликъ Красовскій. Польскій проектъ. Интриги Баланьи въ Польшѣ, Шомберга въ Германіи и Франсуа Ноайля въ Турціи. 279
Братья Монлюки. Французское посольство въ Польшу. Его инструкціи. Его первоначальныя дѣйствія. Варѳоломеевская ночь. Ея вліяніе на иностранныя державы 289
Впечатлѣніе, произведенное Варѳоломеевскою ночью на Рѣчь Посполитую. Памфлеты противъ Франціи. Положеніе Жана Монлюка. Неизмѣнность французской политики. Несокрушимая энергія ея агентовъ, особенно въ Польшѣ 303
Второстепенные кандидаты на польскій престолъ. Стефанъ Баторій седмиградскій. Альбрехтъ-Фридрихъ прусскій. Іоаннъ III шведскій. Пястъ. Внутренніе безпорядки въ Рѣчи Посполитой . . 319

ГЛАВА VI.

ПЕРВЫЙ КОНВОКАЦІОННЫЙ СЕЙМЪ ВЪ ПОЛЬШѢ. РЕЛИГІОЗНЫЙ МИРЪ.

Мрачныя предзнаменованія. Характеръ посольской избы. Споръ о значеніи примаса. Волненія шляхты. Дѣло Пршіемскаго. Вопросъ

объ иностранныхъ послахъ. Внѣшнія дѣла. Литовская депутація. Юрій Олельковичъ слуцкій. 330
Борьба по поводу мѣста и времени избирательнаго сейма. Внутреннія дѣла 346
Значеніе шляхетскаго вопроса въ избраніи короля. Янъ Замойскій. Всеобщая подача голосовъ 351
Программа избирательнаго сейма и приготовленій къ нему. . . . 361
Варшавская конфедерація. Ея религіозное значеніе. Миръ между разновѣрцами. 367
Судьба религіозной конфедераціи. Рѣшительный шагъ Як. Уханскаго. Значеніе первой конвокаціи въ Рѣчи Посполитой. Ея мятежный характеръ. 376
Два мѣсяца ожиданій. Судьба постановленій конвокаціи. Сеймики въ Шродѣ, Варшавѣ, Покршивницѣ, Прошовицахъ и Вишнѣ . . 387
Внутреннее состояніе Литвы. Съѣздъ въ Вильнѣ. 393
Судьба религіознаго мира. Иностранная интрига. Успѣхи французской кандидатуры насчетъ ея соперницъ. Новые помощники у Жана Монлюка. Коммендоне „убираетъ паруса“. Сомнѣнія въ избирательномъ сеймѣ 398

ГЛАВА VII.

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ СЕЙМЪ 1573 ГОДА. ГЕНРИХЪ АНЖУЙСКІЙ — КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ.

Избирательное поле. Споръ о порядкѣ занятій. Посольство герцога прусскаго. Гонцы изъ Литвы. Рѣчь Коммендоне. 411
Рѣчи Розенберга, Монлюка, шведскаго посольства 419
Объясненія Гарабурды. Грамоты нѣмецкихъ курфирстовъ, султана, воеводъ седмиградскаго и молдавскаго. Судьба иностранныхъ пословъ. Ихъ послѣднія интриги. Успѣхи Монлюка 428
Дѣло Пршемскаго. Требованія Курляндіи, Помераніи, Брауншвейга и Голштиніи. Пріѣздъ Литовцевъ и князя слуцкаго. Требованія наемниковъ. Финансовая коммиссія. 437
Дѣло о злоупотребленіяхъ при дворѣ. Мнишки. Коммиссія для разсмотра программы избранія. Вопросъ объ исправленіи законовъ. Борьба католиковъ съ протестантами. Рѣшеніе Литовцевъ . . 445
Генриховы Статьи. Ихъ оцѣнка и судьба 453
Открытіе выборовъ. Мазовшане. Распри у Великополянъ изъ-за Пяста. Шляхта въ сенатѣ. Рафаилъ Лещинскій. „Пястъ сожженъ“. 462
Списки кандидатовъ. Торжество Франціи. „Пястъ съ бандурой“. Подвигъ Яна Замойскаго. Послѣдняя попытка протестантовъ. Рѣчи адвокатовъ соискателей престола 473

Выходка Яна Ходкѣвича противъ шведскаго короля. Петръ Зборовскій, польскіе протестанты и французскіе гугеноты 481
Отшествіе протестантовъ въ Грохово. Приготовленія къ битвѣ. Переговоры между Камнемъ и Гроховомъ. Примасъ провозглашаетъ Генриха королемъ. Буря, вызванная этимъ провозглашеніемъ. . 489
Послѣдніе споры объ условіяхъ воцаренія Генриха. *Договоръ* (Pacta Conventa). Переговоры между Камнемъ и Гроховомъ. Польская депутація. Монлюкъ. Присяга французскихъ пословъ. Молебствіе. 497
Занятія сеймовой коммиссіи. Новые споры съ Монлюкомъ. Приготовленія къ встрѣчѣ Генриха. Вѣсть объ его избраніи въ Парижѣ. Разочарованіе Поляковъ. Распри между католиками и протестантами. Впечатлѣніе, произведенное избраніемъ Генриха на Европу. — Заключеніе 505
ПРИМѢЧАНІЯ. . . . . 1—72

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Объ источникахъ и литературѣ польскаго безкоролевья 1572—1573 годовъ. 75
2. Краковское духовенство къ Николаю Кристофу Радзивилу . . 86
3. Яковъ Уханскій и Станиславъ Карнковскій къ Николаю Кристофу Радзивилу 87
4. Николай Кристофъ Радзивилъ къ своему дядѣ, воеводѣ виленскому. 88
5. Отъ того же къ тому же. 93
6. Отъ того же къ тому же. 95
7. Отъ того же къ тому же. 98
8. Отъ того же къ тому же. 99
9. Litterae capitanei Samogitiae ad episcopum Vladislaviae. . . 100
10. Отъ Ивана Баки къ Яну Ходкѣвичу 102
11. Отъ Яна Ходкѣвича къ подскарбію 103
12. Exemplum litterarum ab haereticis Gallis ad Polonos haereticos datarum. 106

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка:	*Напечатано:*	*Должно читать:*
XXVI	30	ра-	раг
7	19	реморманіи	реформаціи
25	15	литовской	ливонской
25	25	Турками	Татарами
39	26	рѣчь	Рѣчь
42	22	видѣли	видѣла
51	18	значеніе.	значеніе".
58	23	хватилась	хваталась
64	13	въ	съ
68	27	польскій	папскій
87	31	цезаря	Цезаря
96	32	Полѣсья	Подляхіи
103	13	на мѣсто	на мѣсто"
127	10	коронныя.	коронныя".
133	31	нунцій	легатъ
135	1	привести	привезти
154	27	малая	Малая
221	1	посольства	посольство
226	25	Покршивицѣ	Покршивницѣ
229	12	Краковскій	Кнышинскій
249	19	Екатеринѣ 1),	Екатеринѣ,
250	12	Москвѣ 2).	Москвѣ 1).
250	24	нихъ 3).	нихъ 2).
251	27	Ливонію.	Ливонію 3).
283	1	такъ	„такъ
292	19	Іонны	Іоанны
314	9	Польшѣ	Портѣ
319	6 и 7	маршаловъ	канцлеръ
343	25	Великое	„Великое

346	6	поборъ“	„поборъ“
378	16	польскій	кольскій
403	31	имъ“.	намъ“.
416	17	По лаконизму рѣшенія	Такому же лаконизму окончательнаго рѣшенія
457	20	рѣзко	рѣзкое
463	21	Creatur	Creator
503	22	Паны	Послы

Въ Примѣчаніяхъ:

5	21	Такъ	Петрашко
7	13	*Theiner'a*	*Theiner:* Vet. mon. Pol.
9	6	воеводства	земли
30	4	Ch.	Charrière
33	35	qui le tient	qui tient
51	23	caus	causa
54	30	fuxta	juxta
68	13	ipsa	ipse

Къ Примѣчаніямъ къ I главѣ должно прибавить слѣдующее:

[68]) *Carncovii* Epistolae, p. 1817.

[69]) *Eroel-Plater*, II, 68.

Всѣ означенныя опечатки, за исключеніемъ четырехъ, остались по независящимъ отъ Типографіи причинамъ.

Dn 350.- aut
12960/7
107075/92

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

DK 428 .7 T7

Trachevskii, Aleksandr Semenovich
Pol'skoe bezkorolev'e

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 15 10 10 009 2